

1.

Письма О. М. Бодянского.

1.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Предложеніе Ваше поручить кому либо изъ членовъ нашего Историческаго Общества въ Петербургѣ разсмотрѣть и описать двѣ рукописи, содержащія въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Васіянѣ (sic) Патрикѣевѣ и хранящіяся въ Публичной и Румянцевскаго Музея бібліотекахъ, думаю, можно будетъ, со временемъ, списавшись, привести въ дѣйство, а доставленныя свѣдѣнія передать, по принадлежности, Вамъ. Но вытребовать упомянутыя рукописи сюда нахожу весьма затруднительнымъ, особливо въ отношеніи къ первой бібліотекѣ, которая, по уставу своему, никому не можетъ сообщать ихъ на домъ, даже въ Петербургѣ.

Другое предложеніе Ваше помѣстить въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ» нѣкоторыя извлеченія изъ соч. пр. Максима и, ученика его, Зиновія, относящіяся къ владѣніямъ монастырскимъ, принимаю съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностью. Кому же, какъ не Вамъ, профессору Церковной исторіи, въ особенности преслѣдовать этотъ любопытный и въ высокой степени важный предметъ, каково дѣло Аѳонскаго ученаго и прикосновенныхъ къ нему? Если мнѣ удалось оглашеніемъ неизвѣстныхъ дотолѣ печатно бумагъ кое что сдѣлать по нему, то все таки дальнѣйшее преслѣдованіе и разработку онаго я никакъ не могу взять на себя по очень естественной причинѣ: не оно и подобное ему составляетъ главный предметъ моихъ занятій. Оно заняло меня больше своимъ отношеніемъ къ другому, болѣе обширному, вопросу, разумѣю ереси славянскихъ народовъ — предметъ, какъ извѣстно, совершенно нетронутой никѣмъ еще съ болѣе обширной точки зрѣнія. Въ Максимовомъ и Васьяновомъ дѣлѣ важно для меня сходство и родство ихъ мнѣній о вѣрѣ, церкви, іерархіи и т. п. съ такими же другихъ Славянскихъ преобразователей, потому что, дѣйствительно, не...¹⁾

¹⁾ Слово не разобрано.

брака чадородія ради обрушило гоненія и бѣдствія на головы етѣхъ мужей, но смѣлыя мысли ихъ о тогдашнемъ положеніи нашей іерархіи, мысли, тоже, взятыя ими на прокатъ у другихъ, особливо Максимомъ. Етимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы святогорець чѣмъ либо былъ обязанъ Лютеру, который, въ свою очередь, открывается, несамостоятельнымъ реформаторомъ, но искусно умѣвшимъ, какъ говорится, чужими руками огонь загребать. Повторяю, меня занимаетъ его соотношение, связь Рус(с)кихъ ересей, какъ ихъ тогда (а нѣкоторые и теперь) называли (,) съ ересями прочихъ соплеменниковъ нашихъ. Съ этою цѣлію, прежде всего, нужно намъ обнародовать самые акты, относящіеся сюда, а потомъ уже вывести изъ нихъ то, что можно вывести. Въ слѣдующей книжкѣ «Чтеній» явится продолженіе подобнаго рода актовъ: «Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. вѣка»¹⁾. Дѣло Висковатаго, являющееся намъ въ «Историч. Актахъ», изд. Археограф. Комисіи (I т.) обрывкомъ, тутъ представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое; притомъ Комисія имѣла подъ рукою неисправные списки, или лучше выдержки изъ дѣла. Можете по тому судить, съ какимъ чувствомъ приму я Ваши извлеченія о Максимѣ и Зиновіи: сдѣлайте милость, не откладываете такой благой мысли въ долгой ящикъ и тѣмъ покажите на самомъ дѣлѣ, что Вы точно имѣете желаніе быть *дѣйствующимъ* членомъ въ Обществѣ, которое избирая Васъ въ онаго, иначе и не могло думать.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою, О. Бодянской.

20. XI. 47 г. Москва.

2.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Давно уже собирался я обратиться къ Вамъ съ просьбою, но разныя обстоятельства удерживали отъ того даже до сего дне. Нынѣшнимъ лѣтомъ замышлялъ было толкнуться въ Вашу богоспасаемый погостъ и лично бить челомъ Вамъ, анъ, какъ на зло, приключилась болѣзнь, которая вотъ третій мѣсяць не хочетъ разстаться со мной. Все это заставило, наконецъ, переговорить съ Вами письменно и просить Вашего вниманія къ слѣдующей просьбѣ.

Еще 10-ть лѣтъ тому назадъ Вы помѣстили свое «Изслѣдованіе» о Кириллѣ и Мефодіи въ «Москвитянинѣ», съ выписками

¹⁾ См. «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1847, № 3, см. также за тотъ же годъ №№ 7 и 9.

изъ Житій ихъ, такъ называемыхъ, Панонскихъ. Собирая всякія извѣстія объ етѣхъ святыхъ учителяхъ нашего рода, я хотѣлъ бы имѣть етѣ житія для сличенія подъ рукою. Поэтому прошу Васъ покорнѣйше подѣлиться со мною ими, т. е. либо прислать ко мнѣ свой списокъ съ нихъ на недѣлю, либо же потрудиться кому либо поручить изъ скорописцевъ Академіи сдѣлать съ нихъ противень для меня, разумѣется, съ совершеннымъ соблюденіемъ правописанія подлинника, даже, если можно, самыхъ причудъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставьте то же самое сдѣлать и съ «Сказаніемъ Храбра о письменѣхъ». Всѣ три они напечатаны прошлымъ годомъ въ Прагѣ, но многое въ етомъ печатаніи для меня сомнительно ¹⁾. Да ужъ нѣтъ ли у васъ и «Сказанія объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго» по списку Вашей Академіи, или другому какому понадежнѣе, равно какъ и «Исповѣданіе Вѣры» Кирилла по рук. 1348 г.? Вы меня крайне обяжете сообщеніемъ етѣхъ списковъ: за взаимность готовъ отвѣчать взаимностью.

Поклонитесь, прошу Васъ покорно, Петру Симоничу ²⁾, и спросите о моемъ Изборникѣ, скоро ли увидитъ онъ свѣтъ Божій? Вотъ ужъ скоро годъ минетъ пребыванія его во искусѣ у Васъ ³⁾.

Примите мое душевное увѣреніе въ почтеніи и полной преданности къ Вамъ, Милостивый Государь, Вашего покорнѣйшаго слуги,

О. Бодянскаго.

Августа 21 дня 1853 года. Москва.

3.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Право, опять скажу Вамъ, не знаю, какъ и благодарить Васъ за Вашу добродушную услужливость ⁴⁾. Посланныя Вами: «Слово на пренесеніе мощемъ Климента» и «Съ письменѣхъ черноріизца Храбра», получены мною 10-го декабря; но

¹⁾ Въ изданіи П. У. Шафарика *Práhky drévn. písemnictví jihoslovánuv*, 1851.

²⁾ Казанскому, профессору Академіи.

³⁾ Повидимому, рѣчь идетъ объ Изборникѣ Святослава 1073 г., который приготавливался къ изданію О. М. Бодянскимъ и начало котораго по бумагамъ его было напечатано проф. А. Л. Дювернуа («Чтенія», 1882, кн. IV). Греческій подлинникъ Изборника былъ найденъ въ Коаленовой библіотекѣ въ Парижѣ. Бодянскому пришлось испытать пятилѣтнюю возню съ цензурой прежде, чѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе на печатаніе греческаго текста (см. Францевъ, Письма къ Ганкѣ, 149). Этотъ текстъ прошелъ черезъ цензуру Московской Духовной Академіи. На копии съ Коаленовскаго кодекса, хранящейся въ числѣ бумагъ Бодянскаго въ 6-кѣ Общества Истории и Др. Росс., подъ разрѣшеніемъ на печатаніе стоитъ подпись: «Московская Духовная Академія, Цензоръ, Профессоръ Протоіерей Петръ Делицынъ. № 199». 1885 г. іюня, 27 дня («Чтенія», 1905 г., стр. 621). Очевидно, въ печатаемомъ письмѣ О. М. Бодянской хлопочеть объ ускореніи академической цензуры Изборника.

⁴⁾ Срв. письмо А. В. Горскаго къ Бодянскому. «Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Р.», 1905, стр. 598 сл.

житія Мефодіева не нашлось. Я просилъ бы Васъ покорнѣйше и его приказать списать для меня, буде возможно, еще до *Святокъ*; прочее же все, т.-е., *Lectiones de ss. Cyr. et Meth.*, помѣщенные въ *Acta ss.* подъ 9-мъ и 20-мъ марта, съ самыми толкованіями отца Геншена, за исключеніемъ только второй Легенды, можно отложить до Рождественскихъ гулянокъ. Хотя эта легенда и написана Шлѣцеромъ при его Несторѣ, но, какъ замѣчаетъ Добровскій, довольно неисправно, а потому онъ выдалъ ее самъ въ Прагѣ, въ 1826-мъ году, въ исправленнѣйшемъ видѣ и съ многими, очень дѣльными, объясненіями и сличеніями. Слѣдовательно, можно и безъ нея обойтись, имѣя изданіе такого мастера и человѣка точнаго въ высшей степени. Но вотъ что просилъ бы Васъ покорнѣйше сдѣлать: нельзя ли, вмѣстѣ съ Житіемъ Мефодія, прислать и Латинскій текстъ О перенесеніи мощей Климента: «*Translatio corporis S. Clementis*», то же въ *Acta SS.* подъ 30-мъ генваря? То и другое нужны мнѣ настоятельно до *Святокъ*. Я уже писалъ Вамъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни у кого *Acta SS.*; иначе бы я не смѣлъ беспокоить Васъ; выписать же ихъ самому, для одного лишь 2 тома, было бы слишкомъ накладно, тѣмъ болѣе что полный экземпляръ стоитъ около 300 (р.?) сер. въ Антикварныхъ Каталогахъ.

Приписка на концѣ Житій Кирилла о Войтѣхѣ, присланная Вами, точь въ точь сошлась съ такой же въ моемъ спискѣ этого Житія.

Что до изданія житій Кирилла и Мефодія, сдѣланнаго Шафарикомъ, то весной я получу отъ него нѣсколько экземпляровъ въ даръ, но уже во 2-мъ, полнѣйшемъ, изданіи ¹⁾, потому что 1-е все почти усано въ княжество Сербское, прославшее ему деньги на оно. Тогда непременно доставлю Вамъ, также въ даръ, одинъ экземпляръ этого изданія, по почтѣ, или даже, можетъ быть, лично. Во всѣхъ нуждахъ Вашихъ касательно книгъ, выходящихъ у соплеменниковъ нашихъ, готовъ служить Вамъ съ особеннымъ удовольствіемъ; только извѣстите меня о томъ, что и откуда требуется Вамъ. «Другъ друга тяготы носите». Не такъ ли?

Еще разъ принося Вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за Вашу радушную взаимность, и желая Вамъ отъ цѣлаго сердца всего добраго, прошу покорнѣйше не забывать преданнѣйшаго Вамъ, Вашего искренняго почитателя и слугу

О. Бодянского.

Декабря 10 дня 1853 г. Москва.

¹⁾ Вторымъ дополнительнымъ изданіемъ *Památky* вышли въ 1873 г. подъ ред. Иосифа Иречка.

4.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Полагая, что переписка изъ Acta SS. просимаго мною уже сдѣлана давно, я осмѣливаюсь беспокоить Васъ высылкой списаннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу покорнѣйше написать мнѣ, сколько нужно выдать трудившемуся надъ тѣмъ, чтобы я тотчасъ же могъ отправить то къ Вамъ для передачи по принадлежности. Я разумѣю тутъ переписку и житіи Кирилла и Меѳодія, Похвалы или Сказанія объ обрѣтеніи Мощей Климента, вмѣстѣ съ перепиской изъ А. SS. Но если, почему либо, Вы не можете сдѣлать мнѣ послѣдняго, я прошу Васъ покорнѣйше извѣстить меня, по крайней мѣрѣ, изъ какой рукописи взяты были Вами выписки для Житія Меѳодія въ Вашей Статѣ, помѣщенной въ Москвитянинѣ 1843 года? Симъ прेमного обяжете истинно уважающаго Васъ, Вашего покорнѣйшаго слугу,

О. Бодянскаго.

Марта 15 дня 1854 года. Москва.

5.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ ¹⁾!

Наконецъ, еще послѣднее сказанье: Видѣвшися съ Вами лично, я слышалъ отъ Васъ, что въ какомъ-то спискѣ «Пророковъ съ толкованіемъ», извѣстнаго Упыря Лыхаго, найдено имя Аввакумъ, написанное глаголическими буквами ²⁾. Такъ ли оно: не обманула ли меня память моя, и гдѣ именно, если такъ, эта рукопись, какой ея №? Мнѣ очень бы хотѣлось имѣть объ етомъ вѣрное извѣстіе, чтобы не приписать открытія чужаго человекъ, который его не сдѣлалъ. Хотѣлось бы также имѣть снимокъ съ етого письма, т.е., какъ самаго имени Аввакумъ, такъ и 3-хъ—4-хъ строчекъ передъ нимъ и послѣ него, чтобъ можно было судить о вѣкѣ и языкѣ рукописи хоть сколько-нибудь приблизительно къ истинѣ.

Будьте здоровы, благополучны и потрудитесь, по возможности, удовлетворить Вашего отъ души почитателя и покорнѣйшаго къ услугамъ

О. Бодянскаго.

Октября 31 дня 1856 года. Москва.

Мой поклонъ доземный Петру Спирид. ³⁾ и Петру Симоничу ⁴⁾.

¹⁾ Начало письма не печатается. О. М. Бодянской проситъ А. В. Горскаго сдѣлать справки и рѣшить возникшія у него недоумѣнія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ изъ свято-отеческой литературы, вошедшихъ въ составъ греческаго оригинала Свято-славова Изборника 1073 г.

²⁾ Дѣйствительно, въ спискѣ Толковыхъ пророчествъ—рпк. Тр.-Серг. лавры № 89 (1547), XVI в., есть слова, написанныя глаголицей среди кирилловскаго письма.

³⁾ Профессору Делицину.

⁴⁾ Профессору Казанскому.

6.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Отъ глубины души приношу Вамъ мою благодарность за присылку образца съ списка рукописи Троицкой Сергіевой Лавры, въ которой находятся «толкованія на XVI пророковъ», съ остаткомъ глаголическаго письма. Образецъ прекрасенъ, но и цѣна тоже прекрасна; жалѣю, что карманъ мой не позволяетъ ее принять. Я обыкновенно за переписку стариннаго письма плачу своему писцу, который для меня трудится постоянно уже около 12 лѣтъ, по 25 к. сер. съ листа подлинника, а не съ полулиста. И потому, буде угодно Вашему писцу потрудиться для меня въ гулянки, я охотно дамъ ему *за листъ* подлинника по 30 к. сер. На первый разъ я желалъ бы, чтобы списаны были только «Пророки», т. е., 260 поллистовъ; а а что кромѣ ихъ еще имѣется въ етой рукописи, я просилъ бы Васъ покорнѣйше увѣдомить меня, одного ли времени по письму и ето послѣднее съ «Пророками», что именно по содержанию, и хотъ строчекъ *пять* на выдержку, дабы можно было судить объ языкѣ.

Не пожалуете ли Вы къ намъ на Святкахъ въ Бѣлокаменную? Въ такомъ случаѣ не оставите своимъ посѣщеніемъ и Вашего покорнѣйшаго слугу и искренняго почитателя

О. Бодянскаго.

Декабря 20 дня 1857 года. Москва.

Петру Спиридоньевичу и Петру Симоничу¹⁾ мой нижайшій поклонъ и благодарность за быстрое возвращеніе моихъ печатныхъ посланій къ нимъ на судъ и расправу.

7.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Сейчасъ я узналъ, что Волоколамская библіотека перенесена къ Вамъ, въ Академію. Правда ли это? Если правда позвольте мнѣ побезпокоить Васъ кое-какою просьбою. Въ 42-мъ примѣчаніи къ соч. своему: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ». Я, на стран. XXXVII-ой, замѣтилъ, что въ этой библіотекѣ по словамъ сочинителя «Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра» (стран. 199, прим. 384) находится рукопись, въ которой, подъ 14-мъ февраля: «Память и житіе блаженнаго учителя нашего Константина Философа,

¹⁾ Профессорамъ Делицыну и Казанскому.

перваго наставника Словенску языку». Какая это рукопись, не знаю; вѣроятно сборникъ, Четь-Минея, или нѣчто въ семь родѣ. Вы теперь имѣете возможность провѣрить это указаніе. Скажите, правда ли это? Если правда, не будете ли Вы такъ добры, приказать кому-либо сдѣлать для меня *списокъ* съ этого *житія*. Вы, конечно, знаете уже, что я рѣшилъ издать все, что только мнѣ извѣстно и доступно изъ памятниковъ о нашихъ апостолахъ. Уже нѣсколько списковъ напечатано, желательно было бы и этотъ списокъ присоединить къ нимъ.

Кромѣ того, въ той же библиотекѣ (Волоколамской) есть рукопись въ 8-ку, № 74, а въ ней на л. 130 «канонъ повседневный къ Господу Богу нашему о грѣсѣхъ, створенъ *Кирилломъ Философомъ*».

Тамъ же, въ Четь-Миней Геньварьской помѣщено «Слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента».

Тамъ же, рук. въ 4-ку, № 109: «Молитвенникъ» (стр. 187 и сл.), а въ немъ «Молитва Кирилла Философа, учителя Словеномъ и Болгаромъ».

Тамъ же, рук. въ 4-ку, № 315, «Сборникъ», л. 115, а въ немъ (отрывокъ изъ поученія) *Кирилла Философа*» (строчекъ съ 10-ть).

Если бы все это можно было получить мнѣ при Вашемъ обязательномъ содѣйствіи, безконечно бы обязали меня и горячее спасибо получили бъ и отъ другихъ, чтущихъ сія.

Еще послѣднее сказаніе.

Года 3—4-ре тому назадъ я безпокоилъ Васъ поручить кому-либо изъ Вашихъ студентовъ списать для меня Пророки съ толкомъ. И точно студентъ этотъ доставилъ мнѣ изъ этой рукописи нѣсколько тетрадей, только конца по сю пору, у меня нѣтъ. Нельзя ли мнѣ его имѣть? Онъ остановился на л. рѣф., гла ма...

У насъ теперь сильно возбужденъ вопросъ о публичной библиотекѣ. Начало уже сдѣлано. Какъ обыкновенно бываетъ съ русскими, и тутъ изъ огня бросаемся въ поल्या. Хотѣли бы нѣкоторые все имѣть въ одномъ мѣстѣ подъ руками, и, во имя общей пользы, обобратъ встрѣчнаго и поперечнаго. Мало по-малу дошла очередь и до библиотекы Общества Истории и Древностей. Нѣкоторые желаютъ ее слить съ публичною, другіе наоборотъ, стоятъ за права собственности. Прѣнія кипятъ, и въ слѣдующее засѣданіе (которое будетъ въ концѣ текущаго, или въ началѣ будущаго мѣсяца) положено просить всѣхъ Членовъ принесть, также и прислать, свои *мнѣнія* объ этомъ. Желательно было бы имѣть и отъ Васъ съ Казанскимъ и Смирновымъ ¹⁾ голосъ (вмѣстѣ, или отдѣльно) объ этомъ предметѣ. Я стою за старину, за самоуправленіе, за свою от-

¹⁾ Серг. Конст., профессоромъ Академіи.

дѣльную жизнь. Хорошо, дурно, все таки живется, а слившись съ великаномъ—провалишься совсѣмъ: и память Общества погибнетъ съ шумомъ. Лжемудрованіямъ конца нѣтъ. Это, моль, только перемѣна мѣста: не понравится можно и назадъ, и т. п. А забываютъ то, что тамъ совсѣмъ другое Вѣдомство, которое, какъ всякое Вѣдомство, не потерпитъ царства въ царствѣ, и что по смерти нѣсть покаянія, снявши голову по волосамъ не плачутъ. Стоитъ лишь разъ оступиться, не скоро потомъ попадешь на прямоу (? ¹⁾), и т. д., и т. д. Не требуется большихъ разсужденій при посылкѣ «Мнѣнія», можно даже и просто сказать: «Несогласенъ», или: «несогласны на перемѣщеніе».

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью Вашъ покорнѣйшій слуга

О. Бодянской.

5 ноября 1861 г. Москва.

8.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Я запоздалъ отвѣтомъ своимъ на Ваше обязательное письмо, надѣясь, вмѣстѣ съ 4-ою книжкою «Чтеній», послать его къ Вамъ. Но съ цензурой возиться—не диво провалиться и тамъ, гдѣ и въ голову никому не придетъ какой-либо провалъ. Теперь книжка выйдетъ развѣ послѣ новаго года, а обмѣняться мнѣ съ Вами парой словъ нужно безотлагательно. Итакъ прошу Васъ покорнѣйше обѣщанныя статьи изъ Волоколамской бібліотеки («Память и Житіе Константина Философа» и «Слово на перенесеніе Мощей Климента»), приказать списать для меня слово въ слово, буква въ букву; ровно съ такою же точностью дописать и «Пророки съ толкованіемъ». Симъ Вы премного обяжете Вашего искренняго почитателя и преданнѣйшаго слугу

О. Бодянского.

22 декабря 1861 г. Москва.

9.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Не знаю, какъ и благодарить Васъ за одолженіе, которое Вы такъ великодушно оказали мнѣ присылкою списка съ «Житія Кирилла Философа» и «Слова похвальнаго Климентовымъ мощемъ» изъ рукописей Волоколамскаго книгохранилища. Вы крайне меня обязали, и я отъ души радъ буду воздать Вамъ благая за благая.

¹⁾ Слово написано не разборчиво.

1-ая книга «Чтеній» на текущій годъ явится въ первыхъ числахъ марта, если только цензура не закуситъ удила.

Поклонитесь отъ меня П. С. Казанскому и скажите, что его мѣшокъ съ столбцами былъ представленъ мною въ прошлое Засѣданіе Общества (3-го февраля), которое его благодарить; но кто-то возмется за разборъ ихъ?

Съ совершеннымъ уваженіемъ и полною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Февраля 25-го дня 1862 г. Москва.

О. Бодянскій.

10.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Вамъ уже, безъ сомнѣнія, извѣстно изъ послѣдней книжки «Чтеній» о собраніи извѣстій, относящихся до дѣятельности у Славянъ Кирилла и Меѳодія, предпринятомъ мною. Въ предисловіи къ нему я обращаюсь съ усердною просьбою ко всѣмъ, имѣющимъ что-либо письменнаго о нихъ. А какъ и у Васъ есть одинъ списокъ Житія Меѳодія въ «Четь-Минеи Московской Духовной Академіи» подъ 6-мъ Апрѣля № 94-го, стр. 105 по 115, то и прошу Васъ покорнѣйше не оставить меня имъ, равно какъ и такимъ же въ одной изъ рукописей Волоколамской библіотеки, теперь принадлежащей Вашей Академіи. Вы когда-то были такъ обязательны, что поручили списать для меня «Пророки съ толкомъ» изъ одной рукописи Московской Духовной Академіи. Къ сожалѣнію, списокъ не доведенъ переписчикомъ до конца, и я года два тому назадъ просилъ Васъ поручить кому-либо изъ студентовъ Академіи покончить. Теперь, кажется, удобнѣе всего было бы этимъ заняться на гулянкахъ. Нельзя ли же Достопочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, отыскать такого борзописца? Слѣдующее ему за трудъ я бы по первому извѣщенію отправилъ къ Вамъ. Безконечно обяжете удовольвеніемъ сихъ моихъ усерднѣйшихъ къ Вамъ прошеній.

Собираюсь каждый день къ Сергію Преподобному, да ненастье не пускаетъ.

Есмь съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію Вашъ,
Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга

22—VII. 63 г. Москва.

О. Бодянскій.

11.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Приношу Вамъ мою душевную благодарность за скорое и радужное исполненіе моей просьбы. Письмо Ваше отъ 6-го августа я получилъ на другой же день, а самые списки съ Житія Меѳодія только 12-го. Почеркъ лица не дуренъ, и потому

я бы просиль Васъ убѣдительно препоручить ему покончить перепиской и «Толкованія на Пророковъ» по рукописи Моск. Дух. Академіи, для чего препровождаю при семъ послѣднюю тетрадь перваго списчика. Послѣднему за трудъ платилъ я тогда по 30 к. сер. съ листа. Если новый писатель удовольствуется этою мздой, допустите его къ работѣ, и по окончаніи благоволите извѣстить о слѣдуемомъ ему вознагражденіи, которое немедленно постараюсь выслать по Вашему адресу, куда укажете.

Погода у насъ по прежнему изъ рукъ вонъ. Если поправится, отправлюсь поклониться Преподобному Сергію, и непременно воспользуюсь приглашеніемъ Вашимъ посѣтить Васъ, и лично еще поблагодарить за Ваше доброе расположеніе и содѣйствіе

Вашему искреннему почитателю и покорнѣйшему слугѣ

О. Бодянскому.

Августа 15 дня 1863 года. Москва.

12.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Приношу Вамъ мою глубокую душевную благодарность за споспѣшествованіе окончанію перепиской рукописи «Толковыхъ Пророковъ», полученной мною вчера во всей исправности. Трудившемуся препровождаю при семъ черезъ подавателя сего письма слѣдуемое, именно: за 20 листовъ въ 30 строкъ на страницѣ по 30 к. ср., 6 р., да за 25 листовъ въ 15—16 строкъ на стран. по 20 к. ср., 5 р., всего же 11 р. ср. Послѣднія 25 листовъ образовались изъ 50. Если бы на сихъ послѣднихъ было на страницѣ по 30 строкъ, какъ на первыхъ 20 листахъ, то и мзда была бы въ 30 к. ср. за листъ.

Съ доставившимъ мнѣ Ваше письмо студентомъ я провелъ цѣлый вечеръ, говорилъ подробно съ нимъ объ его нуждѣ, и, что только могъ, передалъ ему словесно. Мнѣ онъ показался человѣкомъ толковымъ.

Вѣроятно, Вы уже получили 3-ю книгу «Чтеній» за текущій годъ. Читайте и почитайте! Послѣдняя книга выйдетъ въ концѣ этого мѣсяца, и не отстанетъ отъ прежнихъ своимъ содержаніемъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и полною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

О. Бодянской¹⁾

Ноября 10-го 1863 г. Москва.

¹⁾ На этомъ письмѣ рукою А. В. Горскаго написано: «Уплачено Курдяеву 11 ноября 1863 г.» Курдяевъ, Павлинъ — студентъ 25-го курса (1862—1866 г.)

13.

Ваше Высокоблагословеніе,
Александръ Васильевич!

По желанію Вашему, выраженному въ письмѣ Вашемъ отъ 2-го Іюля, полученномъ мною на другой день, спѣшу доставить Вамъ, для снятія списка сочиненіе нашего незабвеннаго и безцѣннаго Архипастыря, въ то время еще Архимандрита: «Изложеніе разности между Восточною и Западною Церковію въ ученіи Вѣры». Это списано мною съ русскаго подлинника, давнымъ давно, но у кого, не помню. Въ 1859-мъ году, вздумалось было мнѣ это, вмѣстѣ съ другимъ, подобнымъ ему, помѣстить въ «Чтеніяхъ»; но, какъ сочинитель живъ и здравствовалъ, я, черезъ одного знакомаго, просилъ его просмотрѣть вновь свое сочиненіе и сказать мнѣ, угодно ли ему, что бы оно увидѣло свѣтъ Божій? Владыка такъ былъ благосклоненъ, что не только прочелъ его, но даже собственноручно, въ одномъ мѣстѣ (на стр. 3-й внизу) сдѣлалъ отъ себя примѣчаніе. Что до напечатанія, то онъ это отклонилъ, говоря, что слѣдуетъ многое въ немъ исправить, передѣлать, дополнить, особливо, что касается преданія. По моему мнѣнію было бы весьма желательно, если бы кто-либо изъ Духовенства могъ склонить Владыку къ пересмотру этого безцѣннаго Разсужденія его и пополненію. Вѣдь оно уже ходитъ въ спискахъ, даже переведено на другіе языки, стало, доступно сдѣлалось критикѣ; да и на Русскомъ видѣтъ его въ печати, рано ли, поздно, придется все таки. Лучше же было бы, если бъ это случилось въ томъ видѣ, въ какомъ ему слѣдуетъ быть по мысли его творца. Теперь же именно такое время, что оно какъ разъ въ пору. Съ одной стороны къ намъ льнутъ Англичане, съ другой Сѣвероамериканцы въ общеніе; да и Нѣмцы перестали уже, въ добрый часъ, свысока глядѣть на Православную Церковь, начинаютъ серьезно знакомиться съ нею и отдавать во многомъ и многомъ должное ей. Конечно, Вамъ извѣстно сочиненіе Пихлера: «Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient u. Occident. München, 1864—68. 2 Bde». Обратите, между прочимъ, вниманіе на § 45 (S 543 и folg.) 1-ой части и § 40 (S 743) 2-ой. Вы знаете, безъ сомнѣнія, и исторію поѣздки нашего протоіерея Васильева изъ Парижа въ Лондонъ и собесѣдованія его съ тамошними богословами и пастырями Высокой Церкви. По всему, кажется, слѣдуетъ и намъ бдѣти и достойное и съ своей стороны сотворити. А что же можетъ быть достойнѣе того, что исходитъ изъ-подъ пера

нашего Русскаго Златоуста? По минованіи нужды прошу Васъ покорнѣйше возвратить мнѣ мой списокъ.

Съ сердечнымъ уваженіемъ и полною преданностію имѣю честь пребыть, Вашего В.-Благословенія покорнѣйшимъ слугою

О. Бодянской.¹⁾

5-го Іюля, 1865 г. Москва.

14.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Предсѣдатель Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Графъ С. Г. Строгановъ, уволившись отъ всѣхъ должностей и уѣзжая на неопредѣленное время за границу для поправленія своего разстроеннаго здоровья, съ тѣмъ вмѣстѣ сложилъ съ себя и званіе Предсѣдателя въ нашемъ Обществѣ. Выборъ преемника ему предположенъ въ концѣ 2-ой недѣли Великаго поста. Почему не найдете ли Вы пожаловать лично въ Засѣданіе Общества? Если же это, по чему-либо, не удобно для Васъ, не благоволите ли прислать свой *голосъ* къ тому времени на имя сочлена Архимандрита Леонида, или же и мое, съ правомъ передачи его, по усмотрѣнію, другому? Дѣло, какъ видите, довольно важное для будущности нашего Общества.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и полною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

О. Бодянской²⁾.

9 Февраля 1874 г. Москва.

II.

Письма **Θ. И. Буслаева.**

1. (15).

Милостивый Государь!

Позвольте мнѣ имѣть честь напомнить Вамъ о себѣ Вашимъ благосклоннымъ приѣмомъ, которымъ Вы удостоили меня въ бытность мою въ Лаврѣ, года четыре тому назадъ.

¹⁾ Отвѣтъ А. В. Горскаго напечатанъ въ «Чтеніяхъ»... 1905 г., 512—513 стр.

²⁾ Въ отвѣтъ на это письмо А. В. Горскій написалъ: «Не имѣя возможности лично присутствовать въ засѣданіи Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 22-го сего февраля по случаю выборовъ въ Предсѣдателя и Вицепрезидента Общества, передаю мой голосъ, какъ Члена Общества, Его Превосходительству Осипу Максимычу Г. Бодянскому, съ правомъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію.

Ректоръ Московской Духовной Академіи

Протоіерей Александръ Горскій.

Троицкая Сергіева Лавра. 18-го февраля 1874.

Чувство благодарности и уваженіе къ Вашимъ ученымъ трудамъ побудили меня представить вамъ мое сочиненіе «О вліяніи христіанства на слав. языкъ» ¹⁾. Вы, Милостивый Государь, судья въ этомъ дѣлѣ, и я за великую честь почелъ бы себя, если бы Вы удостоили меня своими замѣчаніями. Предложенный мною вопросъ только еще затронуть, но далеко еще не разрѣшенъ. Слѣдовательно, всякое замѣчаніе Ваше послужить мнѣ поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ. Надобно обойти весь кругъ древнѣйшихъ рукописей нашихъ богослужебныхъ книгъ, чтобы окончательно опредѣлить предложенную мною тему: и я почелъ бы себя счастливымъ, еслибы въ продолженіи своей ученой дѣятельности могъ сдѣлать что-нибудь годное для этого великаго дѣла.

Осмѣливаюсь беспокоить Васъ моею покорнѣйшею просьбою, получивъ увѣренность въ Вашей снисходительной обязательности. Благоволите передать приложенный при семъ Экземпляръ моей книги Голубинскому ²⁾. Хотя не знаю его лично, но привыкъ еще съ дѣтства уважать его глубокую ученость, свѣтлый и проницательный умъ и благородство души. Прошу Васъ Милостивый Государь, засвидѣтельствовать ему отъ меня это искреннее мое чувство.

Въ случаѣ, если бы Вы оказали ко мнѣ снисхожденіе своимъ отвѣтомъ, предлагаю свой адресъ: Фодору Ивановичу Буслаеву, въ Университетъ.

Примите увѣренія въ уваженіи къ Вамъ,

Милостивый Государь,

Вашъ покорнѣйшій слуга *Ф. Буслаевъ.*

Іюля 15-го 1848 г. Москва.

2 (16).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Податель сего письма Г. Безсоновъ — нашъ первый кандидатъ нынѣшняго года, да и вообще можно сказать — такой, какихъ давно уже у насъ не бывало ³⁾. Осмѣливаюсь Вамъ рекомендовать его, въ надеждѣ, что Вы не будете на меня за то сердиться, узнавъ этого молодого человѣка. Великодушно простите, что мы иногда отнимаемъ у Васъ время, столь дорогое для науки! Что дѣлать — настоящая тому вина въ Васъ самихъ. Ученыя заслуги Ваши такъ высоко цѣнятся у насъ всѣми, что я никакъ не могъ и г. Безсонову отказать въ удо-

¹⁾ Магистерская диссертація Ф. И. Буслаева (М. 1848).

²⁾ Разумѣется Ф. А. Голубинскій.

³⁾ П. А. Безсоновъ (22 февр. 1898 г.)—извѣстный этнографъ и историкъ русской словесности, одушевленный приверженецъ московскихъ славянофиловъ.

вольствіи представить его Вамъ и просить Васъ обратить на него свое вниманіе. Впрочемъ — предупреждаю Васъ — Ваша снисходительность постоянно будетъ обязывать насъ какъ можно менѣе употреблять во зло Ваше къ намъ вниманіе: только въ томъ случаѣ мнѣ не совѣстно будетъ и еще когданибудь представить Вамъ кого изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, жаждущихъ познанія, — когда Вы вообще не будете съ ними церемониться, — т.-е. будете дѣлать такъ, чтобы они не отнимали у Васъ времени.

Благодарю васъ тысячекратно за выписку изъ Сборника о нашихъ древнихъ преданіяхъ. Она была мнѣ необходима для моего сочиненія объ эпической поэзи — которое печатается въ «Отч. Записк.» Когда выдетъ въ свѣтъ — прошу Васъ прочесть и сообщить Ваши замѣчанія. — Теперь печатаю въ Москвѣ — во 2-мъ томѣ Архива Калачева — пословицы русскія — числомъ до 3000 (не вошедшихъ въ изданіе Снегирева). Большая часть взяты изъ старинныхъ сборниковъ... Нѣтъ ли у Васъ какихъ пословицъ — старинныхъ? или поговорокъ — только старинныхъ, выписанныхъ изъ Сборниковъ? Много обяжете, если сообщите. — При пословицахъ печатается у меня и лингвистическое о нихъ разсужденіе.

Честь имѣю быть съ глубокимъ уваженіемъ Вашимъ,
Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугой

Θ. Буслаевъ.

1851 г. іюня 8 дня. Кунцево.

3(17).

Къ великому моему удовольствію узналъ я отъ Тихонравова, что Вы, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, изъявили свое согласіе на участіе въ его Журналѣ ¹⁾). Въ нашемъ небольшомъ университетскомъ кружкѣ живѣйшее сочувствіе Вашимъ личнымъ качествамъ равняется уваженію къ Вашимъ ученымъ трудамъ, по достоинству оцѣненнымъ публикою: и мнѣ, какъ челоѳку, давно уже привыкшему любить и уважать Васъ, было несказанно пріятно слышать, съ какою гордостью произносилось моими молодыми пріятелями Ваше имя въ числѣ сотрудниковъ. Повѣрьте, что одною только ученостью (какъ бы велика она ни была) нельзя добыть такого общаго сочувствія!

Посылаю Вамъ при семъ отдѣльный оттискъ моей рѣчи ²⁾ въ которой Вы, какъ знатокъ старины, не много найдете для

¹⁾ Имѣется въ виду основанное Н. С. Тихонравовымъ повременное изданіе «Лѣтописи русской литературы и древностей», просуществовавшее недолго (1859—1863). Въ изданіи принимали участіе Соловьевъ, Забѣлинь, Аванасьевъ, изъ молодыхъ — Ал. Веселовскій, А. С. Павловъ, А. Котляревскій, И. С. Некрасовъ и др.

²⁾ Разумѣется рѣчь Θ. И. Буслаева, произнесенная на университетскомъ актѣ 12 февраля 1859 г.: «О народной поэзи въ древней русской литературѣ», вошедшая во 2-ой томъ его «Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства».

себя новыхъ фактовъ, а развѣ остановитесь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, можетъ быть, не безполезныхъ для исторіи русской поэзіи. Вѣроятно, у Васъ подъ руками было много подобнаго хламу, который я—выражаясь выспреннею рѣчью Гоголя—возвелъ въ перль поэзіи. Не укажете ли Вы мнѣ чего любопытнаго по этой части? Или, можетъ быть, сами не приготовите ли для журнала г. Тихонравова?

Я вполне убѣжденъ, что можно создать *настоящую* исторію древней русской поэзіи, и для этой цѣли и въ этомъ убѣжденіи въ 1-й же № Лѣтописей далъ статью о русской поэзіи въ XI вѣкѣ.

Подробный отчетъ о Вашемъ описаніи Синод. Библиотеки у меня еще лежитъ на душѣ. Помѣшала окончанію его моя рѣчь, отнявшая у меня нѣсколько недѣль.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью честь имѣю быть готовый къ услугамъ Вашъ

Θ. Буславъ.

11 февраля 1859 г. Москва.

4 (18).

С.-Петербургъ 1860 г. Марта 23 д.

День за день откладывалъ удовольствіе писать къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Васильевичъ. Наконецъ дождался я до того, что пришлось къ дружескому посланію присовокупить официальное письмо. Что дѣлать? Петербургъ городъ официальностей.

Итакъ сначала о дѣлѣ.

По порученію Президента Академіи Наукъ Графа Блудова честь имѣю просить Вашего участія въ предпринимаемомъ Академіею изданіи Византійскихъ историковъ и историческихъ документовъ и пособій, частію въ греческомъ подлинникѣ, частію въ древнихъ славянскихъ переводахъ, буде подлинники не окажутся на лицо. Предполагается сначала издать въ исправленномъ текстѣ греческомъ съ латинскимъ переводомъ Георгія Амартола, и потомъ въ то же время, въ отдѣльномъ изданіи—собраніе писемъ и документовъ Византійскихъ Императоровъ, официальные акты и посланія греческаго духовенства и т. п.—Конечно, вся эта работа, то есть критика текста и объясненія — дѣло записныхъ академиковъ, именно: Стефана, Куника и друг. Но прежде нежели начать это дѣло, нужны соображенія для плана предстоящаго изданія, нужно имѣть свѣдѣнія о томъ, что у насъ есть интереснаго и важнаго въ рукописяхъ (особенно Синодальной Библиотеки). Къ Отцу Саввѣ тоже послано отъ меня официальное отношеніе ¹⁾. Но Вы какъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ Византійскихъ источниковъ не только у насъ въ Россіи, но и между учеными

¹⁾ См. «Хроника моей жизни», II, 512 сл.

Европейскими, безъ сомнѣнія, принесете своими указаніями значительную пользу для осуществленія этого важнаго предпріятія. Письмо Ваше объ этомъ предметѣ будетъ сообщено мною Графу Блудову. Если Васъ затруднить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, то на первый разъ достаточно будетъ и того, если въ своихъ указаніяхъ Вы изъявите желаніе объ изданіи такихъ источниковъ и документовъ, на которыхъ Вамъ уже приходилось останавливаться въ Вашихъ ученыхъ работахъ. Чѣмъ скорѣе получимъ мы отъ Васъ отзывъ по этому дѣлу, тѣмъ болѣе Вы обяжете меня и тѣмъ болѣе доставите удовольствіе Графу Блудову, который высоко цѣнитъ Ваши заслуги.

Теперь о себѣ.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ я живу совсѣмъ семействомъ своимъ въ Петербургѣ, и уже три мѣсяца читаю лекціи Государю Наслѣднику¹⁾. Я началъ съ народной русской словесности въ связи съ народностью прочихъ славянскихъ племенъ и народовъ родственныхъ. Въ исторію поэзіи я внесъ обзоръ всего русскаго быта, то есть разные обряды, свадьбы, игры, хороводы и проч. Изъ славянскихъ нарѣчій особенно заинтересовалъ Эпосъ Сербскій, изъ родственныхъ народовъ— Пѣсни Древней Эдды, изъ сосѣднихъ— Финская Калевала.

Теперь изучаемъ русскую литературу до Татарщины. Веду лекціи не по вѣкамъ, а по предметамъ и направленіямъ. Это разумнѣе и понятнѣе. Если желаете составить себѣ понятіе объ объемѣ моего курса, то судите по тому, что объ одномъ Изборникѣ Святослава 1073 г. прочтено двѣ лекціи по присланному намъ изъ Москвы оригиналу. Зато о книгахъ собственно церковнаго содержанія говорю мало: это не литературный предметъ. Потому долѣе останавливаюсь на произведеніяхъ исключительно принадлежащихъ исторіи литературы. Въ обзорѣ Древнерусск. литературы вношу значительный отдѣлъ о Византійскомъ вліяніи, и вижу въ немъ не одно Византійское, но вообще древнехристіанское, черезъ Византію къ намъ перешедшее. Какъ напр. Лимонарь, Римскій Патерикъ, Палея и Хронографы также входятъ съ нѣкоторыми любопытными подробностями.

Читаю три лекціи въ недѣлю. Наканунѣ цѣлый день пишу лекцію. Кромѣ того Августѣйшій слушатель читаетъ источники и пособія и въ мѣсяцъ два раза пишетъ сочиненія. Въ

¹⁾ О. И. Буслаевъ читалъ лекціи Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ 1859—1860 гг. Текстъ этихъ лекцій (всего 93 лекціи) напечатанъ въ журн. «Старина и Новизна, историческій сборникъ» (кн. VIII, X и XII). Объ особенностяхъ этого курса см. у А. И. Кирпичникова, «Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Росс.» за 1898 г. и у И. В. Ягича «Исторія слав. филологіи», СПб., 1910, стр. 928. Свои чтенія О. И. Буслаевъ заключаетъ такимъ общимъ выводомъ: «Итакъ необходимость въ правильномъ обученіи Русскаго народа по всѣмъ его сословіямъ и классамъ—вотъ главный и существенный результатъ, извлеченный нами изъ исторіи р. литературы».

сочиненіи разрабатывается какой-нибудь памятникъ литературы въ дополненіе къ моимъ лекціямъ.

Въ ожиданіи отъ Васъ вѣсточки остаюсь преданный Вамъ

Θ. Буслаевъ.

Мой адресъ: На Шестилавочной, въ Графскомъ переулкѣ, домъ Графовъ Строгановыхъ.

5 (19).

Ваше Высокопреподобіе
Александръ Васильевичъ!

Въ дополненіе къ сообщенному мною Вамъ списку книгъ по Археологіи, почитаю необходимымъ присовокупить слѣдующія изданія, не пришедшія тогда мнѣ въ голову:

1) Для Христіанской Символики: Twining, Symbols and emblems. London. 1852 г., стоитъ около 20 рублей.

2) Heider, Die Darstellungen der Biblia pauperum. Wien. 1863 г., около 8 рублей.

3) Piper, Ueber den christlichen Bilderkreis, Berlin. 1852 г. Дешевая брошюрка.

А есть ли у Васъ Пипера Evangelischer Kalender? Его надобно имѣть за всѣ года, потому что въ каждой книжкѣ находятся любопытныя изслѣдованія по христіанскимъ древностямъ.

Испрашивая Ваше архипастырское (sic.) благословеніе, съ глубокимъ уваженіемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть готовый къ услугамъ

Θ. Буслаевъ.

1865 г. Марта 9 дня. Москва.

6 (20).

Ваше Высокопреподобіе
Александръ Васильевичъ!

Осмѣливаюсь напомнить Вамъ о Вашей статьѣ, которую члены Общества ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Она будетъ украшеніемъ нашего Сборника, и по интересному содержанію, и по имени автора.

Нашего Сборника въ настоящее время напечатано до 22 листовъ, будетъ всего до 35 слишкомъ.

Послѣ того какъ я имѣлъ удовольствіе видѣться съ Вами, мы получили великолѣпное изданіе Лабарта: Historie des arts industriels, о которомъ я почелъ обязанностью составить рецензію, потому что ни въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій западныхъ не излагается такъ ясно и въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, какъ здѣсь, исторія Византійскаго искусства.

Такимъ образомъ, нашъ Сборникъ дастъ публикѣ все существовавшее—и по Древне-христианскому и по Византійскому искусству. Этотъ первый Сборникъ имѣетъ своимъ назначеніемъ дать, такъ сказать, Азбуку предмета.

Размысливъ основательно о Вашей статьѣ, полагаю, что настоящее ея мѣсто въ Смѣси, гдѣ помѣщаются у насъ краткія свѣдѣнія по нашей специальности. Намъ бы хотѣлось именно ею начать этотъ отдѣлъ, который уже скоро будетъ печататься,—потому что мы печатаемъ одновременно два отдѣла—Исслѣдованія—и Критику съ Смѣсью.

Итакъ убѣдительноше повторяю (просьбу?) почтить наше Общество Вашимъ просвѣщеннымъ участіемъ, и чѣмъ скорѣе Вы вышлете (на мое имя, на Сивцевомъ Вражкѣ, противъ Власія, домъ Офросимова) Вашу статью, тѣмъ скорѣе насъ обрадуете.

Вамъ, какъ члену нашего Общества, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно узнать, что дѣло о сосудахъ Антонія Римлянина приняло самый благопріятный видъ. Филимоновъ являлся къ Преосвященнѣйшему Филарету, который принялъ его милостиво и бесѣдовалъ съ нимъ, какъ ученый специалистъ. Я изумился геніальности этого необычайнаго старца, умъ котораго высшая благодать сохраняетъ отъ разрушительныхъ законовъ времени.

Испрашивая Ваше архипастырское (sic) благословеніе, честь имѣю пребывать съ глубокимъ уваженіемъ Преданный Вамъ

Федоръ Буслаевъ.

Москва.

1866 г. Янв. 10 дня.

7 (21).

Ваше Высокопреподобіе
Александръ Васильевичъ.

Несказанно обрадованный Вашимъ безцѣннымъ для меня письмомъ и посылкою Вашей статьи ¹⁾, спѣшу, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, изъяснить мою глубочайшую благодарность. 30 Января въ Засѣданіи нашего Общества я надѣюсь порадовать его Членовъ Вашимъ просвѣщеннымъ участіемъ, котораго Вы удостоиваете ихъ труды.

Прося Вашего пастырскаго благословенія, съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью честь имѣю быть Вашъ покорный слуга

Федоръ Буслаевъ.

Москва. 1866 г. Янв. 22 дня.

¹⁾ «Греческая литургія въ картинахъ и памятникахъ греческой живописи».

8 (22).

Ваше Высокопреподобіе,
Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Профессоръ Николай Кирилловичъ Соколовъ сообщилъ мнѣ, что Вы желали переговорить со мною о Маринѣ Степановичѣ Дриновѣ ¹⁾.

Принося Вамъ искреннѣйшую мою благодарность за довѣріе, котораго Вы меня удостоиваете, радуюсь счастливому случаю, что могу рекомендовать Вамъ въ лицѣ г-на Дринова одного изъ достойнѣйшихъ молодыхъ ученыхъ. Кромѣ русскаго и своего родного болгарскаго нарѣчія, онъ свободно говоритъ по-сербски и по-чешски, и, при такомъ запасѣ практическихъ свѣдѣній, онъ знаетъ основательно и другія славянскія нарѣчія теоретически на столько, что можетъ вполне руководить студентами въ переводахъ со всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Что касается до общаго образования г-на Дринова, то достаточно будетъ упомянуть, что цѣлыя пять лѣтъ провелъ онъ за границею, посѣтивъ съ ученою цѣлію, кромѣ славянскихъ земель, Францію, Италію и другія страны. Около двухъ лѣтъ провелъ въ Прагѣ.

Въ настоящее время онъ выдержалъ экзамень на Магистра Славянскихъ нарѣчій и теперь готовитъ диссертацию. Прежнія его изданія, можетъ быть, Вамъ уже извѣстны.

Почитая себя счастливымъ, что въ данномъ случаѣ могъ способствовать Вашимъ просвѣщеннымъ видамъ по вопросу о новыхъ каеэдрахъ въ Духовной Академіи, съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннѣйшей преданностью честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга

Федоръ Буслаевъ.

Москва 1871 г. Марта 1 дня.

III.

Письмо А. Ѳ. Гильфердинга.

(23).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Помня благосклонность, съ которою Вы принимали меня въ Троицкой Лаврѣ и содѣйствовали моимъ изысканіямъ, рѣшаюсь писать Вамъ вновь, чтобы просить Вашей помощи для дѣла, заслуживающаго полного Вашего сочувствія.

Митрополитъ Сербскій Михаилъ извѣстилъ меня, что онъ приступилъ къ изданію въ Бѣлградѣ богослужебныхъ правилъ въ честь святыхъ угодниковъ изъ Сербскаго и вообще

¹⁾ М. С. Дриновъ—впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета, извѣстный славистъ († 1906 г.).

Славянского народа. Въ основаніе этой книги онъ положилъ подобное изданіе, напечатанное въ прошломъ столѣтіи въ Москвѣ, но которое сдѣлалось, по его словамъ, чрезвычайно рѣдкостью у нашихъ единовѣрцевъ Славянъ. Высокопреосвященнѣйшій Михаилъ желалъ бы дополнить предпринятое имъ изданіе нѣкоторыми правилами, не вошедшими въ старый «Серблякъ» (такъ называется эта книга въ Сербскомъ народѣ), и просить меня доставить, если бы нашлось гдѣ нибудь въ Русскихъ бібліотекахъ, правило св. *Петки — Параскевы*, мощи которой почиваютъ въ Яссахъ, но которая была родомъ изъ Сербскаго народа и подвизалась между Сербами и Болгарами. Память ея празднуется 14 октября. Далѣе, Высокопреосв. Митрополитъ пишетъ слѣдующее: «Кромѣ сего я пламенно желаю въ сей книгѣ помѣстить и богослужбное правило святыхъ Славянскихъ первоучителей *Кирилла и Меводія*; но не смотря на всѣ мои старанія никакъ не могъ до сихъ поръ достать сего правила и на дняхъ изъ Константинополя получилъ извѣстіе, что тамъ не знаютъ ни Греки ни Болгаре, существуетъ ли подобное правило симъ равноапостольнымъ мужамъ. Удивительно, какъ мы Славяне холодны, если не сказать нерадивы, къ своимъ первоучителямъ, какихъ не имѣли враждебные намъ племена и народы.

Не будучи въ состояніи исполнить лично просьбу Сербскаго Митрополита, обращаюсь къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Васильевичъ. Мнѣ не нужно подкрѣплять ея фразами. Я увѣренъ, что если въ огромномъ запасѣ прочитаннаго Вами матеріала окажется то, чего желаетъ Высокопреосв. Михаилъ, Вы будете такъ добры, прикажете списать и доставите мнѣ. Издержку на вознагражденіе переписчика я охотно приму на себя. Адресовать я просилъ бы на мое имя, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ Петербургъ.

Пользуюсь съ удовольствіемъ этимъ случаемъ, чтобы вновь засвидѣтельствовать Вамъ мое глубокое уваженіе и искреннюю преданность. Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

Петергофъ, 2 Августа 1860.

IV.

Письма Н. С. Тихонравова.

1 (24).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Съ 1859 года я намѣренъ издавать журналъ, спеціально посвященный разработкѣ исторіи русской литературы и древности ¹⁾. Ваше имя уже приобрѣло себѣ громкую извѣстность

¹⁾ Имѣются въ виду «Лѣтописи русской литературы и древности».

на этомъ поприщѣ, на которое я вступаю почти какъ человѣкъ новый, со страхомъ и надеждою. Долгомъ своимъ считаю просить Вашего содѣйствія возникающему изданію и поддерживать Вашу опытностію и совѣтомъ мое предпріятіе. Если Ваши текуція занятія оставляютъ Вамъ нѣсколько минутъ, которыя Вы можете посвятить моему журналу: то я покорнѣйше прошу Васъ не отказать мнѣ въ томъ. Ученыя изслѣдованія о разныхъ вопросахъ исторіи литературы древней и новой, изданіе отрывковъ или полныхъ памятниковъ нашей письменности, критическій разборъ выходящихъ по исторіи литературы книгъ: вотъ программа моего изданія. Позвольте надѣяться, что Вы не откажетесь украсить его своими произведеніями.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Тихонравовъ ¹⁾.

Р. С. П. С. Билярскій ²⁾ просилъ меня доставить Вамъ прилагаемый экземпляръ его сочиненія.

Адресъ мой: Н. С. Тихонравову, Профессору Московск. Университета въ Университетъ.

2 (25).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Я не знаю, какъ благодарить Васъ за благосклонное согласіе принять участіе въ мсемъ изданіи. Не смѣю беспокоить Васъ изложеніемъ того, что входитъ въ составъ моего журнала и въ чемъ онъ наиболѣе нуждается; программа изданія, а еще болѣе Ваша собственная опытность скажутъ Вамъ, какого рода статьи мнѣ были бы желательны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю того времени, когда буду имѣть возможность внести въ свое изданіе Вашъ трудъ и еще съ большимъ нетерпѣніемъ — той минуты, когда получу возможность лично благодарить Васъ за Ваше снисходительное вниманіе къ новому изданію. Позвольте просить Васъ принять билетъ на полученіе моего журнала и увѣрить Васъ въ чувствахъ глубокаго уваженія, съ которыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Тихонравовъ.

¹⁾ Всѣ письма Н. С. Тихонравова, за исключеніемъ 4-го, не датированы, но изъ содержанія ихъ видно, что они относятся къ 1859—1860 гг.

²⁾ Изъ воспитанниковъ Моск. Академіи выпуска 1838 г., извѣстный ученый филологъ; ум. 1867 г.

Р. С. Журналъ будетъ Вамъ аккуратно высылаться изъ книжной лавки Н. Щепкина. Я внесъ на основаніи Вашего письма имя Ваше въ объявленіе объ изданіи моего журнала, но зная, что Вы часто печатаете анонимно, боюсь не оскорбится ли тѣмъ Ваше желаніе скрывать свое имя. Если Вамъ нѣтъ особенныхъ причинъ умалчивать о своемъ участіи въ издаваемомъ мною журналѣ, то позвольте мнѣ оставить за собою право печатно назвать Васъ своимъ сотрудникомъ.

3 (26).

Многоуважаемый Александръ Васильевичъ

Въ началѣ Іюля я предполагалъ пріѣхать въ Лавру, чтобы познакомиться съ рукописями Духовной Академіи. Зная, что Вы не всегда проводите лѣто въ Лаврѣ, я очень былъ бы Вамъ обязанъ, если бы Вы увѣдомили меня: могу ли я надѣяться на возможность заняться въ Іюлѣ рукописями академическими. Въ настоящее время, когда я оканчиваю свое сочиненіе объ отреченныхъ книгахъ, такое знакомство было бы для меня необходимо и я рассчитываю на Ваше обязательное содѣйствіе.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Н. Тихонравовъ.

4 (27).

Многоуважаемый Александръ Васильевичъ!

По пріѣздѣ въ Москву первымъ и пріятнѣйшимъ долгомъ считаю принести искреннюю благодарность Вамъ и почтеннѣйшимъ товарищамъ Вашимъ отцу Порфирію ¹⁾, Сергѣю Константиновичу и Петру Симоновичу ²⁾, за то гостепріимство и радушіе, которое было оказано мнѣ. Теплый пріемъ ученыхъ Троицкой Лавры всегда останется у меня въ памяти и мнѣ остается только желать, чтобы расположеніе Ваше и Вашихъ сослуживцевъ не покидало меня и на будущее время.

Съ полнымъ уваженіемъ и истинною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Тихонравовъ.

8 марта 1860 года.

¹⁾ Архимандритъ Порфирій (Поповъ)—инспекторъ Академіи, умеръ въ 1866 году настоятелемъ православной церкви при русскомъ посольствѣ въ Римѣ.

²⁾ Смирнову и Казанскому.

5 (28).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Къ искреннему моему сожалѣнію я не могъ навѣстить Васъ въ Ваше послѣднее пребываніе въ Москвѣ. Рѣшаюсь на бумагѣ передать Вамъ ту просьбу, которою думалъ безпокоить словесно. Не откажите удѣлить какую-либо изъ Вашихъ статей страницамъ моего журнала: уже давно привыкли всѣ видѣть въ каждой Вашей замѣткѣ или открытіе, или новую мысль. Какъ редакторъ журнала, я не могу не желать душевно видѣть въ своемъ изданіи трудъ уважаемаго мною ученаго. Такое желаніе тѣмъ болѣе во мнѣ сильно, что Ваше сочувствіе было бы и одобреніемъ того — не скажу направленія, но метода изданія, котораго я держался по возможности въ «Лѣтописяхъ».

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Н. Тихонравовъ.

6 (29).

Ваше Высокоблагословеніе!

Принося Вамъ искреннюю благодарность за содѣйствіе, оказанное при пересылкѣ мнѣ двухъ Волоколамскихъ рукописей, я по порученію Г. Попечителя Московскаго Округа ¹⁾ обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою — переслать мнѣ, если найдете возможнымъ, списокъ дублетовъ старопечатныхъ книгъ Славянскихъ. Я былъ бы искренно Вамъ признателенъ, если бы Вы поручили кому-нибудь изъ студентовъ сдѣлать эту выписку и переслали ее на мое имя.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и истинною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

Н. Тихонравовъ.

V.

Письма И. И. Срезневскаго.

1 (30).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Не такимъ путемъ, какъ теперь начинаю, думалъ я достигнуть до удовлетворенія давняго желанія моего познакомиться съ Вами. Я надѣялся, что, ѣхавши прошлою зимою, чрезъ Москву, буду имѣть возможность видѣться съ Вами и передать лично свое уваженіе къ Вамъ и свою личность на снисходи-

¹⁾ Н. В. Исаковъ.

тельный судъ Вашъ; но поспѣшая въ Петербургъ, я не могъ нисколько замедлить въ Москвѣ, и М. П. Погодину оставилъ только свое сожалѣніе объ этомъ, вмѣстѣ съ просьбою передать его Вамъ при случаѣ. — Чтоже дѣлать! Я радъ и случаемъ, который представляется теперь, просто какъ случай засвидѣтельствовать Вамъ чувство, какъ чувство читателя Вашей превосходной статьи о Кириллѣ и Мееодіи.

Случай же это вотъ какой. Сегодня, въ засѣданіи Географическаго общества, И. П. Сахаровъ напомнилъ мнѣ, что у Васъ въ библіотекѣ есть замѣчательный списокъ сказанія Храбра о письменахъ, въ которомъ нѣкоторыми выраженіями точнѣе опредѣляется время Храбра. Хоть оно достаточно видно изъ самаго содержанія слова, изъ характера вопросовъ, которые Храбрь разсматриваетъ, но все же чрезвычайно важно упоминаніе о немъ самаго Храбра. Сказаніе же Храбра мнѣ важно вотъ почему. Я предположилъ въ этомъ же мѣсяцѣ начать печатаніе изданія «Памятниковъ Славянскихъ нарѣчій и древностей съ объясненіями филологическихкими и историко-этнографическими», уже получилъ позволеніе представить въ цензуру въ корректурныхъ листахъ, уже началъ хлопоты типографскія,—и между тѣмъ въ этомъ изданіи чуть не на первомъ мѣстѣ поставилъ сказаніе Храбра, какъ важнѣйшее сказаніе о письменности древнихъ славянъ. Сослаться въ примѣчаніи на Чтенія по поводу Вашего списка, мнѣ не хотѣлось, — и вотъ я рѣшаюсь прибѣгнуть къ Вамъ, — вмѣстѣ и рекомендоваться и просить, какъ истый проситель. Но — повторяю — что же дѣлать!—Авось!—И если Вы будете снисходительны ко мнѣ, то сдѣлайте одолженіе извините меня за смѣлость просьбы и пришлите списокъ съ Вашего списка Храбра, описавши хоть кратко рукопись и время, когда она писана.

Кстати сообщаю Вамъ статьи, входящія въ первый выпускъ моего изданія: I. Остатки языка Славянскаго отъ періода до-Кирилловскаго. II. О письменахъ Славянъ: Сказаніе М. Храбра. III. Образцы древн. Ст.-Слав. нарѣчія: а) отрывки изъ Евангелія Кирилловскаго перевода; б) Слова Григорія Наз. №XI по списку Биб. Имп. Пуб. IV. Древнѣйшіе Христ. памятники Славяно-Латинскаго письма: а) Чешское Евангеліе Іоанна, б) Фрейзинген. статьи. V. Древнѣйшіе памятники чешской поэзіи. VI. Договоры князей Р. съ греками. VII. Ярославова Русская правда (краткая).—Въ виду у меня читатели нетолько ученые, сколько изучающіе древ. Славянство, а потому всѣ памятники, какіе только можно, должны печататься въ очищенномъ чтеніи, а не по одному списку буквально переписанному, и необходимы примѣчанія, которыя бы не останавливали разумнѣя смысла. Сообщая Вамъ это, прошу Вашихъ совѣтовъ и воспользуюсь ими съ такимъ

внутреннимъ самодовольствомъ, съ какимъ, идя на лекцію о Кириллѣ, беру Вашу статью.

Поручаю себя Вашему благорасположенію и повторяя свою просьбу, прошу принять увѣреніе въ истинномъ уваженіи. Имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Измаиль Срезневскій.

14 января 1848 г. С.-Пбургъ.

Адресъ: Профессору Унив. и Педагог. Инст. Изм. Иван. Срезневскому, въ С.-Пбургъ, у Вознесенья, въ домъ Шклярскаго.

2 (31).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Чувствительно благодарю Васъ за обязательное сообщеніе списка сказанія Храбра и столько же за ученые замѣчанія Ваши къ нему, изложенныя въ письмѣ Вашемъ. Пользуясь спискомъ, я не могу не пользоваться въ моемъ изданіи и ими, и поэтому прошу Васъ убѣдительно дать мнѣ на это право, по старому святому правилу *suum cuique*. Думаю, что эти замѣчанія, т. е. доказательства тому, что списокъ этотъ сдѣланъ со списка глаголическаго, и придають ему настоящую цѣну его, какъ еще одинъ узелокъ для распутыванія въ судьбахъ глаголицы. И вы конечно, замѣтили близость этого стиха со стихомъ синодальной библіотеки, изданнымъ Калайдовичемъ. Эта близость даже меня изумляетъ: они расходятся большею частію въ...¹⁾ только содержанія, а не въ строфъ выражений. Вашъ списокъ отличается отъ синодальнаго нѣкоторыми добавочными фразами.

Что касается до замѣчательнаго выраженія: «суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ», то, признаюсь, оно лишь поразило своею неумѣстностію — или, какъ бы выразиться яснѣе, — тѣмъ, что оно стоитъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы можно было ожидать его. И поразило именно потому, что все сказаніе Храбра, какъ нарочно, расположено въ частяхъ своихъ чрезвычайно стройно, такъ стройно, какъ немногія изъ нашихъ древнихъ произведеній. Помянутую фразу человѣкъ столь умный и строгій, какъ Храбръ, мнѣ кажется, долженъ былъ бы помѣстить не тамъ, гдѣ она стоитъ, а ниже послѣ обозначенія года изобрѣтенія азбуки. На теперешнемъ же мѣстѣ она мнѣ кажется или опиской писца, не потрудившагося исправить себя, или вставкой — не самому Храбру принадлежащей. Впрочемъ все это мнѣ *кажется* только — можетъ быть, отъ слишкомъ преувеличеннаго понятія о Храбрѣ, или отъ неправиль-

¹⁾ Слово не разобрано.

наго настройства моего мозга. Отъ этого, «кажется», ни мало не теряетъ для меня цѣнности Вашъ списокъ: если это и вставка, то, какъ бы ни было неудачно ея мѣсто, она, будучи сдѣлана въ старое простодушное время, сдѣлана не безъ основанія: вставлявшій могъ быть увѣренъ въ древности сочиненія Храбра по догадкѣ, достойной довѣренности или навѣрно зналъ время, когда жилъ Храбръ, изъ источниковъ, намъ не извѣстныхъ. Такую же цѣнность я придаю и слову «нынѣ», вставленному въ Савинскомъ списокѣ сказанія Храбра, переписанному мною изъ Болгаро-Серб. сборника, хранящагося въ монастырѣ Савинскомъ въ Далмаціи. Это «нынѣ» помѣщено вотъ въ какой фразѣ: *Словѣномъ единъ св. Константинъ и письма нынѣ сътвори, и кѣнигы прѣложи*. Не довѣряя вполнѣ, что эта фраза и это слово — принадлежатъ самому Храбру, я никакъ однако не отрицаю древности этого почтеннаго представителя нашей первоначальной учености, и скорѣе готовъ повѣрить слову нынѣ, чѣмъ фразѣ «суть бо еще живи», какъ отдаляющему Храбра ко времени Константина, вѣря, что Храбръ легко могъ принимать участіе въ дѣлѣ Константина.

Если Вы въ чемъ нибудь не можете согласиться со мною, то подарите меня Вашимъ откровеннымъ отзывомъ, которымъ не могу не дорожить.

При семъ честь имѣю послать 2 экземпляра моихъ изслѣдованій о богослуженіи славянъ, одинъ для Васъ, другой для того, кому Вамъ угодно будетъ передать.

Поручая ихъ благораспоряженію Вашему, и еще разъ благодаря Васъ за обязательность, имѣю честь остаться душевно почитающимъ Васъ

Измаиль Срезневскій.

15 февраля 1848 г. С.-Пбургъ.

3 (32).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Ваше письмо, сколько мнѣ ни было пріятно оно, поразило, какъ настоящей укоръ совѣсти. Вы не получали и не получаете нашихъ Извѣстій ¹⁾—Богъ знаетъ, по чьей небрежности или забывчивости. Принимая ее на себя, я смѣло могу Васъ увѣрить только въ томъ, что, когда въ Отдѣленіи было разсуждается о томъ, кому изъ нашихъ ученыхъ посылать Извѣстія, имя Ваше не было забыто. Отъ себя я высылаю только тѣмъ ученымъ, которыхъ имена не совсѣмъ извѣстны были членамъ. Ваше не таково, и вотъ почему, будучи

¹⁾ Разумѣются «Извѣстія 2-го отдѣленія Акад. Наукъ».

въ полной увѣренности, что извѣстія Вамъ посылаются, я не высылалъ ихъ Вамъ отъ себя. Какъ бы ни было, я принялъ письмо Ваше, какъ живой укоръ совѣсти. Простите меня, и примите великодушно такъ запоздалое засвидѣтельствова-ніе лучшаго уваженія къ заслугамъ Вашимъ, бѣдное въ сравненіи съ тѣмъ, что оно свидѣтельствуемъ еще болѣе теряющее свою цѣнность отъ запоздалости, но тѣмъ не менѣе искреннее.

Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 1-й томъ Извѣстій и три вышедшіе выпуска 2-го (въ двухъ экземплярахъ) были высланы Вамъ немедленно, а слѣдующіе выпуски были высылаемы тотчасъ по выходѣ. За одинъ экземпляръ 2-го тома я заплатилъ кассиру, завѣдующему этимъ, три рубля.

Принося поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, и поручая себя доброму расположенію Вашему, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Преданнымъ слугою

Измаиль Срезневскій.

15 Апр. 1853 г.

P. S. До слуха моего дошло, что въ синодальной бібліотекѣ найдены очень древнія рукописи, древнѣе Остромірова Евангелія: справедливо ли это? и что это за рукописи? съ годами на нихъ? или древніе только по догадкѣ?

Христось Воскресе!

21-е Апр.

Мелочныя домашія обстоятельства были причиною, что письмо мое нѣсколько дней пролежало на столѣ. Теперь уже Вы, конечно получили Извѣстія, которыя должны были быть къ Вамъ отправлены до праздника. Въ первомъ изъ засѣданій Отдѣленія я доложу о томъ, что Вы до сихъ поръ не получали Извѣстій, и что я позволилъ себя взять на себя ихъ пересылку къ Вамъ.

Истинно уважающій Васъ

И. Срезневскій.

4. (33).

Милостивый государь,
Александръ Васильевичъ!

Обращаюсь къ Вамъ съ усерднѣйшею просьбою.

Занимаясь составленіемъ общаго палеографическаго обзорѣнія нашихъ древнихъ памятниковъ, преимущественно отмѣченныхъ годами, я нуждаюсь на первый разъ въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о тѣхъ изъ находящихся подъ Вашою рукою, которые относятся ко временамъ до-татарскимъ. Таковы: Житіе Нифонта Лаврской бібліотеки трөфолой Синодал. би-

бліотеки 6737 года и можетъ быть еще что, что мнѣ неизвѣстно. Мнѣ нужны буквальныя списки послѣсловій, въ нихъ записанныхъ образцовыя небольшіе отрывки, а если можно и снимки (Вашиими замѣчаніями если позволите, я воспользуюсь отъ Вашего имени). Сдѣлайте милость поручите кому нибудь сдѣлать это, и прежде всего выписки изъ послѣсловій. Что будетъ стоить я съ радостью заплачу; а Ваше участіе въ этомъ дѣлѣ не могу не считать особеннымъ одолженіемъ. Я думалъ было заняться этимъ самъ подъ Вашимъ покровительствомъ въ рождественскіе праздники; но сначала работы, а потомъ и болѣзнь остановили мою поѣздку. Переносу надежду мою на лѣто; но ждате лѣта съ окончаніемъ моего краткаго обзорѣнія отчасти . . . 1) не могу, и потому позволяю себѣ утруждать Васъ.

Кстати здѣсь прибавить вопросъ о томъ лаврскомъ Евангеліи, на которомъ написано лѣто 6740: и оно было бы мнѣ къ дѣлу, если бы эта часть лѣта не была пробой пера или началомъ выписки изъ лѣтописи. Въ Вашемъ описаніи Тр.-Серг. Лавры объ этой припискѣ не безъ причины сказано такъ мало, что мнѣніе Ваше о томъ, что это Евангеліе написано не въ 6740, я угадываю только изъ того, что Вы дали ему не первое мѣсто, а второе. Если я ошибся въ догадкѣ, если Вы считаете этотъ памятникъ дѣйствительно относящимся къ началу XIII вѣка, то обяжите меня выпискою изъ него въ томъ же родѣ какъ и изъ другихъ.

Потрудитесь передать засвидѣтельствованіе моего душевнаго почтенія Петру Симоновичу ²⁾ такъ же и отъ жены и дѣтей моихъ. Мы его часто вспоминаемъ въ нашемъ кружкѣ, и между прочимъ сынъ мой Володя—какъ о родномъ; если онъ какъ нибудь забудется, то мнѣ стоитъ напомнить ему, «что скажетъ Петръ Сим. если узнаетъ это», онъ разомъ не тотъ. Когда то наконецъ Богъ приведетъ меня и къ Вамъ.

Еще потрудитесь поклониться К. И. Невоструеву.

Истинно уважающій Васъ и преданный

Измаиль Срезневскій.

5 (34).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевич!

Челомъ бью Вамъ прилагаемымъ при семь третьимъ томомъ Ученыхъ Записокъ. Очень буду радъ, если онъ хоть сколько нибудь заслужитъ одобреніе Ваше. Изъ двухъ остальныхъ экземпляровъ прошу Васъ передать душевночтимому Петру Симоновичу, достойному изслѣдователю судебъ отечественнаго образованія.

1) Слово не разобрано.

2) Казанскому—профессору Академіи.

Приношу Вамъ чувствительную благодарность за сообщеніе списка двухъ страницъ житія Нифонта,—мнѣ хотѣлось впрочемъ имѣть не снимокъ, которымъ Вы меня уже и прежде снабдили, а выписки вольнымъ современнымъ почеркомъ, только съ соблюденіемъ правописанія—и въ избѣжаніе опісокъ, т. е. пропусковъ строки въ строку. Много обяжете, если сообщите начало и часть изъ середины и конца.

Передайте, потрудитесь, искренній поклонъ отъ всѣхъ насъ незабвенному Петру Симоновичу.

Поручаю себя расположенію Вашему.

Истинно почитающій Васъ

И. Срезневскій.

17 апрѣля 1857 г. СПБ.

6 (35).

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ!

Пользуясь посылкой вновь вышедшаго тома Ученыхъ Записокъ, обращаюсь къ Вамъ съ усердною просьбой.

Новая брошюра Шафарика о глаголицѣ, доказывающая что эту азбуку изобрелъ (sic) самъ первоучитель Константинъ философъ (какъ думалъ и Григоровичъ), заставляетъ обратить вниманіе на такія обстоятельства, которыя прежде казались не слишкомъ важными, и между прочимъ на глаголич. буквы въ Кирилл. рукописяхъ позднихъ. Шафарикъ ссылается и на Вашу Лаврскую рукопись толковыхъ пророчествъ. Я читалъ эти пророчества по новому списку, сдѣланному при помощи Вашей для А. Θ. Гильфердинга, но тамъ не нашелъ глаголическихъ письменъ. Отмѣтили ихъ, вѣроятно, Вы: потому и обращаюсь къ Вашему пособию. Сдѣлайте милость, сообщите мнѣ списокъ тѣхъ словъ, гдѣ употреблены глаголическія буквы ¹⁾. Если что еще найдете полезнымъ, то будьте великодушны, обязательно сообщите. Не могу себя убѣдить, что глаголицу изобрелъ (sic) Константинъ философъ; но не могу пока и опровергнуть этого положенія, особенно по недостатку фактовъ.

Безпокая Васъ пока письмомъ, я не теряю надежды увидѣться съ Вами лично, но попозже. Хотелся мнѣ пріѣхать съ семействомъ и ознакомиться съ Вашей святыней, а вмѣстѣ видѣть Васъ и незабвеннаго для всѣхъ насъ Петра Симоновича. Потрудитесь передать ему нашъ общій поклонъ сердечнаго почтенія.

Поручая себя расположенію Вашему глубокоуважающій Васъ

22 мая 1858г. СПБ.

И. Срезневскій.

¹⁾ Это—списокъ Толковыхъ пророчествъ Троицкой лавры, XVI в., № 89 (1547). О немъ вель переписку съ А. В. Г. и Θ. М. Бодянской.

7 (36).

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Душевно благодарю Васъ за книгу Вашу, за выписки изъ пророчествъ, за письмо, всего болѣе за Вашу доброту. Не теряю надежды благодарить Васъ лично. Мы уже собираемся въ дорогу: меня задерживаютъ только корректуры. Не далѣе какъ черезъ недѣлю, кажется мы будемъ въ дорогѣ, — и изъ Москвы немедля поѣдемъ въ Лавру. Судя по Вашему расчету, мы надѣмся застать еще и Васъ и Петра Симоновича: если же паче чаянія Вы уѣдете раньше, то сдѣлайте одолженіе поручите насъ кому нибудь изъ добрыхъ, благоволивыхъ Вашихъ близкихъ, и насъ вообще и меня отдѣльно по части рукописей.

Выраженіе «ис куриловицъ» очень загадочно; но что же можетъ заставить думать, что тутъ куриловица означаетъ какую бы то ни было азбуку?

Окончаніе разговора оставляю до личнаго свиданія.

Потрудитесь передать общій нашъ привѣтъ Петру Симоновичу.

Искренно Вамъ преданный и уважающій

Изм. Срезневскій 1).

13 Іюня.

Книгу Вашу А. Х. Востокову я отдалъ сегодня въ засѣданіи, онъ приказалъ Васъ благодарить. Шафарику отошлю черезъ Гильфердинга.

8 (37).

Душевно уважаемый
Александръ Васильевичъ!

Вчера часовъ въ 9-ть мы доплелись кое какъ до Москвы, и усталые скоро заснули сномъ тружениковъ. Утро уже не раннее, а мы только что поднялись, и первыя слова, которыми мы перекинулись другъ съ другомъ, были о Лаврѣ и о Васъ, добрѣйшій Александръ Васильевичъ. Дѣтямъ странно, что передъ окнами не зелень Вашего сада, а крыши домовъ и что нельзя выбѣжать. Жена видѣла Васъ чуть не наяву: между сномъ и бдѣньемъ... Дорогою мы не разъ заговаривали о Васъ: — мы полны чувствъ признательности къ Вамъ за Ваши заботы о насъ, за Ваше доброе къ намъ расположеніе, — и

¹⁾ Годъ начинанія письма не обозначенъ, но изъ упоминанія Срезневскаго о приготовленіи съ семьей къ поѣздкѣ въ Москву и въ Троицкую лавру видно, что оно относится къ 1858 году.

потому не можемъ не думать и не говорить о Васъ. Благодаримъ Васъ, добрѣйшій Александръ Васильевичъ, отъ всего сердца.

Дѣти собираются тоже писать къ Вамъ, Чко было уже принялся; но мамаша ихъ послала отнести просфоры къ сосѣдямъ.

Цѣлю Васъ, признательный и благодарный

И. Срезневскій.

Я такъ же, добрѣйшій Александръ Васильевичъ, благодарю Васъ и, кажется, никогда не перестану благодарить за себя, дѣтей и мужа, которому Вы столько помогали въ трудахъ его, за ласку ко всѣмъ намъ, Ваше вниманіе и расположеніе. Если мы хоть на половину оставили Вамъ о себѣ воспоминаніе такое свѣтлое, какъ Вы оставили намъ, то все таки его довольно.

Дорогою мы встрѣтились съ Вас. Григ. Примѣровымъ ¹⁾, въ Пушкинѣ всѣ вмѣстѣ останавливались, и дѣло уже не шло о грамматикѣ, а больше о малинѣ, которою онъ насъ угощалъ. Сегодня Вяча какъ всталъ, сейчасъ взялся за книгу, которую Вы ему подарили, и прежде всего прочелъ заглавіе, а потомъ Вашу подпись, и послѣ уже сталъ читать.

До свиданія, добрѣйшій Александръ Васильевичъ, не забывайте насъ, Васъ любящихъ и уважающихъ душевно

Е. Срезневская.

Потрудитесь передать наше почтеніе Петру Симоновичу, Сергѣю Константиновичу (съ супругою), отцу намѣстнику, о. благочинному, о. Иларію ²⁾.

Милый Александръ Васильевичъ!

Мнѣ эта книжечка которую Вы мнѣ подарили очень понравилась, я уже четверть ее прочиталъ, а завтра можетъ и всю прочитаю. Я вчера всю дорогу сидѣлъ на козлахъ только когда мы приѣхали къ Струковымъ, то Володя сѣлъ.

Прощайте добрый Александръ Васильевичъ, Вашъ другъ Чко ³⁾. Поклонитесь Митрофану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и скажите что я въ Москвѣ.

9 (38).

27 августа 1858 г. С.-ПБ.

И еще письмо отъ насъ, добрѣйшій и искренно уважаемый Александръ Васильевичъ. Пишемъ его всѣ, всѣ вмѣстѣ,

¹⁾ Помощникъ директора Моск. Опекунск. Совѣта, магистръ шестого (1824—1828 г.) курса Моск. Академіи, въ которой состоялъ бакалавромъ съ 1828 до 1837 г.

²⁾ Какъ видно изъ помѣтки А. В. Горскаго, письмо получено имъ 18 іюня 1858 года.

³⁾ «Чко» — уменьшительное имя сына И. И. Срезневскаго — В. И. Срезневскаго.

однимъ чувствомъ привѣтствуя Васъ съ наступающимъ днемъ ангела. День этотъ мы празднуемъ издавна; теперь будемъ праздновать вдвойнѣ переносясь мыслию въ Вашу мирную обитель. Примите наше привѣтствіе съ тѣмъ же благодушіемъ, съ какимъ принимали самихъ насъ, вѣря искренности нашей памяти и признательности.

Примите и отъ меня, добрѣйшій Александръ Васильевичъ, искреннее поздравленіе и желаніе всего, всего хорошаго.

Намъ всегда пріятно вспоминать наше житъе въ Лаврѣ и Ваше доброе участіе къ намъ. Весело и слышать вѣсть о Васъ. Вчера мы получили письмо отъ Петра Симоновича и обрадовались, какъ будто увидали его самого. Пожалуйста поклонитесь ему отъ насъ, а Сергѣя Константиновича и Софью Мартыновну ¹⁾ поздравьте съ наслѣдникомъ.

Мальчики посылаютъ Вамъ на память одинъ перо, другою кожу (?), а Оля свою работу. Къ общему нашему сожалѣнію, эта работа едва ли будетъ получена Вами къ тому дню, для котораго готовилась. До свиданія, добрѣйшій Александръ Васильевичъ. Не поминайте насъ лихомъ.

Уважающая Васъ Е. Срезневская ²⁾.

10 (39).

Незабвенный

Александръ Васильевичъ!

Порученіе Академіи даетъ мнѣ поводъ написать Вамъ хоть нѣсколько строкъ. По порученію Академіи обращаюсь къ Вамъ, какъ къ члену корреспонденту. Всѣ мы, конечно, знаемъ тѣ «слова» которыя произносилъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ по разнымъ случаямъ въ текущемъ году; но не можемъ ручаться ни за полноту нашихъ знаній въ этомъ, ни увѣрены быть, что кромѣ этихъ словъ не издано было имъ ничего такого, что бы слѣдовало занести въ лѣтописи литературы прошлаго года. А между тѣмъ къ отчету по отдѣленію (составляется П. А. Плетневымъ) все это нужно.

Въ послѣднемъ засѣданіи когда объ этомъ было слово, рѣшили обратиться къ Вамъ и передали это мнѣ. Такимъ образомъ съ просьбою отъ нашего отдѣленія Академіи предстою предъ Вами—не отвергните ее. Нуженъ списокъ трудовъ

¹⁾ Смирновхъ, у которыхъ родился сынъ Сергѣй, нынѣ московскій протоіерей.

²⁾ Какъ видно изъ помѣтки А. В. Горскаго, письмо получено 27 августа 1858 г.

Е. В. текущаго года, и замѣтки краткія и содержаніе важнѣйшихъ. Очень одолжите.

Прошедшее лѣто мы провели на дачѣ за Лѣснымъ институтомъ, или какъ здѣсь говорится—въ Лѣсномъ. Было хорошо, но куда не то, что поѣздка въ прошломъ году. Одни переселенія туда и обратно и мнѣ и женѣ были очень тяжелы. Одно лучше—что здѣсь были всѣ вмѣстѣ и всѣ одинаково пользовались воздухомъ, и что притомъ братъ жены былъ тутъ же. Нѣсколько дней удалось очень хорошихъ для всѣхъ насъ; а для дѣтей всѣ дни были одинаково хороши. Я вовсе не работалъ. Гулять тоже мало гулялъ: что дѣлать, самъ не знаю. О Троицѣ и Іерусалимѣ вспоминали часто, и, разумѣется, въ этихъ воспоминаніяхъ Вы были какъ тутъ. Теперь дѣтямъ горе: по случаю пріѣзда митр. Іосифа весь церковный домъ противъ насъ очищенъ для него, и добрые наши сосѣди должны были отъ насъ удалиться.

Всѣ мы свидѣтельствуемъ Вамъ и Петру Симоновичу наше искреннее почтеніе и просимъ передать его о. Ректору.

Вамъ преданный

И. Срезневскій ¹⁾.

11 (40).

Душевноуважаемый

Александръ Васильевич!

Пользуюсь случаемъ отъѣзда къ Вамъ *Николая Ивановича Костомарова*, чтобы написать Вамъ нѣсколько словъ. И прежде всего о немъ. Онъ собирался ѣхать въ Волоколамскъ, и поѣхалъ къ Вамъ по моему совѣту, основанному на томъ, что, какъ Вы мнѣ писали, всѣ замѣчательныя (?) рукописи Волоколамскія перешли къ Вамъ. И кто же лучше Васъ можетъ и руководить *Николая Ивановича* въ ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ рукописей, для него особенно важныхъ. При помощи Вашихъ указаній, онъ воспользуется съ выгодною и рукописями Академіи и Троицкой Лавры. А на Ваше доброе содѣйствіе онъ можетъ, конечно, надѣяться.

Лѣто я странствовалъ по всѣмъ всходамъ и привезъ Вамъ много поклоновъ отъ западныхъ славянъ, особенно отъ Чеховъ. Мнѣ пріятно было узнать, что имя и труды Ваши тамъ высоко цѣнятся. Жена и дѣти Вамъ кланяются и просятъ Вашего благословенія. Присоединяюсь къ нимъ, поручая себя Вашему доброму расположенію.

12 Сент. 1860 г. СПБ.

Сдѣлайте одолженіе—потрудитесь передать наше почтеніе Отцу Ректору и всѣмъ, насъ помнящимъ.

¹⁾ Письмо безъ даты, но оно написано послѣ посѣщенія Троицкой лавры.

12 (41).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Особенное обстоятельство заставляетъ меня обратиться къ Вамъ съ просьбою.

Вамъ очень хорошо извѣстно то мѣсто въ хожденіи Богородицы по мукамъ, гдѣ упоминаются какъ боги поклоняемые Троянъ, Хорсъ, Волосъ, Перунъ. И въ вашемъ Троицкомъ древнемъ спискѣ и въ другихъ мнѣ извѣстныхъ это мѣсто испорчено. Сличая съ греческимъ текстомъ, мною теперь добытымъ, вижу, что въ спискахъ нашихъ и другое мѣсто также испорчено. А памятникъ важенъ по древности. Желая по силѣ возможности возстановить нашъ славянскій текстъ, я бы желалъ имѣть и другіе списки. У Васъ они есть, сколько мнѣ помнится, два. Сдѣлайте одолженіе прикажите мнѣ списать ихъ. Много меня обяжете этимъ, и чѣмъ скорѣе можете это быть, тѣмъ лучше.

Петру Симоновичу свидѣтельствую свое душевное почтеніе. Я напишу ему послѣ засѣданія, въ которомъ прочту его письмо. Это засѣданіе должно быть на дняхъ. Оно все откладывалось, пока не утихомирится въ нашемъ университетѣ. Немиръ (sic) этотъ наводилъ, да частью и теперь наводитъ на душу тоску, а на тѣло бездѣйственность, безсиліе, чтобы не сказать болѣе.

Испрашивая Ваше благословеніе себѣ и семьѣ своей, и свидѣтельствуя отъ всѣхъ насъ душевное почтеніе остаюсь признательнымъ

Измаиль Срезневскій.

27 окт. 1861.

13 (42).

Глубокоискренно уважаемый
Александръ Васильевичъ!

Поручаю Вашему доброму вниманію и радушному приему пріѣхавшаго къ намъ Чешскаго писателя, Осипа Ивановича Коларя. Цѣль его пріѣзда—изученіе нашего языка, литературы и отчасти древностей. Потрудитесь познакомить его съ Троицко-Сергіевской святыней и съ Духовной Академіей. Надобно, чтобы изъ его виду не ускользнула ни одна хорошая черта, и при нашей нынѣшней привычкѣ указывать на темныя стороны и не хвалить ничего, иностранцу трудно увидѣть хорошее, если ему не помогутъ люди безпристрастные и любящіе отчизну. Надобно, чтобы онъ узналъ насъ и все наше въ истинномъ свѣтѣ; потому что отъ него въ Чешской землѣ ждуть правдиваго слова о насъ и о Россіи. Я самъ собирался ѣхать съ нимъ въ Москву и къ Вамъ; но семейныя

обстоятельства разстроили мой планъ. Всѣ наши дѣти, за исключеніемъ Володи, были больны. Младшій мой мальчикъ, Борисъ, и теперь боленъ. Болѣлъ и я; боленъ и теперь—глазами, такъ что вотъ третій день ничѣмъ не могу заняться.

Потрудитесь передать нашъ общій семейный поклонъ Петру Симоновичу и его попросите за меня о Коларѣ.

Испрашивая Ваше благословеніе всему дому нашему... остаюсь преданнымъ и уважающимъ

И. Срезневскимъ.

20 іюля 1863.

14 (43).

Глубокоуважаемый
Александръ Васильевичъ!

Сколько разъ уже собирался писать къ Вамъ; но или то или другое мѣшало. Теперь помѣхи быть не можетъ: сердечная радость руководить перомъ, радость за ученое сословіе, къ которому я принадлежу вотъ уже 20 лѣтъ. Желая почтить и воспѣть великаго ученаго дѣятеля, нынѣ празднуемую университетомъ, мы соединили актъ годичный съ Карамзинскимъ и къ этому акту въ память Карамзина избрали трехъ заслуженныхъ дѣятелей на поприщѣ русской исторической науки въ степень доктора исторіи. Эти три—*Палацкій, Горскій и Милютинъ*. Самое радостное для меня въ этомъ избраніи—единодушіе: оно ясно высказываетъ наше общее сочувствіе къ наукѣ въ ея настоящемъ смыслѣ¹⁾.

Жена моя и старшія дѣти также приносятъ Вамъ поздравленіе отъ всей души. Кстати скажу: два мои сына, Володя и Вяча, уже студенты, оба филологи—и работаютъ прекрасно, усердно, подзадоривая меня къ работѣ такъ же какъ я подзадоривалъ ихъ прежде.

Благословите ихъ на честное дѣло, и вмѣстѣ съ ними нераздѣляйте и всѣхъ насъ, Васъ любящихъ и

Признательный *И. Срезневскій*²⁾.

Пп. Вѣра наша напомнила о себѣ: она кланяется Вамъ и хотѣла бы поцѣловать крестикъ Алескандра (sic) Васильевича.

(44).

Письмо А. В. Горскаго къ И. И. Срезневскому.

Достоуважаемый и любезнѣйшій
Измаилъ Ивановичъ!

Привѣтствую Васъ и Екатерину Ѳеодоровну и все ваше семейство съ радостнымъ днемъ Рождества Христова. Хри-

¹⁾ Въ концѣ 1866 года всѣ члены всѣхъ факультетовъ С.-Петербургскаго университета, при закрытой подачѣ голосовъ, *единогласно* избрали А. В. Горскаго докторомъ русской исторіи. См. объ этомъ приведенное выше (стр. 333) письмо М. И. Сухомлинова.

²⁾ Письмо безъ даты; оно, очевидно, относится къ концу 1866 года.

стось Господь насъ ради плотію младенствовавшей, да исполнить Вашъ домъ тѣмъ миромъ и радостью, какими исполнилъ Пресвятую Дѣву-Матерь и Іосифа Хранителя Своего! Низшедшій до нѣмотствованія младенческаго ко всѣмъ хотеть приблизить Себя: и я увѣренъ, что милая Вѣрочка болѣе всѣхъ насъ будетъ чувствовать радость наступающаго праздника.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій Измаиль Ивановичъ, за поздравленіе Ваше съ почетнымъ избраніемъ. Но въ этомъ случаѣ я не знаю чему болѣе дивиться, Вашему ли доброму расположенію ко мнѣ, или безусловной довѣренности Вашихъ достопочтенныхъ товарищей и сотрудниковъ, которые могли слѣдовать Вашему голосу въ избраніи. Одно для меня ясно, что выше моей заслуги такая честь и это для меня тѣмъ чувствительнѣе, что и въ будущемъ я не вижу довольно средствъ и свободы, чтобы оправдать своими трудами высокое вниманіе ученаго сословія.

Давно у меня была мысль сообщить Вамъ, на случай надобности, сдѣланныя мною замѣтки о Златоструѣ, именно указаніе, изъ какихъ словъ Златоустаго взяты поученія, собранныя въ этой рукописи. Такъ какъ рукопись эта еще занимаетъ Васъ, то я отыскалъ наконецъ мой листокъ и препровождаю къ Вамъ: не будетъ ли онъ на что нибудь Вамъ полезенъ? Указанія мои сдѣланы по Монфоконову изданію; я производилъ справки по второму выходу его, относящемуся къ 1836—1839 годамъ, но страницы выставялъ, кажется, вездѣ по первому выходу, т. е. прошедшаго столѣтія. Если мои замѣтки на что нибудь пригодятся Вамъ, я буду весьма радъ.

Душевно радуюсь, что Ваши молодые сотрудники, Вами приготовленные для продолженія трудовъ Вашихъ, радуютъ Васъ своими успѣхами. Да даруетъ имъ Господь пройти поприще общественнаго воспитанія, не потерявъ ничего добраго, чѣмъ могли они заимствоваться отъ своего...¹⁾, но умноживъ талантъ сугубо.

23 дек. 1861 года ²⁾.

15 (45).

Глубокоуважаемый

Александръ Васильевичъ!

Искренно благодарю Васъ за присылку листка съ отмѣтками словъ Іоанна Златоуста, находящимися въ Златоструѣ,

¹⁾ Два слова не разобраны.

²⁾ Подъ «почетнымъ избраніемъ» А. В-чь, очевидно, разумѣтъ въ этомъ письмѣ возведеніе его въ 1866 году С.-Петербургскимъ университетомъ въ степень доктора русской исторіи. 1861-й годъ въ письмѣ, по всей вѣроятности, означенъ ошибочно вмѣсто 1866 г. Это можно видѣть изъ слѣдующаго, 15-го письма И. И. Срезневскаго, отъ 23 янв. 1867 г., въ которомъ онъ благодарить А. В. Горскаго за присылку листка съ отмѣтками словъ Іоанна Златоуста, находящимися въ Златоструѣ, по Монфоконову изданію, т. е. ясно, что письмо Срезневскаго написано вскорѣ послѣ письма Горскаго.

по Монфоконову изданію. Не знаю только, удастся ли мнѣ имѣть подь руками Монфоконово изданіе. До сихъ поръ я пользовался изданіемъ Дуцея, и отыскалъ въ немъ болѣе трети словъ, но далеко не половину, и то послѣ тяжелой возни, особенно, если приходилось искать не цѣлаго слова, а отрывка, нравоучит. половины или заключенія. Указатели при Дуцевомъ изданіи сдѣланы кое какъ, а указаній на мѣста св. писанія въ системат. порядкѣ совсѣмъ нѣтъ. Поэтому Ваши замѣтки разомъ подвинуть мое дѣло выбора словъ и выраженій изъ Златоструя, если только я добуду Монфокона. Независимо отъ этого я хочу, если Вы мнѣ не запретите, издать указатель Златоструя съ Вашими указаніями, чтобы всякій другой могъ ими пользоваться.

На дняхъ я отдалъ для отсылки къ Вамъ два оттиска моего труда о древн. памятникахъ Рус. письма и языка, въ двухъ книгахъ. Примите одинъ изъ нихъ въ свою бібліотеку съ обычнымъ Вамъ благодушнымъ снисхожденіемъ; а другой потрудитесь передать въ бібліотеку Вашей Академіи, какъ сильное выраженіе признательности и уваженія.

Поручая себя Вашему доброму сердцу, себя въ полномъ смыслѣ слова, съ женою и дѣтьми, единично Васъ любящихъ и уважающихъ, прошу для всѣхъ одного общаго нераздѣльнаго благословенія.

Искренно преданный *И. Срезневскій*.

23 янв. 1867.

16 (46).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Академіи Наукъ предстоитъ присужденіе первой Ломоносовской преміи по Русской словесности и всѣ въ Отдѣленіи единодушно остановились въ этомъ случаѣ на томъ важномъ произведеніи нашей новой филологической литературы, въ которомъ Вы принимали съ самага начала самое живое участіе. Говорю объ Описаніи славянскихъ рукописей синодальной бібліотеки. Къ сожалѣнію, безъ Вашего содѣйствія нельзя дать нашему представленію надлежащей ходъ: надобно имѣть подь рукою и то, что напечатано или приготовлено къ печати въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Кромѣ того, хорошо было бы въ дополненіи дать мѣсто даннымъ о началѣ дѣла Описанія, объ участіи въ немъ Высокопреосвящ. владыки, и т. д. Сдѣлайте одолженіе, помогите намъ. Прошу за отдѣленіе вообще, прошу и частно за двухъ насъ съ А. Ѳ. Бычковымъ, такъ какъ мы двое будемъ докладчиками ¹⁾). Пишу

¹⁾ Отрывки И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Бычкова объ описаніи синодальныхъ рукописей напечатаны въ VII томѣ «Сборника» Академіи Наукъ.

объ этомъ и К. И. Невоструеву, но желалъ бы надѣяться на него одного.

Нынѣшнее лѣто я провелъ въ Кіевѣ и какъ въ новомъ мірѣ. Жаль было разставаться, и потомъ я жалѣлъ, что уѣхалъ, что, повинуваясь приличію, промѣнялъ Кіевъ на Антверпенъ и археологич. сѣздъ. Однимъ сгладилась безцѣльность нынѣшней моей поѣздки за границу: посѣщеніемъ выставки парижской, гдѣ собрано было много любопытныхъ древностей.

Свидѣтельствую Вамъ истинное почтеніе отъ себя, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей.

Искренно преданный *И. Срезневскій.*

27 сент. 1867 г.

17 (47).

Христось воскресе!

Глубокоуважаемый
Александръ Васильевич!

Не могу лишить себя удовольствія привѣтствовать Васъ отъ себя, жены и дѣтей съ царскою милостью: она всѣхъ насъ душевно порадовала такъ, какъ не радовало ничто подобное, меня лично касавшееся, какъ побѣда правды и истины ¹⁾).

Къ стати сообщить Вамъ нѣсколько данныхъ и о миломъ Вашемъ будущемъ славистѣ, г. Воскресенскомъ ²⁾). И его характеръ, и его усердіе достойны похвалъ. Онъ у меня бываетъ каждую субботу и даетъ отчетъ, что сдѣлалъ въ продолженіе недѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращаетъ прежде взятыя и беретъ новыя книги. Каждый почти разъ онъ приносить и какую-нибудь писанную работу. И все хочетъ идти впередъ — такъ, что мнѣ приходится иногда его сдерживать. Лѣтомъ онъ, конечно, имѣетъ право и отдохнуть на какойнибудь мѣсяць, но я не могу и не желать, чтобы онъ работалъ особенно въ лѣтніе мѣсяцы, потому что самъ я гораздо свободнѣе и могу слѣдовательно заниматься съ нимъ чаще. Изученіе живыхъ нарѣчій такъ сказать практически пойдетъ у него, безъ сомнѣнія, легко, какъ и идетъ уже, и въ этомъ отношеніи онъ достигнетъ всего возможнаго. Но все это можетъ быть достигнуемо и купцомъ, и ремесленникомъ, и ученымъ нефилологомъ, и можетъ нисколько не приблизить его къ тому, что отъ него потребуеть его будущее положеніе, какъ ученаго преподавателя. Мнѣ бы хотѣлось вдвинуть его, насколько могу,

¹⁾ 16 апрѣля 1872 года А. В. Горскому былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени при Высочайшемъ рескриптѣ. См. выше стр. 334.

²⁾ Имѣется въ виду нынѣ здравствующій почтенный профессоръ Г. А. Воскресенскій, извѣстный своими многочисленными научными трудами по славянской филологіи. Въ 1871—1873 годахъ онъ слушалъ въ Петербургѣ курсы русско-славянской филологіи подъ ближайшимъ руководствомъ И. И. Срезневскаго.

въ кругъ ученыхъ требованій и приемовъ, работъ, и для этого хотѣлось бы заняться съ нимъ лѣтомъ. Кромѣ того, чѣмъ я хотѣлъ бы быть ему полезнымъ, не мѣшаетъ ему въ слѣдующемъ году попользоваться и университетскими лекціями, которыя могутъ содѣйствовать развитію филологическаго смысла. Но объ этомъ надобно бы поговорить поболѣе, и лучше послѣ лѣта, когда будетъ положительно извѣстно, кто когда что будетъ излагать.

Потрудитесь передать мое почтеніе Петру Симоновичу, Сергѣю Константиновичу, Евгенію Евсигнѣвичу ¹⁾ и всѣмъ намъ помнящимъ.

Преданный Вамъ

Измаилъ Срезневскій.

16 апрѣля 1872.

18 (48).

Глубокоуважаемый
Александръ Васильевичъ.

Давно поджидая г. Воскресенскаго, наводя себя на мысль, ужъ не заболѣлъ ли онъ, что такъ долго не является, тѣмъ живѣе былъ обрадованъ его приходомъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и Вашимъ добрымъ письмомъ, и разными новостями о Воскресенскомъ, и его трудомъ. Перволистки сѣмянъ, Вами въ немъ посѣянныхъ, показались весело на свѣтъ Божій... Дай Богъ, чтобы и цвѣтки завязались и раскрылись также здорово. Отъ Васъ и отъ Академіи сдѣлано все для него: нельзя не желать и надѣяться, что онъ будетъ достоинъ Вашихъ заботъ...

Я переговорилъ съ нимъ наскоро обо многомъ — между прочимъ и о томъ, на чемъ бы онъ могъ сосредоточить свои занятія за границей ²⁾. Лѣтомъ пришла мнѣ въ голову мысль. Я сообщилъ ее Воскресенскому, а теперь считаю долгомъ сообщить и на Вашъ судъ, чтобы Вы рѣшили, и свое рѣшеніе, какъ окончательное, передали Воскресенскому. Будетъ для меня пріятно Ваше «да»; не будетъ непріятно и Ваше «нѣтъ», потому что въ такомъ дѣлѣ никакому эгоизму нѣтъ мѣста.

Всего приличнѣе г. Воскресенскому во время путешествія заниматься разсмотрѣніемъ и описаніемъ рукописей: это и Вы одобрили; но это разсмотрѣніе рукописей можетъ быть только внѣшнее, иначе работы будетъ на много лѣтъ. Слѣдовало бы заняться и внутренностью рукописей — только еъ какомъ нибудь одномъ направленіи, не очень трудномъ

¹⁾ Профессорамъ Казанскому, Смирнову и Голубинскому.

²⁾ Въ 1873 году проф. Г. А. Воскресенскій былъ командированъ на полтора года за границу; воспользовавшись этой командировкой, онъ посѣтилъ Берлинъ, Вѣну, Прагу, Загребъ и Бѣлградъ, на мѣстѣ изучая древніе славянскіе списки апостола.

и вмѣстѣ полезномъ для науки. Такимъ мнѣ показалось собираніе рукописнаго матеріала для рѣшенія вопроса: чѣмъ именно Славянское духовенство старалось содѣйствовать народному просвѣщенію, научному и нравственному — въ древнее ли время только, или пожалуй и попозже. Чѣмъ тѣснѣе будетъ взято время, тѣмъ лучше можно было бы охватить матеріаль и затѣмъ обдѣлать его критически. Работа была бы не только по рукописямъ, но и по печатнымъ книгамъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ, или вѣрнѣе сказать многихъ у насъ нѣтъ. Работа была бы и для ума, и для пріобрѣтенія разнообразныхъ знаній, и, сколько мнѣ кажется, не полемическая, не раздражающая ни противъ кого, ни противъ чего, не вызывающая раздраженія никакихъ партій, слѣдовательно, позволяющая трудящемуся надѣяться на помощь ученыхъ всякаго оттѣнка.

Какъ мнѣ представилось, такъ я и высказалъ, думая, что оно по силамъ г. Воскресенскому.

Еще объ одномъ дѣльцѣ считаю не лишнимъ сообщить Вамъ свое мнѣніе, уже сообщенное г. Воскресенскому. Это о выпискѣ книгъ для Академіи. Наша Академія наукъ получаетъ книги отъ Лейпц. книгопродавца Л. Фосса, который ничего не беретъ за пересылку и пересылаетъ книги и академикамъ — по ихъ назначенію. Не могла ли бы и Ваша Академія войти въ связи съ Л. Фоссомъ на опредѣленныхъ условіяхъ, поставивъ въ числѣ ихъ и то, чтобы онъ доставлялъ вамъ книги, пріобрѣтенныя г. Воскресенскимъ для Академіи и для себя? Г. Воскресенскій покупалъ бы только то, что можетъ купить дешевле, чѣмъ уступаетъ Фоссъ или чего Фоссъ достать не можетъ, и посылалъ бы ему для отправки. Вы бы получали своевременно и вѣрнѣе, чѣмъ другимъ путемъ; а г. Воскресенскій былъ бы всегда налегкѣ, что для путешественника необходимо. Черезъ г. Фосса можно получать и антикварныя книги не дороже, чѣмъ черезъ... 1) Увѣренъ, что такимъ образомъ пріобрѣтая книги, Академія сократитъ издержки. — Чтобы высказаться вполне, сообщу Вамъ и тотъ совѣтъ о книгахъ, который я далъ г. Воскресенскому. Я совѣтовалъ ему не покупать книгъ, не прямо относящихся къ славянской филологіи (языкознанію и литературѣ) и особенно очень дорогихъ безъ предварительнаго разрѣшенія Вашего. Онъ благодушно принялъ мой совѣтъ, и конечно исполнить, если Вы не найдете его излишнимъ.

Вчера г. Воскресенскій поѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ; слѣдовательно, завтра будетъ въ Берлинѣ, гдѣ и начнетъ учиться жить на чужбинѣ и сиротою, утѣшаясь только мыслию, что его не забываетъ его alma mater.

1) Слово не разобрано.

Поручая себя Вашему доброму расположенію и прося вас поклониться всѣмъ, меня знающимъ (между прочимъ и возвратившемуся Е. Е. Голубинскому ¹⁾), привезшему безъ сомнѣнія много хорошаго), свидѣтельствую отъ себя и отъ всѣхъ насъ искреннее почтеніе и преданность.

26 ноября 1873.

Вашъ читатель *И. Срезневскій*.

Сообщилъ профессоръ *Н. Туницкій*.

¹⁾ Изъ своей заграничной поѣздки въ Грецію, славянскія земли, Италію и Иерусалимъ.

ИЗЪ ПИСЬМА А. В. ГОРСКАГО отъ 18 ноября 1842 г. КЪ БРАТУ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ВЪ ПЕКИНЬ¹⁾.

«Въ истекшіе полгода мнѣ не много пришлось читать новыхъ книгъ со станковъ нѣмецкихъ. Мы все еще не установили прочныхъ сношеній съ нѣмецкими книгопродавцами; а если и запасались, то болѣе книгами необходимыми для ежедневнаго употребленія студентамъ. Только недавно получили чрезъ преосвященнаго Рижскаго (Филарета), нашего комиссіонера въ настоящее время, Нермаріон Иделера: ученый нѣмецкій сводъ открытій относительно гіероглифическаго письма древняго Египта. Предметъ, можетъ быть, любопытный для Васъ, хотя непосредственныхъ отношеній къ Китайскому письму изъ сочиненія и не видно. Здѣсь объясняются на основаніи изслѣдованій Шампольона, Розеллини, и др. различные виды таинственнаго письма и въ заключеніе предлагается рядъ правителей Египта, извѣстныхъ по Макстону и по открытымъ памятникамъ. Хотя Иделеръ и не изъ вѣрующихъ въ божественность В. Завѣтнаго откровенія однакоже результатъ ученыхъ изслѣдованій, имъ раскрываемыхъ, — въ пользу достовѣрности книгъ Моисея и др.—по соприкосновенности съ исторію Египта. И въ Германіи не часто выходятъ сочиненія, столько исполненныя учености, какъ это. Сверхъ того при немъ очень много снимковъ и надписей памятниковъ Египта. Мнѣ хотѣлось бы выписать его и для твоей любознательности.—Для меня любопытное изслѣдованіе Тафеля о Солунѣ — именно по отношенію къ славянамъ, которые въ VI столѣтіи начали нападать на его окрестности. Возможность знакомства нашихъ Апостоловъ Кирилла и Меѳодія съ языкомъ славянскимъ становится несомнѣнно очевидною, послѣ того какъ видишь всѣ окрестности Солуня наполненными покорными и непокорными славянами. Кромѣ того, приобрѣли мы нѣсколько вновь изданныхъ писаній Отеческихъ. Болѣе находилъ я пищи для своего любопытства въ пересмотрѣ и перечитываніи старыхъ книгъ нашей бібліотеки, которой съ

¹⁾ Изъ семейныхъ бумагъ проф. В. Соколова.—Влад. Васильевичъ Горскій—питомецъ Петербургской Духовной Академіи, талантливый и въ высшей степени любознательный, отправился въ качествѣ миссіонера въ Китай, гдѣ скоро и скончался.

октября я сдѣланъ хранителемъ, вмѣсто прежней секретарской должности. Еще ни разу не выходилъ я оттуда, не вынесши съ собою или новыхъ свѣдѣній, которыя давно бы слѣдовало имѣть, или самыхъ книгъ, для того чтобы болѣе познакомиться съ ними дома. Подробное разсмотрѣніе бібліотеки открываетъ съ каждымъ днемъ богатство ея книгами, необходимыми для учености богословской.

«Къ сожалѣнію, нашъ общій вкусъ въ настоящее время чуждается такихъ занятій, какъ будто боясь распространенія области богословскихъ знаній. Въ прошедшемъ столѣтіи, при заведеніи духовныхъ училищъ, посылали многихъ русскихъ духовныхъ воспитанниковъ въ нѣмецкіе университеты для довершенія образованія, и были отлично свѣдушіе пастыри въ Россійской церкви. Нынѣ боятся перепускать къ намъ и самыя книги ученыхъ нѣмцевъ. Когда мы обзаведемся своею богословскою литературою, такъ чтобы не было нужды въ иностранномъ пособіи? Да и тогда развѣ открытія въ области наукъ не должны быть общими?—Трудъ преосв. Филарета ¹⁾, который съ истинно-нѣмецкимъ терпѣніемъ занимался исторією Отцовъ, доселѣ остается еще мертвымъ капиталомъ, переходя изъ мѣста въ мѣсто и лежа то тамъ то здѣсь еще въ рукописи. Теперь идутъ по всей Россіи разысканія о литографированныхъ экземплярахъ русскаго перевода В. Завѣта, выпущенныхъ въ ваше время изъ академіи. Все найденное отбираютъ, даже рукописные списки сего перевода. Но, примѣчая изъ быстроты повсемѣстности распространенія печатныхъ и рукописныхъ списковъ нужду въ лучшемъ, вразумительнѣйшемъ переводѣ Св. книгъ, не считаютъ нужнымъ замѣнить неисправное исправнѣйшимъ».

Сообщилъ проф. *В. Соколовъ*.

¹⁾ Трудъ этотъ: «Историческое ученіе объ отцахъ Церкви», увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1859 г., т.-е. черезъ 17 лѣтъ послѣ настоящаго письма. Авторъ его—преосв. Филаретъ, впоследствии архіепископъ Черниговскій, почти товарищъ Алекс. Васильевича по Академіи (старше на одинъ курсъ), былъ сперва его наставникомъ по церковной исторіи, затѣмъ сослуживцемъ и начальникомъ и до конца жизни оставался самымъ близкимъ, искреннимъ другомъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРОФЕССОРА Н. К. СОКОЛОВА къ А. В. ГОРСКОМУ¹⁾.

Москва, 23 ноября 1860 г.

У Владыки ²⁾, по совѣту Николая Александровича ³⁾, я былъ въ три часа вечера; онъ принялъ меня благодушно и всѣ мои опасенія оказались напрасными. Прямо послѣ благословенія онъ безъ дальняго разговора спросилъ меня: «согласился ѣхать съ графомъ» ⁴⁾? Въ отвѣтъ на это я спросилъ у него разрѣшенія и благословенія. «Господь тебя благословить». Велѣлъ сказать графу Толстому ⁵⁾, чтобы онъ началъ дѣло формально и точно также отнесся бумагой къ нему. Въ заключеніе Владыка снабдилъ меня наставленіемъ: «трудись, сколько силы позволяютъ тебѣ, и береги честь академіи, въ которой ты воспитался». И мы разстались.

Позвольте изъ Россіи благодарить Васъ, Безцѣнный братецъ, за Вашу любовь ко мнѣ, за все, за все, чѣмъ я въ шесть лѣтъ пользовался отъ Васъ и при Васъ. Чѣмъ дальше я буду отъ Академіи—родной для меня,—тѣмъ дороже будутъ всѣ воспоминанія о ней; а въ ней всего дороже для меня Вы, Добрѣйшій братецъ.

¹⁾ Изъ семейныхъ бумагъ проф. В. Соколова.—Магистръ 21-го курса Московской Академіи, Николай Кириллович Соколовъ, двоюродный братъ по матери Александру В-чу Горскому, послѣ двухлѣтняго пребыванія бакалавромъ Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи, въ концѣ 1860-го года отправился за границу въ качествѣ домашняго учителя въ семьѣ графа Путятина, при чемъ отъ Академіи ему дана была командировка для изученія новой западной церковной исторіи, чтобы, по возвращеніи начать чтенія по этой, предположенный къ открытію, кафедрѣ. Съ осени 1863 г. Н. К. преподавалъ въ Академіи новую исторію западной Церкви и англійскій языкъ, а въ 1867 г. Н. К. приглашенъ былъ въ Московскій университетъ на кафедру церковнаго права, гдѣ и скончался въ 1874 г. въ званіи ординарнаго профессора, оставивъ по себѣ славу даровитаго, широко образованнаго дѣятеля въ области науки. Предлагаемыя письма относятся именно ко времени путешествія Николая Кирилловича за границу. Кое-что изъ нихъ (очень немногое) въ измѣненномъ видѣ было напечатано въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцовъ» 1862 и 1863 гг.

²⁾ Т.-е. у Высокопр. Филарета, митрополита Московскаго.

³⁾ Сергіевскаго, бывшаго впоследствіи попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Николай Александровичъ принималъ участіе въ дѣлѣ отправленія Н. К. за границу, потому что занималъ дотолѣ то мѣсто домашняго учителя у гр. Путятина, на которое поступалъ теперь Н. К. его преемникомъ.

⁴⁾ Т.-е. Путятинимъ.

⁵⁾ Александру Петровичу—оверъ-прокурору Свят. Синода.

С.-Петербургъ, 27 ноября.

Прости отчизны

Край любезный!

Поутру, по приѣздѣ, напившись чаю и оправившись съ дороги, я поспѣшилъ къ Николаю Александровичу и отъ него узналъ, что дѣло мое пошло сильно впередъ еще въ ту пору, когда я въ Москвѣ пировалъ съ друзьями. Графъ Толстой получилъ депешу изъ Москвы и прежде меня началъ дѣло. Въ пятницу въ собраніи Синода оно представлено было на разсмотрѣніе и члены утвердили на слѣдующихъ условіяхъ: меня отправляютъ на два года за границу съ тѣмъ, чтобы изучить новую церковную исторію. Для этой цѣли, оставляя меня на службѣ при Академіи, производятъ мнѣ окладъ бакалаврскаго и магистерскаго жалованья, который и выдать мнѣ за первый годъ при отправленіи. Для путешествія и обзаведенія нужными книгами и вещами, а также на проѣздъ выдать мнѣ годовой окладъ бакалаврскаго жалованья. Въ четвергъ на обѣдѣ у Государя Об.-Прокуроръ завелъ рѣчь объ этомъ дѣлѣ. Государь спросилъ о Путятинѣ. Оберъ-Прокуроръ объяснилъ ему, что онъ уѣхалъ въ Москву съ цѣлью взять себѣ по рекомендаціи Владыки учителя, что этимъ учителемъ избранъ я на вышеуказанныхъ условіяхъ. Государь согласился. Въ пятницу былъ сдѣланъ докладъ обо мнѣ; онъ подписанъ и сданъ въ Синодъ. — Вотъ мое дѣло въ пятницу. Тогда же я былъ у Филиппова и передалъ поклонъ отъ А. В.

Суббота. День разъѣздовъ и скитальчества. Всталъ, умылся, побрился и въ 10-мъ часу поѣхалъ къ графу Толстому. Графъ принялъ меня ласково, рассказалъ ходъ дѣла, какъ оно было въ Синодѣ, выразилъ надежду, что мое пребываніе за границей будетъ полезно для духовнаго образованія. Онъ еще не простился со мною и обѣщалъ прислать за мною. Отъ графа я ударился къ директору канцеляріи Св. Синода Гаевскому. Тамъ тотъ же разговоръ съ наставленіемъ поддержать выборъ графа.

Отъ Гаевскаго—въ духовно-учебное управленіе. Я сказалъ, что Его Превосходительство И. С. Гаевскій прислалъ меня,—и двери всюду отворились. Начальникъ отдѣленія провелъ меня къ казначею и отъ него съ множествомъ благожеланій я получилъ слѣдующіе мнѣ 958 рублей и расписался. Обласканный всѣми членами, я вышелъ изъ Синода, какъ собака, голодный и усталый.

Все кончено. Деньги размѣняны; паспортъ заграничный полученъ; съ графомъ Толстымъ простился, сумку, чехоль

и книги купиль. Простите, скоро ѣду и скоро долженъ кончить свое посланіе. Прошу объ одномъ: пишите ради Бога ¹⁾).

Лондонъ 1861 г. марта 12. Извините, что такъ рѣдко пишу къ Вамъ; все знакомлюсь съ Англіей и языкомъ и большую часть своего времени употребляю на изученіе послѣдняго. Конечно, не безъ удовольствія замѣчаю, что мало-помалу осваиваюсь съ рѣчью, не слыханною прежде; я начинаю понемногу понимать ее. Теперь, по крайней мѣрѣ, прибрѣлъ возможность читать Times и черезъ него получать свѣдѣнія о Россіи. Скупой на добрыя вѣсти, онъ слишкомъ подробенъ въ передачѣ дурныхъ. Дѣло польское, о которомъ Вы, конечно, уже знаете въ подробностяхъ, продолжаетъ занимать цѣлые столбцы этой огромной газеты. Всѣ мелочи передаются въ самыхъ пространныхъ разсказахъ и, конечно, не безъ преувеличеній, въ которыхъ обнаруживается всего яснѣе совершенное невѣжество Европы относительно жизни и устройства Россіи. Англія относится съ сильнымъ сочувствіемъ къ этому дѣлу и готова вѣрить, что оно кончится такъ же, какъ на Аппенинскомъ полуостровѣ. Жестокость нашей полиціи къ мученикамъ національности возбуждаетъ самыя назидательныя и горячія размышленія въ жителяхъ свободнаго и гордаго Албіона: «варвары, готтентоты, башибузуки! стрѣляютъ въ безоружныхъ жителей, бить и рѣзать въ церквахъ, оскорблять святыню храма и пр. На что это похоже?» Да, если это не вздоръ, въ чемъ я вполне убѣжденъ; стрѣляли не въ церквахъ, а на улицахъ. Но на что похоже вотъ этотъ фактъ, недавно случившійся въ Парижѣ: больной русскій челоувѣкъ, лежавшій въ французскомъ госпиталѣ, предъ смертю пожелалъ исповѣдаться и приобщиться. И что жъ? Нашего священника не допустили въ госпиталь, какъ поганого, и бѣдный умеръ, не исполнивъ своего желанія. Вишь эта религія не терпима, хуже татарской! Англія съ сочувствіемъ относится къ освобожденію крестьянъ, *slaves, serves*, какъ здѣсь называютъ ихъ; во многихъ юмористическихъ газетахъ, на манеръ нашей «Искры», помѣщаются каррикатуры на російскихъ помѣщиковъ—*masters*;—ихъ свирѣпость представляется въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ. Но сочувствуя свободѣ рабовъ нашихъ, англичане худо вѣрятъ въ успѣшное выполнение правительственныхъ проэктовъ, наравнѣ съ конституціей австрійскаго императора. Какъ-то написалъ нашъ Владыка манифестъ? И почему онъ не объявленъ? Times говоритъ,

¹⁾ Петербургское письмо, изъ котораго сдѣланы вышеприведенныя выдержки, писано Николаемъ Кирилловичемъ не къ Александру Васильевичу, а къ родному брату—Александру Кирилловичу, священнику въ Москвѣ. Мы сочли нужнымъ привести эти выдержки для выясненія обстоятельствъ отъѣзда Н. К. за границу.

что правительство боялось за нетрезвость народа во время масляницы и потому рѣшилось обнародовать въ постѣ...

Мистеръ Пальмеръ ¹⁾, о которомъ Вы, вѣроятно, слыхали и знаете его объясненія римскихъ катакомбъ, теперь занимается изученіемъ памятниковъ, относящихся къ исторіи нашей церкви. Около 40 документовъ онъ перевелъ на англійскій языкъ, списокъ которыхъ онъ показывалъ мнѣ, желая узнать, нѣтъ ли еще чего-нибудь особенно интереснаго. Особенно занимаетъ его исторія патріарха Никона, котораго жизнь онъ хотѣлъ бы изучить въ подробностяхъ и написать для публики, въ образецъ правильныхъ отношеній церковной власти къ свѣтской. Я перечислилъ ему всѣ извѣстные мнѣ документы, относящіеся къ судьбѣ Никона. Сначала онъ хотѣлъ было имѣть уже копии съ нихъ и просилъ меня объ этомъ. Но обширность самыхъ документовъ, затруднительность списыванія и т. п. внушили ему мысль побывать въ Россіи и на мѣстѣ познакомиться съ памятниками. Онъ еще прежде обращался по этому предмету къ Андрею Николаевичу, но онъ, по обыкновению, не далъ ему. Я указалъ ему на нашу академическую и синодальную бібліотеки, въ которыхъ онъ могъ бы найти довольно любопытнаго для русской церковной исторіи и для исторіи Никона. Графъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе, желая дать возможность иностранцамъ ближе познакомиться съ нашею исторіей. Онъ и мистеръ Пальмеръ просили меня обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою такого рода: если мистеръ Пальмеръ нынѣшнимъ лѣтомъ прибудетъ въ Россію, получитъ ли онъ средство и возможность и доступъ въ тѣ мѣста, гдѣ можно познакомиться съ рукописями, не встрѣтитъ ли какихъ затрудненій со стороны духовнаго начальства? Окажутъ ли ему нужное содѣйствіе въ отысканіи любопытнѣйшихъ памятниковъ и въ чтеніи болѣе затруднительныхъ изъ нихъ, т. е., можетъ ли онъ найти человѣка, который бы помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Графъ и мистеръ Пальмеръ поручили мнѣ просить объ этомъ Васъ, какъ человѣка наиболѣе знакомаго съ этимъ дѣломъ. Графъ думалъ самъ писать объ этомъ предметѣ къ нашему Владыкѣ, просить однако же Васъ отнестись объ этомъ къ митрополиту и спросить позволенія для м. Пальмера видѣть и читать рукописи книгохранилищъ, подъ его вѣдомствомъ находящихся. Они надѣются, что Вы не замедлите написать ко мнѣ отвѣтъ, и усердно просятъ объ этомъ. При семъ м. Пальмеръ считаетъ долгомъ увѣрить, что хотя онъ и католикъ, но никогда не намѣренъ злоупотреблять своими свѣдѣніями о русской Церкви, а на-

¹⁾ Ученый діаконъ англиканской Церкви В. Пальмеръ еще въ сороковыхъ годахъ приѣзжалъ въ Россію и, доказывая, что англиканство не отличается отъ православія, ходатайствовалъ о допущеніи его къ общенію въ таинствахъ. Такъ какъ церковная власть въ Россіи и Греціи не могла согласиться съ этимъ, то Пальмеръ перешелъ въ католичество.

противъ, желалъ бы и самъ узнать и другихъ познакомить съ оригинальными документами нашей церковной исторіи, въ добросовѣстномъ и толковомъ ихъ изложеніи и переводѣ. Если все это устроится къ общему желанію нашему, то м. Пальмеръ не замедлитъ нынѣшнимъ лѣтомъ прибыть въ Москву въ Академію и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ порыться въ нашихъ книжныхъ сокровищахъ. Я увѣрилъ его, что въ Васѣ, милый братецъ, онъ найдетъ самага добраго, полезнаго и любезнаго руководителя. По желанію м. Пальмера я прилагаю въ переводѣ списочекъ документовъ, какіе онъ успѣлъ собрать относительно русской Церкви. Знакомивъ Васѣ съ тѣмъ, что онъ имѣетъ, онъ желаетъ приобрѣсти важнѣйшее изъ того, чего не имѣетъ...

Получивши маленькую возможность читать книги, я подписался на два журнала церковно-историческіе: *The Ecclesiastic and Theologian*, и *The Christian Remembrancer*.— Вещь недурная...

Вотъ списочекъ памятниковъ въ переводѣ:

- 1) Свѣдѣнія о началѣ хр. въ Р., изъ сказанія о Стефанѣ Сурож.
- 2) Символъ вѣры, данный Владиміру;
- 3) Посланіе Леонтія м. К.;
- 4) Поученіе Луки Жидяты;
- 5) Посланіе м. Кіев. Іоанна;
- 6) Слово Иларіона и его же исповѣданіе вѣры;
- 7) Жизнь пр. Антонія и Феодосія, изъ Патерика;
- 8) Жизнь Никона Печерскаго, изъ Патерика;
- 9) Ц. Правила Іоанна II м. К.;
- 10) Сказаніе объ Антоніи Римлянинѣ;
- 11) Поученіе м. Никифора и его же отвѣты объ отторженіи латинянъ отъ православной церкви;
- 12) Часть завѣщанія Мономаха;
- 13) Отвѣты Нифонта Кирику;
- 14) Посланіе м. Іоанна къ папѣ Александру III;
- 15) Наставленіе попомъ Кирилла м.;
- 16) Постановленіе собора Владимірскаго;
- 17) 4 слова Серапіоновы;
- 18) Наставленіе м. Петра игумнамъ и пр.;
- 19) Наставленіе м. Алексѣя;
- 20) Жизнь пр. Сергія, соч. м. Филарета;
- 21) Нѣкоторое извлеченіе изъ сочиненій Іосифа Волоколамскаго;
- 22) Два отрывка изъ Максима Грека;
- 23) Посланіе п. Іова Грузинской церкви;
- 24) Жизнь Никона Шущерина;
- 25) Извлеченіе изъ путешествія Макарія п. Антіохійскаго;
- 26) Письмо Никона къ п. Константинопольскому, перехваченное боярами;
- 27) Три письма и нѣсколько грамотъ Никона;
- 28) Нѣчто изъ записокъ Паисія Газскаго;
- 29) грамота о низложеніи Никона, составленная соборомъ В. Патріарховъ;
- 30) Изложеніе вѣры Димитрія Ростовскаго;
- 31) Катех. наставленіе его же;
- 32) Три письма Иннокентія Пензенскаго;
- 33) Отчетъ Иннокентія Камчатскаго и Алеутскаго;
- 34) Часть сочиненія Руднева о ересяхъ и расколахъ;
- 35) Извлеченіе изъ книги Кульчинскаго, напечатанной въ Римѣ въ 1733 г., посвященной папѣ Клименту XII;
- 36) Исторія Георгія Конисскаго;
- 37) Памятники русской литературы XII в.

Вотъ и все, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ англійскихъ знаетъ о Россіи и судьбахъ ея Церкви. Нужно доставить ему средства узнать еще болѣе. Я увѣренъ, что онъ несравненно умнѣе и дѣльнѣе Андрея Николаевича написалъ бы исторію патріарха Никона, если бы познакомился со всѣми матеріалами.

Лондонъ, апрѣля 16. Станли ¹⁾, который былъ у насъ ²⁾ и съ которымъ Вы, братецъ, говорили, на-дняхъ издалъ книгу: Лекціи о восточной Церкви и о русской въ частности. На-дняхъ же я купилъ эту книгу и имѣлъ удовольствіе изъ устъ иностранца слышать похвалы нашей Академіи, нашей *alma mater*. О нашей Церкви у него четыре большихъ лекціи, въ печати занимающія около сотни страницъ. Одна лекція обнимаетъ исторію древней Церкви, какъ онъ говоритъ, до 1250 г. Другая о русской Церкви въ средніе вѣка—отъ 1250—1613 г. Третья—о патріархѣ Никонѣ. Четвертая—о Петрѣ и о новой Церкви русской. Не достало бы ни времени ни мѣста говорить мнѣ обо всемъ. Я ограничусь только новою Церковью, да и изъ нея тѣмъ, что ближе къ намъ. Въ своемъ введеніи Станли говоритъ вотъ что: «Чтеніе о русской Церкви предлагается, какъ введеніе въ ту область исторіи, которая съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ будетъ возрастать въ своемъ значеніи. Если этотъ томъ попадетъ въ руки кого-нибудь изъ тѣхъ русскихъ, гостепріимствомъ которыхъ я пользовался въ продолженіе моего пребыванія въ Москвѣ въ 1857 г., я увѣренъ они извинятъ мнѣ не только неточности въ подробностяхъ, едва ли не неизбѣжныя въ иностранцѣ, но и различіе въ общемъ взглядѣ, какимъ Западная Европа и Церковь должны смотрѣть на Церковь и государство въ Россіи. Весьма характеристическая пословица написана при входѣ въ домъ м. Платона въ лѣсахъ Троицкаго монастыря: «пусть тотъ, который идетъ сюда, не выноситъ отсюда сору, который онъ на-шелъ». (Такъ иностранцы растягиваютъ нашу трехсловную пословицу). Хотя это правило не совершенно приложимо въ отношеніи къ безпристрастному путешественнику, однакожъ я не могу не сказать, что мои главныя впечатлѣнія, вывезенныя изъ Россіи, это впечатлѣнія благодарности за братское радушіе, съ какимъ я принятъ былъ тамъ и свѣтскими и духовными. Я надѣюсь, что мои московскіе друзья, которымъ преимущественно и посвящаю эту часть моей книги, примутъ ее какъ выраженіе искренняго благожеланія Россіи въ великомъ кризисѣ ея соціальной жизни и какъ привѣтствіе въ грядущій праздникъ тысячелѣтія Имперіи». Съ начала книги, отъ ея введенія, позвольте скакнуть въ самый конецъ. О се-

¹⁾ Деканъ, профессоръ Оксфордскаго университета, одинъ изъ поборниковъ единенія англиканской Церкви съ православнымъ Востокомъ.

²⁾ Т.-е. въ Россіи.

рединѣ, если Вамъ будетъ угодно, поговорю послѣ какъ-нибудь. Вотъ Петръ, его портретъ, статуя на площади, картина основанія Петербурга, его планы цивилизовать Россію, его отношенія къ Церкви, представленные въ формѣ оппозиціи, его реформы и пр. и пр.; вотъ и старовѣры (The starovers), вотъ и табакъ съ картофелемъ, бороды, иконы, вотъ и смертный одръ Петра и передъ нимъ Теофанъ и Гавріиль—увѣщатели; далѣе рѣчь объ архіерейской присягѣ, введенной Петромъ, которая кажется очень странною иностранцу. Далѣе рѣчь объ Амвросіи, картина его смерти, а вотъ Платонъ и Филаретъ. Здѣсь нельзя не остановиться на нѣсколько времени. Вотъ что Станли говоритъ о первомъ. «Платонъ—это едва ли не единственный человѣкъ въ русской іерархіи, который пользовался [европейскою извѣстностью. Его свиданіе съ Dr. Clarke и съ Reginald Heber памятно для образованнаго англичанина; вотъ веселое въ итальянскомъ вкусѣ убѣжище, которое онъ построилъ себѣ среди прекрасныхъ лѣсовъ Троицкаго монастыря, подъ именемъ Виѣаніи; предъ нами привлекательный характеръ человѣка, стоящаго во главѣ тогдашняго грубаго (barbarian) клира московскаго. Мы видимъ его, какъ сидитъ на скамейкѣ въ своемъ саду или рощѣ, въ простой одеждѣ и соломенной шляпѣ, весело посмѣваясь надъ англичанами, не понимающими русскихъ обрядовъ, и надъ ихъ желаніемъ видѣть то, чего они не могутъ понять. Онъ былъ любимцемъ Екатерины и ея свирѣпаго сына. Портретъ его въ Виѣаніи представляетъ Платона въ минуту крайняго удивленія, когда онъ въ церкви услышалъ, что его называютъ митрополитомъ, а не архіепископомъ. Это сюрпризъ Екатерины». Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ Платонъ обрвалъ Diderot'a, который началъ свой разговоръ съ нимъ словами: «Non est Deus».—«Dixit stultus in corde suo: non est Deus»—отвѣтилъ Платонъ. Другой разсказъ о проповѣди, экспромптомъ сказанной Платономъ, по хитрому плану Екатерины ¹⁾, изъ текста: Богъ сотворилъ міръ изъ ничего. Повѣсть о размовкѣ его съ Павломъ и отношенія къ Александру. Въ заключеніе Станли говоритъ: «Платонъ по своему характеру болѣе походить на европейскихъ прелатовъ, но, несмотря на то, онъ былъ русскій душою и сердцемъ и глубоко чтимъ своими соотечественниками».

Черезъ нѣсколько строкъ, гдѣ Станли говоритъ объ Иннокентіи Камчатскомъ, его поѣздкахъ на саняхъ и верхомъ, профессоръ Оксфордскій обращается къ Филарету. «Филаретъ, почтенный митрополитъ Московскій, представляетъ, по

¹⁾ Императрица, желая испытать ораторское искусство Платона, просила его однажды прочесть за богослуженіемъ поученіе одного изъ св. отцовъ; но когда Платонъ вышелъ на амвонъ для предполагаемаго чтенія, онъ нашель на приготовленномъ для него аналоѣ пустой листъ бумаги. Митрополитъ не смутился и произнесъ прекрасное поученіе, начавъ его словами: «Богъ сотворилъ міръ изъ ничего».

крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, въ своей дѣятельности то обширное колебаніе реакціонерныхъ чувствъ, которое мы привыкли считать исключительно нашимъ англійскимъ, соединять съ Оксфордомъ или даже съ нѣкоторыми болѣе извѣстными личностями университета, но которое на дѣлѣ проникаетъ всю Европу. Какъ Визанія рисуетъ предъ нами живой образъ Платона, такъ строгая пустыня, по образцу средневѣковыхъ гермитовъ, въ тѣхъ же лѣсахъ Троицкихъ, подъ именованіемъ Геосиманіи, воспроизводитъ предъ нами истощенную, исхудалую фигуру съ яснымъ взоромъ престарѣлаго Филарета, благороднаго, свято-подобнаго (saint-like) представителя на Руси тѣхъ мыслей и практики, которыя у насъ въ Англии слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было описывать ихъ подробно. Филаретъ есть одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ въ современной русской церкви и поразительные приемы его проповѣдничества сообщаютъ его поученіямъ силу и дѣйствіе даже въ отношеніи къ тѣмъ, которые не понимаютъ его языка. Одинъ томъ ихъ переведенъ на французскій языкъ. Я очень радъ былъ имѣть случай на себѣ испытать его радужіе и привѣтливость, когда имѣлъ удовольствіе видѣть его въ Москвѣ въ 1857 г.»

Еще одинъ примѣръ въ заключеніе. Знаменитый герм. философъ Шеллингъ, разговаривая съ однимъ молодымъ русскимъ княземъ, который пришелъ слушать его лекціи, спросилъ его: знаетъ ли онъ знаменитаго профессора русскаго, и назвалъ его по имени, о которомъ князь не слышалъ. «Молодой человекъ,—сказалъ престарѣлый философъ,—стыдно Вамъ самихъ себя, что Вы ѣдете на чужбину искать просвѣщенія и не знаете, что оно у Васъ подъ руками. Изъ всѣхъ людей, теперь живущихъ, нѣтъ ни одного, столько хорошо понимающаго и способнаго такъ хорошо истолковать Вамъ ту философію, которой Вы ищете». Князь былъ настолько уменъ, что воротился и отыскалъ невѣдомаго пророка. Онъ былъ найденъ въ лицѣ приходскаго (parish) священника въ деревенкѣ Троицкой, гдѣ онъ исполнялъ обязанности профессора философіи въ существующей здѣсь Академіи. Въ этомъ монастырѣ, Оксфордѣ Россіи, Феодоръ Голубинскій жилъ и умеръ, великій знатокъ всѣхъ новѣйшихъ формъ германской мысли и speculation, уважаемый всѣми, какъ лучшее украшеніе православія. Скромный въ манерахъ, не многословный въ разговорѣ, никогда не выѣзжая изъ своего убѣжища, онъ оставилъ по себѣ кружокъ энтузіастическихъ учениковъ, которыхъ глаза вспыхиваютъ и щеки зарумяниваются, когда начинаютъ говорить о немъ. «Цицеронъ,—говаривалъ знаменитый профессоръ,—думалъ, что нѣтъ философской системы, въ основаніи которой не лежалъ бы какой-нибудь великій абсурдъ. Я думаю, съ другой стороны, что нѣтъ ни одного ши-

роко распространенаго заблужденія, въ основаніи котораго не лежало бы фундаментальной истины. Станьте на точку зрѣнія, изъ которой развилось заблужденіе, и тогда, и только тогда, Вы поймете это».

Станли очень дивится, что нѣкоторые русскіе, какъ Хомяковъ, смерть коего онъ оплакивалъ въ своей книгѣ, отлично зная германскую философію, смѣло пускаясь въ поле не только философскихъ, но и религіозныхъ изслѣдованій, глубоко уважая Бунзена или Гегеля, въ то же время крѣпко держатся своей наслѣдственной вѣры, своихъ отеческихъ преданій. Не повредила Вамъ германская спекуляція, не смутились Вы въ своихъ вѣрованіяхъ? спросилъ одинъ англійскій путешественникъ русскаго, хорошо знакомаго съ философією. «Ни на минуточку», былъ отвѣтъ. «Мы обладаемъ особенною способностію обнимать идеи другихъ и сейчасъ же покрывать ихъ амальгамою нашей собственной, непоколебимой вѣры. Я не боюсь за себя, пока мы будемъ вѣрны самимъ себѣ».

Исторія настоящаго русской Церкви возбуждаетъ въ Станли желаніе знать, какое будущее ждетъ ее. Но кромѣ десятка или двухъ вопросовъ онъ, разумѣется, не могъ ничего сказать. Чтобы показать, что это за вопросы, я приведу нѣкоторые изъ нихъ. «Будетъ ли она способна отрѣшиться отъ подражательности Западу и Востоку, и развивать свой оригинальный геній? Станетъ ли умѣнья у нея, удержавъ обрядность, уже выработанную, воспользоваться ею какъ проводникомъ духовнаго и нравственнаго воспитанія народа? Удадутся ли ея стремленія, удержавъ религіозную энергію національныхъ вѣрованій и обычаевъ, направить ее и всѣ силы свои на организацію практической соціальной жизни, очистить высшій классъ отъ извращенія, праздности и мелкой безнравственности, а средній и низшій—отъ грубости, лжи и неумѣренности? Русскій клиръ, держась Никейскаго исповѣданія, относится, однако, съ братской любовью къ каждому другому, постоянно напоминая себѣ и другимъ, что Православная вѣра никогда не раздружится съ Апостольскою благодію и терпимостію. Можно ли надѣяться, чтобы эта благородная мысль болѣе правильно и раціонально осуществилась въ іерархическомъ развитіи русской Церкви, чѣмъ у насъ въ нашихъ церквахъ? Дастъ ли Россія міру зрѣлище церкви и народа разумѣющаго, воспріявшаго, напитавшагося прогрессомъ новыхъ идей иностранной науки, свободно-испытующей мысли, не въ ущербъ и къ разрушенію, но въ полноту религіозной вѣры и благочестія своего? Найдеть ли Западъ въ этой величайшей изъ существующихъ въ мірѣ національной церкви сѣмя и начало жизни, развивающееся болѣе прочнымъ, болѣе либеральнымъ и мирно-консервативнымъ образомъ, чѣмъ какъ это было доселѣ въ организаціи Рима и сектахъ протестантскихъ?».

Отвѣтомъ на эти вопросы Станли полагаетъ послѣднее на землѣ слово, сказанное Петромъ Великимъ: «послѣ!» «Hereafter!» И этимъ словомъ заключаетъ свою книгу, любопытную, можно сказать, если не капитальную.

Взглядъ Станли на восточную церковь, разумѣется, чисто протестантскій. Главною виною ея, кромѣ многихъ другихъ, онъ полагаетъ, что она не выработала никакихъ социальныхъ учрежденій на манеръ Propaganda Fidei, Unions, Society of Bible, Christian Knowledge, орденовъ и т. п. Между здѣшними учеными есть нѣкто Neal—великій апологетъ восточной Церкви. Онъ обращался къ Е. И. Попову ¹⁾ съ вопросомъ, что бы можно было сказать въ защиту восточной Церкви противъ упомянутаго возраженія Станли. О. Евгеній обращался ко мнѣ, и я, какъ умѣлъ, отвѣтилъ ему. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Neal помѣщаетъ свою критику на книгу Станли въ Christian Remembrancer и я буду имѣть случай посмотреть, какъ онъ будетъ защищать восточную Церковь и что скажетъ о нашей. Хотѣлось бы и мнѣ что-нибудь сказать у насъ и по-русски о второй половинѣ книги Станли.

Мильманъ, объ исторіи котораго я упоминалъ прежде, дѣйствительно стоитъ вниманія. Между протестантами довольно безпристрастный человекъ; но и отъ него достается восточной Церкви, особенно нашимъ Вселенскимъ соборамъ. Задавъ себѣ задачу слѣдить прогрессивное движеніе и развитіе папства, онъ не могъ, мнѣ кажется, удержаться отъ нѣкоторыхъ натяжекъ; его параллели между западною и восточною Церковью въ первые VIII столѣтій показываютъ, что не на нашу, а на западную сторону тянетъ онъ.

Англичане до того англичане, что здѣсь не легко можно найти что-нибудь не англійское, хотя бы и очень замѣчательное. Мнѣ вздумалось узнать, сколько здѣсь стоитъ Geschichte v. Neander. Обошелъ всѣ магазины книжные, цѣлые три дня толкался по market-place of books, и едва въ одномъ отыскалъ. Мнѣ показалось недорого; по крайней мѣрѣ въ Россіи нельзя купить дешевле: 1½ ф., и я взялъ; изданіе новое, какъ у Васъ, братецъ...

Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ Times съ каждымъ номеромъ приноситъ разныя вѣсти о Варшавскомъ дѣлѣ, или разсужденія о немъ съ точки зрѣнія англійской. Вѣсти эти чѣмъ дальше, тѣмъ прискорбнѣе. Я не знаю, корреспонденты Times не преувеличиваютъ ли дѣла въ своихъ письмахъ; но довольно и однѣхъ телеграммъ, чтобы понять худую сторону дѣла. Вы, разумѣется, знаете дѣло подробно; однакожь я не думаю, чтобы въ нашихъ газетахъ было столько разглагольствованій всевозможныхъ корреспондентовъ, какъ въ Times.

¹⁾ О. протоіерей Евгеній Ивановичъ Поповъ—тогдашній настоятель русской посольской церкви въ Лондонѣ.

Дѣло 7 и 8 апрѣля н. с. особенно серьезно и непріятно; ну да ужъ, по крайней мѣрѣ, не грязь только или камни, не глухія демонстраціи, составляемыя толпами около 60 т., а, вѣроятно, что-нибудь посерьезнѣе было, потому что и нашихъ солдатъ постигла участь невинныхъ жертвъ, какими доселѣ представлялись Европѣ поляки. Кажется, довольно было бы тѣхъ уступокъ, какими пожаловаль ихъ Государь; ну а коль не довольны, такъ вотъ имъ Хрулевъ съ 32 тыс. войска. Теперь вѣдайся. Всѣ здѣшнія газеты и Times читаютъ наставленіе полякамъ, что нужно вести дѣло какъ можно тише, благоразумнѣе, какъ можно ловчѣе разыгрывать изъ себя роль угнетенныхъ жертвъ самовластія; только тогда общественное мнѣніе Европы склонится на ихъ сторону; только терпѣніемъ можно стяжать вѣнецъ. По поводу послѣдняго дѣла, гдѣ было убито нѣсколько поляковъ, Гарибальди изъ Италіи прислалъ къ Искандеру письмо, эссенція котораго извлечена въ Times. Благоговѣть предъ Государемъ за освобожденіе крестьянь; онъ за Польшу...

А какво отличились французы, когда имъ на нѣсколько недѣль развязали языкъ и позволили говорить, что чувствуютъ. Англичане дивятся такому либерализму, какого, говорятъ они, не представляетъ даже ихъ пресловутый парламентъ. Кстати о французахъ. Весь Парижъ говоритъ, что здѣсь существуетъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона для содѣйствія движеніямъ поляковъ. Нашъ посланникъ не могъ не обратить вниманія на этотъ говоръ и при свиданіи съ Императоромъ просилъ его, чтобы онъ откровенно объяснился, чего нужно ожидать Россіи и что можетъ быть ей нужно было бы приготовить *quelque chose*. Наполеонъ объявилъ, что онъ ничего не знаетъ и послалъ своего брата успокоить Киселева, что и было исполнено къ неудовольствію французовъ, оскорбленныхъ за униженіе своей національности. Слухи однакоже держатся и здѣсь.

Всѣмъ въ Академіи мое искреннее почтеніе или мой братскій поклонъ и душевныя благожеланія. Ужъ не женился ли кто изъ моихъ товарищей? Михаилъ Ивановичъ ¹⁾, напримѣръ? А здѣсь это событіе такъ прозаично, что болѣе походитъ на биржевую сдѣлку. Пасха здѣсь уже была. Но въ домахъ здѣшнихъ и въ жизни общественной такъ мало церковности, Церковь такъ мало проникаетъ въ жизнь общества, что и слѣда не видно въ жизни семейства жизни церковной. Не то что на Руси.

Лондонъ апрѣля 29. Изъ страны тумановъ и копоти посылаю Вамъ привѣтствіе съ свѣтлыми, радостными днями

¹⁾ Сабуровъ, магистръ 21-го курса, бакалавръ церковной археологіи и греческаго языка, скончался протоіереемъ въ Москвѣ.

великаго Праздника. Съ тѣхъ недавнихъ поръ ¹⁾, какъ Вы не только внутренно въ душѣ своей, но и внѣшне предъ престоломъ Его Церкви служите Богу,—эти великіе дни для Васъ получили особенное значеніе. Ибо съ нихъ, съ дней радости, начали Вы свое служеніе Ему. Да исполнить Богъ и всѣ дни Ваши радостию свѣтлыхъ дней, годину которыхъ Вы теперь воспоминаете.

Мистеръ Пальмеръ, отложивъ, кажется, совсѣмъ думу о поѣздкѣ въ Россію, усердно просить Васъ, и съ нимъ и графъ, объ одномъ, въ исполненіи чего Вы, я убѣжденъ въ этомъ, не откажете ему. Просить переписать для него возраженія и отвѣты Никона. Я, а вслѣдъ за мною и графъ, обѣщали ему это за несомнѣнное. Надѣюсь, Вы не оставите насъ въ дуракахъ. Пожалуйста не оставляйте. Потѣшьте Пальмера; дайте ему это послѣднее утѣшеніе. Если бы Вы были такъ добры, чтобы, согласившись на нашу просьбу, не замедлили съ исполненіемъ. У Пальмера и графа очень мало терпѣнія. Хочется возможно скорѣе получить желаемое. Что будетъ стоить переписка, разумѣется, порядочная, будетъ немедленно выслано, по Вашему указанію.

Лондонъ 19 мая. Душевно благодарю Васъ за послѣднее письмо, котораго я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Благодарю, что находите нѣсколько свободныхъ минутъ въ Вашемъ преисполненномъ занятіями времени для бесѣдъ со мною, одинокимъ странникомъ. Новости, Вами сообщенныя, порадовали меня. Слава Богу, что прежде отобранія христороливно пожертвованной копееки, Владыка догадался употребить ее туда, куда она, конечно, предназначалась дателями—не на Армстронговы пушки и батареи, но на благодѣяніе. Изъ всѣхъ вдовъ и сиротъ самыя несчастныя, конечно, сироты духовнаго званія, и если о комъ, такъ, конечно, о нихъ слѣдовало бы подумать нашему духовенству при всей его бѣдности. Не такъ тяжело оставаться послѣ отца или мужа дѣтямъ или женѣ какого-нибудь англиканскаго Дина или Ректора, когда онъ, получая при жизни 5 или болѣе тысячъ фунтовъ въ годъ, успѣлъ скопить нѣчто для ихъ обезпеченія; не такъ тяжело здѣсь жить и вдовѣ сельскаго пастора, когда есть до десятка обществъ, устроенныхъ съ цѣлю вспоможенія, и болѣе богатыхъ и щедрыхъ, чѣмъ наше Попечительство о вдовахъ и сиротахъ духовнаго званія, выдающее по 10 р. въ годъ съ вычетами. Спасибо не забылъ владыка и науку, не знаю, только всею ли тяжестью своею она ложилась или, сказать лучше, была положена на вѣсы въ то время, когда развѣшивались Архипастыремъ разныя цѣли его благотворительности.

¹⁾ Александръ Васильевичъ рукоположенъ былъ въ священный санъ 27 марта 1860 г.

Во всякомъ случаѣ спасибо ему и за то, что дано. Подобный примѣръ благотворительности случился здѣсь на-дняхъ. Одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ лондонскихъ, бывшій нѣкогда однимъ изъ бѣднѣйшихъ мальчиковъ какой-то приходской школы, питавшійся въ одной изъ богадѣленъ, передалъ въ распоряженіе избраннаго имъ комитета 500 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ Лондона и для устройства и содержанія на родинѣ школъ. Этимъ онъ выполнилъ свой обѣтъ, данный въ началѣ торговаго поприща, когда въ его карманѣ было не болѣе 500 шиллинговъ. Должно быть, богатъ сталъ.

Съ полною готовностію радъ служить чѣмъ-нибудь при выборѣ или выпискѣ книгъ для бібліотеки нашей. Доселѣ я имѣлъ дѣло преимущественно съ англійскою литературою и съ своей стороны душевно желалъ бы, чтобы при выборѣ новыхъ книгъ для нашей бібліотеки, было положено основаніе англійскому отдѣленію въ ней. Съ своей стороны я не замедлю доставить вамъ списокъ книгъ, которыя, на мой, взглядъ, представляются наиболѣе достойными пріобрѣтенія. Изъ французской литературы по части церковной исторіи я доселѣ успѣлъ встрѣтить только одну, дѣйствительно хорошую и достойную книгу, о которой, конечно, знаете и Вы, — это церковная исторія аббата Guettée. Michellet и D'Aubigné я пріобрѣлъ для себя и затѣмъ знаю только французскіе памфлеты съ ихъ минутнымъ интересомъ и достоинствами.

Любопытно было бы знать, какой взглядъ на преобразователя Россіи составился у насъ въ послѣднее время. При моемъ отѣздѣ изъ Россіи, сколько мнѣ помнится, въ Петра бросали со всѣхъ сторонъ камнями, чернили его личный характеръ, отчасти по дѣломъ; расписывали тотъ вредъ, какимъ сопровождалась его реформа для русской самобытности и т. п. Въ этомъ ли, или въ какомъ другомъ направленіи разрабатывалась исторія Петра послѣ меня, не знаю. Станли смотритъ на Петра независимо отъ нашихъ домашнихъ расчетовъ и здѣшнимъ русскимъ читателямъ книги Станли его картины и воззрѣнія всего болѣе полюбились.

Вслѣдъ за письмомъ посылаю къ Вамъ статейку о современныхъ религіозныхъ партіяхъ въ англиканскомъ духовенствѣ. Надѣюсь, что она будетъ имѣть нѣкоторый интересъ для читателей нашего журнала, если владичня критика пропустить ее туда. Я не имѣлъ причинъ и не желалъ входить въ богословскіе теоріи или въ полемическое работоборство. Борьба съ понятіями, взявъ ихъ отвлеченно отъ исторіи, мнѣ кажется даже бесполезнымъ. Я убѣдился, что ни одна партія, ни одна секта не содержитъ, не исповѣдуетъ своего символа въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно представляется въ кни-

гахъ; нѣтъ книгъ болѣе неточныхъ и болѣе отвлеченныхъ отъ дѣйствительности, какъ полемическія богословія всѣхъ родовъ. Причина та, что онѣ слишкомъ логичны и послѣдовательны. Берется какой-нибудь принципъ партіи или секты и безъ труда доводится до крайнихъ результатовъ. А на дѣлѣ этихъ крайностей почти никогда не бываетъ. Въ жизни одно такъ ограничивается другимъ, въ ней такъ много иныхъ основаній, кромѣ логическихъ, что разбить эту живую путаницу непослѣдовательностей и противорѣчій гораздо труднѣе, чѣмъ опровергнуть отвлеченно взятую теорію. Читая полемическую книгу, я часто думалъ, какъ человѣкъ, и часто очень умный, можетъ быть убѣжденнымъ въ такой очевидной нелѣпости, какъ можетъ быть антиноміанистомъ и т. п.? А на дѣлѣ выходитъ, что люди никогда не вѣрятъ и не живутъ, не дѣйствуютъ, какъ то пишется въ книгахъ. Прочитавъ объ ирвингитахъ, или о мормонахъ, я думалъ сначала, что это сумасшедшіе. А посмотрѣлъ на то, какъ они дѣйствуютъ, прочиталъ ихъ богословскія книги, побывалъ въ церкви и убѣжденъ, что это очень хорошіе люди, добрые христіане. Да какъ же, думалъ я, можно быть добрымъ человѣкомъ съ такими понятіями, какъ мормонскія? Дѣло опять въ томъ, что никто изъ нихъ не живетъ, не вѣритъ такъ, какъ писано въ книгахъ. Жизнь гораздо непослѣдовательнѣе логической мысли, но на этомъ-то и основывается возможность ея существованія.

Въ томъ, что препровождено къ Вамъ, я говорилъ о низкой церкви съ одною изъ ея секцій—пуританами, и о высокой церкви въ тѣсномъ смыслѣ. Если Вы найдете начало достойнымъ окончанія, то по Вашему требованію я не замедлю прислать остальную часть, въ которой предполагаю говорить о трактарианской и high and dry (высокой и сухой) партіяхъ въ высокой церкви; о low and slop (низкой и лѣнливой) партіи въ низкой, и о широкой, или либеральной церкви. Характеристическимъ явленіемъ въ послѣдней представляется изданіе Essays and Reviews. Если Вы благословите меня, я готовъ говорить и объ этой книгѣ, но не разбирать, не бороться съ нею. Нѣтъ. Я возьму ее какъ фактъ историческій и на его основаніи надѣюсь сказать нѣчто въ объясненіе современныхъ требованій въ англиканскомъ духовенствѣ и церкви. Ея появленіе стоитъ въ связи съ предполагаемыми реформами въ литургіи и канонахъ здѣшней церкви и, вѣроятно, поведетъ ихъ за собою. Въ предшествующей исторіи англиканской церкви (XVII ст.) есть явленіе параллельное и очень сходное съ современнымъ, высказавшимся въ направленіи книги. Есть большое сходство въ обстоятельствахъ и быть можетъ послѣдуетъ сходство въ результатахъ. Если Вы благословите, я готовъ показать характеръ невѣрія и философіи, какъ она высказана партіею въ этой книгѣ; отношеніе ея къ современ-

ному устройству англ. церкви и къ богословскимъ теоріямъ (ибо книга рѣзко намѣчаетъ недостатки богословской системы всѣхъ другихъ религіозныхъ партій въ англ. церкви); реформы, какихъ партія требуетъ въ церковномъ устройствѣ (нѣкоторыя изъ нихъ близки и вѣроятны). Что касается до полемики, то между множествомъ книгъ и брошюръ недавно явилась одна толстая и очень дѣльная—трудъ 11-ти извѣстныхъ англійскихъ писателей, епископовъ и диновъ, профессоровъ и магистровъ, которую я, конечно, хотѣлъ бы рекомендовать Вамъ при будущемъ выборѣ книгъ. Цѣль книги—защитить христіанство отъ нападокъ новѣйшей философіи и Библію отъ новаго критицизма. Всѣ важнѣйшіе вопросы, входящіе въ составъ введенія въ богословіе и экзегетику, разсматриваются здѣсь въ отношеніи къ новѣйшимъ открытіямъ и претензіямъ науки. Названіе книги: *Aids to Faith; a Series of Theological Essays by several Writers.*—*Edited by Lord Bishop of Bristol.* Все въ этой книгѣ стоитъ прочтенія, а иное и перевода. Нашъ батюшка Евг. Ив. Поповъ уже послалъ, кажется, переводъ одной статьи о способахъ толкованія Св. Писанія. Не знаю, пропадетъ ли эта статья также безслѣдно, какъ пропали многія другія, имъ посланныя въ руки русской цензуры. Онъ совсѣмъ смотритъ англичаниномъ и, вѣроятно, разучился писать по вкусу русскому. Подчасъ бранится старикъ;—*but we cannot help it*—отвѣчаю я ему по временамъ. Онъ свидѣтельствуется Вамъ, любезнѣйшій братецъ, свое почтеніе. Писалъ, писалъ, а ничего не сказалъ еще о выставкѣ. Нужно сказать что-нибудь.

Возьму небольшой клочекъ, чтобы не докучать Вамъ слишкомъ много.

Новое зданіе выставки не идетъ въ сравненіе съ бывшимъ въ 1851 г., но внутреннее его содержаніе, по общему признанію, далеко превосходитъ даже мечты 51-го года. Въ ожиданіи дешевыхъ цѣнъ за входъ, я былъ только два раза на выставкѣ, а нужно быть, по крайней мѣрѣ, 10 разъ, чтобы осмотрѣть ее нѣсколько подробнѣе. Какъ слѣдуетъ патріоту, я прежде всего ударился въ русское отдѣленіе, горя нетерпѣніемъ насытить свою національную гордость. Но увы! Намъ не суждено быть баловнями, наша доля покуда смиряться. Мы помѣщены подлѣ Даніи съ одной стороны и Норвегіи съ другой. Конечно наши издѣлія не хуже обѣихъ сосѣдокъ; на наши вазы, малах. бюро и шкатулки, на нашу церковную утварь работы Сазикова, на наши парчи засматриваются иностранцы. Особенно хороши малахитовыя бюро съ мозаикою и шкатулки. Я нарочно прислушивался къ голосу англичанъ, и отзывы гордыхъ сыновъ Албіона тѣшили мое самолюбіе. О! *that's beautiful! splendid!* а леди, смотря на вазы и канделябры, повторяли *very pretty!* А я потерялъ всякое терпѣніе, когда онѣ вмѣсто

Россіи стали вдругъ хвалить Пруссію за русскія вещи. Нѣтъ, сударыни, закричалъ я, это не Prussia, а Russia. Я не виновать, что Вы имѣете такое уродливое произношеніе, по которому трудно отличить одно слово отъ другого. Англійскіе сапожники не равнодушны къ нашимъ козамъ, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ; наши веревки также сплетены очень хорошо. Досадно мнѣ стало, что никто не смотритъ на двухъ саженаго Николая Чудотворца мозаической работы. Не знаю, зачѣмъ его привезли сюда. Послѣ римской мозаики на него не будутъ смотрѣть. Вообще наша выставка плоха достаточно; бросая деньги на многое ненужное, мы не хотѣли бросить нѣсколько на приличную постановку нашихъ вещей; наши шелки не представлены хорошо, благодаря московскимъ лѣнтяямъ-фабрикантамъ; нашихъ лучшихъ картинъ не послали, да и для тѣхъ, кои посланы, выбрано самое худое помѣщеніе. Прислали довольно селедокъ, но не послали нашей водки, безъ которой онѣ не годятся. Папиросы нашихъ фабрикантовъ должно быть очень хороши, но курить ихъ не дадутъ. «Смиряться Россъ, вознесешься!»—подумалъ я, оставивъ русское отдѣленіе.

Царицами и соперницами выставки явились, какъ и слѣдовало ожидать, Англія и Франція. Богатствомъ и драгоцѣнностями Англія покрыла всѣхъ. Бриллианты величиною чуть не съ кулакъ привлекаютъ общее вниманіе. Произведенія хрустальной работы—верхъ совершенства и не имѣютъ ничего себѣ равнаго. За то и цѣны на нихъ также несравненны. Я было попробовалъ, по простотѣ своей, спросить, что стоитъ одна небольшая кружка,—дивная кружка; мнѣ и не снилось никогда пить изъ такой; а я было хотѣлъ стяжать ее за 20 шиллинговъ по самой большой цѣнѣ. «100 гиней она стоитъ»,—отвѣтилъ какой то господинъ. «Кружка-то? 700 р. с.»?—«Ну а этотъ тазъ?»—«А этотъ 250 гиней.»—«А этотъ маленькій подсвѣчникъ?»—«12 фун.»—«Ну а эта большая люстра?»—«3.000 гиней.»—«Господи! 21 тысяча руб. сер. за люстру? Да это сумашествіе. А чудно хороша.»—Въ машинахъ всякаго рода, какъ ни бились французы, пальма первенства принадлежитъ англичанамъ. Своими очами я видѣлъ, какъ прекрасные бутылки и графины дѣлались въ 2 минуты; какъ брюки наши готовы были чрезъ 10 минутъ. И все машина. Есть машина, которая говоритъ на разныхъ языкахъ,—я говорю не шутя,—и такъ, что можно хорошо понимать,—произношеніе правильное. Скоро придумаютъ машину для мысленія и тогда людямъ нечего будетъ дѣлать. Машины съ кафедръ будутъ читать лекціи. §

Французы привезли съ собой весь Парижъ. Во всемъ, что касается отдѣлки, нѣжности вкуса, изящества работы, хотя бы вещь была сдѣлана изъ тряпокъ, пальма первенства принадлежитъ имъ. Французское отдѣленіе представляетъ

поразительное зрѣлище для глазъ, блескъ—ослѣпительный, работа—верхъ изящества. Все, что можетъ тѣшить нѣжный вкусъ леди всѣхъ возрастовъ, все отъ младенческихъ игрушекъ до старческихъ забавъ, собрано и расположено съ геніальнымъ французскимъ тактомъ.

Италія и Римъ—царица художественной выставки. Лучшія картины, статуи, мозаика принадлежатъ имъ. Турція владѣетъ самыми превосходными трубками и кальянами, изъ какихъ когда-либо тянулась тонкая струя въ легкія правовѣрнаго. Вѣна зашибла всѣхъ книжными переплетами, которыхъ не стоятъ и самыя книги. Кстати о книгахъ. Нѣмцы привезли съ собою чудную копію Тишендорфова открытія.

Лондонъ мая 22 (іюня 3).

Это письмо будетъ послѣднимъ изъ Лондона, который надняхъ покидаю не безъ сожалѣнія. Послѣднее время оставался въ немъ единственно для выставки. Познакомился съ нею насколько возможно и не хочу медлить отъѣздомъ. Чтобы узнать выставку въ подробностяхъ, надобно прожить еще полгода и каждый день съ утра до вечера смотрѣть на всесвѣтныя диковинки. Конечно этотъ трудъ очень пріятенъ, да не по моей части.

Лондонъ теперь смотритъ всесвѣтною столицей. Всѣ племена и языки толпятся на этомъ базарѣ. Цѣлые кварталы наполнены исключительно иностранцами и превратились въ какія-то колоніи. Англичане, съ обычнымъ своимъ высокомеріемъ, избѣгаютъ этихъ мѣстъ и вездѣ свысока посматриваютъ на иноземныхъ гостей, наводнившихъ столицу Албіона. Само собой разумѣется, большинство иностранцевъ держитъ себя въ отдаленіи отъ гордыхъ островитянъ, уступаетъ имъ дорогу и смиренно признаетъ права хозяйскія. Одни французы составляютъ исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ нихъ слишкомъ много національнаго тщеславія, чтобы хоть на минутку воздержаться отъ мысли о своемъ превосходствѣ. Эти два сосѣда буквально не могутъ сойтись безъ того, чтобы не наступить на ногу одинъ другому. Въ этомъ отношеніи выставка не достигаетъ одной изъ своихъ главныхъ цѣлей. вмѣсто сближенія и содружества она подаетъ лишь случаи ссориться двумъ сосѣдямъ. Они уже успѣли перебраниться. Начали, конечно, французы. Пріѣхали погостить, да и давай осуждать хозяйскіе порядки и обычаи. Французскіе корреспонденты стали наполнять свои газеты бранчивыми статьями на англичанъ; эти послѣдніе не захотѣли остаться въ долгу. И теперь въ Times'ѣ и другихъ газетахъ чуть не каждый день встрѣчаются перебранки, язвительные намеки, неделикатныя остроты на счетъ французовъ и т. п. Французы бранятъ Лондонъ за то, что онъ туманенъ, часто идетъ въ немъ дождь, что англичане сухи, неговорливы, чопорны, что мало здѣсь кофейныхъ, на три милліона только 12 театровъ, нѣтъ кофейныхъ на ули_

цахъ подъ открытымъ небомъ и пр. Англичане отвѣчаютъ, что Лондонъ туманенъ, но чистъ, вымыть и выметенъ, а Парижъ съ яснымъ небомъ грязенъ, похожъ на гробъ повапленный, снаружи покрашенъ и прибранъ, а внутри исполненъ всякой нечистоты; что англичане живутъ въ семьѣ, пьютъ чай и кофе у камина въ своемъ кругу и не виноваты, что парижанамъ болѣе нравится уличная жизнь, нежели семейная. До театровъ они не большіе охотники, да и говорить о пустякахъ со всякимъ тоже не любятъ. Что будете дѣлать съ немирнолюбивыми сосѣдями. Какъ сошлись поближе, такъ и побранились. Нашему брату, стороннему человѣку, можно замѣтить по поводу подобныхъ мелочей слѣдующее: трудно найти два народа, въ которыхъ средней и низшей классы были бы такъ мало способны понимать и цѣнить одинъ другого, какъ англичане и французы.

По Вашему требованію посылаю съ этимъ письмомъ списокъ книгъ, которыя, по моему мнѣнію, достойны пріобрѣтенія. Нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены крестиками. За достоинство сихъ послѣднихъ я могу твердо поручиться. Всякій, прочитавшій ихъ, несомнѣнно, пріобрѣлъ бы не малое. Мною поименованы нѣкоторыя книги, не относящіяся до моего предмета, но извѣстныя въ здѣшной литературѣ своими достоинствами. Изъ этого списка исключены всѣ книги, пріобрѣтенныя мною для себя. Несмотря на несомнѣнное достоинство нѣкоторыхъ, я не полагалъ нужнымъ упоминать о нихъ, потому что онѣ уже пріобрѣтены мною. Относительно цѣны нужно замѣтить слѣдующее. Я выставлю ихъ согласно съ настоящею стоимостью книгъ въ тѣхъ магазинахъ, черезъ которые можетъ производиться выписка. Здѣсь онѣ всегда нѣсколькими процентами дороже. Если бы покупка книгъ устроилась прежде моего переселенія въ Россію, то самъ лично я могъ бы купить многія изъ книгъ за половину означенной въ списокѣ цѣны и иногда даже дешевле. Проживъ здѣсь, успѣлъ высмотрѣть такія книжныя убѣжища, гдѣ могу найти и купить за 5 шиллинговъ книгу, стоящую въ магазинѣ фунтъ. Такъ пріобрѣталъ я книги для себя. Изъ Парижа можно было нарочно сѣздить въ Лондонъ для закупки и я увѣренъ, она обошлась бы гораздо дешевле. Все это представляю на Ваше благоусмотрѣніе и буду очень радъ, если мой маленькій опытъ послужитъ къ чему-нибудь. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ, любезный братецъ, при выборѣ книгъ для библіотеки, не забыть и англійской литературы, чтобы намъ было по чему учиться и что читать. Въ заключеніе прибавляю, что не было бы лишнимъ, на мой взглядъ, пріобрѣсти нѣсколько хорошихъ англійскихъ грамматикъ и словарей съ правилами произношенія. Если этотъ языкъ будетъ преподаваться въ нашей академіи, то помянутыя книги ни въ какомъ случаѣ не будутъ лишними.

Теперь Вы завалены дѣломъ, милый братецъ: курсовой годъ ¹⁾, сочиненія и экзамены. Я не совсѣмъ забылъ это удовольствіе. Ждете Владыку къ празднику. Выпросите у него побольше денегъ на бібліотеку.

Гастингсъ іюня 14.

Графъ былъ у Васъ и Вы знаете, что онъ ѣдетъ управлять министерствомъ ²⁾. Вы, конечно, были такъ добры, что думали и обо мнѣ. Ѣхать мнѣ въ Россію или оставаться за границей? Вотъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго я теперь тружусь и о которомъ посовѣтоваться я желалъ бы съ Вами. Я ждалъ отъ Об.-Прокурора сентенціи по этому предмету. Сентенція эта передана мнѣ графомъ, но она, какъ я ожидалъ, ни мало не помогла моему дѣлу. Все предоставлено на мою волю. Хочу я Ѣхать—милости просимъ, не хочу—пусть остаюсь до назначеннаго срока. Очевидно и въ томъ и въ другомъ случаѣ выходитъ довольно трудная диллема. Ѣхать въ Россію! Но зачѣмъ же я уѣхалъ изъ нея? Предполагалось, что я изучу хорошенько англійскій языкъ, чтобы потомъ преподавать его въ академіи. Предполагалось заниматься новою церковною исторіею. Но вѣдь никакихъ силъ человѣческихъ не достало бы, чтобы въ полгода сдѣлать то и другое. Для англійскаго языка, могу сказать по совѣсти, я сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать. Сталъ безъ труда читать книги и понимать англійскую рѣчь. Но опять-таки, нужно сказать по совѣсти, что послѣ полугодоваго занятія нельзя быть хорошимъ наставникомъ языка. Черезъ два года, какъ и было предположено, было бы другое дѣло. Научившись понимать книги, я принялся за чтеніе тѣхъ, которыя относились къ новой исторіи, прибрѣлъ считаемыя лучшими. Но сколько же я могъ сдѣлать на этомъ пути въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Какой же я вышелъ бы наставникъ послѣ такого приготовленія? Опять, по старому обычаю, пришлось бы бросаться изъ одной книги въ другую, не зная которой слѣдовать. Да и принять на себя новаго труда послѣ такого приготовленія я не могъ бы и не долженъ. Итакъ, ничто не достигнуто мною въ надлежащей мѣрѣ. И съ этимъ ли скуднымъ прибрѣтеніемъ я долженъ Ѣхать въ Россію? Что же я долженъ буду дѣлать тамъ? Перемѣнить службу, идти въ чиновники, хотя и была бы возможность, я отъ души не хотѣлъ бы, потому что не чувствую ни малѣйшей склонности къ занятіямъ подобнаго рода.

По всѣмъ этимъ причинамъ рѣшеніе моего вопроса, если оно было въ моихъ только рукахъ, было бы: не Ѣхать, а учиться и доучиваться здѣсь. Такое мое искреннее желаніе. Но

¹⁾ Т.-е. годъ выпуска оканчивающихъ курсъ студентовъ Академіи съ Гоцѣнкою ихъ диссертацій и съ присужденіемъ имъ ученыхъ степеней. Такіе выпуски въ прежнее время производились чрезъ два года, а потому въ этомъ смыслѣ не каждый годъ могъ быть названъ курсовымъ.

²⁾ Гр. Путятинъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и потому долженъ былъ выѣхать изъ Англии въ Россію.

здѣсь другая и, кажется, еще менѣе преодолимая трудность. На что, на какія средства, я долженъ существовать здѣсь? Графъ Толстой, предоставляя на мою волю выборъ въ рѣшеніи, вѣроятно, забылъ, что на наше московское жалованье нѣтъ никакой возможности существовать здѣсь. Положимъ, я поселюсь на чердакѣ 7-го этажа, буду питаться какъ пролетарій, среди множества другихъ, и *на прожитіе* мнѣ достанетъ того, чѣмъ я владѣю, т.-е. жалованья (что впрочемъ болѣе, чѣмъ сомнительно, по справкамъ, особенно лондонскимъ, гдѣ одни сапоги стоятъ 35 шилл.). Но вѣдь я не буду имѣть средствъ купить книгу, а безъ книги не зачѣмъ и жить здѣсь. Плохо, какъ видите, милый братецъ. И несмотря на это, мнѣ все-таки сильно не хотѣлось бы, не сдѣлавши ничего радикальнаго, прибыть во отечество. Перебираю въ головѣ всѣ возможные средства и признаюсь,—мало вижу утѣшительнаго и *ничего вѣрнаго*. Графъ совѣтуетъ оставаться, потому что такого случая не скоро дождешься опять. Онъ предложилъ мнѣ, если я хочу, написать въ Парижъ о. Іосифу¹⁾, нѣтъ ли у него свободныхъ уроковъ въ русскихъ семействахъ, которыхъ гораздо больше въ Парижѣ, нежели въ Лондонѣ. Говорятъ и содержаніе въ Парижѣ немного дешевле, чѣмъ здѣсь. Посмотримъ, что онъ отвѣтитъ. Если—да, переселюсь въ парижскіе чердачки, къ бѣднымъ буржуа. Стану писать статейки и присылать ихъ къ Вамъ, т.-е. писать изъ-за денегъ, изъ-за хлѣба. Если же отвѣтъ будетъ отрицательный,—тогда, тогда не знаю что нужно будетъ дѣлать.

P. S. Ну какъ послѣ этого не позавидовать людямъ, которые проживаютъ здѣсь и въ Парижѣ по 10 тыс. р. въ годъ. Владѣй я одною десятою въ этотъ годъ, я не сталъ бы и разсуждать. Смѣшно и грѣшно. Впрочемъ: Alles zum guten!—

Гастингсъ іюня 11 (23).

Вы, вѣрно, уже получили письмо отъ Т. И. Филиппова и изъ него знаете положеніе моего вопроса, о которомъ я говорилъ Вамъ въ двухъ послѣднихъ моихъ письмахъ. Теперь кажется вѣроятною возможность моего пребываніе за границей и я, конечно, вѣрю въ нее не безъ удовольствія. Повторяю, мнѣ было бы жалко оставить дѣло при началѣ. Думаю, что Владыка, по согласіи Об.-Прокурора, не найдетъ особенныхъ препятствій къ исполненію сдѣланнаго ему предложенія. Т. Ивановичъ меня спрашиваетъ о суммѣ, приблизительно нужной для существованія здѣсь. Крайне неловко отвѣчать на этотъ вопросъ, да и страшно сказать, чтобы не испугать бережливыхъ распорядителей скудныхъ суммъ нашего вѣдомства. Ибо по самой скудной мѣрѣ, безъ возможности покупать здѣшнія дорогія книги, содержаніе въ Лондонѣ должно

¹⁾ Васильеву,—настоятелю русской церкви въ Парижѣ.

стоитъ ни какъ не менѣе 200 фунт. Это будетъ вдвое меньше, нежели сколько ассигнуется на содержаніе морского офицера или инженера 3-го класса;—они получаютъ 1½ фунт. въ день; въ два раза съ половиною меньше содержанія лондонскаго причетника, коему выдается 500 ф. въ годъ. Но и 200 ф., я увѣренъ, покажутся страшными для Ивана Семеныча.

Моя самобытная осѣдлость должна начаться не ранѣе 10-го августа по н. ст., когда графиня съ семьею сядетъ на пароходъ, а я изъ Гастингса поташусь въ Лондонъ и останусь здѣсь одинъ-одинехонекъ...

Н. А. ¹⁾ хочетъ высылать мнѣ свой журналъ и указываетъ въ немъ на какія-то статьи о современномъ положеніи французской Церкви, желая имѣть подобное обозрѣніе относительно Церкви англійской. Я не знаю, что это за статьи и чего имъ хочется. Въ Англіи не чтутъ папы и здѣсь нѣтъ такихъ горячихъ споровъ о немъ, какъ во Франціи. Настоящее состояніе здѣшнихъ дѣлъ совсѣмъ не имѣетъ внѣшней привлекательности, трагизма, яркихъ фактовъ и т. п. Здѣсь вотъ цѣлый годъ спорятъ о церковныхъ налогахъ и десятинахъ; почти каждую недѣлю собираются митинги для изысканія средствъ, какъ бы заставить простой народъ узнать истины религіи. Въ церковь ходятъ только изъ 1.000—1 или 2 изъ низшаго класса; 15 или 20 слушаютъ уличныхъ проповѣдниковъ-ораторовъ съ тумбы и т. п. Клиръ добивается всѣми мѣрами приобрѣсти какое-нибудь вліяніе на народъ. Придумали совершать службы и говорить проповѣди въ театрахъ и публичныхъ мѣстахъ. И говорятъ, что народъ, не посѣщающій церкви, охотнѣе идетъ въ театръ.

Объ уличныхъ ораторахъ я имѣлъ сначала худое понятіе. Теперь, когда я почти каждую недѣлю слушаю до 3-хъ проповѣдей, я вижу, что такого энтузіазма, съ какимъ они занимаются проповѣдью, едва ли можно найти въ клирѣ. Два часа кричатъ на всю площадь, съ Евангеліемъ въ рукахъ и призываютъ во имя Христа ко спасенію всѣхъ—для этого нужно усердіе. Разумѣется они проповѣдуютъ не Массильоновскимъ языкомъ, но я убѣжденъ, что пользы для низшихъ классовъ приносятъ гораздо больше, чѣмъ Массильонъ при французскомъ дворѣ. Они раздаютъ брошюры съ благочестивыми разказами о покаяніи и обращеніи грѣшниковъ и т. п. Ихъ трудъ совсѣмъ не противорѣчитъ существующей іерархіи, не касается ея правъ, не желаетъ ослаблять церковныхъ учрежденій. Нисколько. Жаль, что клиръ не умѣетъ управлять этою ревностію. И отъ того дѣйствительно иногда выходитъ, что проповѣдникъ съ улицы перебирается въ какую-нибудь хижину; потомъ общими силами строятъ домикъ, а при немъ особая конгрегація, и образуется секта.

¹⁾ Свяш. Николай Александровичъ Сергіевскій—редакторъ «Православнаго Обозрѣнія».

Самымъ живымъ и тревожнымъ вопросомъ настоящаго времени, по части богословской, служить содержаніе книги *Essays and Reviews*, изданной оксфордскими профессорами. Крайній рационализмъ Германіи и самые безбожные результаты новаго библейскаго критицизма нашли убѣжище въ этой книгѣ и произвели сильное вліяніе на публику. При практическомъ направленіи народа живая мысль и тревожное состояніе не могутъ разрѣшиться въ области одного умозрѣнія, какъ это по-часту бываетъ въ Германіи. Нѣтъ. Англичане заявили требованіе, преобразовать христіанство въ согласіи съ наукою. Эта идея понравилась молодежи, и клиръ съ ужасомъ примѣтилъ, что съ этою глупостію нельзя шутить. 18 тысячъ голосовъ публично протестовали противъ книги. Глава англиканской Церкви архіепископъ Кантербурійскій долженъ былъ созвать конгрегацию духовенства, нѣчто въ родѣ помѣстнаго собора, о которомъ давно уже не слыхать въ послѣдней—исторіи англійской церкви. Даже пюезизмъ въ свое время не удостоился конгрегации. А теперь она собралась. Ораторы говорили, что со времени реформации они едва ли имѣли вопросъ болѣе важный настоящаго. Даже конгрегации современныя реформации толковали не о такихъ важныхъ предметахъ. Тогда оспаривали права папы на англійскую церковь, а теперь нужно защищать истину христіанства. Теперь поставленъ вопросъ о соборномъ осужденіи книги и дѣло остановилось на томъ, что одинъ изъ епископовъ вызвалъ на судъ одного изъ авторовъ книги. Ея содержаніе совсѣмъ противухристіанское. Для Васъ оно не ново, братецъ. Читая нѣмцевъ, Вы хорошо знаете всѣ ихъ теоріи. Изъ Евальда съ братіею взято содержаніе и новой книги. Но страшень англійскій критицизмъ.

Политическихъ новостей особенныхъ нѣтъ. Англія становится рѣшительно воинствующей державой. По улицамъ ходятъ волонтеры съ музыкой и барабанами; въ окрестностяхъ города постоянное ученье, стрѣльба изъ ружей и пушекъ въ цѣль. Всѣ боятся французовъ. Чудаки. Герценъ ругается теперь болѣе, чѣмъ прежде; разрѣшеніе крестьянскаго дѣла ему крайне не нравится; ругаетъ всѣхъ за Пирогова и за Польшу. Дѣло этой послѣдней не перестаетъ отъ времени до времени занимать публику. Газеты печатаютъ разныя извѣстія, но большею частію ложныя. Въ парламентѣ потребовали отъ министровъ переписку Россіи съ Англіею отъ 30 г. до настоящаго. Англичане большіе друзья полякамъ. Мнѣ не приводилось встрѣчать ни одного, который былъ бы противнаго мнѣнія.

Лѣто здѣсь хорошее; но вовсе нѣтъ такихъ жаровъ, какъ у насъ въ Россіи; я купаюсь въ морѣ, что, кажется, укрѣпляетъ меня...

Гастингсъ іюня 21.

Не перемѣнилось мое намѣреніе попытаться на одинокую, самостоятельную жизнь на чужбинѣ. Боюсь одного, чтобы не оборваться въ расчетахъ на средства къ жизни и труду. Изъ Парижа еще не получалъ отвѣта. Жду съ нетерпѣніемъ письма отъ Васъ и надѣюсь, что Вы ободрите меня и скажете: стой, пытайся, трудись и отступай только предъ очевидною невозможностію. Если приведется переселиться въ Парижъ, то первые мѣсяцы жизни будутъ невообразимо тяжелы для меня при плохомъ знаніи французской болтовни. Нужно будетъ отчаянно долбить модную рѣчь, чтобы добиться хлѣба и воды; но дѣлать нечего. Если получу отказъ изъ Франціи, быть можетъ попытаюсь остаться въ Лондонѣ. Здѣсь другая трудность: совершенно безпомощная жизнь, добываніе пеней перомъ и чернилами и не на мѣстѣ жительства, а чрезъ Россію и чрезъ Васъ. Пусть будетъ, какъ Богу угодно...

Лондонъ авг. 12. 1861.

Вотъ и опять я окунулся въ этотъ омутъ, чтобы жить въ немъ уже много иначе, чѣмъ жилъ прежде; нанялъ себѣ маленькую квартирку въ улицѣ, означенной въ началѣ моего письма; цѣль ея—укрывать меня отъ бури и непогоды; всѣ остальные потребности жизни удовлетворяются внѣ ея, на улицахъ, въ гостинницахъ и библіотекахъ. Чтобы жить домомъ, какъ я жилъ у Троицы, здѣсь невозможно для людей съ подобными мнѣ средствами; за однѣ стѣны я плачу 15 шил. въ недѣлю, слѣдовательно, около 20 руб. въ мѣсяць; если же взять квартиру со столомъ и чаемъ и т. п., тогда придется платить вдвое больше нашего жалованья. Такимъ образомъ превитая въ мой квартирѣ, я обѣдаю и пью чай въ ресторанахъ, тамъ, гдѣ насыщается чуть ли не половина Лондона и гдѣ обѣдъ стоитъ не болѣе 2 шиллинговъ.

Относительно книгъ я надѣюсь обезпечить себя слѣдующимъ способомъ: запишусь въ одну изъ здѣшнихъ библіотекъ, что не будетъ стоить слишкомъ дорого, и буду брать нѣкоторыя изъ книгъ на квартиру; далѣе, батюшка обѣщаль мнѣ выхлопотать чрезъ наше посольство позволеніе ходить въ Британскій Музеумъ, гдѣ я могу читать всѣ нужныя мнѣ книги съ утра до вечера. Въ ожиданіи этого теперъ пробавляюсь книгами, прежде приобрѣтенными мною.

Надѣясь такимъ образомъ повести свои занятія правильнѣе и постояннѣе, я чувствую очень живую потребность попросить Васъ, милый братецъ, снабдить меня, если можно, нѣкоторыми болѣе точными указаніями или инструкціями относительно направленія и объема моихъ будущихъ занятій. Въ письмѣ своемъ къ Об.-Прокурору я упомянулъ, что мои занятія главнымъ образомъ обращены къ церковной исторіи со времени реформаціи. Конечно для меня было бы очень

важно узнать, какіе пункты на этомъ обширномъ полѣ требуютъ особеннаго вниманія и остановки? Что наиболѣе нужно? Чего добиваться? Англійскую ли исторію имѣть особенно въ виду, или брать шире? Было бы очень важно для меня услышать Ваше сужденіе объ этомъ дѣлѣ.

Душевно благодарю Васъ, добрѣйшій братецъ, за Ваше участіе и помощь для улучшенія моего заграничнаго положенія; благодарю и за то, что Вы потрудились передать мнѣ слова и мнѣнія Владыки. Изъ рукъ Святителя ни одно дѣло не ускользало безъ замѣчаній; мудро ли что и обо мнѣ грѣшномъ онъ замѣтилъ нѣчто. Мое молчаніе и объяснять нечего; оно понятно само собою; я бы радъ душевно и почель великою честью для меня состоять въ перепискѣ съ Владыкою, но мнѣ никогда и не воображалось это возможнымъ; ибо мнѣ казалось легче и удобнѣе написать цѣлую книгу о чемъ либо, чѣмъ письмо къ Владыкѣ. О чемъ же я буду писать? Другое дѣло мой предшественникъ. Тамъ послѣ пяти строкъ о дѣлѣ прибавлялось 15 родственныхъ. Для меня этой выгоды нѣтъ. Правда, я не прочь писать и о дѣлѣ, если бы былъ увѣренъ, что наши понятія о немъ сколько-нибудь приближались одно къ другому. Мое дѣло не покажется ли ему бездѣльемъ? Я желалъ бы, напримѣръ, слышать отъ Владыки, что, какую сторону въ моемъ предметѣ, онъ находитъ особенно нужною, полезною для изученія. Я желалъ бы, подобно здѣшнимъ морскимъ офицерамъ, получить отъ него, какъ тѣ получаютъ отъ генераль-адмирала, инструкціи для моихъ занятій. Словомъ, я желалъ бы просить его, чтобы онъ потребовалъ отъ меня чего-нибудь. Но я и теперь не думаю, чтобы можно было о чемъ-нибудь спросить его. О какомъ же серьезномъ содержаніи говорите Вы, милый братецъ?

Предпочтеніе Владыкою англійской литературы предъ французскою совершенная истина. Можетъ быть въ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, отрасляхъ французы дѣйствительно велики; но плохіе богословы. Кромѣ ультра-монтанскихъ брошюръ, да преній о папѣ, тамъ нѣтъ ничего. Не знаю отъ чего, но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, у меня образовалось сильное предубѣжденіе не въ пользу французовъ. Тѣ, съ которыми мнѣ приводилось сталкиваться здѣсь, окончательно расположили мое мнѣніе не въ пользу своей націи. За какую книгу ни возьмешься—пустота, кучи словъ безъ содержанія, чувствительныхъ фразъ безъ чувства; только время теряешь въ чтеніи. А въ Парижъ все-таки нужно съѣздить.

Дней пять назадъ уѣхала графиня съ семействомъ. Графъ уже давно въ Россіи, за своими дѣлами. Свободные заграничные станки глупо и враждебно привѣтствовали его назначеніе. Что за странное явленіе? Религіозность, благочестіе ставятъ человѣку въ порокъ, въ преступленіе! Одни говорятъ,

что ему бы слѣдовало быть архіереемъ, что это монахъ въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ; другой прибавляетъ, что послѣдовали новыя назначенія въ министерствѣ: Бурачекъ—товарищемъ министра¹⁾; Аскоченскій²⁾ директоромъ департамента. Глупо, не правда ли? Не знаютъ совсѣмъ человѣка, да и судятъ о немъ. Ужъ одна честность неподкупная дѣлаетъ дорогимъ этого человѣка.

Парламентъ теперь распущенъ; политическія новости не занимаютъ публику по прежнему; мнѣніе объ этомъ сезонѣ высказалось во множествѣ каррикатуръ, смыслъ которыхъ можно уложить въ одну фразу: too much of talking, but nothing for work—много словъ, да мало дѣла. Въ богословской литературѣ книга *Essays and Reviews* возбудила уже полемику; въ журналахъ появляются статьи противъ. Интересъ живой и почти всеобщій. Я бы съ удовольствіемъ написалъ что-нибудь по поводу этой исторіи; но боюсь, что это невозможно для нашего журнала. Книга совсѣмъ не христіанская; объ ней и говорить, мнѣ кажется, нельзя въ нашемъ изданіи.

Въ Москвѣ Вы будете съ Капитономъ Ивановичемъ. Желалъ бы я передать великому труженику мое душевное почтеніе и спросить, не нужно ли чего нибудь ему изъ Англій? Великій археологъ англійскій Пальмеръ теперь живетъ въ Петербургѣ и трудится надъ изученіемъ нашей исторіи. Странная мысль—записать Никона въ Римско-католическіе святцы не покидаетъ его; слухъ былъ, что онъ хочетъ предложить это дѣло на судъ папы.

Лондонъ.

Благодарю Васъ³⁾ за письма и прошу извиненія, что не вдругъ собрался отвѣтить Вамъ. Время мое идетъ такъ быстро, незамѣтно, что не безъ затрудненія я выбираю нѣсколько минутъ для краткой бесѣды съ Вами. Цѣлый день съ 9 утра и до 5 вечера я просиживаю въ Британскомъ Музеѣ, роясь, часто безъ толку, въ книгахъ и манускриптахъ. Послѣ обѣда, около семи часовъ возвращаюсь домой усталый и до того утомленный нравственно, что не хочется, нѣтъ силъ взяться за перо, которымъ водишь иногда цѣлый день. Бросишься въ кресло, да иногда и задремлешь и заснешь совсѣмъ не въ пору. Извините поэтому, если письма мои выходятъ вялыми, безсодержательными. Иногда не хочется и говорить, не только писать.

Мои занятія здѣсь опредѣлились точно; отъ брата Александра Васильевича я получилъ вчернѣ программу, состав-

¹⁾ Бурачекъ, Степанъ Онисимовичъ (1800—1876), послѣдовательный представитель чистаго застоя, проповѣдывавшій въ своемъ «Маякѣ», что «Пушкинъ уронилъ русскую поэзію, по крайней мѣрѣ, десятилѣтія на четыре», и т. п.

²⁾ Викторъ Ипатіевичъ—широко извѣстный въ то время крайностію своего направленія, редакторъ «Домашней бесѣды».

³⁾ Настоящая выдержка заимствована изъ письма не къ Александру Васильевичу, а къ роднымъ въ Москву.

ленную по приказанію митрополита; написано даже письмо къ послѣднему, и считаю себя отдѣлвшимся, по крайней мѣрѣ, на 2 мѣсяца или болѣе...

Вѣсти о смутныхъ дѣлахъ университетскихъ дошли до насъ въ самыхъ подробныхъ статьяхъ Times, который не замедлилъ присовокупить къ даннымъ фактамъ и свои глубокомысленныя разсужденія о Россіи вообще и о русскомъ образованіи въ особенности. По этимъ слухамъ и Вашъ университетъ также или былъ закрытъ, или еще и доселѣ закрытъ. Не думаю, что это была правда, потому что Times не утверждаетъ положительно. Въ Петербургской духовной Академіи также суматоха, хотя, кажется, изъ-за пустяковъ. Но судя по тому, что 25 студентовъ выгоняются, по указу Синода, изъ Академіи, видно, что правительство не думаетъ останавливаться на полумѣрахъ.¹⁾ Не много отраднато во всѣхъ этихъ новостяхъ. Что это мы все шумимъ, волнуемся, тревожимся? Что это такъ тѣсно намъ среди видимаго простора? И что это здѣсь, гдѣ поистинѣ такъ тѣсно человѣку, онъ живетъ такъ спокойно, невозмутимо. Оксфордъ съ Кэмбриджемъ идутъ какъ заведенныя машины; великолѣпно роскошны по наружности, полны матеріальнаго добра по самые края и живутъ, никого не спрашивая и никого не задѣвая. Въ своихъ средне-вѣковыхъ красныхъ или голубыхъ мантияхъ, въ уродливыхъ шляпахъ, чулкахъ и башмакахъ, и студенты и профессора прозябаютъ мирно въ тишинѣ своихъ коллегій, корпя до поту надъ Платономъ и Аристотелемъ, надъ Ливіемъ и Тацитомъ. Или жизнь у нихъ совсѣмъ вымерла и не стѣсняется никакими рамками? Но за то они и не имѣютъ никакого притязанія на прямое общественное вліяніе, не хотятъ быть во главѣ, руководителями какихъ либо движеній внѣ области научной. Хорошо имъ правда и потому, что они очень богаты и ни въ чемъ не нуждаются. Въ лучшихъ коллегіяхъ студенты платятъ до 300 ф. (около 2.500 р.) и ни въ одной менѣе 100 ф. Понятно отъ чего они дивятся, какъ русскіе студенты не могутъ заплатить 8 ф. А не знаютъ того, что русскіе студенты приходятъ изъ Ветлуги въ Москву пѣшкомъ и съ двугривеннымъ въ карманѣ. Нѣтъ, англійскимъ университетамъ никогда не понять русскихъ, и горе тому министру, который бы захотѣлъ вставить русскую молодежь въ англійскія рамки. Новое вино не вливаютъ въ старые мѣха. Разрывъ неизбѣженъ.

Лондонъ сентября 3.

Наконецъ, кажется, довольно благонадежно я прикрѣпляюсь къ своему мѣсту. На-дняхъ Т. И. Филипповъ извѣстилъ

¹⁾ Студенты С.-Петербургской Академіи перестали посѣщать лекціи бакалавра Предтеченскаго, временно занимавшаго кафедрю греческаго языка; за это было уволено изъ Академіи до 30 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, Владиславль. Подробнѣе объ этомъ см. «Мои замѣтки и воспоминанія», м. Леонтія. «Богосл. Вѣсти.», 1914, янв. 140 сл.

меня, что хотя окончательнаго распоряженія по моему дѣлу и не послѣдовало, но, за неимѣніемъ препятствій, его можно причислить къ рѣшеннымъ. По предложенію графа мнѣ назначено выдать 1.000 рублей въ прибавку къ жалованью; слѣдовательно ровно 200 ф., о которыхъ я упоминалъ. Разумѣется на этотъ капиталъ не раскутишься. По соображеніямъ, какія я успѣлъ сдѣлать на основаніи прошедшаго мѣсяца самостоятельной жизни моей въ Лондонѣ, оказывается, что этихъ денегъ при нѣмецкой аккуратности и воздержаніи едва едва хватитъ на существенныя нужды. Около 80 ф. я долженъ отдать за свою маленькую квартиру съ худымъ англійскимъ чаемъ; столько же потратится на поддержаніе моей грѣшной плоти бифстексами и картофелемъ. На остальное дѣлай, что хочешь: одѣвайся и обувайся и пр. Т. И. говорилъ было Гаевскому о прибавкѣ, но, какъ замѣчаетъ онъ, «врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ». Разумѣется, при этомъ нельзя и думать о приобрѣтеніи здѣшнихъ дорогихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ я радъ возможности попробовать сдѣлать что нибудь. Теперь оставилъ до времени всякую мысль о Парижѣ.

Лондонъ февр. 1862.

Не дожидаясь отвѣта на мое предшествующее письмо, рѣшилъ надоѣдать Вамъ другимъ. Дни нашей мясляницы, которой ничего подобнаго нельзя отыскать въ Англии (мои повара не умѣли даже сдѣлать блиновъ, какъ я ни объяснялъ имъ теорію ихъ печенія), Вы, конечно, проводили въ Москвѣ за разными работами, еще пожалуй съ Владыкою. И Ваша мясляница болѣе похожа на англійскую, чѣмъ на русскую. Я также отвыкъ отъ всѣхъ нашихъ праздниковъ и не только народныхъ, но даже и церковныхъ. Присутственнымъ мѣстомъ моимъ продолжаетъ служить музей, въ которомъ я роюсь, по временамъ не безъ успѣха. Но какъ всѣхъ книгъ (ихъ болѣе 2 милліоновъ) перечитать нельзя, то я и начинаю подумывать о переселеніи съ Албіона къ Наполеону, хотя и боюсь хитрой политики послѣдняго... Пугаетъ языкъ, новая необходимость начинать съ аза, потому что моего французскаго нарѣчія, сколько я пробовалъ его въ Лондонѣ между французами, не понимаютъ...

Съ думою объ отъѣздѣ изъ Албіона соединяется у меня другая преступная дума. Вотъ если бы мнѣ дали средства приобрѣсти, положимъ для казны, лучшія и драгоцѣнныя сочиненія по богословской и исторической наукѣ, существующія въ Англии и на англійскомъ языкѣ¹⁾. Самъ я истратилъ быть можетъ болѣе 50 фунтовъ на покупку разныхъ книжныхъ

1) Это желаніе Ник. Кирилловича, повидимому, въ значительной степени исполнилось. Весьма немалое количество англійскихъ книгъ въ бібліотекѣ Московской Академіи носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды того, что были приобрѣтены Николаемъ Кирилловичемъ.

мелочей, но за большіе томы боюсь приниматься. Мой тщательный выборъ, при помощи и совѣтахъ самихъ англичанъ, вотъ все, что могъ бы я предложить въ этомъ случаѣ. Въ Англіи, къ несчастію, книги очень дороги; во Франціи много дешевле, но за то, на мой взглядъ, онѣ хуже. Какія чудныя, наприм., здѣсь изданія библейскихъ комментаріевъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ древнѣйшихъ реформаторовъ? Какіе прекрасные библейскіе словари и энциклопедіи? Къ оку близко, да зубъ нейметъ, по русской пословицѣ.

Парижъ сен. 12, (24). 1862.

Теперь о дѣлѣ; буду отвѣчать на указанные Вами вопросы. Сколько угодно сотъ томовъ можно переслать отсюда, хотя этотъ способъ и не обойдется дешево. Здѣсь мое посредство едва-ли можетъ послужить къ чему нибудь; не выйдетъ ни дешевле, ни лучше того, какъ если бы Вы обратились къ какому нибудь изъ комиссіонеровъ-книгопродавцевъ. Можетъ быть я уторгую нѣсколько процентовъ при покупкѣ книгъ— и только. Для пересылки условія одинакія. Вы спрашиваете, какія условія для этого существуютъ по иностранной цензурѣ? Такія же, какъ и для товаровъ, ввозимыхъ и не ввозимыхъ. Книги подозрительнаго характера удерживаются и читаются, а иногда и задерживаются. Пошлина за ввозъ небольшая. Съ книгами, какія требуются для Васъ, едва ли будутъ какія либо затрудненія.

Вотъ изъ Лондона я думаю пересылать совсѣмъ иначе. Если Вы поспѣшите своими порученіями, тогда я, сдѣлавъ покупки, обращусь къ нашимъ морякамъ, пока еще не кончилась навигація наша, они возьмутся безденежно доставить сколько угодно сундуковъ въ Петербургъ, а оттуда уже легко переправить въ Академію. Такъ я поступилъ уже съ своими книгами; такъ думаю поступить и съ другими, если только получу Ваши приказанія вскорѣ и прежде прекращенія навигаціи.

Парижъ Нояб. 8, 1862.

По поводу вопросовъ митрополита я написалъ къ Евг. Ивановичу и просилъ его выслать нужныя книги. Если онъ вышлетъ и если силы мои позволяютъ работать, я постараюсь удовлетворить желаніямъ Владыки, какъ ни странно послѣднее изъ нихъ. Мало ли мечтателей въ Англіи, то и дѣло завирающихся. Да и кто-жъ изъ хорошихъ писателей въ послѣдніе полтора года вступалъ съ ними въ серьезный споръ. Несомнѣнно, въ Англіи есть цѣлая партія, помѣшавшаяся на Апокалипсисѣ, и его объясненія, болѣе или менѣе дикія, появляются ежегодно въ теченіе сорока или болѣе лѣтъ. Владыка не знаетъ, видно, что для вождей этой толпы Апокалипсисъ служитъ вѣрнымъ средствомъ для добыванія насущнаго хлѣба (буквально) и даже авторитета, но только въ кругу этой

толпы. Въ такую же биржевую спекуляцію обращена кальвинова теорія о предопредѣленіи и ея проповѣдь въ извѣстномъ кружкѣ кормить ловкихъ и бойкихъ ораторовъ.

Закупку англійскихъ книгъ я желалъ бы сдѣлать самъ лично; такъ было бы и дешевле, за то нужно было бы ждать моего выздоровленія ¹⁾. При этомъ считаю нужнымъ спросить, прикажете ли покупать всѣ книги въ новомъ видѣ и послѣднемъ изданіи и платить много дороже, или же не брезговать, не говорю поношенными, — нѣтъ, но полежалыми книгами, крѣпкими и даже свѣжими, и платить подъ разъ чуть не вдвое дешевле. Я бы предпочелъ послѣднее, тѣмъ болѣе что многія изъ книгъ, предназначенныхъ къ покупкѣ, далеко не новаго происхожденія.

Что это все монаховъ, и притомъ одинъ другого хуе, дѣлаютъ ректорами? Ну что за ректоръ, напримѣръ, Игнатій? ²⁾ Почему это Владыка не догадается, сдѣлавши Васъ лицомъ духовнымъ, ввѣрить Вамъ же и управленіе заведеніемъ нашимъ, да не на годъ или на два, а на всю жизнь ³⁾. Что за необходимый атрибутъ для ректорства—монашество? И что за станцію сдѣлали изъ этой должности? Довольно; боюсь, желчь разольется еще хуже; и теперь въ глазахъ и подъ ногтями желто. Простите добрѣйшій, братецъ, и благословите больного Николая.—

Сообщилъ проф. *В. Соколовъ*.

¹⁾ Николаю Кирилловичу пришлось похворать въ Парижѣ довольно серьезно, о чемъ имѣется немало свѣдѣній въ его письмахъ.

²⁾ Рождественскій.

³⁾ Когда Н. К. писалъ это письмо, высказанное имъ здѣсь желаніе уже осуществилось, такъ какъ за четыре дня до этого, 23 октября 1862 г. (т.-е. 4 ноября нов. ст.), Александръ Васильевичъ былъ опредѣленъ ректоромъ Московской Академіи.

ПИСЬМА А. В. ГОРСКАГО КЪ ПРОФ. Н. К. СОКОЛОВУ ¹⁾.

(1861—1863 гг.).

Давно, мой любезнѣйшій братецъ, давно собираюсь къ тебѣ писать; да все думаю выбрать время посвободнѣе, чтобы побесѣдовать попросторнѣе,—и оттого выходитъ, что я пропускаю одну почту за другою. Потому рѣшаюсь, не выбирая времени, а пользуясь тѣмъ, какое найдется, и не думая о многомъ, а что Богъ пошлетъ, написать къ тебѣ и тѣмъ снять съ себя грѣхъ долговременнаго молчанія.

Благодарю тебя и за добрую память обо мнѣ, и за обширное посланіе. Дороги и любопытны для насъ всякія замѣтки наблюдателя, который привыкъ смотрѣть на все съ одной точки зрѣнія съ нами. Дай Богъ, чтобы только скорѣе сдѣлалось доступною для тебя внутренняя жизнь англійскаго общества, а мое частное желаніе—чтобы ты скорѣе могъ познакомиться и съ наукою и литературою англійскою, чтобы скорѣе прошелъ ты неизбѣжный періодъ приготовленія къ этому знакомству, и затѣмъ свободно могъ пользоваться учеными трудами въ области науки, мнѣ и тебѣ дорогой.

На первый разъ, однакожъ, не дожидаясь твоихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ англійской словесности, я хочу попросить тебя, чтобы ты помогъ мнѣ въ мой надобности. Давно мнѣ хочется имѣть точный переводъ изданнаго W. Cureton'омъ въ Spicilegium Syriacum 1855 г. письма какого-то Mar-a къ сыну его Серапіону о явившемся въ Іудеѣ съ новымъ ученіемъ Царѣ.

Письмо это относятъ иные (между прочимъ самъ издатель) ко II вѣку, другіе къ первому. Оно недавно найдено на Востокѣ, и хотя не очень ясно, но какъ-то своеобразно опредѣляетъ чрезвычайное явленіе палестинское. Думаю, что въ текстѣ сирскомъ есть и переводъ англійскій. Такъ вотъ съ этого перевода желалось бы имѣть точный переводъ; равно нужно

¹⁾ Изъ предлагаемыхъ писемъ нѣкоторыя выдержки, а также проектъ инструкціи бакалавру Соколову, напечатаны въ изданіи: «Древности. Труды славянской комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества». Томъ III. М. 1902 г.

бы точнѣе знать, на чемъ основываетъ издатель свои соображенія о времени этого письма и если есть что-нибудь любопытнаго о томъ же. Нѣмцы не совсѣмъ то соглашаются съ этимъ времяопредѣленіемъ: но это не бѣда. Помнится, я говорилъ объ этомъ еще съ вашимъ о. протоіереемъ ¹⁾. Не поможетъ ли онъ тебѣ въ отысканіи изданія и въ передачѣ перевода, если нужна будетъ для этого посторонняя помощь. Мнѣ хотѣлось бы это письмо, съ приличнымъ объясненіемъ, напечатать въ нашемъ изданіи ²⁾.

Кстати скажу объ «Русскомъ Вѣстникѣ». Братецъ Иванъ Кирилычъ ³⁾ наводилъ о немъ справки въ конторѣ редакціи этого журнала и ему отвѣчали, что живущему въ Лондонѣ надобно подписываться на него у берлинскаго книгопродавца, а тотъ будетъ пересылать книжки изъ Россіи. Въ Москвѣ же нельзя, говорятъ, подписаться. Въ Лондонѣ есть корреспонденты берлинскихъ книгопродавцевъ.

Желательно бы, братецъ, чтобы ты сообщилъ намъ для изданія еще что найдешь стоящимъ вниманія. Тебѣ направленіе и характеръ нашего изданія извѣстны. Конечно, ближе всего къ намъ наша православная Церковь. Если бы встрѣтилось что любопытное для ея исторіи, весьма было бы намъ пріятно получить о томъ свѣдѣніе и напечатать у себя. Но и изложеніе событій, относящихся до западной Церкви, съ православной точки зрѣнія, не менѣе для насъ важно и любопытно.—Этимъ не вызываю я на какую-нибудь поспѣшную, срочную работу, но желалъ бы указать только на то, какъ мы дорожимъ тобою и твоимъ положеніемъ.

Что тебѣ сказать о нашихъ дѣлахъ? Ректора о. Сергія ⁴⁾ взяли у насъ на кафедрѣ Курскую. Въ январѣ онъ посвященъ. А намъ дали Московскаго ректора, о. Савву ⁵⁾. Какъ это сдѣлалось, что намъ достался онъ, а не о. Порфирій ⁶⁾, это длинная исторія. Всему виною было вмѣшательство въ это дѣло студентовъ, которые въ концѣ ноября, прослышавъ о назначеніи на Курскую кафедрѣ о. Сергія, написали отъ обоихъ курсовъ письмо къ кн. Урусову ⁷⁾, чтобы назначили имъ ректоромъ о. Порфирія, котораго они знаютъ съ отличной

¹⁾ Евгеній Поповъ, прот. въ Лондонѣ.

²⁾ А. В. Горскій дѣйствительно въ «Приб. къ твор. св. Отцевъ» (1861, XX) напечаталъ письмо Мары Самосатскаго къ сыну его Серапіону.

³⁾ Младшій братъ Николая Кирилловича—Иванъ, былъ въ то время студентомъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета и жилъ у старшаго брата—Александра Кирилловича, бывшаго прежде бакалавромъ Академіи (1842—1854 гг.), а затѣмъ священникомъ и протоіереемъ (благочиннымъ) Московской Троицкой на Грязяхъ церкви. Иванъ Кирилловичъ свыше 30-ти лѣтъ прослужилъ военнымъ врачомъ, совершилъ кампанію послѣдней русско-турецкой войны на Кавказѣ, вышелъ въ отставку въ званіи старшаго врача Несвижскаго полка и окончилъ дни свои врачомъ Моск. Дух. Академіи.

⁴⁾ Ляпидевскій, впоследствии митрополитъ Московскій.

⁵⁾ Впоследствии архіепископъ Тверской.

⁶⁾ Поповъ, инспекторъ Академіи.

⁷⁾ Сергѣй Николаевичъ—товарищъ оберъ-прокурора Свят. Синода.

стороны и какъ чловѣка, и какъ профессора, и какъ инспектора. Письмо это, какъ и надлежало ожидать, возымѣло обратное дѣйствіе. Теперь о. Порфирій ректорствуетъ въ Виѣаніи, а о. Игнатій въ Москвѣ ¹⁾. У насъ инспектора еще нѣтъ. О. Михайлъ ²⁾ доселѣ еще исправляющимъ эту должность. (Р. S. Теперь уже представленъ).

На твои классы ³⁾ переведенъ къ намъ Евгеній Евсигнѣичъ ⁴⁾, который уже и вступилъ въ должность. Онъ и помѣстился въ твоихъ комнатахъ. Это не значить, что мы отчисляемъ тебя отъ себя, но намъ неудобно въ настоящую пору оставаться надолго безъ наличныхъ наставниковъ. И такъ у насъ нѣтъ налицо профессора философіи.

А ты, братецъ, помни, что тебѣ съ возвращеніемъ въ лавру надобно будетъ хлопотать объ открытіи здѣсь класса англійскаго языка. Классъ этотъ существовалъ и до насъ, и при насъ, и послѣ насъ нѣсколько лѣтъ для желающихъ. Его надобно будетъ возобновить въ академіи, потому что и теперь, при недостаткѣ наставника, въ каждомъ курсѣ являются желающіе изучать этотъ языкъ.

Викторъ Дм. пишетъ сюда, что дѣла его идутъ порядочно ⁵⁾. Это значить, слава Богу!

Прости, мой любезнѣйшій братецъ, недѣли съ двѣ, какъ уже лежитъ написанное, а я все не соберусь докончить и отослать. Я не вижу, какъ ускользаетъ время. Что еще написать тебѣ?

Теперь живетъ подлѣ меня въ Троицкомъ посадѣ моя маменька ⁶⁾. Она квартируетъ въ томъ же домѣ, гдѣ прежде квартировалъ посадскій врачъ Александръ Ильичъ. Это близъ Рождественской церкви, въ переулкѣ. Отъ меня это недалеко. Мы можемъ часто видаться и пользуемся этой возможностью. Такимъ образомъ у меня теперь есть постоянный выходъ изъ своей келліи.

Вотъ прошло и 19 ч. февраля, когда ожидали разрѣшенія главнаго общественнаго вопроса. Сейчасъ слышу, что отложено объявленіе этого рѣшенія до Великаго поста.

Чтобы не задерживать еще болѣе этихъ строчекъ, посылаю, что написано. Господь да сохранить твое здоровье и да поможетъ тебѣ во всѣхъ дѣлахъ твоихъ.

Душевно преданный тебѣ братъ твой П. А. Горскій.

21 февр. 1861 г.

¹⁾ Рождественскій, впоследствии епископъ Костромской.

²⁾ Лузинъ.

³⁾ До поѣздки за границу Н. К. занималъ кафедру русской церковной исторіи (1858—1861 г.).

⁴⁾ Голубинскій.

⁵⁾ Съ янв. 1861 г. и по 1 янв. 1862 г. читалъ лекціи по логикѣ и философіи Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.

⁶⁾ Ольга Косминична; ум. въ 1872 г.

Маминька моя тебѣ, другъ мой, кланяется и желаетъ тебѣ всего добраго.

Наши братья и сослуживцы всѣ въ добромъ здоровьѣ и благодарятъ тебя за память. Твои строчки были для всѣхъ насъ бесѣдой съ тобой ¹⁾.

Любезнѣйшій мой братецъ!

Съ душевнымъ удовольствіемъ встрѣчаю и читаю каждое письмо твое. По милости московскихъ братцевъ и сестрицы ²⁾, я не пропустилъ ни одного письма, къ нимъ присланнаго, и въ свою очередь дѣлюсь твоими письмами съ ними. Радуюсь твоимъ успѣхамъ въ объясненіи на языкѣ гордаго Альбіона и желаю, чтобы пребываніе твое въ Лондонѣ дало тебѣ возможность хорошо познакомиться съ лучшими произведеніями его литературы, духовной и свѣтской.

Порученіе, переданное мнѣ черезъ тебя отъ стараго знакольца нашего м. Пальмера, сначала показалось мнѣ не совсѣмъ удобнымъ къ исполненію. Если бы я былъ въ Москвѣ, какъ это было на сырной недѣлѣ или какъ можетъ быть на Святой, то я не затруднился бы отнестись къ владыкѣ съ вопросами. Но отсюда можно сдѣлать вопросъ, — а не знаешь, какъ еще придетъ отвѣтъ; однако же случилось такъ, что отвѣтъ не задержался. Въ это время, какъ пришло ко мнѣ письмо твое, нашъ новый ректоръ, для приѣма монастыря (В.-Петровскаго), находился въ Москвѣ, и я черезъ него передалъ святителю и желаніе Пальмера познакомиться съ памятниками нашей древней письменности, хранящимися въ Москвѣ, и просьбу о дозволеніи ими пользоваться. Владыка далъ на это ректору такой отвѣтъ, что объ этомъ надо просить въ С.-П.-Б., у Св. Синода. Итакъ, не посѣтуй, мой другъ, на меня, что я передаю тебѣ окончаніе дѣла не совсѣмъ въ благопріятномъ видѣ. Можетъ быть, и личное мое объясненіе ничего не сдѣлало бы лучшаго. Извѣстна тебѣ осторожность нашего святителя. Извѣстно, всѣмъ охота сокровенное вынести наружу, творить судъ всему прежде всеобщаго Суда. Извѣстны, можетъ быть, — между нами сказать, — и причудливость и нѣкотораго рода эксцентричность м. Пальмера. Когда онъ былъ въ первый разъ у насъ, мы думали, раскрывая передъ нимъ все въ доступной мѣрѣ, привлечь его къ себѣ... Но онъ поѣхалъ въ Грецію, да своею книгою перессорилъ насъ съ греками и вмѣсто православной Церкви отдался р.-католи-

¹⁾ Нѣкоторыя выдержки изъ этого письма напечатаны въ «Древностяхъ».

²⁾ Т.-е. Александра Кирилловича, супруги его Маргариты Алексѣевны и Ивана Кирилловича. Съ А. К. и М. А. Александръ Васильевичъ находился всегда въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, особенно укрѣпившихся въ то время, когда Ал. Кир. двѣнадцать лѣтъ жилъ въ Сергіевскомъ посадѣ и былъ сослуживцемъ Ал. Вас. по Академіи.

ческой. Не мудрено, что и предполагаемый новый приездъ въ Россію, съ цѣлью изученія ея древнихъ церковныхъ памятниковъ, можетъ повести къ подобнымъ какимъ-нибудь неожиданнымъ столкновениямъ. Поэтому и не рѣшаются дать сами собою разрѣшеніе, особенно по такому дѣлу, по которому, въ официальномъ отношеніи, разрѣшенія дѣйствительно надлежитъ искать въ С.-П.-Б.

Надѣюсь, что это ни меня съ тобой, ни тебя съ Пальмеромъ или съ графомъ не поставитъ въ непріятныя отношенія; графу, если угодно, ничего не стоитъ написать объ этомъ къ нашему о.-прокурору, и онъ сдѣлаетъ для него все.

Ты издалека слѣдишь за тѣмъ, что дѣлается у насъ. Съ любопытствомъ желаешь знать, какое движеніе произвело въ Россіи объявленіе 23 милл. свободными. Это и вблизи теперь еще непримѣтнѣе, чѣмъ и издали. Объявленіе застигло какъ-то всѣхъ врасплохъ. Притомъ же манифестъ, хотя и представляется умнымъ сочиненіемъ, но на первый разъ ничего не высказалъ народу. Если ты его читалъ, то поймешь, что онъ не могъ его вызвать къ торжественному потрясенію, какъ ударъ благовѣста въ полночь на свѣтлый день. Конечно, литературный виновникъ манифеста на это и не рассчитывалъ: его мыслью было написать актъ государственный, а не рѣчь къ народу. Сущность была заключена не въ словахъ, а въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыя дано ему провозгласить. Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ другихъ идей редактора, могъ бы онъ явиться въ болѣе ясномъ видѣ; но — опять осторожность, осторожность... Спасибо, по крайней мѣрѣ, за то, что послѣднему редактору, какъ говорятъ, принадлежитъ уясненіе заслуги въ этомъ дѣлѣ и дворянства. Хоть понукаемое, однакожь оно шло... Морщилось, но подписывало отреченіе отъ своихъ исконныхъ правъ. Преобразование быта помѣщичьихъ крестьянъ повело къ пересмотру положенія и удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Смотри, братецъ, черезъ два года воротись ты въ Россію, и, пожалуй, не узнаешь ея! Или реформы скорѣе дѣлаются на бумагѣ, нежели въ жизни! Вопросовъ много, задачъ бездна: рукъ, головъ, опытности, чтобы все сообразить, устроить, — не много. Журналы берутся за все, но непризванные дѣятели часто только профанируютъ все дѣло нравственной реформы общества.

Конечно, Вамъ уже извѣстно и объявленное преобразование во внутреннемъ управленіи Польши... Но что намъ говорить о томъ, что Вамъ и скорѣе и въ большей полнотѣ извѣстно, хоть можетъ быть и не съ большею достовѣрностію.

Въ нашемъ духовномъ кружкѣ важныхъ новостей нѣтъ. Однакоже кой-что есть новенькаго. Сердечнаго о. Феодора ¹⁾,

¹⁾ Бухарева, бывшаго съ 1847 по 1854 г. бакалавромъ и профессоромъ Моск. Академіи, а затѣмъ переведеннаго въ Академію Казанскую.

члена С.-ПБ. духовной цензуры, уволили отъ этой должности и отпустили, по его просьбѣ, на покой въ Переяславскій-Никитскій монастырь. Поводомъ къ этому было нападеніе на его книгу Аскоченскаго, издателя «Домашней Бесѣды», выставяющаго себя самымъ жаркимъ ревнителемъ православія, но, кажется, «не ради Іисуса, а ради куса». Притомъ же этотъ человѣкъ— не застѣнчивый; не станетъ у него ни за чѣмъ дѣло: онъ не побоится другому и шею свернуть. Теперь у него идетъ азартный споръ съ «Правосл. Обзорѣніемъ»,—все-таки началось изъ-за того-же о. Ѳеодора. Но я не знаю, что это такое? Это не полемика, а гаерство, прикрывающее себя личиною православія, потому что подъ этимъ знаменемъ можно шумѣть и кричать; этого мало,—за это еще и хорошо платятъ. Но развѣ позволительно низводить преніе о священныхъ предметахъ въ балаганъ подъ Новинской... Я не защитникъ «Православнаго Обзорѣнія», но никогда не желалъ бы, чтобы наша духовная литература еще разъ показала такой примѣръ разнузданности въ словѣ.

Вотъ еще новость для занимающихся русск. церк. исторіею: недавно вышло «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола», это подробное извлеченіе изъ многихъ раскольничьихъ книгъ; немножко тяжела по изложенію, какъ семинарская работа, но много содержитъ въ себѣ любопытнаго. Это, говорятъ, трудъ одного изъ ректоровъ сем., подписанный еще мірскимъ именемъ автора: «Александръ Б.» Составленъ по рукописямъ, бывшимъ въ бібліотекѣ пр. Макарія и митроп. Платона.

Вышло нѣсколько книгъ философскаго содержанія: 2 ч. Лексикона Гогоцкаго; «О развитіи философск. ученій въ связи съ языч. вѣрованіями»—Новицкаго; переводы нѣкоторыхъ разговоровъ Платона и изложеніе ученій Сократова и Платонова по Целлеру,—трудъ Клеванова. Журналы наши не отказались трактовать объ этихъ явленіяхъ въ области нашей мысли. Но чего ждать отъ философіи Лаврова, отъ философіи «Современника», для правильной оцѣнки такихъ трудовъ? Ихъ собственная точка зрѣнія—матеріализмъ.

Но, прости, мой другъ, прерываю пріятную съ тобою бесѣду, приготавлиюсь нынѣ служить. Приближается годовщина моего священства... Велики ко мнѣ милости Божіи! Истинно, «вкусите и видите, яко благъ Господь». Таинства раскрываютъ намъ тайны любви Божіей!

Господь да сохранитъ тебя, другъ мой, Своею благодатію. Отцу протоіерею Вашему прошу отъ меня поклониться. Жду письма твоего съ отвѣтомъ о новонайденномъ на сирскомъ языкѣ письмѣ.

Твой вседушевно П. А. Горскій.

Мамаша моя усерднѣйше тебѣ кланяется. Мой Саша ¹⁾ держитъ экзамень на доктора. Доколѣ еще не слышу, чтобы «провалился».

Твой и мой Сергѣй ²⁾ тебѣ кланяется и проситъ вспомнить его, хоть для сравненія съ англійскою услугою. Петръ Макарычъ ³⁾, по случаю отъѣзда Виктора Дм., дѣйствительно теперь много занятъ своими классами. Но собирается написать къ тебѣ, а теперь проситъ только принять отъ него поклонъ.

22 апр. 1861 г.

Мы въ преддверіи великаго и свѣтлаго Праздника: а когда мое письмо будетъ въ рукахъ твоихъ, мой безцѣнный братецъ, тогда этотъ радостный праздникъ протечетъ свѣтлою волною, и мы снова останемся въ прежнемъ полумракѣ. Итакъ, воспользуемся краткимъ временемъ его свѣтенія, и на зарѣ его явленія вспомнимъ старый русскій, и еще болѣе старый христіанскій обычай, обьемемъ другъ друга мысленно и скажемъ другъ другу: «Христось Воскресе, воистину воскресе». Не много сказано, но все сказано.

Въ то время, какъ я собирался благодарить тебя, любезнѣйшій братецъ, за сообщеніе мнѣ всего письма Мара Самосатскаго въ переводѣ, равно какъ и замѣчаній издателя, откладывая письмо свое къ тебѣ до болѣе свободныхъ дней Страстной и Свѣтлой седмицы, получено отъ тебя новое письмо, съ новыми свѣдѣніями объ ученыхъ новостяхъ церковныхъ, но и съ прискорбнымъ для меня извѣстіемъ, что ожидаемое тобою письмо мое съ отвѣтомъ о мистерѣ Пальмерѣ еще не получено. Впрочемъ, судя по времени отправленія его мною, едва ли оно и могло быть получено въ Лондонѣ до 5 апрѣля, когда писалъ ты, другъ мой, ко мнѣ послѣднія свои строки. Какъ замѣчаю, для пересылки письма изъ Лондона въ Трицкій Посадъ, нужно отъ 14 до 16 дней. Столько же, конечно, и для моего письма нужно времени: а оно пошло отсюда 24 марта (по нашему стилю). Итакъ, я еще не безъ надежды, что оно дошло до рукъ твоихъ.

Если же нѣтъ, то благоволите вѣдать, мой другъ, что святитель нашъ самъ отъ себя отклонилъ разрѣшеніе дать любознательному Пальмеру заниматься въ бібліотекѣ Московскаго духовнаго вѣдомства, но приказалъ сказать, что онъ можетъ, если ему угодно, просить объ этомъ дозволенія у Св. Синода. Въ прошломъ письмѣ я объяснялъ свои догад-

1) Племянникъ Ал. В-ча Александръ Павловичъ Птицынъ—сынъ сестры его Юліи Васильевны отъ ея перваго брака, окончившій курсъ Московскаго университета по медицинскому факультету.

2) Вѣрный слуга Ал. В-ча, служившій прежде Николаю Кирилловичу.

3) Хупотскій, магистръ 22 курса, бакалавръ опытной психологіи и нравственной философіи въ Моск. Академіи (1860—1865 г.).

ки, почему владыка далъ такой отвѣтъ. Не буду повторять ихъ: если онѣ и не сдѣлаются тебѣ извѣстными, съ пропажею моего письма,—бѣда не велика. Да и легко могутъ быть онѣ вознаграждены собственнымъ соображеніемъ. Если г. Пальмеръ рѣшится ѣхать, то, я думаю, черезъ о.—прокурора графа Александра Петровича ¹⁾ онѣ безъ затрудненія получатъ желаемое разрѣшеніе.

Послѣ твоего письма я получилъ свѣдѣніе отъ Муравьева, что онѣ не отложилъ своихъ занятій жизнеописаніемъ Никона. И какъ онѣ предполагалъ прежде, это должно быть большое сочиненіе, томовъ въ шесть. Я не думаю, чтобы эта книга могла удовлетворить ученымъ требованіямъ, если бы и суждено было ей явиться въ свѣтъ. Андр. Николаичъ не любитъ и не способенъ къ тѣмъ предварительнымъ работамъ, которыя поглощаютъ столько времени у историческаго изслѣдователя: онѣ можетъ пользоваться только собранными матеріалами и расцвѣчивать факты. Но не знаю, найдетъ ли возможнымъ вѣрно понять положеніе нашихъ государственныхъ и церковныхъ дѣлъ иностранецъ и иновѣрецъ. Свои примѣры, свои убѣжденія, политическія и религіозныя, думаю, будутъ препятствовать вѣрному пониманію нашей неразработанной исторіи. То, что сообщилъ мнѣ ты, другъ мой, о матеріалахъ русской церк. исторіи, какіе у Пальмера находятся, и имѣ переведены на англ. языкъ, вообще мало имѣютъ отношенія къ дѣлу Никона, за исключеніемъ пяти-шести №№.

Въ письмѣ отъ 22 марта спрашивалъ ты, братецъ: можно ли для Пальмера сдѣлать списокъ съ отвѣтовъ Никона Паисію и Стрѣшневу? Я, по себѣ, не встрѣчаю въ этомъ затрудненія. Но, мнѣ кажется, нужно бы сдѣлать изъ нея извлеченіе, а не переписывать всю рукопись. Именно, нѣтъ нужды переписывать частыя выписки изъ Библии и правилъ церковныхъ и толкованія на нихъ. Эти выписки достаточно бы замѣнить цитатами. Если припомнишь, такихъ лишнихъ страницъ очень много въ книгѣ. Но и не выкидывая ничего, я думаю, напишутъ болѣе 150 листовъ. А съ листа брали вотъ недавно, когда писали для Костомарова, по 20 к. сер. Въ извѣстной тебѣ рк. отвѣты занимаютъ л. 89—305.

Возвращаюсь къ упомянутому мною въ началѣ письму Мара. Очень благодарю тебя, братецъ, что полнымъ переводомъ ты далъ мнѣ возможность судить о цѣломъ составѣ его. Сомнѣваюсь я, чтобы пишущій былъ христіанинъ, какъ кажется Куртону: въ письмѣ слишкомъ мало христіанскаго. Отсутствіе этого характера нельзя объяснить временами гоненій: невѣроятно, чтобы въ ту пору была простерта стро-

¹⁾ Ахматова.

гость полицейскаго надзора относительно христіанъ даже на ихъ переписку. По крайней мѣрѣ, мнѣ не представляется такого примѣра. Вообще письмо въ отношеніи религіозномъ поражаетъ какою-то безцвѣтностію: ни языческое, ни христіанское не высказывается въ немъ съ опредѣленностію. Тѣмъ не менѣе фраза о Спасителѣ замѣчательна: въ ней выразилось полувѣрное стремленіе одухотворять фактъ, какъ это и нынѣ часто бываетъ у нашихъ учителей-нѣмцевъ. И по этой самой чертѣ, мнѣ кажется, письмо должно быть ближе по времени къ самому явленію христіанства. Во второмъ столѣтіи, когда христіанъ знали повсюду, и книги ихъ были у всѣхъ въ рукахъ, можетъ быть не такъ удобно объяснить это перетолкованіе Воскресенія Христова въ неумираемость его закона. Да и фактическую сторону письма нѣмцы изъясняютъ, мнѣ кажется, съ большею вѣроятностію, относя его къ 70 годамъ перваго столѣтія. Вскорѣ послѣ взятія Іерусалима, римляне захватили маленькое царство Коммагенское, съ его столицею Самосатами. Царь его Антиохъ бѣжалъ, но пойманъ и задержанъ въ Лакедемонѣ. Очень вѣроятно, что Мара былъ спутникомъ и вѣрнымъ слугою несчастнаго царя и съ нимъ раздѣлилъ и плѣнъ и заточеніе... По этимъ соображеніямъ, письмо Мара надлежало бы признать самымъ раннимъ внѣшнимъ свидѣтельствомъ о Христѣ Спасителѣ. (Іосифъ Флавій писалъ позднѣе).

Изъ другихъ отрывковъ, упоминаемыхъ тобою между изданными Куртономъ, нѣкоторые я видѣлъ въ новомъ изданіи парижскомъ: *Patrologiae Cursus*... Пасхальныя посланія Св. Аѳанасія В. есть у насъ теперь въ двухъ переводахъ: и въ нѣм. и въ латинскомъ. Ефрема Сирина въ этомъ изданіи еще ожидаемъ; туда, вѣроятно, войдутъ и вновь открытыя отрывки. Что за отрывки изъ четвертой книги исторіи Евсевія на сирск. у Куртона? Не прошу трудиться надъ переводомъ, если не содержится въ нихъ чего-нибудь особенно важнаго. До сихъ поръ, кажется, не подозрѣвали въ этой книгѣ недостатковъ или опущеній.

Спѣшу перейти къ послѣднему письму твоему и поблагодарить тебя за извлеченіе изъ книги Станли. Судя по скромному тону Станли, какой мы могли замѣтить при личномъ свиданіи, и по твоимъ извлеченіямъ, кажется, книга его не такова, чтобы при извѣстной нашей осторожности, нельзя было о ней, и по поводу ея, поговорить на страницахъ нашего журнала, гдѣ уже не одинъ разъ работала твоя рука, мой любезнѣйшій братецъ. Поэтому просимъ тебя усерднѣйше не отказать намъ въ удовольствіи помѣстить твою заграничную статью. О Станли тѣмъ болѣе въ правѣ, и тѣмъ болѣе обязанъ сказать свое слово ты, мой другъ, что книга относится къ тво-

ей первой специальности¹⁾). Не знаю, неудобно развѣ будетъ помѣстить нѣсколько неясный, и для иныхъ двусмысленный отзывъ о современномъ нашемъ святителѣ; но, вѣдь, и не нужно будетъ все приводить буквально. Итакъ, мой другъ, за тобою слово! Какъ переслать статью къ намъ? Если она будетъ написана на такихъ же почтовыхъ листкахъ, какъ письма, то нечѣмъ и затрудняться. А если найдешь и другой способъ пересылки, и *укажешь, какъ бы мы могли иногда посылать тебѣ что-нибудь изъ нашей новой литературы*, то будемъ тебѣ очень благодарны.

Во время сырной недѣли былъ въ С.-П.-Б. нашъ Николай Ив. Субботинъ и видѣлъ тамъ о. законоучителя Государя Наслѣдника. О. протоіерей Рождественскій очень интересовался твоею послѣднею статьею, напечатанной у насъ.

Ты меня знакомишь съ Мильманомъ, котораго я читать не могу. Позволь мнѣ указать тебѣ на нѣкоторыя книги, мнѣ извѣстныя по нѣм. переводамъ, на которыя, можетъ-быть, обратишь и ты вниманіе въ подлинникѣ. G. Finlay. Исторія Греціи со временъ завоеванія крестоносцами до овладѣнія турками, и царства Трапезундскаго. Конечно, это болѣе исторія политическая, но авторъ касается и церковныхъ дѣлъ. Sir Gardner Wilkinsor. Далмація и Черногорія. Это путешествіе, но авторъ занимается и исторіей этихъ странъ, которыя въ настоящую пору такъ и просятъ выступить на первый планъ, чтобы открыть дорогу другимъ.

Все, что пишешь ты о дѣлахъ В., для насъ новость. Газеты передаютъ только приказы и распоряженія правительства. У Васъ раздаются голоса и противоположной стороны. И, конечно, самая громадность толковъ заставляетъ предполагать преувеличенія. Благодарю за сообщенія. Не оставь, другъ, и впередъ такого рода сообщеніями.

О московскихъ дѣлахъ не пишу. Вотъ не стало и Василя Степаныча²⁾. Его мѣсто занимаетъ уже Семень Михайлычъ³⁾. Изъ Москвы, конечно, все сообщаютъ тебѣ.

¹⁾ Н. К. Соколовъ ранѣ читалъ въ Академіи русскую церковную исторію.

²⁾ Магистръ 8-го курса, товарищъ по Академіи Ал. В-ча, Василій Степановичъ Пономаревъ, скончавшійся протоіереемъ Московской Сергіевской, въ Рогожской, церкви. Когда онъ или Алексѣй Васильевичъ Платоновъ, магистръ 1-го курса изъ питомцевъ славяно-греко-латинской академіи, пріѣзжали погостить въ посадь къ родственнику своему Александру Кирилловичу Соколову, они любили бесѣдовать въ дружескомъ кружкѣ съ Александромъ Васильевичемъ, Петр. Спирид. Делицынымъ и Феод. Алекс. Голубинскимъ. Эти московскіе гости были въ нѣкоторомъ родствѣ съ Ал. Вас-чемъ. Платоновъ и Пономаревъ были между собою свояки, а супруга Александра Кирилловича—Маргарита Алексѣевна, которую А. В. называетъ своею московскою «сестрицей», была дочерью Алексѣя Васильевича Платонова.

³⁾ Магистръ 12-го курса, Семень Михайловичъ Поспѣловъ, бывшій преподавателемъ Вианской семинаріи, а затѣмъ перешедшій въ Москву и окончившій службу благочиннымъ протоіереемъ Сергіевской, въ Рогожской, церкви. Семень Михайловичъ былъ женатъ на старшей дочери Алексѣя Васильевича Платонова и т. обр. своякомъ Ал. Кир. Соколова.

Моя мамаша, слава Богу, поживаетъ теперь покойно, и просила тебѣ передать ея поклонъ. Прости мнѣ, другъ, скажу и я, оканчивая мое письмо въ В. Субботу предъ обѣднею.

Твой А. Г.

Наши всѣ здравствуютъ. О. Михаилъ утверждень инспекторомъ. Мой Саша держитъ экзамень на доктора. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, дѣла его пока благополучны. Здѣшнихъ я возбуждаю писать къ тебѣ, авось, будетъ успѣхъ, хоть какой-нибудь. Всѣ, однако же, тебѣ кланяются.

Гдѣ тебя искать, любезнѣйшій мой Николай Кирилычъ? Обращаюсь наудачу къ Тертію Иванычу, потому что чрезъ него слышалъ послѣдній голосъ отъ тебя.

Въ неожиданныхъ обстоятельствахъ, какія постигли тебя, я не думалъ, чтобы ты избралъ иное рѣшеніе. Вопросъ можетъ быть о мѣстѣ пребыванія... до окончанія, двухъ срочныхъ лѣтъ; но возвращаться ранѣе срока, не испытавъ возможности продержаться тамъ данное время, показалось бы всякому не довольно благоразумно.

Гдѣ же проводить время? Чѣмъ и какъ заниматься? Какія найти средства для существованія?

Казалось бы, что начатыя приготовленія въ Лондонѣ, тамъ же должно и продолжать, тѣмъ болѣе что приготовленія къ преподаванію англ. языка, безъ сомнѣнія, въ другомъ мѣстѣ и не могли бы итти такъ хорошо. Въ Лондонѣ нельзя, конечно, слушать какія-нибудь лекціи по избранному предмету, какъ въ какомъ-нибудь университетскомъ городѣ нѣмецкомъ, но не замѣнить ли лекцій ближайшее знакомство съ литературою этой науки, котораго нельзя имѣть у насъ по малоизвѣстности еще этой области? Такъ думаю, не зная, впрочемъ, обстоятельно твоего положенія и твоихъ намѣреній.

Въ этихъ мысляхъ говорилъ я о тебѣ и съ владыкою нашимъ. Онъ, повидимому, съ неудовольствіемъ спросилъ сначала: «Что же онъ молчитъ?» Какъ будто ему неприятно, что ты ни разу изъ-за границы не почтилъ его письмомъ, разумѣется, не пустымъ, а съ какимъ-нибудь серьезнымъ содержаніемъ. Можетъ быть воспоминаніе о предшественникѣ твоёмъ ¹⁾, хотя и въ иномъ отношеніи поставленномъ, подало поводъ къ такому замѣчанію. Какъ-бы то ни было, однакоже, святитель благосклонно выслушалъ мои представленія о затруднительности твоего настоящаго положенія и изъявилъ согласіе, чтобы я написалъ о тебѣ къ о.-прокурору и просилъ у него пособія тебѣ. Правда, сказалъ владыка, что читать кни-

¹⁾ Николай Александровичъ Сергіевскій, родственникъ митрополита Филарета, бывший впослѣдствіи попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

ги можно и здѣсь, въ Россіи; но когда представилъ я, что здѣсь нельзя дѣлать научнаго выбора въ чтеніи, нельзя изучать предметъ по ближайшимъ источникамъ, что намъ вовсе еще неизвѣстна англ. богословская литература, то онъ противорѣчить не сталъ. Еще, когда рѣчь коснулась предположенія переехать въ Парижъ, по причинѣ большаго удобства и содержанія при урокахъ, какіе тамъ можно имѣть, святитель замѣтилъ: незачѣмъ туда ѣхать. Вообще онъ съ большею довѣренностію относится къ англійской богословской литературѣ, чѣмъ къ французской.

Между тѣмъ, я имѣлъ случай, еще прежде этой бесѣды съ владыкой, видѣться здѣсь, въ Лаврѣ (3 іюня) съ о. протоіереемъ Васильевымъ, нашимъ парижскимъ протоіереемъ, и отъ него получилъ благосклонное обѣщаніе помочь тебѣ въ пріисканіи уроковъ, если бы нужда заставила ѣхать въ Парижъ, и было бы на то разрѣшеніе начальства.

Получивъ разрѣшеніе писать о твоёмъ дѣлѣ къ нашему доброму Александру Петровичу, я воспользовался имъ, чтобы просить тебѣ увеличенія содержанія. Письмо мое послано 12 іюля. Что изъ этого выйдетъ, не знаю, но отъ Тертія Иванаыча имѣю извѣстіе, что графъ не прочь отъ мысли согласиться на это, только напередъ полагаетъ снести объ этомъ съ владыкою Московскимъ.

Оставляя этотъ вопросъ, въ ожиданіи благопріятнаго его разрѣшенія, обращаюсь къ послѣднему письму твоему. Изъ него я получилъ твою статью «О послѣднемъ великомъ движеніи англиканской Церкви къ католицизму». Усерднѣйше благодарю за нее, и постараюсь воспользоваться ею въ ближайшей книжкѣ нашего изданія¹⁾. Правда, исторія пьюзеизма была уже неоднократно излагаема въ нашихъ духовныхъ журналахъ, но связь ея съ позднѣйшими церковными вопросами, кажется, еще не была такъ раскрыта.

Просимъ только указать способы, какъ пересылать къ тебѣ гонорарій? Это для насъ совершенно ново, и если бы потребовалось обмѣнивать ассигнаціи на золото, то здѣсь совершенно было бы неудобно. Научите насъ, какъ поступать въ такомъ случаѣ. Вѣроятно, нужно будетъ обращаться къ банкирамъ, и платить извѣстные проценты и за труды и за неравенство курса монеты.

Вотъ уже недѣли двѣ, какъ мы пользуемся вакаціею: но владыка отъ насъ уѣхалъ только 8 числа. Въ нынѣшнемъ году исполнилось 40 лѣтъ его управленія Московскою паствою. Потому духовенство и купечество московское почли долгомъ своимъ привѣтствовать своего архипастыря 3 іюля и представить ему свои приношенія на память этого дня. Духо-

¹⁾ Въ печати такой статьи не появилось.

венство представило крестъ и Евангеліе. Купечество—дорогое облаченіе, и сверхъ того 2000 р. на Алтайскую миссію. Къ поздравителямъ примкнула и академія, не со златомъ и серебромъ, а, какъ водится, съ рѣчью.

Въ прошломъ мѣсяцѣ были здѣсь и твоя мамаша и твой братецъ Иванъ, но гостили не долго, торопясь приготовить дѣтей къ экзаменамъ. Дня черезъ два ѣду я въ Москву и не знаю, сколько времени пробуду тамъ. Прости, мой другъ. Господь да хранить тебя своею благодатію.

Твой А. Горскій.

1861 г. іюля 14 дня.

Мой любезнѣйшій братецъ и другъ
Николай Кирилычъ!

Чѣмъ долѣе ищу болѣе свободнаго времени, чтобы писать къ тебѣ, тѣмъ болѣе принужденъ откладывать переписку съ тобою. Нечего выбирать, нечего выжидать: лучше не будетъ. Пользуюсь свободными минутами, какія попались.

Не подумай, другъ мой и братецъ, что отдаленіе заставило меня забыть о тебѣ. Изъ того, что могу сообщить тебѣ, надѣюсь, увидишь, что едва ли былъ день, когда бы я не обращался мыслию къ тебѣ, конечно, благодаря при этомъ и твоей доброй памяти и усердной перепискѣ.

Въ послѣднемъ письмѣ, помнится, писалъ я къ тебѣ о томъ, что было сдѣлано мною у владыки и именемъ его для усиленія средствъ къ твоему содержанію. Наконецъ, я получилъ отъ кн. Урусова офф. увѣдомленіе о прибавкѣ къ твоему жалованью единовременнаго пособія; и душевно радуюсь улучшенію твоего положенія. Между тѣмъ, находясь въ Москвѣ и не зная еще о такомъ исходѣ дѣла, но имѣя только въ виду, что владыка можетъ видѣться въ Москвѣ съ о.-прокуроромъ, я подалъ святителю записку о тебѣ, чтобы онъ замолвилъ свое сильное слово въ твою пользу. Кажется, это не пошло далѣе рукъ его, но тѣмъ не менѣе я могу считать это доказательствомъ моей заботливости о тебѣ, другъ мой.

Къ кн. Урусову писалъ я на случай, не найдетъ ли онъ полезнымъ для тебя рекомендовать тебя особенному вниманію и покровительству нашего посланника въ Лондонѣ. Къ этому расположили меня твоя одинокость въ Лондонѣ и то обстоятельство, упомянутое разъ въ письмѣ твоемъ, что для занятій въ Британскомъ музеѣ тебѣ нужно было обратиться къ посредству нашего добраго земляка, о. протоіерея.

По приказанію владыки я составилъ проэктъ инструкцій для твоихъ занятій, съ тѣмъ чтобы онъ, по разсмотрѣніи, могъ сообщить его о.-прокурору, при свиданіи на обратномъ пути его изъ Задонска въ С.-П.-Б. Не знаю, что изъ этого вышло.

Отъ владыки отвѣта я не имѣю, да и не могу ожидать. Но при свиданіи на праздникъ пр. Сергія, можетъ-быть, услышу.

Сверхъ того, твои тетради и поллистики постоянно предъ моими глазами. Статью о «движеніи къ католицизму» скоро надѣюсь отослать въ типографію. Другая переписывается и, думаю, будетъ представлена владыкѣ, когда онъ будетъ здѣсь. —Итакъ, мой любезнѣйшій Николай Кирилычъ, несмотря на отдаленность разстоянія, душою и мыслию мы близки.

Теперь, мой другъ, возвращаюсь назадъ, и снова прошу тебя подумать, что нужно тебѣ самому написать къ святителю нашему и поблагодарить его за отеческое участіе въ твоёмъ положеніи. Пользуясь этимъ случаемъ, не только можно, но и должно начать рядъ постоянныхъ сообщеній ему о примѣчательнѣйшихъ движеніяхъ, о дѣлахъ церковныхъ въ томъ краѣ, гдѣ Богъ привелъ тебѣ быть. Не говорю о частой перепискѣ: и для тебя и для него можетъ быть она обременительна. Но мнѣ кажется, если нѣтъ особенныхъ побужденій, достаточно и четырехъ въ годъ писемъ такого рода. Нѣтъ нужды ожидать отъ начальника отвѣта, но въ полномъ упованіи на его доброе расположеніе, исполнять предъ нимъ долгъ сердца и долгъ службы, испросивъ у него однажды навсегда прощеніе, если въ чемъ, по неопытности, своими письмами не удовлетворишь справедливому его ожиданію.

Такія извѣстія, какъ, напр., о появленіи *Essays and Reviews* и о движеніяхъ, произведенныхъ въ англійск. Церкви и обществѣ ихъ появленіемъ, о замѣчательныхъ полемическихъ статьяхъ противъ нихъ, съ указаніемъ главныхъ мыслей апологетовъ христіанства, или объ уличныхъ проповѣдникахъ и объ отношеніи къ нимъ мѣстной іерархіи, о дѣйствіяхъ обществъ, занимающихся изданіемъ и раздачею дешевыхъ религіозно-нравственныхъ книжекъ,—такія извѣстія не могутъ не интересовать нашего святителя. Разумѣется, такія извѣстія не должны быть сухими статистическими отчетами, но растворены и участіемъ сердечнымъ, какъ въ дѣлѣ общемъ и намъ, по призванію нашему. Могутъ быть присоединены и обстоятельныя свѣдѣнія о новыхъ замѣчательныхъ книгахъ въ богословскомъ мірѣ Вашей страны и о своихъ частныхъ занятіяхъ. Указывая эти предметы, не полагаю необходимымъ каждый разъ говорить обо всемъ этомъ, но перечисляю для выбора. Напрасно Вы думаете, что Николай Александровичъ¹⁾ могъ интересовать владыку родственными изліяніями. Думаю, всего менѣе. —Только, Бога ради, не пишите къ святителю, такъ мелко и такъ часто, какъ къ намъ. Пощадите его глазки.

Что я написалъ Вамъ въ инструкцію, сообщаю при семъ. Я опасался стѣснить Васъ болѣе частными опредѣленіями.

¹⁾ Сергіевскій.

Если въ чемъ найдете нужнымъ получить объясненіе, спросите. Проектъ мой если не дойдетъ до Васъ офиціально, по крайней мѣрѣ, можетъ служить отвѣтомъ на Вашъ вопросъ о томъ, чѣмъ и какъ Вамъ заниматься.

Извѣстіе о движеніи, возбужденномъ въ Лондонѣ книгою Оксфордскихъ ученыхъ, съ изложеніемъ и самаго содержанія многихъ статей, дошло до насъ теперь и печатнымъ путемъ, чрезъ нѣм. журналы. Съ нынѣшняго года началъ выходить на нѣм. языкѣ журналъ, посвятившій себя исключительно трудамъ англицкихъ богослововъ, подъ заглавіемъ: *Deutsche Vierteljahrschrift*. Мы будемъ его получать, хотя не часто, и такимъ образомъ хоть нѣсколько будемъ знакомиться съ учеными движеніями въ Вашемъ мірѣ.

Ваше извлеченіе изъ лекцій Станли любопытно по взгляду иностранца, но справедливо Вы замѣчаете, что отъ кратковременнаго посѣтителя Россіи нечего много и ожидать. Поэтому, мнѣ думается, что въ печати можно будетъ иное и сократить. Но намъ нельзя не благодарить тебя, любезнѣйшій братецъ, за такое добросовѣстное исполненіе своего обѣщанія познакомить насъ съ книгою иностранца. Недавно видѣлъ я ее у графа Блудова, пріѣзжавшаго въ лавру. Книга что-то велика. Въ ней, видно, много говорится и о другомъ чемъ, кромѣ русской Церкви. Но прежде всего надо будетъ докончить Ваше обозрѣніе остальныхъ чтеній о нашей Церкви.

Но надобно сказать что-нибудь и о себѣ. У насъ, въ академіи, слава Богу, спокойно. Старшимъ студентамъ роздали предложенія для курсовыхъ сочиненій еще передъ вакаціей, и теперь они принимаются за дѣло вплотную. Движенія казанскія сюда не достигали, да и тамъ они вызваны были, вѣроятно, близостію университета. Впрочемъ, о Казани есть теперь и другія вѣсти. И университетъ и академія казанскіе удостоились нынѣ въ августѣ посѣщенія Государя Наслѣдника, и о. Хрисанъ ¹⁾ въ присутствіи Его Высочества удостоился читать свои лекціи. Развязки по бывшему дѣлу еще не слышно: но едва ли устоятъ на своемъ мѣстѣ о. Іоанну ²⁾, и въ академію, говорятъ, предназначается тверской о. ректоръ Серафимъ ³⁾.

Нашъ о. Порфирій отправился въ Самару для лѣченія кумысомъ, но жаль, что поздно по времени года.

Въ дух. литературѣ не перестаетъ возбуждать вниманіе своими выходками Аскоченскій. Правду сказать, что цѣпляется онъ не все за пустыя вещи; но къ его гаерству не привыкнешь.

¹⁾ Ретивцевъ; съ 1858 до 1865 г. состоялъ въ Казанской Академіи бакалавромъ по кафедрѣ основнаго и полемическаго богословія.

²⁾ Соколовъ, впослѣдствіи еп. Смоленскій.

³⁾ Протопоповъ.

Объ Иванцовъ ¹⁾ слышно, что онъ женится въ Москвѣ. Не знаю, правда ли.

Но прости, мой другъ,—часъ свободы и непрерываемой тишины въ моей келліи протекъ, а я, съ разорваннымъ вниманіемъ ловлю мелкія извѣстія, чтобы передать тебѣ что-нибудь, самъ чувствуя пустоту своихъ замѣтокъ.

Саша мой трется все около университета въ ожиданіи, не выпадетъ ли мѣстечка на его долю, соотвѣтствующаго его желаніямъ.

ПРОЕКТЪ.

Инструкціи бакалавру Московской Духовной Академии Н. К. Соколову, относительно его ученыхъ занятій за границею.

1. — На бакалавра Соколова во время его заграничнаго пребыванія возлагается изученіе новой церковной исторіи, именно со времени реформации. Само собою разумѣется, однакоже, что изученіе сего предмета должно привести его къ основательному знакомству и съ предшествующимъ состояніемъ западной Церкви, изъ котораго выродилась реформация.

2. — Онъ долженъ заниматься какъ исторіей римско-католической церкви, такъ и протестантскихъ обществъ, главнымъ образомъ лютеранскаго и реформатскаго, при обсужденіи фактовъ строго держась православнаго ученія восточной католической Церкви.

3. — При помощи богатствъ публичныхъ библіотекъ онъ постарается пріобрѣсти опытное знакомство съ лучшими изслѣдованіями и историческими изложеніями по той или другой части церковной исторіи, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи можно было рекомендовать пріобрѣтеніе ихъ для академической библіотеки.

4. — При изученіи историческихъ событій онъ не долженъ ограничиваться изложеніемъ ихъ историками той или другой партіи, но по возможности обращаться къ первоначальнымъ источникамъ свѣдѣній.

5. — Въ особенности онъ долженъ обращать вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, въ которыхъ яснѣе обнаружилась вредная послѣдствія искаженія истины, содержимой православною Церковію, или, которыя, образовавшись подъ другими условіями историческими, представляютъ, болѣе или

¹⁾ Александръ Михайловичъ.

менѣ въ чистомъ видѣ, самостоятельное развитіе нѣкоторыхъ христіанскихъ идей, какъ въ Англіи методизмъ, библейскія общества.

6. — Для объясненія прошедшаго обращаясь не къ однимъ памятникамъ старины, но и къ настоящему времени, онъ долженъ знакомиться вообще съ современными вопросами церковными и съ состояніемъ богословской литературы страны, по крайней мѣрѣ при помощи лучшихъ духовныхъ журналовъ.

7. — Хотя вообще предполагается сосредоточить занятія въ изученіи собственно западной церковной исторіи, но если бы при этомъ открылись новые, или, по крайней мѣрѣ, мало раскрытые факты для исторіи восточной Церкви, русской духовный наставникъ, безъ сомнѣнія, не оставитъ ихъ безъ вниманія. Напр. не можетъ его не интересовать исторія патріарха Константинопольскаго Кирилла Лукариса и другихъ патріарховъ, въ своей судьбѣ зависѣвшихъ отъ вліянія чужестранныхъ посольствъ; или сношенія англичанъ съ Греческою Церковью о соединеніи въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, побудившія восточныхъ патріарховъ препроводить къ Святѣйшему Синоду извѣстное изложеніе православной вѣры въ 18 пунктахъ.

8. — Кромѣ изученія новой церковной исторіи, бакалавръ Соколовъ долженъ заботиться вообще объ усовершенствованіи своихъ познаній въ англійскомъ языкѣ, дабы въ свое время могъ преподавать сей языкъ въ Моск. дух. Академіи.

9. — О своихъ занятіяхъ бакалавръ Соколовъ долженъ пополугодно доставлять обстоятельныя свѣдѣнія въ конференцію Моск. дух. Академіи, которая въ свою очередь имѣетъ доносить о томъ высшему начальству.

Прости, мой другъ, въ суетахъ забылъ прежде всего поблагодарить тебя за твое привѣтствіе, которое пришло какъ разъ въ свое время. Постараюсь быть исправнымъ въ свое время. Сейчасъ Евгеній Евсигнѣичъ ¹⁾ проситъ меня засвидѣтельствовать поклонъ тебѣ, мой другъ, а равно и Петръ Симонычъ ²⁾.

Любезнѣйшій мой братецъ Николай Кирилыч!

Грустныя вѣсти скорѣе долетаютъ, чѣмъ радостныя. И твое письмо, извѣщающее о прискорбной болѣзни твоей дошло до меня ранѣе обыкновеннаго. Отъ всей души желаемъ тебѣ скорѣе раздѣлаться съ навязчивою гостьей, и начать свои обычныя посѣщенія музея. Господь да укрѣпитъ тебя, другъ мой, и да сохранитъ твои силы. Я смотрѣлъ на твою миссію

¹⁾ Голубинскій.

²⁾ Казанскій.

не какъ на ученое только дѣло, но и какъ на дѣло церковное. Потому надѣюсь, что Призвавшій тебя къ *сей части служенія* дастъ тебѣ и силы совершить его на пользу своей Церкви. Буди! буди!

Что мои предположенія оказались отчасти несообразными съ дѣломъ, извините: страна, гдѣ живете вы, самообычна. Нельзя представить за глаза, какъ что у васъ дѣлается. Впрочемъ, я писалъ, кажется, къ тебѣ, что къ кн. Урусову написалъ я объ отрекомендованіи нашему посланнику только предположительно представляя его разсужденію, нужно ли то и полезно ли будетъ. Нашъ князь долженъ бы знать лучше положеніе дѣлъ нашихъ и вашихъ. По крайней мѣрѣ, я не думаю, чтобы эта бумага сколько-нибудь повредила тебѣ, братецъ.

Въ «программѣ занятій», или лучше въ «проектѣ», который по приказанію святителя я представилъ ему, и который оставленъ проектомъ (никто не взялся ни исправить его, ни дополнить, ни углубить и обратить въ дѣйствительную и обязательную программу), я не написалъ объ изученіи собственно англійской реформаціи, имѣя въ виду, что намъ нужно знакомство не исключительно съ одною Церковію изъ всѣхъ западныхъ, но вообще съ исторіей всей западной половины Церкви, удержавшейся и не удержавшейся въ союзѣ съ Римомъ послѣ великаго движенія въ XVI в. При этомъ думалъ я, что самостоятельность религіознаго возрѣнія англичанъ поможетъ правильнѣе оцѣнить и тѣ явленія, которыя совершились и не въ англиканской церкви. Они умѣли сдержать себя въ самыхъ порывахъ реформы; можно надѣяться, что сужденіе ихъ и о нѣмецкихъ реформаторахъ и дѣлъ ихъ будетъ сдержаннѣе. Ученые труды Бевериджа, Бингама, занимавшихся разработкою древностей церковныхъ и древняго права церковнаго, такъ близко подходятъ къ возрѣніямъ православной Церкви, что они и доселѣ остаются важными пособіями для насъ, въ знакомствѣ съ древнею восточною Церковію. Но эти труды извѣстны на латинскомъ языкѣ. Нѣтъ ли подобныхъ ученыхъ разработокъ древней, средней и новой исторіи церкви на англійскомъ языкѣ, которыя добросовѣстнымъ углубленіемъ заставляютъ забывать разность въ основныхъ началахъ исповѣданія? И въ Германіи, если бы пришлось тамъ продолжать занятія, — и тамъ, кажется, былъ бы напрасный трудъ отыскивать какія-нибудь новыя сочиненія первыхъ реформаторовъ и дальнѣйшихъ послѣдователей. А также нужно было бы обратиться къ бібліотекамъ, къ готовымъ книгамъ, и развѣ еще, къ лекціямъ. Итакъ, мой другъ, не скорбите, что поле ваше не соотвѣтствуетъ своею обширностію широтѣ вашихъ стремленій. Сельское хозяйство совѣтуетъ не слишкомъ много земли распашивать, но тщательнѣе обрабатывать и небольшой клочекъ земли, какой достался.

Вы спрашиваете: на что бы преимущественно надлежало обратить вниманіе въ изученіи вопроса о библейскихъ обществахъ? — Я думаю, кромѣ общихъ историческихъ вопросовъ о началѣ явленія, ходѣ и развитіи дѣла, любопытно было бы съ православной точки зрѣнія взглянуть, какое дѣйствіе произвели эти общества своими усиліями распространять слово Божіе? Этотъ вопросъ относится и къ миссіямъ и къ церквамъ уже существующимъ. Помогало ли это распространеніе успѣхамъ проповѣди? Какіе болѣе важные опыты обращеній нужно приписать этому собственно средству? Какое участіе въ нравственномъ образованіи и умственномъ развитіи обществъ христіанскихъ должно отнести на долю библейскихъ обществъ? Конечно, такіе вопросы не легко разрѣшить, но можетъ-быть есть уже попытки разрѣшенія въ разныхъ отчетахъ, рѣчахъ. Не любопытно ли же видѣть, какой переворотъ произошелъ съ той поры, какъ Великобританія, какъ бы въ новомъ наитіи Божественнаго вдохновенія, заговорила со всѣми народами, и знающими и не знающими Бога Христа, на ихъ языкахъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ? Въ особенности, чего бы можно при этомъ пожелать православной Церкви, которая понемногу готовится къ дѣлу миссій, начинаетъ обращаться и къ внутреннимъ вопросамъ церковнымъ?

О Кириллѣ Лукарѣ я еще не знаю, что вамъ написать теперь наспѣхъ. Нужны выправки. Скажу только, что Аупон'ова изданія документовъ, его касающихся, у насъ нѣтъ. Поэтому я знакомъ съ нимъ только изъ вторыхъ рукъ, по выпискамъ, впрочемъ, довольно обстоятельнымъ. У насъ на русскомъ языкѣ была статья объ немъ въ *«Духовной бесѣдѣ»*, но довольно безтолковая. По указаніямъ на источники въ исторіи Нила, статья его должна быть любопытна; но врядъ ли можетъ онъ сказать, что остался вѣренъ восточному воззрѣнію на Кирилла Лукаря, котораго греки стараются представить ни въ чемъ невиннымъ, сваливая все то на женевцевъ, то на иезуитовъ. Мой взглядъ, вынесенный изъ разсмотрѣнія, хотя и скудныхъ, но рѣшающихъ дѣло основаній, клонится также не къ оправданію православія Кириллова. Итакъ объ немъ рѣчь еще впереди.

Я еще ничего не сказалъ, братецъ, о твоихъ трудахъ, къ намъ пересланныхъ. Статью о Стенлевыхъ лекціяхъ мы напечатали въ третьей книгѣ своего изданія. Она упредила свою предшественницу, по обстоятельствамъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ здѣсь владыка; я, переписавъ твою тетрадь, представилъ статью, какъ опытъ твоихъ занятій заграничныхъ. Вначалѣ владыка высказалъ желаніе, чтобы лекціи Стэнли о русской Церкви были вполнѣ переведены на русскій языкъ. Я, объяснивъ, этотъ предметъ согласно съ твоими воззрѣніями и съ моимъ взглядомъ, не отрицался пред-

ложить тебѣ сдѣлать и полный переводъ, но просилъ прочитать представленное. Святитель столько былъ добръ, что недолгѣ все прочиталъ, сдѣлалъ нѣкоторыя поправки, кое-что исключилъ—не въ переводѣ, а въ замѣчаніяхъ на лекціи, и по прочтеніи прямо сказалъ, что требовать полного перевода не нужно. Вообще, мнѣ кажется, статья эта оставила въ святителѣ доброе впечатлѣніе и для тебя благопріятное. Только и было серьезныхъ замѣчаній, что о возрѣніи на богослуженіе нѣсколько поэтическомъ, а не строго церковномъ. «Зарапортовался»,—сказалъ разъ владыка. Мы будемъ ожидать теперь второй половины обзорѣнія и разбора. По первому опыту можно сказать, что выписки переводныя могутъ быть и довольно обширныя, но нужны и критическія сужденія. Всѣ читавшіе весьма довольны этимъ опытомъ твоихъ занятій, мой братецъ.

И такъ какъ сего же дни я ѣду въ Москву, по своимъ академическимъ надобностямъ, то постараюсь чрезъ Ивана Кирилыча переслать къ тебѣ и нашъ небольшой гонорарій. Впрочемъ, думаю, и 10 ф. не будутъ лишними. Тогда изъ Москвы или по возвращеніи напишу тебѣ снова, другъ мой. Господь да хранитъ тебя!

Ничего не пишу теперь о нашихъ дѣлахъ. Скажу только, что о. Порфирій готовится мѣсто ¹⁾ настоятеля Симонова монастыря въ Москвѣ. Затѣмъ въ Виѣанію перейдетъ о. Никодимъ, инспекторъ Московской семинаріи ²⁾ а въ Москву Виѣанскій о. Сергій ³⁾. Прости, мой другъ.

Мамаша и сестра мои теперь здѣсь, тебѣ кланяются и желаютъ всего добраго.

Твой братъ А. ⁴⁾

Дек. 2 д. 1861 г.

И теперь, мой любезнѣйшій братецъ, Николай Кирилычъ, и теперь не откладывая вдаль, пишу къ тебѣ, только что успѣвъ прочитать большое приложеніе къ письму твоему отъ 7 (19) маія. Оно такъ скоро пришло въ мои руки, что я 19-го же числа (по своему стилю) могу отвѣчать на него.

Ожидаемъ твоего списка книгъ для собраній. Владыка деньги на бібліотеку уже выдалъ намъ и мы, какъ скоро поуправимся съ текущими дѣлами, приступимъ къ пополненію своихъ книжныхъ запасовъ. У насъ была мысль и мы представляли было ее на уваженіе святителю, прося у него особой суммы на выполненіе ея,—мысль о составленіи Богослов. Энциклопедическаго лексикона, въ противодѣйствіе ложнымъ и

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ Бѣлокуровъ.

³⁾ Спасскій.

⁴⁾ Нѣсколько отрывковъ изъ этого письма напечатано въ «Древностяхъ».

частію печатнымъ мнѣніямъ, разсѣваемыхъ возобновленнымъ у насъ «Энциклопедическимъ лексикономъ» подъ редакціей извѣстнаго «философа со шпагою» П. Лаврова, и для распространенія въ публикѣ, свѣтской и духовной, точныхъ понятій о предметахъ богословскихъ и вообще о всемъ, касающемся до Церкви, съ православной точки зрѣнія. Но святитель, видно, не надѣясь на наше выполненіе, отказалъ намъ въ пособіи. Впрочемъ, мысль эта насъ не оставляетъ совсѣмъ. По времени, кажется намъ, весьма нужно заняться этимъ дѣломъ. Нужно только собрать для этого пособіе. Хорошо бы имѣть подъ рукою и помощь отъ англійской богословской литературы. Нѣтъ ли такого богословскаго лексикона, гдѣ бы излагались не популярно только для простыхъ читателей, но обстоятельно, отчетливо, удовлетворительно для богослова, всѣ области богословскихъ наукъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ, или какія-нибудь части, напр., археологія, исторія Церкви, богословіе, и т. п. Ты помнишь, братецъ, богословскій лексиконъ Герцога на нѣм. языкѣ. Направленіе его, сравнительно съ другими протестантскими, порядочное, хотя не во всѣхъ частяхъ. Вотъ въ такомъ же родѣ желалось бы, имѣть и еще пособіе для указанной цѣли.

У Васъ просимъ оружія, потому что отъ Васъ же приходятъ къ намъ и нападенія. Думаю, еще при тебѣ начались въ «Отеч. Зап.» переводы изъ Бокля «Исторія цивилизаціи въ Англій». Теперь начинаетъ выходить и отдѣльный ея переводъ. Антихристіанское направленіе ея требовало бы, чтобы духовные журналы надлежащимъ образомъ занялись ея разборомъ. Нѣтъ ли въ благонамѣренныхъ журналахъ англицкихъ хорошаго разбора этой книги, который вполнѣ или въ извлеченіи могъ бы быть переведенъ на русскій языкъ?

Еще вопросъ: въ концѣ Вашего разбора Стэнлеевыхъ лекцій воздается автору благодарность за его трудъ, предпринятый и выполненный съ сочувствіемъ ко всему христіанскому, и съ возможнымъ для иностранца безпристрастіемъ. Извѣстно ли, однако, Вамъ, что у насъ духовные журналы («Хр. Чт.») провозглашали Стэнли поборникомъ эссеистовъ? И это дѣлаютъ они, основываясь на Вашихъ же, англ. журналахъ. Итти намъ въ разрѣзъ съ такимъ мнѣніемъ тогда будетъ можно, когда мы будемъ твердо увѣрены, что можемъ отстоять свой голосъ. Что касается до меня, то въ предложенныхъ извлеченіяхъ изъ его историческихъ лекцій, я не вижу ничего такого, что бы могло быть поставлено на ряду съ ученіемъ эссеистовъ. Развѣ есть у Стэнли другіе труды, обличающіе сродство его воззрѣнія съ тою партіей? Развѣ онъ дурно высказался по поводу этихъ послѣднихъ преній, и оттого антагонисты подвергли порицанію и его прежній трудъ?

Сдѣлай милость, братецъ, разрѣши мое недоумѣніе, что мнѣ дѣлать съ твоимъ заключеніемъ, которое нужно печатать вскорѣ, во 2-ой кн. нашего изданія.

Теперь о присланной статьѣ «О современныхъ религіозныхъ партіяхъ въ англійской Церкви». Въ послѣднее время не мало у насъ писано объ этомъ: еще при тебѣ въ «Правосл. Собесѣдникѣ», потомъ въ «Духовн. Бесѣдѣ» и въ «Правосл. Обзорѣніи». По началу статья твоя напомнила мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно, потому, что составлена она при помощи тѣхъ же книгъ и журналовъ. Но при дальнѣйшемъ развитіи Ваше изложеніе полнѣе и обстоятельнѣе и общааетъ быть полезнымъ руководствомъ къ знакомству съ англ. богословской литературою. Она довольно наглядно представляетъ жизнь, движеніе религіозное въ странѣ. Конечно, исторія эта для насъ чужая, но нельзя не сказать, что нѣкоторыя партіи имѣли свой оттѣнокъ и въ нашемъ церковномъ обществѣ; разумѣю здѣсь не непосредственное вліяніе тамошнихъ толковъ на нашу публику, а то, что въ одинаковыхъ обстоятельствахъ рождаются и одинаковыя стремленія и избираются болѣе или менѣе сходныя средства къ достиженію цѣлей. Такимъ образомъ, рисуя картину чужой Церкви, можно нѣкоторымъ образомъ уяснять черты и своей домашней исторіи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ статья, на мой взглядъ, полезная, и я съ этихъ сторонъ буду ее отстаивать отъ нападений, если окажутся. Только нужно будетъ, мнѣ кажется, самому относиться ко всѣмъ этимъ явленіямъ самостоятельнѣе, не увлекаясь частными, партіи принадлежащими, взглядами на свое дѣло и на своихъ противниковъ. Богословъ православный долженъ поставить себя выше всѣхъ этихъ пристрастныхъ и предубѣжденныхъ воззрѣній: онъ все *востязуетъ*. Изясняя тѣ или другія явленія исторически, онъ умѣетъ дать каждому свою цѣну, не преклоняясь ни предъ однимъ. И мнѣ кажется, нѣкоторыя выраженія, прокравшіяся изъ этихъ разнородныхъ и разнолагерныхъ толковъ и перебранокъ нужно будетъ измѣнить. Конца статьи нѣтъ, и, я думаю, онъ даже не близокъ еще. Въ настоящее время онъ и не потребуетъ скоро. Не знаю, не нужна ли будетъ статья для третьей книжки. А это близко къ той порѣ, когда мы будемъ ожидать самого тебя къ себѣ. Во всякомъ случаѣ, если не конецъ всей статьи, то окончаніе отдѣла «О высокой церкви» нужно заблаговременно. Еще слово: нѣсколько фразъ, и даже цѣлыя пѣсни оставлены въ статьѣ безъ перевода. Нѣтъ, мой любезный другъ, не надѣйтесь на нашу смѣтливость. Если Вы намъ не скажете того же по-русски, мы не поймемъ Васъ или, по крайней мѣрѣ, не съ увѣренностію будемъ опредѣлять смыслъ сказаннаго. Помните слово апостольское: «аще не благоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? будете бо на воздухъ глаголюще».

Вы спрашиваете: какой взгляд на Петра въ настоящее время вырабатывается въ Россіи? Сколько могу я отвѣчать на это по знакомству съ текущею литературою, то, кажется, онъ развивается въ прежнемъ направленіи, т.-е. не въ пользу уваженій самостоятельной народности и личныхъ правъ челоуѣка, а особенно обнажаетъ нравственные безпорядки, безчинство преобразователя и его веселой компаніи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи литература уподобилась чуть не позорному дому, гдѣ все можно говорить и дѣлать. Вотъ что, между прочимъ, было поводомъ къ напечатанію владыкою статьи, на которую напалъ Герценъ.

Статьи «Объ обществахъ для распространенія религіознаго чтенія въ народѣ» не вижу я въ печати ¹⁾, и не слышалъ о ней ничего отъ Николая Ал. ²⁾ на Пасхѣ; видѣлся я съ нимъ въ субботу на годовщинѣ по Василии Степанычѣ ³⁾, въ Рогожской.

Остается вопросъ объ *эссеистахъ*. Не рѣшаюсь, мой другъ, сказать, что одно историческое объясненіе этого явленія можетъ быть у насъ принято благопріятно. Скажутъ: какое намъ дѣло, что у нихъ это неизбѣжная болѣзнь? Скажите намъ, какъ полѣчить свою-то болѣзнь? Не только негласно, но нынѣ уже и гласно многое проповѣдуется и у насъ изъ того, что есть въ *Essays and Rew.* Скажите намъ, какъ намъ къ этому относиться? Что въ этомъ вреднаго и ложнаго, что полезнаго и истиннаго? Вотъ, мнѣ думается, настоящая потребность наша! И мнѣ кажется, переводъ какой-нибудь дѣльной статьи въ отраженіе того или другого начала эссеистовъ былъ бы намъ полезнѣе самой обстоятельной исторіи этой книги. Такъ, братецъ, позвольте намъ перенести свою дѣятельность на поле, болѣе къ намъ близкое, собственно наше, пересаживать къ себѣ то, что намъ существенно въ настоящую минуту, полезно. Вамъ не нравится, что русскіе на выставку везутъ только великолѣпное, дорогое, что не по плечу простому классу, что показываетъ развитіе роскоши, а не благоденствіе большинства. Точно также и у себя мы не должны заниматься только крупнымъ, не для многихъ нужнымъ, а болѣе такимъ, что питало бы и умъ и душу большинства. Но довольно объ этомъ. Пора спѣшить окончаніемъ письма. Дописываю послѣ класса.

¹⁾ Статья напечатана въ «Православномъ Обзорѣніи» за 1862 г. подъ заглавіемъ: «Общество распространенія религіознаго чтенія въ Англіи».

²⁾ Сергіевскаго, редактора «Православнаго Обзорѣнія» и профессора Моск. университета, впослѣдствіи протопресвитера Моск. Успенскаго собора.

³⁾ Пономаревъ. Н. А. Сергіевскій былъ женатъ на дочери Василя Степановича, Аннѣ Васильевнѣ, доселѣ здравствующей.

⁴⁾ Проф. Амфитеатровъ.

Михайла Ив. Сабуровъ совсѣмъ уволенъ отъ академіи и, вѣроятно, на этихъ недѣляхъ будетъ его свадьба и посвященіе. Приходъ очень хвалить.

Петръ Симонычъ уѣхалъ на кумысъ, получивъ отъ Св. Синода годовой окладъ въ награду службы и на лѣченіе.

Егоръ Васильичъ¹⁾ получилъ орденъ Анны 2-й степени. Довольно объ этомъ.

Прости, мой другъ. Поблагодари батюшку Евгенія Иванныча за добрую память обо мнѣ.

Господь да хранить тебя.

Преданный всею душою Твой А.

1862, мая 19 д.

Кланяются тебѣ всѣ, а особенно сейчасъ подвернувшіеся подъ перо—Сергѣй Константинычъ и Виѣанскій профессоръ Иванъ Алексѣевичъ Смирновъ¹⁾.

Сергѣй мой благодарить тебя, любезнѣйшій братецъ, за воспоминаніе о немъ.

На прошлой недѣлѣ была здѣсь твоя мамаша: пріѣзжала не надолго помолиться. Она и всѣ домашніе Ваши, слава Богу, здоровы. Моя мамаша кланяется тебѣ, мой другъ²⁾.

Привѣтъ и благожеланія доброму страннику въ новой землѣ! Премудрый обѣщаетъ умному путешественнику приумноженіе премудрости! Да исполнить это обѣщаніе и надѣ тобою, любезнѣйшій нашъ сотрудникъ, во славу Единой истинной Премудрости, въ словѣ Божіемъ изглаголанной и въ Церкви хранимой.

Весьма желательно было бы получить отъ живого свидѣтеля наглядное изображеніе религіозной жизни того и другого края, тобою видѣннаго; особенно любопытно было бы слышать объ этомъ голосъ просвѣщеннаго православнаго. Католики и протестанты, можетъ быть, не все правильно видятъ и понимаютъ другъ у друга отъ того, что неравнодушны другъ къ другу.

Благодарю тебя за письмо изъ Парижа и за поздравленіе. Недавно мы получили сданное отъ владыки письмо твое къ нему, послѣднее (отъ 1 сент). Владыка написалъ:¹⁾ «Принять въ соображеніе предлагаемыя услуги въ пріобрѣтеніи книгъ. 2) Какая была нужда принимать римско-католической календарь (разумѣется твое указаніе на 1 сентября) и домогаться, чтобы письмо пришло ранѣе, чѣмъ послано? 3). Свѣдѣнія сіи (т. е. изложенныя въ письмѣ) достойны вниманія.»

¹⁾ Скончался въ Москвѣ протоіереемъ.

²⁾ Немногое изъ этого письма напечатано въ «Древностяхъ».

И безъ владычней резолюціи мы предполагали обратиться къ твоей помощи для выписки англійскихъ книгъ, для чего и просилъ я каталогъ ихъ. Но такъ какъ списокъ ихъ довольно обширенъ въ сравненіи съ числомъ имѣющихъ ими пользоваться, такъ какъ иное есть у насъ и въ переводахъ на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, то надобно будетъ изъ этого списка сдѣлать выборъ. Съ своей стороны мы можемъ только указать, что у насъ есть въ переводѣ.

Кромѣ того, мы желали бы воспользоваться твоимъ посредствомъ при полученіи нѣкоторыхъ книгъ отъ извѣстнаго издателя курсовъ Theologiae, S. Scripturae Patrologiae etc. абб. Миня,—томовъ до ста его энциклопедій. Теперь предувѣдомляемъ тебя только объ этомъ, чтобы по твоему письму выслать нужныя для этого суммы. Надобно узнать, хотя отъ о. протоіерея Васильева (которому прошу свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе и отъ всей академіи нашей, уважающей его труды на пользу православія, поздравленія съ достойнымъ украшеніемъ его сана), какъ бы переслать тебѣ эти книги прямо къ намъ по желѣзной дорогѣ, которая теперь идетъ уже вплоть до Троицкаго Посада. Надобно бы узнать, какія условія для этого существуютъ и по иностранной цензурѣ. Потомъ приложить свѣдѣнія, какъ переслать къ Вамъ и деньги: все ли равно, черезъ какого угодно банкира, или нужно перевести на извѣстное лицо.

Новый курсъ у насъ еще не собранъ совсѣмъ: идутъ еще экзамены. Но съ концомъ стараго тысячелѣтія Россіи они кончатся, и въ началѣ новаго ожидаемъ и Вашего сотрудничества.

Мы помышляемъ объ изданіи Энциклопедическаго лексикона; помышляемъ о расширеніи нашего изданія. Милости просимъ, подавайте намъ руку на трудъ. Послѣдняя твоя статья о лекціяхъ Стэнли напечатана во 2-й книжкѣ.

Въ ожиданіи извѣстій отъ тебя, оставляю бесѣду съ тобою, мой любезнѣйшій Николай Кирилычъ. Не пишу къ тебѣ ничего о московскихъ: они сами навѣрное не въ долгу у тебя. На 30 число авг. пріѣзжалъ сюда по желѣзной дорогѣ Семенъ Михайловичъ ¹⁾ съ Марьей Алексѣвной. Сашу жду вскорѣ сюда: онъ долженъ быть уже въ Москвѣ.

Прости, мой другъ! *Твой А. Г.*

Сент. 4 дня 1862 г.

Прости, мой другъ, позволь сказать тебѣ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ формальностяхъ въ письмѣ къ владыкѣ.

У насъ принято писать къ святителю въ такихъ формахъ.

¹⁾ Пospѣловъ; см. выше.

Въ началѣ: Высокопреосвященнѣйшій Владыко Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Въ концѣ: Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія, честь имѣю пребыть Вашего Высокопреосвященства, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, нижайшій. такой-то.

Та же формула, которою начинается письмо твое, употребляется между равными; а которою оканчивается,—не представляетъ полнаго смысла.

Еще разъ прости. Въ будущій разъ сообщу тебѣ о нѣкоторыхъ вопросахъ, отъ владыки тебѣ назначаемыхъ.—

Мой любезнѣйшій братецъ

Николай Кирилычъ!

Вотъ уже близокъ срокъ твоего возвращенія. Считаемъ недѣли и дни! Особенныя обстоятельства Академіи въ настоящее время побуждаютъ еще чаще заниматься вопросомъ о тебѣ.

Я писалъ уже тебѣ, что нашъ о. ректоръ Савва оставляетъ насъ, чтобы быть вторымъ помощникомъ владыки митрополита. Господь судилъ мнѣ быть преемникомъ о. Саввы по ректорской должности. Съ этимъ вмѣстѣ соединено и перемѣщеніе по классамъ. Я долженъ читать догматическое богословіе, и слѣдовательно сдать на другія руки церковную исторію. Признаюсь, у меня была мысль передать тебѣ все, что лежало на мнѣ по этому классу. Но съ одной стороны опасеніе, что при такой обширности предмета, къ концу курса будутъ оказываться такіе же недочеты въ лекціяхъ, какіе бывали у меня, съ другой, представившіяся новыя соображенія заставили придержаться прежняго предположенія относительно твоихъ уроковъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно.

По крайней мѣрѣ, прошу тебя, не заживайся долго между чужестранцами, вспомни своихъ. Назначенный тебѣ двухлѣтній срокъ настолько ли для тебя обязателенъ, что ты не могъ бы предварить его нѣсколько? Впрочемъ, получивъ на свои вопросы разрѣшеніе отъ владыки, я напишу тебѣ еще объ этомъ. А теперь только предваряю тебя о нетерпѣливомъ желаніи скорѣе обнять тебя.

Твой душевно преданный братъ А.

26 окт. 1862 г.

Получилъ ли ты сумму отправленную 18 окт. изъ Москвы, въ числѣ 538 рублей?¹⁾

¹⁾ Письмо напечатано въ «Древностяхъ».

3 ноября 1862 г.

Mon frere!

Что съ тобой? Какъ тяжело подѣйствовало на меня грустное письмо твое! Ты боленъ — и это когда? Когда особенно желалось бы мнѣ видѣть тебя вблизи, когда я рассчитывалъ на твою помощь въ урокахъ! Отъ тебя ожидаетъ Академія оживленія, а ты самъ ищешь руки укрѣпляющей! Но что дѣлать? Божіей волѣ должно покориться съ терпѣніемъ, благодушно. Душевное спокойствіе въ твоемъ положеніи много будетъ значить и для уврачеванія твоего недуга. Господь да оставитъ тебя скорѣе отъ одра.

Изъ моихъ предшествующихъ писемъ ты уже знаешь, мой другъ, какія перемѣны у насъ произошли. Съ предпоследнимъ письмомъ моимъ ты получилъ и квитанцію на полученіе переведенныхъ отъ насъ на твое имя въ Парижъ 538 р.; эта сумма назначалась на приобрѣтеніе нужныхъ намъ книгъ англійскихъ и др. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ она можетъ временно восполнить твои недостатки. Суммы комитета не для чего было бы еще переводить къ тебѣ: лучше здѣсь пополнить ими ущербъ книжной суммы, изъ которой отдѣлено 500 р. и послано къ тебѣ. Я ожидалъ отъ тебя увѣдомленія о полученіи ея и о распоряженіяхъ, какія ты можешь сдѣлать по нашимъ порученіямъ, высказаннымъ въ моемъ письмѣ.

Не совсѣмъ соглашаюсь съ тобою, что не стоитъ хлопотать о суккурсѣ изъ С.-Петербурга. Для чего бы отказываться отъ помощи, когда она, очевидно, нужна. Только нужно взяться за нее умѣючи. «Такъ тецыте, да постигнете». А то нечего и поднимать дѣла. Для этого я совѣтовалъ бы тебѣ, мой другъ, попросить о. протоіерея Васильева, чтобы онъ, какъ ближайшій свидѣтель твоего настоящаго положенія, написалъ къ кн. Урусову о нуждѣ помочь тебѣ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

О. Савва въ прошлую среду отъ насъ уѣхалъ, завтра онъ рукополагается въ епископа, чтобы быть вторымъ викаріемъ владыки. А я перебираюсь въ ректорскіе покои, и сегодня читалъ первую лекцію по догматическому богословію. О прежнемъ же моемъ классѣ, церковно историческомъ, еще не сдѣлано никакого распоряженія.

Сдѣлай милость, прошу тебя, не оставляй насъ свѣдѣніями о себѣ, дорогой братецъ. Будемъ и мы по возможности отвѣчать тебѣ.

Теперь у меня здѣсь гоститъ сестрица моя ¹⁾ съ семействомъ дочери своей ²⁾, которой мужъ оставляетъ полковую службу

1) Юлія Васильевна по первому мужу Птицына, а по второму—Губастова.

2) Ольги Петровны Салмановой, урожденной Губастовой.

и ищетъ себѣ новаго мѣста. Саша все пробавляется уроками; а медицина еще не дала ему никакого пособія въ содержаніи. Изъ кадетовъ ¹⁾ одинъ, старшій, поступилъ нынѣ на службу и состоитъ въ Эстляндскомъ полку. Вотъ какъ мы всѣ раздѣлились.

Дорога желѣзная (съ 18 авг.) приноситъ къ намъ каждый день много людей знакомыхъ и незнакомыхъ, такъ что нынѣ мы и осенью живемъ, какъ лѣтомъ, въ многолюдствѣ.

Прости мнѣ, любезнѣйшій братецъ!

Твой усердн. братъ А. Г.

1862 г. ноября 3 дня.

Любезнѣйшій мой братецъ!

И грѣшно, и стыдно, но надобно сознаться, что съ полученіемъ твоихъ послѣднихъ писемъ, каждый день думаю: надобно отвѣчать, надобно отвѣчать, а до сихъ поръ успѣлъ написать только пять строчекъ, и тѣ долженъ былъ бросить. Что дѣлать мнѣ съ собою, съ своимъ временемъ? Не умѣю справиться съ своимъ положеніемъ. Такъ много надавало оно мнѣ на первый разъ такого, чѣмъ я доселѣ не занимался, что я и не знаю, когда буду хозяиномъ своего времени. Къ этому прибавьте, что желѣзная дорога часто совершенно неожиданно посылаетъ къ намъ такихъ гостей, которыхъ, рады не рады, принять надобно, хоть никакой пользы не извлечешь для себя изъ ихъ посѣщенія, ничего, кромѣ утомленія и скуки. Блаженная моя тихая келія, простился я съ тобою и съ твоими спокойными занятіями, въ которыхъ проходили дни и ночи! Теперь, въ иной день, едва урвешь часъ для того, что считаю я высшимъ своимъ дѣломъ.

Благодарю тебя, мой другъ, за сообщеніе извѣстій о слухахъ у Васъ относительно «новой администраціи въ Московской академіи». Скажу нѣсколько словъ въ отвѣтъ на оба обвиненія противъ нея. Новая администрація не имѣетъ ни одного шпіона и не ищетъ ихъ. Въ этомъ, другъ мой, можете ручаться предъ кѣмъ угодно и какъ угодно.—Новая администрація заявленіемъ своего взгляда, правда, содѣйствовала упадку нѣкоторыхъ увеселеній между студентами, но не крайними и рѣшительными репрессивными мѣрами. Дѣло идетъ о литературныхъ вечернихъ чтеніяхъ; они были дозволены и прежде меня, были разъ и при мнѣ. Но узналъ я, что эти чтенія ограничиваются только статьями сатирическаго и вообще комическаго содержанія; сталъ противъ этого говорить студентамъ, представляя, что неприлично духовнымъ воспитанникамъ собираться цѣлой массой, чтобы прохохотать

¹⁾ Два сына Юліи Васильевны: Владиміръ Петровичъ и Василій Петровичъ Губастовы.

часа два; что литературныя чтенія должны быть болѣе разнообразны; что они должны быть устроены такъ, чтобы можно было придти на нихъ мнѣ, и кому другому изъ наставниковъ, чтобы объ иныхъ предметахъ тутъ же и поговорить со всѣми. Съ этимъ согласились, но не приняли серьезно. Черезъ недѣлю назначили снова собраніе по прежнему плану. Когда объ этомъ студенты довели до моего свѣдѣнія черезъ инспектора, то я замѣтилъ, что это слишкомъ уже часто, особенно для такихъ смѣхотворныхъ увеселеній. Несмотря на это собраніе состоялось, и старшій дежурный (замѣтите, не шпіонъ) донесъ объ этомъ сперва инспектору, потомъ мнѣ. Что я долженъ былъ сдѣлать? Я, разумѣется, остановилъ его, давъ исполнить только половину программы. Съ той поры собраній не было. Но это не моя вина; къ собраніямъ въ прежнемъ тонѣ я никогда не буду вызывать самъ; да и въ такомъ видѣ, какъ я предлагаю, нужно, чтобы собранія сами устроились, а не по начальственному наряду. Новая администрація не монашеская, а священническая. При серьезномъ взглядѣ на свое званіе въ этомъ не много разности въ отношеніи къ направленію. Накричать, наклеветать на насъ можно, но съ точки зрѣнія церковной—евангельской, не знаю, обвинить ли кто за то, что мы не хотимъ отдаться свѣтской распушенности, потому что наше юношество воспитывается для Церкви, для Евангелія. Аристократизмъ судей не много значитъ для меня, потому что мой Судія, Который меня сдѣлалъ Своимъ священникомъ, Который поставилъ меня въ настоящее служеніе, выше всѣхъ аристократовъ. Въ комъ есть духъ священства, тотъ, надѣюсь, не осудитъ меня.

Очень радъ, мой другъ, что здоровье твое постепенно улучшается. Да даруетъ Господь скорѣе укрѣпиться, и пріѣзжайте къ намъ на дѣло. Обновите наше заглушенное общество новыми добрыми идеями, новою дѣятельностію. У насъ что-то поразстроился корпусъ, т. е. составъ профессорскій. Василій Ив. Боголѣповъ¹⁾ страждетъ душевною болѣзнію. Напряженныя усилія въ занятіяхъ съ одной стороны, и опасеніе не удовлетворить студентовъ своими чтеніями, совершенно сбили его съ толку, такъ что сталъ онъ заговариваться и совсѣмъ отсталъ отъ дѣла. Къ намъ пришелъ новый бакалавръ, по церковной словесности, Катанскій²⁾, но пришелъ больной. Видите, сколь нужны свѣжіе дѣятели, и уже опытные, особенно для насъ дороги уже успѣвшіе зарекомендовать себя съ отличной стороны.

1) Бакалавръ патристики, выбылъ изъ Академіи по болѣзни въ 1863г.

2) Александръ Львовичъ Катанскій, магистръ Петербургской Академіи, поступилъ на кафедру церковной словесности въ декабрь 1863 г. Въ 1867 г. онъ перешелъ въ Петербургскую Академію, получилъ степень доктора и впоследствии оставилъ службу въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Здравствуетъ доселѣ.

Благодарю, братецъ, за твои статьи. Послѣднюю, объ училищахъ въ приходскихъ и благотворительныхъ заведеніяхъ для народа, пушу немедленно въ ходъ къ редакторамъ. Думаю, что она пройдетъ, развѣ немногія строки подвергнутся остракизму ¹⁾. Впрочемъ, другъ мой, не думайте, чтобы все было совершенно чуждо для насъ. Въ нашихъ духовн. журналахъ сообщаются свѣдѣнія и объ иностранныхъ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, и еще болѣе о своихъ (разумѣю училища), и, разумѣется, не во всемъ мы будемъ прельщаться протестантскимъ. Въ прошедшемъ курсѣ у меня по классу исторіи Церкви писалось сочиненіе о внутреннихъ миссіяхъ протестантскихъ въ Германіи. Мой студентъ смотрѣлъ на это съ болѣе самостоятельной точки зрѣнія, разъясняя, какъ и изъ чего возникла въ мірѣ протестантскомъ потребность этихъ миссій...

Вотъ и еще дней пять пролежало письмо мое безъ движенія. Прости, мой другъ, пользуюсь свободными минутами предъ служеніемъ, чтобы докончить мой запоздалый отвѣтъ.

Вопросъ объ учебныхъ заведеніяхъ для народа и о разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ теперь многихъ занимаетъ въ нашемъ обществѣ. Но чужія правила и учрежденія не всегда подлаживаются подъ наши обстоятельства и обычаи. Приходская благотворительность, подъ руководствомъ священника, заявлена при нѣкоторыхъ церквахъ въ Москвѣ. Въ другихъ краяхъ и для иныхъ цѣлей возстановляются и учреждаются вновь братства,—также туземное явленіе. Вотъ это менѣе возбуждаетъ недовѣрчивости, какъ свое, какъ давно извѣстное, а перенимать у иновѣрца, и притомъ у протестанта, нашъ православный людъ и наше православное священство не такъ-то любятъ. Скорѣе чужіе примѣры могутъ на насъ дѣйствовать, какъ мѣры возбужденія и раздраженія. Мы въ томъ состояніи, къ которому прилагаются слова Моисея и апостола объ Іудеяхъ, Римл. 10, 19.

Другая статья ²⁾—очень интересна по легкому изложенію; но прости, мой другъ, никакъ не увидишь, кто пишетъ: православный ли или реформатъ. Можно питать сочувствіе къ человѣку, но не нужно закрывать отъ себя его неправомысліе. Православный церковный историкъ прежде всего долженъ быть православенъ. Нельзя во всемъ соглашаться съ противникомъ Меланхтона,—какимъ-нибудь католическимъ схоластикомъ. Но схоластика схоластикой, а Церковь, таинства—сами собою: они не заслуживаютъ того, чтобы усту-

¹⁾ Статья напечатана въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» (ч. 22-я) подъ заглавіемъ: «Народныя школы и благотворительныя учрежденія протестантовъ во Франціи».

²⁾ Трудно сказать, какую статью разумѣетъ здѣсь А. В.; можетъ-быть, «О протестантскомъ богословіи и его современномъ направленіи» («Прав. Обозр.» 1863 г.).

пать ихъ протестанту, который передѣляетъ все по своему. Поэтому нужно было бы составлять такого рода статьи не по однимъ только одностороннимъ источникамъ и руководствамъ.

О книгахъ, которыя препровождены на имя Готье, я послалъ къ нему извѣстіе и просилъ его о принятіи ихъ въ Россіи на свою опеку до времени, когда онѣ могутъ притти къ намъ. А Васъ, мой другъ, усерднѣйше благодаримъ за хлопоты. Привозите намъ и англійскихъ. Охотники учиться уже есть, и во-первыхъ нашъ о. Михайлъ.

Прости, мой другъ.

Твой А. Г.

О. Михайлъ доставилъ мнѣ ноты для твоихъ лондонскихъ друзей. Скажи пожалуйста, къ кому и какъ мнѣ препроводить ихъ ¹⁾?

Сообщилъ С. Долговъ.

¹⁾ Нѣкоторыя выдержки изъ этого письма напечатаны въ «Древностяхъ».

ПИСЬМА А. В. ГОРСКАГО КЪ ПРОФЕССОРУ АКАДЕМИИ С. К. СМІРНОВУ.

I.

Любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ!

Посылаю вамъ тетрадку Вашу ¹⁾. Извините, что поздержалъ. И по праву перваго читателя, Вами мнѣ предоставленному, пишу слѣдующее:

«Въ характеръ Пожарскаго, — сказано, — не видно... вниманіе» ²⁾. Положимъ, Пожарскій, не былъ глубокимъ политикомъ, хотя онъ и умѣлъ высвободить Россію и отъ поляковъ и отъ шведовъ въ самое затруднительное время. Но я не знаю, стоитъ ли *духъ времени* благодарности за тѣ прекрасныя начала, по которымъ Пожарскій дѣйствовалъ. *Духъ времени тогдашняго* свирѣпствовалъ въ крамолахъ; все расшаталось; мѣняли царей и самозванцевъ, забывъ отечество и Бога. Пожарскій не дѣйствовалъ въ духъ такого ужаснаго времени ³⁾.

«Сильныя политическіе перевороты... верхъ славы». Во первыхъ тутъ противорѣчіе: «Всегда пораждаютъ: у насъ не

¹⁾ Означенное письмо, относится, вѣроятно, къ 1852 г., когда вышло въ свѣтъ (1-мъ изд.) сочиненіе С. К. Смирнова «Біографія кн. Дм. Мих. Пожарскаго» (цензурная помѣтка іюля 17-го 1852 г.), и содержитъ замѣчанія А. В. Горскаго къ заключительнымъ страницамъ этого сочиненія—именно къ характеристикѣ кн. Пожарскаго. Часть замѣчаній А. В. Горскаго была принята, очевидно, во вниманіе составителемъ біографіи Пожарскаго, нѣкоторыя тирады были выпущены, другія же оставлены, повидимому, въ томъ же самомъ видѣ. Ниже приводятся цитаты изъ книги С. К. Смирнова, по поводу которыхъ сдѣланы замѣчанія А. В. Горскимъ.

²⁾ Въ книгѣ С. К-ча указываемое мѣсто читается такъ: «Въ характерѣ кн. Пожарскаго не видно особенныхъ чертъ, которыми бы онъ рѣзко выдавался надъ современниками. Онъ не былъ ни глубокимъ политикомъ, ни военнымъ гениемъ, и только обстоятельствамъ обязанъ образованіемъ и развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыми могъ обратитъ на себя общее вниманіе» (стр. 131.).

³⁾ Имѣются въ виду, вѣроятно, какія-либо опущенныя составителемъ въ печатномъ изданіи слова «о духъ времени». Въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ фразахъ С. К-ча, повидимому, принято во вниманіе это замѣчаніе А. В-ча, см. стр. 133—134 печатнаго изданія: «При Михаилѣ Пожарскій доказалъ своею дѣятельностію, что строгая безусловная покорность Царю Богоизбранному не ослаблялась въ немъ его счастье, его блистательными подвигами, ни самымъ *духомъ времени*, который противопоставлялъ власти Царя останки древней борьбы родовыхъ отношеній съ государственными—въ образѣ мѣстическихъ притязаній. Пожарскій, конечно, не могъ ити наперекоръ требованіямъ *духа времени*, но при всемъ томъ были опыты, что онъ рѣшался жертвовать этими требованіями обязанности строгаго повиновенія царской власти».

могъ вызвать»¹⁾). Значить не всегда, и можетъ быть, если правда, не у однихъ насъ такъ бываетъ. Посмотрите: въ цивилизованное время — много ли теперь явилось геніевъ, если только вы ихъ хотѣли указать въ словахъ: *людей съ особеннымъ призваніемъ и великою дѣятельностію?*

Во-вторыхъ: таланты не отъ цивилизаціи, по моему мнѣнію, происходятъ, но раздаетъ ихъ природа, или, сказать по христіански, Богъ. Онъ надѣляетъ ту или другую эпоху людьми съ особенными дарованіями.

Въ третьихъ: изъ вашихъ словъ выходитъ, что въ разсматриваемую вами эпоху не было никого выше посредственности. Самъ Ляпуновъ, который, по вашему мнѣнію, лучше всѣхъ воспользовался обстоятельствами времени, и тотъ не выходитъ изъ этого несчастнаго круга посредственностей. Пожарскій не имѣлъ и этого преимущества. Не будетъ ли такой приговоръ слишкомъ обиденъ для патріота? Ляпуновъ былъ смѣлъ и рѣшителенъ, но поведши дѣло слишкомъ круто, онъ и палъ. Пожарскій медленно, но вѣрно велъ дѣла къ своей цѣли, и достигъ ея. Начала или цѣли у обоихъ были одни и тѣ же. Кто же заслуживаетъ предпочтеніе? Слово *посредственность* такое уничижительное на языкѣ нашего времени, что не хотѣлось бы его слышать въ отзывѣ о чловѣкѣ, которому Россія остается благодарною и доселѣ. А вы не хотите уступить ему даже и этого незавиднаго титла.

«*Чуждый энергіи*»²⁾). Если подъ энергіею разумѣть дѣйствование раздражительное, его не видно въ Пожарскомъ. Но, кажется, энергія можетъ быть и въ спокойномъ, но постоянно вѣрномъ дѣйствованіи.

Мотивы право ничѣмъ не лучше *побужденій*.

«*Она (осторожность или медленность? — не знаю) была слѣдствіемъ того, что онъ мало довѣрялъ себѣ... положенія*»³⁾). Хорошо ли мы узнали то время, чтобы судить о замѣчательнѣйшихъ лицахъ со всею вѣрностію? Не приблизъ къ себѣ Минина Пожарскій, можетъ быть, и все бы разошлось. Потомъ: какое право историкъ имѣетъ сказать, что не столько

1) Соотвѣтственныхъ фразъ въ печатномъ изданіи книги С. К. Смирнова не находится.

2) Повидимому, этотъ эпитетъ также исключенъ при печатаніи книжки.

3) «Осторожность его (Пожарскаго) была причиною медленности, которая не всѣмъ нравилась, за которую его звали Фабіемъ; она была слѣдствіемъ того, что онъ мало довѣрялъ себѣ, своей опытности, своимъ знаньямъ: въ эпоху 1612 г. Мининъ былъ постояннымъ его совѣтникомъ; черта похвальная, но возможная и естественная только въ Пожарскомъ. При другомъ военачальникѣ Мининъ не могъ бы имѣть того значенія, которое имѣлъ онъ при Пожарскомъ; недовѣрчивость къ себѣ уничтожаетъ въ чловѣкѣ всякую мысль о самостоятельности, сглаживаетъ все неравенство людей въ обществѣ, — и потому не одно сочувствіе къ пламенному патріотизму выборнаго чловѣка сблизило съ нимъ Пожарскаго, но и недовѣріе къ себѣ, опасеніе за трудность своего положенія (стр. 134); и далѣе — «Самъ Пожарскій сознавался, что онъ насильно приневолень къ трудному дѣлу военачальствованія, — и это признаніе, какъ нельзя лучше, высказываетъ его характеръ... Здѣсь выставлена борьба его патріотизма съ недовѣріемъ къ себѣ, съ представленіемъ трудности дѣла и своей неспособности преодолѣть ихъ» (стр. 134—135).

общій патриотизмъ, сколько недовѣріе къ себѣ сблизило Пожарскаго съ Мининымъ? Вѣдь это говорится, кажется, безъ всякаго историческаго основанія. Почему вы не хотите допустить въ Пожарскомъ столько благородства, чтобы онъ не дорожилъ Мининымъ, какъ добрымъ русскимъ, столько же, какъ и полезнымъ для него человѣкомъ. Еще: вездѣ говорится у васъ о недовѣрчивости къ себѣ въ такомъ тонѣ, что изъ этого качества, отмѣчающаго осторожность, не выведешь ничего добраго. А русская пословица говоритъ: «умъ хорошо, а два лучше того». Не слишкомъ довѣряя себѣ, Пожарскій имѣлъ благоразуміе и способность привлекать къ себѣ людей нужныхъ для общихъ цѣлей, которыхъ самонадѣянность могла оттолкнуть. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ судить всѣхъ людей по тѣмъ героямъ, которые смѣло идутъ на всѣ опасности и иногда выигрываютъ своею быстротою, иногда теряютъ. А cadaго надобно судить по тѣмъ дарованіямъ, какія вложилъ въ него Богъ.

*«Чѣмъ объяснить эти постоянныя сношенія со всею землею? — Отчего? — Зачѣмъ? — Не рѣшался дѣйствовать»*¹⁾. Дѣло ясное, будь Пожарскій и втрое смѣлѣе и рѣшительнѣе, ему нельзя было бы дѣйствовать *навѣрное* иначе, потому что дѣло касалось всей Русской земли; нужны были люди; нужны были деньги. Вотъ и необходимы сношенія со всѣми. — *«Толпа нижегородцевъ»*. Итакъ не стоятъ эти люди, среди которыхъ родилась спасительная мысль для Россіи, лучшаго названія, кромѣ пошлаго: *«толпа»*? Мнѣ кажется, нѣтъ нужды увлекаться манерою нѣкоторыхъ нынѣшнихъ изслѣдователей историческихъ, стремящихся все унижать, гдѣ прежде видѣли высокое. Тутъ нуженъ разборъ; иначе будетъ то же рабство предъ мнѣніемъ, только не старымъ, а новымъ.

*«Быль — слишкомъ довѣрчивъ къ другимъ»*²⁾. Это понимается иначе, нежели какъ Вамъ, повидимому, хочется.

Вотъ что мнѣ представилось при чтеніи Вашей тетради. Не подумайте, что этимъ я отвергаю всѣ Ваши положенія. За исключеніемъ замѣченнаго, прочее мнѣ представляется вѣрно понятымъ. Можетъ быть иному только я далъ бы болѣе выгодный свѣтъ, — изъ благодарности къ тому, кому благодарна вся Россія.

Вашъ ус. сл. А. Г.

Р. С. Извините меня. Завтрашнимъ вечеромъ кой-что мнѣ нужно бы приготовить къ слѣдующей почтѣ. Потому я едва ли успѣю съ Вами заниматься предположеннымъ дѣломъ; отложимте до вторника. Еще время, кажется, не ушло.

¹⁾ Соответственныхъ фразъ въ печатномъ изданіи книги С. К. Смирнова не имѣется.

²⁾ «Недовѣрчивый къ себѣ, онъ былъ довѣрчивъ къ другимъ, ласковъ и добръ въ отношеніи къ подчиненнымъ, уступчивъ предъ равными себѣ» (стр. 135.).

II.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ!

Письмо Ваше нашло меня и въ тихой, удаленной отъ міра, можно сказать, глухой обители ¹⁾). Что за тишина здѣсь! Что за безлюдство! Но и сюда услужливая почта принесла Ваши строки на другой день послѣ того, какъ Вы пустили ихъ отъ себя.

Пишу нынѣ Семену Сергѣичу ²⁾), чтобы напечаталъ и въ объявленіи и на оберткѣ выходящей книжки нашего изданія цѣну VI части Θεодорита 2 р. безъ пересылки и 2 р. 30 к. съ пересылкой. Ровно 2 р. назначить было бы для насъ невыгодно, потому что на пересылку, по огромности книги, пришлось бы отдѣлать изъ предполагаемой выручки значительную сумму. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду и выручку процента на затраченный капиталъ, который весьма не скоро долженъ воротиться. Прошу предложить мои соображенія высокопочтеннѣйшему отцу всѣхъ книгъ, нами издаваемыхъ ³⁾); если что нужно будетъ измѣнить, Вы, можетъ быть, еще найдете время сообщить о томъ Семену Сергѣичу.

Теперь скажу Вамъ нѣсколько словъ о себѣ и о своихъ дѣлахъ. Я нашель здѣсь добраго и тихаго старца, готоваго слѣдовать всякимъ требованіямъ и распоряженіямъ начальства. О. архимандритъ Гедеонъ не спорить противъ отчисленія Волоколамскихъ рукописей для академіи. Протоіерей Волоколамскій, о. Василій Богословскій также не стѣсняетъ меня. Но я, согласно съ предначертаніями владыки ⁴⁾,

¹⁾ Письмо относится къ 17 іюля 1859 г. и писано изъ Волоколамскаго Іосифова монастыря (Моск. епархіи), гдѣ А. В. Горскій провель всю вакацію 1859 г. за разборомъ принадлежащихъ монастырю рукописей. Въ мартѣ 1859 г. А. В. Горскій, страстный любитель книгъ и рукописей, обратился къ м. Филарету съ представленіемъ о томъ, чтобы въ «видахъ пользы для духовной учености» было передано въ собственность Академіи собраніе рукоп. Іосифова Волоколамскаго монастыря. По резолюціи митрополита былъ образованъ для означенной передачи особый комитетъ изъ настоятеля Іосифова монастыря—о. архим. Гедеона, представителя отъ епархіальнаго вѣдомства—прот. Волоколамскаго собора В. С. Богословскаго (позднѣе—настоятеля Московской ц. Симеона Столпника на Поварской) и депутата отъ Академіи, каковымъ былъ избранъ А. В-чъ. Изъ числа ркп. послѣдній отобралъ для академической бібліотеки 236 №№—въ, которые въ концѣ сентября и были приняты въ Академію. Имѣется печатное описаніе означенныхъ ркп., составленное іеромон. Іосифомъ.

²⁾ Сем. Серг. Владимірскій, магистръ 19-го курса Моск. Дух. Академіи; съ 1855 г., профессоръ Моск. дух. семинаріи; скончался въ 1888 году въ Москвѣ протоіереемъ церкви Смоленской Божьей Матери на Смоленскомъ рынкѣ; въ указываемое письмомъ время завѣдывалъ подпиской на академич. журналъ и изданія въ г. Москвѣ.

³⁾ Разумѣется, очевидно, прот. П. С. Делицынъ, проф. физико-математич. наукъ въ Моск. Акад., входившій въ составъ редакціоннаго комитета по изданію «Твор. св. о.» и въ теченіе двадцати лѣтъ почти исключительно завѣдывавшій этой переводной частью.

⁴⁾ М. Филаретъ на представленіи А. В. Горскаго о передачѣ ркп. и объ образованіи особаго комитета написалъ между прочимъ: «Комитетъ сей извлечетъ изъ

самъ стараюсь положить предѣлы своей жадности, не забывая, впрочемъ, что долженъ имѣть въ виду не свои только цѣли, но и пользу всего нашего ученаго общества въ настоящее время и послѣдующее. Поэтому всѣ болѣе значительныя рукописи назначены къ перенесенію въ нашу бібліотеку. До сихъ поръ я имѣлъ дѣло болѣе съ рукописями богослужебнаго содержанія. Вотъ уже три дня я занимаюсь пересмотромъ ркп., и въ каждый день успѣваю пересмотрѣть не менѣе 150 экз. Изъ этого числа предполагаю я для своей бібліотеки до 116 рукописей. Изъ слѣдующихъ отдѣловъ придется назначить гораздо въ большемъ количествѣ. Если Богъ благословитъ такъ же вести дѣло, какъ оно начато, то мой пересмотръ къ воскресенію долженъ кончиться. Затѣмъ останется составить, переписать и подписать списокъ. Послѣднее обстоятельство, думаю, откроетъ мнѣ путь и въ Волоколамскъ.

Сегодня память по матери пр. Іосифа, которая скончалась въ одномъ изъ Волоколамскихъ монастырей, нынѣ приходской церкви въ городѣ Волоколамскѣ¹⁾. Отсюда изъ монастыря Іосифова ежегодно братія отправляется въ городъ для совершенія въ этой церкви заупокойной литургіи и, не имѣя у себя тамъ подворья, нерѣдко, прямо послѣ богослуженія, должны бывають отправляться домой обѣдать. Кажется, не бываетъ подобнаго въ нашихъ мѣстахъ.

Но довольно. Прошу покорнѣйше свидѣтельствовать отъ меня почтеніе о. протоіерею²⁾, оо. настоятелямъ, постоянному и временному, Егору Васильичу³⁾, Николаю Семенычу⁴⁾, и всѣмъ прочимъ.

Душевно преданный Вамъ А. Горскій.

Достопочтеннѣйшей Софѣ Мартыновнѣ⁵⁾ нижайше кланяюсь.

III.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ!

Сегодня возвратился я въ Москву и нашель здѣсь письмо Ваше уже ожидающимъ меня. Спѣшу дать Вамъ отвѣтъ.

списка ркп. іосифовской бібліотеки тѣ, которыя съ пользой могутъ быть перенесены въ академическую бібліотеку, не касаясь, впрочемъ, рукописей, которыя по особымъ причинамъ лучше оставить въ монастырѣ (разумѣетъ собственноручно писанныя преп. Іосифомъ) и не назначая безъ нужды къ перенесенію такихъ ркп., которыя для Академіи незначительны, а въ монастырѣ могутъ имѣть назидательное употребленіе.

1) Мать преп. Іосифа погребена была въ монастырѣ св. Власія въ г. Волоколамскѣ, что нынѣ приходская церковь Петра и Павла. Память по ней братіей Іосифова монаст. совершается 17-го іюля.

2) Прот. П. С. Делицыну.

3) Амфитеатрову, проф. Моск. Акад.

4) Академическій врачъ Н. С. Соколовъ (съ января 1859 до мая 1860 г.)

5) Супругъ С. Конст-ча.

Вопросъ, откуда взять денегъ для расплаты съ Готье¹⁾, всего удобнѣе рѣшить по прибытіи о. ректора²⁾, который, несомнѣнно, долженъ быть въ Лаврѣ прежде Москвы. Я, съ своей стороны, полагаю, что за VI ч. Феодорита нужно расплачиваться не изъ текущихъ приходовъ, а изъ запасныхъ капиталовъ. Довольно того, что Вы взяли съ меня контрибуцію и на расплату съ сотрудниками по этой части. Кстати замѣчу: если мы будемъ затрачивать свои капиталы безъ надежды на скорый ихъ возвратъ, то скоро сядемъ, какъ ракъ на мели, и не въ состояніи будемъ исполнить даннаго обѣщанія напечатать всего Ефрема Сирина. Не помедлить ли печатаніемъ VII ч. Феодорита, по крайней мѣрѣ, до той поры, какъ выручка за VI часть дастъ намъ средства предпринять печатаніе новой книги?

Другой вопросъ Вашъ касательно цѣны за VI ч. Феодорита въ канцеляріи легко разрѣшается, если отложить прилагаемая 30 к. на пересылку книги. Впрочемъ послѣднее рѣшеніе и по этому вопросу всего ближе Вамъ получить по прибытіи о. ректора, котораго надлежитъ ожидать уже скоро.

Отцамъ и братіямъ нашимъ вмѣстѣ съ Вами свидѣтельствуя нижайшее почтеніе, остаюсь Вамъ покорнѣйшій слуга

А. Горскій.

22 іюля 1859.

IV.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ!

Благодарю Васъ покорнѣйше за письма Ваши, которыя поддерживаютъ мои связи с*um Alma matre academia*. Не знаю, что за Смол... (?). Вы еще ожидаете?

Сегодня присылалъ ко мнѣ Готье своего фактора съ вопросомъ: заканчивать ли присланнымъ III-ю часть св. Ефрема, или еще ожидать оригинала? Говорятъ, что изъ присланнаго доселѣ наберется не болѣе 41 листа. А прислано только до 172 стр. XVI тома по прежн. изданію. Мнѣ кажется, что 41 л., по сравненію съ изд. Феодорита, мало, но по предположеніямъ нашимъ относительно Ефрема Сирина кажется достаточно. Благоволите имъ сказать прямо и опредѣлительно, заканчивать ли часть, или ожидать еще присылки матеріала.

Еще они ожидаютъ матеріала и для IV тома св. Ефрема.

Моя же покорнѣйшая просьба состоитъ вотъ въ чемъ:

Дѣло о рукоп. Іосифовскихъ, Богъ дастъ, должно окончится скоро. О. архимандритъ Іосифова монастыря указаль и способъ доставки ихъ, именно вотъ какой: въ Троицкой

¹⁾ Московск. типографія.

²⁾ Арх. Сергія (Ляпидевскаго).

Лаврѣ у о. Симеона пишутъ иконы для одной церкви ново-строющейся при Іосифовѣ монастырѣ. О. архимандритъ Гедеонъ желаетъ, чтобы онѣ по приготовленіи не были высылаемы въ Москву для дальнѣйшей перевозки въ монастырь, но хотеть за ними прислать свои подводы въ Лавру съ хорошимъ провожатымъ. А эти подводы, отправляясь въ Лавру, могутъ привезти намъ рукописи. И такъ прошу Васъ, сдѣлайте милость, сходить въ живописную къ о. Симеону и попросите его, отъ имени о. архимандрита Гедеона, чтобы не высылалъ онъ въ Москву иконъ, но ожидалъ бы за ними подводу отъ монастыря. Это не значитъ однакоже, что онъ можетъ позволить себѣ излишнюю медленность. Иконъ его, по условію, уже ждутъ въ монастырѣ. И о. архимандритъ хотѣлъ самъ писать о томъ къ о. Симеону. Не поставьте себѣ въ трудъ этой просьбы, относящейся, между прочимъ, и до нашей собственной пользы.

Съ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Горскій.

29 іюля 1859.

Р. С. О. ректору, когда пріѣдетъ, доложите, что владыка два раза уже спрашивалъ, когда онъ прибудетъ. И я, разумѣется, отвѣчалъ невѣдніемъ. Но слуховъ о монастырѣ все еще нѣтъ.

Всѣмъ отцамъ и братіямъ нашимъ прошу свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Нижайше кланяюсь и достопочтеннѣйшей Софѣ Мартыновнѣ.

V.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій мой Сергѣй Константиновичъ!

Благодарю Васъ душевно за воспоминаніе о мнѣ, выраженное посланіемъ Вашимъ, которое достигло до меня 13 числа.

Отъ души желаю успѣха въ предпринятомъ дѣлѣ страннику земли греческой¹⁾. Я видѣлъ его уже послѣ того, какъ подано имъ было прошеніе. Не знаю, не поздно ли ему садиться снова за парту. Годъ времени, который выгадывается, конечно что-нибудь значитъ, особенно когда человѣкъ прошелъ уже возрастъ, когда все ни по чемъ. Но съ другой стороны, годъ времени имѣетъ значеніе и въ образованіи. Что же будетъ за удовольствіе начинать каждую науку съ половины? Не нужно ли будетъ напряженіе болѣе, нежели начиная курсъ по об-

¹⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о принятіи въ Академію кого-либо изъ греческихъ уроженцевъ. Въ числѣ иноземцевъ, обучавшихся въ Моск. Академіи и поименованныхъ въ Ист. Моск. Акад. С. К. Смирнова, не указывается ни одного, время поступленія котораго совпадало бы съ временемъ написанія письма.

щему порядку? Но, что же я? Съ Вами разсуждать объ этомъ нечего. Вѣрю я, что и Вы съ тѣмъ согласны. Но повторяю, ко мнѣ пришелъ странникъ, уже подавъ прошеніе. Да нельзя при томъ не убѣдиться и разсужденіями о неудобствахъ въ настоящее время поступить туда, гдѣ только-что начинается курсъ.

Срокъ моего пребыванія здѣсь¹⁾ истекъ: и я готовъ ѣхать отсюда, только кн. Урусовъ еще придерживается²⁾. Ничего я себѣ не обѣщаль сдѣлать, ничего и не сдѣлалъ по Комитету. Да правду сказать, не за тѣмъ и посланъ былъ. Сдѣлаетъ ли что и Комитетъ? Это другой вопросъ, и вопросъ также не много обѣщающій благопріятнаго, по крайней мѣрѣ, на томъ пути развитія, на какомъ стоитъ онъ теперь.

Что намъ толковать объ успѣхахъ подписки на наше изданіе? Сравните ихъ съ тѣмъ, чего достигъ «Странникъ»³⁾. Увѣряютъ, что онъ имѣетъ подписчиковъ до 7.000 человекъ. Но что завидовать чужимъ успѣхамъ? Лучше подражать энергіи успѣшныхъ дѣятелей и по возможности пользоваться ихъ примѣромъ.

Въ Св. Синодѣ, какъ мнѣ сказывали пр. Димитрій и директоръ И. С. Гаевскій⁴⁾, положено студентовъ послѣдняго курса нашего утвердить въ степеняхъ, предназначенныхъ конференціею, не подвергая сочиненій ихъ, писанныхъ на степень, новому разсмотрѣнію, такъ какъ разсматривалъ ихъ въ общемъ собраніи членовъ конференціи нашъ владыка. Поэтому скоро наши магистры будутъ объявлены магистрами. А затѣмъ скоро послѣдуетъ и назначеніе ихъ. Иванцову обѣщаютъ мѣсто въ здѣшней, т.-е. Спб. академіи.⁵⁾ Репловскій изъявляетъ желаніе поступить въ діаконы къ нашей посольской церкви въ Штутгартѣ⁶⁾.

Гаевскій увѣрялъ также, что и всѣ представленія о награжденіи наставниковъ нашей академіи св. Синодомъ приняты, хотя и не всѣ награды вдругъ могутъ быть даны: для

1) Письмо написано изъ С.-Петербурга, куда лѣтомъ 1860 г. былъ вызываемъ А. В-чъ. Въ этомъ году былъ образованъ особый комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для обсужденія поставленной на очередь реформы духовно-учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ Димитрія, арх. Херсонскаго. Въ означенный комитетъ былъ приглашенъ и А. В-чъ.

2) Кн. Урусовъ С. Н., директоръ духовно-учебнаго управленія съ 1859 г., потомъ товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода, былъ однимъ изъ членовъ упомянутого комитета; ум. въ 1883 г.

3) Духовный журналъ «Странникъ» основанъ и издавался съ 1860 г. въ С.-Петербурге прот. В. В. Гречулевичемъ.

4) Гаевскій И. С., чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ, входившій также членомъ въ указанный выше комитетъ.

5) Иванцовъ-Платоновъ А-ръ Мих. магистръ XXII к., дѣйствительно, по ходатайству А. В. Горскаго, былъ назначенъ бакалавр. церковн. исторіи въ Спб. Академіи.

6) Репловскій, Пар. Лук. По окончаніи курса назначенъ въ Ярославск. семин. на классъ Свящ. Писанія, въ февралѣ 1861 г. опредѣленъ діаконъ Штутгартской придворной церкви. Съ 1869 г. доцентъ церковн. исторіи въ Кіевской Академіи; ум. въ 1870 г.

нѣкоторыхъ есть срочное время представленія. О повторительномъ требованіи русской исторіи для духовныхъ училищъ я не слыхалъ здѣсь, а о запросѣ касательно всеобщей исторіи слышалъ. Но легко можетъ статься, что и Вы, любезнѣйшій мой Сергѣй Константиновичъ, дождетесь той же почести ¹⁾).

Владыка м. Кіевскій ²⁾ пріѣхалъ сюда по требованію Государя третьяго дня и будетъ ожидать возвращенія Государя, чтобы представиться ему. Въ слѣдующее воскресенье предназначено посвященіе а. Варлаама въ епископа Екатеринбургскаго ³⁾. Магистры академіи начинаютъ имѣть исключительныя свои права. Вотъ и неучившіеся въ академіи вступаютъ на престолы епископскіе. Жалуются на скудость кандидатовъ и при предстоящемъ выборѣ на вновь открывшіяся вакансіи святительскія.

Вотъ Вамъ новости въ благодарность за сообщеніе Вашихъ. Усерднѣйше прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе Софѣ Мартыновнѣ и посылаю благословеніе любезнѣйшей моей крестницѣ ⁴⁾. Прошу также поклониться и всѣмъ отцамъ и братіямъ нашимъ, къ которымъ да даруетъ Господь и мнѣ приложиться вскорѣ.

Душевно преданный Вамъ и усерднѣйшій слуга Вашъ П. А. Гѣрскій.

Авг. 14 д. 1860.

Р. С. Не въ службу, а въ дружбу, прошу Васъ, любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ, навѣдаться у о. эконома, успѣлъ онъ поправить полъ въ моемъ кабинетѣ или нѣтъ? Это не для того, чтобы меня увѣдомить, но чтобы, если нужно, напомнить доброму патеру Геронтію ⁵⁾ о его обѣщаніи.

1) Рѣчь, вѣроятно, идетъ о какомъ-либо порученіи духовно-учебнаго правленія относительно составленія программъ или учебниковъ по всеобщей и русск. гражд. исторіи (С. К. Смирновъ съ 1844 по 1870 г. состоялъ бакалавр. и проф. русской гражд. исторіи). Означенныя порученія неоднократно давались тѣмъ или другимъ лицамъ академической корпораціи. Въ 1863 г. по такому порученію, между прочимъ, была составлена и издана учебная книга, именно по всеобщей исторіи, проф. Моск. Ак. П. Сим. Казанскимъ (1-я часть, до Константа Великаго) Подобное же порученіе составить учебную книгу по русск. гражд. исторіи дано было С. К. Смирнову, кажется, еще при оберъ-прокурорѣ Св. Синода гр. Н. А. Протасовѣ, но за смертію послѣдняго (16 янв. 1855 г.) и за перемѣною дальнѣйшихъ обстоятельствъ о прежнемъ порученіи вновь не вспомнили и обширный курсъ С. К-ча по предмету гражд. исторіи, доведенный до царствованія Петра Вел., остался (и доселѣ остается) въ рукописи.

2) Арсеній (Москвинъ), только что назначенный (іюля 1860 г.) митрополитомъ Кіевскимъ, скончавшійся въ этомъ санѣ 28 апр. 1876 г.

3) Варлаамъ (Денисовъ), род. въ 1804 г., учился въ Новгородской семинаріи, но академическаго образованія не получилъ; въ 1860 г. былъ назначенъ епископомъ екатеринбургскимъ, викаріемъ Вятской епархіи, — а черезъ два года епископомъ оренбургскимъ; съ 1866 г. былъ переведенъ въ Черниговъ и въ 1868 получилъ архіепископство; скончался въ 1873 г.; послѣ себя оставилъ немало церковно-историческихкихъ и богословскихъ трудовъ.

4) Крестница А. В-ча, дочь С. К-ча Анна, въ замужествѣ за П. Н. Милюковымъ), род. 1859 г. 9 дек.

5) Геромонахъ Геронтій, академическій экономъ съ 1838 по 1867 г.

VI.

Высокопочтеннѣйшій и любезнѣйшій мой Сергѣй Констан-
тиновичъ!

Поздравляю васъ съ совершеиьемъ подвига благочести-
ваго путешествія. Господь да призритъ на молитву Вашу и
да воздастъ Вамъ по сердцу Вашему.

Благодарю Васъ за то, что помянули и мое грѣшное имя
при мощахъ угодника Божія.

Благодарю Васъ и достолюбезнѣйшую Софью Мартыновну,
что вы вспомнили мою маменьку ¹⁾ въ ея теперешнемъ одино-
чествѣ. Господь да воздастъ Вамъ за все.

Теперь поспѣшаю дать Вамъ отвѣтъ на Ваши вопросы.
Отдѣль изъ исторіи Троицкой семинаріи, думаю, немного
потребуетъ отъ васъ времени для нѣкотораго пересмотра, но
онъ еще не конченъ. Не лучше ли будетъ представить свя-
тителю ²⁾ весь этотъ періодъ вполнѣ? Теперь же онъ, какъ
видно, не очень свободенъ. Вотъ и переводу Новаго Завѣта
было посвящено только одно еще собраніе ³⁾.

Предпринимаемое Вами составленіе житія и службы пр.
Сильвестру — дѣло благое ⁴⁾. Но акаѣистъ придется напол-
нять общими мѣстами, за недостаткомъ положительныхъ свѣ-
дѣній о жизни преподобнаго. У насъ есть страсть писать
акаѣисты, а нѣтъ охоты хорошо читать каноны. Еслибы на
молебнахъ внятно читались хорошо составленные каноны, то
сего достаточно было бы для возбужденія духа молитвеннаго.
Посмотрите на древнихъ отцевъ нашихъ. Есть ли акаѣисты
Великимъ Святителямъ, которыхъ плодотворною дѣятельно-
стію наполнена исторія? Есть ли акаѣисты великимъ подвиж-
никамъ Антонію, Пахомію, Саввѣ и др.? А нельзя сказать,
чтобы древніе не умѣли молиться, не умѣли прославлять
подвиги святыхъ.

¹⁾ Ольга Косминична, ум. 1872 г. 3 марта, похоронена на кладбищѣ близъ
лаврской Смоленской церкви.

²⁾ Сочиненіе С. К. Смирнова: «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», вышед-
шее въ 1867 г., ранѣ печаталось отдѣлами въ «Прибавл. къ твор. св. о.» за гг.
1861—1864 и предварительно просматривалось м. Филаретомъ (см. замѣчанія на нее
въ письмахъ м. Филарета къ А. В. Горскому въ прибавл. къ «Твор. св. о.» 1882 г.,
ч. XXX, стр. 61.).

³⁾ М. Филаретъ принималъ дѣятельное участіе въ просмотрѣ перевода Новаго
Завѣта, часть котораго исполнялась корпораціей Моск. Дух. Академіи (особенно
прот. Горскимъ и Дѣлицынымъ) въ гг. 1860—1862. См. книгу—«Труды м. Моск. и
Коломенскаго Филарета по переводу Новаго Зав. на русск. яз.» СПб. 1893.—И.
Н. Корсунскій. «Филаретъ, м. Моск., въ его отношеніяхъ и дѣятельности по во-
просу о переводѣ Библии на рус. яз.», въ «Правосл. Обзор.» 1884 г., т. II.

⁴⁾ Сильвестръ Обнорскій особенно былъ чтимъ С. К-чемъ, который молитвенному
ходатайству преподобнаго приписывалъ выздоровленіе своей супруги (въ 1860 г.)
отъ тяжелой болѣзни (родильная горячка). Житіе преподобнаго Сильвестра С. К-чъ
дѣйствительно составилъ и помѣстилъ въ «Душеп. Чтеніи» (1861 г. № 11), и въ
1884 году издалъ отдѣльною книгою; составилъ также и службу Сильвестру, кото-
рая, однако, по независящимъ обстоятельствамъ не была напечатана и хранится въ
рукописи; акаѣиста въ этой службѣ нѣтъ; слѣдовательно, онъ и не былъ составленъ
С. К-чемъ.

Что касается до уплаты въ экспедицію за первое полугодіе: я и не зналъ, что существуетъ такое между нами условіе. Запросъ, сдѣланный экспедиціи, дѣло не лишнее. Деньги, привезенныя о. ректоромъ для уплаты за книжку Готье, не пойдутъ на это назначеніе, потому что у Семена Сергѣича ¹⁾ должна была найтись сумма, достаточная для этой цѣли, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ. Не знаю, произведена ли уплата? Во всякомъ случаѣ Вамъ нужно будетъ сдѣлать предписаніе на этотъ предметъ о. Симеону. Поэтому я могъ бы удовлетворить газетную экспедицію за первое полугодіе. А вы стали бы собирать деньги для начала слѣдующей книжки.

Разсказъ Саввы Романова о Стрѣлецкомъ бунтѣ, кажется, уже не секретъ послѣ выдержекъ, напечатанныхъ у Снегирева и Устрялова. Но намъ не годится публиковать или не слѣдуетъ допускать, чтобы другіе о насъ публиковали, что мы раскольническія рукописи ²⁾ готовы употреблять или сообщать другимъ для такихъ цѣлей, какія имѣютъ въ виду извѣстные господа. Пусть описывающій знаетъ только про себя, откуда онъ беретъ тотъ или другой списокъ. А въ иномъ случаѣ не худо дать и вразумленіе. Тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ духовное возбужденіе, чтобы слагать церковныя молитвословія, не оскорбится моимъ словомъ, пойметъ меня и не будетъ дѣла церкви смѣшивать съ дѣломъ балаганной литературы. Простите.

Душевно желаю Вамъ и супругѣ Вашей всякихъ благъ отъ Господа.

Вашъ А. Горскій.

26 іюня 1861.

VII.

Съ новой благодарностію обращаюсь къ Вамъ, любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ! Съ обычною ревностію Вы тотчасъ приготовили проектъ цѣлаго отвѣта, тогда какъ мы еще собирали матеріалы и обозрѣвали предметъ съ разныхъ сторонъ.

При этихъ изслѣдованіяхъ мнѣ представилось, что не всѣ соборы Вами перечисленные, и которые можно бы еще

¹⁾ Владимірскій; см. выше.

²⁾ Челобитная Саввы Романова или точнѣ повѣсть о стрѣлецкомъ бунтѣ 1862 г. (о событіяхъ въ іюнѣ и іюлѣ), извѣстна была во многихъ спискахъ и кромѣ помѣщенного въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Моск. Академіи (поступившемъ въ Академію въ 1856 г. изъ Московск. синодальн. бібліотеки въ числѣ отобранныхъ у раскольниковъ). Довольно подробно изложено было содержаніе этой повѣсти въ 1861 г. въ книгѣ А. Б. (архим. Никанора Бровковича, позднѣ архіеп. Одесскаго) «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Полностію вскорѣ послѣ этого повѣсть была издана Д. Кожанчиковымъ въ 1862 г. въ книгѣ «Три Челобитныхъ» и проф. Н. С. Тихонравовымъ въ «Лѣтописяхъ русск. литературы и древности», т. V-й, стр. 111 и дал. (въ 1863 г.).

отнести къ ихъ числу суть земскіе въ общепринятомъ смыслѣ¹⁾. Т. е. не на всякій изъ этихъ соборовъ призывались выборные изъ всѣхъ городовъ, а брались люди разныхъ сословій, пожалуй, и городовъ, находящіеся въ Москвѣ. Напр., хотъ бы Вашъ знаменитый соборъ объ Азовѣ. Сказано, что генваря 3 царь велѣлъ быть собору, и 8 генваря уже открыто совѣщаніе. Развѣ возможно было такъ скоро вызвать нужныхъ членовъ отовсюду? Вы скажете: какъ же тутъ упоминаются люди разныхъ городовъ? Но это дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ, которые только находились въ Москвѣ по дѣламъ службы. Не правда ли? Мнѣ бы желалось утвердиться или разувериться въ этой мысли при вашемъ посредствѣ. Если бы Вы были столько милостивы, что, посмотрѣвъ еще въ своихъ книгахъ и сообразившись съ своими воспоминаніями, пожаловали къ намъ уже послѣ повечерія. Я не думаю отправлять отвѣта ранѣе четвертка; у о. эконома тогда можно будетъ взять лошадку и отослать.

Еще: неправда ли, что соборы земскіе бывали по дѣламъ государственнымъ, когда нужна была помощь и собора и церкви, но не наоборотъ?

Простите до свиданія. Вашъ А. Горскій.

1862. 20 февраля.

VIII.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій мой Сергѣй Константинович!

Препровождаю къ Вамъ полученное нынѣ отъ владыки для перевода письмо греческое и прошу покорнѣйше многоопытное Ваше языковѣдѣніе потрудиться надъ переложеніемъ его на русское нарѣчіе, не замедля.

Есть еще у меня просьба до Васъ. Помните ли, занимались мы розысканіемъ о земскихъ соборахъ. Нынѣ оберъ-прокуроръ спрашивалъ меня: какъ выбирались лица духовнаго званія, посылаемая отъ городовъ на эти соборы? Отъ общины

¹⁾ Въ 1862 г. у м. Филарета Московскаго спросили мнѣнія о земскихъ учрежденіяхъ, вопросъ о которыхъ назрѣлъ въ ту эпоху государственныхъ реформъ, и митрополитъ чрезъ ректора Академіи (арх. Савву) предложилъ проф. церк. исторіи въ Академіи А. В. Горскому высказаться по нѣкоторымъ частнымъ подробностямъ этого вопроса. Въ автобіографич. запискахъ Саввы («Хроника моей жизни», т. II, стр. 689—691) записано слѣдующее: «17 февр. 1862 г. Владыка митрополитъ чрезъ меня предложилъ А. В. Горскому слѣд. вопросы: *Земскій соборъ*. Употреблялось ли сіе въ старину буквально, какъ официальное выраженіе? Когда является сіе названіе въ лѣтописяхъ? Постоянное ли это повременное учрежденіе или только чрезвычайное и часто ли можно встрѣчать оное въ исторіи Россіи? Въ какой степени призываемо было къ участию въ семъ духовенство?» 24-го февраля А. В. Горскій, препровождая наскоро составленный отвѣтъ, писалъ арх. Саввѣ: «Особенно цѣль вопросовъ могла бы навести на тѣ или другія стороны предмета, которыя теперь могутъ быть опущены. Впрочемъ, сколько общими силами съ П. Симоновичемъ (Казанскимъ) и С. К-чемъ можно было, при отвлеченіяхъ службою, сдѣлать, при помощи Божіей, сдѣлали. Слава Богу и за то!»

ли или отъ духовенства, и на какихъ началахъ производили выборъ? Едва ли можно разрѣшить эти вопросы исторически. Впрочемъ, можетъ быть, ваше любомудріе историческое не затруднится и въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Если что найдете въ отвѣтъ на эти вопросы, благоволите сообщить

Вашему п. с. П. А. Горскому.

19 окт. 1863.

IX.

Любезнѣйшій мой Сергѣй Константиновичъ!

Разсудивъ внимательнѣе о переданныхъ Вами словахъ редакціи «Р. В.», я думаю, поступимъ мы осторожнѣе и въ отношеніи къ памяти нашего архипастыря почтительнѣе, если удержимся въ настоящее время отъ сообщенія публикѣ своихъ замѣтокъ. Нехорошо будетъ, если общество будетъ на насъ указывать пальцемъ какъ на какихъ-нибудь противниковъ его славы, хотя понятно, что когда передаются его слова, то нечего въ нихъ искать хвастовства и прославленія себя.

Итакъ прошу Васъ, напишите г. Любимову, что отлагаете до времени печатаніе своей статьи ¹⁾. Можетъ быть въ иное время, съ иною обстановкою, она удобнѣе найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ либо изданіи.

Усердно вамъ преданный и вашъ искренній почитатель

А. Горскій.

9 апрѣля 1868.

X.

Достолюбезнѣйшій мой Сергѣй Константиновичъ!

Приближается день памяти почившаго святителя нашего. Нехорошо будетъ, если мы будемъ безмолвны у гроба его. Ваше сердечное къ нему расположеніе и благоговѣніе, думаю, давно уже ищутъ возможности выразиться предъ всѣми. А его лепта, въ прошедшемъ году въ ваши руки упавшая ²⁾, конечно, не безъ его соизволенія, можетъ представить новое побужденіе къ тому, чтобы почтить память милостиваго

Итакъ, прошу Васъ ко дню исхода изъ сей жизни представить святителю ³⁾ приготовить слово отъ сердца, да не явимся скоро забывчивыми.

Вамъ усердно преданный р. пр. А. Горскій.

8 ноября 1869.

¹⁾ Н. Любимовъ, проф. Моск. унив., тогдашній редакторъ «Русскаго Вѣстника». Можетъ-быть, рѣчь идетъ о статьѣ С. К. Смирнова: «Изъ воспоминаній митр. Филарета», которая была изтоговлена С. К-чемъ, въ 1868 г. и напечатана въ «Правосл. Обзор.» за 1868 г. № 8 (августъ).

²⁾ Имѣется въ виду ежегодная премія м. Филарета одному изъ наставниковъ Академіи изъ процентовъ съ капитала въ 12.500 р. внесеннаго м., Филаретомъ въ 1864 г. Въ 1868 г. премія была присуждена С. К. Смирнову.

³⁾ М. Филаретъ скон. 19 ноября 1867 г. Слово на память м. Филарета въ 1869 г., если и было произнесено С. К-чемъ, то не было напечатано.

ХІ.

Начало рѣчи ¹⁾, мнѣ кажется, можетъ неблагопріятно подѣйствовать неожиданностію.

Всѣ знаютъ, что языкъ классическій есть языкъ обработанный, обогащенъ и высокимъ умозрѣніемъ философскимъ, и разнообразными цвѣтами живой и плодотворной фантазіи, и широкимъ развитіемъ общественной жизни древнихъ грековъ. Тогда какъ языкъ новозавѣтный беретъ изъ этой богатой сокровищницы лишь небольшую долю словъ, примѣшиваетъ къ ней много простонароднаго изъ общей тогдашней рѣчи, передѣлываетъ взятое по своему, часто вопреки собственной его грамматикѣ, никакихъ образцовъ изящнаго слога не имѣетъ предъ собою и знать ихъ не хочетъ, предметами занимается, хотя дѣйствительно, возвышенными, духовными, небесными, но, по исключительности своей цѣли, одностороненъ, и въ данномъ матеріалѣ, не находя для своихъ идей достаточной выразительности, наполняетъ выхваченныя изъ общаго употребленія слова своимъ глубокимъ богатымъ содержаніемъ, которое, такъ сказать, прорывается сквозь узкую и тѣсную оболочку.

Зная все это, не того ожидаемъ, что вы будете извиняться въ сопоставленіи двухъ эпохъ развитія, двухъ міровъ—земного и небеснаго, чувственнаго и духовнаго. Никто не подумаетъ нынѣ въ этомъ смѣшное, никто не подумаетъ надъ этимъ глумиться.

Но всякій въ правѣ ожидать, что Вы отдадите тому и другому должное. Признаете и обиліе, достоинство, утонченность, выразительность, разнообразіе развитія языка эллинскаго, служившаго еще «Богу невѣдомому»; признаете и необыкновенное могущество языка духоноснаго, который искалъ себѣ силы не въ словѣ, но въ духѣ, который, овладѣвъ въ началѣ немногими элементами смѣшанной эллинской рѣчи, возобладалъ потомъ надъ всѣмъ ея прежнимъ развитіемъ, который показалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы связать крѣпкаго и расхитить его сосуды и обогатить ими новый міръ, начинающійся съ христіанствомъ, —который сдѣлалъ Невѣдомаго вѣдомымъ всему міру, и человѣку повѣдалъ тайны его бытія на землѣ и въ вѣчности. Языкъ новозавѣтный былъ первымъ началомъ новой христіанской литературы. Былъ уже греческій языкъ ознакомленъ съ словомъ Божіимъ въ его формѣ ветхозавѣтной; но не языку LXX, не языку Филоновъ и Флавіевъ было подъ силу овладѣть достояніемъ древнихъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ, историковъ, и преобразовать мысль

¹⁾ Какъ видно изъ приписки на письмѣ самого С. К-ча, означенная замѣтка была написана А. В. Горскимъ по поводу рѣчи С. К-ча, заготовленной для докторскаго диспута послѣдняго въ 1873 г. Рѣчь, произнесенная на диспутѣ, напечатана не была и въ бумагахъ С. К-ча не отыскана. Полное заглавіе диссертациі «Филогическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія ап. Павла къ Ефесеямъ».

и слова почитавшихъ всѣ народы варварами, кромѣ самихъ себя... Кодексъ книгъ новозавѣтныхъ, едва равняющійся четвертой части писаній ветхозавѣтныхъ, былъ ничтоженъ по объему предъ огромною литературою греческою; но въ немъ сокрыто было сѣмя Слова, воплощеннаго Бога-Слова, который и пятью хлѣбами насыщаетъ тысячи, который и пяти словамъ, изглаголаннѣмъ Богопросвѣщеннѣмъ умомъ, можетъ дать силу пяти тѣмъ словесъ, изреченнѣмъ языкомъ человѣческимъ... И вотъ отъ сѣмени Слова Новозавѣтнаго уготована обильная трапеза въ чистомъ, душепитательномъ словѣ отеческомъ.

16 октября, 1871.

Рукою С. К. Смирнова: «Записка А. В. Горскаго по прочтеніи рѣчи, написанной для произнесенія на докторскомъ моемъ диспутѣ».

XII.

Достоуважаемый и любезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ! Обстоятельства задерживаютъ меня здѣсь до субботы, а можетъ быть и далѣе.

Вчера я успѣлъ быть только на освященіи музея и актѣ ¹⁾. Церемонія окончилась довольно поздно, часа въ три пополудни.

Похороны Капитона Иваныча ²⁾ назначены въ субботу. Тѣло его, по правиламъ клиники, подвергалось анатомированію и только вчера вечеромъ доставлено въ Чудовъ монастырь. Оно положено будетъ въ Покровскомъ монастырѣ подлѣ брата его ³⁾. Такъ какъ нынѣ утромъ нельзя было ничего предпринять касательно имущества книжнаго ⁴⁾, оставшагося послѣ покойнаго, по той причинѣ, что всѣ заняты поминовениемъ блаженной памяти архипастыря митрополита, то и я рѣшился молиться, и съ пр. Игнатіемъ ⁵⁾ отправляюсь служить литургію Филаретовскимъ заведеніямъ.

По этимъ обстоятельствамъ, прошу покорнѣйше распорядиться, чтобы студенты не ожидали меня въ субботу на лекцію. А также попросите отца Михаила ⁶⁾, чтобы онъ совершилъ литургію въ воскресенье въ академической церкви. Вѣроятно, этотъ день я пробуду еще здѣсь. Это день пр. Саввы Звенигородскаго, а владыка митрополитъ собирается служить у пр. Леонида въ его подворской церкви, ⁷⁾ съ другимъ своимъ викаріемъ ⁸⁾. Къ этому служенію приглашенъ и я, и если

¹⁾ Въ 1872 г. происходило открытіе Политехническаго музея.

²⁾ Невоструевъ; скон. 30 ноября 1872 г.

³⁾ Прот. Александра Ивановича Невоструева; сконч. въ 1872 г.

⁴⁾ По завѣщанію К. И. Невоструева, собраніе его книгъ и рукописей въ количествѣ 2.949 передано было въ академическую бібліотеку, въ которой и образовало особый отдѣлъ.

⁵⁾ Игнатій (Рождественскій), еп. Можайскій, вик. Моск. еп. съ 1866 г.—1 декабря—день тезоименитства покойнаго м. Филарета. Филаретовское заведеніе—епархіальное женское училище, учрежденное м. Филаретомъ.

⁶⁾ Мих. Лузинъ, инспект. Моск. Акад.

⁷⁾ Леонидъ (Краснопѣвковъ), съ 1859 г. до 1876 г. еписк. Дмитровскій, вик. Моск. еп.

⁸⁾ Еп. Игнатій.

владыка не погонитъ меня въ академію немедленно послѣ похоронъ, то я пробуду воскресенья въ Москвѣ.

Владыка собираетъ выѣхать въ 6 число, не дожидаясь Кіевского м-та ¹⁾, котораго ожидаютъ здѣсь, по его извѣщенію, не ранѣе 10 числа.

Вотъ мои новости. Если увидите съ нашими за службою въ субботу, прошу покорнѣйше сообщить имъ, что нужно, обо мнѣ. Въ квартирѣ А. Павлыча еще не бывалъ, но только посылалъ туда Николая, который видѣлъ и его и больную въ постели. Постараюсь самъ повидать ихъ.

Свидѣтельствуя всему братству академическому и Вашему семейству съ его достопочтенной хозяйюшкой, остаюсь душевно вамъ преданный пр.

А. Горскій.

Декабря 1 дня 1872.

XIII.

Господь вамъ въ помощь къ скорѣйшему выздоровленію.

Будьте покойны дома: студенты будутъ заняты своими сочиненіями въ часы Вашихъ классовъ, и будутъ Вамъ за то благодарны.

По милости Божіей, слышу и вижу около себя, кажется, все въ порядкѣ.

Сегодняшній день утѣшенъ я доставленіемъ образа Св. Троицы для нашей церкви, хотя внести и поставить его въ церкви теперь еще неудобно²⁾. Еще не уготовано для него мѣсто. Чтеніе перевода изъ св. Елифанія постараюсь завтра кончить и прислать вамъ книгу Диндорфа.

Valeas, Domine.

Вамъ усердно преданный пр. А. Горскій.

8 марта 1873.

XIV.

Приношу вамъ, достолубезнѣйшій Сергѣй Константиновичъ (благодарность?) и за ваши хлопоты и за молитвенную помощь.

Ветшаетъ мой внѣшній человѣкъ, да и внутренній не обновляется. Нынѣшняя ночь не прошла безъ новыхъ безпокойствъ ³⁾.

Господь да хранитъ Васъ.

Душевно Вамъ преданный П. А. Горскій.

31 декабря 1874.

¹⁾ Арсеній.

²⁾ Въ настоящее время икона помѣщается въ правомъ углу алтаря академической церкви; на ней по нижнему краю имѣется надпись: «Писана сія икона въ Сергіевой лаврѣ, въ мастерской иконописанія, подъ руководствомъ художника Ивана Малышева, въ 1864 году».

³⁾ Тяжкая болѣзнь томила А. В. Горскаго долгіе мѣсяцы и 11 окт. слѣдующаго новаго 1875 г. унесла его въ могилу.

ПИСЬМО КЪ ПРОТ. А. В. ГОРСКОМУ АРХІЕП. ЧЕРНИГОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

Высокопреподобнѣйшій и любезнѣйшій моей душѣ отецъ ректоръ!

Святая правда, что общеніе письменное нужно намъ: можетъ служить во спасеніе души и въ предостереженіе отъ ошибокъ въ дѣлахъ служенія. Вы скорбите, что не имѣете вблизи себя, кто бы сказалъ слово искренней души. Каково же мнѣ грѣшному среди поля, болѣе обширнаго, чѣмъ ваше, не слышать ни отъ кого слова искренняго! Особенно въ нынѣшнее время—не знаешь, на какую ногу ступить. Съ одной стороны, столько рѣзкія, столько частыя раздаются нападенія на св. вѣру и все ея, а потому думается, что молчать грѣшно; съ другой—и за слова не всегда достается пріятность.

Все, что говорилъ я о новомъ Вашемъ служеніи и опасности примѣра, вызвано было настойчивостью многихъ священниковъ, желающихъ быть по Вашему слѣду ректорами семинаріи и академіи. Ваша душа извѣстна мнѣ. Извѣстно вполнѣ, что Вы не желали того, чѣмъ пришлось быть ¹⁾. Какъ же, однако, удалить мнѣ отъ души мысль, что независимо отъ вашей воли примѣръ Вашъ отворяетъ дверь и вовсе не похожимъ на васъ ²⁾? Господь знаетъ, какъ пойдутъ дѣла. Только нынѣшніе крики пугаютъ малодушіе мое. Подумайте объ этомъ предъ Господомъ. Не позволяю себѣ думать, что никто изъ желающихъ священниковъ Божіихъ быть ректорами не будетъ походить на васъ въ званіи ректора. Но, къ прискорбію, бывшіе въ глазахъ моихъ протоіереи ректоры училищъ ³⁾ не радовали своимъ служеніемъ. Ожидаете ли вы лучшаго отъ протоіереевъ, чѣмъ отъ архимандритовъ?

¹⁾ Въ 1862 г. А. В. Горскій сталъ ректоромъ Моск. Акад. въ санѣ протоіерея. Письмо, какое имѣетъ здѣсь въ виду архіеп. Филаретъ, не сохранилось. А. В. Горскій собственно не желалъ принимать монашества, а не священства. Особенно мать А. В-ча отговаривала его отъ монашества...

²⁾ До половины 60-хъ годовъ въ академіяхъ и въ семинаріяхъ не было ректоровъ изъ блага духовенства.

³⁾ Такъ назывались прежде смотрители дух. училищъ, имѣвшіе степень магистра богословія.

Замѣчаніе объ архіереяхъ не монахахъ относилось къ статьѣ о патріархахъ, которую считалъ я Вашею.¹⁾ Но Ваше недовѣріе къ вѣроятному и расположеніе вѣрить болѣе неожиданному—то это Ваша слабость. Вы остаетесь въ увѣренности, что остаетесь вѣрнымъ логической правдѣ, а опускаете изъ виду, что иногда логическая правда оказывается ложью въ жизни и ложью вредною. Отчего это такъ? Думаю, что всего чаще ошибка бываетъ въ меньшей посылкѣ²⁾.

Вотъ и Вы, который такъ близко знаете меня, сочли меня виновнымъ въ печальной участи священника, о которомъ пишется въ «Днѣ»³⁾. Что же сказать о другихъ? Между тѣмъ я только черезъ два года узналъ о судьбѣ этого священника и то только часть. Правда, начало исторіи было при мнѣ,—именно только то, что воспитанникъ академіи опредѣленъ на то мѣсто, гдѣ не пожелали имѣть воспитанника семинаріи и такого воспитанника, который въ два мѣсяца умѣлъ возбудить противъ себя прихожанъ. Вотъ все мое дѣло. Вслѣдъ за такимъ опредѣленіемъ меня послали въ Харьковъ⁴⁾. Что было съ священникомъ послѣ того, повторяю, даже и не зналъ я въ продолженіе двухъ лѣтъ и кое-что узналъ черезъ два года случайно. Вотъ Вамъ точная исторія моя! Удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ сужденій и рассказовъ.

Въ отзывѣ о кандидатахъ священства⁵⁾ точно лишнія слова, незамѣченныя слова самолюбія, слова о лѣтахъ архіереяства. Виновать. Прости мнѣ, Господи, грѣхъ мой и подай силу беречь душу отъ принятія мечтаній нечистыхъ. Что же касается до мнѣнія о лѣтахъ священства, свободно говорю, что у меня и на умѣ не было и въ душѣ не скрывалось непріязненное братолюбію. Говорилъ я только то, что сознавалъ и сознаю согласнымъ съ совѣстью. Предметъ важный, долго трепавшій душу мою. То, что написано, написано послѣ некороткой думы, соединенной съ скорбію. Да. Если мое убѣжденіе ошибочно и его замѣнять вѣрнымъ, приму спокойно такъ же, какъ, помимо всякой непріязни къ брату, высказалъ свои мысли. Спрашивали—и я отвѣчалъ. Вотъ Вамъ моя исповѣдь!

О рѣчи что сказать⁶⁾? Брату моему скажу, что ею здѣшнее дворянство было довольно такъ, какъ я не ожидалъ. Давно уже искали точку, съ которой можно было бы поворо-

¹⁾ По всей вѣроятности, здѣсь имѣется въ виду статья «О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству». Приб. къ «Тв. св. отцовъ», т. 21, стр. 321.

²⁾ А. В. Горскій, какъ извѣстно, стоялъ за то, что архіереями, съ точки зрѣнія каноновъ, могутъ быть и не монахи.

³⁾ Газета, издававшаяся въ Москвѣ И. С. Аксаковымъ

⁴⁾ Въ Харьковѣ Филаретъ былъ переведенъ въ 1848 г. изъ Риги. Вѣроятно, здѣсь онъ разумѣетъ какого-то несчастнаго священника Рижской епархіи.

⁵⁾ Этотъ отзывъ находился, очевидно, въ несохранившемся письмѣ Филарета къ А. В. Горскому.

⁶⁾ Рѣчь Филарета къ дворянамъ въ «Странникѣ» за 1863 г., июль, стр. 84.

тить міръ. Но только искали. Иначе, какъ ни будь осмотри-теленъ и далеко зрячъ, найдутъ выпуклости, которыми остановятъ ходъ дѣла. Да будетъ воля Божія! Если согрѣшилъ я, Господи, прости и защити меня!

Священникъ съ желаніями имѣть пять женъ высказался въ «Сынѣ Отечества»¹⁾.—Вотъ за такихъ-то священниковъ и страшно душѣ. Согласитесь, что если священникъ и революціонеръ и уже вовсе не думаетъ о Христовой Церкви, то дѣло плохое. Быть покойнымъ при взглядѣ на такихъ священниковъ ужели можно? Вы говорите, что дѣло начальствующихъ вразумлять подвластныхъ. Легко сказать, но исполнить куда какъ трудно! «Гуманность, гуманность», закричать во всѣхъ углахъ, коль скоро скажешь слово вразумленія по чувству долга.

Господи Іисусе! Невозможное отъ человѣкъ, возможно отъ Бога.

Жить намъ, другъ мой, не долго на землѣ. Побьютъ? Стоить. Но надобно, по Вашему же слову, поддерживать братолюбіе.

Цѣлую, обнимаю тебя, какъ друга души моей грѣшной.

Филаретъ, архіеп. Черниговскій.

1863 г., августа 12 дня.

P. S. Ожидаю обѣщанной копіи съ отзыва о Мѣсяцесловѣ кіевскомъ²⁾.

Начинаю печатать «Дополненіе къ обзору русск. духовной литературы»³⁾. Полезное ли это? Недоумѣваю.—Какъ переплетаются въ душѣ моей чистыя желанія съ нечистыми!.. Перомъ не описать. Перо ошибается, какъ и слово, какъ и душа. — Сколько грѣховъ!

Сообщилъ проф. В. Соколовъ.

¹⁾ Газета, издававшаяся въ Петербургѣ.

²⁾ Здѣсь разумѣется, вѣроятно, отзывъ духовно-цензурнаго комитета, существовавшего при Моск. Академіи. Кіевскій Мѣсяцесловъ интересовалъ Филарета и потому, что онъ самъ занимался описаніемъ жизни русскихъ святыхъ.

³⁾ «Обзоръ русской дух. литературы» архіеп. Филарета 2-мъ изданіемъ напечатанъ въ 1863 г. въ Черниговѣ. Дополненія къ нему печатались въ «Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ» въ 1863, 1864, 1865 и 1866 гг.

Рекомендації ректора Академії прот. А. В. Горскаго о наставникахъ Академії, представленныея ревизору, преосвященному Макарію, архієпископу Литовскому¹⁾.

Между наставниками М. Д. Академії съ дозволенія вашего высокопреосвященства честь имѣю въ особенности рекомендовать:

1. Профессора по классу Св. Писанія Новаго Завѣта, доктора богословія о. архимандрита *Михаила*, основательно знакомаго съ толкованіями древнихъ отцовъ и учителей Церкви, равно какъ и новѣйшими, отлично усерднаго въ сообщеніи своихъ познаній студентамъ Академіи и хорошо извѣстнаго своими полезными трудами по толкованію Писанія для науки и для Церкви русской²⁾.

2. Помощника ректора, профессора философіи, доктора богословія, Виктора *Кудрявцева*, основательнымъ и яснымъ изложеніемъ ученій философскихъ весьма много содѣйствующаго правильному развитію умственныхъ силъ своихъ слушателей и предохраняющаго ихъ отъ увлеченія матеріалистическими и другими ложными системами нашего времени.

3. Исправляющаго должность помощн. ректора, профессора греческаго языка, доктора богословія инспектора Сергія *Смирнова*, весьма усерднаго въ исполненіи своихъ обязанностей по надзору за поведеніемъ студентовъ, отлично знакомаго съ своимъ предметомъ и опытнаго въ преподаваніи его и тѣмъ привлекающаго студентовъ къ изученію его.

¹⁾ Эти «Рекомендаціи» списалъ съ черновика, оставшагося послѣ кончины А. В-ча, С. К. Смирновъ, въ бумагахъ котораго онѣ и сохранились.—Макарій, архієпископъ Литовскій и Виленскій, скончался въ санѣ митрополита Московскаго. Извѣстенъ какъ историкъ русской Церкви и догматистъ. Ревизовалъ Москов. Академію по назначенію Синода весной 1875 года. См. нѣкоторыя интересныя подробности о ревизіи въ статьѣ И. Недумова «В. О. Ключевскій и его воспитатели» въ еженедѣл. газетѣ «Наше Слово» (1912 г., № 5) и у Лебедева, А. П., въ его брошюрѣ «Слѣпыя вонди». М. 1907 г.

²⁾ Архимандритъ Михаилъ (Лузинъ) скончался въ санѣ епископа Курскаго. Самыми извѣстными трудами его являются: «Толковое Евангеліе», «Толковый Апостолъ» и «Введеніе въ новозавѣтныя книги» (по Горике). Научная цѣнность первыхъ двухъ трудовъ значительно понижена подробной и основательной критикой извѣстнаго гебраиста проф. Москов. Академіи П. И. Горскаго-Платонова, помѣщенной въ «Правосл. Сбозрѣніи».

4. Помощника ректора, профессора по исторіи и обличенію раскола, доктора богословія Николая *Субботина*, какъ отлично усерднаго дѣятеля въ разработкѣ своего предмета и въ стремленіи привлечь заблуждающихся разъясненіемъ ихъ ложныхъ мнѣній и тѣмъ опредѣляющаго доброе направленіе на поприщѣ полемики въ своихъ слушателяхъ.

5. Экстраординарнаго профессора по каноническому праву Александра *Лаврова*, какъ глубокаго знатока священныхъ канонѡвъ, ихъ исторіи и значенія и неутомимаго дѣятеля въ разработкѣ своей науки ¹⁾).

6. Экстраординарнаго профессора по русской церковной исторіи Евгенія *Голубинскаго*, обладающаго обширнымъ запасомъ свѣдѣній по своей наукѣ и усердно сообщающаго ихъ своимъ слушателямъ, извѣстнаго своими учеными трудами и русской публикѣ.

7. Экстраординарнаго профессора по классу исторіи философіи Василія *Потанова*, строгаго мыслителя, умѣющаго отрывать слабыя стороны въ излагаемыхъ имъ системахъ философіи и тонкими замѣчаніями руководящаго своихъ слушателей къ правильной ихъ оцѣнкѣ.

8. Экстраординарнаго профессора по классу еврейскаго языка и библейской археологіи Павла *Горскаго*, основательно знакомаго съ священнымъ языкомъ и весьма усерднаго въ распространеніи знанія его между студентами и владѣющаго даромъ ясно излагать какъ законы восточнаго языка, такъ и быта древняго Израиля.

9. Экстраординарнаго профессора по классу новой церковной исторіи Димитрія *Касицына*, весьма усерднаго въ изученіи своего предмета, для чего предпринималъ онъ неоднократно на собственные средства путешествія за границу ²⁾).

10. Доцента по классу русской гражданской исторіи Василія *Ключевскаго*, своимъ отличнымъ знакомствомъ съ предметомъ и идеями, выработанными на почвѣ университетскаго преподаванія этой науки, необыкновенно привлекающаго усердіе студентовъ къ изученію отечественной исторіи.

11. Сверхштатнаго профессора естественно-научной апологетики Димитрія *Голубинскаго*, неутомимаго ревностію въ преподаваніи своей науки, которой содержаніе и направленіе самъ долженъ былъ опредѣлить тщательнымъ изъясненіемъ законовъ и ихъ дѣйствій подъ управленіемъ Промышленія Божественнаго, охраненіемъ библейскаго ученія о Творцѣ міра отъ материалистическихъ воззрѣній.

¹⁾ Проф. Александръ Лавровъ, впоследствии архіепископъ Алексій, скончался въ санѣ архіепископа Литовскаго и Виленскаго.

²⁾ Д. О. Касицынъ впоследствии принялъ священный санъ и состоялъ настоятелемъ церкви св. Николая, въ Толмачахъ, въ Москвѣ, а вмѣстѣ и редакторомъ журнала «Душеполезное Чтеніе», послѣ тестя своего прот. В. П. Нечаева (впоследствии Виссаріона, архіепископа Костромскаго).

Сверхъ того, долгомъ поставляю обратить вниманіе вашего высокопреосвященства на двухъ наставниковъ, служащихъ при Академіи по приглашенію, бывшихъ профессоровъ Академіи.

12. Егора Амфитеатрова и 13. протоіерея Филарета Сергіевскаго. Первый, за выслугою 35 лѣтъ при Академіи, долженъ былъ оставить службу при Академіи, но, сохраняя крѣпость духовныхъ силъ, онъ своими познаніями и доселѣ продолжаетъ приносить пользу своимъ слушателямъ, владѣя ихъ вниманіемъ и пріучая ихъ къ здоровой критикѣ относительно и современной свѣтской литературы. Послѣдній, съ предстоящими экзаменами оканчивая свою службу при Академіи, своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ и старательностью въ исполненіи возложенныхъ на него порученій заслуживаетъ того, чтобы Академія благодарно ходатайствовала о награжденіи его продолжительнаго служенія при ней ¹⁾).

Сообщилъ П. Кантеревъ.

4 мая 1875 г.

¹⁾ Проф. Ф. А. Сергіевскій долженъ былъ, какъ не представившій докторскаго сочиненія, что требовалось уставомъ 1869 г., уйти изъ Академіи и поступилъ онъ на должность ректора Виѣанской семинаріи. Отсюда перешелъ на должность настоятеля Архангельскаго собора въ Москвѣ, гдѣ послѣ непродолжительной службы (4 мѣсяца) и скончался.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА А. В. ГОРСКАГО.

Въ числѣ бумагъ А. В. Горскаго, сохраняющихся въ семейномъ архивѣ его родственниковъ, имѣется, между прочимъ, его дневникъ, собственноручно писанный карандашомъ на двадцати почтовыхъ листкахъ малаго формата. Записи этого дневника начинаются съ 29-го декабря 1874 года и оканчиваются 9-мъ іюлемъ 1875 г. Какъ извѣстно, это было время послѣдней болѣзни Александра Васильевича, которая открылась сильнымъ сердечнымъ припадкомъ 21-го декабря 1874 г. и свела его въ могилу 11-го октября 1875 г. Дневникъ этотъ, какъ показываетъ самое его содержаніе и какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ его отдѣльныхъ выраженій, имѣлъ спеціальную задачу и, вѣроятно, предпринятъ былъ по желанію врачей, пользовавшихся больногo. Записи дневника представляютъ собою подробную исторію болѣзни, при чемъ А. В. съ возможною точностью отмѣчаетъ всѣ свои болѣзненные ощущенія, наблюденія за различными отправлениями своего организма, отчетъ о ходѣ жизни каждаго дня, о снѣ, питаніи, прогулкахъ и т. д., о посѣщеніяхъ врачей и о поѣздкахъ къ нимъ въ Москву, объ ихъ изслѣдованіяхъ, заключеніяхъ, совѣтахъ и предписаніяхъ, о ходѣ лѣченія и дѣйствіи лѣкарствъ и т. д. Въ виду такого спеціальнаго характера дневника мы не считаемъ удобнымъ полностью предлагать его вниманію читателей и ограничиваемся лишь отрывками, которые съ біографической точки зрѣнія представляютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторый интересъ.

8 января. Среда. Посѣтилъ меня М. П. Чериновъ ¹⁾, внимательно обо всемъ разспросилъ, всего осмотрѣлъ и назначилъ образъ жизни и лѣченія... Чериновъ говоритъ, что прежде 6 или 8 недѣль нечего и думать о возвращеніи къ служебнымъ занятіямъ: профессорскимъ и административнымъ, а долго ли оставаться здѣсь ²⁾, этого опредѣлить теперь же нельзя. Нужно видѣть дѣйствіе лѣкарствъ; притомъ я не знаю вашего доктора.

Судя по правиламъ, даннымъ для жизни, онъ главное значеніе полагаетъ именно въ питаніи, а не въ лѣкарствахъ; Богъ знаетъ: «обновится ли, яко орля, юность моя».

15 февраля. Суббота. Сонъ былъ отлично хорошъ. Пробудился въ концѣ 5 часа, улегшись по обычаю въ 10 часовъ и

¹⁾ Одинъ изъ знаменитыхъ въ свое время московскихъ врачей по внутреннимъ болѣзнямъ, бывшій ассистентъ Захарьина; А. В. неоднократно обращался къ нему во все продолженіе своей болѣзни.

²⁾ Т.-е. въ Москвѣ, куда А. В. прибылъ для обращенія къ Черинову.

вскорѣ заснувь. Ни вчера ни сегодня не выѣзжалъ кататься, потому что погода была не благопріятна — холодно, вѣтрено и сыровато. Днемъ также уснулъ. На этомъ спокойномъ состояніи основываясь, предполагалъ въ воскресенье отслужить литургію, въ первый разъ послѣ Р. Хр. Но меня отговорили. Впрочемъ, рѣшилъ готовиться къ приобщенію Св. Таинъ и безъ литургіи. Улегся послѣ правила въ 11 часовъ.

16 февраля. Воскресенье. Ожиданія покойнаго сна обманули, и не знаю вслѣдствіе чего. Пролежалъ всю ночь покойно, но безъ сна: развѣ только въ 1-омъ и 2-омъ часахъ, которыхъ боя не слыжалъ, было нѣсколько дремоты. Впрочемъ, силы мои не ослабѣли. Могъ я прочитать утреннее правило, выслушалъ литургію, по милости Божіей приобщился Св. Таинствъ, безъ утомленія, и еще послѣ обѣдни выслушалъ молебень. Усталъ, но не обезсилѣлъ.

26 февраля. Среда. Легъ спать въ свое время и проснулся въ концѣ второго часа. Это былъ спокойный, сплошной сонъ. Слава Богу. Чувствую себя бодрымъ и какъ будто совсѣмъ выздоровѣвшимъ. Часовъ около четырехъ снова заснулъ и спалъ часа полтора. Пожалуй, могъ бы спать и долѣе, но нужно было вставать. Утро мое было хорошо. Нисколько не безпокоило меня то, что я ни воды, ни чая не пилъ, ни подкрѣпилъ себя хлѣбомъ. Слава Богу. Богъ привелъ исповѣдаться, выслушать часы и литургію и приобщиться. Я усталъ, но не истощился въ силахъ.

4 марта. Вторникъ. Въ 12 часовъ отправился я погулять въ своемъ саду и провелъ на воздухѣ 50 минутъ; а въ 2 часа — кататься; время было очень теплое, свѣтлое и тихое. Заѣхалъ къ сестрицѣ ¹⁾ и воротился домой уже въ 4 часа. Вечеръ былъ спокоенъ.

12 марта. Среда. Въ половинѣ 11 часа собрались ко мнѣ студенты богословскаго отдѣленія, и я читалъ имъ первую лекцію въ этомъ 1875 году. Говорилъ я негромко, потому что студенты всѣ сидѣли вокругъ моего стола, но тономъ довольно высокимъ; раза три-четыре чувствовалъ возбужденіе кашля, но непродолжительное время; никакого особеннаго волненія въ сердцѣ не было. Прервать лекцію гдѣ-нибудь на половинѣ или ближе къ концу было неловко, потому я рѣшилъ читать ее до конца, и какъ разъ ее стало на урочный часъ.— Послѣ лекціи нѣсколько минутъ говорилъ шопотомъ (съ Филаретомъ Александровичемъ) ²⁾, но скоро это прошло безъ всякаго напряженія. Черезъ часъ послѣ лекціи вышелъ въ садъ дышать свѣжимъ воздухомъ и былъ на дворѣ съ полчаса.

¹⁾ Родная сестра А. В-ча, вдова Юлія Васильевна Губастова, жила въ Сергіевскомъ посадѣ на квартирѣ съ дочерью и внучатами, — всѣ на содержаніи брата.

²⁾ Протоіерей Сергіевскій, ординарный профессоръ Академіи.

15 марта. Суббота. Ночь спалъ очень хорошо всю, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ. Сегодня былъ у меня классъ: чтеніе минутъ сорокъ. Кажется, нынѣ болѣе возбудался кашель, чѣмъ прежде».

Подъ 19-мъ, 21-мъ, 26-мъ, 29-мъ, и 31-мъ числами марта встрѣчается рядъ замѣтокъ о чтеніи лекцій: «Была лекція минутъ сорокъ; во время чтенія возбуждался нѣсколько разъ кашель, впрочемъ, несильный. Голосъ не совсѣмъ чистъ». «Былъ на лекціи минутъ сорокъ; замѣчаю, что кашель или перхота съ каждымъ разомъ становится менѣе». «Нынѣ лекція. Кашля болѣе, чѣмъ прежде, впрочемъ, непродолжительнаго, въ видѣ перхоты». «Была лекція. Прошла безъ отягощенія». «Лекція; читалъ довольно легко, только на груди какъ будто тяжесть».

22 марта. Суббота. Погода очень тяжелая, и я чувствовалъ себя довольно разбитымъ, потому не рѣшился давать лекцію сегодня. Пришло письмо отъ владыки, которое произвело довольно сильное впечатлѣніе, и я еще менѣе могъ пускаться въ чтеніе.

2 апрѣля. Среда. Вечеромъ было засѣданіе совѣта, продолжалось около 3 часовъ, бывали моменты, очень задѣвавшіе. Я усталъ и опасался послѣдствій напряженія. Принялъ микстуры, въ 10 часовъ еще разъ. Думалъ, что ночь будетъ безъ сна. Но, слава Богу, такое состояніе продолжалось только до 12 часовъ, потомъ заснулъ и спалъ почти до 4 часовъ, такъ что и утрени не слышалъ. Пробудился съ свѣжей головой, впрочемъ, состояніе возбужденія, кажется, еще не прошло.

20 апрѣля. Воскресенье. Богъ привелъ совершить первую литургію послѣ 25-го декабря. Усталъ, но не изнурился.

22 апрѣля. Вторникъ. Вечеромъ прибылъ пр. Макарій¹⁾. За полчаса отправился я для встрѣчи его въ покои его. Признаюсь, чувствовалъ большое стѣсненіе въ груди, особенно при всходѣ на лѣстницу. И во все время пребыванія у него, несмотря на благосклонный и успокоительный пріемъ, — былъ въ ажитаціи».

23 апрѣля. Среда. Спалъ только до часа. На завтракъ выпилъ стаканъ молока. Чувствую слабость. Въ 9 часовъ представленіе Академіи Пр. Макарію; его посѣщеніе моихъ келлій. Все это время я не былъ покоенъ.

25 апрѣля. Пятница. Зашелъ ко мнѣ преосвященный; эта внезапность меня довольно перетревожила. Впрочемъ, онъ меня успокоилъ, что идетъ все хорошо.

29 апрѣля. Вторникъ. Не спалъ ночь... Но голова не болитъ и не тяжела. Я какъ будто въ возбужденномъ состояніи. Ве-

¹⁾ Архіепископъ Литовскій, пріѣхавшій въ Академію для производства ревизіи по назначенію Святѣйшаго Синода. Эта ревизія всѣхъ Академій была предпринята для ознакомленія съ примѣненіемъ только что введеннаго тогда новаго устава.

черомъ было засѣданіе правленія—часа 2¹/₂. Казался постороннимъ бодръ».

По настоянію врачей и близкихъ къ нему людей А. В. рѣшился попробовать провести лѣто на дачѣ. Мѣстомъ его лѣтняго пребыванія предположено было имѣніе кн. Трубецкаго — Ахтырка, въ пяти верстахъ отъ станціи Хотьково, Моск.-Яросл. желѣзной дороги, при чемъ для него снята была квартира вблизи церкви, въ домѣ священника.

27 мая. Вторникъ. Приѣхаль я въ 3 часа пополудни въ Ахтырку. Погода была благопріятна. Тепло и влажно въ воздухѣ. Часовъ въ 5 былъ небольшой дождь, но облака съ вѣтромъ быстро пронеслись. Послѣ того выходилъ я на свѣжій воздухъ: былъ въ саду. Мѣстами еще сыро на дорожкахъ. Прогулку свою дѣлалъ я съ Сергѣемъ Константиновичемъ ¹⁾, который часовъ въ девять вечера и оставилъ меня.—Въ десять часовъ я улегся на новомъ мѣстѣ. Естественно, сонъ на первый разъ не былъ похожъ на мой обычный въ широкой и высокой квартирѣ. Сонъ былъ прерывистъ, впрочемъ, не прекращался такъ надолго по временамъ, какъ бывало у Троицы; часто я пробуждался и часто снова забывался. Всталъ въ началѣ шестого.

28 мая. Среда. Въ 10 часовъ утра съ батюшкой пустились мы въ путешествіе по окрестности и доѣхали до Тѣшилова. Осмотрѣли тамошнюю церковь. Содержится очень благолѣпно. Недавно устроены новый иконостасъ на церковную сумму. Кромѣ перваго яруса, всѣ иконы новыя. Иконостасъ вызолоченъ. Моисеевская бібліотека лѣтъ 10 уже поступила въ Моск. епархіальную. Близъ церкви стоитъ богадѣльня каменная, говорятъ, человѣкъ на сорокъ, но немногія здѣсь живутъ, а имѣющія возможность жить у своихъ сродниковъ пользуются только окладами (ок. 2 руб. 80 к.).

На обратномъ пути застигла насъ гроза, впрочемъ, коснулась насъ только краемъ. Было немного дождя, и мы добрались до дома безъ особеннаго приключенія, взявъ другой путь: мимо дачи Голяшкина—покороче. Вечеръ сыроватъ и холодень. Сидѣлъ дома.

29 мая. Четвергъ. Ночь провелъ такъ же, какъ и на 28-е. Часовъ въ семь утра отправился гулять по той сторонѣ сада Трубецкихъ; дорожки идутъ по ровному мѣсту, только на концѣ, изъ Эрмитажа, вдругъ поднимаются на высокую гору, съ которой я не нашель иного схода, кромѣ обратнаго. Не желая итти тою же дорогой, я пошелъ по проторенной тропинкѣ, хотя и сырой, и вышелъ въ поле. Разспросивши о пути, наконецъ, добрался до своей дачи, и въ то время, какъ отдыхалъ въ виду мельницы, подъѣзжаютъ ко мнѣ сестрица съ Ольгой

¹⁾ Смирновъ, ординарный профессоръ и инспекторъ Академіи.

Петровной ¹⁾). Съ ними я провелъ день до вечера, весьма пріятно. Въ то же время изъ Москвы получилъ отъ А. Пав. ²⁾ письмо и воду «Виши».

31 мая. Суббота. Собираюсь служить въ праздникъ Св. Троицы. Когда нужно было итти ко всенощной, былъ дождь довольно сильный. Пospѣшая, я пришелъ въ церковь, запыхавшись, и во всю службу чувствовалъ большую усталость, почему много и сидѣлъ во время службы, а послѣ всенощной еще не могъ рѣшить, буду ли поутру служить литургію (одну, безъ вечерни, потому что отказался отъ чтенія длинныхъ молитвъ). Ночь прошла довольно порядочно. Я спалъ до часу, потомъ, пробудившись, съ часъ не спалъ, а затѣмъ опять спалъ до 5 часовъ. Такимъ образомъ, подкрѣпившись сномъ, рѣшился служить.

1 іюня. День Св. Троицы. Чтобы меньше себя утомить, отправился въ церковь не пѣшкомъ, а на лошади. Богъ привелъ совершить литургію безъ особеннаго утомленія, такъ что я могъ выстоять и вечерню, не присаживаясь. День поразгулялся, только было очень вѣтрено. Я чувствовалъ себя легче, но силъ мало, и такъ какъ на дворѣ было грязно, то я не выходилъ вовсе для прогулки. Такимъ образомъ, этотъ день пропалъ и для воды и для прогулки на воздухѣ. У меня была послѣ обѣда Ольга Петровна до 5 часовъ. Словомъ, мое лѣченіе воздухомъ никуда не годится. Чувствую простуду, кашляю».

По окончаніи всѣхъ учебныхъ занятій въ Академіи, А. В., очевидно, рѣшилъ продолжать свое пребываніе въ Ахтыркѣ, уже пользуясь официальнымъ отпускомъ. Среди листовъ дневника имѣется написанный его рукою такой черновой набросокъ прошенія:

«Его высокопреосвященству, Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, высокопреосвященнѣйшему Иннокентію, митр. М. и Кол., Святотроицкой Сергіевой лавры Священноархимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

«Съ окончаніемъ официальныхъ дѣлъ въ Академіи, я, пользуясь дозволеніемъ в. в-ства, переселился совсѣмъ 16 числа въ с. Ахтырку, гдѣ домъ священника служитъ мнѣ квартирою. Благопріятное мѣстоположеніе, близость къ лаврѣ, удобство сношеній съ врачами московскими, при помощи Божіей, обѣщаютъ мнѣ здѣсь скорое возстановленіе силъ, говоря откровенно, довольно истощенныхъ въ послѣднюю недѣлю нашихъ учебныхъ занятій. Должности своей формально я не сдавалъ, но просилъ ближайшаго мнѣ помощника

¹⁾ Салманова, племянница А. В-ча, дочь его сестры Юліи Васильевны.

²⁾ Племянникъ А. В-ча, московскій врачъ Александръ Павловичъ Птицынъ, сынъ Юліи Васильевны отъ перваго брака. Онъ былъ постояннымъ врачомъ своего дяди, и потому въ дневникѣ о немъ упоминается очень часто.

В. Д. Кудрявцева въ мое отсутствіе имѣтъ надзоръ за остающимися въ Академіи. Между тѣмъ и мои сношенія съ Академіей не прерываются. — 17 іюня 1875».

16 іюня. Понедѣльникъ. Вторично пріѣхалъ въ свою дачу—Ахтырку. Силъ у меня слишкомъ мало. Вечеромъ, со священникомъ прогуливаясь по улицѣ и по саду князя, нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться, чтобы перевести духъ—одышка одолѣвала.

24 іюня. Вторникъ. Рожд. св. Іоанна Предтечи... Сижу дома. Гдѣ лѣчиться и какъ лѣчиться? Нужно бы жить при семьѣ. А. Павлычу хочется, чтобы я переселился подъ ближайшій его надзоръ, напр., въ Петровско-Разумовское. Но гдѣ же тамъ остановиться? У пр. Леонида? Въ его министерской дачѣ хорошо жить здоровому, а не хворому. У другихъ? Знакомыхъ и родныхъ нѣтъ. Среди чужихъ жить не могу.

1 іюля. Вторникъ. Дышу,—слава Богу и за то, что дышу. Но, признаюсь, послѣ шестимѣсячнаго лѣченія желалъ бы и ожидалъ бы болѣе того. Но власть Божія видно такова. Источникъ жизни сокращается, а не расширяется.

4 ч. іюля. Въ 10 часу утра пожаловалъ, навѣстилъ меня, владыка митрополитъ. Главною цѣлью его было вызнать, чѣмъ имѣется въ виду закончить лѣченіе, для котораго перемѣстился я въ нижній этажъ зданія академическаго. Не предвидя такого вопроса при первомъ свиданіи и не зная, до какого градуса доведено будетъ излѣченіе къ концу вакаціи, я просилъ у владыки позволенія отвѣчать ему въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Частности вопроса могутъ вести: къ избранію ли какого мнѣ помѣщенія въ Москвѣ, гдѣ удобно было бы сношаться съ врачами, или къ поѣздкѣ куда-либо за границу, или въ южныя страны Россіи.—Грудь моя слаба теперь: я не могу писать даже объ этомъ безъ волненія.

6 іюля. Воскресенье. Посѣтилъ меня пр. Гавріиль Ив. Веніаминовъ¹⁾ и, между прочимъ, предложилъ доктора гомеопата Гольденберга, у котораго лѣчится теперь владыка, давно отказавшись отъ аллопатовъ... Но я предупредилъ, что спрошу моихъ докторовъ, дѣйствительно ли такъ хладнокровно они относятся къ вопросу: лѣчиться у того или другого рода докторовъ. И обѣщаль извѣстить Гавріила Ивановича относительно Гольденберга. «Во всякомъ случаѣ я могу явиться къ вамъ съ докторомъ, осмотрѣтъ васъ, безъ всякихъ обязательныхъ для васъ послѣдствій?» — «Противъ этого ничего не могу вамъ возражать», отвѣчалъ я.

Половина дня. Предъ отъѣздомъ въ Москву.

6 іюля. Встрѣтивъ меня у порога своей лѣстницы, святитель простеръ ко мнѣ слово, чтобы я садился на пригото-

¹⁾ Сынъ митрополита Иннокентія, Московскій протоіерей.

вленномъ креслѣ. Я отвѣчалъ: «Твердо стою, владыко свя-
тый, на землѣ». Благословивъ меня, продолжалъ: «Надобно
вамъ спокойствіе отъ дѣлъ, мѣсяцевъ на 8 связать свои книжки
и тетради. Если и черезъ годъ, черезъ два возвратитесь снова
къ своимъ дѣламъ, мы и за то скажемъ: слава Богу. Теперь
выбирайте мѣсто, гдѣ бы вамъ пользоваться и пособіемъ вра-
чей и спокойствіемъ». Я отвѣчалъ: «Не знаю еще, насколько
продлить Господь мою жизнь, потому что она очень истощена»...

Записи дневника уже замѣтно слабѣющей рукою преры-
ваются на 9 числѣ іюля.

Сообщилъ проф. В. Соколовъ.

Листокъ предсмертныхъ распоряженій А. В. Горскаго¹⁾.

Написанъ уже сильно ослабѣвшей рукою, а потому читается съ
трудомъ.

Богу благодареніе о всемъ, отъ Его щедротъ полученномъ!
Предъ Богомъ поклоненіе о всемъ, злѣ употребленномъ и
неблагодарно употребленномъ.

Богу прославленіе о всемъ, что было со мною.

Что же касается до остатковъ земныхъ даяній, коихъ я
не копилъ, и денегъ имѣю мало, что найдется денегъ въ
черномъ моемъ бумажникѣ или при мнѣ въ карманѣ или въ
длинномъ бѣломъ столѣ, въ первомъ отъ стѣны отдѣленіи, *въ
маломъ кабинетѣ*,—то мое.

Прочіе денежные документы или билеты остались послѣ
матушки и слѣдуютъ сестрѣ.

а) Въ другомъ бумажникѣ въ конторкѣ, *въ большомъ
кабинетѣ*, деньги частію въ бумажникѣ красномъ, частію
при записной книгѣ приходорасходной, принадлежатъ ко-
митету изданія «Твореній св. отецъ»;

и б.) св. иконы, частію въ церковь, прочія, равно какъ
вещи носильныя и другія, въ распоряженіе сестрицы.

Книги и тетради мои въ академ. библіотеку, для сохра-
ненія по разсмотрѣніи — по достоинству.

Христіански прошу прощенія о всемъ.

Ректоръ проф. Александръ Горскій.

30 сентября 1875. 10 часовъ ночи.

Напутственное приобщеніе св. таинъ А. В. Горскаго.

Наканунѣ 11-го октября больной А. В. выразилъ желаніе
быть напутствованнымъ на слѣдующій день за литургіею
объденными дарами. Инспекторъ предложилъ академическому
хору выдѣлить изъ себя человекъ 6—7 для пѣнія на литургіи,
назначенной въ 7 часовъ утра. Въ числѣ ихъ былъ и я. Во

¹⁾ Изъ семейныхъ бумагъ проф. В. А. Соколова.

время совершенія литургіи боковыя двери храма, у праваго клироса, были открыты; пріоткрыта была и дверь въ помѣщеніе ректора, такъ что А. В-чъ могъ слушать литургію, находясь въ своей комнатѣ. Послѣ причастнаго стиха священникъ вышелъ изъ алтаря со св. дарами и направился въ сопровожденіи насъ, пѣвчихъ, въ комнаты ректора. Въ первой изъ нихъ въ переднемъ углу на креслѣ мы и увидѣли больного папашу. При входѣ священника больной привсталъ и, поддерживаемый діакономъ и инспекторомъ, стоя принялъ св. дары. Облаченный въ бѣлую ризу, онъ казался величавымъ и свѣтымъ и только тяжелое, прерывистое дыханіе свидѣтельствовало о физическихъ его мукахъ. По отбытіи священника онъ сказалъ намъ прерывающимся голосомъ: «Благодарю васъ... что вы... потрудились для меня...» Намъ хотѣлось броситься къ его ногамъ, но, повинувшись знаку инспектора, мы только молча поклонились и вышли изъ комнаты.

Цѣлый день въ Академіи царила глубокая тишина и напряженное ожиданіе развязки; всѣхъ занималъ одинъ вопросъ: что папаша? Лучше или хуже ему? Ни дѣло ни развлеченія не шли на умъ. Боролась слабая надежда съ превозмогающею увѣренностью, что онъ переживаетъ послѣдніе часы. Въ 10 ч. вечера быстро принеслась вѣсть, что нашего папаша не стало. Въ 11 ч. въ той же комнатѣ, гдѣ утромъ онъ пріобщался св. таинъ, совершена была первая по немъ панихида.

Проф. Н. Заозерскій.

Духовное завѣщаніе А. В. Горскаго.

Извлечено изъ «Журнала Правленія Московской Духовной Академіи» 1875 г., октября, 11 дня (собраніе состоялось въ 11 час. вечера, ровно черезъ часъ послѣ смерти А. В-ча), куда завѣщаніе внесено было «слово въ слово».

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Я, нижеподписавшійся, ректоръ Московской Духовной Академіи, протоіерей Александръ, Васильевъ сынъ, Горскій, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, симъ завѣщаваю послѣ моей смерти съ имуществомъ моимъ учинить слѣдующее:

1. Священныя вещи, мнѣ принадлежащія, какъ-то святыя кресты, святыя иконы, митру, **ВЫСОЧАЙШЕ** мнѣ пожалованную, святое Евангеліе и прочее, завѣщаваю отдать сестрѣ моей, вдовѣ коллежскаго асессора Юліи Васильевнѣ Губастовой, которую прошу нѣкоторыя изъ сихъ вещей по ея разсмотрѣнію внести въ Покровскую при Московской Духовной Академіи церковь, которая при мнѣ основана и въ которой я служилъ, на поминовеніе меня и моихъ родителей.

2. Носильныя вещи и всѣ прочія движимыя вещи, мнѣ принадлежащія, за исключеніемъ означенныхъ ниже въ пунк-

тахъ четвертомъ и пятомъ, завѣщаваю отдать ей же, сестрѣ моей Юліи Васильевнѣ.

3. Денежные документы, оставшіеся послѣ покойной матери моей, и наличныя деньги, какія окажутся, всѣ завѣщаваю отдать ей же, сестрѣ моей Юліи Васильевнѣ.

4. Книги мои завѣщаваю отдать въ бібліотеку Московской Духовной Академіи на пользу учащихся и учащихъ въ Академіи.

5. Тетради и другія бумаги, мною написанныя или поступившія ко мнѣ отъ другихъ лицъ, завѣщаваю отдать въ бібліотеку Московской Духовной Академіи для сохраненія и употребленія, какое признаетъ полезнымъ ректоръ Академіи.

Сіе духовное завѣщаніе по просьбѣ отца ректора Московской Духовной Академіи Александра Васильевича Горскаго и съ его словъ писалъ студентъ Московской Духовной Академіи III курса Константинъ Алексѣевъ, сынъ Успенскій. Тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятого года, октября одиннадцатаго дня.

Сіе духовное завѣщаніе подписалъ Московской Духовной Академіи ректоръ, протоіерей Александръ Василіевъ Горскій 1875 года, октября 11 дня.

Въ подлинности сего духовнаго завѣщанія, то-есть въ томъ, что оно сдѣлано и подписано отцомъ ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ и составлено имъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, удостовѣряю собственноручною подписью Виѣанской семинаріи ректоръ, протоіерей Филаретъ Сергіевскій. Тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятого года, октября одиннадцатаго дня.

Въ подлинности сего духовнаго завѣщанія, то-есть въ томъ, что оно сдѣлано и подписано отцомъ ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ и что при предъявленіи мнѣ завѣщанія я лично его видѣлъ и нашель въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, удостовѣряю собственноручною подписью городской голова Сергіева посада Егоръ Васильевъ Амфитеатровъ. Тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятого года, октября одиннадцатаго дня.

Въ подлинности сего духовнаго завѣщанія, то-есть въ томъ, что оно сдѣлано и подписано отцомъ ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ и что при предъявленіи мнѣ завѣщанія я лично его видѣлъ и нашель въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, удостовѣряю собственноручною подписью докторъ богословія Петръ, Симоновъ сынъ, Казанскій. Тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятого года, октября одиннадцатаго дня.

Сообщилъ *Н. Встѣхвятскій.*

РЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Изъ моихъ личныхъ воспоминаній).

Александръ Васильевичъ Горскій сдѣлался ректоромъ Академіи въ 1862 году, а умеръ въ 1875 году.

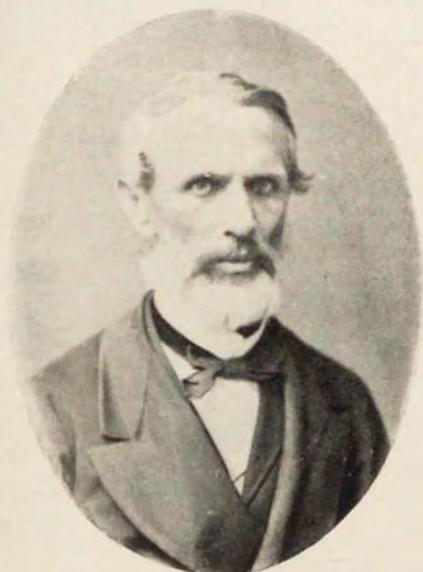
Я поступилъ въ Академію въ 1868 году и окончилъ курсъ въ ней въ 1872 году. По окончаніи академическаго курса я непосредственно оставленъ былъ при Академіи пріватъ-доцентомъ и служилъ при Александрѣ Васильевичѣ въ качествѣ преподавателя Академіи три года. Значить, я зналъ Александра Васильевича и какъ студентъ и какъ его младшій сослуживецъ при Академіи. У меня сохранились объ Александрѣ Васильевичѣ самыя свѣтлыя воспоминанія и какъ о ректорѣ-руководителѣ и воспитателѣ юношества, и какъ о человѣкѣ высокой науки, высокой истинно-христіанской жизни, и какъ о выдающемся ученомъ, ставившимъ своей задачей развитіе въ Академіи строго научныхъ знаній.

Александръ Васильевичъ былъ прежде всего истинный, настоящій христіанинъ, который въ своей жизни и дѣятельности старался осуществить, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, высокій идеаль христіанина. Это былъ человѣкъ необычайно добрый, кроткій и снисходительный въ отношеніи къ другимъ, всегда готовый помочь каждому и дѣломъ, и совѣтомъ, и всякою, особенно ученою, послугою. Онъ совсѣмъ былъ лишень честолубія и какого бы то ни было карьеризма. Если онъ сдѣлался ректоромъ Академіи, принявъ священный санъ, то не ради почетнаго поста и возможной послѣдующей карьеры,—онъ тогда бы принялъ монашество, отъ котораго онъ, однако, рѣшительно отказался. Александръ Васильевичъ, сдѣлавшись ректоромъ Академіи, хотѣлъ попрежнему, до конца дней своихъ, служить только академической наукѣ и воспитанію любимаго имъ академическаго юношества, и этимъ завѣтамъ онъ остался вѣренъ до самой своей смерти. Будучи нашимъ начальникомъ, онъ внушалъ намъ, студен-

тамъ, величайшее уваженіе и почтеніе къ себѣ какъ къ человѣку самыхъ высокихъ и широкихъ научныхъ знаній, соединенныхъ съ высокою христіанскою нравственностью, которою проникнута была вся его жизнь и практическая дѣятельность. Совершая какой-либо проступокъ, мы, студенты, не боялись наказанія или гнѣва на насъ Александра Васильевича; совершивъ проступокъ, мы просто стыдились даже показаться на глаза ректору, такъ какъ знали, что это крайне опечалить и огорчить его, вызоветъ у него не гнѣвъ или желаніе наказать виновнаго, а искреннюю скорбь и сокрушеніе, что его ученики и воспитанники дозволяютъ себѣ нехорошіе поступки, поэтому мы всегда старались быть въ его глазахъ лучшими, чѣмъ, можетъ-быть, мы были на самомъ дѣлѣ. Какъ искренно-сердечно, какъ истинно по-христіански относился къ намъ, студентамъ, Александръ Васильевичъ, это видно, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ бытность мою студентомъ.

У меня былъ товарищъ, студентъ Семень Акимовичъ Воронцовъ. Онъ былъ плохой студентъ, любилъ излишне и безвременно выпить и въ то же время былъ очень бѣденъ, и такъ какъ не имѣлъ родныхъ, своихъ денегъ у него никогда не было. Но Воронцовъ, который вскорѣ по выходѣ изъ Академіи умеръ, обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ: Господь наградилъ его прекраснымъ, чуднымъ баритономъ и умѣньемъ пѣть. Появившись въ Академіи, онъ сейчасъ же всталъ на клиросъ, и его чудный голосъ сразу обратилъ на него вниманіе Александра Васильевича. Узнавъ о бѣдности Воронцова, Александръ Васильевичъ призвалъ его къ себѣ, распросилъ обо всемъ и сталъ каждый мѣсяцъ давать ему три рубля, сверхъ того давалъ ему особо на праздники Рождества и Пасхи.

Въ 1870 году я, хотя и москвичъ, остался говѣть на Страстную недѣлю въ Академіи и вмѣстѣ и на первый день Пасхи, чтобы посмотреть, какъ празднуется этотъ день въ Академіи. Въ мое время утренняя въ Великую субботу въ Академіи начиналась, какъ и теперь въ лаврѣ, въ часъ ночи. Когда стали пѣть утреню, мы всѣ обратили вниманіе, что не слышать голоса Воронцова, и, значить, если его нѣтъ на клиросѣ, то его нѣтъ и въ церкви. Гдѣ же онъ въ такой великій день? Скоро, еще во время утрени, мы уже узнали, гдѣ находится нашъ товарищъ. Изъ церкви вызваны были двое студентовъ къ полицейскому, котораго прислалъ полицмейстеръ посада, чтобы заявить студентамъ слѣдующее: какой-то пьяный молодой человѣкъ, когда въ часъ ночи открыты были лаврскія ворота для прохода богомольцевъ въ лавру къ утрени, появившись въ этихъ воротахъ, велъ себя очень неприлично, за что былъ арестованъ и посаженъ въ камеру при полицейскомъ управленіи. Здѣсь онъ назвалъ себя студентомъ академіи Воронцовымъ,

Проф. Петръ Симоновичъ
Казанекій.

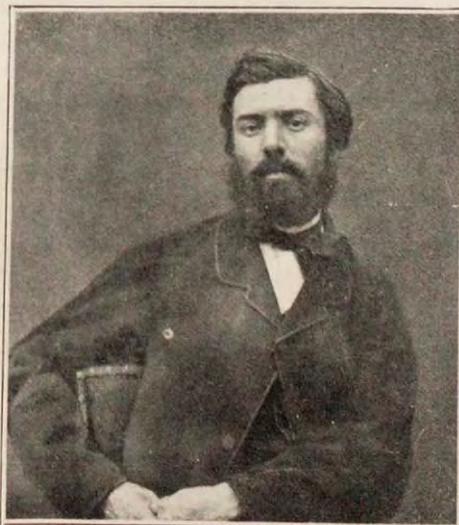
Проф. Александръ Феодоровичъ Лав-
ровъ - Платоновъ, впоследствии архи-
епископъ Алексѣй.

Ректоръ Моск. Дух. Академіи прот.
Александръ Васильевичъ Горскій.

Проф. Дмитрій Феодоровичъ
Голубинскій.

Проф. Николай Кирилловичъ.
Соколовъ.

почему г. полицмейстеръ и просить гг. студентовъ прійти въ полицейское управленіе посмотрѣть арестованнаго, и если дѣйствительно окажется студентомъ, то взять его съ собою въ Академію. Это дѣйствительно былъ Воронцовъ, о чемъ къ концу утрени всѣ мы уже знали. Возникалъ вопросъ: какъ намъ поступить въ данномъ случаѣ? Понятно, что ректоръ сразу замѣтилъ, что Воронцова нѣтъ на клиросѣ и, слѣдовательно, въ церкви, тѣмъ болѣе, что многіе пѣвчіе студенты уѣхали на Пасху домой, хоръ сильно сократился, и отсутствіе въ хорѣ голоса Воронцова рѣзко всѣмъ бросалось въ глаза. Нельзя было скрыть отъ ректора и того, что натворилъ Воронцовъ, такъ какъ полицейскій вызывалъ студентовъ изъ церкви черезъ швейцара, которому, конечно, рассказалъ, въ чемъ заключается данное ему полицмейстеромъ порученіе, швейцаръ рассказалъ другимъ и т. д. Рѣшили отправить къ Александру Васильевичу депутацію изъ трехъ товарищей и рассказать ему о случившемся. Когда Александръ Васильевичъ выслушалъ о Воронцовѣ, онъ заплакалъ и заявилъ студентамъ, что во всемъ этомъ некрасивомъ дѣлѣ виноватъ только онъ одинъ— ректоръ, что вина за все это дѣло падаетъ на него. И когда студенты съ недоумѣніемъ смотрѣли на плачущаго и обвиняющаго себя ректора, онъ пояснилъ имъ, почему вина въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ падаетъ именно на него: «Я,—сказалъ онъ,—вчера, въ шестомъ часу вечера, призвалъ къ себѣ Воронцова и далъ ему на праздникъ три рубля и тѣмъ ввелъ его въ такой великій день въ искушеніе. Вѣдь я хорошо зналъ, что Воронцовъ человѣкъ очень слабый, и долженъ былъ предвидѣть, что онъ, получивъ отъ меня деньги, можетъ немедленно отдаться своей слабости, какъ это дѣйствительно и случилось. Да, тутъ виноватъ я». Между тѣмъ Воронцовъ оправился и прекрасно пѣлъ на клиросѣ въ Свѣтлый день. Въ Академіи въ то время былъ такой обычай: въ церкви всѣ профессора и студенты христосовались съ ректоромъ, а по окончаніи обѣдни профессора шли въ квартиру ректора и тамъ разговлялись. Точно такъ же послѣ обѣдни и всѣ студенты немедленно шли въ квартиру ректора и собирались въ первой залѣ его квартиры, куда служитель выносилъ большую корзину, наполненную крашеными яйцами. Ректоръ выходилъ къ студентамъ. снова христосовался, надѣляя каждого крашенымъ яйцомъ. По окончаніи христосованья студенты обыкновенно уходили въ свою столовую, гдѣ и разговлялись. Я, похристосовавшись съ ректоромъ, сталъ въ сторонѣ, наблюдая церемонію. Мнѣ особенно хотѣлось видѣть, какъ отнесется Александръ Васильевичъ къ Воронцову, находившемуся съ нами. Вотъ дошла очередь до Воронцова, онъ подходитъ къ ректору подъ благословеніе. Тотъ привлекаетъ его къ себѣ, обнимаетъ, цѣлуетъ въ голову, лобъ и уста, при чемъ громко, радостно воскли-

цаеть: «Христось воскресе! Другъ друга обьемемъ! Возрадуемся и возвеселимся!» при чемъ даетъ ему не одно, какъ другимъ, а два яйца, и ни сейчасъ ни послѣ даже намекомъ не далъ ему знать, что онъ знаетъ о его проступкѣ.—Свѣтлый день, по мысли Александра Васильевича, долженъ былъ разливать на всѣхъ только одинъ свѣтъ и уничтожать всякія тѣни. Эта сцена произвела на насъ самое глубокое впечатлѣніе. Она и сейчасъ, какъ живая, со всей обстановкой, стоитъ передъ моими глазами. Такъ поступать, какъ поступилъ Александръ Васильевичъ съ Воронцовымъ, могутъ только дѣйствительно настоящіе истинные христіане, только настоящій дѣйствительный святой человѣкъ, какимъ я всегда и признаю Александра Васильевича. У него подобное отношеніе къ согрѣшающему было всегда только простымъ естественнымъ выраженіемъ его всегдашней христіанской настроенности, его всегдашней христіанской любви къ ближнему, пусть это будетъ даже виновный и только что согрѣшившій предъ нимъ, и такой могъ всегда найти у него слова любви и утѣшенія. Понятно, что подобныя отношенія Александра Васильевича къ студентамъ, никогда не дѣланныя и не искусственныя, а естественно вытекавшія изъ самой, началами христіанской любви проникнутой, его природы, производили на всѣхъ студентовъ воспитывающее и облагораживающее вліяніе; мы часто воздерживались отъ дурныхъ поступковъ не потому что боялись за нихъ кары и наказанія со стороны начальства, а потому, что боялись оскорбить и опечалить своего «папашу», какъ всѣ мы, студенты, обыкновенно звали Александра Васильевича. Его нравственное вліяніе на насъ было громадно и непререкаемо и не только во времена студенчества, но и послѣ.

Другой случай. У меня былъ товарищъ Н. Гр. Первухинъ (который уже давно умеръ), если не ошибаюсь, сынъ тверского протоіерея. Это былъ хорошій, живой юноша, который, сдѣлавшись студентомъ Академіи, очень радовался, что онъ можетъ располагать своими поступками по своему личному усмотрѣнію, какъ ему заблагоразсудится, впрочемъ, вовсе не думая при этомъ о чемъ-либо дурномъ или непозволительномъ — юноша былъ чистъ и даже нѣсколько ребячески наивенъ. Сдѣлавшись студентомъ, онъ почему-то поставилъ своею ближайшею задачей познакомиться съ окрестностями посада и особенно детально изучить всѣ тѣ окрестныя мѣстности, откуда нѣкогда поляки вели осаду лавры. Каждый день послѣ обѣда онъ отправлялся въ свои путешествія, не обращая вниманія ни на какую погоду. Дѣло было осенью, и Первухину приходилось путешествовать по непролазной грязи, по лужамъ и очень нерѣдко подъ дождемъ. Даже когда выпалъ снѣгъ, онъ продолжалъ свои экскурсіи и по снѣгу. Естественно,

что во время этихъ путешествій онъ иногда весь промокалъ и особенно промокали ноги. Результатъ такихъ непрерывныхъ путешествій получился для Первухина очень печальный: у него открылся очень острый ревматизмъ въ ногахъ, такъ что онъ принужденъ былъ лечь въ больницу, гдѣ нерѣдко плакалъ отъ нестерпимой боли. Александръ Васильевичъ имѣлъ обычай посѣщать больныхъ, особенно тѣхъ, которые вновь поступали въ больницу. Узнавъ о болѣзни Первухина, онъ сейчасъ же пошелъ въ больницу и вмѣстѣ съ фельдшеромъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Первухинъ. Послѣдній сталъ горько жаловаться на нестерпимую боль въ ногахъ, какую ему приходится испытывать. Въ отвѣтъ на эти жалобы Александръ Васильевичъ на этотъ разъ не остерегся, а сказалъ Первухину, хорошо зная причину его болѣзни: «А вы бы поменьше бѣгали, сидѣли бы дома, побольше занимались, тогда бы и не хворали, а то человѣкъ зачѣмъ-то постоянно бѣгалъ, вотъ за это и наказанъ». Услышавъ этотъ упрекъ, Первухинъ неожиданно заплакалъ и сталъ говорить Александру Васильевичу: «Я серьезно боленъ и испытываю нестерпимую боль, а вы меня упрекаете, развѣ можно такъ обращаться съ больнымъ человекомъ?» и еще сильнѣе заплакалъ. Александръ Васильевичъ увидалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ больнымъ и нервно очень настроеннымъ человекомъ, и что онъ сдѣлалъ ошибку, упрекая его, и въ отвѣтъ на упреки Первухина самъ заплакалъ и сталъ просить его, чтобы тотъ простилъ его за неосторожныя слова, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія огорчить, а тѣмъ болѣе оскорбить больного; оба при этомъ плакали. Конечно, фельдшеръ, свидѣтель этой сцены, проводивъ ректора, сейчасъ же зашелъ въ комнаты студентовъ и рассказалъ имъ, чего онъ былъ свидѣтелемъ. Студенты, слушая этотъ рассказъ, единодушно приходили къ тому выводу, что ихъ «папаша» дѣйствительно не просто прекрасный, а истинно святой человѣкъ.

Въ бытность мою студентомъ Академіи, на третьемъ курсѣ, моими сосоварищами учрежденъ былъ такъ называемый *курсовой судъ* надъ нашими же товарищами-однокурсниками. Дѣло происходило такъ: ректоръ Александръ Васильевичъ и инспекторъ архимандритъ Михаилъ предоставили студентамъ значительную свободу, не вмѣшиваясь непосредственно въ ихъ обычную повседневную жизнь, поскольку она не выступала замѣтно изъ установленныхъ рамокъ. Они старались внушить намъ, что мы уже не маленькіе, не дѣти, сами можемъ опредѣлять свое поведеніе, не нуждаясь въ указкахъ, и что они полагаются на нашу порядочность и довѣряютъ намъ. Конечно, такое отношеніе къ намъ начальства, такое его довѣріе къ намъ большинствомъ высоко цѣнилось, и мы самими дѣломъ старались показать, что мы дѣйствительно люди поряд-

дочные и не думаемъ злоупотреблять довѣріемъ къ намъ начальства. Но, къ сожалѣнію, между нами находились и такія лица, которыя готовы были во зло употребить данную намъ свободу. Среди насъ существовалъ кружокъ нашихъ товарищей (хотя и очень небольшой), которые не любили правильно заниматься дѣломъ, а занимались нерѣдко выпивкой, игрой въ карты, при чемъ спорили, ссорились, шумѣли и тѣмъ мѣшали заниматься другимъ, отвѣчали дерзостями и оскорбленіями на обращенныя къ нимъ замѣчанія товарищей. Тогда у насъ естественно возникъ вопросъ: какъ обуздать и обезвредить этихъ лицъ? Въ отвѣтъ на это и явилось у насъ учрежденіе товарищескаго суда, такъ какъ о жалобахъ и доносахъ на товарищей начальству никто и не думалъ; все рѣшено устроить самимъ. Собравшись всѣмъ курсомъ и избравъ изъ среды своей предсѣдателя, мы занялись выработкой обязательныхъ для всѣхъ правилъ съ тѣмъ, чтобы нарушителей ихъ подвергать студенческому суду. Между прочимъ, рѣшено было, что съ пяти часовъ вечера вплоть до ужина (до 8 часовъ) въ занятныхъ комнатахъ никто не имѣетъ права не только шумѣть, но и разговаривать, чтобы не мѣшать заниматься другимъ. Кто хочетъ бездѣльничать, разговаривать и шумѣть, тѣ должны были уходить въ спальни, которыя въ это время были совсѣмъ пустыми, и тамъ могли дѣлать что угодно, такъ какъ никому тамъ не мѣшали. Въ спальни мы обыкновенно приходили и ложились спать въ одиннадцатомъ часу ночи и могли съ общаго согласія вести здѣсь разговоры, но только до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не заявлялъ, что онъ хочетъ спать, и тогда разговоръ немедленно долженъ былъ прекратиться, и всѣ ложились спать. Всякій, являвшійся въ спальню позже, долженъ былъ проходить тихо, молча, осторожно, никакъ не беспокоя товарищей. Эти правила относительно занятій и сна соблюдались нами все время довольно строго и обезпечивали намъ спокойствіе и тишину во время занятій и ночного отдыха. Сами студенты наблюдали за поведеніемъ своихъ со товарищей въ стѣнахъ Академіи, не допуская между ними ссоръ и взаимныхъ оскорбленій. Между нами былъ, однако, одинъ товарищъ очень грубаго и задорнаго характера, любившій къ тому же выпить, который не считался съ нашими «обязательными постановленіями». Отъ него многимъ порядочно доставалось, но до поры до времени его грубыя и оскорбительныя выходки терпѣли. Наконецъ, грубо-непозволительное и къ тому же безпричинное оскорбленіе одного товарища вывело всѣхъ изъ терпѣнія, и его рѣшено было отдать подъ судъ. Собрались всѣ товарищи, выяснили дѣло и объявили виновному такое постановленіе товарищескаго суда: онъ, виновный, долженъ удалиться на два мѣсяца съ курса, жить внѣ его, гдѣ хочетъ: можетъ ѣхать на два мѣсяца домой, можетъ нанять

временную квартиру себѣ въ посадѣ и, наконецъ, можетъ сказаться больнымъ и два мѣсяца прожить въ академической больницѣ. Никто изъ товарищей въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ не имѣетъ права ни о чемъ говорить съ нимъ ни подавать ему руки—онъ для нихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ какъ бы не существуетъ. Виновному, однако, разрѣшалось слѣдующее: онъ можетъ ходить на лекціи и слушать ихъ, но только не имѣетъ при этомъ права разговаривать съ товарищами, онъ можетъ даже явиться къ товарищамъ на курсъ, но только въ томъ исключительномъ случаѣ, если ему нужна для его занятій какая-либо книга или справка,—только въ этомъ исключительномъ случаѣ каждый товарищъ обязанъ или дать ему требуемую книгу или сказать, у кого она находится, но никакіе другіе разговоры съ нимъ не допускались. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ онъ долженъ былъ вступить во всѣ свои студенческія товарищескія права, и когда онъ, дѣйствительно проживъ этотъ срокъ въ академической больницѣ, возвратился изъ изгнанія, товарищи не показали и виду, что съ нимъ произошло что-то особое, и обращались съ нимъ попрежнему, какъ будто его двухмѣсячнаго изгнанія и не существовало. Этотъ случай произвелъ должное впечатлѣніе какъ на самого провинившагося, такъ и на всѣхъ, которые способны были вести себя по отношенію къ товарищамъ несдержанно и рѣзко вызывающе,—всѣ они присмирѣли, и мы до самаго окончанія курса въ Академіи жили въ мирѣ и тишинѣ. Понятно само собой, что ректоръ Александръ Васильевичъ отлично зналъ объ учрежденіи у насъ товарищескаго суда, о двухмѣсячномъ изгнаніи нами одного изъ товарищей, и, конечно, вполне сочувствовалъ возникшему у насъ учрежденію, которое безъ всякаго непосредственнаго участія начальства водворяло и поддерживало въ нашей студенческой жизни извѣстный порядокъ и спокойствіе. Официально же начальство дѣлало видъ, что оно ничего не знаетъ о существованіи студенческаго самосуда.

Александръ Васильевичъ всегда близко стоялъ ко всѣмъ студентамъ, а къ нѣкоторымъ въ особенности, такъ какъ велъ съ ними періодически правильныя бесѣды. Это были такъ называемыя *старшіе*. Въ мое время, какъ, конечно, и сейчасъ, опредѣленныя группы студентовъ занимали опредѣленныя комнаты для своихъ занятій, называемыя занятными, которыя были подъ номерами, и опредѣленныя комнаты для спаленъ. Во главѣ каждой группы студентовъ, т.-е. cadaго номера—занятной и спальни—назначался начальствомъ особый старшій, который былъ главою и представителемъ группы, слѣдилъ за порядкомъ въ своемъ номерѣ, во время занятныхъ часовъ долженъ былъ не допускать шума и вообще всего, что мѣшало студентамъ заниматься, былъ представителемъ и ходатаемъ

за своихъ сожителей предъ начальствомъ и т. п. Всѣхъ занятныхъ комнатъ было тогда у насъ семь и, слѣдовательно, было семь старшихъ. Послѣдніе по очереди каждый день послѣ студенческаго ужина должны были являться къ ректору и докладывать ему [о состояніи студенчества и, если нужно, о его желаніяхъ, требованіяхъ, неудовольствіяхъ по какому-либо случаю и т. п. Въ теченіе двухъ лѣтъ я былъ старшимъ въ одномъ изъ студенческихъ номеровъ и, слѣдовательно, разъ въ недѣлю обязательно являлся къ ректору съ докладомъ. Нужно замѣтить, что самъ Александръ Васильевичъ всегда обѣдалъ и ужиналъ въ одно время съ студентами; билъ звонокъ студентамъ къ обѣду, за обѣдъ садился у себя и Александръ Васильевичъ. Точно такъ же по студенческому звонку онъ и ужиналъ. Когда очередной, или, какъ его называли, дежурный старшій, поужинавъ, являлся къ ректору, Александръ Васильевичъ охотно вступалъ въ разговоръ съ дежурнымъ старшимъ, и иногда, если собесѣдники попадали на интересную тему, эти бесѣды продолжались довольно долго. Говорили рѣшительно обо всемъ, такъ какъ самые доклады о положеніи или состояніи студенчества обыкновенно были стереотипны: все обстоитъ попрежнему благополучно. Александръ Васильевичъ спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ и объ ихъ родинѣ и родителяхъ, въ какомъ училищѣ и семинаріи они учились и какъ учились, каковы у нихъ были преподаватели, какая библіотека, что читали, чѣмъ особенно занимаются и интересуются въ Академіи, какія книги по преимуществу теперь читаютъ и т. п. Иногда разговаривали по поводу тѣхъ или другихъ газетныхъ извѣстій и слуховъ, о тогдашнихъ современныхъ событіяхъ. Однажды Александръ Васильевичъ, обычно бесѣдуя со мной во время моего дежурства, вдругъ спросилъ меня: а знаю ли я новаго учителя Виѣанской семинаріи (въ которой я учился) Хр. Мих. Соколова, недавно поступившаго въ Виѣанскую семинарію? Я отвѣтилъ, что не знакомъ съ нимъ, но въ лицо его знаю. Тогда онъ, нѣсколько волнуясь, говорилъ мнѣ: «Почему ректоръ вашъ, т.-е. Виѣанской семинаріи (архимандритъ Сергій, вполнѣдствіи епископъ Костромской, авторъ книги «Восточный мѣсяцесловъ») не хорошо относится къ Соколову, гонитъ его и притѣсняетъ?» Я отвѣтилъ, что не знаю, хотя кое-что и слышалъ объ этомъ. Тогда Александръ Васильевичъ съ горячностью сталъ говорить мнѣ: «Не хорошо такъ поступаетъ о. Сергій, не слѣдуетъ ему гнать и преслѣдовать Соколова. Я вамъ скажу, что такое за человѣкъ этотъ Соколовъ. Онъ писалъ кандидатское сочиненіе на тему: «О вѣчности мученій». Въ своемъ сочиненіи онъ доказывалъ, что ученіе о вѣчности мученій не согласно съ представленіемъ о Богѣ, какъ существѣ всеблагомъ, милосердномъ, любящемъ свое созданіе, что милосердный Творецъ

человѣка не можетъ его вѣчно мучить за временные грѣхи, часто совершенные даже несознательно, только въ силу данной обстановки окружающихъ даннаго человѣка обстоятельствъ, что такая жестокая расплата Бога съ человѣкомъ недостойна Бога и что поэтому латинское ученіе, признающее чистилище, благодаря которому и всѣ грѣшники достигнутъ блаженства, гораздо лучше и вѣрнѣе ученія православнаго. «Я,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—прочитавши это сочиненіе Соколова, призвалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько вечеровъ, стараясь убѣдить его въ ошибочности его воззрѣній. Онъ энергично защищался. Нужно де замѣтить, что Соколовъ человѣкъ умный, усиленно занимающійся, человѣкъ искренно вѣрующій и очень благочестивый и въ то же время крайне нервный и вообще человѣкъ не отъ міра сего (онъ вскорѣ серьезно захворалъ и умеръ). Когда онъ защищалъ свои воззрѣнія,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—онъ весь дрожалъ, особенно дрожали его руки, и въ каждомъ его словѣ слышались искренность, убѣжденность и самая горячая вѣра. Такихъ лицъ нужно не гнать и преслѣдовать, а обращаться съ ними бережно, ласково и осторожно, разумно убѣждать ихъ, а не грозить имъ кулаками, которыхъ они въ душѣ, какъ люди искренніе и убѣжденные, и не боятся. Не хорошо поступаетъ о. Сергій».—Такъ терпимо, такъ истинно-христіански относился Александръ Васильевичъ къ своимъ и заблуждающимся ученикамъ, особенно когда видѣлъ, что эти заблуждающіеся—люди честные, искренніе, нравственные, требующіе осторожнаго разумнаго лѣченія, а не кары, наказанія и преслѣдованія¹⁾.

Когда я въ 1868 году поступилъ въ Академію, студенты раздѣлялись на два двухгодичные курса: на младшій курсъ (два года) и старшій курсъ (тоже два года). Когда я съ младшаго перешелъ на старшій курсъ, введенъ былъ въ Академіи новый уставъ 1870 года, который раздѣлилъ студентовъ на четыре одногодичные курса, и я сдѣлался не студентомъ старшаго курса, какъ было прежде, а третьекурсникомъ. Этотъ новый уставъ, раздѣлившій студентовъ на четыре курса и каждый курсъ подраздѣлившій на три группы, сообразно

¹⁾ Одинъ изъ товарищей проф. Н. Ѳ. Каптерева по семинаріи и Академіи С. Д. Л-скій: сообщаетъ «Хрисанфъ Михайловичъ Соколовъ поступилъ въ Вианію наставникомъ патрологіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Читалъ лекціи дѣйствительно въ либеральномъ стилѣ. Ректору архим. Сергію пришлось быть у него на урокѣ, когда онъ разбиралъ полемику св. Афанасія Великаго съ Аріемъ, при чемъ изволилъ себѣ слишкомъ критически отнестись къ отвѣтамъ св. Афанасія на возраженія Арія, указывая, что они были вовсе не убѣдительны для послѣдняго. Слушалъ Сергій и, наконецъ, не выдержавъ,—поднялся, застучалъ тростью и обратился къ преподавателю съ такою приблизительно репликой: «Гдѣ вы преподаете? Въ Тюбингенской школѣ? У насъ здѣсь Вианская семинарія, и объ отцахъ Церкви такъ отзываться нельзя. Нужно измѣнить методъ преподаванія...» Даже намъ, семинаристамъ, эта реплика показалась безтактной, и неопытнаго, молодого преподавателя можно было направить на истинный путь, пригласивши его къ себѣ... Сергій достигъ того, что Хр. Мих. былъ уволенъ изъ семинаріи».—Пр. Н. Д.

тѣмъ тремъ спеціальнымъ группамъ наукъ, изъ которыхъ каждый студентъ долженъ былъ избирать себѣ одну для спеціальнаго изученія, вначалѣ вызвалъ у насъ нѣкоторое замѣшательство и привелъ въ смущеніе Александра Васильевича. Дѣло въ томъ, что изъ канцеляріи Синода потребовали, чтобы студенты кандидатское сочиненіе писали на третьемъ уже курсѣ, такъ, чтобы степень кандидата получалась студентомъ при переходѣ на четвертый курсъ, который предназначался для сдачи спеціальнаго магистерскаго экзамена и для подготовки магистерской диссертациі. Александръ Васильевичъ рѣшительно воспротивился этому синодскому распоряженію, находя его прямо вреднымъ для дѣла академическаго образованія. И мнѣ лично онъ говорилъ: «Если вы кандидатское сочиненіе будете писать на третьемъ курсѣ, то, значить, учиться-то въ Академіи какъ слѣдуетъ вы будете только два года, такъ какъ, занимаясь на третьемъ курсѣ писаніемъ кандидатскаго сочиненія, вы сосредоточите на немъ все ваше вниманіе и обязательно будете манкировать посѣщеніемъ лекцій. Потомъ, при переходѣ на четвертый курсъ, вы сдѣлаетесь кандидатами, но чѣмъ же большинство изъ васъ будетъ заниматься четвертый годъ, что оно будетъ дѣлать? Всѣмъ хорошо извѣстно, что значительное большинство студентовъ не только не думаетъ, но даже и не мечтаетъ о магистерствѣ; слѣдовательно, оно не будетъ на четвертомъ курсѣ готовиться къ магистерскимъ экзаменамъ, а тѣмъ болѣе не подумаетъ чѣмъ-либо заняться для подготовки магистерской диссертациі. Очевидно, весь четвертый годъ большинство студентовъ будетъ просто бездѣлничать, ничего не дѣлать, что, конечно, будетъ крайне вредно и пагубно отражаться не только на самихъ ничего не дѣлающихъ четверокурсникахъ, но и на всемъ вообще студенчествѣ. Поэтому я не допущу, чтобы писали кандидатское сочиненіе на третьемъ курсѣ». Такъ въ дѣйствительности и было, какъ говорилъ Александръ Васильевичъ. На третьемъ курсѣ и ранѣе мы писали только обычныя семестровыя сочиненія, а кандидатскія не писали. Наступили экзамены, и неожиданно пришло въ Академію требованіе изъ Синода, чтобы по окончаніи экзаменовъ туда немедленно высланы были отмѣтки кандидатскихъ сочиненій на нашемъ курсѣ, т.-е. отмѣтки на тѣхъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, которыхъ мы вовсе не писали. Это синодское требованіе произвело страшный переполохъ въ Академіи. Гдѣ взять отмѣтки на сочиненія, которыя вовсе нами не писались? Думали, гадали и, наконецъ, нашли выходъ. Собрали всѣ семестровыя сочиненія, какія мы писали на третьемъ курсѣ (обыкновенно мы писали въ годъ по три семестровыхъ сочиненія, по тремъ разнымъ предметамъ) и взяли у cadaго студента лучшее изъ его трехъ сочиненій, признали его кандидатскимъ и отмѣтки по этимъ сочинені-

ямъ отослали въ Синодъ, какъ отмѣтки на кандидатскихъ сочиненіяхъ. Такъ неожиданно мы, не писавши кандидатскаго сочиненія, сдѣлались, однако, кандидатами. Но Александръ Васильевичъ не далъ намъ бездѣльничать четвертый годъ. Онъ рѣшительно заявилъ намъ, чтобы мы всѣ писали на четвертомъ курсѣ магистерское [сочиненіе, которое для большинства будетъ собственно кандидатскимъ. Кто не будетъ писать, тому онъ не выдастъ кандидатскаго диплома, и такой не получитъ сколько-нибудь порядочнаго мѣста по окончаніи курса. Въ то время окончившихъ курсъ Академіи назначалъ на мѣста въ разныя духовныя учебныя заведенія академической совѣтъ и, главнымъ образомъ, ректоръ, такъ что любого студента онъ могъ назначить куда хотѣлъ, т.-е. на хорошее мѣсто въ хорошей городъ или на плохое мѣсто въ плохой, глухой городишко. Поневоля и на четвертомъ курсѣ мы засѣли за работу, хотя формально мы были уже кандидатами.

Я съ своей стороны рѣшилъ писать магистерское сочиненіе по русской церковной исторіи. Евгений Евсигнеевичъ Голубинскій далъ мнѣ тему: «Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси», сказавъ, что этотъ вопросъ доселѣ совершенно обходился въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и что если я какъ слѣдуетъ его разработаю, онъ охотно дастъ мнѣ за эту работу степень магистра. Я взялъ у Голубинскаго разные печатные акты и документы и немедленно энергично принялся за работу, которой незамѣтно увлекался все болѣе и болѣе, такъ что весь четвертый курсъ просидѣлъ надъ разработкой данной темы и уже къ концу года, основательно ознакомившись съ документальными данными, я довольно ясно видѣлъ, какъ мнѣ слѣдуетъ вести дальнѣйшую работу, или, точнѣе, обработку собраннаго и собираемаго матеріала, чтобы изъ моей работы вышло нѣчто цѣльное и хотя бы и относительно научно цѣнное. Само собою понятно, что продолжая, въ качествѣ дежурнаго старшаго, являться къ Александру Васильевичу, я сразу же повелъ съ нимъ разговоръ по взятой мною темѣ объ изучаемыхъ источникахъ, о своихъ планахъ по обработкѣ и распредѣленіи изучаемаго матеріала. Александръ Васильевичъ, самъ любившій русскую церковную исторію и спеціально занимавшійся изученіемъ особенно ея рукописныхъ источниковъ, которые онъ такъ прекрасно описалъ, заинтересовался взятою мною темою. Конечно, онъ прежде всего разспросилъ, какіе у меня сейчасъ подъ руками находятся источники. Я сказалъ. Тогда онъ сейчасъ же замѣтилъ, что въ его личной библіотекѣ, вѣроятно, найдутся и другіе, мнѣ нужные источники, какихъ у меня нѣтъ, что онъ поищетъ ихъ и пришлетъ мнѣ. И съ этого времени Александръ Васильевичъ всегда присылалъ мнѣ всѣ тѣ книги и документы, въ ко-

торыхъ, по его мнѣнію, можно было найти что-либо, имѣющее отношеніе къ моей темѣ. Въ бесѣдахъ со мною онъ дѣлалъ замѣчанія по поводу тѣхъ или другихъ моихъ сужденій, иногда оспаривалъ ихъ и, замѣчая въ моихъ знаніяхъ пробѣлы по русской церковной исторіи, сейчасъ же давалъ мнѣ какую-либо книгу или изслѣдованіе, чтобы я прочелъ его и пополнилъ свои скудныя студенческія познанія. Понятно, что наши бесѣды вращались уже не только около моей темы, но касались и разныхъ другихъ вопросовъ по русской исторіи, что значительно расширяло мой кругозоръ, тѣмъ болѣе, что Александръ Васильевичъ, какъ я сказалъ, всегда не прочь былъ сейчасъ же вручить мнѣ книжку, чтобы я прочелъ въ ней о томъ-то и о томъ-то. Когда я окончилъ курсъ въ Академіи, мнѣ предложено было остаться приватъ-доцентомъ, чтобы читать лекціи по русской церковной исторіи вмѣсто Евгенія Евсигнеевича Голубинскаго, который получилъ тогда годичную командировку въ славянскія земли для личнаго ознакомленія съ тогдашнимъ положеніемъ славянской православной Церкви. Вѣроятно, предложеніе въ Совѣтъ оставить меня при Академіи сдѣлалъ Александръ Васильевичъ, хорошо знавшій меня и мои занятія по русской церковной исторіи. Александръ Васильевичъ сказалъ мнѣ, что я буду читать въ недѣлю только двѣ лекціи, и что вмѣсто обычныхъ пятидесяти минутъ я могу читать лекціи, какъ эпизодическія, только по получасу, такъ какъ де Голубинскій, по возвращеніи изъ-за границы, все равно будетъ читать полный курсъ исторіи, и каждый интересующійся студентъ можетъ послѣ прослушать его чтенія. Такимъ образомъ лекціи не могли отнять у меня много времени отъ обработки моей магистерской диссертациі. Чрезъ полтора года своей приватъ-доцентуры я, наконецъ, окончилъ свою диссертацию и вручилъ ее для прочтенія возвратившемуся изъ-за границы Евгенію Евсигнеевичу Голубинскому. Тотъ нашелъ, что моя диссертациа написана хорошо, что можно ее напечатать, и что онъ, съ своей стороны, готовъ дать мнѣ за нее степень магистра. Я сообщилъ объ этомъ Александру Васильевичу, и онъ потребовалъ диссертацию себѣ для просмотра. Я зналъ, что значить со стороны Горскаго просмотрѣть диссертацию. Дѣйствительно, онъ взялъ всѣ имѣвшіяся у меня книги по предмету моей диссертациі и тщательно ее провѣрилъ. Мнѣ пришлось потомъ, въ частной бесѣдѣ, выслушать отъ него разныя возраженія, защищать свои положенія и взгляды, документально доказывать ихъ справедливость, или же, гдѣ я сказывался не совсѣмъ состоятельнымъ, дѣлать нѣкоторыя исправленія. Наконецъ, все было пересмотрѣно и провѣрено, и онъ разрѣшилъ печатать мою диссертацию. Когда моя книга прошла чрезъ Совѣтъ, какъ магистерская диссертациа, и диспутъ былъ назначенъ на 15-е

октября 1874 года, т.-е. ровно 40 лѣтъ тому назадъ, Александръ Васильевичъ призвалъ меня и потребовалъ, чтобы я написалъ такъ называемые тезисы, или главныя и основныя положенія своей диссертаци, какія я долженъ былъ защищать на диспутѣ. Я написалъ одиннадцать тезисовъ. Александръ Васильевичъ крайне внимательно прочиталъ ихъ, требуя отъ меня отчета буквально въ каждомъ словѣ и выраженіи тезисовъ. Наконецъ, и они были напечатаны, пройдя его строгую цензуру. Тогда онъ обратился ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ: «Вашими официальными оппонентами назначены такіе первоклассные знатоки русской исторіи, какъ Голубинскій и Ключевскій; поэтому вамъ необходимо быть во всеоружіи, чтобы достойно отвѣчать на ихъ возраженія. Въ виду этого и прошу васъ, до диспута еще порядочно времени, снова пересмотрѣть всѣ матеріалы и документы, на основаніи которыхъ написано ваше изслѣдованіе». Это требованіе Александра Васильевича казалось мнѣ совершенно излишнимъ, такъ какъ онъ самъ на дѣлѣ видѣлъ, что я хорошо изучилъ и знаю источники и что я ничего не бралъ въ свою книгу изъ вторыхъ рукъ безъ провѣрки первоисточниками. Я было воспротивился исполнить желаніе Александра Васильевича, но онъ сказалъ мнѣ: «Я все-таки прошу васъ исполнить мою просьбу, и вы дайте мнѣ слово, что немедленно исполните мое желаніе». Сопротивляться долѣе было невозможно, и я немедленно обложилъ книгами и снова перечиталъ всѣ документы, по которымъ составлено было мое изслѣдованіе. А такъ какъ приближалось время диспута, то я написалъ и ту рѣчь, какую долженъ былъ сказать предъ началомъ диспута. Пришелъ къ ректору и сообщилъ ему, что желаніе его исполнено: мною вновь прочитаны всѣ использованные мною въ книгѣ документы. Александръ Васильевичъ поблагодарилъ меня за исполненіе его желанія и затѣмъ спросилъ меня: приготовилъ ли я рѣчь, какую мнѣ нужно говорить предъ диспутомъ? Я отвѣтилъ, что приготовилъ. Тогда онъ спросилъ: «о чемъ и что именно я буду говорить?» Я въ короткихъ словахъ рассказалъ содержаніе своей предполагаемой рѣчи. Онъ спросилъ меня: «А рѣчь у васъ уже?» Я отвѣтилъ: «Да, написана». Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Дайте мнѣ ее посмотрѣть». Очень хорошо я зналъ, что значить со стороны Александра Васильевича посмотрѣть мою рѣчь. Это значило, что онъ процѣдитъ въ ней каждую мою фразу. Долженъ сознаться, что это требованіе Александра Васильевича произвело на меня крайне удручающее впечатлѣніе: онъ, казалось, не вѣрилъ мнѣ, думалъ, что безъ его цензуры я не могу сказать и рѣчи какъ слѣдуетъ, и что онъ уже слишкомъ нагнетаетъ на меня. Онъ отлично замѣтилъ и понялъ мое удрученное состояніе и ласково-доброжелательно сталъ говорить мнѣ: «Вы думаете, что я слишкомъ придираюсь и какъ

будто не довѣряю вамъ. Признаюсь, что я дѣйствительно придиричивъ къ вамъ, но на такой образъ дѣйствій относительно васъ я имѣю особыя причины и вы сами сейчасъ поймете, что мнѣ необходимо именно такъ дѣйствовать, когда я вамъ объясню, въ чемъ тутъ заключается дѣло. Вы знаете,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—что доселѣ въ Академіи степень магистра всегда давалась за рукописныя сочиненія и никакихъ диспутовъ ранѣе въ Академіи не было. Теперь вамъ первому степень магистра будетъ дана за печатное сочиненіе, доступное всѣмъ и каждому, каждый можетъ его прочитать, и степень вамъ будетъ дана только послѣ публичной защиты, на которой можетъ присутствовать всякій посторонній человѣкъ, вовсе и не принадлежащій къ Академіи,—вы будете у насъ въ Академіи первый магистръ, получающій ученую степень за печатное сочиненіе и послѣ публичной защиты. Понятно, что вашъ диспутъ, какъ первый въ нашей Академіи, какъ небывалое доселѣ дѣло, явятся посмотрѣть и послушать очень много охотниковъ, не только мѣстныхъ, но, вѣроятно, пріѣдутъ и изъ Москвы, вѣроятно даже, что вашъ диспутъ, какъ новинка въ нашей Академіи, будетъ описанъ въ газетахъ (что дѣйствительно и было). Очевидно, по вашему диспуту всѣ будутъ судить, какъ это новое дѣло поставлено въ нашей Академіи. Поэтому,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—достоинство и честь нашей Академіи требуетъ, чтобы не только ваша диссертация была хорошимъ, безъ серьезныхъ дефектовъ, научнымъ изслѣдованіемъ, но чтобы и вашъ диспутъ прошелъ вполне гладко и хорошо». Теперь я вполне понялъ показавшіяся нѣсколько придиричивыми отношенія ко мнѣ глубокочтимаго Александра Васильевича; онъ ревновалъ о достоинствѣ и чести любимой имъ Академіи, онъ хотѣлъ и употреблялъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ него усилія и мѣры, чтобы воспитанники его Академіи, выступая публично на судъ публики съ своими научными работами, были способны поддержать научное достоинство и честь воспитавшей ихъ Академіи. Прощаясь со мною послѣ этого разговора, происходившаго незадолго до диспута, Александръ Васильевичъ, улыбаясь, говорилъ мнѣ: «Я обращаюсь къ вамъ еще съ одной и послѣдней просьбой: дайте мнѣ слово, что вы не будете вечеромъ наканунѣ диспута заниматься, а весь вечеръ, не дотрогиваясь до книжекъ, прогуляете на свѣжемъ воздухѣ и обязательно ляжете спать не позже десяти часовъ. Еще совѣтую во время диспута держаться спокойно и не волноваться, диспутъ собственно для васъ не страшенъ, такъ какъ вы подготовились къ нему основательно». Дѣйствительно, мой диспутъ прошелъ гладко и хорошо, что весело и замѣтилъ мнѣ Александръ Васильевичъ, поздравляя меня послѣ диспута съ полученіемъ степени магистра.

Такъ ревновалъ всегда Александръ Васильевичъ о достоинствѣ и чести своей Академіи, и если нѣкоторые иногда находили его очень строгимъ и требовательнымъ по отношенію къ академическимъ научнымъ работамъ и даже придирчивымъ, то это объяснялось вовсе не его желаніемъ какъ-либо унижить чужую ученую работу, показать свое ученое превосходство надъ другими, а единственно его всегдашнею ревностью о достоинствѣ и чести Академіи. Конечно, такіе люди, какъ Александръ Васильевичъ, бываютъ рѣдки, но зато ихъ вліяніе на окружающихъ бываетъ сильно, широко и продолжительно, тѣмъ болѣе, что подъ его прямымъ воздѣйствіемъ воспиталось много сотенъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ вышли потомъ общественные дѣятели на всевозможныхъ поприщахъ. Да и по смерти Александра Васильевича его духъ и направленіе, какіе онъ давалъ всей академической жизни, надолго остались въ Академіи и, вѣроятно, не совсѣмъ вымерли и сейчасъ.

Проф. Н. Кантеревъ.

Переписка профессора Московской Духовной Академіи Петра Симоновича Казанскаго съ Александрой Николаевной Бахметевой.

Переписка П. С. Казанскаго съ А. Н. Бахметевой представляет интересный памятникъ обмѣна мыслей по вопросамъ церковно-общественнымъ и богословскимъ между видными образованными представителями двухъ міровъ — духовнаго и свѣтскаго. Даровитый воспитанникъ духовной школы, основательно изучившій школьныя богословскія системы и потомъ ученый профессоръ богословъ Московской Духовной Академіи (1848—1872 г.) П. С. Казанскій¹⁾ въ лицѣ свѣтски образованной А. Н. Бахметевой нашелъ искренняго и преданнаго друга, съ которымъ любилъ дѣлиться своими мыслями и свѣдѣніями по занимавшимъ ихъ обоимъ вопросамъ и событіямъ своего времени.

Александра Николаевна происходила изъ древняго рода Ховриныхъ²⁾. Родилась она марта 23-го 1823 г. въ селѣ Савеловѣ, въ 15 верстахъ отъ Пензы, въ имѣніи Ховриныхъ. Родители ея Николай Васильевичъ и Марія Димитріевна позаботились дать дочери блестящее образованіе подъ руководствомъ приглашенныхъ учителей; особенное вниманіе было обращено на изученіе новыхъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Свое образованіе закончила Александра Николаевна за границей, гдѣ ея родители съ своей «Шушенькой» проживали долго (въ Германіи и Италіи—Римѣ) Вышла замужъ за Петра Владиміровича Бахметева, долгое время служившаго предводителемъ дворянства въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ А. Н. проживала въ имѣніе своего мужа³⁾, а зимою всегда въ Москвѣ.

По понедѣльникамъ къ Бахметевымъ собиралась тогдашняя интеллигенція, особенно извѣстные московскіе славянофилы. Александра Николаевна была близко знакома съ Аксаковыми Константиномъ и Иваномъ, Тютчевыми, особенно съ Екатериной Ѳеодоровной, Хомяковыми, Самаринными. Въ домѣ Бахметевыхъ былъ извѣстный въ Москвѣ салонъ, гдѣ обсуждались вопросы общественные и политическіе, занимавшіе служебное родовитое дворянство. Среди этихъ вопросовъ лучшихъ и образованныхъ представителей дворянства всегда глубоко интересовали вопросы религіозные. Проникнутая живымъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ, Александра Николаевна особенное вниманіе обратила на изученіе широкой области вѣры, преимущественно въ ея историческомъ прошломъ. Плодомъ этого изученія историческаго хри-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о немъ см. А. Бляевъ, *прот.*, «Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ». Серг. посадъ. 1910.

²⁾ Родъ Ховриныхъ ведетъ свое начало отъ грека Ховра и дѣлается извѣстнымъ не позднѣе начала XV в. Одинъ изъ Ховровъ имѣлъ трехъ сыновей, трехъ Ивановъ; первый изъ нихъ назывался Иванъ Голова; отъ него ведетъ начало родъ Головиныхъ.

³⁾ Село Шихово, Дмитровскаго уѣзда.

стіанства явились приобрѣтшіе широкую извѣстность слѣдующіе труды Александры Николаевны: «Священная исторія», «Земная жизнь Спасителя», «Житія святыхъ», «Разказы изъ церковной исторіи». Петръ Симоновичъ имѣлъ случай познакомиться съ Бахметевой въ домѣ Рябинина—предводителя московскаго дворянства. Это случайное знакомство упрочилось личными и письменными сношеніями Петра Симоновича съ А. Н-ой по цензурѣ ея литературныхъ трудовъ. Въ П. С. она цѣнила не только ученаго профессора, который охотно дѣлился съ нею своими научными знаніями, но и человѣка, глубоко преданнаго интересамъ вѣры и Церкви, высоконравственнаго, проникнутаго всецѣло нравственнымъ чувствомъ правды. Нравственный характеръ П. С. всегда возвышалъ ея ученый авторитетъ среди образованнаго свѣтскаго общества и чувство глубокаго уваженія къ нему, какъ человѣку, сглаживало ту разность, которая существовала какъ въ области мысли, такъ и въ жизни между свѣтскимъ и духовнымъ обществомъ. Чувство глубокаго уваженія къ П. С. побуждало А. Н. дѣлиться съ нимъ своими мыслями по различнымъ занимавшимъ ее вопросамъ, преимущественно по вопросамъ вѣры и Церкви. Разность взглядовъ на многіе вопросы породила иногда взаимное непониманіе, пререканія, но все это оканчивалось мирно, когда друзья, оставивъ область отвлеченной мысли, объединялись въ чувствѣ взаимнаго уваженія и христіанской любви. Плодомъ духовнаго единенія клерикальнаго и мірскаго явилась переписка П. С. съ А. Н. весьма интересная сама по себѣ и цѣнная какъ историческій матеріаль, продолжавшаяся 30 лѣтъ до кончины П. С. въ февралѣ 1878 года¹⁾.

Частная переписка П. С. съ А. Н. Бахметевой представляетъ глубокий общественный интересъ и для настоящаго времени. А. Н. принадлежала къ числу того небольшою круга лицъ свѣтской интеллигенціи, которая глубоко интересовалась вопросами вѣры, но не находила удовлетворенія въ школьныхъ богословскихъ системахъ, была крайне недовольна отчужденіемъ духовенства отъ свѣтскаго общества и непониманіемъ духовенствомъ религиозныхъ стремленій свѣтскаго образованнаго общества.

Исторически сложившаяся противоположность между міромъ духовнымъ и свѣтскимъ давно обращала вниманіе лучшихъ представителей русской общественной мысли. Извѣстный публицистъ-мыслитель М. Н. Катковъ призналъ эту противоположность явленіемъ, противнымъ духу христіанской идеи²⁾. Мысль Каткова нашла болѣе яркое выраженіе въ сочиненіяхъ нашего оригинальнаго философа Н. Э. Феодорова, который, характеризуя XIX вѣкъ, писалъ, что этотъ вѣкъ «есть прямой выводъ, настоящій сынъ предшествовавшихъ вѣковъ, прямое послѣдствіе раздѣленія небснаго отъ земнаго, т.-е. полное искаженіе христіанства, завѣтъ котораго заключается именно въ соединеніи небснаго съ земнымъ, божественнаго съ человѣческимъ»³⁾. Сознаніе ненормальности этого явленія лучшими умами породило въ русскомъ обществѣ стремленіе къ сближенію духовной школьной науки съ свѣтской. Лучшие представители духовнаго міра, болѣе чуткіе къ теченіямъ общественной жизни, пошли навстрѣчу этому стремленію, и видный представитель духовной науки П. С. Казацкій, особенно любившій дворянское общество, имѣвшій обширный кругъ знакомства въ этомъ обществѣ, былъ піонеромъ въ томъ замѣчательномъ общественномъ движеніи, которое широко и ярко проявилось въ шестидесятыхъ годахъ.

Пр. А. А. Бгльевъ.

¹⁾ Кончина А. Н. Бахметевой послѣдовала 31 мая 1901 года.

²⁾ Собр. перед. статей «Москов. Вѣд.» 1868 г.

³⁾ См. Философію общаго дѣла Н. Э. Феодорова т. 1., стр. 32.

1.

Благодарю Васъ за присланные Вами книжки. Помогите Вамъ Богъ докончить это доброе дѣло, чтобы дать здоровую пищу нашему народу.

Вчера въ одно время съ житіями я получилъ 4-ю и 5-ю книжки рассказовъ для дѣтей. Не замедлю выслать Вамъ билетъ.

Толстой въ Дамаскинѣ желалъ провести свою мысль, свои идеи, а не передать жизнь Іоанна. Чего онъ утратилъ сказать чудесное исцѣленіе отсѣченной руки Іоанна, чего онъ убоился привести хоть небольшіе отрывки изъ его писемъ къ иконоборствующимъ императорамъ, гдѣ тономъ Григорія VII и Иннокентія III писалъ, что Богъ поставилъ въ церкви Апостоловъ, пророковъ, пастырей, учителей, но не императоровъ, что императоры простые овцы стада Христова, которые должны слушать пастырей?

Еще онъ не понялъ духа иноческаго послушанія. Онъ смотритъ на запретъ писать пѣсни Дамаскина какъ на какое-то насильственное, незаконное дѣйствіе. Не самъ вызвался старецъ быть наставникомъ Іоанна, но по назначенію игумена. Вспомните, какъ поступилъ Іоаннъ Коловъ съ Арсеніемъ Великимъ. Какъ собакъ бросилъ онъ ему корку хлѣба на полъ, чтобы онъ ѣлъ и тотъ на четверенки всталъ и съѣлъ ее. Нужно было развить духъ отреченія отъ своей воли въ Іоаннѣ, чтобы онъ сдѣлался сладкозвучнымъ органомъ церковныхъ пѣсней.

Эта статья не была въ церковной цензурѣ, по крайней мѣрѣ нашей.

Духовенство о крестьянскомъ вопросѣ выражаетъ свои мысли устами архіереевъ при открытіи и закрытіи комитетовъ. Но Григорій, Калужскій епископъ ¹⁾, получилъ замѣчаніе за свою рѣчь, въ которой раскрывалъ христіанскій взглядъ на рабство. Многихъ изъ священниковъ тяжело осудили за полученіе о семъ предметѣ, называя ихъ вызовомъ къ бунту. Христіанское ученіе такъ противоположно бывшимъ узаконеніямъ, что его можно предъ помѣщиками излагать, а не крестьянами. Былъ же одинъ членъ Высшей Тайной Цензуры, который хотѣлъ запретить Евангеліе, потому, что оно будто бы учитъ социализму. Дѣйствительно осторожно нужно говорить, ибо простой народъ не пойметъ всего, схватится за слово свободы, такое ему отрадное, а о чужой собственности не подумаетъ.

Духовенство всегда у насъ являлось защитникомъ угнетенныхъ.

Но Митрополитъ съострилъ о голосѣ древней церкви. Что за голосъ древней церкви — голосъ каторжнаго? (разумѣя Данила Заточника).

¹⁾ Архіепископъ Григорій (Митькевичъ), ум. въ 1881 г.

Не знаю, соберусь ли я въ Москву на Пасху.
Петру Владиміровичу усердно кланяюсь.

Искренно преданный Вамъ Петръ Казанскій.

1859 г., марта 4 дня.

2.

Благодарю Васъ за присланную Вами книжку, которая очень хороша. Не знаю, удастся ли мнѣ быть во время Пасхи въ Москвѣ. Всю зиму ждалъ я, что Вы пріѣдете къ намъ въ Лавру.

Вотъ Вамъ голосъ церкви о крестьянскомъ вопросѣ. Вѣроятно, Вы прочли слово о. Іоанна объ освобожденіи крестьянъ ¹⁾, перепечатанное и въ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Желалъ бы я послушать, что объ немъ говорятъ душевладѣльцы. Но послушать такъ, чтобы мое присутствіе не стѣсняло свободы объясненій. Синодъ подчинилъ журналъ «Православный Собесѣдникъ» нашей цензурѣ, а слухи есть, что Государь изъявилъ благодарность за тѣ самыя книжки, которыя подверглись осужденію Синода. Это новое слово, думаю, такъ много произведетъ говору. Одна параллель бывшихъ нашихъ законовъ о крѣпостномъ правѣ съ законодательствомъ Моисея, изданномъ за 3300 лѣтъ до сего времени, уже сильно поражаетъ и заставляетъ усумниться въ прогрессѣ рода человѣческаго на пути развитія гуманности.

У насъ затѣялась борьба съ книгой Ник. Бор. Голицына о возможномъ соединеніи церквей; началъ ее Муравьевъ, а намъ приходится поддерживать ее, между тѣмъ Голицынъ атакуетъ письмами и возраженіями.

Поздравляю Васъ съ наступающей страстною недѣлей, и если не удастся поздравить еще, то и съ приближающимся праздникомъ.

Преданный Вамъ Петръ Казанскій.

1859 г., апрѣля 3 дня.

3.

Прилагаю Вамъ при семъ письмѣ нѣсколько замѣчаній на Ваши книжки. Читали-ли Вы въ «Духовной Бесѣдѣ», съ какимъ сочувствіемъ отозвались о Вашемъ изданіи? И по моему мнѣнію, оно заслуживаетъ такого и лучшаго отзыва. Откуда Вы заимствовали русскій переводъ книги Исаіи? Павскаго или какой другой? Предполагаю, что Вы съ умысломъ привели въ переводѣ мѣсто о виноградникѣ противъ приведеннаго въ извѣстномъ объявленіи. Имѣю изъ Парижа извѣстіе, что въ Лондонѣ издана книга Бытія съ руководствомъ къ ея чтенію. Переводъ издать не трудно было, ибо есть переводъ митрополита въ запискахъ на книгу Бытія. Но что они сказали въ руководствѣ? Это бы любопытно знать. Еще въ прошломъ году напечатана Пѣснь Пѣсней въ русскомъ переводѣ. Протоіерей Поповъ ²⁾ говорилъ, что переводъ читается легко.

¹⁾ «Правосл. Собес.» 1859 г., т. I.

²⁾ Русскій священникъ въ Лондонѣ.

Union chretienne видѣль я 17 №. Не замѣчательный журналъ. И статьи Аввы Юсуфа не могутъ дать ему много значенія.

Съ 20-го числа гостить здѣсь Великая Княгиня Александра Петровна. Живетъ тихо, помонашески, но вчера не могла по нездоровью быть у обѣдни, потому что простудила одну ногу, стоя по приѣздѣ безъ калоши или башмака, который сронила съ ноги въ каретѣ. Но вечеромъ осматривала монастырь. Пробудетъ здѣсь до 24-го и потомъ поѣдетъ въ Ростовъ. Академію посмотрѣть собиралась, но не была еще. Хотѣла она ѣхать въ Скитъ и Виѳанію. До скита доѣдетъ, ибо есть мостовая. Но можетъ ли добраться до Виѳаніи, не знаю. Дорога трудна для проѣзда и легкому экипажу. Желая Вамъ поскорѣе окончить Вашъ трудъ надъ житіями Святыхъ. По окончаніи можно издать въ одной книжкѣ и еще поэтому удешевить ее, ибо брошюровка обложки требуетъ довольно расхода и потомъ въ форматѣ малаго изданія несравненно болѣе выходитъ бумаги. Эта книга должна сдѣлаться достояніемъ бібліотеки каждаго грамотнаго. Противъ пропаганды нечестія нужно благовѣстіе истины. Да поможетъ Вамъ въ семь Господь.

Преданный Вамъ П. Казанскій.

1860 г., апрѣля 22 дня.

Замѣчанія на Майскую книжку житій Святыхъ.

Стр. 10. «Оиміамъ изъ Саввы»; нужно читать: «изъ Савы».

Стр. 30. «Чтобы снять золотую монету»; гривна означаетъ здѣсь не монету а ожерелье.

Стр. 31. «Но въ ночное время упаль съ лошади»; нужно написать: «но на берегу рѣки Тьмы конь его споткнулся и повредилъ ему ногу».

Стр. 32. «Собственный поваръ пронзилъ мечемъ»; на дѣлѣ было иначе: поваръ ножемъ перерѣзалъ ему горло.

Стр. 113. «Въ пустынный скитъ»; нужно сказать: въ пустыни Скитъ. «Скитъ»—это собственное названіе пустыни.

Стр. 117. «На необходимости стеречь помыслы». Въ языкѣ отеческомъ и вообще монашескомъ употребляется: «бдѣть надъ помыслами, наблюдать надъ ними». Помыслы бываютъ добрые и худые (проще мысли), а потому отчего же не давать воли добрымъ помысламъ?

Стр. 124. «Ангель поразилъ смертью 84,000». Какъ по тексту 70-ти, т. е. греческому, такъ и по еврейскому согласно полагается избитыхъ ассиріянь 185000.

Стр. 133. На чемъ Вы основали, что Исаія пророчествовалъ болѣе 80-ти лѣтъ? У насъ допускается болѣе 60 лѣтъ.

Стр. 136. «Теперь эта область исповѣдуетъ»; — не лучше ли сказать: «жители этой области»?

Стр. 186. «Уставъ довольно тяжелъ». Не лучше ли сказать: «уставъ этотъ былъ строгъ».

Стр. 215. «На триумфальныхъ воротахъ» и проч. На триумфальныхъ воротахъ, построенныхъ сенатомъ, была иная надпись, именно, что Константинъ по вдохновенію Божества одержалъ побѣду. А приводимая Вами надпись была на статуѣ, изображающей Константина съ копьемъ въ рукахъ, имѣвшимъ форму креста. Эту статую самъ Константинъ велѣлъ поставить.

Іюнь.

Стр. 5. «Всѣ средства». Всѣ-ли? — «Пристрастнымъ»; мы бы этого слова не употребили.

Стр. 6. «Плохо»; лучше бы: «мало вѣрили». Указавъ впереди на Платона, Пиеагора, Вы продолжаете: «Не признавалъ Творца вселенной». О Платонѣ этого нельзя сказать, и притомъ ни у Платона, ни у Пиеагора, ни у Зенона блаженство земное не было главною цѣлью ихъ стремленій. Потомъ въ частности о Платонѣ Вы пишете, что его ученіе отличалось возвышенностью и смутнымъ понятіемъ о Божествѣ и безсмертіи. О безсмертіи пожалуй, но о Божествѣ его понятія были возвышенны.

Стр. 13. «Письма (Іустина)»; никакихъ писемъ Іустина не сохранилось. Нужно бы сказать: «его писанія исполнены» и пр.

Стр. 16. «168»; нужно бы: «166 года».

Стр. 24. «Послѣ возвращенія изъ Ефеса Кириллъ почти постоянно былъ боленъ». Откуда взято это извѣстіе? Въ теченіи 14 лѣтъ, которыя протекли послѣ Собора Ефесскаго до его смерти, только однажды упоминается, что онъ былъ боленъ.

Стр. 25. «На Евангелиста Іоанна»; нужно прибавить: «и Луки»; потомъ послѣ книги о поклоненіи духомъ и плотію—упомянуть о книгѣ противъ Юліана Богоотступника.

4.

Въ цвѣтникѣ Вашихъ житій не нашель я ни одного дикаго растенія, а подобралъ только соринки, которыя и перечислю на особой тетрадкѣ. Слава Богу, что Вы кончили это прекрасное дѣло. Вакаціонное время провелъ я въ Костромѣ у брата, а потому я не попалъ въ вашу сторону, хотя и хотѣлось бы этого. Осень такъ хороша, что Вамъ слѣдовало бы приѣхать въ Лавру и не на однѣ сутки. Здоровье мое порядочно. Осень обыкновенно тяжела для меня, но хорошая погода теперь благопріятствуетъ моему здоровью. До зимы долго: доживемъ ли; а Вамъ лучше воспользоваться осенью и поклониться Угоднику, у котораго не были Вы давно.

Не скоро еще можно дожидаться перевода посланій. Нашей Академіи поручено перевести посланіе къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ. Но Митрополитъ Московскій еще не перечиталъ перевода книги Дѣяній, а потому не скоро дойдетъ дѣло до конца. Переводитъ у насъ Профессоръ Горскій. Голицына мысль не о библейскомъ, а о церковномъ словарѣ умерла, кажется, вмѣстѣ съ нимъ. Съ изданіемъ энциклопедическаго

словаря можетъ быть отчасти вознаградится этотъ недостатокъ. Union chretienne видѣлъ я 11-ть №-въ и не нашель ничего дѣльнаго. Открытая у Троицы школа есть болѣе мужская, а не женская. Учители приставлены хорошіе, но выборъ совѣта, не въ осужденіе Петру Владиміровичу скажу, едва ли заслуживаетъ одобренія. Впрочемъ, можетъ быть, и лучше, если совѣтъ не будетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Будутъ ли что дѣлать попечительница и надзирательница, не знаю. Помѣщеніе училища тѣсное, да и средства не велики. Пойдетъ дѣло, какъ идетъ во всѣхъ училищахъ, пока граждане Посада не раздумаютъ вносить деньги на содержаніе училища. Ваше письмо отъ 7-го получено мною 18-го, а потому я посылаю письмо по почтѣ, надѣясь, что скорѣе дойдетъ къ Вамъ мое письмо этимъ путемъ. О. намѣстникъ верстахъ въ пяти за скитомъ устрояетъ еще новыя пустыни. Тамъ выстроилъ онъ себѣ келію и тамъ живутъ два схимника и выстроена церковь. Идетъ значительное передвиженіе Архіереевъ. Архангельскій перемѣщенъ въ Полтаву ¹⁾, а Полтавскій на его мѣсто ²⁾, Нижегородскій на Волюнь ³⁾, а Викарій Новгородскій въ Саратовъ ⁴⁾ на мѣсто Іоаннікія, котораго перевели въ Варшаву ⁵⁾. Въ Екатеринбургъ назначили Юрьевскаго Архимандрита Варлаама ⁶⁾. Ждутъ еще перемѣщенія Евсевія Иркутскаго въ Могилевъ ⁷⁾, на его мѣсто Пареевскіа Томскаго ⁸⁾, на мѣсто Томскаго — Порфирія Уфимскаго ⁹⁾. А тамъ требуется еще новыхъ Архіереевъ.

У насъ теперь гоститъ, занимаясь рукописями, Костомаровъ. А дошелъ ли до Васъ переводъ книги Бытія и Исхода, изданный въ Лондонѣ? Переводъ нелѣпый, чуждый знанія русскаго языка и еврейскаго. Не подвинетъ ли новый Митрополитъ ¹⁰⁾ впередъ дѣло о переводѣ Библии? Много препятствовалъ этому дѣлу Алекс. Петр. Толстой. А какая въ народѣ жажда перевода Св. Писанія, видно изъ того, что не успѣвали переплетать печатныхъ экземпляровъ и съ 20 коп. экземпляръ въ губернскихъ городахъ возвышали до 1 руб. 50 коп. — Вы спрашиваете, чѣмъ занимаюсь? Много времени отнимають лекціи. Нужно перевѣрять свои знанія, слѣдить за ходомъ науки самой обширнѣйшей. Между дѣломъ написалъ жизнь Св. Тихона Воронежскаго.

¹⁾ Александръ (Павловичъ), ум. на покоѣ въ 1874 г.

²⁾ Нааанаилъ (Савченко), умеръ архіепископомъ Черниговскимъ въ 1875 г.

³⁾ Антоній (Павлинскій), умеръ архіепископомъ Владимірскимъ въ 1879 г.

⁴⁾ Евемій (Бѣликовъ), ум. въ 1863 г.

⁵⁾ Горскій, умеръ архіепископомъ Херсонскимъ въ 1877 г.

⁶⁾ Денисовъ, умеръ архіепископомъ Черниговскимъ въ 1873 г.

⁷⁾ Орлинскій, умеръ въ 1883 г.

⁸⁾ Поповъ, скончался архіепископомъ Иркутскимъ въ 1873 г.

⁹⁾ Соколовскій, умеръ на покоѣ въ 1865 г.

¹⁰⁾ Исидоръ (Никольскій), назначенный С.-Петербургскимъ митрополитомъ въ 1860 г., 1 іюня.

На дняхъ у меня были двѣ дочери покойнаго Барона Бодѣ, — княгиня Долгорукова и Елена Львовна Барятинская. Послѣдняя хотѣла прислать въ цензуру къ намъ составленное ею сказаніе о 12-ти праздникахъ. Радуюсь, что увеличивается кругъ писательницъ изъ Вашего класса. Она писала для своихъ дѣтей.

Изъ Костромы я ѣздилъ въ Нижній посмотрѣть ярмарку и городъ. Но жара, духота, пыль убивали всякую наблюдательность, и я радъ былъ, пробывъ двое сутокъ, вырваться на просторъ Волги.

Прощайте. Желалъ бы сказать: до скорого свиданія.

Преданный Вамъ П. Казанскій.

Есть у меня къ Вамъ просьба, которую передамъ, когда Вы будете въ Москвѣ.

1860 г., сент. 20.

5.

Письмо Ваше отъ 17-го марта вмѣстѣ съ книжками получилъ я только вчера (23-го дня). Потому придется, можетъ быть, недѣлю задержать Ваши книжки въ цензурѣ, тѣмъ болѣе, что съ Виоанією, куда теперь перешель о. Порфирій ¹⁾, сообщеніе у насъ въ настоящее время весьма трудное. Благодарю Васъ за присланныя книжки житій Святыхъ, дополняющія мой экземпляръ.

Съ радостію услышалъ я благодарное слово радости изъ устъ Вашихъ по случаю манифеста. Здѣсь при встрѣчѣ съ бывшими душевладѣльцами боишься и высказать радость, потому что принимаютъ ее за злорадованіе, за выраженіе торжествующей вражды къ сословію. Но я забываю всѣ экономическіе вопросы, я хочу видѣть одно возстановленіе такъ долго попираемыхъ правъ человѣка, одно освобожденіе десятковъ милліоновъ отъ произвола, часто весьма грубаго, дикаго, омерзительнаго. Не говорю объ имуществѣ; самая честь, совѣсть, все благородное было поработщено, попираемо, оскверняемо. Благословенъ день, въ онъ-же посѣти Господь людей, и сотвори избавленіе людямъ своимъ. И теперь еще не мало будетъ борьбы; слышалъ я о желаніи иныхъ пассивно парализовать манифестъ. Народъ принялъ манифестъ недоувѣрчиво. Неясность манифеста, гдѣ не указаны права, пріобрѣтаемая теперь крестьянами, продолженіе на два года прежнихъ отношеній, — все это ослабило радость. Случалось слышать: а что если въ два года опять успѣютъ насъ захватить въ кабалу? Въ Положеніи, кажется, все направлено къ тому, чтобы облегчить выкупъ крестьянамъ въ собственность земли, удержано и общинное начало и вмѣстѣ съ тѣмъ открыта возможность и отдѣльнаго владѣнія; кажется, это лучшее рѣшеніе дѣла весьма труднаго. Соглашаясь на выкупъ, помѣщики нисколько

¹⁾ Поповъ, умеръ архимандритомъ посольской церкви въ Римѣ въ 1866 г.

не теряютъ въ цѣнности своего имѣнія. Потому-то нельзя не признать Положенія безобиднымъ и для помѣщиковъ. Но Вамъ все это лучше видно и понятно. Теперь мы можемъ не краснѣя повторять слова Апостола: о Христѣ Иисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ. Сынъ Божій сходилъ съ неба, страдалъ и умеръ, чтобы сохранить нашу свободу. Всякій день приносится безкровная жертва — воспоминаніе этой жертвы свободы, — и мы доселѣ имѣли рабовъ! Богъ могъ бы спасти насъ своимъ всемогуществомъ, но онъ хотѣлъ, чтобы мы спасались свободно, а потому, оставивъ у насъ свободу, въ жертву искупленія за нее принесъ Своего Сына. Жалки тѣ, которые въ Христіанствѣ хотятъ видѣть одобреніе рабства. Стоитъ войти въ храмъ Божій, чтобы убѣдиться, что Церковь не знаетъ господъ и рабовъ, знатныхъ и бѣдныхъ. Для всѣхъ доступны однѣ и тѣ же мѣры; достоинство опредѣляется по душѣ, а не по внѣшнему положенію, и царство Божіе обѣщается не по богатству и не по рангамъ.

Вотъ и новый даръ милости Царя — манифестъ полякамъ. Да будетъ все въ благо!

Преданный Вамъ П. Казанскій.

1861 г., марта 24 дня.

6.

Посылаю Вамъ двѣ книжки, которыя прежде успѣлъ прочесть цензоръ. Когда получу первыя три, тотчасъ же перешлю Вамъ.

Отъ г. Стрекаловой чрезъ Преосвященнаго Леонида было представлено въ нашъ Комитетъ до 12-ти мелкихъ статей, назначаемыхъ для хрестоматій воскреснымъ школамъ. Всѣ статьи суть выборъ изъ печатнаго. Въ письмѣ своемъ Преосвященному Леониду она пишетъ, что общество ихъ ¹⁾ утверждено 3-го марта. Дай Богъ, чтобы новыя нивы засѣяли добрымъ сѣменемъ вмѣсто плевель, которыя силится насѣять врагъ діаволь.

Грамотность дѣлается необходимымъ условіемъ быта крестьянъ почти самоуправляющихся. Нужно запасти имъ болѣе доброй пищи. Общество помѣщиковъ можетъ изъ среды своей имѣть корреспондентовъ во всѣхъ углахъ Россіи. Помѣщики могутъ и отъ себя продавать книжки и поручать и духовнымъ, и кому угодно изъ крестьянъ продажу. Въ каждой губерніи можно у Предводителей Губернскаго Дворянства продать долю книгъ, отъ нихъ могутъ брать уѣздные, и отъ сихъ всѣ помѣщики, и распространить книги.

Слышали ли Вы, что въ Москвѣ составляется публичная бібліотека для Московскаго духовенства? Помѣщеніе ей отводится въ Петровскомъ монастырѣ. Дѣло весьма доброе.

1861 г., марта 29 дня.

Преданный Вамъ П. Казанскій.

¹⁾ Общество распространенія полезныхъ книгъ.

7.

Жизнь Св. Тихона, писанная мною, издана въ Петербургѣ Елагинымъ, который былъ также издателемъ и составленной мною службы Св. Тихону. Статья моя о вліяніи христіанства на языческое общество ¹⁾ будетъ у меня въ отдѣльномъ оттискѣ и я ее доставлю Вамъ.

Съ лекціями Станлея я познакомился въ извлеченіи, которое сдѣлано нашимъ товарищемъ, живущимъ теперь въ Лондонѣ ²⁾, и половина котораго помѣщена въ третьей книжкѣ нашего журнала, а введеніе Станлея къ лекціямъ о Русской церкви переведено въ «Православномъ Обзорѣніи».

Я уже писалъ Невскому ³⁾ о его выборкахъ изъ «Сокровища духовнаго» Св. Тихона, что Комитетъ Цензурный послалъ въ Синодъ ходатайство о дозволеніи Невскому печатать эти извлеченія.

Въ первомъ письмѣ упоминалъ я Вамъ о книгѣ, которая какъ я думалъ осталась у Арсеньевыхъ. Теперь узналъ, что В. С. отдалъ ее Горскому Александру Васильичу, и она уже у меня въ рукахъ.

Доходятъ и до насъ слухи о томъ шумѣ, который готовы сдѣлать выборы дворянства въ Москвѣ. Все это обличаетъ въ большей массѣ дворянства отсутствіе политическаго смысла, незнаніе своего положенія; кажущееся безмолвіе массы даетъ, повидимому, основаніе шумѣть какой нибудь тысячѣ и выставить себя представителями общаго мнѣнія, но когда дойдетъ до дѣла, эта тысяча останется одинокой, чуждою массѣ, даже ненавистною для нея. Въ числѣ руководителей общаго мнѣнія называютъ Жеребцова ⁴⁾, котораго умомъ восхищаются. Это не болѣе какъ фантазеръ. Когда онъ былъ Губернаторомъ въ Вильнѣ, то пріѣзжалъ къ Марковичу—Генераль-Губернатору съ дѣлами, по два часа толковалъ о жизни растений, камней и т. п., такъ что тотъ потерялъ терпѣніе и отставилъ его. Если теперь осуждаютъ благороднаго, геніальнаго Сперанскаго, который, не справляясь съ историческою жизнью Россіи, хотѣлъ пересоздать ее, то какой судъ надо произнести надъ затѣями этихъ верхоглядовъ, которые забываютъ коренную истину, что прочно зданіе только то, которое строится съ фундамента и безъ торопливости: съ крыши не начинаютъ строить зданіе. И духовенство, и купечество, и крестьяне съ непріятностію смотрятъ на всѣ затѣи нѣкоторой части дворянства.

Въ святки думаю быть въ Москвѣ, но когда, не знаю. Думаю день на третій или на четвертый праздника. Позвольте

¹⁾ Помѣщена въ «Приб. къ твор.», ч. 20.

²⁾ Н. К. Соколовъ.

³⁾ Александръ Алексѣевичъ, инспекторъ Законоспаскаго духовнаго училища.

⁴⁾ Николай Арсеневичъ, написавшій въ 1858 г. книгу, «Historie de la Civilisation en Russie», въ которой доказывалъ, что Петръ Великій сильно повредилъ Россіи.

тогда письмомъ по городской почтѣ увѣдомить Васъ, когда соберусь быть у Васъ, ибо, живя далеко отъ Васъ, не хотѣлось бы пріѣхать къ Вамъ въ такое время, когда могу не застать Васъ дома.

Привѣтствую Васъ съ наступающимъ Праздникомъ Рождества Христова.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью есмь

Петръ Казанскій.

1861 г., декабря 19 дня.

8.

Вчера только вечеромъ прислали мнѣ съ почты Ваши книги. Привѣтствую Васъ съ новымъ трудомъ въ пользу нашей Церкви. Не успѣлъ еще познакомиться съ нимъ, но желаю исполнить Ваше «очень хочется». Другой экземпляръ отослалъ я къ о. Протоіерею Горскому, прося его въ свободныя минуты сдѣлать на поляхъ замѣчанія, и обѣщаль за это выхлопотать ему новый экземпляръ, когда его замѣтки на книгѣ передадимъ автору.

Думаете ли Вы кончить третьей книгой или будете продолжать? По объему первой и второй части ждалось бы болѣе подробнаго изложенія того, что заключается въ третьей. Очень замѣтно Вы стали короче.

Предисловіе производитъ прекрасное впечатлѣніе. Разрѣзывая книгу въ третьей части, встрѣтилъ я описку на страницѣ 339-й: «Великимъ Канономъ покаянія, который читается въ первые дни страстной недѣли»; вмѣсто: «первой и пятой— въ четвергъ».

Какая-то точно враждебная сила удерживаетъ Васъ отъ поклоненія Угоднику Сергію. Нужно преодолѣть Вамъ ее и пріѣхать въ Лавру. Разъ побывавъ, Вы увидите, какъ удобно это, и повторять будете, но только не въ первые дни слѣдующей недѣли пріѣзжайте. Я долженъ въ понедѣльникъ къ вечеру или во вторникъ ѣхать въ Москву на день или два.

Если Вы думаете продолжать свои рассказы, то въ Христіанскомъ Чтеніи за 1848-й годъ есть статья А. В. Горскаго изъ исторіи церкви этого времени ¹⁾. Книгу Христіанскаго Чтенія Вы можете достать у брата Михаила.

Изъ иностранныхъ руководствъ церковной исторіи болѣе всего подходитъ къ нашимъ понятіямъ на нѣмецкомъ церковная исторія Курца.

Въ сужденіи о Константинѣ Великому Вы колебались между сужденіями неправославными и приговоромъ Церкви Православной, это и отразилось съ одной стороны въ сужденіи объ отсрочкѣ крещенія, а съ другой въ сужденіи о его кончинѣ.

¹⁾ «Внѣшнее состояніе Церкви восточной въ IX—XII столѣтіяхъ».

Богъ да поможетъ Вамъ въ Вашихъ трудахъ. Можетъ быть нынѣ же успѣю Вамъ послать книжки, а то—до пятницы, ибо въ четвергъ почта отъ насъ не ходитъ въ Москву.

1864 г., января 22 дня.

Преданный Петръ Казанскій.

9.

Спѣшу увѣдомить Васъ, возлюбленнѣйшая Александра Николаевна, что икона Св. Кирилла и Мееодія готова для Васъ. Куда и какъ прикажете ее доставить Вамъ? Не знаю еще, переѣхали ли Вы въ Москву? Думаю, что по причинѣ такого ненастья и грязи въ деревнѣ скучно оставаться.

Здоровье мое, какъ и прежде: не могу назвать себя здоровымъ, но не лежу, и дѣлать могу. Новаго у насъ то, что мы окончательно утвердились въ рѣшимости издавать Богословскій Энциклопедическій Лексиконъ и скоро выдана будетъ публикація о семъ. Приступаемъ еще съ робостію къ дѣлу, не надѣясь на свои силы. Составъ наставниковъ Академіи самъ по себѣ небольшой, ослабляется еще частою смѣной, вынуждаемой крайнею скудостью средствъ нашего содержанія. Милостивый нашъ Владыка передъ отъѣздомъ изъ Лавры, давъ на обезпеченіе изданій словаря 12,000 руб., вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился улучшить нѣсколько и средства нашего содержанія, чтобы привязать служащихъ къ Академіи. Изъ суммъ своей каѳедры онъ назначилъ намъ дополнительное жалованье, такъ что теперь ординарный профессоръ вмѣсто 858 р. получаетъ 1200 руб., экстраордин. профессора, получавшіе наравнѣ съ бакалаврами по 428 руб., будутъ получать 900 р., а бакалавры 700 руб.; конечно это жалованье далеко не доходитъ до жалованья въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но при привычкѣ нашей къ скромному образу жизни, при ограниченности нашихъ нуждъ, это содержаніе довольно обезпечиваетъ насъ, особенно когда къ этому присоединяется окладъ по степени магистра въ 100 рублей и готовая квартира и дрова для всякаго. На первый разъ мы будемъ обѣщать только одинъ томъ Лексикона въ годъ, объемомъ листовъ въ тридцать, въ восьмую долю большого формата, въ который войдетъ листовъ пятьдесятъ обыкновеннаго шрифта Прибавленій къ твореніямъ Св. Отцовъ церкви. Думаемъ, что если выдадимъ одинъ-два тома, и то будетъ пріобрѣтеніе для нашей литературы. Опора изданія несомнѣнно въ нашемъ ректорѣ, обладающемъ обширными богословско-историческими свѣдѣніями, но заботы административныя такъ много поглощаютъ у него времени, что самъ онъ писать много не будетъ имѣть времени. Это величайшее затрудненіе для нашего дѣла. Онъ есть главный и единственный редакторъ Словаря: частныхъ редакторовъ мы не учреждаемъ; ибо при разнообразіи богословско-историческихъ знаній ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такими свѣдѣніями, чтобы могъ редактировать цѣлую группу наукъ; каждый на-

ставникъ будетъ трудиться по своей наукѣ. Для избѣжанія же разнорѣчій и повтореній будутъ совѣщательныя собранія по сроднымъ наукамъ. Прибавленій къ твореніямъ Св. Отцовъ хотя не закрываемъ, оставляя за собою право отозваться при посредствѣ ихъ на какіе либо современные вопросы, но подписчикамъ и не общаемъ ихъ. Вмѣсто Прибавленій будетъ издаваться Словарь и даваться подписчикамъ. Но будетъ свободно допущена подписка на Словарь и отдѣльная.

Напутствуйте добрымъ желаніемъ наше предпріятіе и особенно пожелайте намъ духа смѣлости, котораго недостаетъ у насъ при сознаніи малаго числа трудящихся и ограниченности ихъ силъ. Но и то думается, что тѣ истины и знанія, которыя у насъ сдѣлались, такъ сказать, ходячими, общественными, для огромнаго числа нашей публики будутъ новостію. До сихъ поръ Православнаго Богословскаго Словаря не было; православное ученіе, оставаясь достояніемъ духовныхъ школъ, какъ бы погребалось въ нихъ, сказываясь только въ отдѣльныхъ отрывочныхъ статьяхъ.

Петру Владиміровичу свидѣтельствую усердное почтеніе.

Искренно преданный Вамъ Петръ Казанскій.

1865 г., октября 20 дня ¹⁾).

¹⁾ Въ отвѣтъ на это письмо А. Н. Бахметева писала П. С. Казанскому: «Я нѣсколько опоздала отвѣтомъ на ваше письмо, многоуважаемый Петръ Симоновичъ отъ того, что получила его еще въ деревнѣ въ такое время, когда всѣ сношенія съ городомъ были прерваны, такъ какъ не было пути ни лѣтняго, ни зимняго. Наконецъ-то мы съ великимъ трудомъ добрались до Москвы, и спѣшу сказать вамъ, что меня крайне обрадовало извѣстіе, которое вы мнѣ сообщаете. Богословскій словарь у насъ безотлагательная необходимость. Дай вамъ Богъ силы совершить это великое дѣло и постоянства,—вѣдь дѣла на много лѣтъ. Пожалуйста, не будьте слишкомъ кратки и имѣйте въ виду и насъ неученыхъ людей, которымъ многое надо рассказать и объяснить съ самаго начала. Кажется, часто при изданіяхъ такого рода ученые специалисты, посвятившіе всю жизнь свою изученію одной науки, не обращаютъ достаточно вниманія на степень незнанія читателей своихъ. Они сообщаютъ иногда окончательные выводы, къ которымъ они пришли долгимъ, труднымъ изученіемъ предмета; но для читателя любознательнаго, не специалиста, между азбукой науки и окончательными выводами—цѣлая бездна; и окончательный результатъ ему непонятенъ безъ подготовительнаго объясненія. И какъ нужны намъ объясненія въ вопросахъ вѣры! Грустно видѣть, какъ мало въ нашемъ обществѣ распространено знаніе самыхъ элементарныхъ истинъ, какъ неизвѣстны догматы, исторія и т. п. Теперь уже въ чужихъ странахъ пробуждается стремленіе къ изученію православной Церкви, какъ одной оставшейся вѣрной святой истинѣ; а у насъ какъ мало знаютъ эту, Богомъ данную, истину! Какой строгій отчетъ потребуется съ насъ! Какъ насъ обвиняетъ чистота нашей вѣры! Изучали ли мы ее? Какіе плоды принесла она въ насъ? Простой народъ еще можетъ быть правъ: что вѣра въ немъ не руководящее правило жизни, что онъ неясно знаетъ ея догматы и правила, въ томъ онъ не виноватъ: некогда ему въ трудовой жизни пріобрѣсти знаніе; но этою безсознательною вѣрою онъ благоговѣетъ всей душой. Но другіе классы, тѣ, которые имѣютъ и средства: что извинить ихъ? Или они съ пренебреженіемъ относятся къ вѣрѣ, какъ дѣлу постороннему жизни, и довольствуются изъ приличія одною внѣшностію, или, когда даже желаютъ знанія, съ презрѣніемъ отворачиваются отъ своего роднаго, и ищутъ свѣта по всѣмъ окольнымъ путямъ, колеблясь и увлекаясь всякимъ вѣтромъ ученія. Одно можетъ нѣсколько извинить ихъ, это то, что желающій учиться принужденъ обращаться за неимѣніемъ своихъ пособій къ чужимъ источникамъ. А изъ нихъ вмѣстѣ со многими хорошими свѣдѣніями онъ заимствуетъ и много ложнаго отъ лжи западной Церкви. Восполните же этотъ недостатокъ и отвратите эту опасность. Знаніе и свѣтъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимы. Отчего до сихъ поръ нѣтъ программы вашей? Пора бы. Читали ли вы книгу Овербека? Въ Америкѣ не унываютъ. Недавно я видѣла переводъ нашей литургии и совершенія таинствъ; но не совсѣмъ вѣренъ».

Статья 1-го февраля, Любезная Александра Николаевна, привела и меня въ восхищеніе; съ замираніемъ сердца я остановился на половинѣ, боясь, что попортится впечатлѣніе къ концу. Оно такъ и сбылось. Мое убѣжденіе то, что при нынѣшнемъ положеніи общества нашего вообще, и самага пониженія духовенства въ обществѣ, въ духовное званіе поступаютъ лучшіе люди, какіе возможны при существующихъ условіяхъ среды. Всякой иной способъ пополненія духовенства даетъ худыхъ людей. Характеръ нашего духовнаго образованія таковъ, что воспитанники его способны занять должное мѣсто при благопріятныхъ условіяхъ. Посмотрите на заграничное наше духовенство, избранное отнюдь не изъ самыхъ лучшихъ. Но это долго раскрывать.

Митрополитъ не выбиралъ Сушкова въ біографы свои; по его желанію онъ объяснилъ ему много событій изъ своей жизни. Онъ зналъ, что многое изъ его дѣйствій толкуютъ не такъ, какъ было. Нерѣдко въ бесѣдѣ съ ректоромъ нашимъ и съ викаріями онъ обращался къ разнымъ событіямъ своей жизни и объяснялъ ихъ. Онъ говорилъ ректору: «Я началъ было писать записки о своей жизни и событіяхъ, имѣвшихъ ко мнѣ отношеніе, но бросилъ ихъ въ огонь. Я увидалъ, что многое я самъ не такъ понималъ, какъ было на дѣлѣ. Едва-ли возможна,—говорилъ онъ,—вѣрная исторія». Два отрывка изъ біографіи, писанной Сушковымъ, были у меня въ разсмотрѣніи, данные имъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ любителей духовнаго просвѣщенія». Меня поразило пустословіе, которымъ наполнены эти статьи; опасаясь, не предубѣжденіе ли какое у меня, я показалъ еще двоимъ цензорамъ и двоимъ или тремъ товарищамъ, и всѣ единогласно назвали пустословіемъ, такъ что я довелъ Совѣтъ не помѣщать этихъ отрывковъ въ «Чтеніяхъ общества». Между тѣмъ мы слышали, что Митрополитъ самъ исправлялъ нѣкоторые записанные Сушковымъ разговоры. У насъ многое извѣстно о покойномъ; Смирновъ пишетъ также его біографію. Но обстоятельное, серьезное изложеніе жизни покойнаго еще не возможно. Не смотря на частыя съ нимъ сношенія, и мы не можемъ сказать, чтобы его убѣжденія были намъ извѣстны. Катковъ видитъ въ немъ только охранительную силу, но онъ либераль, онъ въ душѣ реформаторъ, если угодно. Онъ противодѣйствовалъ преобразованіямъ глупымъ и пустымъ, которыя только для того дѣлаются, чтобы пыль пустить въ глаза,—для шума, о которыхъ онъ былъ убѣжденъ, что пользы не принесутъ. А между тѣмъ мыслить о коренныхъ преобразованіяхъ. Напр., извѣстны ли его усилія тѣмъ или другимъ путемъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, образовать духовные соборы? Но этимъ по-

мысли его не ограничивались. Лѣтъ пять тому назадъ онъ далъ мнѣ задачу собрать все, что можно, о бывшихъ у насъ земскихъ соборахъ, и особенно указать на участіе духовенства въ этихъ соборахъ... Все это гасло среди невѣжественной тьмы канцелярій оберъ-прокурорскихъ. Послѣдняя бесѣда его съ моимъ братомъ¹⁾ въ октябрѣ мѣсяцѣ была о соборахъ. А до Васъ не дошло конечно внушеніе, какое дано было приѣзжавшимъ на юбилей архіереямъ: «чтобы они не беспокоили Владыку своими вопросами: это обременить его». Назначеніе на другой день нѣкотораго рода совѣщанія и было вѣроятно причиной, что Оберъ уѣхалъ наканунѣ сего совѣщанія²⁾.

Кто доволенъ назначеніемъ новымъ?.. Человѣкъ съ ограниченнымъ образованіемъ, воспитанный въ другомъ свѣтѣ, питающій омерзене ко всей европейской цивилизаціи, не понимающій отношеній и потребностей времени, въ добавокъ почти лишенный зрѣнія—вотъ преемникъ Филарета. Онъ не терпитъ и академіи духовныхъ, ибо самъ не видалъ ихъ. Прочтите статью Завалишина въ газетѣ Гилярова. Преемникомъ на Амурѣ думаютъ сдѣлать его сына.

Буду говорить съ Вами откровенно въ полной увѣренности, что Вы не злоупотребляете моею откровенностью. Ученые не рады Иннокентію; онъ не пойметъ ни нужды, ни требованій нашихъ; опасаемся даже вреднаго вліянія. Хорошо, если онъ не будетъ стѣснять насъ въ ученой дѣятельности. Иннокентій

1) Платономъ, архіеп. Костромскимъ.

2) А. Н. Бахметева передъ этимъ писала П. С. Казанскому: «На-дняхъ я кончила переписку митрополита Филарета съ Муравьевымъ; какъ много тутъ интереснаго; и какъ постоянно чувствуется, читая его письма, присутствіе глубокой мысли; ей нѣтъ потребности выразиться во всей ея глубинѣ; но она есть; не будь ея—то малое, которое высказано, не высказалось бы съ тою силою и тѣмъ изяществомъ. Меня всегда поражала изящность его слова, эта, если можно выразиться такъ, грація силы, дѣлающая непринужденно и безъ усилія то, для чего бы другому надо напрягать всѣ силы свои; и какъ сквозь умѣренность и сдержанность слова его виднѣется неисчерпаемое богатство мысли, въ противоположность тѣмъ, у которыхъ нищета и скудость прикрыты обманчивою роскошью напыщеннаго многословія. Съ какимъ тактомъ, какъ въ мѣру дается каждому, что ему нужно. Уже, конечно, время не умалитъ его величія; но есть ли матеріалы для полной его характеристики? Мы теперь читаемъ то, что относится къ поздней порѣ его жизни, когда молитва постоянная и долгіе годы его жизни и подвижничества побѣдили въ немъ ветхаго человѣка, и всѣ бури души и ума затихли и улеглись у ногъ Христа; но вѣдь не всегда снѣ былъ таковымъ. Я вовсе не знала его и едва жалѣю о томъ, что не была въ числѣ дамъ, надѣдавшихъ ему докучливыми посѣщеніями, во время которыхъ не вылетѣла слова отъ души; но изъ всего, что слышу, мнѣ представляется, что ветхій человѣкъ въ немъ былъ надменный, страстный, властолюбивый; это была одна изъ тѣхъ сильныхъ душъ, въ которыхъ есть всѣ задатки, чтобы или явиться героями передъ людьми въ ложномъ блескѣ земнаго величія, или великими святыми передъ Богомъ, если борьбою и молитвою смирятъ себя. Но какую трудную борьбу долженъ былъ вынести, сколько одержать побѣдъ надъ самимъ собою, чтобы сдѣлаться такимъ, какимъ является намъ теперь—полнымъ любви, смиренія, снисхожденія. Вотъ ужъ объ немъ можно сказать, что между тѣмъ, какъ *внѣшній человѣкъ тлѣетъ*, — *внутренній со дня на день обновляется*. Намъ назидательно и умилительно видѣть его, какимъ онъ былъ, когда уже почти достигъ окончанія подвига своего, но хотѣлось бы узнать, чѣмъ онъ былъ, когда только что началъ его, и какъ постепенно смиряя въ себѣ и гордость, и властолюбіе, онъ возрасталъ *отъ силы въ силу*, приводя всѣ помышленія въ послушаніе Христу. Всего хода этого внутренняго роста, конечно, прослѣдить нельзя; это тайна между нимъ и Богомъ, но если бы сохранилось все то, что онъ писалъ въ молодости, это бы дополнило его замѣчательный образъ».

быль дѣятеленъ; жизнь его неукоризненна — вотъ его добрыя стороны; у него здравый разумъ. Въ этомъ отношеніи ему рады; ибо весьма опасались, что безтолковый и не любящій заниматься дѣлами Леонидъ по интригамъ будетъ преемникомъ Филарета. Съ Леонидомъ академія вела бы дѣла покойно; все бы утверждалъ онъ, только нужно кому нибудь лично привозить дѣла и брать его подпись, чтобы не завалилась и не затерялась бумага. Съ Иннокентіемъ не знаемъ, можно ли такъ поступать. Вы ждете миссіонерства внутренняго отъ Иннокентія; но подручные ему миссіонеры взяты большею частью отъ насъ же; и нѣкоторые, съ десятокъ лѣтъ послужа, воротились назадъ. Каковы они были миссіонеры тамъ, не знаемъ, но здѣсь не миссіонерствуютъ. Стало быть причина не въ людяхъ, а въ средѣ, среди которой дѣйствуютъ. Будь у народа жажда слова Божія, потекла бы живая вода изъ тѣхъ, которые кажутся сухими камнями. Служа почти 20 лѣтъ при Духовной Цензурѣ, я замѣтилъ: 1, что изданіе духовныхъ книгъ для народа перешло въ руки книгопродавцевъ Московскихъ, знающихъ народъ: десятками тысячъ расходятся ихъ изданія; 2, что чаще издаются повѣсти, полныя самыхъ странныхъ чудесъ, однимъ словомъ, духовные романы о мытарствахъ, житія Андрея Юродиваго, Іоанна Новгородскаго и т. п. Нравственныхъ и догматическихъ книгъ почти не издается. Всѣ эти сочиненія представляются большею частію безграмотными; въ рѣдкой азбукѣ молитва Господня и Символь вѣры написаны правильно. Старцы наши, Голубинскій и Делицынъ, большую часть времени употребляли на исправленіе этихъ изданій именно въ той мысли, что они назначаются для народа, и намъ по наслѣдству достался этотъ же трудъ. Сколько приходилось исправлять или останавливать книжекъ, направленныхъ къ распространенію суевѣрныхъ понятій въ народѣ. Сколько разъ ко мнѣ приносили житіе Кипріана и Іустины, домогаясь пропуска. Совѣсть не позволяла, хотя изъ Четьи-Минеи выбрали. Ругатели духовной цензуры знаютъ ли эту неустанную службу цензуры духовному образованію народа? Но увлекся я... Рѣчь къ тому, что народъ хочетъ даромъ, безъ труда, за внѣшнія дѣйствія, посредствомъ одного обряда, достигнуть царства небеснаго: напился водицы, помазался маслицемъ, сходилъ на богомолье, поцѣловалъ икону, сжегъ свѣчку, вылилъ колоколь, — и заслужилъ царство небесное. Кто учитъ такъ спасаться, тотъ ему угоденъ; потому и сильна проповѣдь раскольника, что за большой крестъ, за бороду и усы, да старыя книги, обѣщаютъ царство небесное, а чистота души, дѣятельная любовь къ ближнему, самоотверженіе, правда, — объ этомъ не говори. Я у Головиныхъ пытался читать имъ съ кафедръ и дома обличительныя рѣчи противъ суевѣрной привязанности къ внѣшнему богослуженію, пы-

тался говорить имъ о необходимости любви и состраданія къ крестьянамъ и дворовымъ, о необходимости чистоты сердца, и слышалъ въ отвѣтъ: «жалко; чему васъ учать въ Академіи? Что бы сказалъ вашъ дѣдушка, преосвященный Кирилль ¹⁾, если бы послушалъ васъ? Онъ только поощрялъ насъ къ усердію къ церкви, обѣщалъ, что Богъ вознаградитъ».—И это дворяне! и это столбовые! Одинъ священникъ сталъ купцу на исповѣди дѣлать наставленія и вразумленія. «Ты, батюшка, исповѣдуй, а ужъ учить насъ нечего; въ торговомъ дѣлѣ и отца родного надуемъ, ну за то и церковь Божию не забываемъ: Богъ-то видитъ». Духовенству остается проповѣдывать лютеранство, но у него горькій примѣръ въ высшемъ обществѣ, которое, охладѣвъ къ внѣшней сторонѣ религіи, совсѣмъ потеряло вѣру. Внѣшніе обряды церкви—это есть еще вервь, которую разорвать не можетъ духовенство, ибо ею только оно можетъ притянуть вовнутрь церкви простой народъ. Примѣръ дворянства и особенно дворовыхъ губительно дѣйствовалъ на народъ въ религіозномъ отношеніи. Но все таки, если всмотрѣться не въ частности, а въ общій ходъ дѣла, нельзя не замѣтить, что духовенство усиливаетъ свое вліяніе. Духовенство поставило себя въ болѣе твердое положеніе относительно высшаго общества, и сознаетъ достоинство не только своего служенія, но и личное свое. Всякій почти священникъ сумѣетъ дать духовный совѣтъ и свѣтскому человѣку, если увидитъ, что ищутъ совѣта искренно. Вліяніе священника на приходъ и прихожанъ есть тайна совѣсти, не подлежащая рекламамъ и газетнымъ объявленіямъ. Имѣя возможность знать нѣсколько священниковъ въ ихъ внутренней, такъ сказать, дѣятельности, я изумлялся не разъ ихъ самоотверженію и ихъ скромности. Онъ совершаетъ подвигъ, и дѣлаетъ это какъ дѣло обычное, и никто этого не замѣчаетъ; даже тотъ, кого касается, принималъ это какъ обычное дѣло служенія священника. Въ характерѣ нашего образованія есть не гоняться за внѣшностью, а смотрѣть на дѣло. Зналъ я и изъ товарищей, и изъ младшихъ себя людей, которые съ пламенною ревностью готовы были просвѣщать народъ. Но прошло года два-три службы, и рѣдкій изъ нихъ не былъ подъ судомъ, рѣдкій не разсорился съ прихожанами. Сначала я ихъ винилъ, но вспомнилъ Божественное Слово, Божию Премудрость и Силу, во днѣхъ плоти Своя проповѣдавшую Евангельское спасеніе и заслужившую за сіе названіе злодѣя, возмутителя, имущаго бѣса, ядцы и пійцы, друга мытарей и грѣшниковъ, и наконецъ распятаго какъ преступника,—и не посмѣлъ винить. И вѣрю я, что ругаемые и поносимые свя-

¹⁾ Богословскій - Платоновъ, былъ ректоромъ Московской Духовной Академіи въ 1819—1824 г. и викаріемъ Московскимъ въ 1824—1827 гг., умеръ архіепископомъ Каменецъ - Подольскимъ въ 1841 г.

щенники продолжаютъ дѣла Небеснаго Учителя, хотя и мало стадо послушающихъ ихъ. Сѣется ими не замѣтно для очей міра свѣтъ вѣчной истины и свѣтъ вѣчной жизни. И тогда только, какъ Небесный Сѣятель будетъ отдѣлять пшеницу отъ плевель, откроется, сколько они приготовили для небесныхъ житницъ.

Иннокентій могъ дѣйствовать, ибо никто ему не мѣшалъ; дѣйствовала Алтайская миссія одною энергіею Макарія¹⁾—основателя, усердіемъ его учениковъ содержимая, но тутъ сначала являются генераль-губернаторы, какъ Гасфортъ, и говорятъ, что нужно другую религію сочинить для народа, который крестятъ алтайскіе миссіонеры, а христіанство не годится. Потомъ вмѣшивается Миссіонерское Общество, поддерживая мошенника Малькова, и совершенно почти убиваетъ дѣятельность Миссіи. Какой нибудь Бурачекъ думаетъ изъ Питера командовать миссіонерами. Тамъ за Байкаломъ создаютъ Ламайское жречество, чтобы препятствовать успѣхамъ христіанства, насажденнаго самоотверженнымъ трудомъ миссіонеровъ. И все это отъ святыхъ отцовъ командировъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: «не трогай миссіонеровъ», въ самоослѣпительной увѣренности своей бюрократической мудрости, а болѣе чтобы похвастаться въ отчетѣ, забираютъ въ руки все дѣло и убиваютъ его.

Вотъ присланъ въ стихахъ нѣкоего Шереметьевского и привѣтъ Москвы преосвященному Иннокентію; смысла нѣтъ и грамоты, а усердія много. Простите, что записался. Теперь масленица, люди веселятся, и я, все сидя дома, дозволилъ себѣ будто лично подолѣе побесѣдовать съ добрымъ другомъ.

Преосвященный Иннокентій средствами Москвы, можетъ быть, поможетъ своей епархіи въ ея миссіонерскихъ трудахъ. Вотъ доброе дѣло, которое предвидимъ отъ перевода его въ Москву.

1868 г., февраля 8-го.

11.

1868 г. Февраля 19.

Продолжаю бесѣду съ Вами о предметѣ неистощимомъ.

На первой недѣлѣ сего поста получилъ я письмо отъ брата своего изъ Костромы. Онъ пишетъ: у меня давно нѣтъ кандидатовъ на священство; викаріи жалуются, что, несмотря на постоянное закрытіе дьяческихъ мѣстъ для сокращенія числа ихъ, некого ставить въ причетники. Онъ вспоминаетъ слова Кіевскаго митрополита Филарета, говорившаго: «великая милость Божія, что у насъ есть духовное званіе, а то некого бы ставить во священники». Видно сбывается слово старца.

Чѣмъ болѣе въ семинаріяхъ развиваютъ значеніе важности священническаго сана, тѣмъ менѣе изъ лучшихъ воспитанниковъ охотниковъ идти во священники. Это знаю я отчасти

¹⁾ Глухарева.

по собственному примѣру. Изученіе монашества удержало меня отъ поступленія въ монахи. Правильно выразился А. Н. Муравьевъ по поводу исторіи монашества: «хвалю чужую сторону, а самъ въ нее ни по ногу».

Образованные священники рѣдко настаиваютъ на поступленіи дѣтей своихъ въ духовное званіе. Ихъ убѣжденія ограничиваются только тѣмъ, чтобы дѣти окончили курсъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а тамъ иди, куда желаешь. И это дѣлается по убѣжденію въ большей основательности образованія въ духовныхъ заведеніяхъ сравнительно съ свѣтскими.

Духовенство, постоянно держимое тысячу лѣтъ у насъ въ состояніи подчиненія и зависимости отъ всѣхъ и каждаго, не имѣетъ духа инициативы, но за то оно болѣе, чѣмъ другое сословіе, обладаетъ духомъ терпѣнія, устойчивости и приложимости къ обстоятельствамъ. Священникъ не въ состояніи развить новыя потребности въ приходѣ, но всегда сможетъ стать въ уровень съ духовными его потребностями. Думаю, что сельскій священникъ Вася дичится, боится, и Вы едва ли знаете его хорошо. Недостатокъ развязности въ рѣчи и обращеніи (общій недостатокъ отъ бѣдности домашняго воспитанія и строгости семинарской), опасеніе сказать невпопадъ, мысль что Вы спрашиваете, чтобы кригиковать,—все это удерживаетъ священника въ безмолвіи. Но этотъ, предъ Вами безмолвный, священникъ въ своемъ кругу или среди крестьянъ, другой человекъ. Вы видите, когда онъ относится къ прихожанамъ, какъ къ доходной статьѣ, но не видите и не слышите, когда онъ тому и другому дѣлаетъ наставленія, какъ пастырь, какъ отецъ духовный; не узнаютъ этого и сосѣди, развѣ самъ мужикъ болтнетъ: «помазалъ меня маненько батька-то».

Помню я, лѣтъ шестнадцать будучи, гостилъ въ селѣ Выркахъ у двоюроднаго дяди священника. Священникъ балагуръ, любитъ выпить, крѣпкое слово нерѣдко срывалось съ языка, таковъ онъ съ своими, таковъ и съ крестьянами. Разъ я на кладбищѣ подлѣ церкви разбиралъ надписи. Слышу на паперти серьезный полушопотомъ голосъ. Голосъ учителя. Я отошелъ въ недоумѣніи. Гляжу,—выходитъ мой дядя; за нимъ мужикъ кланяется; взглянулъ въ мою сторону дядя—тотъ же шутникъ и балагуръ съ какою то острою. Изъ любопытства я спросилъ послѣ, что за мужикъ. «Такъ, — поповству», сказалъ онъ опять хохоча. Владѣя тайною исповѣди, священники и духовныя отношенія къ тому или другому прихожанину дѣлаютъ предметомъ тайны.

Что крестьянинъ не можетъ объяснить ученіе о Богѣ—это еще не значить, чтобы онъ не имѣлъ познаній. Въ каждой службѣ читается Символъ вѣры. Что можетъ сдѣлать поученіе священника, если крестьянинъ не понимаетъ этого краткаго

простого изложенія вѣры. Нужно предварительно развить его понятія общимъ образованіемъ.

Алтайскій Миссіонеръ Макарій живя въ Болховѣ спросилъ градскаго голову, знаетъ ли молитву Господню?—«Нѣтъ, батюшка, гдѣ же намъ знать».—«Да ты молишься утромъ и вечеромъ?»—«Да вотъ я вотчу читаю».

Проповѣди и поученія въ церкви никогда у насъ не приобрѣтутъ того значенія, какое имѣютъ они въ западныхъ церквахъ. Вѣе наше Богослуженіе есть вмѣстѣ проповѣдь. Тутъ есть изложеніе догматовъ вѣры и призывъ къ покаянію, и наставленіе въ добродѣтели, и объясненіе праздника. У насъ проповѣдь составляетъ болѣе предметъ любопытства, арена, на которой выказывается талантъ проповѣдника, и съ этой точки зрѣнія обыкновенно произносится сужденіе о проповѣди. И всѣ эти проповѣди Массильоновъ, Боссюэтовъ, Лакордеровъ, Иннокентіевъ, подобно политическимъ рѣчамъ, могутъ увлечь массу слушателей въ извѣстную минуту къ одному извѣстному дѣйствию, но едвали сдѣлали хоть одного истиннымъ христіаниномъ; ими возбуждаются страсть, чувство естественное, слезы истерики,—все это не проповѣдники благодати Божіей. Дѣло Божіе въ мирѣ сѣется, и порывы и увлеченія ему мѣшаютъ.

Вотъ на какой недостатокъ въ нашемъ образованіи нужно обратить вниманіе. Духовное образованіе, раскрывая средства освященія, характеръ истиннаго благочестія, почти не даетъ никакой цѣны внѣшнимъ дѣйствіямъ благочестія, такъ уважаемомъ въ народѣ. Оно не вводитъ будущаго священника въ тайну души простого человѣка; священникъ же расходится въ своемъ пониманіи съ народомъ. Онъ не приученъ братья за тѣ струны, которые дѣлаютъ звуки благочестія въ народѣ. Сухость школьнаго воспитанія не развиваетъ его сердце къ сочувствію той художественной прекрасной сторонѣ, которая вылилась въ нашихъ богослуженіяхъ. Художественный духъ греческаго народа раскрывъ догматы христіанства въ спорахъ религіозныхъ, нравственное ученіе въ аскетизмѣ, закончилъ дѣло тѣмъ, что призвалъ на служеніе христіанству искусство въ созиданіи и украшеніи храмовъ, музыку въ церковныхъ напѣвахъ, поэзію въ священныхъ гимнахъ и пѣснопѣніяхъ. Народъ, какъ было и съ послами Владиміра, плѣнился преимущественною послѣднею стороною; а въ школахъ у насъ изучаютъ только первыя двѣ. Если одною изъ отличительныхъ чертъ лютеранства есть именно отверженіе эстетической стороны, въ христіанствѣ, то я назвалъ бы школьное свое образованіе лютеранскимъ.

Чтобы дѣйствовать на народъ, священнику нужно проникнуться духомъ художественной стороны церковно-бogo-

служебныхъ обрядовъ и внѣшнихъ дѣйствій и чрезъ нихъ возводитъ къ духу благочестія истиннаго.

Когда священники приучать понимать Богослуженіе православнои церкви, изучать тѣ сокровища догматическихъ, нравственныхъ, историческихъ свѣдѣній, какія заключаются въ богослужебныхъ книгахъ, то, не имѣя и другихъ пособій книжныхъ, будутъ имѣть въ рукахъ своихъ неистощимый источникъ для назиданій прихожанъ. Словами церковныхъ книгъ они могутъ и раскрыть догматы, и рассказать исторію праздниковъ, и извлечь богатое назидательными мыслями нравственное приложеніе. Всякое дѣйствіе церковнаго богослуженія будетъ поучать и просвѣщать народъ. И это будетъ воспитаніе народа въ духѣ чисто церковно-православнои. Самъ священникъ вмѣсто того, чтобы отъ частаго богослуженія обратиться въ машинальнаго исполнителя требъ будетъ проникаться живымъ чувствомъ плодотворности этихъ дѣйствій, какъ проводниковъ благодати и назиданія народа.

Нужно замѣтить, что уваженіе къ церковности есть первое пробужденіе къ религіозности чувства и потомъ его завершеніе. Какъ въ дѣтствѣ физическомъ, такъ и въ дѣтствѣ нравственномъ чувство благочестія обнаруживается въ благоговѣйности ко всѣмъ обрядамъ и внѣшности церковнои. Съ развитіемъ пониманія внутренняго благочестія сначала охлаждаетъ уваженіе къ внѣшней обрядности, но по мѣрѣ созрѣванія духа благочестія онъ опять привязывается къ церковности и успокоивается въ этой гармоніи внутренняго и внѣшняго. То, что въ юности было безсознательно, теперь является разумнымъ и сознательнымъ.

Жаль Москвича, Катковъ становится безцвѣтенъ или слишкомъ дипломатиченъ. Москвичъ все что нибудь зашевелить, хотя и не во всемъ согласятся съ нимъ. Одинъ купецъ Московскій говорилъ: «зачѣмъ онъ всѣхъ-то министровъ, нашего бы только хорошенько» (т. е. финансовъ). И мы готовы сказать: нашего бы только хорошенько». Пора и ему подставить зеркало, хотя, какъ нарциссъ, и плѣняетъ только собою, своимъ умомъ и административными способностями.

Подобныя мѣры только усиливаютъ значеніе писателя. Изъ простыхъ смертныхъ никто преступленія не находятъ, а видятъ только что знатъ силенъ голосъ, что всѣ министры испугались.

Въ моихъ запискахъ много Вы найдете замѣтокъ въ защиту духовенства. Но не думайте чтобы я считалъ его сословіемъ удовлетворяющимъ своему назначенію. Видимъ мы близко всѣ недостатки своего сословія съ верху до низу, и въ управленіи и въ дѣйствіи, и въ воспитаніи. Но и по опыту, и по соображенію чувствуемъ, что мѣры, которыя предпринимаются теперь, служатъ не къ улучшенію его, а къ раз-

стройству. Да и могут ли административныя мѣры вообще сдѣлать лучшими людей? Вотъ и гласные суды обвиняють въ подкупѣ. Добрый христіанинъ — вотъ лучшей гражданинъ, а тѣмъ болѣе это необходимо для священника. Спаситель, сошедъ на землю обновить человѣчество, не далъ ни конституціи, ни новыхъ законовъ для общества; Онъ обратился къ честному человѣку, и далъ заповѣдь, будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный. Черезъ исправленіе отдѣльныхъ лицъ Онъ исправилъ и все общество и администрацію.

12.

Получивъ отъ Васъ письмо, добрая Александра Николаевна, въ которомъ Вы высказали, что весьма интересуетесь вопросомъ о духовенствѣ, я пользуясь случаемъ послалъ 18-го февраля съ Софіею Владиміровною Толстою пакетъ на Ваше имя со вложеніемъ моихъ замѣтокъ въ защиту духовенства и духовныхъ училищъ, писанныхъ въ разное время для прочтенія Вами. 23-го Февраля я послалъ еще письмо Вамъ.

Но отвѣта отъ Васъ или увѣдомленія о полученіи посланнаго мною доселѣ не имѣю. Въ моемъ пакетѣ къ Вамъ важно было еще письмо къ графу Уварову, которое просилъ я Васъ прислать въ квартиру Археологическаго Общества находящуюся на Малой Дмитровкѣ (въ какомъ домѣ забылъ); и отъ графа Уварова не имѣю отвѣта. Впрочемъ и по моимъ отношеніямъ къ нему и по существу письма отвѣтъ можетъ и не быть или быть довольно спустя времени.

Но я надѣюсь, что если Вы не собрались скоро въ Москву, то не отказались бы увѣдомить меня о полученіи бумагъ. Все это наводитъ на меня сомнѣніе: доставленъ ли Вамъ пакетъ? С. В. Толстая близко отъ Васъ на Тверской противъ Англійскаго клуба кажется, въ Дегтярномъ переулкѣ. Или Вы нездоровы?

Увѣдомьте хоть одною строкою.

Марта, 2 1862 г. *Искренно преданный Вамъ Петръ Казанскій.*

13.

Противъ дома Иринарха ¹⁾ Рижскій Генераль-Губернаторъ выдвинулъ даже пушку и направилъ на домъ. Не смотря на всю уклончивость, на весь политическій тактъ покойнаго митрополита Филарета, добрыхъ отношеній у него не установилось ни съ однимъ генераль-губернаторомъ. А губернаторъ Щербатовъ поднималъ даже съ нимъ споръ изъ за десяти рублей, которые пришлось заплатить за печатаніе предостереженій противъ употребленія соленой рыбы. На томъ основаніи, что эти распоряженія разосланы были къ священникамъ, чтобы они читали ихъ по церквамъ, губернаторъ хотѣлъ и деньги взять съ церкви. Митрополитъ, исходя изъ той мысли, что это

¹⁾ Поповъ, умеръ на покоѣ въ 1877 году.

требованіе свѣтскаго начальства, совсѣмъ дѣло не религіи, отказался платить и дѣло дошло до Синода и Комитета Министровъ. Покопаться только въ архивахъ и въ памяти много отыщемъ дивныхъ дѣлъ служащихъ къ подтвержденію словъ Станлея!

Заставили священниковъ наблюдать за оспопрививаніемъ, за употребленіемъ соленой рыбы, за падежомъ скота, между тѣмъ когда раскольничьи архіереи изъявили расположеніе присоединиться къ православію, телеграфируютъ изъ Питера отъ ВЫСОЧАЙШАГО имени къ митрополиту, нѣтъ ли принужденія имъ? добровольно ли это? съ цѣлью остановить это дѣло. Вотъ Вамъ положеніе духовенства.

Не мало найдется между духовными такихъ, которые готовы положить душу свою, за слово Божіе, но молчатъ, памятуя то слово, которое Станлей влагаетъ въ уста покойнаго святителя: «не мечите бисера предъ свиньями».

Не посѣтуйте на дидактическій тонъ замѣтокъ, виною сего не какое либо сомнѣніе и желаніе принять тонъ наставника, но одна торопливость. Давно занимаясь исторіею, я убѣжденъ, что ни одного положенія почти нѣтъ въ ней такого, котораго бы нельзя исправить и всякій будетъ имѣть для себя много основаній. Высказываю свои мысли, не какъ непогрѣшительную истину, но свое личное убѣжденіе. Въ такомъ смыслѣ и смотрите на мои слова. Конечно все это я могъ бы передать въ мягкой, простой формѣ, но 1, общій нашъ характеръ тотъ, чтобы имѣть въ виду дѣло, а не форму; 2, времени иногда нѣтъ свободнаго размачивать и подсыропливать свои рѣчи, — пусть грубая рѣчь семинариста отзывается и въ рѣчи, какъ она есть въ происхожденіи и воспитаніи. Эта замѣтка пришла мнѣ въ голову потому, что сталъ я перечитывать письма, что рѣдко дѣлаю, — и мнѣ самому не понравился тонъ письма. Но дѣло въ дѣлѣ. У Васъ въ натуру обращается мягкость формы, а намъ нужно для этого нѣкоторое усиліе. А потому...

Намъ нѣтъ нужды и въ раскрашенныхъ картинкахъ, мы довольны черными, только бы въ раскрашенныхъ было тоже, что и въ черныхъ ¹⁾).

Вотъ между прочимъ на чемъ слышится намъ и чувствуется кончина Филарета. Намъ не дозволили разрѣшить въ печать переводъ Библии архимандрита Макарія, который съ благословенія покойнаго святителя послѣ долгихъ его усилій и даже страданій его за это дѣло наконецъ печатался въ 1860 г. въ Православномъ обозрѣніи». Мало того, теперь насъ судятъ за то, что мы разрѣшили выпустить въ свѣтъ отдѣльные оттиски послѣдней части перевода.

¹⁾ Разумѣются представленныя А. Н. Бахметевой въ цензуру черныя картины изъ Свящ. исторіи, съ составленными его рассказами.

Вотъ на что И. С. Аксаковъ долженъ бы обратить вниманіе, если дѣйствительно благо церкви у насъ на сердцѣ. Онъ говорилъ это и у насъ, но что только съ свѣтской точки зрѣнія онъ смотритъ на дѣло. Можете сказать ему, что нашему академическому братству единодушно его статьи, касающіяся церкви кажутся возмутительными.

Мы не имѣемъ основанія думать, чтобы насъ причислили къ фанатикамъ, мы къ духовному званію принадлежимъ почти только мѣстомъ службы; не думаю также, чтобы насъ считали или непонимающими нуждъ церкви, или нежелающими думать объ ней, нежелающими слышать чужаго голоса. Мы охотно выслушиваемъ и собираемъ все, но одна статья только объ оберъ-прокурорѣ и то исключая конецъ ея понравилась всѣмъ, всѣми съ чувствомъ принята. Признаюсь, что у насъ существуетъ убѣжденіе, что И. С. Аксаковъ совсѣмъ не понимаетъ, съ чего нужно начать дѣло, гдѣ корень зла; исполнить его требованія — только увеличивать зло. То, чего онъ домогается, само собою придетъ и разовьется, когда существо дѣла исправится. Онъ осмѣивалъ нѣкогда прогрессистовъ, представлялъ телѣгу, запряженную тройкой, усиленно погоняемой до того, что постромки оторвались, лошади помчались, телѣга стоитъ въ грязи. Это же дѣлаетъ и онъ самъ съ вопросами о духовенствѣ. Ну, есть ли логика оправдывать святотатство тѣмъ, что Евангеліе украдъ раскольникъ? чѣмъ онъ дороже считалъ украденную вещь, тѣмъ болѣе его преступленіе. Подобной логикой можно извинить всякія преступленія. Ревность есть у кого, тотъ фанатикъ; нѣтъ ревности — это апатія, недѣятельность.

Не день ли нынѣ Вашего Ангела? Въ такомъ случаѣ примите мой сердечный привѣтъ.

Раскольникъ врывается въ алтарь во время обѣдни, опрокидываетъ потиръ съ престола, топчетъ приготовленное для таинства, раскольникъ воруетъ въ церкви Евангеліе, и пр. Этого, говорятъ, не должно осуждать, это заслуживаетъ снисхожденія. Ибо изъ религіозныхъ убѣжденій происходитъ. Игумень и священникъ говорятъ: нужно разломать часовню, вопреки прямого закона поставленную; — это, говорятъ, фанатизмъ, это нетерпимо и гадко. Зачѣмъ же нѣтъ одной мѣрки для дѣйствій, происходящихъ изъ одинаковыхъ побужденій? Гдѣ же логика?

Преданный Вамъ П. Казанскій.

Апрѣля 23, 1868 г.

14.

Вмѣстѣ съ растеніями подъ вліяніемъ весны оживаю и я. Теперь дышется легче, чѣмъ зимою всегда тяжело для меня.

Истинную правду Вы сказали, что волненіе религіозное послѣ 1812 г. возникло отъ вѣтра со стороны подувшаго. Нѣтъ убѣжденій, нѣтъ знанія, на которомъ держится серьез-

ное убѣжденіе, отъ того и колеблемость и переходы отъ суевѣрія къ невѣрію и обратно. Искренно Вамъ говорю, что я не безъ удивленія встрѣтилъ въ Васъ такое ясное и твердое усвоеніе истинной вѣры, съ которымъ Вы прежде такъ мало знакомы были, какъ и другіе изъ Вашего круга. Изъ немалого круга мнѣ извѣстныхъ лицъ подобный примѣръ я только вижу въ Маріи (бывшей Софьѣ Дмитревнѣ Давыдовой). Какъ бы-ваютъ ограниченны понятія въ области духовной науки, примѣръ представился мнѣ недавно по цензурѣ. Генераль-маіоръ князь Алексѣй Крапоткинъ, помѣщикъ Тамбовскій, представилъ записку о устроеніи имъ церкви въ своемъ селѣ Крапоткинѣ. Здѣсь онъ рассказываетъ, что во снѣ явился ему монахъ, который велѣлъ ему на указанномъ мѣстѣ построить храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, обѣщающа (что) *сія Великомученица* будетъ покровительницею его дома. И далѣе въ запискѣ читается: *заступница моя Велико-мученица Покровъ Пресвятыя Богородицы*». А Вы вините крестьянъ, что они насчитали шесть или семь боговъ. Записка писана собственною рукою князя.

Вотъ Иванъ Сергѣевичъ вынужденъ положить перо. И его энергія, и его авторитетъ безсильны противу рожна. Дивятся ли, что энергія духовенства должна прикрываться и предпочесть сдѣлать тихо и нѣчто малое, нежели шумомъ и упорствомъ стремленій лишить себя возможности сдѣлать что либо и навлекая на себя грозу, вредить и своему дѣлу. Вотъ теперь учредили духовно-ученый Комитетъ. Парижскій Законодатель ¹⁾ рекомендуетъ въ Семинаріяхъ руководствоваться для Догматики Шенкелемъ. А Шенкель не только не признаетъ Иисуса Христа Богомъ, но даже и признаніе бытія Божія вообще дѣлаетъ вопросомъ совѣсти каждаго. Рекомендуются и другой Богословъ, хотя и признающій Троицу, но такой, что и лютеране отвернутся отъ него. Былъ принятъ въ учебникъ для всеобщей исторіи составленный мною курсъ древней исторіи, въ рукописи представилъ я имъ и среднюю исторію. Теперь отвергли мой трудъ, взяли Иловайскаго и сами вынуждены оговориться, что тутъ есть дурные отзывы о духовныхъ лицахъ, — такъ наставникъ пусть исправитъ. А грѣхи противъ науки не имъ понимать. Войну не затѣмъ; трудно противу рожна прати. Время потопить въ рѣкѣ забвенія всѣ эти глупости. Мы видимъ ихъ ясно, но помочь не въ силахъ. Отсутствіе опредѣленныхъ убѣжденій, единства плана дѣйствій, твердаго знанія — вотъ отличительныя черты Петербургскихъ административныхъ сферъ. Прихоть, капризь, случайныя обстоятельства направляютъ дѣятельность. Въ циркулярахъ Духовно-Ученаго Комитета рекомендуется на первомъ

¹⁾ Прот. Іосифъ Васильевъ, съ 1867 г. предсѣдатель Учебнаго комитета при Свят. Синодѣ.

мѣстѣ въ руководство для Богословія и Священнаго Писанія переводы съ евр. архимандрита Макарія; въ тоже самое число насъ отдаютъ подѣ судѣ за то, что мы пропустили отдѣльные оттиски нѣкоторой части этого перевода. Отъ имени одного и того же Синода идутъ оба эти распоряженія. Доколѣ Господи забудеши насъ до конца? Доколѣ отвращаеши лице Твое отъ насъ? Недавно въ Москвѣ расхваливали распоряженія Духовно-ученаго Комитета о томъ, что не изучали буквально уроковъ, какъ доселѣ дѣлалось въ Семинаріи. Все это пустословіе. Шестъ лѣтъ проучился я въ семинаріи и ни разу буквально не выучилъ урока, а ниже третьяго № не занималъ въ спискахъ мѣста. То же и о всѣхъ лучшихъ ученикахъ. Требуютъ, чтобы учили уроки, но еще болѣе требуютъ, чтобы ихъ понимали, «Что ты какъ сорока мелешь?», обыкновенно говаривали зубрившимъ уроки безъ понятія. А заучиваніе весьма важно для упражненія памяти, тексты же необходимо знать буквально. И эту пыль бросаютъ въ глаза, и по этимъ фразамъ судятъ о заведеніяхъ и новомъ учебномъ управленіи! Въ семинаріяхъ и въ академіяхъ не на уроки обращаютъ главное вниманіе, но на сочиненіе. За твердое знаніе уроковъ никто не получилъ перваго разряда, если плохо писалъ сочиненіе. Въ такихъ людяхъ цѣнили только усердіе и потому терпѣли ихъ. Сочиненія пишутся непрерывно и не только въ комнатахъ, но нерѣдко даются и въ классахъ, чтобы лучше судить объ ученикахъ. Часто дѣлаются вопросы, возраженія и на нихъ узнается острота соображенія.

Преданный Вамъ П. Казанскій.

Мая 3 1868 г.

15.

Письма Вашего я не получалъ. Почему такая участь постигаетъ Ваши письма — не знаю. Надѣюсь, что Вы получили мое письмо, гдѣ я между прочимъ писалъ Вамъ о томъ, какія руководства указываются для Богословія, именно Шенкель. Неужели есть интересующіеся этой перепиской? или просто воровство марокъ? Поэтому лучше штемпельные конверты имѣть.

Позаботьтесь отыскать статьи Ал. В-ча въ 1848 г. «Христіанск. чтенія»; онѣ Вамъ будутъ полезны.

Почему же Вы не хотите 12 Апостоловъ въ Вознесеніи? Вѣдь Матей былъ избранъ на мѣсто Іуды. Вы и прежде мнѣ писали о семъ, но я забылъ Вамъ напомнить это. Кажется, потому и напомнилъ, что у Васъ же сдѣланы были 12 Апостоловъ, слѣдовательно я думалъ передѣлывать не будете. Но для цензуры все равно, сколько бы Вы ихъ не написали.

Изданіе вышло очень хорошо.

Спѣшу не задержать Вашего посланнаго. Завидую Вамъ, что такъ рано можете уѣхать въ деревню, а намъ теперь-то

и предстоятъ труды усиленные — чтеніе задачекъ, экзамены, конспекты и пр. и пр. Новый митрополитъ быстро движется къ Москвѣ. Что-то Богъ принесетъ съ нимъ?

Возьмите у брата Мих. Симоновича ¹⁾ 1848-й годъ Христіанскаго чтенія; я ему подарилъ свое собраніе Христіанскаго чтенія за всѣ года.

Если для цензуры пришлете современемъ еще экземпляра два своихъ праздниковъ, — это не будетъ лишнее; тогда и цензоръ будетъ имѣть возможность оставить для себя экземпляръ, какъ обыкновенно дѣлаютъ цензора съ разрѣшенными ими въ печать книгами или картинами.

Постарался я не задержать Вашего посланнаго.

Ив. Сергѣевичъ Аксаковъ вызываетъ мнѣнія по поводу статьи Беллюстина. Вотъ мое мнѣніе.

Какъ посмотрѣлъ бы Ив. Сергѣевичъ, если бы на сценѣ театра актеры надѣли епископскія облаченія и стали совершать священнодѣйствіе и таинства Православной церкви? Съ подобнымъ же чувствомъ могу я смотрѣть на священнодѣйствія епископовъ Австрійскаго посвященія. По каноническимъ правиламъ, которые одни и даютъ дѣйствительность посвященію, рукоположеніе этихъ епископовъ и священниковъ не имѣетъ силы. Слѣдовательно, носящіе это званіе и дѣйствующіе священная суть лица берущіе на себя то, чего не имѣютъ — актеры. Не оскорбится ли благочестивое чувство всѣхъ православнымъ подобнымъ лицедѣйствіемъ подобнымъ поруганіемъ святыни, сана и священнодѣйствій? Въ угоду прихоти нѣсколькихъ мужиковъ частію по невѣжеству, а болѣе по упорству самодурства и самоуправства можно ли это допустить? Лучшіе люди отшатнулись отъ этого дѣла. Что Беллюстину это не приходится въ голову — не дивлюсь. Онъ перевелъ значительную часть изъ Ренановой жизни Іисуса, именно исторію страданій и представилъ это въ духовную цензуру прося разрѣшенія напечатать. Его религіозное чувство не смущалось симъ. Въ разрѣшеніи раскольникамъ совершать открыто богослуженіе мы видимъ не просто вопросъ о свободѣ совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣе вопросъ о томъ дозволить или не дозволить кощунствовать надъ богослуженіемъ Православной Церкви. Вотъ гдѣ трудность этого вопроса для разрѣшенія.

Передайте, если встрѣтите случай, это мнѣніе Ивану Сергѣевичу. Взглянувъ съ этой точки зрѣнія, онъ можетъ быть съ меньшею яростію будетъ вопіять противъ нетерпимости. Отвлеченныя идеи, сами по себѣ вѣрныя, дѣлаются часто неудобоприложимыми. Пересоздавать по нимъ все невозможно. Французская революція прошлаго столѣтія именно

¹⁾ Боголюбскій, московскій протоіерей.

была попыткою осуществить отвлеченныя идеи, справедливыя въ основаніи. Но исторія показала, къ чему все это приводитъ.

Будьте здоровы и укрѣпляйтесь въ своей деревнѣ и вспоминайте иногда преданнаго Вамъ П. Казанскаго.

1868 г., мая 16 дня.

16.

Ваше письмо отъ 13-го получилъ 23-го, а предшествующаго Вами упоминаемаго не получилъ. Давно бы мнѣ слѣдовало выѣхать, но приѣздъ ревизора (Ревизія поручена по прежнимъ примѣрамъ Митрополиту, который прислалъ викарія Игнатія вмѣсто себя), а потомъ вызовъ въ Окружный Судъ въ свидѣтели по дѣлу о нарушеніи законовъ печати Морозовымъ, заставилъ меня ѣхать въ Москву. Нельзя ли отклонить отъ себя эту обязанность, падающую на 10-е іюля? Узнавъ, что свидѣтельство о болѣзни можетъ освободить отъ обязанности присутствовать на судѣ думалъ немедленно ѣхать въ Кострому, но двое сутокъ Московской жизни разстроили меня, и я долженъ отдохнуть и можетъ быть 29-е возьму здѣсь, когда будетъ освѣщеніе Филаретовской церкви и приѣдетъ Митрополитъ съ двумя викаріями. Относительно Академіи держитъ себя митрополитъ слишкомъ сдержанно, уклоняясь не только отъ участія въ разсужденіи, но и даже разговоровъ. Мы остаемся безъ руководителя и даже безъ главы. Что дальше будетъ — не знаемъ. Вторую часть своей исторіи отложите прислать до половины августа. Вы хотите говорить въ ней о Славянахъ — потому то Вамъ нужно посмотрѣть статьи въ 1848 г. Христ. Чтен. Я говорилъ брату объ этой книгѣ и съ радостію онъ готовъ сообщить ее Вамъ. О Фотіѣ была въ Вѣстникѣ Европы статья Костомарова и на эту статью печатаются замѣчанія Амф. Лебедева въ «Православномъ Обзорѣніи». Въ Прибавленіи къ твореніямъ св. Отцовъ за 1854 г. помѣщена статья «Фотій до вступленія на Патріаршескій престоль». Потомъ въ «Прибавленіяхъ» за 1861 г. помѣщена біографія Николая Мистика патр. Константинопольскаго. Въ прибавленіи за 1857 г. есть статья «Состояніе Православной церкви въ имперіи греческой во время владычества турокъ въ Константинополь». Дальнѣйшая судьба греческой церкви неоднократно была излагаема въ Христ. чтеніи за послѣдніе годы. Безъ сомнѣнія планъ сочиненія самое трудное дѣло. Вы на Востокъ болѣе обратите вниманіе, чѣмъ на Западъ. Тамъ много писали и говорили, а у насъ мало.

Въ ученіи объ отцахъ церкви Филарета Черниговскаго — общій обзоръ исторіи церковной предъ каждымъ періодомъ. Можно найти полезное указаніе здѣсь Прощайте пока. Изъ Костромы напишу Вамъ на свободѣ.

Преданный П. Казанскій.

1868 г., іюня 26 дня.

Возлюбленнѣйшая Александра Николаевна.

Законъ представляетъ автору право и послѣ скрѣпы цензора дѣлать измѣненіе въ рукописи, только и цензору представляетъ право требовать уничтоженія напечатаннаго безъ его согласія, если онъ не признаетъ прибавленія основательными ¹⁾. Но сего конечно не будетъ съ моей стороны. Если же типографія затруднится печатать безъ моей скрѣпы, то можно и прислать эти листки о Кириллѣ Александрійскомъ; я потому сдѣлаю замѣчаніе, что недавно имѣлъ случай, рассматривая переводъ изъ Нилы жизни Кирилла ознакомился ближе съ дѣломъ. Статью эту я не разрѣшилъ печатать, кромѣ неисправности перевода именно потому, что Ниль индѣ на недоказанныхъ фактахъ строить цѣлую теорію. Филаретъ Черниговскій не всегда можетъ быть вѣрнымъ руководителемъ; спѣшность работы имѣетъ у него нерѣдко слѣдствіемъ значительные недосмотры. Не многое самостоятельно онъ обработывалъ, а болѣе пользовался тѣми же нѣмцами-католиками

¹⁾ Передъ этимъ А. Н. Бахметева писала П. С. Казанскому: «Многоуважаемый и любезный Петръ Симоновичъ, я пробыла въ Москвѣ двѣ недѣли, но въ постоянныхъ занятіяхъ и заботахъ, такъ что при всемъ желаніи побесѣдовать съ вами, успѣла написать къ вамъ только нѣсколько строкъ. Последнее письмо ваше было получено наканунѣ моего отъѣзда. Не могу сказать вамъ, какъ я благодарна за ваши замѣчанія и ваше вниманіе. Первую мою книгу почти окончили печатать, т.-е. двѣ первыя книги, которыя теперь составляютъ одну. Хотѣлось мнѣ отдать въ типографію и вторую, но не имѣла достаточно времени, чтобы сдѣлать необходимыя поправки. Возвратившись въ деревню, я тотчасъ нашла время все сдѣлать и исправила вторую часть по вашимъ замѣчаніямъ. Пришлось всѣ разбросанныя извѣстія объ Арменій и Иверіи собрать вмѣстѣ, а изъ этого вышла отдѣльная глава, которая помѣщена послѣ разказа о Халкидонскомъ и пятомъ соборѣ. Отъ этого ваша подпись прерывается; надо было нѣсколько страницъ перенести дальше, а другія подвинуть. Надо ли вамъ прислать эту главу? Я въ ней помѣстила, что было сказано въ разныхъ мѣстахъ и прибавила, что вслѣдствіе прекращенія сношеній между Арменіей и Имперіей легко распрастранилось мнѣніе, распускаемое тогда еретиками, будто соборъ Халкидонскій, осудивъ и отвергнувъ ересь Евтихія, принялъ ересь Несторія; что вслѣдствіе такого недоразумѣнія соборы въ Арменіи предали анаѣмъ ученіе, будто одобренное Халкидонскимъ соборомъ, и что такимъ образомъ Арменія отпала отъ вселенскаго православія. Кстати, какъ перевести слово католикось? у меня стоитъ вселенскій. У Макарія («Исторія христ. въ Россіи») я нахожу слѣдующее: имя католикось значить всецѣлый, всеобщій.

«Я очень радуюсь увидѣть въ печати ваши интересныя выписки о Фотіи. Кстати, объ этомъ я должна вамъ сказать, что нынѣшнею весною редакторъ «Архива» Бартеневъ давалъ мнѣ читать въ рукописи статью, напечатанную въ послѣднемъ № «Архива» о крамолахъ враговъ Россіи. По этому поводу зашла рѣчь о Фотіи, и я разказала нѣкоторыя подробности о Фотиніи. Онъ спрашивалъ у меня, нельзя ли достать разказъ о ней для напечатанія въ «Архивѣ». Мнѣ показалось, что вы не захотите напечатать того, что мнѣ объ этомъ написали, и я не назвала васъ, боясь, какъ бы вамъ не наскучили выпрашиваніемъ. Самого разказа я не читала Бартеневу, а только изъ него кой-что разказала. Что вы объ этомъ времени думаете? Такъ какъ теперь столько пишутъ объ этомъ времени, можетъ-быть, вы бы и согласились кой-что напечатать. Статья Мельникова о прошломъ крайне любопытна. Вообще объ этомъ времени броженія и неясныхъ стремленій къ прогрессу интересно бы узнать болѣе. Не помню говорила ли я вамъ, что было объ этомъ времени письмо или лучше статья княгини Софьи Сергѣевны Мещерской, писанная къ англичанину Пинкертону, но по смерти ея митрополитъ Филаретъ потребовалъ, чтобы ее сожгли. Очень жаль.

«Видѣли ли вы книги Самарина, о которыхъ столько толковъ? Онѣ у меня есть, и если вамъ хочется ихъ прочесть, могу вамъ прислать».

или протестантами. Болѣе удовлетворительную біографію Кирилла Александрійскаго Вы найдете въ XIII книгѣ «Прибавленій къ твореніямъ св. Отцовъ въ Русскомъ переводѣ.» Въ VI-й книгѣ. «Прибавл. къ твореніямъ св. Отцовъ» за 1848-й найдете и статью А. В. Горскаго о Кипріанѣ.

Почему я вычеркнулъ у Васъ Кирилла, вотъ причины: въ полной жизни святого найдутъ мѣсто всѣ факты его жизни; но въ краткомъ очеркѣ, когда спѣшатъ выставить на видъ темныя стороны, это, — какъ бы Вамъ сказать, — ну да, свѣтски, нарушеніе такта, или говоря моднымъ словомъ, показываетъ тенденціозность, т. е. умышленное желаніе набросить тѣнь на человѣка. Таково и было для меня впечатлѣніе Вашихъ строкъ, хотя факты и правильны, но это не есть историческая справедливость, а напротивъ то же, если бы Вы въ отзывѣ о знакомомъ упомянули объ его немощахъ дѣйствительныхъ, не выставивъ при томъ его добрыхъ сторонъ. А съ новатіанами Кириллъ имѣлъ право и обязанность такъ поступать. Если Вы дополните свѣдѣнія о Кириллѣ Александрійскомъ моими замѣчаніями, то исторической правды будетъ болѣе. Ваши недоумѣнія касательно католикоса кажутся просто разрѣшаются. Когда епископы ставились въ Арменію Кесарійскимъ архіепископомъ, они не пользовались титуломъ католикоса. Онъ возникъ послѣ отдѣленія ихъ отъ православной Восточной церкви и есть не что иное, какъ названіе епископа «Католикось», т. е. соборный вселенскій, принадлежащее православнымъ и преимущественно патріархамъ. Они отсѣкли слово епископъ, оставили слово «католикось», чтобы усвоить себѣ имя какъ сдѣлали и папы, общее имя обративъ въ нарицательное. И у сирійцевъ тоже есть сирійское названіе, соотвѣтствуетъ греческому католикосу. Такъ и римляне зовутъ себя католиками, чтобы прикрыть свое отступленіе. Однимъ словомъ въ имени «католикось» осталась только половина прежняго названія греческаго пастырей Арменіи и друг. Въ древнихъ церковныхъ памятникахъ этого названія отдѣльно взятаго нѣтъ.

Очень желаю видѣть «Окраины».

Разсказъ о Фотиніи имѣетъ значеніе для біографа Фотія, но для исторіи, вообще едва ли имѣетъ важность. Не знаю, что сказать о семь. Личность же свою желаю выгородить во всякомъ случаѣ. Статья о крамолахъ есть краткая записка, написанная на основаніи матеріаловъ оставленныхъ Фотіемъ. У него есть обширные документы подтверждающіе все сказанное въ ней.

При замѣчаніяхъ на Вашу рукопись я тогда положительно высказывалъ мнѣніе, когда имѣлъ основаніе для него... Иногда я выражалъ предположительно. И времени и силъ иногда не достало бы чтобы раскрывать Вамъ всѣ доказатель-

ства. Окажите снисхождение въ семь случаѣ. Немошь моя возникла отъ простуды въ церкви; виною сквозной вѣтеръ.

О Кириллѣ Александрійскомъ прочтите указанную мною статью; ея достаточно для объясненія Вамъ дѣла. Что иностранныя руководства не точны и ложно передаютъ церковную исторію, никто этого такъ не знаетъ, какъ трудящіеся въ Академіяхъ, которымъ приходится, по первымъ источникамъ переводить ихъ. Извѣстная черта, извѣстный отзывъ дѣлаются на основаніи работы долгой. Чѣмъ болѣе приходится повѣрять отзывы западныхъ о православномъ востокѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ ихъ поверхностномъ знаніи или умышленномъ или подъ заранѣе утвержденнымъ взглядомъ представленіи событій. Недавно я натолкнулся на археологическіе вопросы. Одинъ вретъ болѣе другого. Это сбиваетъ и нашихъ археологовъ.

То свѣтскій правитель Александріи звалъ Кирилла безпокойнымъ человѣкомъ, на это объясненіе мы найдемъ въ судьбѣ Рижскихъ архіереевъ, которые съ жандармами всѣ выпровождены ¹⁾. Но греческій Императоръ не внималъ сему и довѣрялъ Кириллу; не то, что у насъ въ Ригѣ. Объясненіе идетъ кажется.

Къ 19-му Ноября вызываютъ меня въ Окружный Судъ по дѣлу литографа Морозова, а потому если здоровье позволить надѣюсь съ Вами увидѣться.

Ваше прибавленіе возбудило во мнѣ опасеніе, будто соборъ Халкидонскій, осудивъ и отвергнувъ ересь Евтихія, принялъ ересь Несторія, что вслѣдствіе такого недоразумѣнія соборъ въ Арменіи предалъ анаѣмъ ученіе будто одобренное Халкидонскимъ соборомъ и что такимъ образомъ Арменія отпала отъ Вселенскаго православія. Тутъ повидимому обличается греческая церковь въ неправославіи. Дѣло происходило такъ. Церковь Армянская согласно опредѣленію Ефесскаго собора отвергла лжеученіе Несторія при содѣйствіи св. Прокла патріарха Константинопольскаго, къ которому обратилась за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній. Но по внутреннимъ смутамъ Армянская церковь не приняла участія въ соборѣ Халкидонскомъ осудившемъ Евтихія. Между тѣмъ лжеучители осужденные соборомъ Халкидонскимъ, всюду распространяли клеветы противъ его опредѣлений, успѣли проникнуть и въ Арменію. Одинъ изъ жаркихъ защитниковъ Евтихіева лжеученія Варсума (около 460 г.) послалъ туда своего ученика Самуила. А въ концѣ пятаго столѣтія на соборѣ Эчміадзинскомъ (491 г.) принято было такъ называемой соединительное (енотиконъ) посланіе императора Зенона, ко-

¹⁾ Имѣются въ виду несприятности и преслѣдованія, какія пришлось испытать Рижскимъ епископамъ Иринарху, Филарету и Платону за ихъ борьбу съ лютеранской пропагандой.

торымъ отвергалось утвержденное Халкидонскимъ соборомъ ученіе о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, неслитно, неизмѣнно, неразлучно соединенныхъ. Соборы Товинскій (595 или 598 г.) осудили Грузинскаго католикаса Кириона за принятіе имъ Халкидонскаго собора, и Монашкердскій (650 г.) еще болѣе отдалили Армянъ отъ общенія съ православною церковью. Они съ одной стороны усилили подозрѣнія противъ нихъ въ явномъ согласіи ихъ не только съ монофелитами, но и съ монофизитами, а съ другой утвердили нѣкоторыя особенности въ обрядахъ, которыми Церковь Армянская отдѣлилась отъ Православной восточной.

Имѣйте въ виду эти показанія, чтобы не впасть въ ошибку при сужденіи объ Армянахъ. Кажется, дѣло ясно показано. Были послѣ попытки соединенія начиная съ императора Иракія до XII в., но не привели къ желаемому единогласію. Не внимайте тѣмъ, которые иначе представляютъ дѣло, оправдывая армянъ. Изъ сдѣланнаго мною изложенія, основаннаго на несомнѣнныхъ документахъ видно, что Армянская церковь отдѣлилась отъ Православной не ради ложнаго извѣстія о принятіи ученія Несторія Халкидонскимъ соборомъ, но по пристрастію къ ереси Евтихія.

То правда, что служители, разсѣвая свои заблужденія, старались увѣрить армянъ, что церковь Греческая сама уклонилась отъ чистоты древняго своего исповѣданія. Корень всѣхъ золъ лежитъ въ гоненіи персидскихъ царей. Они запретили пользоваться греческимъ языкомъ, но армянскіе пастыри не только Священное Писаніе, но и писаніе отцовъ церкви перевели на свой языкъ. Но во время гоненій пресѣклась іерархическая связь съ церковью Кесарійскою, отъ которой армянская получала первыхъ своихъ пастырей. Цари персидскіе желая отдалить Арменію отъ всякаго союза съ Имперіею Греческою, оказывали покровительство еретическимъ ученіямъ преслѣдуемымъ въ Имперіи, чѣмъ и пользовались лжеучители. Отъ этого-то съ половины V-го вѣка не видимъ прежняго близкаго общенія Церкви Армянской съ православною Церковью Восточной Имперіи.

Я указалъ Вамъ, что у Васъ не точнаго о Кириллѣ Александрійскомъ сказано... Пусть остается вѣрнымъ извѣстіе о неприязни его къ Златоусту; для общей церковной исторіи это не имѣетъ значенія; ибо самостоятельно онъ ничего не сдѣлалъ противъ святителя, но прочее не такъ передано. Я и указалъ Вамъ, какъ было дѣло.

Вамъ поступокъ Кирилла съ новатіанами не нравится; также отзывается историкъ Сократъ, раздѣлявшій заблужденія новатіанъ. Но въ Римѣ св. Келистинъ папа Римскій тоже сдѣлалъ съ новатіанами, — православные современные имъ Епископы не осудили его поступка. Все же пусть правда бу-

детъ; незачѣмъ приписывать Кириллу то, чего не было. Онъ не позволилъ только чрезъ сіе открытаго и свободнаго богослуженія новатіанъ, соблазнявшаго многихъ.

Не знаю, гдѣ есть письмо Θεодосія, будто бы упрекавшее Кирилла въ безпокойствѣ церкви и Двора. Сократъ не упоминаетъ объ немъ;—по малолѣтству Θεодосія тогда правила Пульхерія, а потому Сократъ выражается: «донесено самодержцамъ». Изъ всего хода дѣлъ видно, что не смотря на злобу Ореста Кириллъ не былъ стѣсняемъ въ своей дѣятельности царскими указами.

Евагрій называетъ его «славной памяти Божественнымъ». У Θεодорита встрѣчается только имя его, у Созомена нѣтъ и упоминанія. Кто же приводитъ письмо Θεодосія?

Въ дѣянїяхъ Ефесскаго собора приведено письмо императора Θεодосія къ Кириллу, въ которомъ онъ упрекаетъ Кирилла въ произведенныхъ имъ смятенїяхъ церкви и въ намѣренїи посѣять смятеніе въ домѣ царскомъ, послѣднимъ намекая на сочиненіе о вѣрѣ, писанныя отдѣльно императрицѣ и царевнамъ, а подъ первымъ осужденіе Несторія. Это относится стало быть совсѣмъ къ другому времени и составляетъ славу Кирилла. Если писатели, которыхъ Вы имѣете подъ руками разумѣютъ это письмо (а другого нѣтъ ранѣе), то они безсовѣстно пользуются источниками. Вотъ подобный то способъ пользованія и внушаетъ осторожность къ довѣрїю ихъ мнѣнїямъ.

Кажется оправдался передъ Вами въ своихъ замѣчанїяхъ.

Преданный П. Казанскій.

1868 г., октября 22 дня.

А обѣщанной книги очень жду ¹⁾.

¹⁾ Въ отвѣтъ на это письмо А. Н. Бахметева писала (1868 г., ноября 26): «Сейчасъ получила присланные вами мои листочки объ Арсенїи, любезный Петръ Симоновичъ, съ вашими замѣчанїями и листочкомъ, написаннымъ рукою Александра Васильевича; за все много и премного благодарю, но почему же вы пишете, что я не вѣрю вамъ, и подтверждаете свои замѣчанія строками Александра Васильевича. Я вполне вѣрю вамъ; но укажу на источникъ своихъ заблужденїй. У Макарія: исторія христіанства до равноапостольскаго кн. Владиміра стр. 112. Св. патріархъ Іосифъ I, равно какъ и предшественникъ его Исаакъ Великій и Нересесь, чтутся и нашею православною Церковью, совершающей память ихъ 20-го ноября. Въ этой же книгѣ вы найдете и мнѣніе, что все, раздѣляющее армянскую Церковь отъ православной, было недоумѣніе, происшедшее отъ прекращенія сношенїй между Греціей и Армїней, вслѣдствїе чего многое было ложно перетолковано и понято.

«Благодарю очень за ваше письмо съ мнѣніемъ о книгѣ Самарина, мнѣ бы хотѣлось отвѣчать вамъ, сличивъ, что вы пишете съ указанными мѣстами въ книгѣ; но книгу, едва мною полученную, у меня взяли и не знаю, когда мнѣ придется на свободѣ ее вновь перечестъ; такъ много желающихъ ее читать и такъ трудно ее достать. Я продолжаю горячо желать, чтобы недоумѣніе и возраженія, возбужденныя ею, могли бы высказаться гласно, тѣмъ вызвавъ новыя объясненія. А то, какъ мнѣ кажется, подъ покровомъ общаго молчанія совершается у насъ внутренняя тайная работа, послѣдствїя которой могутъ быть чрезвычайно важны. Недоумѣвающіе въ вопросахъ Церкви, разрабатываютъ ихъ въ умѣ своемъ; недовольный, или, лучше сказать, неудовлетворенный разсужденїями офиціально признанныхъ руководствъ въ докторскихъ (это не скандализируетъ васъ), которыя, согласитесь, иногда не столько объясняютъ, сколько обходятъ нѣкоторые вопросы, ищетъ разрѣшенія помимо ихъ, или въ иностранныхъ книгахъ, болѣе свободно относящихся къ вопросамъ Церкви,

1868 г. ноября 24.

Съ благодарностью возвращаю Вамъ книги Ваши, любезнѣйшая Александра Николаевна. Митрополитъ 19-го числа просидѣлъ у ректора, гдѣ собрались и всѣ наставники, два часа съ половиною, и всѣхъ закупилъ въ свою пользу своими здравыми сужденіями, оригинальными выраженіями, готовностію идти на борьбу съ сильными міра сего. Дѣло шло между прочимъ и о миссіяхъ. Недавно напечатана объяснительная записка начальника Алтайской Миссіи Владиміра. Какъ Хомяковъ усиленно ни старался вторгнуться въ область участія въ дѣлахъ церкви, но грустны опыты этого вторженія на практикѣ. Вотъ два миссіонерскихъ общества, руководимыхъ и управляемыхъ мірянами (духовные вынуждены были оставить участіе въ нихъ): 1, Петербургское, 2, Кавказское. О первомъ иркутскій архіерей печатно заявилъ, что оно не только бесполезно, но едва ли не вредно; Алтайская Миссія страдаетъ и ея дѣятельность совершенно убита; собранныя деньги раздаются между своими; пастыри церкви въ рѣчахъ называются волками въ овечьей кожѣ. Владиміръ¹⁾ отказавшійся отъ должности инспектора Академіи, почетной и дающей хорошія средства жизни, отъ карьеры близкаго архіерейства, и посвятившій себя на безкорыстное служеніе миссіи, называется почти прямо воромъ. Вторая Кавказская, собравъ огромный капиталъ, употребила четыреста тысячъ изъ него на орошеніе степи, которая не орошается, какъ будто есть связь между орошеніемъ степи водою, и нивы сердець язычниковъ и магометанъ словомъ Божіимъ. Разумѣется болѣе половины денегъ осталось въ карманахъ распорядителей работъ. Экзархъ Грузіи долженъ былъ просить уволить его изъ числа членовъ сего общества. А доселѣ дѣло миссіи велось на гроши, и съ необъятнымъ успѣхомъ, хотя не оглашаемымъ хвалебными гимнами. Митрополитъ, опытный въ дѣлѣ миссіи, сказалъ справедливо, что инородцы и вообще свѣтскіе хорошіе способники въ этомъ дѣлѣ, когда дѣйствуютъ подъ руководствомъ духовныхъ. «А то дай имъ волю (приведу подлинныя слова, чтобы познакомиться съ встрѣчающимися у

или въ еще болѣе широкой свободѣ собственныхъ умозаключеній и, незамѣтно, шагъ за шагомъ, добросовѣстно удаляется отъ православія. Если вдругъ очнувшись, подвести итогъ всему, что медленно совершалось подъ покровомъ общаго молчанія или отмалчиванія въ вопросахъ вѣры, не найдется ли, что въ нашей православноѣ Руси большая часть людей мыслящихъ и искреннихъ отпала или къ протестантизму, или къ безвѣрію, или къ какой-то общей вѣрѣ безъ Церкви? А православнымъ какъ будто остались большею частію люди равнодушные, коихъ мысль никогда не волновалась ни сомнѣніемъ, ни усиленнымъ исканіемъ истины, ни честнымъ желаніемъ вполнѣ согласить свое внѣшнее исповѣданіе съ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Вполнѣ вѣрю, что вѣрѣ и Церкви не опасна свобода мысли и слова; и то же оружіе неплотское сильнѣе всѣхъ, чтобы побѣдить враговъ и привести души въ послушаніе Христу.

¹⁾ Петровъ, въ послѣдствіи архіеп. Казанскій; ум. 1897 г.

него оборотами), наѣдятся власти и вспучить имъ животъ». Обратили ли Вы вниманіе на 329-ю страницу въ сочиненіи Хомякова? Онъ говоритъ, что на его глазахъ росло православіе не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства. Но оно не могло расти безъ трудовъ и усилій духовенства. Вліяніе его можетъ быть для иныхъ неизвѣстно, но оно какъ воздухъ проникаетъ атмосферу общества, невидимое даетъ ему характеръ и пищу для дыханія. На это я указывалъ въ своихъ запискахъ извѣстныхъ Вамъ. Я свидѣтельствовалъ о духѣ духовенства, о болѣе раскрытомъ въ немъ сознаніи своего призванія и достоинства, объ измѣненіи отношеній его къ обществу. Хомяковъ свидѣтельствуесть о вліяніи его на общество.

Не обратилъ онъ Пальмера, но священники пріобрѣли Гѣте, который теперь хочетъ издавать православную церковную исторію въ 8-ми томахъ и собираетъ подписку. Безъ тысячи подписчиковъ онъ не находитъ возможнымъ приступить къ изданію исторіи. Цѣна за томъ подписная восемь франковъ. По выходѣ изъ печати она будетъ 12 франковъ. Ученый—не глубокой Гѣте, что доказалъ онъ своей исторіей папства. На западѣ трудно вырваться изъ рамокъ начертанныхъ тамошними учеными. Онъ не коснулся тѣхъ свидѣтельствъ противъ папской власти, которыя не приводятся западными писателями. Но все же исторія его представить во многомъ исправленіе западныхъ воззрѣній. Хвалится онъ, что изъ Греціи получилъ важные документы, касающіеся восточной церкви.

Мнѣ странно показалось, что Хомяковъ и не думаетъ защищаться противъ обвиненій нашего духовенства въ равнодушіи къ дѣламъ вѣры, къ распространенію Евангелія. Онъ былъ таки знакомъ съ духовными. Вѣрьте, что у насъ зорко слѣдятъ за всякимъ явленіемъ религіозной жизни; дѣлаютъ то, что могутъ и дѣлаютъ тихо; ибо шумомъ все испортишь. Связанные по рукамъ и ногамъ опекою, которой не желаютъ и не просятъ, лишенные средствъ бьются духовные сколько могутъ. Миссіи безъ денежныхъ средствъ вести нельзя. Западные миссіи оттого широко и раскинулись, что владѣютъ богатыми средствами. Въ Остзейскомъ краю Филаретъ всѣхъ Эстовъ и Латышей обратилъ бы въ православіе, если бы не... Энергичнаго способнаго человѣка спѣшатъ замѣстить равнодушнымъ въ родѣ Платона бывшаго въ Ригѣ. Тоже въ Западномъ краѣ. Алтайской Миссіи не отъ одного Миссіонерскаго Общества приходилось терпѣть. Извѣстно, что Гасфордъ, бывший генераль-губернаторъ Западной Сибири, сдѣлалъ формальное представленіе о томъ, что инородцамъ которыхъ крестить Алтайская Миссія, православіе негодится, а нужно выдумать для нихъ вѣру среднюю между христіанствомъ и язычествомъ. Въ Восточной Сибири создали Шаманскую іерархію; въ Крыму и на Кавказѣ Воронцевъ не давалъ обращать магометанъ;

ибо страна потеряет живописность. Одинъ мулла трое сутокъ жилъ у преосвященнаго Іереміи Ставропольскаго, и онъ не смѣлъ его крестить вслѣдствіе запрещенія Высочайшимъ именемъ.

Вы интересовались слышать мнѣніе мое о богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова. Прилагаю набросанныя мною замѣтки.

(Нѣчто о предисловіи къ II т. соч. Хомякова).

И Грановскій и Бѣлинскій и Добролюбовъ—умы все посредственные, скудные положительными знаніями; на вѣру нападали только потому, что не смѣли написать на правительство и на общественный бытъ. Это была косвенная война противъ государственнаго устройства; нападали на іерархію, на авторитетъ, однимъ словомъ повторяли то же, что дѣлали во Франціи въ концѣ XVIII в. Гегеля мало понималъ и Грановскій и Бѣлинскій; мы будучи студентами Академіи знали его болѣе.

Стр. VII. Обвинять церковь за то, что она благословляла существующій въ государствѣ порядокъ вещей—несправедливо. Ап. Павелъ сказалъ: всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Для церкви не призванной вмѣшиваться въ перемѣны формъ правленія, существующія есть законныя.

Стр. X. О какомъ хламѣ загромоздившемъ предверіе церкви г. Самаринъ говоритъ—незнаю. Но Хомяковъ самъ говорить, что онъ послѣдніе годы не въ той сферѣ жилъ, въ какой выросъ.

Стр. XVII. Преданность Хомякова церкви доказываетъ г. Самаринъ тѣмъ, что онъ хранилъ посты. Но имѣлъ ли онъ покорность церкви въ сердцѣ, въ мысли? Раскольники самыя строгіе хранители постовъ, а живутъ внѣ церкви. Хомяковъ создалъ свое понятіе о церкви, и всѣ раскольническія, даже еретическія мысли свои, наивно себя обманывая, прикрывалъ голосомъ церкви. Эта мнимая преданность церкви развязываетъ ему руки безъ всякаго уваженія относиться къ Боговдохновеннымъ словамъ Св. Писанія, по своему перетолковывать таинства, малою горстью ума изчерпывать бездонное море таинъ Божіихъ,—вотъ жизнь въ церкви; вѣрнѣе сказать на стр. XX. Хомяковъ представлялъ явленіе полнѣйшей свободы въ религіозномъ сознаніи. Но отнюдь это явленіе не единственное; ибо сколько мнѣ ни случалось встрѣчать свѣтскихъ учителей церкви, у всѣхъ у нихъ полнѣйшая свобода въ религіозномъ сознаніи. Всякій такъ рассуждаетъ о вѣрѣ, что церковнаго ученія и слѣдовъ нѣтъ. Но Хомяковъ зналъ догматы; онъ въ сущности далеко не отличался полнѣйшей свободой религіознаго сознанія. Онъ очевидно въ своихъ увлеченіяхъ самъ не понималъ, что прямо противорѣчитъ ученію

церкви. Онъ изучалъ христіанское ученіе по тѣмъ же западнымъ книгамъ и на немъ отразилось вліяніе вмѣстѣ и католичества и протестанства. У перваго онъ заимствовалъ преданность церкви, а у втораго свободомысліе, неуваженіе къ церкви на дѣлѣ. Онъ упрекалъ англичанъ, что они отъ папизма не могутъ отдѣлаться; тоже и съ нимъ было. Онъ невольно надыхался атмосферою своихъ противниковъ. Сдѣлавъ этотъ винигретъ изъ двухъ исповѣданій Запада, безсознательно для себя самого онъ назвалъ его православіемъ. Это не острога, а дѣйствительно характеристика Хомякова. Только изъ католичества онъ могъ заимствовать то благоговѣніе къ церкви, которымъ проникнуты всѣ его сочиненія; только изъ католичества онъ могъ заимствовать то мнѣніе о Священномъ Писаніи, что оно имѣетъ значеніе только отъ голоса церкви, что оно не такъ свято и непреложно, какъ ученіе церкви. Только католики, отодвинувъ въ сторону Священное Писаніе, не сказали, что оно неважно, что буква его не обязательна; они умолчали о семъ. Этотъ пропускъ ихъ ученія Хомяковъ восполнилъ изъ лютеранства и притомъ въ крайнихъ его развитіяхъ. Противъ Бунзена онъ возражаетъ не за то, что Бунзень Писаніе Священное разсматриваетъ какъ простое произведеніе ума человѣческаго; въ этомъ Хомяковъ соглашается съ нимъ, а за то, что не такъ понимаетъ и толкуетъ нѣкоторые мѣста, чѣмъ какъ понимаетъ ихъ Хомяковъ. Такое ученіе, такой взглядъ не православны; думаю что эти слабыя стороны не могли укрыться отъ западныхъ. Но намъ православнымъ ясны заблужденія его. Не смотря на все это съ удовольствіемъ читалъ и прежде и теперь прочелъ вполне его труды. Для свѣтскаго человѣка заставшаго еще броженіе умовъ, бывшее въ двадцатыхъ годахъ, самоучкою изучавшаго родную вѣру, очень много добраго и истиннаго въ его ученіяхъ. Церковь не даетъ ему титла даваемого г. Самаринимъ, но будетъ молить Господа Бога о прощеніи грѣховъ его невѣдѣнія и анаемы какъ ересіарху не провозгласить. Ищущій истины всегда достоинъ уваженія. Очевидно Хомяковъ, славянофилъ, жилъ и воспитывался подъ вліяніемъ Запада; изъ западныхъ матеріаловъ строя православіе, онъ думалъ, что идетъ новымъ путемъ. Надъ идеями религиозными паритъ у него идея философская. Шеллингова философія откровенія очевидно давала ему связующій цементъ при его стройкахъ изъ западныхъ матеріаловъ. Естественно спросите: такъ что же такое православіе? Гдѣ ему учиться? И я укроюсь отъ этого вопроса подъ защиту Шеллинга и повторяю слова, которыми онъ отрекшись отъ прежней системы послѣ долгаго молчанія началъ свои лекціи: цѣль движеній есть покой, цѣль знанія есть незнаніе...

Стр. XXVI. Опровергаетъ то, что сказано на страницѣ XX. Вѣра не есть одно субъективное чувство, она имѣетъ и

объектъ, извѣстный предметъ вѣры, и основаніе для вѣры есть авторитетъ. То, что на стр. XXXV говорится о Хомяковѣ, именно подтверждаетъ это какъ справедливое. Напримѣръ безъ предмета вѣры и авторитета не можетъ быть несознательной вѣры. Субъективная вѣра есть только пріемлемость; ей нуженъ авторитетъ Божественный, который бы указалъ, что она должна принять. Какъ скоро она уклоняется отъ признанія этого авторитета, она наполняется мечтаніями и фантазіями своего разума и въ такомъ случаѣ перестаетъ быть вѣрою, а является идолопоклонствомъ передъ авторитетомъ личнаго ума. Если Хомяковъ рассуждалъ такъ, какъ представлено на XXVI страницѣ и такой путь проходилъ во внутренней жизни, онъ правымъ путемъ шелъ, но г. Самаринъ, стало быть, не понимаетъ этого пути. Это онъ ясно и доказываетъ при опредѣленіи церкви. Онъ не хочетъ признать церковь учрежденіемъ хотя бы Божественнымъ, а говоритъ, что церковь есть организмъ истины и любви. Подобное опредѣленіе игра въ гулячки. Что составляетъ отличительныя черты всякаго организма, хоть напримѣръ человѣческаго? Единство цѣлаго, состоящаго изъ различныхъ силъ, управляемаго извѣстными законами, направленными къ достиженію извѣстной цѣли. Г. Самаринъ указалъ цѣль, но не указалъ силъ и устройства организма. Отъ этого ложнаго опредѣленія можно придти къ самымъ гибельнымъ выводамъ, какъ и пробивается порою у Хомякова ставящаго законами и силами для этого организма законы и силы своей личной мысли, своего личнаго чувства, хотя и прикрываемаго наименованіемъ Духа Божія. Чѣмъ устраняетъ организмъ вредныя вліянія?— борьбою противъ нихъ; безъ борьбы безъ противодѣйствія враждебнымъ элементамъ невозможно выгнать ихъ изъ себя, выбросить. А потому сказанное въ началѣ XXXIX стр. есть только игра словъ.

Что касается до вопроса о преданіи и писаніи, то рѣшеніе его предлагаемое гг. Самаринымъ и Хомяковымъ есть уклоненіе отъ рѣшенія, а не самое рѣшеніе. Споръ объ оправданіи вѣрою или дѣлами не вполнѣ понять ими и рѣшеніе предлагаемое ими есть обыкновенное рѣшеніе всякаго учебника Богословія. Вопросъ собственно говоря не объ томъ, должны ли быть добрыя дѣла у вѣрующаго для его оправданія, а въ томъ, имѣютъ ли дѣла силу къ оправданію человѣка? Чтобы уяснить этотъ вопросъ, нужно помнить споръ Августина съ Пелагіемъ. Усиленныя похвалы иногда вредятъ болѣе ругательствъ; неумѣренность ихъ вызываетъ нападенія и на то, чего бы не коснулись въ человѣкѣ, если бы его не расхвалили такъ. А потому я думаю, что предисловіе г. Самарина къ сочиненіямъ много повредитъ имъ. Уже то одно вредитъ имъ, что послѣ такихъ громкихъ похвалъ приступаемъ къ чтенію

ихъ ожидая чего-то необыкновеннаго, какого-то новаго рѣшенія вопросовъ доселѣ неизвѣстнаго. Читаемъ, читаемъ, находимъ много хорошихъ мыслей, много остроумія, все ждемъ впереди чего-то лучшаго, встрѣчаемся съ прямыми ошибками и заблужденіями, и книга оставляетъ весьма невыгодное впечатлѣніе. А этого не было бы, если бы не было прежде восхваленія. Но да изведетъ Господь и другихъ дѣятелей на поприще церковной науки, подобныхъ Хомякову; то, что было у него сѣномъ, хворостомъ сгоритъ, но дѣло очищенное огнемъ останется, какъ отъ добраго намѣренія совершенное.

Хомяковъ именно вводитъ рационализмъ въ догматику. Глубочайшія тайны откровенія онъ силится объяснить созерцаніями разума. Справедливо осуждали Фотія за то, что онъ догматъ о происхожденіи Духа Святаго изъ области писанія и исторіи церкви перенесъ въ область философско-созерцательную. Глубина его созерцаній поразительна, но вмѣстѣ чувствуется и вся опасность этой попытки. Разумъ становится единственнымъ мѣриломъ откровенныхъ истинъ. Тоже должно сказать о попыткахъ Хомякова объяснить воплощенія Бога-Слова и многое другое. Шеллингъ подъ конецъ жизни пытался вступить на этотъ путь, но изнемогъ и никого не удовлетворилъ. Въ числѣ причинъ отпаденія отъ православія какъ католичества, такъ и протестанства, первое мѣсто должно быть отведено не заблужденіямъ разума, но страстямъ. Отдѣленіе Запада отъ Востока слагалось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ; догматическія разности были орудіемъ къ проявленію этого отдѣленія. Признаюсь, я лично не придаю особой важности и ученію объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Ученіе о Св. Троицѣ осталось неприкосновеннымъ; сдѣлана попытка разумомъ пополнить неразрѣшимое для разума. Это тотъ же путь, которымъ идетъ и Хомяковъ. Раздѣленіе между церквями не послѣдовало бы, если бы не вмѣшалась страсть римскаго властолюбія.

Въ субъективномъ чувствѣ вѣры Хомяковъ находитъ успокоеніе при уклоненіяхъ своей мысли. Сердцемъ преданный церкви онъ думаетъ, что не грѣшитъ противъ нея, когда отвергаетъ ея ученіе. Подобныя противорѣчія уживаются въ душахъ пылкихъ. Блаженный Августинъ въ сочиненіяхъ своихъ, относящихся къ послѣднему періоду жизни проповѣдывалъ строгое предопредѣленіе Божіе независимое отъ воли человека. Монахи нѣкоторыхъ обителей писали ему, что его ученіе внушаетъ отчаяніе; къ чему они трудятся если они въ числѣ назначенныхъ къ гибели. Августинъ напротивъ находилъ покой въ своемъ ученіи. Буря сомнѣній и страстей въ немъ улеглась уже, онъ чувствовалъ миръ въ душѣ,—это было для него залогомъ спасенія; но для тѣхъ, которые еще боролись съ страстями и сомнѣніями, его ученіе имѣло иное

значеніе. Сердце вѣрило у Августина. Умъ заблуждалъ; то же и у Хомякова. Миръ ему!

Хочу я Вамъ, добрая Александра Николаевна, по немногу сообщать мнѣнія о сочиненіяхъ Хомякова, когда вырвется у кого сужденіе само собою, а не вытянутое, такъ сказать, въ извѣстной формѣ. Костромскому архіепископу, который издаетъ краткое изложеніе догматовъ вѣры по ученію Православной Церкви, я рекомендовалъ ознакомиться съ книгою Хомякова, дабы воспользоваться вполне, что есть въ ней хорошаго. Своего мнѣнія я не высказалъ. Вотъ что онъ мнѣ пишетъ: «Хомякова о единствѣ церкви я пробовалъ много разъ прочитать и не имѣлъ терпѣнія дочитать. Уже послѣ многихъ пріемовъ наконецъ дочиталъ и не одною мыслию не могъ воспользоваться, хотя и повѣрилъ на слово Самарину, что это замѣчательная статья. Но ни Самаринъ, ни Хомяковъ не знаютъ догматовъ вѣры по церковному ученію. Они составляютъ свое Богословіе; и все, что не принадлежитъ къ ихъ теоріи, называютъ казенщиною, т.-е. слово крестное есть имъ безуміе по Апостолу. Имъ не нравится ясное, простое, положительное изложеніе ученія догматовъ, и любятъ забивать фразами туманными. Не читая Хомякова прежде я склонялся къ отзывамъ его партіи о немъ, а теперь скажу, что мало толку у него. Андрей Ник. Муравьевъ предъ нимъ великій писатель; хотя нѣтъ у него такого языка, какъ у Хомякова, но пишетъ ясно, просто и не городитъ отъ себя чепухи».

Вчера (16 числ.) спросилъ я Александра Вас. Горскаго: «читали ли Вы Хомякова?» — «Читалъ». — «Какое впечатлѣніе произвело чтеніе?» — «Ихъ православіе не то, какъ мы его знаемъ и понимаемъ. Вездѣ видно стремленіе, если не отвергнуть, то унижить значеніе іерархіи. Видно теплое чувство, теплое сердце, но также видно, что человѣкъ имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о догматахъ Православной церкви. Самаринъ человѣкъ умный и странно, какъ могъ онъ Хомякова назвать учителемъ церкви». Вотъ отзывъ ученаго изучившаго всю греческую и латинскую литературу церковную, и знакомаго со всѣми новѣйшими трудами по Богословію и церковной исторіи. На первый разъ и сихъ отзывовъ довольно. На дняхъ я разрѣшилъ къ печатанію рукопись Ставропольскаго губернатора Георгія Константиновича Властова подъ заглавіемъ: «Библия и наука», въ которой авторъ подъ днями творенія разумѣетъ геологическіе періоды, такъ и объясняетъ онъ первыя главы бытія. Главный предметъ рукописи объясненіе 10-ти съ половиною первыхъ главъ Бытія. Едва пропустилъ я эту рукопись, какъ изъ Свят. Синода, руководимаго мудрымъ Д. А., полученъ указъ въ постановленіи намъ на видъ незаконнаго будто дѣла—разрѣшенія въ печать объясненій на первыя 23 главы Исаіи преосвященнаго Петра,

нынѣ настоятеля Новаго Іерусалима: зачѣмъ безъ Синода? А Св. Синодъ не взыскиваетъ, зачѣмъ безъ него пропускаютъ безбожныя книги.

Ждемъ мы извѣстій изъ Питера о нашемъ Святителѣ; собирался о многомъ говорить; противъ многого воевать. Сдержитъ ли слово? и если сдержитъ, то будетъ ли имѣть успѣхъ? Недостатокъ коллегіальныхъ управленій тотъ, что трудно устроить единодушное согласіе членовъ. Ловкій человекъ всегда сѣмъется подбитыся къ нѣкоторымъ членамъ и пользуясь безхарактерностью однихъ, честолюбіемъ и своекорыстіемъ другого привлечь на свою сторону и тѣмъ парализовать дѣятельность прочихъ членовъ. Болѣе недѣли изнемогалъ я отъ начавшагося воспаления легкихъ; теперь нѣсколько полегче, и во время этой немощи порождающей различныя прихоти вспомнилъ и о томъ, что варенья Вашего можетъ быть вкусилъ бы съ охотою, чѣмъ того, которое есть у меня.

Праздники безъ крайней нужды конечно не двинуть изъ академіи, и въ самой Лаврѣ кромѣ храмовъ Божіихъ едва ли выйду куда либо.

Если не случится еще написать, то примите мой привѣтъ съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христова и съ Новымъ Годомъ. У западныхъ Рождество настало, близко и Новый Годъ.

Преданныйшій Вамъ П. Казанскій.

1868 г., декабря 18 дня.

20.

Усерднѣйше благодарю добрая Александра Николаевна, за варенье, полученное мною въ цѣлости 22 числа. Для меня утѣшительно было вниманіе къ желанію немощи моей, которая большею частью утѣшается не тѣмъ, что получаетъ, а именно тѣмъ, что желаніе исполняется.

Въ газетахъ Вы вѣроятно обратили вниманіе на рѣшеніе Синода воспрещающее земству и попечительствамъ предъявлять претензіи на церковныя деньги. Былъ подобный случай столкновенія съ земствомъ и у Костромскаго архіерея столь сильно, что дѣло доходило до Синода и Министра внутреннихъ дѣлъ. По поводу статей Самарина что-то писалъ я Вамъ и о попечительствахъ, но не помню, объяснилъ ли Вамъ, почему православные пастыри не могутъ сочувствовать имъ. Но если и писалъ, то опять повторяю.

Попечительства приходскія, равно какъ и статьи Самарина о приходѣ взяты изъ протестанства. Подъ вліяніемъ сравнительно болѣе либеральныхъ политическихъ формъ въ Германіи выработалась новая теорія крайняго демократизма въ отношеніи къ церковному устройству, теорія, которая подъ пред-

логомъ преобразованія церкви по такъ называемому, началу прихода (Gemeinde-Princip) ведетъ къ самому опасному смѣшенію церкви съ государствомъ. Эта теорія, обязанная своимъ происхожденіемъ богословамъ Шенкелю и Роте (не-православнымъ и въ протестанствѣ и образованному ими протестанскому союзу основывается на ложномъ началѣ, что всѣ граждане принадлежатъ къ извѣстному приходу, какъ христіане, уже по этому самому призваны къ дѣятельному участию въ дѣлахъ церкви. Какъ всѣ члены государства имѣютъ право на участіе въ дѣлахъ государства какъ его граждане, точно также и всѣ члены христіанскаго общества имѣютъ право на участіе въ дѣлахъ церкви съ силу догмата всеобщаго священства. И такъ церковь и государство совершенно отождествляются и сливаются; церковь является однимъ изъ государственныхъ учрежденій и нѣтъ никакого основанія сохранять особыя учрежденія для дѣлъ гражданскихъ и для дѣлъ церковныхъ такъ какъ онѣ сливаются и могутъ состоять въ вѣдѣніи однихъ и тѣхъ же депутатовъ. Вотъ послѣдній выводъ этой теоріи, котораго ужасаются и сами протестанты, но который естественно выводится изъ протестанскаго ученія о всеобщемъ священствѣ. Сознательно ли у насъ проповѣдующіе эту исторію дѣйствуютъ — не знаю. Но несомнѣнно, что есть, можетъ быть, прикрытые дѣятели, которые наше Панургово стадо наталкиваютъ на эту теорію, пролагая тѣмъ путь протестантизму. Посудите, какъ трудно бываетъ высшему духовенству видящему и понимающему вредъ многихъ дѣйствій и неимѣющему силы остановить ихъ? Это одна изъ тысячи козней врага. Кто изъ благонамѣренныхъ не будетъ сочувствовать также словамъ Петрова объ Алтайской Миссіи, напечатаннымъ въ Современной Лѣтописи 22-го Декабря? Съ немалымъ опасеніемъ мы смотримъ и на преобразованія по нашимъ учебнымъ заведеніямъ. Время явить вредъ ихъ; теперь трудно опредѣлить, что изъ этого выйдетъ, а добра нѣтъ основанія ожидать. Но воплотившійся ради нашего спасенія Сынъ Божій, Слово и Премудрость Отчая, да устроитъ все во благо, и тамъ, гдѣ силы и умъ человѣка безсильны устроить доброе, все недоброе да исправитъ къ благу.

Привѣтствую Васъ еще съ этимъ святымъ празднествомъ миръ и благоволеніе Божіе принесшимъ за землю.

Преданныйшій Вамъ П. Казанскій.

Декабря 24 1868 г. 1).

1) Незадолго до этого письма А. Н. Бахметева писала (17 ноября):

«Добрѣйшій Петръ Симоновичъ, съ величайшимъ удовольствіемъ прочла статью Цвѣткова, пора было поднять голосъ противъ безобразія, до котораго дошло наше школьное дѣло, но недостаточно было критиковать книгу Корфа, такой же критикѣ должно быть подвергнуто и руководство Ушинскаго, которое составляетъ еще болѣе, чѣмъ книга Корфа, Евангеліе современныхъ педагоговъ. Впрочемъ, хуже книги Ушинскаго употребленіе, которое изъ нея дѣлаютъ; она составлена, чтобы служить одною изъ книгъ для дѣтскаго чтенія, а ее сдѣлали единственною книгою, и

Соскучился я, добрая Александра Николаевна, что такъ давно не имѣю отъ Васъ извѣстія. Я ждалъ продолженія Вашего труда по Вашему слову. Не немощь ли Васъ удерживаетъ? Да сохранить Васъ Господь. Или выборы увлекли все вниманіе.

Здоровье мое сносно; въ Мартѣ назначаютъ меня отъ Академіи быть на Археологическомъ сѣздѣ,—это по сосѣдству съ Вами. Нужно хотя что-либо приготовить для сего.

А. В. Горскій поѣхалъ въ Петербургъ на юбилей тамошняго университета. Началъ онъ писать замѣчаніе на Хомякова. Планъ его былъ прослѣдить отдѣльно каждое сочиненіе. Но теперь думаетъ измѣнить его и изложить въ одной статьѣ мысли Хомякова противопоставивъ имъ православное ученіе и потомъ уже разобрать частности. Хомяковъ не высказывается прямо ни въ одномъ сочиненіи вполнѣ. Нужно собрать разсѣянные черты его ученія и тогда яснѣе будетъ его неправомысліе и неправославіе, замаскированное часто недомолвками.

Я особенно настаивалъ на необходимость подобнаго изложенія, иначе будутъ говорить, что Хомякова не поняли, что ему навязываютъ такія мысли, какихъ у него нѣтъ. Тогда дѣло яснѣе будетъ.

Спрашиваетъ меня Марья Ивановна Сенявина о Англійскомъ пасторѣ Малардѣ, который въ 1733 г. былъ присоединенъ къ православію Теофаномъ Прокоповичемъ—извѣстенъ ли былъ въ Англійи этотъ Малардъ? Что-то мнѣ вспоминается будто Вы писали мнѣ объ немъ.

Я знаю только это дѣло по письму Теофана къ Маларду и отвѣту Маларда заключающему исповѣданіе его вѣры на-

употребляютъ 12-ть часовъ въ недѣлю на чтеніе и разборъ вдоль и поперекъ статей, совершенно лишенныхъ содержанія. Вообще мнѣ кажется, что одинъ изъ признаковъ поверхности взгляда нашего общества, это то, что, оторвавшись отъ одной укоренившейся системы, оно непременно впадаетъ въ другую крайность; совершенно бросаетъ все хорошее въ прошедшемъ вмѣстѣ съ плохимъ и доводитъ новое до уродливости, до крайняго безобразія. Случалось мнѣ, зайдя въ школу, предлагать дѣтямъ нѣкоторые вопросы; преподаваніе въ ней велось хорошо; и я удивлялась тому, какъ дѣвочки лѣтъ 10-ти—12-ти толково и дѣльно отвѣчали на вопросы о правописаніи и грамматическихъ правилахъ, довольно сложныхъ. Предложишь самый легкій вопросъ, касающійся Закона Божія — дѣльнаго отвѣта не получишь ни отъ кого; а преподавательница или учитель, только махнутъ рукой: «Это не наше дѣло, дѣло священника». Такое пренебреженіе къ этому предмету не ускользаетъ отъ вниманія дѣтей и, какъ потомъ ни ставъ Закона Божія первымъ предметомъ въ программѣ, они поймутъ, гдѣ онъ стоитъ на самомъ дѣлѣ. Не страдаетъ ли весь нашъ нравственный бытъ тѣмъ, что вѣра и жизнь не составляютъ одного живаго цѣлага? Это двѣ области. Одна — дѣло еженежное, на которое устремлены всѣ силы и способности, а вѣра и церковь дѣло только воскресное — то-есть пустая официальная форма, что-то въ родѣ обязательной повинности, а не истинная жизнь души, не свѣтъ все озаряющій и все проникающій; и это печальное раздѣленіе начинается съ школьной скамьи. Тутъ эти двѣ области рѣзко разграничены и далеко не равны. Это ли христіанское воспитаніе! Какъ этому помочь—не знаю, но дѣло опасно и печально. Кто тутъ виноватъ? Собственно никто и всѣ.—Школа отражаетъ жизнь.

печатаннымъ на латинскомъ языкѣ въ 1744 г. въ Бреславлѣ. Изъ этихъ писемъ и изъ трехъ стихотвореній Маларда видно, что онъ прибылъ въ Петербургъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, прибылъ съ намѣреніемъ принять православіе, что воспріемниками его были Андрей Ивановичъ Ушаковъ и жена Петра Ивановича Мошкова, что присоединенъ онъ къ православію по приказанію или съ разрѣшенія императрицы Англии. Можно предположить, что онъ живъ былъ и въ 1744 г. при Елисаветѣ.

Не знаете ли Вы что либо болѣе сего о Малардѣ?

Письмо Маларда къ Теофану съ изложеніемъ причинъ побудившихъ его присоединиться къ православію конечно извѣстно сдѣлалось въ Англии, но было ли оно тамъ перепечатано не знаю.

Петру Владиміровичу свидѣтельствую свое усерднѣйшее почтеніе.

Преданныйшій Вамъ П. Казанскій.

1869 г., февраля 4 дня.

22.

Въ пятницу послалъ я Вамъ съ разрѣшеніемъ печатать Вашу книжку и картины.

Пользуюсь случаемъ, чтобы переслать Вамъ записанный мною разсказъ о Фотиніи. Хотѣлось бы писать и еще о многомъ, но страдаю невыносимой зубною болью вотъ около сутокъ; ночь не могъ уснуть ни на минутку.

Ив. Серг. сдѣлали уже предостереженіе—не умедлили. Прежде чѣмъ домогаться свободы иновѣрцамъ, нужно достигъ свободы своей православной церкви. А то всѣ секты пользуются большею свободою, чѣмъ православіе, ибо меньше зависятъ отъ правительства.

Консисторіи ругать и можно и должно. Но покойному Петербургскому Митрополиту Григорію Оберъ-прокуроръ предложилъ подумать о средствахъ увеличить жалованье консисторскимъ чинамъ. «Вы ихъ выдумали,—намъ они не нужны; вы и заботьтесь объ нихъ, вмѣстѣ съ своей Синодской Канцеляріей, которая также беретъ взятки, какъ и Консисторія, только по крупнѣ».

Пожелайте облегченіе моимъ немощамъ. Отъ сердца желаніе можетъ и подѣйствуетъ.

Преданный П. Казанскій.

1868 г. апрѣля, 19 дня.

23.

Христось Воскресе. Любезнѣйшая Александра Николаевна.

Мира и радости желаю Вамъ отъ Господа. Радость духовная, радость о Христѣ не чуждается и памятованія о

бренности и смертности человеческой. Вѣра, что еще живемъ, аще умираемъ Господни есмы—единить и жизнь и смерть въ одной мысли безсмертія во Христѣ.

Аксакова юнаго я не знаю. Слышалъ я, что онъ искалъ мѣста адъюнктъ-профессора въ Петербургской Академіи, и представилъ свое сочиненіе за которое за границу дали ему дипломъ доктора, но Конференція Академіи отдала предпочтеніе профессору Московской Семинаріи Каринскому представившему свой конспектъ психологіи и логики.—Являлся и Аксаковъ и его мать къ А. В. Горскому съ тою же мыслию, но у насъ нѣтъ свободной каѳедры. А. В. отдаетъ честь его познаніямъ, хотя особой зрѣлости въ сужденіяхъ и не видитъ, но въ надеждѣ развитія считаетъ его благонадежнымъ. Изъ Швейцарцевъ знаю я по переводу Навиля— «Вѣчная жизнь»—легко, но не далеко. Что Вамъ сказать о лекціяхъ А. В. Горскаго? Я слышалъ ихъ почти 30 лѣтъ назадъ тому. Какъ студенты мы не могли цѣнить тогда основательности ихъ, но его лекціи отличаются большею живостью, нежели печатанныя его сочиненія, гдѣ онъ исключаетъ всякій порывъ чувства и оставляетъ голый фактъ и сухое соображеніе. Одушевленное его чтеніемъ (онъ какъ говорятъ у насъ приходитъ въ паѳосъ) придаетъ еще жизни его чтеніямъ. Впослѣдствіи слыхалъ я, что многія лекціи его были увлекательны. Дѣйствительно, нужно сожалѣть, что онъ ихъ не печатаетъ. Есть отдѣлы, гдѣ онъ слѣдуетъ иностраннымъ пособіямъ, но большая часть совершенно самостоятельна и обработана. Въ наше время списки его лекцій ходили по рукамъ и ихъ не мало распространилось по Россіи. Достоинство этихъ лекцій узнаешь только тогда, когда основательно изучишь предметъ. Тутъ ясно становится значеніе cadaго выраженія. Лекціи А. В. имѣютъ еще то неоцѣненное достоинство, что сопровождаются ссылками на первые источники. Не на вѣру, не съ голоса другихъ, но по собственному изученію все сказано. Если принято въ основаніе чужое сочиненіе, то по убѣжденію, что оно вѣрно передаетъ первоначальные источники. Изъ нынѣшнихъ Германскихъ историковъ А. В. одобряетъ послѣднее изданіе Герике. Я даю значеніе этой похвалѣ то, что Герике сходится во многомъ, стало быть, съ результатами его изслѣдованій. Но не имѣю надежды, чтобы А. В. собрался и рѣшилъ напечатать свои лекціи. Мелочи администраціи поглощаютъ теперь при мнительности его все почти время, остающееся ему отъ чтенія книгъ. А онъ читаетъ кажется по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, и потому познанія его чрезвычайны и обширны. Для насъ и почти для cadaго онъ служитъ какъ бы справочнымъ лексикономъ. Къ сожалѣнію, чѣмъ обширнѣе становятся его познанія, тѣмъ, повидимому, увеличивается его недовѣріе къ себѣ. Оно-то и останавливаетъ и его самого и

чрезъ него другихъ въ печатаніи трудовъ. Журналъ нашъ остановился. Лексикона не собираемся издавать. А это очень жалко. Если бы онъ не былъ начальникомъ, то работалъ бы изъ послушанія, думая, что отвѣтственность лежитъ не на немъ, а теперь не рѣшается принять на себя отвѣтъ за дѣло, въ которомъ встрѣчаетъ неудовлетворительное, по его мнѣнію. Вы спрашивали о лекціяхъ, а я Богъ вѣсть, куда уклонился. Простите. Передайте мое Христось Воскресе Петру Владимировичу.

Преданный П. Казанскій.

1869 г., апрѣля 23 дня.

24.

Многоуважаемая и любезнѣйшая
Александра Николаевна.

Независящія отъ Васъ причины, надѣюсь, перестали ужъ удерживать Васъ въ Шиховѣ, и мои строки найдутъ Васъ въ Бѣлокаменной.

Что касается до отзыва Иванцова о Вашей исторіи, онъ мнѣ представляется не совсѣмъ справедливымъ ¹⁾. Вы говорите о ересяхъ, Вы говорите о соборахъ и ихъ опредѣленіяхъ— вотъ изложеніе ученія церкви. По объему Вашего сочиненія

¹⁾ Въ ноябрѣ 1869 года А. Н. писала Петру Симоновичу:

«Не знаю, какъ васъ и благодарить, добрѣйшій Петръ Симоновичъ. Будучи нездоровы и заняты вы все-таки съ такою заботливостію и такимъ участіемъ просмотрѣли мою книгу. Это доказательство дружбы, которое я глубоко цѣню. Владѣли ли вы въ «Православномъ Обзорѣніи» разборъ моихъ рассказовъ? Я очень благодарна за такой снисходительный взглядъ на мой трудъ, и могу только находить, что слишкомъ высоко ставится моя книга и потому отъ нея требуется болѣе, чѣмъ она можетъ дать. Священникъ Иванцовъ находитъ, что въ ней не съ достаточною полнотою раскрыта внутренняя сторона исторіи христіанской Церкви, то-есть ученія, и не объявлены ереси довольно подробно, но онъ замѣчаетъ это именно потому, что, по его словамъ, она сдѣлалась, руководствомъ не для однихъ дѣтей старшаго возраста, но и для взрослыхъ учениковъ. Этого обстоятельства я не имѣла въ виду и предназначала книгу именно для дѣтей. Очень благодарю васъ за замѣчанія, которыми воспользуюсь и за указаніе статей, которыя постараюсь достать.

«Мнѣ давно хотѣлось издать картины праздниковъ, я думаю что ихъ хорошо имѣть въ школахъ, какъ наглядное объясненіе событій праздника, и чтобы дѣти научились главнымъ молитвамъ употребляемымъ въ праздники, т.-е. тропарямъ и кондакамъ; а то я замѣтила, что многимъ они не извѣстны.

«На-дняхъ я читала статью Станлея о Филаретѣ. Хороши у нихъ свѣдѣнія! Вотъ, на-примѣръ, почему Филаретъ назначенъ былъ митрополитомъ:

«Однажды, будучи еще въ одной изъ второстепенныхъ епархій, онъ былъ приглашенъ обѣдать къ губернатору. За обѣдомъ губернаторъ и адъютанты его стали говорить о Священномъ Писаніи съ неуваженіемъ. Филаретъ молчалъ. Губернаторъ обратился къ нему и сказалъ: «Не имѣете ли вы чего сказать на это?»—«Я изучалъ Библию и знаю, что не слѣдуетъ метать бисеръ передъ свиніями»,—Губернаторъ разгнѣванный, ударилъ его въ лицо и сказалъ: «А на это что скажетъ Библия?»

«Если кто ударить тебя въ десную ланиту, подставь ему и другую, говорить «Священное Писаніе»,—отвѣчалъ Филаретъ; и затѣмъ, вставъ, подошелъ къ образу, висѣвшему на стѣнѣ, перекрестился и сталъ молиться: «За эти и за всѣ другія Твои милости, Господи, сдѣлай меня благодарнымъ». Послѣ этого онъ вышелъ изъ губернаторскаго дома. Слухъ объ этомъ событіи дошелъ до государя, который письменно просилъ объясненія у Филарета. Филаретъ отвѣчалъ, что онъ все забылъ и простилъ. Но государь узналъ всю правду, губернаторъ былъ отставленъ, а Филаретъ вскорѣ послѣ этого возведенъ въ санъ митрополита Московскаго. Не ручаясь за истину этого рассказа, Станлей считаетъ, что онъ въ высшей степени характеризуетъ какъ Россію, такъ и Филарета. Видно онъ думаетъ, что таковы у насъ обычаи. И вотъ какъ пишется исторія!»

и не было нужды пускаться далѣе. Въ самомъ требованіи этомъ есть закваска лютеранская. Оно возникаетъ изъ мысли, что ученіе христіанское образовалось постепенно. Но по православному оно дано въ Священномъ Писаніи и устной проповѣди Апостоловъ и только уясненіе того или другого догмата, точнѣйшее выраженіе его принадлежитъ времени, а не созданіе догмата. Можно знакомить съ писателями церкви но ихъ писанія не исчерпываютъ всего ученія церкви, а потому ими только опредѣляютъ въ данную эпоху ученіе церкви было бы несправедливо. Системъ вѣроученія тогда не писали, а касались отдѣльныхъ вопросовъ, вызываемые или обстоятельствами или личнымъ расположеніемъ. Теперь напр. много матеріалистовъ или атеистовъ и противъ нихъ пишутъ; что если въ позднѣйшія времена сдѣлаютъ заключеніе, что до нынѣшняго времени не была общею вѣра въ духовное, вѣра въ Бога, и только спорами, которые нынѣ ведутся, выработалась она. Таковы же заключенія отъ споровъ объ какомъ либо догматѣ къ тому, что его прежде не было.

Къ сожалѣнію въ замѣчаніи Станлея, что его выдуманный рассказъ характеризуетъ Россію, есть значительная доля правды. Рѣдко гдѣ Губернаторъ ладитъ съ Архіереемъ и вина ни чуть не въ Архіереяхъ. Архіереи не вмѣшиваются въ дѣла Губернатора, но какъ скоро не уступаютъ своихъ правъ Губернатору, то *плода* нѣтъ. Если не рукою, то дѣлами постоянно Губернаторы даютъ Архіереямъ пощечины. Нужно только почитать отвѣты Губернаторовъ на нѣкоторыя отношенія Архіереевъ. Однажды братъ мой сказалъ Губернатору послѣ полученія такой бумаги: «Неужели Вы думаете, что мы не можемъ отвѣчать такъ же? но мы считаетъ это не сообразнымъ съ нашимъ званіемъ и саномъ». — Фонъ-деръ-Паленъ продержалъ въ Ригѣ Филарета подъ арестомъ двѣ недѣли; Альбединскій готовился выпроводить съ жандармами Платона, подобно тому какъ перваго Рижскаго Архіерея съ жандармами выпроводили.

Кошунство позволяютъ себя Губернаторы и ихъ подчиненные и публично и частно—это фактъ общеизвѣстный. Въ храмъ Божій являясь къ концу службы говорятъ громко, смѣются, стоятъ задомъ къ образамъ. Разъ братъ долженъ былъ Прокурору Губерн. сказать: Ваша обязанность наблюдать, чтобы другіе соблюдали законы, а Вы своимъ поведеніемъ въ церкви подаете примѣръ соблазна другимъ. Это въ присутствіи Губернатора, который дурно стоялъ. Въ Каменецъ-Подольскѣ мой дядя Кириллъ вынужденъ былъ разъ выслать протодіакона къ Губернатору сказать ему, чтобы онъ или замолчалъ, или вышелъ вонъ изъ церкви.

Никакая школа не въ состояніи воспитать хорошаго священника. Человѣкъ ужъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ знаніемъ

людей и съ твердою волею можетъ сознательно принять на себя обязанность священника. Добрые порывы, святая желанія и мечты ничуть не залого надежнаго прохожденія священнической должности. Долгимъ опытомъ вижу, что и въ монашество поступаютъ обыкновенно въ началѣ по горячему влеченію къ благочестивой жизни, а послѣ сбиваются съ пути. У священниковъ нашихъ безспорно однимъ изъ препятствій къ ихъ пастырской дѣятельности есть семейная жизнь. Она отвлекаетъ его отъ заботъ о паствѣ. Это чувствовалъ и покойный святитель, который примѣромъ А. В. Горскаго хотѣлъ проложить путь для людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ къ безсемейному священству.

Напрасно указываютъ на примѣры западнаго духовенства, будто оно болѣе имѣетъ вліянія и болѣе дѣятельно. Нравственность и духовное образованіе народа и въ католичествѣ и въ протестанствѣ въ жалкомъ видѣ. Духовенство тамъ вмѣшивается въ жизнь общественную и политическую и чрезъ это вліяніе его представляется значительнымъ. Но нравственно-религіозное его вліяніе т. е. истинно христіанское ничтожно. Въ самомъ центрѣ католичества въ Римѣ и Италіи одинъ обрядъ имѣетъ цѣну; во Франціи въ народѣ нѣтъ ни вѣры ни нравственности христіанской. Что касается до протестанства, то храмовъ почти совсѣмъ не посѣщаетъ народъ. Нашъ товарищъ Хупотскій ¹⁾ прожившій два года въ Германіи на квартирѣ противъ входа въ кирку пораженъ былъ отсутствіемъ простого народа въ храмѣ; читалъ я повѣсть одного продавца Библии, какъ онъ нигдѣ не могъ покупщика найти для своего товара.

Все это знаютъ наши пастыри и совѣтуютъ пока поддерживать то, что есть въ народѣ возводя мало по малу его къ уразумѣнію смысла обряда. Но на Западѣ свободно сѣзжаются, совѣщаются и католическіе пастыри и протестанскіе, у насъ пастыри лишены этого права. Покойный святитель въ письмѣ къ Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ не даромъ указывалъ на то, что раскольники могутъ собирать соборы,—Правительство знаетъ и молчитъ, а мы этого права не имѣемъ. Одинокій связанный по рукамъ и по ногамъ не имѣющій права отставить недостойнаго священника или перевести съ мѣста на мѣсто, Архіерей остается зрителемъ безпорядковъ. Тамъ есть Питерь, есть секретари въ Синодѣ, они перевершаютъ всякое дѣло и за непризнаніе мудрымъ и справедливымъ ихъ рѣшенія угрожаютъ напр. Екатеринославскому отставкою безъ пенсіи. При такихъ порядкахъ,—пишетъ онъ ²⁾

¹⁾ Петръ Макаровичъ, бакал. въ Академіи въ 1860—1865 гг.

²⁾ Алексѣй (Новоселовъ), занималъ Екатеринославскую кафедру съ 1868 г. до 1871 года, въ которомъ назначенъ былъ членомъ Моск. Синод. конторы; умеръ въ 1880 г.

въ Синодъ,—я не могу служить, прошу уволить. Ему отвѣчаютъ: нѣтъ ты объяви, что порядки прекрасны, распоряженія мудры, и тогда дадимъ тебѣ при отставкѣ пенсію, а то умирай съ голоду или запремъ въ казематъ. Екатеринославскій объявилъ готовность умереть съ голоду, но не изъявилъ готовности назвать питерскія рѣшенія премудрыми и прекрасными. Чѣмъ дѣло кончится не знаю.

Митрополитъ Филаретъ, повидимому, всегда былъ мужъ мѣры. Вспыльчивый не рѣдко, какъ знавалъ и я его и испытывалъ на себѣ, онъ въ дѣлѣ всегда сдерживался и былъ мягче словъ. Чувство долго глубоко въ немъ укрѣпленное господствовало надъ всѣмъ, надъ порывами его духа, надъ его дѣятельностью. Онъ всегда дѣйствовалъ умѣренно. Передъ настойчивыми онъ уступалъ, уважалъ силу характера. Можетъ быть отъ вспыльчивости своей онъ не можетъ быть названъ человѣкомъ твердаго характера въ дѣятельности. Одни нравственные принципы были неизмѣнны; въ нихъ онъ не дѣлалъ уступки. Глубоко признательный къ тому, кто сдѣлалъ что доброе для него или выказалъ передъ ними хорошія стороны характера, онъ легко становился подъ зависимость такихъ людей, довѣрялъ имъ и смотрѣлъ даже на нѣкоторыя дѣйствія ихъ съ доброй точки зрѣнія. Лжи онъ не зналъ, и въ людяхъ рѣдко видѣлъ ее. Что онъ превосходно владѣлъ словомъ русскимъ, это всякій признаетъ. Игривая мысль его находила всегда себѣ соотвѣтствующее выраженіе.

Матеріаловъ для его жизни и характеристики откроется конечно еще много. Многого еще неудобно печатать.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностью есмь

1869 г., ноября 29 дня.

П. Казанскій.

25.

Какъ участвующей въ сборѣ на Рижскія церкви посылаю Вамъ на эти церкви доставленныя мнѣ изъ редакціи «Москвы» по расчету два рубля серебромъ. Внесите ихъ въ число пожертвованій отъ неизвѣстнаго. Если бы Иванъ Сергѣевичъ прежде объяснилъ о намѣреніи эти деньги обратить на благотвореніе, то думаю всѣ поспѣшили бы заявить согласіе.

Слѣдите ли Вы за духовными журналами? Если бы желающіе знакомиться съ православіемъ читали и кромѣ одной какой либо догматики статьи по разнымъ вопросамъ вѣры, то нашли бы много себѣ пищи. Никакая догматика намѣренно не закрываетъ вопросовъ. Такъ можетъ казаться только потому, что рѣшеніе не подходитъ подъ извѣстный взглядъ. Тутъ и затемненіе находятъ. И много ли у насъ людей мыслящихъ о религіи изъ Вашего общества? Пересчитайте мнѣ. Знаю, что всѣ могутъ поболтать какъ обо всемъ, такъ и о предметахъ вѣры, но это не мысль. Своимъ опытомъ Вы узнали и

узнаете, что знать область богословскихъ историческихъ истинъ дѣло не легкое, но требующее труда и занятій. Съ Вами вкусившими отъ этого познанія можно разсуждать о семь.

Скажите мнѣ вопросъ изъ области Вѣры, на который бы не нашлось отвѣта въ нашей Церковной Литературѣ. Я Вамъ буду указывать на готовыя статьи. Вотъ хоть бы объ армянахъ: прочтите указанную мной статью и Вы получите опредѣленное понятіе. Макарій полѣнился исправить у себя допущенное въ первомъ изданіи и ссылается на изданія начала XVIII в., когда по этому предмету много новыхъ изслѣдованій. Армяне съ своей стороны много видали на русскомъ сочиненій по сему предмету.

Какой еще свободы хотите? У насъ открыто въ печати проповѣдуется безбожіе, матеріализмъ, отвергается христіанство. Частные вопросы христіанскаго ученія конечно не интересуютъ нападающихъ и они требуютъ подготовки. Оттого и не говорится объ нихъ. Почему, Вы спрашиваете, не пишутъ противъ Хомякова? 1) Считаютъ его менѣ вреднымъ, чѣмъ безбожниковъ, противъ которыхъ ратуютъ. 2) Его сочиненія отнюдь не считаютъ замѣчательными въ богословскомъ отношеніи. Имѣя передъ глазами западныхъ богослововъ, съ нимъ считаются и борются. Вотъ напримѣръ въ виду предстоящаго на западѣ вселенскаго собора печатается теперь въ «Чтеніяхъ общества» исторія послѣдняго ихъ вселенскаго собора Тридентскаго, написанная Павломъ Ивановичемъ Горскимъ. Исторія Флорентійскаго Собора, у насъ составленная по поводу обращенія Пія IX къ Восточной Церкви, переведена на англійскій языкъ. Зибель въ своемъ журналѣ исторіи удостоилъ это сочиненіе почетнаго отзыва. А Хомяковъ, изъ отвѣтнаго посланія Восточныхъ Патріарховъ взявшій одно выраженіе и не упомянулъ объ Исторіи Флорентійскаго Собора, гдѣ разобраны всѣ пункты спорные между Восточною и Западною Церковію. Истинно очи имуть и не узрятъ, уши имуть и не услышатъ. Вольно же закрыть глаза и кричать: темно, ничего не видать!

Вступивъ въ сношеніе съ духовными, Вы конечно могли убѣдиться, что они не такіе невѣжды, чтобы не понимали ни ученія своей церкви, ни современныхъ вопросовъ. А если другіе не находятъ отвѣта себѣ, то можетъ быть припоминается заповѣдь Спасителя: не мечите бисера. Охотно говорится о вѣрѣ съ тѣмъ, кто дорожить ею, но признаюсь для празднаго словопренія и у меня не пошевелится языкъ. Сердце говоритъ само о томъ, ищетъ ли спрашивающій истины или просто отъ праздности и любви къ словопренію дѣлаетъ вопросы.— Жестоко, скажете Вы, слово сіе. Кто можетъ послушати его? Но наболѣло сердце. Откройте мнѣ сердце, ищущее Бога

ищущее истины,—я готовъ до изнеможенія вести бесѣду, готовъ раздѣлить и познанія пріобрѣтенныя путемъ науки, и опыты добытыя страданіями и искушеніями цѣлой жизни. Но чѣмъ священнѣе для меня эти истины, эти опыты, тѣмъ менѣе я соглашусь выставить ихъ на показъ толпѣ зѣвакъ, которые съ самодовольствомъ, свойственнымъ невѣжеству, готовы отвѣтить на это мало того, равнодушіемъ, но пошлымъ сарказмомъ, чтобы заслужить столь мѣткое для нихъ титуло *esprit fort* Вамъ дано есть вѣдѣти царствіе Божіе, онѣмъ же въ притчахъ. Утаилъ Господь тайны Царствія Своего отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего, но открылъ ихъ младенцемъ вѣрою. Сердцемъ вѣруется, въ правду. Ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою! Споры и тонкости догматическіе не обратятъ никого на путь спасенія и познанія Христа, Вѣчнаго Слова Живаго Бога. Онъ есть путь, истина и жизнь. Кто хочетъ узнать Его ученіе, тотъ пусть творить Его волю.

Но простите христіански за все мое многорѣчіе.

Преданный П. Казанскій.

1869 г.

26.

Возлюбленѣйшая Александра Николаевна. Вы, вѣроятно, не «Христіанскаго Чтенія», но «Православнаго Обзорѣнія» разумѣли статью о Хомяковѣ, когда спрашивали меня, читалъ ли я? Послѣднюю читалъ, но во второй книгѣ «Христіанскаго Чтенія» помѣщена статья Барсова о новомъ методѣ богословія и тутъ о Хомяковѣ—этой я не читалъ.

Что касается до «Православнаго Обзорѣнія», то статья Иванцова не смотря на личную его преданность Хомякову, Аксакову и Самарину, осуждаетъ послѣднихъ двухъ за отзывъ о сочиненіяхъ Хомякова, для которыхъ считаетъ нужнымъ комментарий, и въ которомъ находитъ парадоксы. И я согласенъ, что съ таковымъ можно натянуть добрый смыслъ во многомъ у Хомякова; ибо у него заблуждался разумъ, а не сердце, которое и среди его еретичества оставалось православнымъ.

Передовая статья въ «Православномъ Обзорѣніи»—«Религіозный вопросъ» написана Г. П. Смирновымъ. Будучи бакалавромъ у насъ въ академіи онъ зачитался Шеллинга и помѣшался на миеологическомъ процессѣ, и сдѣлался предметомъ насмѣшекъ. Можетъ быть отчасти и поэтому ушелъ отъ насъ въ наставники Московской семинаріи. Я думалъ, онъ отрезвится отъ своего чада, а выходитъ, что нѣтъ. Шеллингъ забилъ голову и Хомякова. Это дѣтки одного отца.

Отъ статьи Барсова путнаго мало жду; тоже не ясная голова, а главное — малодушное угожденіе предъ молвою возносящей Хомякова. Опасеніе, что назовуть педантомъ, схоластикомъ и не понимающимъ богословія, людей безъ зрѣлой собственной мысли, безъ твердыхъ знаній и убѣжденій заставляетъ преклоняться предъ воздвигаемыми вновь кумирами.

Утѣшайтесь тѣмъ, что если я поклонялся кумирамъ, то только тогда, когда они сокрушены уже и затоптаны толпою въ грязь. Тогда рождалось чувство увлеченія къ нимъ, ибо кумиръ разбитый все таки кумиръ, что нибудь да было въ немъ достойнаго поклоненія.

Вопросъ не въ томъ: крестили ли въ Испаніи въ одно погруженіе или нѣтъ, а одобряла Церковь вселенская этотъ обычай или нѣтъ. Испанцы придумали и ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына для опроверженія аріанъ или адопціанистовъ, какъ они назывались в послѣдствіи. На Западѣ пожалуй приняли это ученіе, но Вселенская церковь его не одобрила.

1869 г.

Преданный Вамъ П. Казанскій.

Листокъ съ объявленіями посылаю Вамъ разрѣшенный въ печать. Но потрудитесь перечитать его. Переписывая для цензуры, не мѣшало бы имѣть въ виду, чтобы надобно оставить мѣстечко, гдѣ бы подписаться цензору и приложить одобреніе.

О. ректоръ еще не воротился изъ Питера. При его мнительности едва ли станетъ онъ печатать свою статью о Хомяковѣ, когда явились другіе пишущіе.

27.

Привѣтствую Васъ съ Свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова; съ вѣрой пастырей и съ мудростію волхвовъ поклоняясь воплотившему Богу-Слову, нося въ душѣ миръ, и упоая на Божіе благоволеніе, Вы радостно да воспѣваете «слава въ вышнихъ Богу»!

Привѣтствую и съ наступающимъ Новымъ Годомъ. Среди непрерывной смѣны времени дней и годовъ да будетъ неизмѣнна съ Вами милость Вѣчнаго неизмѣняемаго Бога.

Дивиться нечему, если православные не знаютъ въ чемъ православіе? Протестанты не знаютъ, въ чемъ протестантизмъ; что ни ученый, то своя вѣра, что ни лютеранинъ, то своя секта. Даже католицизмъ и тотъ видно не знаетъ, въ чемъ состоитъ. Только на Тридентскомъ Соборѣ признано канонически главенство; недавно созданъ новый догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы. Теперь идутъ толки о догматѣ непогрѣшимости папы. Видно, что многіе не хотятъ такого догмата, а возьмите любое догматическое богословіе католиковъ, во всякомъ излагается догматъ о непогрѣшимости папъ. Стало быть учили тому, чему не вѣровали. И такъ у протестантовъ и католиковъ не

знають, что составляет догматъ ихъ вѣры. Но у насъ споръ идетъ не о самыхъ догматахъ, но объ личномъ отношеніи ихъ. Какъ скоро разумъ человѣческой соприкасается къ Божественному откровенію, всегда будутъ недоумѣнія и преткновенія. Это и необходимо съ одной стороны по свойству истинъ Божественныхъ, съ другой для самаго блага человѣка, для его развитія, для его упражненія. Если бы Божественную истину могъ вполнѣ понять и уразумѣть человѣческой умъ, то сдѣлавшись равнымъ Богу, онъ остановился бы въ своемъ стремленіи къ совершенству. Глубина Божества будетъ неизмѣрима для человѣка и тогда, когда онъ увидитъ Бога, какъ говоритъ Апостоль, лицомъ къ лицу. Вѣчное стремленіе къ знанію есть залогъ и блаженства и совершенства человѣка. Здѣсь знаніе смѣшивается съ заблужденіемъ, но тамъ будетъ у него одна ограниченность безъ заблужденій, постоянно расширяемая.

Хорошо, если бы Вы взялись написать дѣтскую книжку въ православномъ духѣ,—слѣдя за тѣмъ какъ церковь дѣйствуетъ на дитя и воспитываетъ его въ знаніи Вѣры. Дѣтей водятъ въ церкви, дѣти видятъ богослуженіе въ различныхъ его формахъ, дѣти причащаются, дѣтей приучаютъ къ молитвѣ, у дѣтей есть иконы, есть кресты на шеѣ, они празднуютъ день именинъ своихъ. Къ этимъ то особенно дѣйствующимъ на дѣтей предметамъ и можно прибавить краткія объясненія. Жизнь духовно-религіозная въ истинномъ своемъ развитіи идетъ по моему мнѣнію вотъ какимъ путемъ: Сначала чувство религіозное прилѣпляется къ внѣшности;—это зависитъ отъ свойства дѣтскаго и юношескаго чувства. Это пора горячаго уваженія къ обряду, постами, внѣшнимъ подвигамъ. Когда это чувство углубится, является мистическое направленіе,—внѣшнее теряетъ свое значеніе, сердце стремится къ духовной чистотѣ, умъ ищетъ созерцаній, воля высшихъ подвиговъ добра. Если и этотъ путь пройденъ безъ преткновенія, то наступаетъ пора равновѣсія внѣшняго и внутренняго Богопочтенія. Церковность съ ея формами является уже не какъ нѣчто внѣшнее, но какъ естественное облаченіе и выраженіе духовнаго благочестія. Впрочемъ я не считаю безопаснымъ въ дѣтствѣ развивать особенно сильно религіозное чувство; именно потому, что тутъ не истинное религіозное чувство развивается, но фантазія и чувствительность естественная, которыя большею частью увлекаютъ того, у кого они очень развиты, въ ложный путь, въ чувственность.

Простите, что это письмо вышло вродѣ какой-то проповѣди. Пришелъ отъ праздничной всенощной и сталъ писать Вамъ и мысли близки къ проповѣди.

П. Казанскій.

28.

Духовное начальство озабочено пріисканіемъ челоуѣка въ епископы въ Санъ-Франциско. Потребовали послужные списки отъ насъ архимандрита Іоанна¹⁾ который при Васѣ служилъ обѣдню въ нашей церкви, изъ Виѳаніи тамошняго Инспектора Кирилла²⁾, изъ Москвы смотрителей училищъ Заиконоспасскаго и Донскаго и еще кого-то. Всѣ эти лица по моему убѣжденію совершенно не способны для мѣста, на которое ихъ предполагаютъ назначить. Постъ епископа въ Санъ-Франциско болѣе дипломатическій, чѣмъ пастырскій, и представитель тамъ нашей церкви долженъ обладать, если не ученостію, то свѣтскою ловкостію и развязностію, чего никто не имѣетъ изъ сихъ лицъ. Мнѣ кажется, Леонида Ново-Іерусалимскаго архимандрита лучше бы послать туда. На содержаніе архіерея съ его свитою назначается 12000 рублей. При дороговизнѣ жизни въ Санъ-Франциско челоуѣкамъ 12-ти содержаться на эти деньги очень не легко.

Иванъ Николаевичъ Рождественскій³⁾ и отъ насъ профессоръ каноническаго права Лавровъ отправились въ Питеръ устроить новое судоустройство и судопроизводство духовное. Кажется за образецъ хотятъ взять Сербское, описаніе котораго напечатано отъ Общества любителей Духовнаго просвѣщенія, но въ свѣтъ еще не вышло. Списокъ привезъ Іаковъ⁴⁾ изъ Питера, и я разрѣшилъ его къ печатанію.

Чѣмъ кончились разсужденія по духовной цензурѣ не знаю. Отъ Лаврова можетъ быть получимъ извѣстіе.

Нашъ профессоръ Субботинъ вмѣстѣ съ Павломъ Прусскимъ отправился въ Суздаль присоединять къ единовѣрію одного раскольничьяго архіерея и двухъ убѣждать присоединяться. Въ Евѣимьевомъ монастырѣ трое архіереевъ содержатся. Іаковъ конечно радъ этимъ гостямъ, ибо на него возложены дѣла по расколу и совѣтами ихъ онъ можетъ воспользоваться. Іаковъ началъ уже образовывать нѣчто въ родѣ братствъ для борьбы съ расколомъ. Братъ мой Костромской Владыка думаетъ съ Миссіонерскимъ обществомъ соединить и миссію противъ раскола. Это кажется мнѣ благоразумно и и практично. Миссіонерское общество не будетъ только сборною кружкою, какою оно предназначается быть въ губернскихъ городахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имѣть и предметъ своей дѣятельности близкій для самой мѣстности.

Астраханскій⁵⁾ и Енисейскій архіереи⁶⁾ уволены, и въ Красноярскъ назначенъ бывший Викарій Иннокентія на Алеутскихъ островахъ Павелъ.

1) Митропольскій, умеръ на покоѣ епископомъ.

2) Орловъ, умеръ епископомъ.

3) Московскій протоіерей.

4) Кротковъ, архим. Данилова монастыря.

5) Аеанасій Дроздовъ, ум. на покоѣ въ 1876 г.

6) Никодимъ Казанцевъ; умеръ на покоѣ въ 1874 г.

Вотъ Вамъ духовныя новости, которыя близки Вашему сердцу.

Увѣдомьте меня, когда соберетесь въ деревню. Христосъ съ Вами.

Преданныйшій П. Казанскій.

Апрѣля 28 дня 1870 г.

29.

Баккалавръ отъ насъ архим. Іоаннъ назначается епископомъ въ Санъ-Франциско; будетъ именоваться кажется Курильскимъ и Алеутскимъ и сначала поѣдетъ въ Нью-Йоркъ, а оттуда въ Санъ-Франциско. Человѣкъ конечно нисколько не приготовленный къ сему служенію, только восемь лѣтъ, какъ кончилъ курсъ Академіи.

Въ Комитетѣ по преобразованію судоустройства и судопроизводства, разсуждающемъ теперь въ Питерѣ подъ предсѣдательствомъ Макарія Виленскаго, идетъ разладъ, что предчувствовалъ Макарій по причинѣ множества членовъ—до 18 человѣкъ. Профессоръ каноническаго права въ нашей Академіи Лавровъ когда представилъ имъ записку въ защиту архіерейской власти получилъ прозваніе обскурантиссимумъ. Есть намѣреніе отдѣлить административную власть отъ судебной, оставивъ у архіереевъ только администрацію. Последнее засѣданіе на сей недѣлѣ. 2-го іюня оберъ-прокуроръ уѣзжаетъ въ свою деревню.

Жалованье епископу въ Санъ-Франциско 6000 рублей и на все ассигнуется 38000 рублей.

Бьерингъ отслужилъ нѣмецкую обѣдню, но приготовить къ обѣднѣ не почему; никакихъ молитвъ и никакихъ службъ нашихъ не переведено на нѣмецкій языкъ, а Греческаго онъ, кажется не знаетъ, также какъ и Славянскій.

Побесѣдовалъ бы, но нужно писать еще нѣсколько писемъ.

Преданный П. Казанскій.

Мая 27 1870 года.

30.

Добрый другъ, Александра Николаевна. Замедлилъ я отвѣтомъ Вамъ частью по причинѣ экзаменовъ по моему предмету, частью потому, что не имѣлъ изъ Москвы опредѣленныхъ извѣстій. Теперь мои экзамены кончились; осталась за мною обязанность присутствовать депутатомъ на двухъ экзаменахъ и потомъ въ засѣданіяхъ по случаю готовящагося преобразованія Академіи о чемъ полученъ Указъ Синода. Есть еще задачи студентовъ, которыя нужно прочитать.

Дурная погода не дала возможности и доселѣ подышать воздухомъ, впрочемъ и дѣла теперь не мало. Къ Троицыну дню готовилъ проповѣдь, которую и говорилъ при служеніи Митро-

полита пробывшаго въ лаврѣ съ вечера пятницы предѣ Троицынымъ днемъ до вторника. Во вторникъ т. е. на другой день Духова дня былъ митрополитъ у насъ на экзаменахъ, въ одномъ отдѣленіи просидѣлъ часъ, въ другомъ съ полчаса и здѣсь только сказалъ нѣсколько словъ, потомъ осматривалъ церковь которая ему понравилась и тѣ комнаты, которыя предполагается передѣлать по случаю преобразования Академіи. Въ дѣлѣ построекъ обнаружилъ свои свѣдѣнія. Во вторникъ во второмъ часу дня онъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ Леонидомъ, пріѣхавшимъ въ понедѣльникъ вечеромъ для совѣщанія съ Митрополитомъ и намѣстникомъ о раздѣлѣ денегъ наслѣдниками покойнаго Митрополита. Намѣстникъ къ боли ногъ захватилъ еще лихорадку; съ трудомъ отслужилъ въ Троицынъ день, и даже не былъ послѣ обѣдни у Митрополита, ни за трапезой, но теперь поправляется. Генераль-Губернаторъ былъ и у обѣдни и за трапезой, гдѣ ему возглашали послѣ митрополита многолѣтіе.

Въ Комиссіи по преобразованію судоустройства и судопроизводства духовнаго, по выраженію предсѣдателя Макарія, было два замѣчательныхъ засѣданія—въ одномъ нашъ профессоръ Лавровъ читалъ записку о необходимости по требованію, правилъ церковныхъ сохранить за епископами судебную власть, въ другомъ кто то изъ свѣтскихъ читалъ въ противоположномъ смыслѣ записку, оговоривъ на-передъ, что каноники онъ не знаетъ и не имѣетъ ея въ виду, а излагается дѣло такъ, какъ можно сдѣлать лучше. Предсѣдатель рѣшается отстаивать права епископовъ на судъ. Преосв. Филоеѣй давно съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на приложеніе уставовъ гражданскихъ къ церковному суду, и не согласился съ нововводителями, и дѣло кончилось ничѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разъ поколебать авторитетъ вселенскихъ соборовъ, для церкви православной не остается твердой опоры, и она пойдетъ по пути лютеранства. Лютеране бѣгутъ къ намъ, а мы усиливаемся толкаться въ лютеранство. Въ засѣданіяхъ по преобразованію церковнаго суда священники горячѣе говорили противъ епископской власти.

Преданный П. Казанскій.

Іюня 9 1870 г.

Добрый другъ Александра Николаевна. Я отослалъ уже Вамъ съ разрѣшеніемъ печатать рассказы о земной жизни Спасителя и тетрадку. Завтра у насъ первое засѣданіе по преобразованію Академіи. На экзамень по догматическому Богословію пріѣхалъ по назначенію Митрополита пр. Игнатій. Вчера и нынѣ онъ на экзаменахъ. Нынѣшнимъ днемъ кончится у насъ ученіе. Долго ли продержатъ здѣсь дѣла, не знаю. Придется мнѣ

быть, что по университетски называется, Деканомъ историческаго факультета, а по нашему помощникомъ ректора по сему предмету. Деканы суть и члены правленія, которые заведуютъ текущими дѣлами по хозяйственной части.

Дѣло о назначеніи епископа въ Санъ-Франциско еще не подвинулось. Синодъ еще 13-го Мая опредѣлилъ: архим. Иоанна представить первымъ кандидатомъ. Оставалось представить на утвержденіе Государя. Но теперь привезли слухи, что явились колебанія и Государыня интересующаяся симъ дѣломъ, будто желаетъ, чтобы выборъ палъ на нѣкоего іеромонаха Никифора ¹⁾.

Посвященіемъ Біеринга поторопились; по канонамъ у священника должна быть жена и дѣти православныя; но у Біеринга, чуть ли не на другой женѣ женатаго, жена иновѣрка, хотя онъ и далъ подписку, что его семейство присоединится къ православію, но все же этотъ актъ долженъ былъ предшествовать его посвященію.

Во Владимірской консисторіи дѣло идетъ о разводѣ Астафьевой или не помню, чтобы дать ей возможность быть женою Николая Максимиліановича, чего близкіе къ сему послѣднему весьма не желаютъ. По дѣлу о судоустройствѣ церковномъ вопросъ свернули прежде на то, что должно подлежать церковному суду и по сему предполагаютъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ фактъ виновности того или другого супруга рѣшать свѣтскимъ судомъ въ присутствіи присяжныхъ и потомъ духовному начальству уже предоставить расторженіе брака.

Цензуру духовную предположено соединить съ свѣтскою, такъ какъ въ ней членами будутъ духовныя. Но такъ какъ существующій комитетъ о дѣлахъ печати возникъ вслѣдствіе гнѣва Государя на пропускъ книги *Луи-Блана* и имѣлъ назначеніемъ усилить строгость цензуры, то члены комитета стараются протянуть дѣло, отъ времени ожидая ослабленія впечатлѣнія книги и слѣдовательно и требованій строгости.

Преданный П. Казанскій.

Іюня 20 1870 г.

32.

Два Ваши письма недавно только привезены ко мнѣ въ Кострому, куда я отправился еще 1-го Іюля. Было колебаніе у меня, попаду ли я въ Кострому или проведу вакаціальное время въ другихъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ хотѣлось побывать у Васъ. Дурная погода въ теченіе вакаціальнаго времени не помогла мнѣ въ моемъ здоровьѣ; чувствую себя не такъ хорошо. А въ Лавру воротясь ради новаго устава дол-

¹⁾ Умеръ архимандритомъ Московск. Петровскаго монастыря.

женъ усилить свои занятія. Какъ то Богъ дастъ понести бремя обязанностей. Только надежда на того, кто сказалъ: сила моя въ немощи совершается, ободряетъ духъ.

Брату моему Преосв. Платону хочется познакомиться съ вашими рассказами изъ Исторіи церкви. Пришлите на его имя экземпляръ своей книги. Адресъ его: Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Платону Архіепископу Костромскому и Галичскому въ Костромѣ.

И въ далекой Костромѣ и въ уединеніи Солониковскомъ поражаетъ громъ побѣды Прусскихъ войскъ, болѣе неожиданный, чѣмъ непогрѣшимость папская иными и прежде признаваемая и всѣми ожидавшаяся. Папская непогрѣшимость останется въ области теоріи, но побѣды пруссаковъ передѣлають судьбы Еворпы. Хорошо если бы на первый разъ все ограничилось низложеніемъ Наполеона. Но впереди опасенія для Россіи отъ могущества Пруссіи велико.

1870 г., августа 7 дня.

Преданный П. Казанскій.

33.

Преосвященный Платонъ пишетъ мнѣ 31 августа: «получилъ я книгу «Рассказы изъ исторіи Христіанской церкви». Усердно поблагодарилъ. Читалъ и прочиталъ вѣкъ Апостольскій съ истиннымъ удовольствіемъ. Напрасно назначены эти книги для дѣтей; онѣ не понятны дѣтямъ и занимательны и полезны даже для насъ стариковъ, имѣющихъ академическую степень. Какое прекрасное направленіе. Какой благородный языкъ; доселѣ не встрѣчалъ я ни одного изъ нынѣшнихъ словъ выдуманныхъ на искаженіе русскаго языка».

Выписалъ я эти строки изъ письма брата въ той мысли, что Вамъ, добрый другъ, пріятно будетъ услышать отзывъ одного изъ образованнѣйшихъ пастырей нашей церкви, который самъ былъ нѣкогда профессоромъ академіи и ректоромъ четырехъ семинарій, отзывъ высказанный въ братской бесѣдѣ, такъ сказать для себя.

Вчера двѣ Ваши книжки присланы для полученія билета; вѣроятно нынѣ будетъ отосланъ билетъ на нихъ.

Молодой епископъ Іоаннъ телеграфировалъ изъ Лондона 29-го августа въ день своихъ именинъ, привѣтствуя ректора нашего отъ себя и отъ клира нашей церкви въ Лондонѣ съ днемъ его Ангела. 29-го выѣзжаетъ Іоаннъ въ Нью-Йоркъ. Слышно что Катакази твердитъ о томъ, что въ Нью-Йоркъ совсѣмъ ненуженъ епископъ нашъ. Куда загонять Іоанна, еще не знаемъ; думаютъ запереть его въ Новоархангельскѣ. Когда прочитаешь въ «Зарѣ» о состояніи церкви нашей въ бывшихъ Американскихъ нашихъ владѣніяхъ, о православныхъ въ Санъ-Франциско,—жаль становится Іоанна. Но онъ былъ въ Лаврѣ послѣ посвященія очень веселъ.

Забота лежит на мнѣ теперь замѣстить каѳедры по историческому факультету. Нѣтъ четырехъ наставниковъ; на нынѣшній годъ нужны двое. Новый уставъ не дозволяетъ опредѣлять самому академическому начальству только что окончившихъ курсъ, если они не утверждены въ степени магистра. А хотя способные молодые люди есть, но не успѣли подать сочиненій на степень и не успѣли получить утвержденіе. На бумагѣ правъ по уставу дано академіи не мало, но частными распоряженіями стѣсняють на всякомъ шагу. Новый курсъ студентовъ образовался изъ 36 человекъ. Не явилось ни одного свѣтскаго держать экзамень. Нашелся одинъ, прошлый годъ кончившій курсъ въ Тамбовской семинаріи и потомъ успѣвшій побывать и въ университетѣ и въ Медико-Хирургической Академіи, а теперь поступившій къ намъ. Есть священникъ изъ Воронежа женатый; съ успѣхомъ выдержалъ экзамень и будетъ жить съ женою въ Посадѣ. Юноши записываются болѣе на историческое отдѣленіе, но имѣя въ виду будущее замѣщеніе наставническихъ каѳедръ, мы казенокоштные вакансіи дѣлимъ поровну по всѣмъ отдѣленіямъ. Въ число студентовъ поступилъ и сынъ брата Михаила Симоновича. Лекціи откроются только съ половины этой недѣли. У меня на первый годъ будетъ три лекціи въ недѣлю, а потомъ по четыре. Я оставилъ за собою древнюю всеобщую исторію; новую будетъ читать другой наставникъ, съ будущаго года. Думаю при Вашей любви къ духовному образованію Вы не назовете меня педантомъ и не посѣтуете за то, что я сообщаю извѣстія о внутреннемъ движеніи жизни въ нашей академіи. Журналь многіе хотятъ возстановить, но единственное средство видятъ для возможности его существованія въ томъ, если ректоръ отъ редакціи. Его мнительность, его строгая критика, множество его занятій, всегда будутъ связывать желающихъ трудиться для журнала. Если бы выборъ палъ, то не прочь былъ бы и я принять на себя редакцію журнала. А намъ нужно будетъ печатать протоколы засѣданій Совѣта гдѣ нибудь. Всюду слышимъ укору и вмѣстѣ сожалѣніе, что не издаемъ журнала.

Когда Митрополитъ обѣдалъ у Государя 23 Августа Государь спросилъ его: «Обозрѣвалъ ли онъ Епархію?» Вслѣдствіе сего Митрополитъ поѣхалъ на Перерву, въ Угрѣшу и Давидову пустынь, а Игнатія послалъ въ другія края Епархіи. Государь спрашивалъ и объ академіи сказавъ при семъ, что онъ знаетъ ректора, и что это человекъ хорошій.

Преданный П. Казанскій.

Сентября 7 1870 г.

Добрый другъ Александра Николаевна. Благодарю Васъ, что дали мнѣ возможность познакомиться и съ адресами и съ

книгой Самарина. Адресъ дворянства мнѣ болѣе понравился, нежели адресъ думы. Страсть нашихъ собратій—это говорить и дѣлать не то, что слѣдуетъ, а то, что взбредеть кому либо на умъ; въ виду не общее дѣло, не пользы государства, но частныя, личныя убѣжденія и идеи. Притомъ эти идеи, если дѣйствительно для нѣкоторыхъ суть часть ихъ бытія, то другихъ привлекаютъ громомъ фразы безъ сознанія дѣла. Сіе можно сказать и объ адресѣ Думы. Понимаю, что Черкасскій и Аксаковъ могутъ говорить отъ души о свободѣ слова, о свободѣ церкви, о свободѣ совѣсти, которую впрочемъ ограничили словамъ вѣрующей, за что я и одобряю, но все таки органичили; но что до этихъ вопросовъ гласнымъ Московской Думы въ ихъ громадномъ большинствѣ? Они и силы не понимаютъ и на дѣлѣ отшатнутся хоть на примѣръ отъ гласности если дать ей полную свободу, и сами возопіютъ отъ нея.

Правительству нужна поддержка: поддержи его. Оно не можетъ и быть устойчиво, когда требуютъ платы за свое слово, когда расширяютъ требованіе, высказываютъ недовольство. Это то же что партіи Франціи, гдѣ личныя идеи и стремленія многіе поставили выше государственныхъ потребностей. Я не одобряю этого способа дѣйствій. Одинъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о всеобщей воинской повинности, это вопросъ объ уничтоженіи всякихъ сословныхъ привилегій. Его и слѣдовало выставить, слѣдовало всѣмъ сословіямъ заявить о желаніи быть равными по всѣмъ правамъ. Это уравненіе и есть фундаментъ для того дальнѣйшаго развитія котораго желаніе высказывается въ адресѣ. Не положи фундамента, нечего воздвигать зданіе.

Преданный П. Казанскій.

1870 г., ноября 23 дня.

35.

Добрый другъ Александра Николаевна. Привѣтствую Васъ съ Новымъ Годомъ. Среди измѣненія лѣтъ и временъ да будетъ неизмѣнна съ Вами милость Божія, какъ неизмѣняемъ самъ Богъ, всегда тойжде и лѣта Котораго не оскудѣваютъ.

Я сочувствую обществу распространенія полезныхъ книгъ, которое примкнуло къ обществу любителей духовнаго просвѣщенія. Это будетъ пунктъ соединенія съ духовенствомъ, котораго недостатки, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребности нельзя не чувствовать. Но напрасно выбрали предсѣдателя не изъ среды себя. Уважаю В. П. Рождественскаго ¹⁾ за ревность къ дѣлу, но онъ берется за дѣла, которыя совсѣмъ не по его силамъ. При томъ обремененный разными обязанностями и при

¹⁾ Протоіерей въ Москвѣ.

большихъ силахъ онъ былъ бы не въ состояніи сосредоточить свое вниманіе на этомъ дѣлѣ. Онъ годится иногда въ исполнители, а не въ распорядители. Избрали бы изъ среды себя болѣе энергичнаго и распорядительнаго человѣка. Я считаю В. П. хлопотуномъ, но не болѣе. Ограниченныя его понятія и знанія, узкость взгляда, отсутствіе энергіи—все это дѣлаетъ его не способнымъ быть душою и руководителемъ какого либо дѣла. Поправили бы свой неудачный выборъ распредѣленіемъ между членами разныхъ обязанностей по сему дѣлу принимая во вниманіе наклонности и способности каждаго. Тогда бы трудъ отдѣльныхъ лицъ согласно съ Вашею мыслию получилъ болѣе свободы и простора и общее обсужденіе только бы соединяло и направляло къ одной цѣли всѣ труды отдѣльныхъ лицъ.

Вчера опустили у насъ въ могилу тѣло Алексѣя Петровича Ахматова ¹⁾. Благоговѣя предъ Святителемъ Филаретомъ онъ пожелалъ успокоиться послѣ него и ему сдѣлана могила предъ алтаремъ Филаретовской церкви. Съ искреннимъ чувствомъ признательности вспоминаемъ мы его благожелательность и къ церкви и личную къ намъ, и ректоръ и я многимъ ему обязаны. Съ честію оставилъ онъ и должность свою, не захотѣлъ согласиться на то, чтобы въ Балтійскихъ провинціяхъ дѣти отъ православныхъ родителей могли воспитываться въ лютеранствѣ.

Преданный Петръ Казанскій.

1870 г., декабря 28 дня.

36.

Добрый другъ Александра Николаевна. Такъ я всегда радъ получить отъ Васъ извѣстіе, по крайней мѣрѣ знаю, гдѣ Вы и о томъ, что Вы здоровы. Собирался самъ писать, но думалъ, что письмо, пожалуй, не застанетъ Васъ въ Москвѣ по случаю отъѣзда Вашего въ деревню. А Вы объ отъѣздѣ и пишете еще.

Здоровье мое порядочное теперь съ началомъ мясоястія и весны. Но есть мелкія и крупныя скорби, которыя не даютъ успокоиться. Къ мелкимъ отношу то, что въ пятницу на святой старикъ 14 лѣтъ служившій у меня вздумалъ и ушелъ отъ меня и меня оставилъ одного. Нѣсколько дней мнѣ пришлось самому себѣ ставить самоваръ, убирать комнаты, даже топить печку, приносили мнѣ только воды и кушанья отъ повара. Память о прежней простой жизни сохранилась и дала возможность обходиться безъ прислуги. Теперь завелся кое-какимъ слугою.

¹⁾ Бывшій оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Александръ Мих. Бухаревъ пылкая голова, но туманная. На его попытку объяснить Апокалипсисъ я смотрю какъ на пунктъ помѣшательства. М. П. Погодинъ недавно спрашивалъ нашего о. ректора объ немъ, чтобы хлопотать о назначеніи ему пособія изъ казны общества вспоможенія литераторамъ. Вѣроятно онъ достигъ чего либо. Любовь Христа примиряющая всѣхъ и все—вотъ основной пунктъ книгъ и статей Бухарева. Онъ живетъ самъ въ мірѣ идеальномъ; все надѣясь своими идеями пробудить человѣчесто къ лучшей жизни. Неудачи его литературныхъ трудовъ хотя и смущаютъ его, но ему думается вотъ еще одно выдамъ сочиненіе и можетъ быть поймутъ меня и оцѣнятъ. Дѣйствительно изъ среды монашествующихъ случилось мнѣ слышать мнѣніе, что послѣ Священнаго писанія сочиненіе о. Θεодора первыя.

По отсутствію практическаго смысла самъ о. Θεодоръ не можетъ вести журнала, но можетъ писать горячо. Когда онъ служилъ у насъ профессоромъ, его обиралъ слугитель до того, что не только безъ копѣйки денегъ оставлялъ его, но и книги его продавалъ. И о. Θεодоръ усматривалъ во всемъ этомъ чуть не дѣйствіе Духа Божія, двигавшаго руками вора.

Объ Апокалипсисѣ была переписка у М. А. Бухарева съ м. Филаретомъ. Я читалъ ее и не могъ не признать, что Бухаревъ былъ правѣ митрополита. Но объ этомъ пунктѣ лучше не говорить съ нимъ. Есть какая то притягательная сила для умовъ мечтательныхъ въ толкованіяхъ на Апокалипсисъ. Сюда въ лавру переселился мой товарищъ по Академіи архимандритъ Мисаиль, поѣхавшій съ Иннокентіемъ въ 1841 году на Алеутскіе острова. Онъ оставилъ миссію давно по болѣзнямъ и послѣ долгихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто теперь пришелъ подъ кровъ Преп. Сергія. Въ крайней степени болѣзненный, но съ пылкою головою, онъ нѣсколько лѣтъ свободные отъ немощи часы посвящалъ сочиненію, въ которомъ доказываетъ, что Наполеонъ и наполеонизмъ есть именно антихристы; что съ Наполеономъ I-мъ родился онъ и живетъ теперь въ идеяхъ имъ принесенныхъ, и въ Наполеонѣ III-мъ и возродится еще въ комъ-либо. Мисаиль думаетъ, что онъ сдѣлалъ величайшее открытіе, которое обезсмертитъ его, а между тѣмъ онъ критически относится и къ канону церковному; все разбираетъ, о всемъ сомнѣвается, противъ всего возражаетъ. Въ одномъ пунктѣ какая то слѣпая вѣра. Сдѣлавшись тяжело боленъ и собираясь умирать, онъ завѣщалъ мнѣ это свое сочиненіе, чтобы я его издалъ. На дняхъ я почиталъ ему изъ мертвыхъ душъ Гоголя разсужденіе о томъ, что Наполеонъ есть антихристъ и Чичиковъ онъ же. Не вразумляется.

37.

Добрый другъ, Александра Николаевна. Хорошая погода для другихъ источникъ поправленія здоровья, для меня же послужила причиною болѣзни. Соблазнясь ею рѣшилъ прогуливаться и простудился такъ, что началось воспаленіе легкихъ. Захваченное въ началѣ оно остановлено, но все еще не войду въ нормальное положеніе.

Ваше мнѣніе о духовныхъ концертахъ раздѣлялъ покойный Митрополитъ Филаретъ, а потому и не дозволилъ ихъ. Дѣйствительно чувство благочестивое, привыкшее къ благовѣнію къ церковнымъ дѣйствіямъ не можетъ не стѣсняться, когда эти дѣйствія становятся предметомъ театральнаго представленія. Можно бы духовные концерты дозволить, но съ тѣмъ, чтобы пѣть именно то, что называется концертомъ, т. е. искусственное переложеніе на музыку какихъ либо псалмовъ, антифоновъ, нѣкоторыхъ стихиръ, но не тѣ церковныя пѣсни, которые соединяются съ особенными церковными дѣйствіями.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Преданный П. Казанскій.

Марта 17 дня 1871 года.

38.

Христось Воскресе.

Привѣтствую Васъ съ свѣтлою радостью Воскресенія Христова Господь явившійся по воскресеніи прежде всего любящимъ его женамъ, да явится и Вашему сердцу въ славѣ Своего Воскресенія.

Дожилъ и я до праздника послѣ многихъ немощей великаго поста; поговѣлъ на страстной недѣлѣ, съ трудомъ провелъ первый день праздника, но на второй чувствовалъ себя порядочно. Нынѣ съ погодою хмурится и мое здоровье. Мои немощи имѣютъ ту невыгодную сторону, что развиваютъ хандру.

Суевѣрные обычаи упоминаемые въ письмахъ . . . ¹⁾ существуютъ дѣйствительно. Разъ мы были съ Алек. Вас. Горскимъ въ деревнѣ у покойнаго Ал. Конст. Куманина и увидѣли раздвоенное дерево, на которомъ висятъ разные лоскутки. «Что это значить?»—спрашиваемъ мы.—«Тутъ больныхъ дѣтей протискиваютъ для здоровья»,—былъ отвѣтъ. «Бесѣда» въ третьей книжкѣ помѣстила статью Беллюстина. Что за охота помѣщать съ похмѣлья писанныя статьи, основанія которыхъ суть газетныя рекламы, ложь коихъ извѣстна уже. Тутъ обвиняютъ архіерея хотя напр. въ Рязани за удаленіе ректора, инспектора и профессора, а то намъ извѣстно, что архіе-

¹⁾ Не разобрано.

рей энергически протестовалъ противъ удаленія ректора и какъ первой милости просилъ оставить его. Въ семинаріяхъ архіерей теперь хотя и числится главнымъ начальникомъ, но не имѣетъ никакой силы. О чемъ должно духовенство на съѣздахъ разсуждать, объ этомъ говоритъ законъ, а произвольныя разсужденія и постановленія какъ этого много разъ бывало и съ дворянскими съѣздами, естественно останавливаются. Людей созываютъ разсуждать о средствахъ содержанія, а они будутъ спорить о формѣ правленія. Разсуждай тогда, когда созовутъ для этой цѣли!

Тутъ еще «Московскія Вѣдомости» разсуждаютъ объ общеніи въ таинствахъ между Православною и Англійскою церковью, не понимая сами о чемъ они говорятъ.

Нашъ Алеутскій епископъ не видитъ впереди ничего добраго отъ своего служенія. Американцамъ, пишетъ онъ, до догматовъ нѣтъ никакого дѣла. Они равно посѣщаютъ храмы всякаго исповѣданія только бы хорошъ былъ органъ, хорошо пѣніе или хороша проповѣдь.

Церковная служба для нихъ зрѣлице и они разчитываютъ, гдѣ пріятнѣе имъ провести полчаса или часъ свободнаго времени. Являлся было къ нему и еще профессоръ съ желаніемъ принять православное священство, но какъ пишетъ преосвященный Іоаннъ, послѣ неудачнаго опыта съ Бьерингомъ, вѣроятно не поторопятся принимать подобныхъ людей.

Господь хранить васъ.

Преданный П. Казанскій.

1871 г., марта 30.

39.

Добрый другъ, Александра Николаевна. Очень радъ былъ я послѣ долгаго Вашего молчанія получить отъ Васъ извѣстіе, но къ сожалѣнію это извѣстіе не говоритъ о Вашемъ добромъ здоровьѣ. Съ тяжелою погодою не крѣпкимъ по своему здоровью людямъ тяжело быть. Можетъ быть съ улучшеніемъ погоды лучше будетъ и немощнымъ. Я все недомогаю. О томъ, что говорилъ Осининъ на съѣздѣ старо-католиковъ первое извѣстіе получилъ я отъ Н. П. Кирѣевской. Она со словъ А. П. Толстого писала мнѣ, что Осининъ говорилъ о томъ, что архіереи должны быть женаты и чтобы не было постовъ. Изъ статьи «Современ. Извѣстій» узналъ я, что онъ готовъ признать первенство Папы и оставаться совершенно равнодушнымъ къ вопросу объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына. Осталось признать главенство и непогрѣшимость, дабы сойтись съ католиками и заставить пожениться монаховъ и всѣхъ священниковъ назвать епископами, а рукоположеніе предоста-вить произволу всякаго считать таинствомъ или обрядомъ, и тогда миръ и единеніе съ протестантами. Впрочемъ въ духѣ

нашей политики уступить всѣмъ все, и на все соглашаться, не имѣть своихъ убѣжденій и стараться подлаживаться подъ чужія. Глядя на наши церковныя дѣла, не могу не преклониться предъ твердостью и единодушіемъ католической іерархіи. Убѣжденъ я, что Деллингеръ правду говоритъ свидѣтельствуя, что большая часть епископовъ не вѣрятъ въ душѣ въ догматъ непогрѣшимости Папы. Но какое единодушіе среди епископовъ. Какая твердость въ защитѣ. Очевидно, что измѣненіе въ строѣ и законахъ этой церкви не могутъ совершиться отъ фантазій одного человѣка—мірянина. Очевидно, что эта іерархія сдѣлаетъ уступку только самой основательной: и крѣпкой оппозиціи, а не проэктамъ создаваемыхъ кое-къмъ и кое-какъ. Деллингеръ пятится уже, боится за каждый шагъ передъ этою силою корпораціи. «Non possumus» великое слово. Его-то и должны были произносить наши пастыри, а они на все, что имъ навязываютъ твердятъ: «possumus»; — они все могутъ уступить. Такой образъ дѣйствій никогда не можетъ привлечь къ себѣ и заставить уважать себя членовъ той церкви, которая имѣетъ такихъ твердыхъ іерарховъ. Да, твердость даже въ заблужденіи невольно вызываетъ уваженіе. А тотъ, кто не стоитъ крѣпко за свои обычаи, законы, всегда вызоветъ насмѣшку. Церковь Восточная обратила на себя вниманіе западныхъ религіозныхъ мыслителей именно твердостью и преданностью къ своимъ каноническимъ уставамъ утвержденнымъ на Вселенскихъ соборахъ, и эти начала теперь колеблютъ и отнимаютъ у церкви то, что составляло ея достоинство, и привлекающую силу. Католикъ, преданный церковному ученію, которое свидѣтельствовало о себѣ, что оно есть древнее, неизмѣнное, находилъ церковь, о которой еще неизмѣннѣе сохранилось старое ученіе, и онъ невольно обращался къ этой церкви. Теперь самые ловкіе друзья католицизма не могли бы сдѣлать болѣе для того, чтобы оттолкнуть сердца католиковъ отъ православія, болѣе того, что предполагается сдѣлать, и что дѣлается у насъ въ Духовномъ Вѣдомствѣ. Вотъ Католичество Римское въ Россіи. Авторъ прошедшей его судьбы ¹⁾, если опишетъ свою дѣятельность, то продолжитъ только свое сочиненіе. Тамъ умѣютъ іезуиты работать въ свою пользу и враговъ своихъ.—Если дадутъ себѣ свободу отступить отъ каноновъ вселенскихъ соборовъ въ судебной власти епископовъ, то вступятъ на покатоство на которой соскользнуть въ лютеранство; ибо не остается уже никакой узды, никакой сдержки для того, чтобы не отвергнуть всѣ постановленія Соборовъ Вселенскихъ, какъ не-своевременныя.

¹⁾ Т.-е. оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой, написавшій исторію распространенія католичества въ Россіи.

А толковать Священное Писаніе какъ кому хочется, достаточно научили лютеране. И къ сожалѣнію во главѣ этихъ реформаторовъ стоятъ духовные. Лебединцевъ Каѳедральный Кіевскій протоіерей своею враждою противъ архіереевъ приводитъ въ ужасъ и свѣтскихъ. А чего хочетъ? Думаетъ, что архіерейская власть ему достанется, и тогда онъ будетъ деспотомъ болѣе тяжелымъ, подобно либераламъ и республиканцамъ Франціи. Теперь духовенство не отъ архіереевъ плачетъ, а отъ консисторій, гдѣ члены священники. Архіерей часто защитникомъ является духовенства отъ консисторскихъ. Это-то члены консисторіи, терпя ограниченія въ своемъ своеволіи и возстаютъ на архіереевъ, зачѣмъ они не полные командиры духовенства?

Не соберетесь ли на сутки въ нашу мирную обитель?

Преданный П. Казанскій.

1871 г., ноября 26 дня.

40.

Добрый другъ, Александра Николаевна. Вы прежде спрашивали меня о Малардѣ и я сообщилъ тогда откуда можно почерпать объ немъ свѣдѣнія. Есть въ книгѣ Чистовича «Еофанъ Прокоповичъ и его время», съ 591-й стран. и еще было въ «Православномъ Обзорѣніи».

Гаверла, какъ слышно будетъ здѣсь въ четвергъ. Осининъ судить по своему о соединеніи. Теперь газеты печатаютъ о содержаніи его публичныхъ чтеній о Мюнхенскомъ конгрессѣ. Главное препятствіе католиковъ къ присоединенію къ Восточной церкви есть вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла духовныя; — такъ я и предвидѣлъ и ожидалъ. Нигдѣ такъ крѣпко не утверждена мысль о независимости церкви отъ свѣтской власти, какъ въ католичествѣ. Кто свыкъся съ этою идеею, тотъ не откажется отъ нея. Это начало есть залогъ развитія церкви. Папство есть ошибка въ томъ отношеніи, что изъ папы сдѣлали государя и подчинили ему церковь. Какъ первыя, такъ и послѣднія нововведенія въ Римской церкви произошли въ интересахъ государя папы; все сдѣлалось изъ мірскихъ расчетовъ. Но такъ какъ власть духовная сосредоточивалась въ томъ же папѣ, то люди не умѣли отличать дѣйствій папы-государя отъ того собственно, что онъ самъ въ себѣ не умѣлъ различить два стремленія. Хотя бы папа и не былъ свѣтскимъ государемъ, характеръ его дѣятельности все былъ бы одинаковъ. Но о семъ много можно потолковать.

Я бы лично охотно простеръ руку примиренія католичеству, безъ сомнѣнія ничего не уступая изъ нашихъ вѣрованій, но не осуждая ихъ. Отцы церкви перваго и второго Вселенскаго собора изрекли только 12 членовъ вѣры, принятіе которыхъ должно служить признакомъ единства вѣры и анаѹему

положили на того, кто прибавить къ сему что либо. Всякое мнѣніе которое не стоитъ въ противорѣчїи съ симъ символомъ, не должно подавать повода къ раздѣленію. Мнѣнія человѣческія разнообразны; умъ силится рѣшить частности вопросовъ въ области, гдѣ онъ не имѣетъ несомнѣнныхъ критеріевъ истины, а потому и въ вопросахъ вѣры преслѣдовать всякое истинное мнѣніе, которыхъ такъ много рождается и будетъ рождаться, значило бы не знать мира въ церкви. Исповѣдующій напр., что Духъ Св. происходитъ не отъ Сына не отвергаетъ того, что Онъ происходитъ отъ Отца. Такой можетъ оставаться при своемъ мнѣніи, но только не навязывать его и другимъ.

9-го числа у насъ назначено архим. Михаилу защищать его сочиненіе, писанное въ опроверженіе Ренана.

Нашъ профессоръ Евг. Голубинскій собирается ѣхать въ Грецію и въ славянскія земли для изученія религіознаго состоянія этихъ странъ.

Вчера въ засѣданіи Совѣта избранъ въ почетные члены Академіи нашей Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

Преданный Петръ Казанскій.

1871 г., декабря 1 дня.

41.

Добрый другъ Александра Николаевна. Медлилъ я отвѣтомъ на Ваше письмо потому, что ожидалъ рѣшенія своей участи Св. Синодомъ. Избирателей только десять человѣкъ, и Амфитеатровъ и архимандритъ Михаилъ и Субботинъ образовали коалицію противъ меня. Разумѣется, не ученые интересы руководили ими. Лишивъ меня права на продолженіе службы при академіи ¹⁾, теперь напрягаютъ усилія, чтобы не дать мнѣ права защищать сочиненіе на степень доктора. Въ рукахъ Субботина, какъ старшаго въ историческомъ отдѣленіи профессора, находится это дѣло, и онъ представилъ отзывъ, въ которомъ, не отвергая ученыхъ достоинствъ труда, дѣлаетъ заключеніе, что онъ не годится для степени доктора. Ректоръ, для котораго, какъ и для всей академіи, было совершенно неожиданно забалотированіе мое, крѣпко стоитъ относительно степени. Не знаю, успѣетъ ли, честно дѣйствуя противъ интриги, не гнушающейся никакимъ средствомъ. Не имѣя къмъ замѣнить меня, сами же члены единогласно порѣшили просить меня на полгода принять преподаваніе, и когда я согласился, то и сдѣлано въ такомъ смыслѣ представленіе. Потому во всякомъ случаѣ я на полгода занятъ. Что будетъ далѣе, самъ не знаю. Мое здоровье всегда не крѣпкое особенно отъ этихъ тревогъ сдѣлалось хуже. Трудность

¹⁾ Въ 1872 г. П. С. Казанскій не былъ избранъ на послѣднее пятилѣтіе службы. См. объ этомъ *Горскій-Платоновъ П.*, «Голосъ профессора» 57 сл.

моего положенія увеличилась тѣмъ, что отдѣлка дома пре-
высила мои средства, и только получая прежнее жалованье,
могъ бы я справиться съ этимъ дѣломъ. Въ новомъ домѣ, съ
новымъ собственнымъ хозяйствомъ, котораго не имѣлъ до
сихъ поръ, все возникаютъ новыя заботы и потребности. Но
крѣпко уповаю на Господа Бога неоставлявшаго меня ни-
когда безъ помощи въ трудахъ и обстоятельствахъ жизни,
что и теперь Онъ не оставитъ меня, уже ослабленнаго лѣтами
и болѣзнями, какъ не оставлялъ во дни крѣпости. Если же
суждено мнѣ скоро покончить земное поприще, то да вмѣнить
во что либо и нынѣшнее искушеніе для заглаженія многихъ
моихъ грѣховъ. Если бы Евгенийъ Голубинскій не уѣхалъ
за границу, то его голосъ былъ бы лишній за меня и далъ бы
мнѣ большинство при избраніи ¹⁾).

По окончаніи службы при Академіи, по крайней мѣрѣ
на первое время думаю жить на одной пенсіи. Если же здо-
ровье поправится, на что не много надежды, то подумаю
какой избрать родъ жизни. Прежде мысль моя была такая.
По окончаніи службы въ Академіи идти въ какой-нибудь
монастырь и въ тишинѣ иноческой келліи кончить остатокъ
дней моихъ. Теперь физическія мои немощи дѣлаютъ меня
неспособнымъ и къ трудамъ монастырской жизни и особенно
къ пищѣ. Но монастырь можно устроить и у себя въ углу;
было бы только доброе изволеніе на сіе. Немощи и болѣзни
Господь приметъ вмѣсто трудовъ иночества. Вѣрно пришло
время отъ суеты ученія обратиться къ единому на потребу.

Осень у насъ была большею частію хороша, такъ что въ
Октябрѣ собирали въ лѣсу землянику. Теперь 22 Ноября сля-
коть и дождь; было немного снѣгу, но все сошло. Падаеть скотъ,
оспа заражаетъ людей. Дѣло духовно-судебной реформы тя-
нется, переходя разные фазисы. Сзываютъ митрополитовъ
отвѣчать Константинопольскому патріарху на его отлученіе
болгарь. Тутъ нуженъ покойный святитель Филареть, ко-
торога память 19 числа пріѣзжалъ справлять Иннокентій.
Филареть умѣлъ въ трудныхъ случаяхъ сказать слово му-
дрое и умѣренное. Въ защиту грековъ съ горячимъ словомъ
выступилъ въ «Гражданинѣ» Тертій Филипповъ. «Православ-
ное обозрѣніе» защищаетъ Болгарь.

Тяжело мнѣ было оставлять свои комнаты въ Академіи.
Но теперь усматриваю въ семъ особую милость Божию. Из-
гнаніе изъ стѣнъ Лавры заставило меня подумать о своемъ
углѣ. Имѣя одну тысячу рублей, я приступилъ къ покупкѣ
дома, и поневолѣ долженъ былъ сжимать себя, чтобы болѣе
сберечь средствъ для дома. Живя въ Академіи по обычаю, я
не берегъ бы деньги. И что было бы со мною теперь, когда

¹⁾ При баллотированіи 5 голосовъ было подано за оставленіе П. С. Казанскаго
и 5 противъ.

долженъ оставить службу при Академіи? А теперь имѣю хорошее помѣщеніе. Благодареніе за все Господу. Много теперь доходитъ до меня выраженій и удивленій и негодованія за то, что такъ поступили со мною нѣкоторые изъ товарищей. Но вѣрю милости Божіей, что и сіе послужитъ къ моему благу. Одна мнѣ грустна мысль, что въ недоброжелателяхъ моихъ обнаруживается какая-то упорная ненависть ко мнѣ. Чѣмъ я возбудилъ ее,—не знаю. Многимъ изъ нихъ я оказалъ значительныя услуги, никому не дѣлалъ и не желалъ зла. Правда, я былъ независимъ въ своихъ мнѣніяхъ, прямо высказывалъ, что признавалъ справедливымъ; не льстилъ и не угождалъ никому въ ущербъ своихъ убѣжденій. Но Отче небесный, остави намъ долги наша, какъ и мы оставляемъ должникомъ нашихъ.

Преданный П. Казанскій.

1872 г., ноября 23 дня.

42.

Очень радъ былъ я, добрая Александра Николаевна, получить отъ Васъ извѣстіе въ Свѣтлый праздникъ, какъ бы красное яичко. Послѣ письма, которое Вы писали мнѣ по пріѣздѣ во Флоренцію въ октябрѣ мѣсяцѣ, я не получалъ отъ Васъ и объ Васъ извѣстій, не зналъ, гдѣ Вы находились это время. На это письмо я отвѣчалъ. Прожилъ я зиму тревожно. Послѣ забаллотировки моей шла борьба о докторской степени для меня. Было четыре бурныхъ засѣданія. Наконецъ, 25 генваря признано мое сочиненіе достойнымъ степени доктора. Подробный разборъ моего сочиненія и защиту его противъ нападеній представилъ о. ректоръ. Оставалось выдержать диспутъ; онъ и былъ назначенъ 27 марта. Но четверо изъ моихъ недоброжелателей отказались присутствовать на диспутѣ по болѣзни; и такъ какъ послѣ этого не было двухъ третей членовъ для засѣданія, то оно становилось недѣйствительно, и утромъ въ день диспута ректоръ вынужденъ былъ объявить, что диспута не будетъ. Архіереевъ успѣли остановить телеграммою. Грозятъ, что и впредь будутъ такъ поступать, чтобы сдѣлать диспутъ невозможнымъ. Это школа терпѣнія для меня. Комнатами своими я очень доволенъ, но при такихъ происшествіяхъ ежедневно здоровье мое не могло быть удовлетворительно. Пріѣхалъ сюда неожиданно изъ Кіева А. Н. Муравьевъ помолиться угоднику Божію Преп. Сергію и поклониться гробу Святителя Филарета. Очень радъ я его видѣть.

О. ректоръ принимающій живое участіе въ моихъ дѣлахъ и возмущаемый ими, чувствуетъ себя порядочно. Нашъ профессоръ Амфитеатровъ избранъ въ головы Посада и принялъ это избраніе, оставаясь профессоромъ.

Книгу Пальмера, въ которой онъ перевелъ отвѣты Никона Стрѣшневу видѣлъ здѣсь. Эти отвѣты есть у насъ въ библіотекѣ въ рукописи.

Записывали ли Вы свои впечатлѣнія при посѣщеніи Рима?

Изъ всѣхъ городовъ Западной Европы этотъ вѣчный городъ особенно привлекаетъ меня. Очень радъ я знать, что здоровье Ваше хорошо. Дѣло о церковно-судебной реформѣ еще не доложено Св. Синоду. Мои лекціи въ академіи по частному найму должны продолжаться до 13 Іюня. Не знаю, какъ Господь устроитъ дальнѣйшую жизнь мою. При настоящемъ состояніи здоровья не могу и думать сдѣлать существенную перемѣну въ своей жизни и искать новыхъ путей для службы. Посмотрю, въ какой мѣрѣ возможно будетъ жить на малой пенсіи.

Академія наша ради моей исторіи стала теперь притчею во языцехъ; пріѣзжалъ было на диспутъ М. П. Погодинъ заплатить мнѣ визитъ за юбилей свой, какъ онъ мнѣ сказалъ и съ горестію воскликнулъ: «Ну, въ Москвѣ, гдѣ есть въ Охотномъ ряду всякіе мошенники — это мыслимо; а здѣсь, при ракъ Преп. Сергія, такія безобразія дѣлаютъ!»

Муравьевъ не встрѣтилъ здѣсь прежняго привѣта, но радъ, что помолился мощамъ Преп. Сергія и поклонился гробу Святителя Филарета.

Даль бы Господь дожить до свиданія съ Вами.

Преданный П. Казанскій.

1873 г., апрѣля 11.

43.

Очень радъ я узнать, что Вы въ добромъ здоровьѣ воротились изъ заграницы. Благодарю Васъ за память обо мнѣ. Вашъ подарокъ дѣйствительно часто будетъ напоминать объ Васъ.

Двѣ книги о предполагаемой реформѣ суда церковнаго писаны дѣйствительно Лавровымъ, профессоромъ нашей Академіи. Онъ былъ членомъ комитета составившаго проэктъ этой реформы и одинъ не подписался подъ этимъ проэктомъ, представивъ свое особое мнѣніе.

Мнѣнія архіереевъ печатаются въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Но я думаю не 13, а 50 архіереевъ будутъ противъ предполагаемой реформы. До сихъ извѣстенъ только одинъ Псковскій архіерей Павелъ ¹⁾ какъ выразившій одобреніе проэктъ, даже заключившій свой отвѣтъ молитвой о томъ, чтобы Богъ поскорѣе устроилъ эту реформу. Даже оберъ-прокуроръ замѣтилъ карандашомъ: можно бы и безъ молитвы.

¹⁾ Доброхотовъ умеръ на покоѣ въ Московск. Петровскомъ монастырѣ въ 1910 г.

Волынскій Агаѣангелъ напечаталъ въ 5 № Вол. Епарх. Вѣд. свой отзывъ безъ имени своего. Въ Гражданинѣ изложено содержаніе его. Но оберъ-прокуроръ жаловался Синоду, и преосв. Агаѣангелу опредѣленно сдѣлать выговоръ. Конечно, онъ не совсѣмъ правъ, напечатавъ бумагу отосланную въ Синодъ. Многіе архіереи не представляли еще своего отзыва, но тѣ, которые медлятъ, надобно думать, не принадлежатъ къ числу одобряющихъ проэктъ, ибо сказать, что согласенъ на проэктъ не трудно.

Отзывы консисторій, отъ которыхъ отдѣльно требовалось мнѣніе, сколько доселѣ извѣстно, большею частью благопріятны проэктору, но самыя мнѣнія очень слабо написаны. Между тѣмъ архіереи громятъ безпощадно. Къ сожалѣнію, преемникъ великаго святителя Филарета хромлетъ въ своемъ отзывѣ на обѣ ноги: «Помози Боже и вашимъ и нашимъ». Читалъ я 11 отзывовъ, есть уклончивые; Веніамина Иркутскаго ¹⁾ замѣчательны; читалъ въ рукописи еще отзывъ Костромскаго обширный, громить онъ безпощадно проэктъ. Не знаю, представилъ ли онъ его. Московская консисторія высказалась противъ проэкта. Костромская тоже; вѣроятно и Петербургская. Митрополитъ Петербургскій и прот. Бажановъ противъ проэкта. Оберъ-прокуроръ недоволенъ мнѣніями архіереевъ. Но первоначально онъ не имѣлъ опредѣленнаго плана реформы, и во многомъ высказывалъ мысли, совершенно противоположныя тѣмъ, какія развиты въ проэктѣ. Но мало по малу юрисконсультъ при Синодѣ Степановъ и протоіерей Кіевскаго Софійскаго Собора Лебединцевъ успѣли настроить его на свой ладъ, и онъ навязалъ Макарію свой проэктъ, который этотъ ученый предложилъ Комитету уже послѣ окончанія сужденій и представленія Синоду двухъ проэктонъ, составленныхъ въ иномъ видѣ, подъ коимъ подписался и Макарій. Заслуги Лаврова велики тѣмъ, что онъ объединилъ взгляды архіереевъ на это дѣло. Великая благодарность и издателю Елагину, что онъ принялъ на себя печатаніе этого сочиненія, и успѣлъ достаточно распространить его прежде нежели могла постигнуть остановка этого изданія. А потому бесполезно было и преслѣдованіе этой книги, и его не было. Волынскій назвалъ Павла Псковскаго Іудею предателемъ, но этотъ епископъ обязанъ своимъ возвышеніемъ графу Толстому, которому онъ доставлялъ матеріалы для его книги о католицизмѣ въ Россіи.

Комитетъ по реформѣ духовнаго суда закрыть весною. Въ немногихъ мнѣніяхъ архіереевъ высказывается какой либо проэктъ новаго устройства; они ограничиваются болѣе разборомъ предложеннаго. Нужно будетъ собирать новый Комитетъ послѣ мнѣнія архіереевъ.

¹⁾ Благоднравовъ ум. въ 1892 г.

Мое здоровье не хорошо, дурная весна не дала возможности мнѣ оправиться. Ёду дня через три въ Кострому, чтобы тамъ отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ. Съ Академіею покончилъ я свои отношенія и радъ сему по многимъ причинамъ.

1874 г., мая 31 дня.

Искренно преданный П. Казанскій.

44.

Благодарю усердно Васъ, добрая Александра Николаевна, за попеченіе о моихъ глазахъ. Но къ Вашему почерку я такъ привыкъ, что разбираю его безъ труда. Зрѣніе мое плохое. Очки давно я употреблялъ, но года четыре назадъ Воиновъ утвердительно сказалъ мнѣ, что я долженъ носить очки, тоже какъ ношу сапоги и скидать ихъ тогда, когда снимаю сапоги и обѣщалъ мнѣ отъ очковъ улучшение зрѣнія. Предсказаніе его не исполнилось; черезъ годъ онъ прописалъ мнѣ внутренніе пріемы стрихнина, но я побоялся принимать его. Совѣтовался прежде съ Брауномъ; онъ давалъ мнѣ примочку. Изъ средствъ назначаемыхъ тѣмъ и другимъ врачомъ вижу, что они предполагаютъ у меня развитіе темной воды слѣдовательно слѣпоту въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени. Буди воля Божія.

Братъ мой Костромской архіепископъ находитъ, что по новому уставу училищъ архіерей пріобрѣлъ болѣе вліянія на дѣло народнаго образованія, чѣмъ имѣлъ прежде, называясь предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Титло было безъ значеній; не только не спрашивали руководства, но дѣлали всѣ распоряженія не поднося бумагъ хоть только для подписи. И напрасно были жалобы на это нарушеніе правъ предсѣдателя. Между тѣмъ во всѣхъ дѣйствіяхъ прикрывалось тѣмъ, что архіерей предсѣдатель. Вся отвѣтственность лежала на немъ. Теперь архіерею предоставленъ надзоръ за религіознымъ и нравственнымъ направлениемъ училищъ, и дано право прямо относиться съ своими замѣчаніями къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Прежде на указаніе порядковъ въ дѣлѣ народнаго образованія отвѣчали бы, что вы сами виноваты въ нихъ, теперь этого нельзя сказать. Вся сила теперь въ директорахъ народныхъ училищъ, но надъ нами стоитъ контроль губернатора и архіерея.

Желалъ бы я чтобы Вы прочитали трудъ Лаврова изданный Елагинымъ: «Предполагаемая реформа духовнаго суда», въ двухъ книгахъ. Первой вышло второе изданіе съ любопытными дополненіями. Тутъ подробная критика проекта реформы духовнаго суда.

Обратили ли Вы вниманіе на помѣщаемое въ «Душеполезномъ Чтеніи» и «Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія» толкованіе на посланія Апостола Павла—трудъ нашего затворника преосвященнаго Теофана? Это великій подарокъ для православной церкви. Толкованіе это самостоя-

тельное, въ духѣ православномъ и авторъ знакомить со всѣми новѣйшими толковниками нѣмецкими, англійскими, французскими. Иногда однимъ словомъ онъ поражаетъ неправое толкованіе и только человѣкъ хорошо знакомый съ новѣйшими толкованіями пойметъ всѣ достоинства его труда. Преосвященный Теофанъ хочетъ истолковать всѣ посланія Апостола Павла. Дай Богъ совершить ему этотъ великій трудъ. Это не то, что о. Михаила Толковья Евангелія. Ф. М. Сухотина прочелъ я отчетъ, прочелъ и отчетъ Янышева, помѣщенный въ «Христіанскомъ чтеніи». И тотъ и другой видимо чего-то недоговариваютъ. Допросите частно: гдѣ они прорвались или проврались? Намека на это нѣтъ въ обоихъ отчетахъ. Замѣчательно и несходство ихъ съ иностранными газетными извѣстіями о Боннской конференціи. Но важности этому дѣлу я не даю никакой. Полезно только то, что иностранные ученые обратятъ вниманіе болѣе на восточную церковь и помогутъ нашимъ въ разработкѣ этой исторіи.

Вы разсуждаете канонически говоря, что архіереи не могутъ согласиться на проэктъ. Но архіерей былъ предсѣдателемъ комитета составившаго этотъ проэктъ; мало того онъ навязалъ комитету этотъ проэктъ. И это считающійся у насъ ученѣйшимъ архіереемъ. Другой архіерей Псковскій въ своемъ мнѣніи молить Господа, чтобы поскорѣе осуществился этотъ проэктъ превосходнѣйше измышленный мудростію Д. А. Толстого. Синельниковъ оправдывается въ своихъ дѣйствіяхъ по миссіонерскому дѣлу въ Восточной Сибири. У меня въ рукахъ письма покойнаго Порфирія архіепископа Иркутскаго ¹⁾, въ которыхъ онъ, можно сказать, кровавыми слезами, а не чернилами описываетъ тѣ помѣхи, какія оказывалъ миссіонерству Синельниковъ, тѣ притѣсненія и оскорбленія, какія наносилъ онъ Порфирію. Не знаете ли Вы адреса Синельникова? Мнѣ хотѣлось частно спросить у него объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Что онъ будетъ говорить?

Да хранить Васъ Господь.

Преданный П. Казанскій.

1874 г., ноября 21 дня.

45.

Усерднѣйше благодарю Васъ, добрая Александра Николаевна, за Вашъ привѣтъ и съ своей стороны отъ всего сердца поздравляю Васъ съ Свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ новымъ годомъ. Да хранить Господь Васъ своею милостію и благодатію во всѣхъ путяхъ Вашей жизни. Письмо Ваше прежнее я получилъ, но умедлилъ нѣсколько отвѣтомъ желая присоединить къ нему и поздравленіе съ праздникомъ.

¹⁾ Описка: нужно: «Паренія» (Попова), управлявшаго Иркутской епархіей съ 1860 г. до своей смерти въ 1873 г.

Вопросы Ваши о моихъ занятіяхъ—это обличеніе моей лѣности. Я все собираюсь дѣлать, а ничего не дѣлаю. Не вдругъ устроишь себя способнымъ къ серьезной работѣ по новому предмету. Только станешь знакомиться съ какою либо эпохою, какъ возникаютъ одинъ за другимъ новые вопросы и теряешь время отыскивая ихъ и я уклоняюсь отъ прежняго дѣла. Изъ указанныхъ Вами вопросовъ—Іосифомъ Волоколамскимъ я занимался еще въ 1848 г. Черезъ 20 л. послѣ сего явилось очень хорошее изслѣдованіе объ Іосифѣ Хрущова. Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ хорошо разработанъ Милютинымъ; его изслѣдованіе помѣщено въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Древност. Россійскихъ».

Мнѣ прежде всего хотѣлось бы написать жизнь преп. Сергія. Но преткнулся на первыхъ порахъ: не могу опредѣлить времени его рожденія. Но теперь дни короткіе, вечерами не могу много читать и признаюсь не хочется серьезно садиться за дѣло. Желательно испытать: отдыхъ отъ ученыхъ занятій не будетъ ли способствовать улучшенію моего физическаго здоровья? И думается, что не грѣхъ годокъ отдохнуть послѣ 50 лѣтъ ученой работы. Время проходитъ незамѣтно, считаешь газеты, журналы свѣтскіе и духовные, какія либо новыя книжки, покопаешься надъ рѣшеніемъ какого либо современнаго вопроса, похлопочешь по хозяйству, и вотъ день прошелъ тогда, какъ здоровится. А больной такъ провздыхаешь день. Теперь зимою затѣялъ копать колодезь; нужно лѣсъ запасать, толковать съ рабочими, дѣлишь съ кѣмъ либо время и такъ незамѣтно приближаемся къ гробовой доскѣ, и думаешь, не суета ли и вся наша ученость? Не нужны и очи за гробомъ.

Но нахожу, что вообще здоровье мое теперь безъ официальныхъ занятій лучше, чѣмъ было прежнее время. Не знаю, что будетъ далѣе.

Преданный П. Казанскій.

1874 г., декабря 25 дня.

46.

Давно отъ Васъ не имѣю никакого извѣстія добрая Александра Николаевна. Моя жизнь такъ однообразна, что сообщить объ ней нечего. Не имѣя прежнихъ частныхъ свиданій съ прежними сослуживцами, не знаю, что дѣлается и на бѣломъ свѣтѣ, разумѣется исключая извѣстій газетныхъ, которыя все таки пробѣгаю.

Грустная новость нашей Академіи—это тяжкая болѣзнь о. ректора развившаяся вслѣдствіи дѣйствія Совѣта—этого нелѣпаго учрежденія. Исторія эта была, можно сказать, продолженіемъ или эхомъ моей исторіи. О. ректоръ предложилъ въ экстраординарные профессора Ключевского, который не согласился съ мнѣніемъ Субботина, въ которомъ я признаваемъ

былъ недостойнымъ степени доктора. Субботинъ объявилъ, что онъ не хочетъ Ключевского видѣть профессоромъ и противопоставилъ съ своей стороны двухъ кандидатовъ на одно мѣсто—Лебедева ¹⁾, который составилъ ругательный отзывъ на мое сочиненіе и былъ моимъ официальнымъ оппонентомъ, и другого еще. Къ крайнему прискорбію кандидатъ о. ректора получилъ семь голосовъ, а кандидатъ Субботина 8. Пять человекъ, тѣ же что были и противъ меня, сомкнулись въ тѣсную коалицію и уговорили троихъ подать голоса за того и другого кандидата. Сами они не дали ни одного голоса Ключевскому, а изъ семи бывшихъ на сторонѣ о. ректора притянули хитростію другихъ въ пользу противопоставленнаго кандидата. Вопросъ былъ поставленъ прямо: кто болѣе имѣетъ въ Совѣтѣ значенія: ректоръ или Субботинъ? Субботинъ вообще не имѣетъ авторитета, не пользуется уваженіемъ, а между тѣмъ ректоръ долженъ уступить ему. Эту такъ сказать, пощечину не могъ равнодушно перенести ректоръ и послѣ сильнаго нервнаго потрясенія, приливовъ крови къ сердцу, у него обнаружилось начало водянки. Вчера я былъ у него, говорить, что ему лучше. Далъ бы Богъ.

Третьяго дня былъ здѣсь попечитель Виленскаго округа изъ Петербурга пріѣхавшій. Онъ говоритъ, что проэктъ духовно-судебной реформы провалился, и если возродится, то въ другомъ видѣ; ибо въ Зимнемъ Дворцѣ извѣстно то дурное впечатлѣніе, какое произвелъ онъ.

Среди мелкихъ занятій время идетъ у меня незамѣтно, такъ что и присѣсть за серьезный трудъ не нахожу времени, а скорѣе охоты. Хочется взяться за многое, а при этомъ естественно не поймашь ни одного зайца.

Напишите о себѣ и скажите, что подѣлываетъ Ваше общество, чѣмъ оно преимущественно интересуется?

Преданный П. Казанскій.

1875 г., января 30 дня.

47.

Воистину Христось Воскресе, добрѣйшая Александра Николаевна. Благодарю Васъ за отрадную для меня память въ священныя минуты Вашего соединенія съ Господомъ Иисусомъ Христомъ, за Вашъ привѣтъ и благожеланія. Меня въ четвергъ Господь сподобилъ Святыхъ Таинъ. И время поста и время года и погода неблагоприятны для моего слабаго здоровья и съ трудомъ я прожилъ это время. Но такъ какъ не имѣю подвиговъ добровольныхъ, то съ благодарностью Господу Богу принимаю невольные подвиги на меня возлагаемые.

Отъ всей души сочувствую Вашему предпріятію знакомить съ службою святыхъ великихъ дней. Не вижу я только, что-

¹⁾ Алексѣя Петровича.

бы имѣлись въ виду труды Андрея Ник. Муравьева. Въ его Письмахъ о Богослуженіи, въ его статьѣ: Пасха въ Кремлѣ, частію въ письмахъ съ Востока и въ письмахъ къ митрополиту есть прекрасные переводы церковныхъ пѣснопѣній. И самъ онъ зналъ хорошо греческій языкъ и былъ поэтъ, что очень важно при переводѣ поэтическихъ произведеній и кромѣ того иногда м. Филаретъ исправлялъ ему переводъ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. При мнѣ какъ-то А. Н. разбиралъ переводы каноновъ, сдѣланные Ловягинымъ, и справедливо указывалъ на недостатокъ въ переводчикѣ поэтическаго чувства, вслѣдствіе чего переводъ при своей вѣрности много теряетъ въ своемъ достоинствѣ.

Ваши мысли о томъ, что церковное богослуженіе у насъ замѣняетъ проповѣдь я совершенно раздѣляю. Что можетъ проповѣдникъ сказать въ разъясненіе какого либо праздника болѣе того, что сказано въ церковныхъ пѣсняхъ. Тутъ не только изъясняется событіе но извлекаются и нравственныя наставленія. Златоусты еще въ свое время, когда церковное богослуженіе не достигало той полноты, въ какой оно является теперь, не разъ повторяли слушателямъ, что они напрасно сѣтуютъ на то, если не бываетъ проповѣди, ибо всему могутъ научиться изъ церковнаго богослуженія. А проповѣди слушаютъ болѣе изъ любопытства, и въ нихъ интересуются только болѣе рѣзкими выходками, награждаютъ рукоплесканіями проповѣдника и уходятъ потомъ какъ съ театральнаго зрѣлища безъ всякаго плода.

Алекс. Васильевича видѣлъ нынѣ. Онъ не служилъ но чувствуетъ себя нѣсколько лучше. Его тревожитъ ожидаемая ревизія академіи преосв. Макаріемъ, который пріѣдетъ послѣ Пасхи. Не имѣя отношенія къ Академіи я теперь конечно спокойно смотрю на эти волненія, меня не касающіяся, и благодарю Господа Бога за свою покойную жизнь, и объ одномъ сожалѣю, что не имѣю силъ физическихъ для ученыхъ трудовъ, хотя въ душѣ и есть желаніе заняться ими. Но и въ семь воля Божія. И ученость съ ея трудами есть своего рода суета и крушеніе духа. На нужное дѣло Господь дастъ и силы, а теперь не безъ пользы въ теченіе Великаго поста я занимался чтеніями сочиненій Златоуста.

Въ нашемъ Посадѣ къ числу новостей принадлежитъ то, что Субботинъ женится на вдовѣ доцента Королькова, племянницѣ Амфитеатрова и Кудрявцева по женамъ ихъ. Въ приданое у ней только двое дѣтей. Ему 47 лѣтъ, а ей лѣтъ 30. Нынѣ онъ самъ мнѣ объявилъ это.

О. намѣстникъ нынѣ служилъ, хотя его большею частію носятъ, и дрожать отъ слабости ноги.

Преданный П. Казанскій.

Очень радъ былъ получить отъ Васъ извѣстіе. Слава Богу, что Вы здоровы. Вотъ однимъ другомъ Вашимъ меньше; Не стало Юрія Ѳедоровича ¹⁾. У насъ поминаютъ его. Такихъ людей немного у насъ. Я съ обычными болѣзнями влачу свое время. Желалъ бы и я побывать въ Римѣ и на югѣ Италіи, но смѣлости нѣтъ пуститься одному въ такой путь и далекой и представляющей совсѣмъ иныя условія жизни, нежели къ какимъ я привыкъ. Въ Академіи нашей новый ректоръ архим. Михаилъ. Переменъ никакихъ нѣтъ, да и нельзя ожидать, кромѣ тѣхъ, какія вноситъ его личность въ отношенія къ наставникамъ. Марта 26 былъ диспутъ на докторскую степень бывшего ректора Виѳанской Семинаріи нынѣ Знаменскаго архимандрита Сергія. Защищалъ свое сочиненіе: «Полный мѣсяцесловъ Востока» — предметъ одинъ съ трудомъ ренегата Мартынова: «Annus Ecclesiasticus». Лѣтъ шесть или семь работалъ Сергій надъ этимъ сочиненіемъ неумоимо. Есть пропуски, промахи, но сдѣлано весьма много, и во всякомъ случаѣ позднѣйшіе изслѣдователи будутъ опираться на этотъ трудъ. Кромѣ изслѣдованія мѣсяцеслова замѣчательно изслѣдованіе о прологахъ и уставахъ. Весь трудъ въ двухъ частяхъ состоитъ изъ ста печатныхъ листовъ.

Въ церковныхъ вопросахъ пока затишье. Можетъ быть къ благу церкви и миру ея подгломнятся съ проэктми самоизмышленными. Выдалъ тутъ, агентъ извѣстныхъ лицъ, Ростиславовъ — авторъ сочиненій о бѣломъ и черномъ духовенствѣ и о духовныхъ училищахъ, изданныхъ за границую, теперь уже въ Россіи опытъ изслѣдованія о доходахъ и богатствахъ монастырей—книгу—вѣрнѣе сказать, опытъ фантазіи, потому что данныхъ онъ мало имѣеть, а что имѣеть, тѣмъ не доволенъ. Такъ доходы Лавры, Скита и Виѳаніи онъ увеличилъ болѣе, чѣмъ вдвое. Цифрами или играетъ или искажаетъ ихъ, но интереснѣе всего его сожалѣніе о накопленіи богатствъ въ ризахъ, иконахъ, вещахъ, въ монастыряхъ. Напоминаетъ онъ Іуду: «не можаше ли миро сіе быть продано и дано нищимъ». А въ заключеніе хлопочетъ старость церковныхъ приставить къ монастырямъ; — можетъ быть и ему откроется мѣсто. Но при Петрѣ I и послѣ него собирали доходы съ монастырскихъ имѣній. Слѣдствіемъ было съ одной стороны то, что всѣ монастыри пришли въ развалины и нищету, а съ другой то, что и имѣнія перестали давать доходъ, и начали мало по малу отдавать ихъ монастырямъ. Книга имѣеть значеніе, потому что вопросъ объ устройствѣ монастырей теперь въ ходу. Но странно то, что къ совѣщанію о семъ дѣлѣ не приглашаютъ настоятелей

¹⁾ Самарина.

монастырей, а все, говорятъ, сочинить Юрій Толстой ¹⁾ съ компанією. Насколько я знаю жизнь монаховъ нашихъ, не нахожу и я ее удовлетворительной. Монашество наше нуждается въ преобразованіи, но никогда подобное преобразование, какъ и всякое нравственное, не совершалось административными мѣрами и указами. Вопросъ нужно поглубже разсматривать лицамъ, ревнующимъ о духовной жизни и опытно проходившимъ духовную жизнь.

Прошедшій годъ Вы хлопотали объ изданіи службъ страстной недѣли; нынѣ отпечатаны службы и на весь великій постъ. Переводъ сдѣлалъ Михаилъ Симоновичъ ²⁾.

Привѣтствую Васъ съ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи, въ чужой странѣ являюсь къ Вамъ съ русскимъ православнымъ привѣтомъ Христосъ Воскресе. Небольшая семья православныхъ воспоетъ пѣснь Господню на землѣ чужой.

Передъ Великимъ постомъ и въ Великій постъ перечитывалъ я письма митр. Филарета къ о. намѣстнику Лавры съ тѣмъ, чтобы сдѣлать выборку для печати. Всего болѣе 1700 писемъ. Но самыя интересныя уничтожены были по желанію или требованію покойнаго Владыки. Для характеристики митр. Филарета письма эти важны.

Поднять въ Питерѣ вопросъ о правахъ раскольниковъ; хотять дозволить имъ открытое богослуженіе. По моему мнѣнію, это тоже, что дозволить на театрѣ представлять православную службу. Раскольничьи архіереи не есть архіереи и священники. Совершеніе ими таинствъ есть лицедейство. Какъ глубоко это оскорбляетъ совѣсть православныхъ! Слухъ есть, что особенно хлопотали за молоканъ, потому будто, что они суть зерно нашихъ реформатовъ. Итакъ Комитетъ по дѣламъ раскола ставитъ себѣ между прочимъ за долгъ приготовить реформацію въ нашей церкви. Неужели это правда? О Остзейцы, ликуйте! или это вы?

Въ третьей книжкѣ «Православнаго Обзорѣнія» напечаталъ я письма Митрополита Гавріила, гдѣ можно найти и для нынѣшняго Комитета о раскольникахъ очень полезныя указанія.

Въ ожиданіи свиданія съ Вами, которое Вы обѣщаете не рѣдко, но исполнять обѣщаніе не имѣете обычая.

Преданный П. Казанскій.

1876 г., марта 31 дня.

49.

Слышалъ я о Вашемъ пріѣздѣ въ Москву, добрая Александра Николаевна, и хотя помнилъ полуобѣщанное Вами посѣщеніе Лавры, но такъ какъ еще въ Парижѣ послалъ Вамъ

¹⁾ Товарищъ оберъ-прокурора Свят. Синода.

²⁾ Боголюбскій, Московскій протоіерей, братъ П. С. Казанскаго.

предсказаніе, что Вы не будете по приѣздѣ изъ заграницы въ Лавру, то и не ожидалъ Васъ. Съ 3 Іюня я въ Костромѣ; вмѣстѣ со мною изъ Москвы приѣхалъ братъ Мих. Сим. съ женою, и дней шесть прогостилъ въ Костромѣ.

Погода не совсѣмъ благопріятствуетъ долгой жизни, а слѣдовательно и улучшенію моего здоровья. Приѣхалъ я сюда въ жары, а потомъ настали холода, и я зябну и кашляю. Іезуитъ Гагаринъ потому переписывался или вѣрнѣе написалъ письмо Дм. Фед. Голубинскому (не тому, что ѣздилъ за границу къ славянамъ, — этотъ Евгеній Евстигнѣев. Голубинскій) сыну протоіерея Голубинскаго, преподающему физику въ Академіи или вѣрнѣе примиряющему откровеніе съ естественно полученными свѣдѣніями, что Голубинскій защищалъ книгу Секки, другого іезуита, отъ русскаго переводчика въ Вяткѣ. Переводчикъ выкинулъ изъ книги Секки всѣ мѣста, гдѣ говорилось о Богѣ; гдѣ Секки находилъ въ природѣ свидѣтельство о Богѣ, тамъ у переводчика явилось свидѣтельство силы матеріи и пр. Газеты конечно дошли до Васъ, и Вы знаете, что Сербія начинаетъ бороться съ Турціею.

Въ русскихъ сказкахъ обыкновенно русскій обманываетъ нѣмца, который выставляется глупымъ. Но то — сказка, а не быль. На дѣлѣ обыкновенно нѣмецъ обманетъ русскаго. Не то ли видно и въ Восточномъ вопросѣ? Нѣмцы тогда только развязали руки Сербіи, когда турки стянули отовсюду войска свои къ Константинополю. Но мы зрители, а не двигатели событій, а потому и остается намъ только смотрѣть на совершающіяся событія за предѣлами отечества. Да и въ предѣлахъ отечества ужъ не нѣмцы ли придумываютъ разныя улучшенія быта духовенства такъ, чтобы теперь всякаго производить въ священники. Закрыли много церквей, а теперь Комиссія объ улучшеніи быта раскольниковъ положила позволять раскольникамъ по ихъ прошеніямъ открывать моленныя, гдѣ имъ понадобится. Впрочемъ раскольники и не спрашиваютъ никого, ставятъ архіереевъ, собираютъ соборы, открываютъ молельни. Однимъ православнымъ не смотря на слезныя ихъ просьбы не позволяютъ имѣть при храмѣ своего священника, и лишаютъ тѣмъ возможности быть у богослуженія, и почти невольно заставляютъ ходить въ раскольничьи моленныя. Хотятъ устроить раскольниковъ т. е. организовать изъ нихъ общество, тѣсно сплоченное, какъ въ Сибири организовали ламайство, а въ Оренбургѣ и въ другихъ мѣстахъ магометанство.

Іерархическія новости извѣстны Вамъ. Преосв. Филоеей, безстрастный какъ его звали еще въ академіи, мужъ долга, никогда не выходящій изъ себя, немногослаголивый, назначенъ въ митроп. Кіевскаго. Онъ не сторонникъ затѣянной Толстымъ реформы церковнаго суда. Да и покойный Арсеній не задолго

передъ смертью представилъ сильное мнѣніе противъ проэкта. Преосв. Леонидъ переведенъ въ Ярославль. Въ Москвѣ онъ безъ сомнѣнія приносилъ пользу своимъ общеніемъ съ Московскимъ обществомъ. Много добраго, много вѣрныхъ сужденій о дѣлахъ церкви распространялъ онъ въ обществѣ. Будетъ ли онъ полезенъ въ Ярославлѣ — это неизвѣстно, даже сомнительно при его неохотѣ и можно сказать, неспособности къ административной дѣятельности. Вѣроятно Вы читали и по крайней мѣрѣ слышали о книгѣ, изданной Ростиславовымъ объ имуществахъ и доходахъ монастырей. При немногихъ данныхъ книга наполнена разными лжами и преувеличеніями, но — и это есть знаменіе времени — произвела значительное впечатлѣніе. Теперь разосланы отъ Синода запросы о доходахъ штатныхъ монастырей. Кажется хотятъ отобрать выдаваемые изъ казны деньги въ замѣнъ отобранныхъ имѣній и штатныхъ служителей. А вся-то эта сумма составляетъ не болѣе 400,000 рублей. Казалось бы стыдно было бы правительству, если бы оно не давало ничего монастырямъ — не только потому, что оно отобрало имѣнія, но и потому, что эти монастыри — любимое богомоленіе народа, пріютъ для душъ ищущихъ мира, и назидательно-воспитательныя для народа учрежденія. На театры тратится болѣе 400,000 рублей.

Будьте здоровы и отдыхайте въ деревнѣ.

Преданный П. Казанскій.

Іюня 21 1876 г.

Сообщилъ прот. А. Бѣляевъ.

Письма къ проф. и ректору Моск. Дух. Академіи С. К. Смирнову разныхъ лицъ.

Послѣ покойнаго профессора и ректора Московской Духовной Академіи протоіерея Сергѣя Константиновича Смирнова († 16 февр. 1889 г.) осталось значительное количество различныхъ бумагъ, главнымъ образомъ — черновиковъ его лекцій и работъ, а также много писемъ, адресованныхъ ему разными лицами по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Вдова покойнаго, и донинѣ здравствующая Софія Мартыновна, любезно разрѣшила выбрать изъ этого архива то, что можетъ представить нѣкоторый интересъ, особенно—въ виду наступающаго въ текущемъ 1914 году столѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи; результаты этого извлеченія мы и представляемъ ниже.

С. К. Смирновъ родился 5 сентября 1818 г. въ Москвѣ, скончался 16 февраля 1889 г. въ Сергіевскомъ посадѣ. Его отецъ Константинъ Васильевичъ († 1840 г.) былъ священникомъ церкви Св. Николая въ Ковыльскомъ, а ранѣе, при митрополитѣ Платонѣ, состоялъ преподавателемъ философіи въ Виѣанской семинаріи и былъ лично весьма близокъ къ митрополиту Платону.

По окончаніи духовнаго училища и семинаріи въ Москвѣ, С. К. поступилъ въ 1840 г. въ Московскую Духовную Академію и окончилъ ее третьимъ по списку магистромъ въ 1844 г., съ какового года и начинается его 42-лѣтняя служба при Академіи.

Преподавая первыя 11 лѣтъ своей службы русскую гражданскую исторію (С. К. былъ первымъ преподавателемъ русской гражданской исторіи, какъ самостоятельнаго предмета въ Духовной Академіи) и греческій языкъ, съ 1855 года онъ взялъ сверхъ того исторію раскола на миссіонерскомъ отдѣленіи; въ 1870 году, когда по новому уставу необходимо было изъ нѣсколькихъ предметовъ преподаванія избрать одинъ, С. К. избралъ греческій языкъ съ его словесностью, каковой предметъ и читалъ до введенія устава 1884 года. Этотъ уставъ предписывалъ ректору читать какой-либо богословскій предметъ; С. К. взялъ Священное Писаніе Новаго Завѣта, но читалъ его всего два года, выйдя въ 1886 г. въ отставку. Кромѣ этой, чисто академической дѣятельности, С. К. принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ и изданіи «Твореній святыхъ отцовъ», будучи съ 1854 г. секретаремъ, а впослѣдствіи и предсѣдателемъ редакціоннаго комитета. Онъ перевелъ часть твореній Ефрема Сирина, бл. Ѳеодорита, Василия Великаго, Кирилла Александрійскаго и др. Наконецъ, С. К. занималъ въ Академіи и административные посты: въ 1870 г. онъ былъ избранъ инспекторомъ, въ 1874 г. помощникомъ ректора по церковно-практическому отдѣленію и, наконецъ, въ 1878 г. ректоромъ Академіи, въ каковой должности и пробылъ 8 лѣтъ; вмѣстѣ съ ректорствомъ онъ, по требованію устава, принялъ и священныи санъ. — Научно-литературная дѣятельность Сергѣя Константиновича обнимаетъ періодъ въ 46 лѣтъ, со студенческихъ годовъ—1843 и

до самой смерти—1889 г., и отличается большим разнообразіем и разносторонностью: онъ писалъ по богословію, философіи, исторіи русской Церкви, гражданской исторіи, археологіи, расколу, греческой филологіи, издавалъ документы, некрологи, описанія, путеводители, переводы, писалъ критико-библиографическіе разборы, произносилъ и печаталъ проповѣди, стихотворенія, сотрудничалъ въ повременной печати, и т. д. Онъ сотрудничалъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Москвитянинъ», «Прибавленія къ твореніямъ святыхъ отцовъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русск. Вѣстникъ», «Прав. Обзорніи», «Душеп. Чтеніи», «Русск. Архивъ», «Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Импер. Моск. университетѣ», «Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ», Сборникъ «XVIII вѣкъ», изд. Бартевымъ. Изъ болѣе крупныхъ, отдѣльно изданныхъ сочиненій С. К. Смирнова нужно отмѣтить особенно: 1) «*Биографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго*», Москва, 1852 г. 2) «*Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи*», Москва, 1855 г. (Эта книга была премирована Академіей Наукъ демидовской преміей въ 714 р., и за нее автору, по представленію министра народнаго просвѣщенія А. Норова, было объявлено Высочайшее благоволеніе). 3) «*Исторія Троицкой лаврской семинаріи*». Москва, 1867 г. (Удостоена Академіей Наукъ уваровской преміи въ 500 руб., и за нее по Высочайшему повелѣнію выдано автору 400 руб. въ награду изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ). 4) «*Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія ап. Павла къ Ефесеямъ*». Москва, 1873 г. (За это сочиненіе авторъ былъ удостоенъ, послѣ публичнаго диспута, степени доктора богословія). 5) «*Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія*», Москва, 1879 г. (Удостоена Академіей Наукъ Уваровской преміи въ 500 р. и автору объявлена Высочайшая благодарность). — С. К. Смирновъ состоялъ съ 1874 г. членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности; еще въ 1851 году онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Имп. Московскомъ университетѣ, а въ 1879 г. — непремѣннымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при томъ же университетѣ. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (1879), а также двухъ Духовныхъ Академій: Московской (1886 г.) и Петербургской (1888 г.). Какъ видимъ, ученая дѣятельность С. К. далеко выходила за рамки простаго «прохожденія службы»: его знали, какъ ученаго, не только духовно-академическіе круги, но и большинство тогдашнихъ свѣтскихъ ученыхъ, не только историковъ или словесниковъ, но даже антропологовъ и натуралистовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ всего болѣе убѣждаетъ переписка С. К., указывающая на весьма широкій кругъ его личнаго или литературнаго знакомства ¹⁾).

¹⁾ Вотъ перечень (далеко не полный) лицъ, съ которыми С. К. велъ переписку и отъ которыхъ въ его архивѣ сохранились письма: Филаретъ м. Московскій, Исидоръ м. С.-Петербургскій, Макарій м. Московскій, Леонтій м. Московскій, Михаилъ м. Сербскій, Филаретъ архіеп. Черниговскій, Павелъ экз. Грузин, Савва архіеп. Тверской, Ѳ. А. Голубинскій, Норовъ Авр. Серг., Побѣдоносцевъ К. П., Деляновъ И. Д., Толстой Д. А., Филипповъ Т. И., Долгоруковъ Вл. Андр. московскій ген.-губ., Оболенскій М. А., Ненарокомовъ И. А., Сергіевскій Н. А. попеч. Вил. окр., Кеппенъ П. И. акад., Бычковъ А. Ѳ., Сухомлиновъ М. И., Тихонравовъ Н. С., Пекарскій П. П., Соловьевъ С. М., Срезневскій И. М., Погодинъ М. П., Буслаевъ Ѳ. И., Ключевскій В. О., Голубинскій Е. Е., Баршевъ С. И., Бодянский О. М., Веселовскій К. С., Вѣляевъ И. Д., Платоновъ И. В., Ивановъ-Платоновъ А. М., Богдановъ А. П., Любимовъ Н. А., Кожевниковъ А. Я., Корсаковъ С. С., Павловъ А. С., Сергіевскій Н. А. прот., Елеонскій Н. А. прот., Чистовичъ И. А., Покровскій П. Евд. протопр., Новскій Д. П. протопр., Янышевъ И. Л. протопр., Васильевъ І. В. протопр., Бартевевъ П. И., Геннади Г. Н., Самаринъ Д. Ѳ.,

Изъ печатаемыхъ ниже писемъ мы увидимъ не разъ, что такіе крупные ученые, какъ академики Бычковъ, Сухомлиновъ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Погодинъ и другіе обращались за справками и совѣтомъ къ С. К. по вопросамъ отечественной исторіи и словесности и часто получали подробныя разъясненія отъ него, какъ, напр., приводимая для образца справка на запросъ проф. Погодина о представителяхъ рода Титовыхъ. Изъ этихъ фактовъ и тона всѣхъ писемъ ученыхъ, печатаемыхъ ниже, мы видимъ, насколько Московская Духовная Академія въ то время была въ курсѣ обще-культурной и научной жизни страны: она стоитъ на ряду съ другими учебно-учеными учреждениями и обществами, поддерживаетъ съ ними самую оживленную связь и вноситъ свою долю участія въ общее дѣло разработки научной нивы. Мы совсѣмъ не замѣчаемъ никакого отчужденія академической науки отъ свѣтской: академическіе ученые пользуются полнымъ признаніемъ со стороны своихъ университетскихъ коллегъ, въ свою очередь получая и отъ этихъ послѣднихъ необходимыя свѣдѣнія (напр., ак. А. Бычковъ сообщаетъ по запросу С. К. свѣдѣнія о литературѣ объ арх. Ѳеодорѣ Бухаревѣ, Билярскомъ, Невоструевѣ, Ундольскомъ; ак. Буслаевъ — объ изображеніяхъ Саввы Сторожевскаго и т. д.).

П. Кантеревъ.

I.

ПЕРЕПИСКА СЪ М. П. ПОГОДИНЫМЪ.

1.

Письмо С. К. Смирнова къ М. П. Погодину ¹⁾.Милостивый Государь
Михаиль Петровичъ!

Очень благодаренъ Вамъ за то, что одолжили мнѣ Ваши записки о Пожарскомъ ²⁾, которыя при семъ имѣю честь препроводить Вамъ.

Прошу Васъ что нибудь сказать о моей біографіи, впрочемъ уже послѣ того, какъ получите отъ меня прибавленіе къ оной, которое скоро напечатается. Опять не согласился я съ Вами въ томъ, что слово: пожаръ, встрѣчающееся въ лѣтописи подъ 1096 годомъ, должно понимать, какъ имя собственное ³⁾. На это привожу слѣдующія основанія:

На предыдущей страницѣ лѣтописи говорится о сожженіи Суздаля Олегомъ Святославичемъ, а въ приведенномъ вами мѣстѣ повѣствуется о битвѣ подъ Суздалемъ Мстислава съ Олегомъ: «Олегъ поиде къ городу (Суздалю)... Мстиславъ же перешедъ пожаръ и оступишася». Ясно, что здѣсь гово-

¹⁾ Время написанія письма не означено, но несомнѣнно, оно относится къ промежутку времени отъ 17 іюля до 2 октября 1852 г., такъ какъ въ письмѣ упоминается о біографіи кн. Д. М. Пожарскаго, опубликованной С. К. Смирновымъ въ 1852 г. по цензурному разрѣшенію отъ 17 іюля, и говорится о приложеніи къ этой біографіи, «которое скоро напечатается», а разрѣшеніе цензуры на напечатаніе этого приложенія послѣдовало 2 октября.—1852 годъ былъ временемъ возбужденія особеннаго интереса ко всему, что такъ или иначе связано съ памятью князя Д. М. Пожарскаго. Незадолго предъ тѣмъ «Великіе князья Николай и Михаиль Николаевичи во время пребыванія своего въ Суздаль пожертвовали значительную сумму для сооруженія приличнаго памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ, по монастырскому преданію, погребенъ былъ князь Д. М. Пожарскій. Вслѣдствіе сего министромъ внутреннихъ дѣлъ поручено было сдѣлать всѣ возможныя разысканія» (*Барсукова, Н. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 12, стр. 43*). Въ февралѣ 1852 г. послѣ раскопокъ гр. А. С. Уварова установлено мѣсто погребенія князя Пожарскаго и 24 числа надъ найденнымъ прахомъ его совершена была торжественная панихида. Погодинъ явился вѣдѣтельнымъ описателемъ этихъ событій (*ibid.*, 46—51.) Въ виду этого и историкамъ естественно было въ этомъ году заняться научными изысканіями о Пожарскомъ. Занимался ими Погодинъ (см. слѣдующее примѣч.), занялся и С. К. Смирновъ. Результатомъ [занятій послѣдняго и явилась «Біографія кн. Д. М. Пожарскаго». Когда въ 1885 г. въ Суздаль освящали надгробную часовню—памятникъ кн. Д. М. Пожарскому,—торжествовавшіе вспомнили «ученый трудъ» С. К-ча, пили за его здоровье и послали ему привѣтственную телеграмму (см. ее у *И. Н. Корсунскаго: «Протоіерей С. К. Смирновъ»*. М. 1889, с. 56—57, прим. 74).—*Прот. С. Страховъ.*

²⁾ Изъ *Дневника* Погодина видно, что въ 1852 г. онъ, находясь въ Порѣчѣ у гр. Уварова, писалъ «о Пожарскомъ» (*Барсукова* цит. кн. с. 58). Свой трудъ Погодинъ, очевидно, сообщилъ С. К-чу.

³⁾ Т.-е. какъ «собственное имя города». Такъ понималъ Погодинъ. С. К. Смирновъ въ своей біографіи Пожарскаго кратко возразилъ ему слѣдующимъ образомъ: «по контексту дасть разумѣть, что здѣсь говорится о Суздаль, который только сожженъ былъ Олегомъ» (стр. 3, прим. 1).

рится о Суздальскомъ пожарищѣ. Не считаю нужнымъ указывать Вамъ, что слово: пожаръ часто встрѣчается въ значеніи сгорѣвшаго селенія или части города.

2) Невѣроятно, чтобъ мѣстность подъ названіемъ Пожара существовала въ XI вѣкѣ. Если Василій Андреевичъ въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка первый получилъ прозваніе Пожарскаго, тогда какъ еще въ XIII вѣкѣ, по вашему мнѣнію, мѣстечко Пожаръ было во власти предковъ Василя, то чѣмъ объяснить такое позднее происхожденіе прозванія? Должно думать, что если прозваніе дается отъ мѣста, то это мѣсто должно имѣть въ своей исторіи нѣчто замѣчательное, какоенибудь событіе, случившееся съ нимъ недавно, бывшее предметомъ новымъ, предметомъ толковъ, такъ что народные толки присоединяютъ имя событія случившагося въ извѣстномъ мѣстѣ къ имени владѣтеля мѣста. Такъ Василій получилъ прозваніе Пожарскаго отъ сгорѣвшей волости, которою онъ владѣлъ, и самая волость, долго незастроенная, могла остаться съ именемъ Пожара.

2.

Письмо М. П. Погодина къ проф. С. К. Смирнову.

Съ покорнѣйшею просьбою обращаюсь къ многуважаемому Сергѣю Константиновичу, по порученію стараго моего товарища Владиміра Павловича Титова, бывшаго посланника въ Константинополь и проч.¹⁾ Нѣтъ ли у васъ какихъ извѣстій объ іеросхимонахѣ Никонѣ Титовѣ, котораго надгробный камень вдѣланъ въ стѣну южнаго притвора Троицкаго²⁾ собора. Попросите также и Александра Васильевича: не попадалось ли ему чегонибудь? Также не знаете ли чегонибудь объ архіепископѣ Рязанскомъ, Алексѣѣ Титовѣ, который былъ сначала архим. Знаменскимъ, потомъ епископомъ Тверскимъ, Крутицкимъ, Вятскимъ³⁾.

Просить такъ просить—дайте извѣстіе о Князьяхъ Одоевскихъ, погребенныхъ подъ Троицкою церковью⁴⁾, гдѣ и Трубецкіе.

Усердно кланяюсь.

Что подѣлываете?

Всѣмъ друзьямъ лаврскимъ мое почтеніе.

Вашъ покорнѣйшій слуга М. Погодинъ.

3 сентября 1869.

¹⁾ Имѣеть печальную извѣстность по той роли, какую игралъ во вредъ Россіи въ эпоху Севастопольской войны. См. объ этомъ (по указателю) въ «Дневникѣ Аксаковой», Спб. 1913 г.

²⁾ Погодинъ Троицкій соборъ называетъ ошибочно,—вмѣсто Успенскаго.

³⁾ Служебныя перемѣщенія преосвященнаго Алексѣя перечисляются, какъ замѣтно изъ сличенія, по книгѣ Сергія (Спаскаго): «Историческое описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря», М. 1866, стр. 93.

⁴⁾ Имѣется въ виду Троицкій соборъ въ трапезѣ котораго погребены Одоевскіе и Трубецкіе.

Письмо С. К. Смирнова къ М. П. Погодину.

В. Пр. Достоуважаемый М. Петровичъ!

Согласно Вашему желанію имѣю честь сообщить Вамъ, что успѣлъ разыскать здѣсь о родѣ Титовыхъ. Никонъ Титовъ погребенъ у южной паперти Успенскаго собора; надпись на стѣнѣ гласить: «аѳ-ѳ¹⁾ г. Юль въ 28 день на память стѣхъ Апостолъ и діаконъ Прохора и Никонора Тімона и Пармена престависа рабъ Бжій семъ сватыа обители что былъ соборный старецъ іерусхимоуахъ Никонъ Титовъ»²⁾. Въ дѣлахъ монастырскихъ немного сохранилось за первую четверть XVIII вѣка, о немъ ничего не найдено. Кромѣ этого Титова жилъ въ Лаврѣ монахъ Нектарій Титовъ, который былъ здѣсь казначеемъ. Въ мірѣ его звали Никита Ивановъ. Прежде онъ былъ келаремъ Крутицкаго архіерея, а въ 1722 году опредѣленъ келаремъ въ Чудовъ монастырь, въ 1727 году переведенъ въ Лавру на должность казначея и скончался въ мартѣ 1734 года.

Алексій Титовъ былъ архимандритомъ М. Знаменскаго монастыря 1708—1712. Ноября 9 1712 г. рукоположенъ во епископа Тверскаго съ правомъ носить архіепископскія зеленыя скрижали; въ 1714 г. переведенъ на Крутицкую епархію съ званіемъ епископа Сарскаго и Подонскаго. Въ январѣ 1719 года съ степенью же епископа переведенъ въ Вятку и управлялъ Вятскою епархіею до 27 сент. 1733 года. Причиною, почему онъ при переводѣ въ Вятку не получилъ степени архіепископа полагаютъ то, что онъ оговоренъ былъ архим. Іосифова Волоколамскаго монастыря Германомъ въ участіи съ нимъ въ 1718 году при освидѣтельствovanіи открытыхъ въ томъ монастырѣ мощей и принятіи ихъ за мощи Чудотворца Іосифа: Св. Синодъ требовалъ по этому дѣлу объясненія у Алексія³⁾, а Германъ лишенъ былъ званія и священнаго сана. Въ Вяткѣ Алексій приобрѣлъ извѣстность обращеніемъ вотяковъ въ христіанство и ревностію къ умноженію церквей въ своей епархіи. Въ 1723 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія; въ 1728 г. былъ въ Москвѣ при вѣнчаніи на царство Петра II. Въ 1731 году возведенъ въ санъ

¹⁾ 1719.

²⁾ Ср. «Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ». М. 1880. Стр. 48 въ снес. съ 38-ю. Въ «Надписяхъ Троицкой Сергіевой лавры», собранныхъ архим. Леонидомъ, между прочимъ, и надгробныхъ (С.-Пб., 1881 г.), надписи на «надгробномъ камнѣ» Никона Титова, списанной С. К. Смирновымъ, не имѣется. Такимъ образомъ настоящее мѣсто письма является восполненіемъ къ изданнымъ «Надписямъ». Надпись о погребеніи о. Никона сохранилась до настоящаго времени, но съ трудомъ разбирается, потому что неоднократно была закрашиваема.

³⁾ Очевидно, это было уже во время служенія на Вятской кафедрѣ: при переводѣ его въ Вятку Св. Синода еще не было и переведенъ онъ былъ «повелѣніемъ» мѣстоблюстителя патріаршаго престола митрополита Стефана (Яворскаго), съ умаленіемъ чести и степени (см. у прот. Н. А. Соловьева: «Сарайская и Крутицкая епархіи». М. 1894. Вып. 1-й. Стран. 104—105).

архієпископа. Въ 1733 г. переведенъ въ Рязань. Въ 1735 г. долженъ былъ выслушать выговоръ Синода въ храмѣ за то, что рязанцы просили Государыню удостоить его, какъ добраго пастыря, Новгородской кафедрѣ на мѣсто большого Теофана. Алексій скончался въ санѣ Ряз. архієпископа 17 сентября 1750 года 83 лѣтъ отроду. Сохранилось его умиленное духовное завѣщаніе (напечатано въ Исторіи Ряз. Іерарх. Воздвиженскаго)¹⁾.

Одоевскіе погребены подъ Троицкимъ соборомъ съ юго-западной стороны. Объ нихъ у Ундольскаго²⁾ и въ XVI томѣ древн. Росс. Вивліое.³⁾

10 сент. 1869.

II.

Письмо Филарета, митрополита Московскаго.

Московской Духовной Академіи Баккалавру Магистру Смирнову.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора о сочиненіи вашемъ: «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи», Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: объявить Вамъ Высочайшее Его Величества благоволеніе.

Сію Высочайшую волю исполняя, уповаю, что Всемилостивѣйшее благоволеніе, котораго удостоены, будетъ для васъ новымъ сильнымъ побужденіемъ къ общеплезному употребленію познаній, пріобрѣтенныхъ Вами въ Московской Духовной Академіи.

Филаретъ м. Московскій⁴⁾.

№ 347.

8 августа 1855 г.

¹⁾ Тихона Воздвиженскаго «Историческое Обзорѣніе Рязанской іерархіи». М. 1820. Объ архіеп. Алексіи на стр. 243—258. Ср. свѣдѣнія о немъ, собранныя С. К. Смирновымъ, съ свѣдѣніями, собранными прот. Н. А. Соловьевымъ въ указ. книгѣ. У Соловьева имѣются интересныя свѣдѣнія, не сообщенныя Смирновымъ. Но, съ другой стороны, свѣдѣнія, сообщенныя въ настоящемъ письмѣ Смирновымъ, восполняютъ свѣдѣнія Соловьева (освидѣтельствованіе мощей Іосифа Волоколамскаго, миссіонерская дѣятельность въ Вяткѣ, выговоръ въ 1735 г., духовное завѣщаніе). Воздвиженскій нѣкоторые факты передаетъ иначе, чѣмъ Смирновъ. Выговоръ Синода былъ читанъ не въ храмѣ, а въ Крестовой палатѣ. Рязанцы просили не переводить Алексія въ Новгородъ (стр. 245).

²⁾ Разумѣется изданный Ундольскимъ въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.». 1846 г. «Списокъ надгробій Троицкаго Сергіева монастыря XVII вѣка». Въ болѣе исправной редакціи переизданъ архим. Леонидомъ въ прилож. къ «Историч. описанію Свято-Троицкія Сергіева лавры» А. В. Горскаго. М. 1879. Ч. 2. Стр. 79 и слѣд. Ср. еще цитиров. «Надписи», стр. 37—38 и 41, и «Списокъ погребенныхъ», стр. 6—7. По послѣднему мѣсто могилъ Одоевскихъ должно быть опредѣлено точнѣе «съ западной стороны», а не юго-западной, какъ у С. К. Смирнова.

³⁾ «Древняя Россійская Вивліоеика», изд. Н. Новикова 1791 г., т. XVI.

⁴⁾ Собственноручна только подпись.

III.

Письма М. И. Сухомлинова.

1.

Милостивый Государь Сергѣй Константиновичъ!

Вы, вѣроятно, весьма недовольны на меня, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше письмо, посланное въ іюнѣ. Но я опоздалъ отвѣтомъ не мѣсяцами, какъ можетъ казаться, даже не недѣлями, а развѣ днями, за что и прошу Вашей снисходительности. Это лѣто я провелъ въ Харьковской губерніи. Благодатный воздухъ юга и жизнь на родинѣ такъ пришили мнѣ по душѣ, что я замедлилъ возвращеньемъ въ Петербургъ. Вотъ почему и письмо Ваше я получилъ очень поздно, именно— по возвращеньи въ Петербургъ. Но это нисколько не помѣшало дѣлу о Вашей прекрасной книгѣ. Книга Ваша опоздала на конкурсъ этого года, и потому и отложена до слѣдующаго конкурса. Ее предварительно передадутъ на разсмотрѣніе кого-либо изъ извѣстныхъ ученыхъ. И вотъ въ этомъ то отношеніи мое пребываніе въ Харьковѣ было, можетъ быть, и не совсѣмъ бесполезно. Часто видаясь съ преосвященнымъ Филаретомъ ¹⁾, епископомъ Харьковскимъ, я не разъ слышалъ отъ него самые лестные отзывы о Вашей книгѣ. Воспользовавшись этимъ, я сказалъ ему, что она представлена на Демидовскій конкурсъ для полученія преміи, которое будетъ зависѣть отъ письменнаго о ней отзыва. При этомъ я спросилъ, не согласится ли онъ дать этотъ отзывъ, если Академія Наукъ обратится къ нему. Онъ отвѣчалъ, что не только согласится, но исполнить это съ величайшимъ душевнымъ удовольствіемъ, потому что «Исторія Слав. Академіи» произведение образцовое, и видно, что авторъ ея — свѣтлая голова», — собственныя слова преосвященнаго. По приѣздѣ я говорилъ съ Срезневскимъ; онъ очень радъ готовности Филарета, и видитъ въ ней залогъ успѣха, потому что мнѣнія преосвященнаго Филарета пользуются полнымъ уваженіемъ въ Академіи Наукъ. Такимъ образомъ Вамъ остается ожидать слѣдующаго конкурса ²⁾, а я съ своей стороны буду со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ слѣдить за Вашимъ дѣломъ, которое не можетъ не быть близко всякому, кто любитъ русскую словесность и дорожить такимъ прекраснымъ явленіемъ ея, какъ исторія Академіи— настольная книга преданнаго Вамъ М. Сухомлинова.

¹⁾ Гумилевскимъ.

²⁾ Въ слѣдующемъ 1857 году за «Исторію Московской славяно-греко-латинской академіи» С. К. Смирнову на основаніи отзыва, составленнаго архіеп. Филаретомъ, была присуждена Академіей Наукъ демидовская премія въ размѣрѣ 714 руб.

Душевно чтимому Александру Васильевичу прошу передать мое искреннее уваженіе: я у него въ огромномъ долгу, и рѣшительно не предвижу возможности отблагодарить хоть въ сотую часть этого достойнѣйшаго человѣка, человѣка, какихъ очень не много на бѣломъ свѣтѣ, какъ думаю я, какъ думаетъ пр. Филаретъ и еще многіе — и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ.

Петру Симоновичу ¹⁾ и отцу Иларію посылаю усердный поклонъ; не знаю, получилъ ли отецъ Иларій письмо, которое я на дняхъ послалъ ему.

30 сентября 1856 г. С.-Петербургъ.

2.

Душевно уважаемый Сергѣй Константиновичъ.

Приношу Вамъ искреннюю и глубокую благодарность за обязательное исполненіе просьбы моей о присылкѣ рукописей. Желая представить возможно полный очеркъ дѣятельности и судьбы замѣчательныхъ русскихъ людей, посвятившихъ себя наукѣ, я имѣю нужду въ матеріалахъ, относящихся къ началу ихъ образованія. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю появленія въ свѣтъ Вашего труда по «Исторіи Московской Духовной Академіи». До какой степени всѣ, любящіе русскую науку, дорожатъ Вашими трудами, видно изъ того единодушнаго сочувствія, которое выразилось при выборѣ Васъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ ²⁾.

Скоро ли сдѣлается извѣстнымъ архивъ незабвеннаго А. В. Горскаго? Безъ сомнѣнія, много важнаго находится въ письмахъ къ нему другой знаменитости Вашей Академіи — къ глубокому сожалѣнію также покойнаго, — Филарета Черниговскаго. Будучи связанъ съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ чувствомъ глубокой пріязни и уваженія, я потерялъ въ покойномъ Филаретѣ Черниговскомъ одного изъ близкихъ мнѣ людей, память о которомъ сохранится навсегда въ душѣ моей. Одинъ изъ ректоровъ просилъ меня написать статью о покойномъ Филаретѣ, и я охотно принялъ это предложеніе. Если у Васъ, многоуважаемый Сергѣй Константиновичъ, найдутся какіе-либо матеріалы, которые Вы признаете удобнымъ сообщить мнѣ, очень меня обяжете. Но само собою разумѣется, что было бы несравненно лучше, если бы эти матеріалы были напечатаны и освѣщены Вами, и я бы воспользовался ими уже изъ Вашего труда.

Да поможетъ Вамъ Богъ трудиться для пользы русской науки и всѣхъ любящихъ и ее и Васъ. Искренно и глубоко Васъ уважающій Михаилъ Сухомлиновъ.

6 мая 1876 г. Петербургъ.

¹⁾ Казанскому, проф. М. Д. Академіи.

²⁾ Въ 1874 г., по отдѣленію русскаго языка и словесности.

3.

Глубокоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ съ усерднѣйшею просьбою, какъ къ своему старому и доброму знакомому и почтенному сочлену по Академіи Наукъ.

Въ настоящее время я работаю надъ монографіями членовъ Россійской Академіи, получавшихъ первое образованіе въ Московской Духовной Академіи или Троицкой семинаріи, какъ, напр., *Барсовъ*¹⁾, *Десницкій*²⁾, *Зыбелинъ*³⁾, *Баженовъ*⁴⁾ и т. д.

Въ этомъ мѣсяцѣ я предполагаю посѣтить Вашу лавру и Академію, чтобы заняться въ Вашихъ архивахъ. Будьте такъ любезны, сообщите мнѣ, гдѣ именно надо искать свѣдѣній объ этихъ лицахъ, — у Васъ или въ Москвѣ. Вамъ это очень хорошо извѣстно, такъ какъ Вы пользовались многими архивами для Вашихъ превосходныхъ трудовъ — исторіи Московской Академіи и лаврской семинаріи. Въ трудахъ своихъ Вы упоминаете обо всѣхъ названныхъ мною лицахъ. Ваши указанія облегчатъ мою работу, и пріѣхавши въ Москву, я обращусь прямо туда, куда Вы меня направите, а потомъ для пополненія свѣдѣній явлюсь и къ Вамъ. Сдѣлайте одолженіе, отвѣчайте мнѣ поскорѣе, дорогой Сергѣй Константиновичъ.

До скорого свиданія. Душевно уважающій Васъ и преданный Вамъ Михаилъ Сухомлиновъ.

3 мая 1877. Петербургъ.

4.

Глубокоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Позвольте Вамъ представить одного изъ достойнѣйшихъ питомцевъ нашего университета, Евгенія Вячеславича *Пѣтухова*, удостоеннаго степени кандидата и оставленнаго при университетѣ для подготовленія къ степени магистра русской словесности. По моему совѣту, г. Пѣтуховъ намѣренъ провести это лѣто въ Вашей лаврѣ для научныхъ занятій. Обращаюсь къ Вамъ съ усердною просьбою оказать слушателю моему Ваше доброе содѣйствіе — дозволить ему пользоваться рукописями и библіотекою ввѣренной Вамъ Академіи и не отказать ему въ Вашихъ личныхъ совѣтахъ и указаніяхъ

¹⁾ *Барсовъ, Антонъ Алексѣевичъ*, ординарный профессоръ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ; род. въ 1730 г., ум. въ 1791 г.; учился въ славяно-греко-латинской академіи, а потомъ въ С.-Петербургской Академіи Наукъ; оставилъ послѣ себя много ученыхъ трудовъ.

²⁾ *Десницкій, Семень Ефимовичъ* — юристъ, ум. въ 1789 г., читалъ въ Московск. университетѣ римское право.

³⁾ *Зыбелинъ, Семень Герасимовичъ*, одинъ изъ первыхъ русскихъ профессоровъ медицины въ Московскомъ университетѣ (съ 1765 г.); первоначальное образованіе получилъ въ Моск. славян.-грек.-латинской академіи; ум. въ 1802 г.

⁴⁾ *Баженовъ, Василій Ивановичъ* (1737—1799), знаменитый русскій архитекторъ, получилъ образованіе въ славяно-греко-латинской академіи.

относительно его работ¹⁾. Невольно вспоминаю то радушіе, съ которымъ въ былые годы я былъ принятъ Вами, многоуважаемый Сергій Константиновичъ, и незабвеннымъ Ал. Вас. Горскимъ. Свидѣтельствую глубочайшее уваженіе Вамъ и супругѣ Вашей, прошу вѣрить искренней пріязни и преданности.

М. Сухомлиновъ.

29 мая 1885 г. Петербургъ.

5.

Глубокоуважаемый Сергій Константиновичъ!

Обращаюсь къ Вамъ съ усерднѣйшею просьбою оказать мнѣ доброе содѣйствіе въ новомъ моемъ академическомъ предпріятіи. Я предполагаю приступить къ изданію полного собранія сочиненій Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями и біографіею Ломоносова. На Академіи Наукъ давно уже лежитъ долгъ издать труды геніальнаго русскаго академика. Отдѣленіе русскаго языка и словесности возложило на меня это изданіе. Приступая къ работамъ о Ломоносовѣ, я предполагаю въ началѣ мая пріѣхать въ Москву, чтобы ознакомиться съ архивомъ Заиконоспасской школы, въ которой учился Ломоносовъ. Вамъ такъ хорошо извѣстенъ этотъ архивъ, Ваши разысканія въ немъ дали такую богатую пищу для изслѣдователей, что я считаю для себя долгомъ просить Вашихъ указаній. Гдѣ помѣщается архивъ, въ которомъ надо искать свѣдѣній о школьныхъ годахъ Ломоносова? Къ кому надо обратиться, чтобы получить разрѣшеніе пользоваться архивами Заиконоспасской школы и Московской Духовной Академіей? Кстати: изъ какого источника заимствовано Вами («Истор. Моск. Акад.», стр. 251) извѣстіе о томъ, что Ломоносовъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Кіевъ? Другіе вопросы оставляю до личнаго свиданія. Въ началѣ мая, когда, если Богъ дастъ, я буду въ Москвѣ, пріѣду на нѣсколько часовъ и въ Троицкую лавру, къ Вамъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ Васъ свѣдѣній объ архивѣ Заиконоспасскомъ.

Если Вы не забыли о моемъ существованіи, сообщу Вамъ, что въ жизни моей произошло важное событіе. Богъ снялъ съ меня тяжкое иго одиночества, непосильное для человѣка, всю жизнь проводившаго въ семьѣ. Въ январѣ я женился. Надѣюсь побывать у Васъ съ женою.

Свидѣтельствую глубочайшее уваженіе Вамъ и супругѣ Вашей. Душевно преданный М. Сухомлиновъ.

28 марта 1887 г.

¹⁾ 14 сентября 1886 г. *Е. В. Пытуховъ* (съ 1895 г. профессоръ Юрьевского университета) писалъ С. К. Смирнову: «Позвольте мнѣ въ признательность за нѣкоторое вниманіе, которое Вы оказали мнѣ лѣтомъ прошлаго года при моихъ занятіяхъ рукописями въ Троице-Сергіевой лаврѣ, прислать Вамъ прилагаемый здѣсь экземпляръ моихъ «Древнихъ поученій»; эта маленькая работа будетъ навсегда служить для меня воспоминаніемъ о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, которые я провелъ вблизи одного изъ важнѣйшихъ источниковъ русскаго духовнаго просвѣщенія и учености».

IV.

Письма *Θ. И. Буслаева*.

I.

Милостивый Государь *Сергѣй Константиновичъ!*

Давно собирался я доставить себѣ удовольствіе писать къ Вамъ, и вотъ наконецъ нашелъ удобный къ тому случай, имѣя честь препроводить къ Вамъ экземпляръ моей рѣчи ¹⁾.

Узнавъ отъ *Тихонравова* о Вашемъ благосклонномъ согласіи участвовать въ его журналѣ ²⁾, душевно радуюсь и за журналъ, и за себя, какъ сотрудника, и за ученую публику, которая будетъ имѣть случай лишній разъ воспользоваться плодами Вашей учености.

Я наслышался, что у Васъ подъ руками множество раскольничьихъ сочиненій. Большая часть изъ нихъ — сколько мнѣ извѣстно — имѣютъ интересъ не столько въ отношеніи религіи, сколько литературы, и именно разной миеологической и поэтической чепухи (разумѣется, за исключеніемъ глубокомысленныхъ философскихъ доктринъ). Вотъ если бы Вы побольше набрали этой интересной чепухи изъ рукописей и рѣдкихъ книгъ, и сообщили въ журналѣ *Тихонравова*: это были бы истинныя находки для занимающихся исторіею русской поэзіи.

Надѣюсь, что подобное, чисто литературное обращеніе къ расколу и старовѣрчеству не только не противуцензурно, но даже было бы одобрительно съ точки зрѣнія такъ называемой благонамѣренности.

Въ случаѣ же, если сами почему либо не желаете марать рукъ этой поэтической чепухой, то не можете ли сообщить ее намъ въ выпискахъ изъ рукописей? Для этого Вы могли бы пригласить кого-нибудь изъ студентовъ Академіи за условленную плату отъ меня.

Извините, что безпокою Васъ. Но что же дѣлать? Ради успѣховъ науки хочется какъ можно больше способствовать разработкѣ нашей старины. Во всякомъ случаѣ, удостойте меня отвѣтомъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью честь имѣю быть готовымъ къ услугамъ Вашимъ

Θ. Буслаевъ.

Москва, 1859 г. Февр. 11 дня.

¹⁾ Разумѣется произнесенная *Θ. И. Буслаевымъ* на годичномъ университетскомъ актѣ 12 января 1859 г. рѣчь: «О народной поэзіи въ древней русской литературѣ»; помѣщена въ годовомъ университетскомъ отчетѣ за означенный годъ.

²⁾ «Лѣтописи русской литературы и древности», — изданіе, редакторомъ котораго состоялъ ученикъ *Θ. И. Буслаева* *Н. С. Тихонравовъ*; вмѣстѣ съ редакторомъ и его учителемъ въ этомъ изданіи принимали участіе также многіе другіе молодые ученые, представители буслаевской научной школы.

2.

С.-Петербургъ 1860 г. мая 23.

Долго лишалъ я себя удовольствія писать Вамъ, многоуважаемый Сергѣй Константиновичъ, для того, чтобы, наконецъ, написать Вамъ что нибудь уже положительное о моемъ новомъ житьѣ-бытьѣ и о важныхъ дѣлахъ, для которыхъ я сюда вызванъ.

Нѣкоторыя подробности о моихъ лекціяхъ сообщитъ Вамъ Александръ Васильевичъ ¹⁾, которому я посылаю письмо въ одно время съ этимъ. Здѣсь прибавлю только, что Государь Наслѣдникъ ²⁾ необыкновенно интересуется русскою стариною и народностію, любитъ русскій языкъ и сочувствуетъ всякому мѣткому выраженію въ народной пѣснѣ или въ древней рукописи. Пишетъ правильно и съ нѣкоторымъ изяществомъ въ слогѣ, потому что понимаетъ силу словъ и выраженій. Литературою занимается по источникамъ. Подъ руками на лекціи постоянно рукописи. Публичная Библіотека всѣ сокровища даетъ намъ на домъ. Синодъ добываетъ для насъ все, что нужно изъ хранилищъ Духовнаго Вѣдомства! Болѣе великолѣпной обстановки въ пособіяхъ для лекцій уже и вообразить невозможно. И Слава Богу, что все это идетъ впрокъ, изучается съ любовью и съ успѣхами самыми быстрыми. Каждая лекція — шагъ впередъ. Зато каждая лекція стоитъ мнѣ цѣлаго дня, съ утра до поздней ночи, несмотря на то, что на листы заготовлено у меня было уже довольно много и прежде.

Лекціи поглощаютъ все мое вниманіе и всѣ мои нравственныя и физическія силы. Свободное отъ составленія лекцій время просто отдыхаю, гуляю, какъ путешественникъ, по Эрмитажу и другимъ хранилищамъ и собираюсь съ силами для будущей лекціи.

Живу я здѣсь по-московски, то есть, уединенно, въ своей семьѣ. Здѣсь просто бѣснованье на публичныя лекціи. Вездѣ читаютъ, чуть не на улицахъ. Но я нигдѣ не бываю. Все это одна сутолка, правда, полезная для массы, но утомительная для того, кто видитъ въ наукѣ не одну минутную вспышку. Разумѣется, я долженъ былъ завести нѣсколько интересныхъ для меня связей. Между прочимъ познакомился съ графомъ Блудовымъ ³⁾, который очень ко мнѣ ласковъ. Вице-президентъ Академіи Художествъ, князь Гагаринъ ⁴⁾ вошелъ со

¹⁾ Горскій.

²⁾ Николай Александровичъ, которому Э. И. Буслаевъ въ концѣ 1859 года приглашенъ былъ прочитать курсъ «Исторіи русской словесности» въ томъ ея значеніи, какъ она служитъ духовнымъ выраженіемъ духовныхъ интересовъ народа». Свое преподаваніе наслѣднику цесаревичу Э. И. Буслаевъ окончилъ въ 1861 году.

³⁾ Дмитрій Николаевичъ, 1785—1864 г., президентъ Академіи Наукъ затѣмъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

⁴⁾ Григорій Григорьевичъ, 1810—1893 г.

мною въ сношенія по древне-русскому искусству, которое болѣе и болѣе начинаетъ интересовать нашихъ художниковъ. Онъ даже предлагалъ мнѣ читать лекціи въ Академіи Художествъ по этому предмету; но я предпочелъ вмѣсто того — сблизиться съ нѣкоторыми изъ даровитыхъ молодыхъ академикомъ и домашнимъ образомъ передать имъ главное въ этомъ дѣлѣ. Это прочнѣе и ближе къ цѣли.

На дняхъ была ученая дуэль — Погодина съ Костомаровымъ ¹⁾. Духота и толкотня была страшная. Обоихъ бойцовъ — по окончаніи дуэли — вынесли на рукахъ: при этомъ изломано до сотни стульевъ. Когда несли Костомарова, съ нимъ сдѣлалось дурно, — онъ упалъ въ обморокъ. Само собою разумеется, что отъ этой дуэли наука ни на волосъ не двинулась впередъ.

Виною всей этой штуки Погодинъ, который пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы на старости лѣтъ людей потѣшить. Привезъ сюда разныхъ фокусовъ — задирательныхъ стаетекъ и, набивъ ими карманы, — повсюду ходить, какъ странствующій музыкантъ, и кому гдѣ угодно, читаетъ статью объ Алексѣѣ Петровичѣ. Читалъ онъ три раза публично, разъ даже въ пассажѣ!

Чтобы произвести эффектъ, онъ прицѣпился къ интересной личности Костомарова — и разыгралъ роль ученаго историка предъ многочисленной публикой...

Я заговорился, а о дѣлѣ и забылъ.

Много и много благодарю за переписанныя статьи. Вѣроятно уже переписано много и другого для меня. Ради Бога, пришлите. А вмѣстѣ съ тѣмъ, дайте знать, сколько денегъ выслать за пересылку.

Преданный вамъ Ѡ. Буславъ.

Мой адресъ: на Шестилавочной въ графскомъ переулкѣ, домъ графовъ Строгановыхъ.

V.

Письма Н. С. Тихонравова.

1.

Милостивый Государь,
Сергѣй Константиновичъ!

Простите, что, не имѣя удовольствія знать Васъ лично, рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Съ наступающаго года ²⁾ я начинаю въ Москвѣ изданіе журнала, еженедѣльно посвященнаго разработкѣ исторіи рус-

¹⁾ 19 марта 1860 г., о началѣ Руси.

²⁾ Какъ это, такъ и слѣдующее письмо, безъ датъ. Но принимая во вниманіе, что авторъ упоминаетъ о началѣ изданія своего журнала—«Лѣтописи русской литературы и древностей», что относилось къ 1859 году, и письмо надо относить къ этому времени.

ской словесности и древности. Занятія Ваши относятся къ тому же предмету, и Вы, можетъ быть, не откажетесь принять участіе въ моемъ изданіи. Въ него входятъ и изслѣдованія по исторіи древней и новой русской словесности и вообще по отечественной древности, и неизданные матеріалы, и критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій по исторіи русской литературы, церкви и т. д. Всѣ статьи Ваши подобнаго рода будутъ приняты съ глубокой благодарностью, и утѣшая себя надеждою, что Вы подарите новый журналъ своимъ содѣйствіемъ и позволите внести имя Ваше въ списокъ сотрудниковъ, я имѣю честь быть Вашимъ

Милостивый Государь,

Покорнѣйшимъ слугою, Н. Тихонравовъ.

Адресъ мой: Николаю Саввичу Тихонравову, профессору Московскаго университета, на Гороховомъ полѣ, въ домѣ Волковой, противъ церкви Вознесенія.

2.

Милостивый Государь,

Сергѣй Константиновичъ!

Не откажите оказать услугу протопопу Аввакуму ¹⁾ и Вашему покорному слугѣ. Въ рукописи нѣкоторыя слова не разобраны; сдѣлайте милость, напишите, какъ должно читать слова, подчеркнутыя краснымъ карандашомъ въ прилагаемыхъ корректурахъ. Исторія о бѣгствующемъ священствѣ пропущена; но мнѣ нуженъ былъ бы оригиналъ ея: нельзя ли попросить его въ Москву дня на два? Я думаю, Вы можете переслать его за казенной печатью. Судьба слѣдующей книжки лѣтописей теперь въ Вашихъ рукахъ: если получу отъ Васъ вскорѣ просимое, то она выйдетъ къ первому октябрю.

Слѣдующей почтой посылаю Вамъ хрестоматію Буслаева.

Мнѣ сказалъ К. И. Невоструевъ, что Синодальный Сборникъ № 641 въ лаврѣ; онъ весь раскольническій и, вѣроятно, у Васъ. Если онъ Вамъ не нуженъ теперь, то перешлите его Невоструеву.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою *Н. Тихонравовъ.*

VI.

Изъ письма Н. П. Гилярова-Платонова.

Москва, 19 февраля 1859 г.

...Считаю долгомъ вознаградить Васъ самою интересною, великолѣпною новостью. У Васъ «Парусомъ» интересовались. Итакъ, да будетъ Вамъ извѣстно, что послѣ самага громового

¹⁾ «Житіе» его издано Тихонравовымъ въ 1862 г., СПБ.

запрещенія, сопровождавшагося, какъ знаете, отставкой цензора, строжайшими выговорами и т. п., «Парусъ» вдругъ теперь воскресаетъ самымъ неожиданнымъ, самымъ невѣроятнымъ образомъ. Троицкіе подписчики могутъ быть увѣрены, что въ непродолжительномъ вѣремѣни они получаютъ слѣдующіе №№. И что всего замѣчательнѣе, газета *несомнѣнно* пойдетъ въ томъ же самомъ духѣ, съ тѣмъ же самымъ направлениемъ, однимъ словомъ *вполнѣ такая же*, какою началась, — только подъ другимъ названіемъ и съ другимъ именемъ редактора. А еще удивительнѣе то, что инициатива воскрешенія «Паруса» принадлежитъ вовсе не издателямъ; они послѣ запрещенія, разумѣется, потеряли всякую надежду: но ихъ *просятъ* продолжать ¹⁾. Болѣе объяснять по почтѣ неудобно. Одно только могу прибавить въ видѣ размышленія. Вотъ что значитъ быть людьми вполнѣ честными, слушающимися только своего долга! Во время послѣднихъ переговоровъ (когда я былъ у Троицы), они объявили, что ничего болѣе не могутъ обѣщать, кромѣ искренности своихъ чувствъ, уже извѣстныхъ, что они останутся вѣрны своему долгу, какъ они его понимаютъ. Какъ ни больно, вѣроятно, было выслушивать такія объясненія, какъ ни оскорбительнымъ должно было казаться такое прямое недоуверіе чужому руководству. . . . не смотря на все это, тѣ, съ кѣмъ ведены были переговоры, согласились вполнѣ, да и думаю, что уважаютъ ихъ и сочувствуютъ имъ теперь еще болѣе. Просто, чудеса! У меня голова закружилась, когда по приѣздѣ въ Москву, я выслушалъ вчера подробно всю исторію возстановленія «Паруса».

VII.

Письмо протоіерея А. Т. Шиллегодскаго къ проф. С. К. Смирнову ²⁾.

Милостивый Государь
Сергій Константиновичъ!

Безмѣрно виноватъ я предъ Вами и нѣтъ оправданія винѣ моей, кромѣ старческой немощи, иногда постигающихъ меня недуговъ и глупаго неумѣнья распредѣлять время занятій и досуговъ. Ради Бога покройте вину молчанія моего братскою—христіанскою любовью.

¹⁾ Издателемъ «Паруса» былъ извѣстный славянофилъ и публицистъ И. С. Аксаковъ († 24 янв. 1886 г.), съ 1857 г. негласно редактировавшій «Русскую Бесѣду» (изд. Кошелева) и добившійся разрѣшенія на собственное изданіе. Но «Парусъ» былъ внезапно запрещенъ послѣ 2-го №, затѣмъ, однако, Чижову, одному изъ близкихъ къ Аксакову лицъ, разрѣшили новый журналъ подъ названіемъ «Пароходъ», чѣмъ хотѣли прекратить всеобщее недоумѣніе, вызванное репрессіями противъ «Паруса». Новое изданіе не могло удовлетворить Аксакова, и онъ вернулся въ «Русскую Бесѣду».

²⁾ Шиллегодскій, Азарія Тимоѣевичъ, каедріальный протоіерей въ Вяткѣ, магистръ перваго курса Моск. Дух. Академіи. Къ нему С. К. Смирновъ, когда писалъ свою исторію Академіи, обращался за справками о первыхъ годахъ Академіи и этими справками (далеко не всѣми), данными въ предлагаемомъ письмѣ, воспользовался (см. стр. 13—15; 30—33, 45 и др.).

Простите меня и примите меня благодушно мою хотя запоздавшую, но оттого не меньше искреннюю и глубокую мою благодарность за многоцѣнный даръ, которымъ угодно было сопроводить письмо Ваше отъ 1 марта. Цѣню его не матеріально, а какъ прекрасный плодъ трудовъ Вашихъ, какъ выраженіе Вашего вниманія, доброй, благородной души Вашей, принявшей съ такою любовію мою ничтожную послугу Вашему дѣлу и не могу умолчать—какъ живое воспоминаніе о незабвенномъ приснопамятномъ П. С. ¹⁾

Отвѣтствовать Вамъ на предложенные въ вашемъ письмѣ вопросы почель бы я за утѣшеніе себѣ, за честь и долгъ; но чую, что на все и вполне удовлетворить Вамъ не могу.

1) Не затрудняюсь сообщить, кому изъ наставниковъ принадлежатъ посланныя мной лекціи ²⁾. Истолковат. чтенія на книгу Бытія, на нѣсколько главъ пророка Исаи и Богосл. догматику преподавалъ о. ректоръ Филаретъ ³⁾; полемику—инспекторъ архимандритъ Гермогенъ ⁴⁾; Нравственное Богословіе — бакалавръ-Левицкій ⁵⁾,—ему же принадлежатъ записки на книги В. Завѣта—Иова и проч. Историч. книга В. Завѣта читалъ о. инспекторъ бѣгло, и никакихъ записокъ не давалъ. Исторію философіи и часть системы философской въ первый годъ читалъ бакалавръ Ив. Конст. Носовъ ⁶⁾, а въ другой годъ преемствовалъ ему Вас. Ив. Кутневичъ ⁷⁾. О церковномъ краснорѣчїи уроки давалъ П. Ив. Розановъ ⁸⁾; Исторію гражданскую—В. В. Херсонскій ⁹⁾. Вотъ и все о посланныхъ лекціяхъ.

2) Былъ ли при открытіи Академіи князь Голицынъ ¹⁰⁾, и кто былъ еще, кромѣ Августина ¹¹⁾? Не умѣю сказать, потому что я (съ прочими товарищами изъ Вологодской семин. посланными въ Академію) не успѣлъ прибыть ко дню открытія Академіи, а потомъ, по легкомыслію, а можетъ быть въ страхѣ прїемныхъ экзаменовъ, недомыслили узнать, какъ происходилъ актъ открытія Академіи. О князѣ А. Н. Голицынѣ думаю,

¹⁾ Делицынѣ, скончавшемся 30 ноября 1863 г. С. К. Смирновъ послалъ о. Шиллегодскому напечатанный имъ въ 22 ч. «Приб. къ твор. св. отцовъ» некрологъ проф. Делицына.

²⁾ С. К. Смирновъ просилъ о. Шиллегодскаго прислать имѣвшіяся у него лекціи первыхъ профессоровъ Академіи, что о. Шиллегодскій и исполнилъ.

³⁾ Амфитеатровъ.

⁴⁾ Скончался настоятелемъ московск. Спасо-Адроникова монастыря.

⁵⁾ Григорій Александровичъ, скончавшійся священникомъ московской церкви Покрова въ Левшинѣ. Ниже о. Шиллегодскій указываетъ и другую его фамилію *Рагаль*, перешедшую и къ сыну его Димитрію, бывшему бакалавромъ Моск. Дух. Академіи и извѣстному своими «Письмами о конечныхъ причинахъ».

⁶⁾ См. о немъ «Исторію» Смирнова, стр. 45—46; 389.

⁷⁾ Впослѣдствїи оберъ-священникъ арміи и флота и членъ Св. Синода.

⁸⁾ Петръ Ивановичъ; выбылъ изъ Академіи въ 1818 г., скончался въ 1858 г. чиновникомъ въ Синодѣ.

⁹⁾ Василій Васильевичъ; выбылъ изъ Академіи въ 1822 г. на службу въ Москов. иностранную коллегію.

¹⁰⁾ Оберъ-прокуроръ Свят. Синода; см. о немъ у Чистовича: «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи» СПб. 1894 г.

¹¹⁾ Архіеписк. Московскій.

что онъ не былъ при томъ; потому что въ наше время посѣтилъ Академію, и въ сопровожденіи преосвящ. Августина всю ее, даже студенческія комнаты, обозрѣвалъ съ такимъ вниманіемъ и разспросами, какъ бы видѣвшій ее тогда въ первый разъ.

3) О характеристикѣ наставниковъ, о жизни и занятіяхъ студентовъ вопросъ самый интересный и, казалось бы, близкій для всякаго, кто могъ быть въ ежедневныхъ отношеніяхъ къ нимъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. На этотъ-то вопросъ я еще больше безотвѣтенъ предъ Вами. Вы, конечно, подивитесь этому и огорчитесь такимъ отзывомъ. Но что дѣлать! Такъ не готовъ я на отвѣтъ Вамъ. Въ то время, о которомъ вопросъ, я былъ молодъ, легкомысленъ, маловнимателенъ; невѣрная память не удержала и того, что въ свое время было такъ близко. Признаюсь, академическая жизнь теперь какъ бы въ туманѣ для меня. Къ прискорбію моему, я скоро и уже давно разстался съ товарищами;—всѣ бывшіе здѣсь на службѣ почили; съ иногородными не видался. Кое что осталось въ слабой памяти. Такъ и быть,—отнимаю у Васъ минуту вниманія.

О. ректоръ Филаретъ былъ исполненъ духа благочестія и любви христіанской. Управление его было—отеческое: мы были у него—дѣти. Св Писаніе и Богословіе мы слушали отъ него съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что самъ онъ на лекціяхъ былъ благоговѣнъ.

О. инспекторъ Гермогенъ—простая, добрая душа, но не обнаруживалъ много знанія и учености, и не педагогъ¹⁾. К. И. Носовъ²⁾—зналъ науку свою, и преподавалъ довольно удовлетворительно; тихъ и уединенъ.

В. Ив. Кутневичъ—особа, мужъ знанія и мудрости. По математикѣ я не былъ ученикомъ его. Уроки по философіи читалъ изъ книги, сопровождая своими сужденіями; но не рѣдко манкировалъ, — не знали почему. Но онъ имѣлъ вѣсь, и былъ уважаемъ³⁾.

Гр. Рагаль-Левитскій—степененъ, самоуглубленъ и дѣльный преподаватель. Уважали его студенты.

Архимандритъ Никаноръ (бывшій намѣстникъ⁴⁾ въ лаврѣ) видно былъ не многознающъ и плохой педагогъ. Не многіе постоянно ходили на лекціи его.

Два соборныхъ іеромонаха Θεоктистъ⁵⁾ (и если не ошибаюсь) Неофитъ⁶⁾ учили языкамъ французскому и нѣмец-

¹⁾ Ср. у Исмаилова, «Взглядъ на собств. прошедшую жизнь»; стр. 133.

²⁾ Нужно: И. К.

³⁾ Ср. у. Исмаилова: стр. 125 и 126.

⁴⁾ Опредѣленъ былъ намѣстникомъ лавры изъ бакалавровъ Академіи.

⁵⁾ Орловскій, служилъ въ Академіи до 1817 г., когда былъ сдѣланъ инспекторомъ Моск. семинаріи, въ которой былъ послѣ и ректоромъ; скончался архимандр. Владим. Боголюбова монастыря.

⁶⁾ Нужно *Владиміръ* іеромонахъ, учившій нѣмецкому языку, вполнѣдствіи ректоръ Орловской семинаріи.

кому—едва ли привлекали вниманіе студентовъ на классѣ, и скоро оставили Академію. У себя дома были привѣтливы и гостепріимны.

М. Ѳ. Бажановъ ¹⁾—мастеръ преподавать и оживлять свои уроки веселымъ юморомъ. Отлично произносилъ проповѣди.

Арс. Ив. Тяжеловъ ²⁾ и Гр. В. ³⁾ Огіевскій — неугомонные труженики—первый по еврейскому языку, а послѣдній по греческому. Дѣло свое дѣлали и при маломъ числѣ избранныхъ слушателей. Первый добръ, простъ и словоохотливъ. Послѣдній—больше былъ въ самомъ себѣ.

П. И. Розановъ, вѣжливый и деликатный, былъ любезенъ, но не совсѣмъ удовлетворялъ писанными лекціями.

В. В. Херсонскій—имѣлъ даръ слова и краснорѣчивъ на лекціяхъ. Мы любили слушать его.

Кажется, всѣхъ пересказалъ, хотя не умѣлъ сказать ничего, что годилось бы подъ перо Ваше, достопочтеннѣйшій Сергій Константиновичъ!

Обращаюсь къ братьямъ товарищамъ, изъ которыхъ большая часть почилла и только нѣкоторые остаются въ живыхъ. Да упокоитъ Господь первыхъ—отшедшихъ къ Нему—въ вѣчныхъ блаженныхъ обителяхъ, и послѣднихъ—еще труждающихся и обремененныхъ заботами вѣка сего, да благословитъ и хранить въ мирной и безболѣзненной старости!

Въ первый годъ академическаго курса студенты жили какъ-то разрозненно,—собранные изъ разныхъ провинцій не умѣли другъ съ другомъ сблизиться (только или преимущественно москаля были общительны, свободно и весело держали себя). Въ разрозненности удерживало насъ и то, что размѣстили насъ поепархіально въ комнатахъ. Зато усидчиво занимались; притомъ много времени тратили на переписку лекцій. Собравшись послѣ первой вакаціи, стали сблизаться, а далѣе въ продолженіе курса составили одну семью и братство.

Управленіе и надзоръ за нами были гораздо не строги. Мы учились и жили не совсѣмъ правильно и отчетливо. Недѣльныхъ или мѣсячныхъ задачъ не требовали отъ насъ, кромѣ срочныхъ экзаменовъ. Проповѣди по очереди писали и произносили. Не всѣ, можно сказать, не многіе, даже не всѣ изъ лучшихъ студентовъ, представляли курсовыя разсужденія. Должно пожалѣть и признаться, что успѣхи наши (исключая еминектовъ) были скудны. Дано было намъ направленіе, а затѣмъ сами, кто умѣлъ и хотѣлъ, незаконченно исправляли и дополняли.

¹⁾ Михаилъ Ѳеодоровичъ, скончался священникомъ Московской церкви Богоявленія въ Елоховѣ. Ср. у Исмаилова стр. 126.

²⁾ Арсеній Ивановичъ, скончавшійся въ санѣ протопресвитера московскаго Архангельскаго собора.

³⁾ По указанію С. К. Смирнова (Ист. 404)—Григорій Кир.,—впослѣдствіи наставникъ Кіевской Академіи.

Простите меня за отвѣтъ скудный и неудовлетворительный. Вотъ и еще виновать. Чуть не забылъ поздравить Васъ съ Монаршею милостию. Привѣтствую отъ души и желаю искренно, чтобы эта награда утѣшала и укрѣпляла Васъ въ подвигѣ службы и жизни.

Его высокопреподобію, о. ректору ¹⁾ Академіи (къ которому, не зная его лично, питаю глубоко-искреннее уваженіе) передайте мою задушевную благодарность за приглашеніе на праздникъ юбилея ²⁾. Летѣлъ бы всей душой и сердцемъ! Но дряхлость моя, опасеніе путешествовать въ глубокую осень пугаютъ и едва ли не удержатъ меня дома. Буду глубоко скорбѣть, если не увижу торжества Вашего. Отъ участія въ предполагаемой стипендіи постараюсь не уклониться, какъ Господь укажетъ и поможетъ.

Примите увѣреніе въ моему искреннему уваженіи и преданности, съ коими всегда пробуду Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

15 мая 1864. Вятка.

Пр. А. Шиллегодскій.

VIII.

Письма М. Ѡ. Бычкова.

1.

Милостивый Государь,
Сергѣй Константиновичъ!

Поспѣшаю передать Вамъ мое искреннее поздравленіе съ присужденіемъ Вашему труду ³⁾ половинной Уваровской преміи. Отзывъ о немъ рецензента П. П. Пекарскаго самый лестный; указаны лишь недосмотры и обмолвки самые ничтожные. Впрочемъ Вы долженствовали быть заранѣе увѣренными, что трудъ, на который потрачено много времени и который основанъ на изысканіяхъ въ архивахъ, всегда встрѣтитъ полное сочувствіе въ академической средѣ.

Примите увѣреніе въ моему истинномъ почтеніи и преданности

СПБ. 25 сентября 1868 г.

А. Бычковъ.

2.

Милостивый Государь
Сергѣй Константиновичъ!

Берусь съ пріятнымъ чувствомъ за перо, чтобы сообщить объ единогласномъ присужденіи Вамъ малой Уваровской награды за Вашъ прекрасный трудъ: «Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія».

¹⁾ А. В. Горскому.

²⁾ Въ 1864 г. Моск. Академія праздновала пятидесятилѣтній юбилей.

³⁾ «Исторія Троицкой лаврской семинаріи», 1867.

Въ рецензіи, написанной на Ваше сочиненіе И. А. Чистовичемъ, Вы найдете нѣсколько новыхъ интересныхъ документовъ объ Академіи, извлеченныхъ изъ синодальнаго архива. Приношу еще разъ искреннюю благодарность за присылку мнѣ «Твореній святыхъ отцовъ». Въ каждой книжкѣ я зачитываюсь Евангельскою исторіею покойнаго А. В. Горскаго. Какая прелесть и по содержанию и по языку.

Въ Публичной библіотекѣ не достаетъ нѣсколькихъ книжекъ Твореній за прежніе годы. Можетъ ли она надѣяться получить ихъ безмездно, если обратится съ просьбою объ этомъ въ Академію?

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою

А. Бычковъ.

10 сентября 1880.

3.

Милостивый Государь

Душевно Уважаемый Сергѣй Константинович!

Долго я не хотѣлъ беспокоить Васъ моею просьбою, но наконецъ рѣшился обратиться къ Вамъ съ нею, послѣ того какъ потерялъ надежду въ нынѣшнемъ году быть въ Москвѣ, а слѣдовательно и въ Троицкой лаврѣ. Заранѣе увѣренъ, что Вы благосклонно отнесетесь къ моей доукѣ и поручите кому-либо изъ студентовъ навести справку, въ какой изъ Троицкихъ библіотекъ находится Стихирарь, заставки котораго въ снимкахъ прилагаются и который у Бутовскаго показанъ хранящимся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи подъ № 32, и подъ какимъ номеромъ нынѣ значитъ рукопись. За разрѣшеніемъ этого вопроса остановилось печатаніе рисунковъ къ труду г. Стасова о русской рукописной орнаментистикѣ. Сегодня въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ была присуждена полная Уваровская премія Е. Е. Голубинскому за его исторію Русской церкви. Не смотря на многіе бросающіеся въ глаза недостатки его обширнаго и почтеннаго труда, нельзя не отдать справедливости и многимъ его достоинствамъ, которыя въ значительной степени перевѣшиваютъ первые. Современемъ и онъ самъ отъ нѣкотораго откажется, а нѣкоторое видоизмѣнитъ. Покорнѣйше прошу передать ему мое искреннее поздравленіе съ полученною наградю. Пользуюсь настоящимъ случаемъ для засвидѣтельствованія Вамъ моего истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою

А. Бычковъ.

25 сентября 1881 г.

4.

Милостивый Государь
Глубокоуважаемый Сергѣй Константинович!

Приношу Вамъ сердечную благодарность за Ваше любезное поздравленіе меня съ назначеніемъ директоромъ Императорской Публичной Библиотеки, которое служитъ мнѣ самымъ лучшимъ доказательствомъ постояннаго Вашего ко мнѣ благорасположенія. Надѣюсь, если только силы не измѣнять, вести это учрежденіе такъ, чтобы оно доставляло всѣ удобства ученымъ для ихъ занятій и приносило какъ можно болѣе пользы обществу. Пользуясь настоящимъ случаемъ, обращаюсь къ Вамъ съ небольшою просьбою, исполненіе которой надо думать нисколько Васъ не затруднить. Дѣло вотъ въ чемъ: въ библиотекѣ Троицко-Сергіевой лавры находится рукопись житія Нифонта, которая по описанію рукописей этой библиотеки (стр. 41, № 35) отнесена къ 1222 году, между тѣмъ какъ И. И. Срезневскій отнесъ рукопись къ 1219 году. Которая изъ этихъ датъ вѣрная?

Нельзя ли будетъ получить копию съ послѣсловія, переписанную съ дипломатическою вѣрностію, или точнѣе фотографическою. Исполненіемъ этой просьбы много меня обяжете. Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою

А. Бычковъ.

11 мая 1882.

IX.

Письмо И. И. Срезневскаго.

Милостивый Государь
Сергѣй Константинович!

Сердечная скорбь объ утратѣ всѣми чтимаго Александра Васильевича Горскаго соединяетъ многихъ и многихъ обязываетъ. То и другое вмѣстѣ даетъ мнѣ рѣшимость обратиться къ Вамъ съ просьбою.

Долгомъ почитанія заслугъ покойнаго и благодарности личной считаю представить Академіи Наукъ обзоръ мой части его дѣятельности, которая доступна моему посильному обсужденію; но могу исполнить это только при благодушномъ содѣйствіи тѣхъ, которымъ болѣе чѣмъ мнѣ извѣстны подробности его жизни и дѣятельности. Ближе многихъ другихъ къ покойному были Вы, соединяя съ близостью и почитаніе его достоинствъ, и вниманіе къ его дѣятельности въ продолженіе многихъ лѣтъ. Не могу не имѣть въ виду и Вашего зна-

ченія въ Академіи. Все это, при благорасположеніи Вашемъ ко мнѣ, не разъ мною испытанномъ, заставляеть меня обратиться къ Вашей помощи. Въ дополненіе къ тому, что Вы сообщили въ «Московскія Вѣдомости»¹⁾ и что прочитано мною съ сердечнымъ сочувствіемъ, мнѣ бы хотѣлось узнать подробнѣе, чѣмъ именно дѣйствовалъ покойный на своихъ сослуживцевъ и воспитанниковъ въ отношеніи нравственномъ и умственно-научномъ—прежде только какъ профессоръ, а потомъ какъ ректоръ. Будьте добры, не откажите мнѣ въ этомъ. Кромѣ этого, я нуждаюсь въ извлеченіи изъ послужного списка о службѣ А. В. и въ свѣдѣніяхъ о преподаваніи имъ исторіи церкви (если можно—съ программю его курсовъ), о диссертацияхъ, писанныхъ подъ его руководствомъ, и о его дѣятельности по описанію рукописей Синодальной бібліотеки. О преподаваніи имъ исторіи церкви я знаю только то, что сообщилъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Академіи новаго закала. О диссертацияхъ говорилъ мнѣ самъ А. В., но еще въ 1858 году и очень отрывочно, такъ что о кругѣ задачъ, которыя были имъ предлагаемы, а равно и о тѣхъ изъ трудовъ, которые вышли изъ подъ его ближайшаго просмотра, мои понятія смутны. Въ отношеніи къ дѣятельности его по описанію рукописей я гораздо богаче свѣдѣніями, но и ихъ не могу я считать достаточными—особенно по недостатку положительныхъ данныхъ о томъ, какъ желалъ устроить это дѣло покойный митрополитъ, въ какое именно отношеніе поставилъ онъ покойнаго Невоструева и его непосредственныхъ помощниковъ къ А-ру В-чу.—Многаго, какъ Вы видите, недостаетъ у меня, чтобы слово мое о немъ было хоть сколько-нибудь достойно памяти покойнаго; но уваженіе къ нему и сознание необходимости не пройти молчаніемъ утраты этого важнаго дѣятеля заставляеть меня не смущаться и смѣло обращаться къ помощи. Будьте снисходительны и благодушно помогите.

Поручаю себя Вашему доброму вниманію. Преданный

Измаиль Срезневскій.

21 окт. 1875 г.

Пользуюсь случаемъ, благодарю Васъ за Ваше доброе участіе въ избраніи меня въ почетные члены Академіи, столь же для меня неожиданнымъ, какъ и лестнымъ.

¹⁾ Разумѣется некрологъ А. В. Горскаго, помѣщенный С. К. Смирновымъ въ 265 и 266 №№ «Моск. Вѣдом.» за 1875 г.

Х.

Письма главнаго священника арміи и флота П. Е. Покровскаго ¹⁾.

1.

Ваше Высокоблагородіе,
Достоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Прежде всего благодарю Васъ за извѣщеніе, хотя печальное, телеграммой ²⁾. Видно и Вы знали о моемъ уваженіи и любви къ покойному, и потому поспѣшили извѣщеніемъ. И прежде были извѣстія о его болѣзни; но думалось, что его лѣта, запасъ силъ, строгость жизни должны были предотвратить смерть; но, вѣроятно, постоянные и напряженные труды и труды изнурили; но какъ бы то ни было,—воля Божія совершилась!—Намъ остается сохранить о немъ молитвенную память, да обрѣтетъ онъ покой предъ Лицемъ Господа, во славу Коего трудился во всю жизнь самымъ возвышеннымъ, умственнымъ подвигомъ.

Сколько знаній унесъ съ собою упокоенный труженикъ, собираемыхъ имъ въ цѣлую жизнь; но утѣшительно, что не для себя самого собиралъ онъ сіи сокровища, но успѣлъ посягать ихъ въ умахъ и сердцахъ многихъ своихъ слушателей въ теченіе болѣе 40 лѣтъ, которыя приносятъ и принесутъ свой плодъ. Но они и тамъ ему полезны, открывая предъ нимъ тайны будущаго міра, которыя онъ здѣсь, углубляясь въ богомысліе, созерцалъ гадательно: Вѣмъ, ему же вѣровахъ... Силенъ залогъ мой сохранить въ день онъ!—а его труды суть залогомъ предпосланные.

Съ первыхъ дней поступленія его профессоромъ въ Московскую семинарію, — кажется, на мое мѣсто, ³⁾ — я всегда пользовался его добрымъ расположеніемъ, и испытывалъ на себѣ его доброе вліяніе. Приѣзжая къ нему изъ Москвы, видя чистую душу, мирный и нѣжный характеръ, кроткое обращеніе, строгость жизни, труды, — возвращался въ лучшемъ настроеніи и внимательнѣе къ себѣ.

Съ любовью воспоминаю послѣднее мое съ нимъ у Васъ гощеніе, въ саду; въ Питерѣ ничего подобнаго для меня не имѣется—труды и заботы, и это на 74 году. Виктору Дмитріевичу ⁴⁾ усердный мой поклонъ.

¹⁾ Петръ Евдоким. Покровскій—магистръ Моск. Акад. VI курса (1828 г.). По окончаніи курса опредѣленъ проф. Моск. сем. по евр. и нѣм. яз., а позднѣе—и филос. наукъ), въ 1834 г. опредѣленъ въ священн. къ Московской ц. св. Параскевы въ Охотномъ ряду, въ 1855 г.—настоятель Моск. Архангельск. собора, членъ Моск. консисторіи и благочинный, съ 12 ноября 1871 г., главный священникъ арміи и флота, съ 1878 г.—почетный членъ М. Акад., скончался въ 1888 г.

²⁾ Письмо написано по поводу кончины ректора Акад.—прот. А. В. Горскаго († 11 окт. 1875 г.).

³⁾ А. В. Горскій поступилъ въ Моск. сем. въ 1832 г., но не на классъ евр. и нѣм. яз., а затѣмъ и философск. наукъ, которыя преподавалъ П. Евд., а на должность наставника церковн. и гражд. исторіи.

⁴⁾ Кудрявцеву.

Во вчерашнемъ (14 окт.) совѣтскомъ засѣданіи люб. дух. просвѣщ. ¹⁾, коего покойный былъ почетнымъ членомъ, у Великаго Князя Константина Николаевича я передалъ вѣсть о смерти А. В.; всѣ члены—Янышевъ, С. П. Урусовъ, Побѣдоносцевъ, Филипповъ и др. приняли ее съ глубокимъ участіемъ и сожалѣніемъ; а Великій Князь воскликнулъ: какая ужасная, незамѣнимая потеря!! и сказалъ, что онъ съ нимъ познакомился, бывши въ лаврѣ съ политехнической выставки. А. Филипповъ ²⁾, взялся написать и прочесть некрологъ въ общемъ засѣданіи, которое назначено 23 окт.

Вы были свидѣтелями болѣзни и смерти. Назидательно знать состояніе души его въ это время, и особенно въ послѣдній часъ,—души, которая, вѣрно, бдительно встрѣтила свой исходъ, къ которому готовила себя во всю свою жизнь на землѣ.

Желаю, чтобы Св. Синодъ далъ Вамъ достойнаго ректора. Вы теперь старшій въ Академіи. Стоитъ Вамъ надѣть рясу: вотъ и готовъ о. ректоръ ³⁾.

Съ истиннымъ почитаніемъ душевно преданный

Пр. П. Покровскій.

Окт. 15 1875 г.

2.

Ваше Высокоблагородіе,
Достоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Благодарность Вамъ отъ всѣхъ за сообщеніе извѣстій объ Ал. Васильевичѣ, а отъ меня особенно—за описаніе кончины его. Я чувствовалъ, что кончина его, такъ долго имъ ожидаемая, должна быть назидательна. Какое великое слово: «Домой» произнесъ онъ въ предсмертныя минуты!—столь великое, что его одного достаточно для размышленія на весь остатокъ жизни моей. Это послѣдній его урокъ, послѣ всѣхъ его уроковъ. Это—живое, опытное свидѣтельство противъ современныхъ ученій о религіи ⁴⁾. Примите и отъ меня лепту

¹⁾ Въ 1872 г. былъ основанъ с.-петербургскій отдѣлъ «Общества любителей духовнаго просвѣщенія».

²⁾ Тертій Ив. Филипповъ—до 1864 г. чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода, съ 1864 г.—на службѣ въ Государственномъ Контролѣ, съ 1889 г. государств. контролеръ, † 1899 г.—извѣстный церковный, государственный и общественный дѣятель. Некрологъ Т. Филиппова объ А. В. Горскомъ былъ напечатанъ въ журн. «М. Нар. Просв.» 1875 г., № 11.

³⁾ Пожеланіе П. Евд. исполнилось по отношенію къ С. Конст. повдигше. На этотъ разъ 21 янв. 1876 г. ректоромъ Академіи былъ назначенъ архим. Михаилъ (Лузинъ). Лишь въ 1878 г. указомъ отъ 10-го апр. Св. Синодомъ Серг. Конст. назначенъ быть на должность ректора Акад. съ принятіемъ сана священства.

⁴⁾ Разсказываютъ такую подробность о смерти прот. А. В. Горскаго. «11 октября въ 10 ч. вечера, звономъ колокольчика призываетъ А. В. ч. слугу и говоритъ: «Я хочу скорѣе домой». Слуга, подумавъ, что онъ желаетъ быть въ маломъ кабинетѣ, замѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя; прибѣжалъ другой слуга; больной вдругъ вскакиваетъ съ креселъ и бѣжитъ; слуги не имѣли силъ удержать его; прибѣжавъ въ гостиную, по направленію къ иконамъ, больной палъ въ кресла, три раза громко вздохнулъ и скончался. Это было 5 минутъ 11-го часа». Поповъ, С. Г. «Ректоръ Моск. Дух. Академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій», стр. III.

на предметъ—въ память усопшаго, но живущаго въ душѣ моей неизгладимо ¹⁾).

О новомъ ректорѣ ²⁾ доселѣ нѣтъ слуховъ. Желательно, чтобы избранъ былъ согласно съ Вашимъ желаніемъ.

Т. Филипповъ читалъ въ обществѣ Л. Д. Пр. объ Ал. Вас-чѣ—сочувственно; а проф. Осининъ въ то же засѣданіе—о прот. Поповѣ ³⁾. Объ одномъ — какъ о кабинетномъ труженникѣ, о другомъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ.—Этотъ г. Осининъ вотъ уже третье засѣданіе передаетъ отчетъ о Боннѣ, гдѣ онъ былъ съ прот. Янышевымъ ⁴⁾. Здѣсь В. Кн. Константинъ Николаевичъ дозволилъ допускать на ряду съ членами и гостей, которыхъ бываетъ очень много. Много и студентовъ Духовной Академіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ душевно преданный

Пр. П. Покровскій.

Ноября 7 1875 г. СПБ.

3.

Ваше Высокоблагородіе,
Достоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Усерднѣйше благодарю Васъ за «память» и письмо, которыя даютъ мнѣ поводъ надѣяться, что я могу и не прерывать связи съ Академіей, какъ это было при покойномъ ⁵⁾, и это именно чрезъ Васъ, какъ стариннаго своего знакомаго еще по Андроньевскому училищу; и я съ Феод. Алексѣвичемъ бывалъ у Васъ въ Кобыльскомъ ⁶⁾. Академія оставила во мнѣ такъ много утѣшительныхъ воспоминаній, что мнѣ не хочется быть въ отчужденіи отъ нея. И въ здѣшней Академіи бываю на актахъ; но какая разница: здѣсь все чужое для меня, а тамъ—родное.

Теперь на Вашихъ рукахъ два труда: исторія Моск. Академіи и объ Ал. Васильевичѣ. Желаю Вамъ совершить ихъ такъ, какъ Вы обыкновенно совершаете свои труды—превосходно, и даже получить то же, что и за «Виѣанскую (sic)

¹⁾ При Моск. Академіи на собранныя пожертвованія была образована стипендія имени прот. А. В. Горскаго.

²⁾ Ректоромъ Академіи уже въ январѣ 1876 г. былъ назначенъ вышеупомянутый архим. Михаилъ (Лузинъ).

³⁾ Протоіерей Евгеній Ивановичъ Поповъ, землякъ (костромичъ) А. В. Горскаго, скончавшійся въ одномъ съ нимъ году; магистръ С.-Петербургской Академіи, 33 года священствовалъ въ Лондонѣ; много потрудился для ознакомленія англичанъ съ православною Церковью; почти всѣ сочиненія Овербека о соединеніи англиканской Церкви съ православною были переведены имъ на русск. языкъ и напечатаны въ «Христ. Читеніи».

⁴⁾ Въ августѣ 1875 г. происходила въ Боннѣ 2-ая старокатолическая конференція друзей церковнаго единенія. На этой конференціи, между прочимъ, присутствовали въ качествѣ делегатовъ рект. СПБ. Акад. прот. І. Л. Янышевъ и проф. той же Академіи И. Т. Осининъ.

⁵⁾ Разумѣется прот. А. В. Горскій.

⁶⁾ Родитель С. К. Смирнова былъ священникомъ ц. св. Николая, въ Ковыльскомъ, въ г. Москвѣ.

семинарію»¹⁾. Въ матеріалахъ для біографіи у Васъ недостатка не будетъ, но объ Академіи нашихъ временъ едва ли могу сообщить что-либо особенное. Частію мало помню, частію и въ свое время мало обращалось вниманіе, по какому-то все еще юношескому малодушію. Была записъ всѣхъ предложеній, но при переселеніи въ Питеръ затерялась. Помню впрочемъ, что насъ поражала при поступленіи строгая дисциплина при ректорѣ Кириллѣ²⁾ и инспекторѣ Платонѣ³⁾, едва ли послѣ бывшая. Напр., чтобы идти въ церковь, собирались прежде въ залу; приходилъ инспекторъ и по пропѣтіи стиха шли попарно, позади инспекторъ, а ректоръ выходилъ на дорожку противъ своихъ покоевъ и считалъ пары по четкамъ, потомъ (шелъ) за нами.—Чтобы вытти за монастырь, нужно было записаться у старшаго, и уволиться отъ инспектора, который приходилъ въ ужинъ и слушалъ молитвы на сонъ грядущимъ⁴⁾. Но не то уже было при Поликарпѣ⁵⁾; держалъ себя далеко отъ студентовъ и мало зналъ кого въ лицо. Читалъ на латинск. языкѣ по Добмейеру и друг.

На 5 курсѣ мало было магистровъ отъ того же⁶⁾, отъ чего въ 6-мъ Петербургскомъ въ 1825 г. не было ни одного⁷⁾; м. Исидоръ стоялъ въ спискѣ вторымъ, а кончилъ кандидатомъ, хотя и оставленъ бакалавромъ⁸⁾, и говорили, что хотятъ закрыть Академію; возсталъ Кіевскій митрополитъ Евгеній⁹⁾, хотя и участвовалъ въ составленіи устава.

¹⁾ Очевидно, разумѣются два предшествующихъ труда С. К. Смирнова: «Исторія Моск. славяно-греко-латинской академіи» М. 1855 г. (въ 1857 г. удостоена отъ Академіи наукъ демидовской преміи) и позже—«Исторія Троицкой лаврской семинаріи», М. 1867 г. (въ 1868 г. удостоена уваровской преміи въ 500 р. отъ Академіи Наукъ и награды въ 400 р. отъ Св. Синода).

²⁾ Архим. Кириллъ (Богословскій-Платоновъ), ректоръ Московской Академіи съ 7 мая 1819 г. до окт. 1824 г., † 1841 г. еп. Подольскимъ.

³⁾ Березинъ.

⁴⁾ Означенныя сообщенія частью использованы С. К. Смирновымъ въ составленной имъ «Исторіи Моск. Дух. Акад. до ея преобразованія». М. 1879 г. (см. стр. 272—273).

⁵⁾ (Гайтаниковъ).

⁶⁾ Имѣется въ виду неприятный случай съ студентомъ пятаго курса Михаиломъ Лаговскимъ (см. выше). Въ Святѣйшемъ Синодѣ незадолго предъ этимъ хотѣли уничтожить ученныя академическія степени и прекратить по нимъ пенсіи. Большого труда стоило м. Филарету отстоять ученныя степени, но въ окончившемъ V курсѣ были утверждены только 6 магистровъ, 11 кандидатовъ—съ правомъ на полученіе степени по выслугѣ 2-хъ лѣтъ съ одобренія мѣстнаго начальства.—См. о семъ гр. М. В. Толстаго «Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Серг. посадѣ (1825—1830 гг.)», ст. въ «Богосл. В.» 1894 г., 10—12 кн. и отд. брош., а также С. Смирнова «Истор. Моск. Акад.», стр. 273.

⁷⁾ О причинахъ временнаго неудоюенія старшихъ кандидатовъ VI с.-петербургскаго академич. курса ученныхъ степеней въ «Ист. СПб. Академіи» И. Чистовича нѣтъ упоминаній.

⁸⁾ Исидоръ (Яковъ Сергѣевичъ Никольскій), род. въ 1799 г., окончилъ курсъ въ СПб. Академіи въ 1825 г. и оставленъ бакалавромъ по каедрѣ Свящ. Писанія; съ 1834 г. епископомъ; съ 1844 г. экзархъ Грузіи; съ 1858 г. митрополитъ Кіевскій; съ 1860 г., митрополитъ С.-Петербургскій; ум. 7 сент. 1892 г.

⁹⁾ Евгеній Болховитиновъ (мірское имя—Евѣимій Алексѣевичъ), извѣстный ученый митрополитъ Кіевскій (съ 1822 г.); род. въ 1767 г. въ семьѣ бѣднаго священника въ воронежскомъ краѣ; учился въ славяно-греко-латинской академіи, посѣщалъ и Московск. университетъ; ум. въ 1837 г.

Чрезъ 2½ года и 6-му курсу 50 лѣтъ. Не знаю, какого мѣсяца и числа утверждены въ степеняхъ и должностяхъ. Вы потрудитесь справиться. Многіе ли живутъ изъ насъ; изъ 13 магистровъ только четверо въ живыхъ: Варлаамъ ¹⁾, Агапить ²⁾ и Примѣровъ, если живъ:

«И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!»

И Аксаковъ и Беллюстинъ возстали противъ нѣмецкаго «Оберъ», и Синодъ послушался и перекрестилъ въ «главнаго» по руссоманіи, какъ болѣе церковное (и вѣроятно не безъ Высочайшаго соизволенія, а потому печатать противъ сего неудобно Вамъ), а Петръ I здѣсь ни при чемъ ³⁾. Иные желали бы и имя СПбургъ переименовать на русское, напр. въ проповѣдяхъ: «градъ св. Петра».

О ходѣ дѣла въ Синодѣ объ о. ректорѣ я кратко намекнулъ, что «монахи побѣдили»—значить была борьба; главный за—м. Иннокентій; подробностей не узналъ; велось между синодлами; докладывалъ оберъ-секретарь мнѣ незнакомый. Нѣчто говорится о семъ въ Ц. О. Вѣстникѣ № 11 ⁴⁾.

Упоминаете о Филаретовскихъ экзаменахъ. Остался въ памяти отъ нихъ одинъ страхъ, который тревожилъ и студентовъ и профессоровъ ⁵⁾; и Θεод. Алекс. Голубинскій бывало говари-

¹⁾ Варлаамъ (Успенскій), съ 1843 г. епископъ, † въ санѣ архіеп. Тобольскаго (съ 1862 г.) на покоѣ въ 1876 г.

²⁾ Агапить (Введенскій), съ 1834 г. рект. Вианск. сем. до 1842 г., съ 1881 настоят. Новоспасск. монаст., † 28 мая 1877 г.

³⁾ Имѣется въ виду переименованіе войсковыхъ оберъ-священниковъ въ главныхъ священниковъ, совершившееся въ 1858 г.

⁴⁾ Послѣ смерти ректора Академіи проф. А. В. Гор-го возникалъ вопросъ, кто долженъ быть его замѣстителемъ—монахъ, какъ это водилось ранѣе—до назначенія самого Горскаго въ 1862 г., или лицо изъ блага духовенства. Въ 1876 г. борьба мнѣнній разрѣшилась въ пользу лица монашествующаго (былъ назначенъ архим. Михаилъ), но въ 1878 г. сочли возможнымъ предоставить постъ ректора Моск. Академіи снова протоіерею (о. С. К. Смирнову). Любопытно отмѣтить, какъ самъ А. В. Горскій относился къ данному вопросу; когда онъ уже сталъ протоіереемъ-ректоромъ Академіи (безъ вступленія притомъ въ бракъ), то ему было предложено въ январѣ 1863 г. мѣсто настоятеля въ Моск. Богоявленскомъ монастырѣ, конечно, съ принятіемъ монашества, съ сохраненіемъ ректуры и съ общаніемъ скорого вступленія въ санъ святительскій. А. В. въ своемъ дневникѣ 7 февраля 1863 г. слѣд. образомъ высказывалъ свои недоумѣнія относительно необходимости такой перемѣны сана: «Нужна ли эта перемѣна теперь? По милости Божіей я стараюсь вести дѣло такъ, чтобы начала управленія оставались все тѣ же, какія и прежде, т. е. духъ преданности Церкви, послушанія начальству, уваженія къ священнымъ учрежденіямъ. Избраніемъ ректора изъ блага духовенства сдѣланъ нѣкоторый отводъ для ослабленія упрековъ въ преобладаніи монашества надъ всемъ. Нужно ли уничтожать, что едва только еще положили? Не возбудить ли это новыхъ жалобъ? Избраніемъ ректора изъ блага духовенства какъ бы открытъ путь назначенію и на другія правительственныя должности по дух.-училищному вѣдомству изъ блага духовенства. Нужно ли сейчасъ же закрывать этотъ путь? Для чего не воспользоваться, при нынѣшней скудости въ монашествѣ, добрыми элементами изъ другой области жизни, гдѣ давно оставались они безъ употребленія для такого рода дѣятельности? Вводя въ кругъ высшей администраціи духовно-учебныхъ заведеній лицо блага духовенства, не возбудить ли начальство въ самомъ монашествѣ ученомъ духъ соревнованія и тѣмъ не возвыситъ ли его?»

⁵⁾ П. И. Горскій-Платоновъ въ своемъ «Голосѣ стараго профессора» (стр. 24 сл.) пишетъ: «Незадолго до 1860 года владыка (м. Филаретъ) расходился на экзаменѣ до такой степени, что преподаватель, хотя и молодой, но весьма умный, тщательно

валь: «вотъ прїѣдетъ нашъ пробудитель». Въ воспоминаніяхъ о Филаретѣ Измайлова говорится о семь. Не знаю, вышла-ли 2-ая часть ¹⁾. Я читаль, въ рукописи у Фил. Терновскаго въ Кіевѣ ²⁾.

Исписаль я цѣлый листъ, а толку мало; это все извѣстно Вамъ, симъ хотѣлъ только выразить мою почтительную готовность.

Вотъ и здѣсь, по милости Божіей, прожилъ я 4 года. Много пришлось испытать и въ дѣлахъ, и въ людяхъ, стоя на такомъ мѣстѣ, — по обширнымъ сношеніямъ съ разными мѣстами и лицами. Не знаю, на долго-ли потянутся мои силы, а 74 года сказываются. — Но, благодареніе Богу, пока идетъ все въ порядкѣ, но до Васъ доходятъ, можетъ быть, и другіе слухи.

О. Ректору, Вик. Дмитріев. и Н. И. Субботину мой усердный поклонъ.

Пр. Нильскій ³⁾ получилъ золотую медаль за разборъ сочиненія Субботина ⁴⁾, но ему непріятно, что Н. Ив. недоволенъ его отзывомъ о журналѣ его.

Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію есмь и навсегда покорнѣйшій слуга

Пр. П. Покровскій.

Февр. 29. 1876. С. П. Б.

обработавшій лекціи, предназначавшіяся для публичнаго экзамена, и даже имѣвшій предосторожность прежде появленія передъ слушателя-митрополита провести свои лекціи чрезъ строгую, даже придирчивую критику самого А. В. Горскаго, доведенъ былъ замѣчаніями митрополита, лившимися съ его устъ непрерывнымъ, всеокрушающимъ потокомъ, — доведенъ былъ до состоянія, едва ли гдѣ виданнаго посѣтителеми публичныхъ экзаменовъ: стоя въ нишѣ окна академической залы, сбоку митрополита, лицомъ къ многочисленной публикѣ, онъ проливалъ слезы, и всѣ мы видѣли, какъ бѣжали эти слезы по щекамъ профессора и падали на полъ (*Прим. П. И. Горскій-Платоновъ, пишущему эти строки говорилъ, что это былъ бакалавръ Академіи съ 1854 по 1858 г., П. А. С-овъ, перешедшій изъ Академіи въ московскіе священники, и впоследствии занявшій очень видное мѣсто при Святѣйшемъ Синодѣ, скончавшійся въ 1906 году. Прот. Н. Добронравовъ*). Если бъ суровыя замѣчанія митрополита были просто вспышками, окриками властнаго лица — это было бы полбѣды. Тяжелѣе всего было то, что слова митрополита сопровождались такими твердыми доказательствами и указаніями, оспаривать которыя не было *возможности*. Въ томъ-то и была главная бѣда, что не оставалось даже утѣшенія сказать себѣ, что владыка раскричался понапрасну. Не велика радость при публикѣ выслушать относительно своихъ лекцій и слѣдующій приговоръ, выслушанный во время публичнаго же экзамена профессоромъ. Долго молчаливо слушая отвѣчавшихъ студентовъ, митрополитъ, наконецъ, произнесъ: «Если бы мнѣ предоставлено было выбирать: или учить такія лекціи или ити на каторгу, я предпочелъ бы каторгу».

¹⁾ Измайловъ, Фил. Фил., маг. II к. (1820 г.), состоялъ частію на свѣтской службѣ, въ 30-хъ гг. служилъ секретаремъ въ Св. Синодѣ, а потомъ прокуроромъ грузино-имеретинской синодальной конторы, † въ 1863 г. въ отставкѣ. Издалъ книгу — «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь», М. 1860. Продолженіе записокъ напечатано въ «Правосл. Обзор.», 1870 г., июль.

²⁾ Терновскій, Фил. А., маг. XXIV к. (1862 г.) Моск. Академіи, бакалавръ и проф. Кіевской Духовной Акад. по русск. гражданск. исторіи.

³⁾ И. Э. Нильскій, проф. СПб. Академіи по исторіи и обличенію русскаго раскола старообрядства.

⁴⁾ Книга проф. Моск. Акад. Н. Ив. Субботина — «Исторія бѣлокриницкой іерархіи», т. I. М. 1874 г. Упоминаемый ниже журналъ «Братское Слово», начавшееся издаваться Субботинимъ съ 1875 г.

ХІ.

Письмо проф. И. Платонова.

Ваше Высокопреподобіе,
Почтеннѣйшій Отець Ректоръ!

Чувствительнѣйше благодарю Васъ за присланную мнѣ, Вашего сочиненія «Исторію Московской Духовной Академіи», которую я прочиталъ съ большимъ наслажденіемъ. Я собирался было самъ купить ее, прочитавши о выходѣ ея въ свѣтъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; но Вы предварили мое приобрѣтеніе Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Только Ваше В-біе если и всѣхъ, не посредственно заинтересованныхъ Вашею книгою, будете такъ безмездно одарять, то кругъ требованій на нее значительно стѣсните. Но... это дѣло Вашей добродѣтели!

Съ первыхъ же страницъ трудъ Вашъ заинтересовалъ меня въ особенности, ибо я до того времени имѣлъ самыя смутныя понятія о началѣ Академіи, а изъ сочиненія Вашего ясно узналъ, кѣмъ и какъ заводилась Академія, тѣмъ болѣе что лица, дѣйствовавшія при этомъ, мнѣ лично были извѣстны и ко мнѣ прикосновенны. Съ удовольствіемъ, и о всѣхъ почти съ заупокойною молитвою, вспомянулъ о преосвященныхъ: Симеонѣ ¹⁾, уроженцѣ, какъ и я, дмитровскомъ и сынѣ тамошняго причетника, съ родственникомъ котораго я въ низшихъ училищахъ учился въ Дмитровѣ; Пареніи ²⁾, который, въ качествѣ ревизора, пріѣхавъ на экзамень въ дмитровское училище, перевозилъ меня похваломъ за то, что въ заданномъ имъ, по латинскому языку, примѣрѣ: «въ возмущенной водѣ удобно ловить рыбу», сумѣлъ положить супинъ на и, тогда какъ другіе клали то просто неопредѣленное наклоненіе, то герундій, то сослагательное наклоненіе, и провознесъ въ слѣдующихъ словахъ: «ай, красный халатъ, хорошо догадался!» повторивъ эти слова нѣсколько разъ (каково самолюбіе человѣческое! Помнить это отъ дѣтскихъ лѣтъ), и къ которому (т.е. Паренію), впоследствии, когда онъ былъ архіереемъ въ Воронежѣ, а я профессоромъ въ Харьковѣ, я имѣлъ желаніе, для засвидѣтельствованія моего почтенія и любви, явиться въ профессорской, шитой серебромъ препрядѣ, вмѣсто затрапезнаго халата, въ которомъ онъ когда-то меня видѣлъ; о префектѣ, бывшемъ тогда ректоромъ Виѣанской Семинаріи, Веніаминѣ, который тоже, во время пріѣзда своего въ Дмитровъ для экзаменовъ, особенно похвалилъ за родительный самостоятельный и общалъ особенное покровитель-

¹⁾ Крыловъ-Платоновъ, изъ ректоровъ слв.-гр.-лат. академіи, назначенъ ректоромъ Моск. Д. Ак. 19 авг. 1814 г. архіепископомъ Ярославск. въ 1824 г.

²⁾ Чертковъ, ректоръ Виѣанской семинаріи, впоследствии еп. Владимірскомъ.

ство и вниманіе въ Виѳаніи, куда я долженъ былъ перейти по экзамену; но котораго не засталъ уже въ Виѳаніи, вслѣдствіе перевода его, по поводу какого-то неудовольствія съ Московскимъ Филаретомъ, въ Уфу, гдѣ и скончался въ безвѣстности; объ ректорѣ Виѳанской семинаріи Никанорѣ ¹⁾, бывшемъ моимъ постояннымъ начальникомъ и милостивцемъ и нарекшимъ меня Платоновымъ; о другомъ ректорѣ—Платонѣ Березинѣ ²⁾, широковшательномъ, отъ котораго я поступилъ въ Академію; о Ф. Ф. Измайловѣ, изъ «Воспоминаній» котораго о своей жизни» Вы часто дѣлаете выдержки,—моемъ наставникѣ по семинаріи въ математикѣ и во французскомъ языкѣ, а впослѣдствіи по Петербургу, когда онъ служилъ въ Синодѣ, а я былъ во 2-мъ Отдѣленіи Императорской Канцеляріи—моемъ доброжелательнѣйшемъ другѣ и благопріятелѣ; о Я. С. Миролубовѣ-Платоновѣ ³⁾, наставлявшемъ меня въ философіи, по предварительномъ прочтеніи главы изъ Новаго Завѣта,—уже не по Баумейстеру, а по запискамъ, составленнымъ на латинскомъ языкѣ, конечно, на основаніи академическихъ лекцій; и, наконецъ, объ И. И. Лилѣевѣ—этомъ единственномъ и неподобномъ педагогѣ, которому я обязанъ первоначальнымъ развитіемъ всѣхъ моихъ душевныхъ способностей и который первый положилъ основаніе тому, что я есмь ⁴⁾. За симъ ведетъ меня Ваша книга къ воспо-

¹⁾ Клементьевскомъ, сконч. въ 1856 г. въ санѣ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго.

²⁾ Ректоръ Виѳанской семинаріи; сконч. ректоромъ Кіевской Дух. Академіи въ 1828 г.

³⁾ Магистръ третьяго курса Моск. Дух. Акад. (1818—1822).

⁴⁾ Да, И. И. Лилѣевъ былъ не однимъ учителемъ, какъ другіе, но вмѣстѣ и педагогомъ, учившимъ насъ добру, порядку, любви къ труду, приличію и вообще правиламъ жизни. Какъ онъ умѣлъ все хорошо растолковать, какъ умѣлъ переводить такъ, чтобы удержать и духъ подлинника и соблюсти чистоту своего языка! Замѣчаетъ въ ученикѣ лѣность — найдется, какъ возбудить; видитъ, что иной ослабѣваетъ — приободритъ; отличающагося — удержать на его высотѣ умѣстной похвалой. А сколько разумныхъ правилъ жизни бывало сообщить при объясненіи Бургія! Замѣчательно, что все въ немъ казалось приличнымъ. Идетъ ли онъ подъ вечеръ удить рыбу — никто въ томъ его не зазираетъ; возвращается ли онъ назадъ съ уловомъ: богатымъ — всѣ ученики радуются, скуднымъ — всѣ жалѣютъ. Довольно: пришелъ однажды въ классъ и сѣлъ на каедрѣ съ обвернутымъ вокругъ шеи, вслѣдствіе простуды, шерстянымъ чулкомъ, и никто изъ учениковъ не смѣлъ улыбнуться при этомъ, но всѣ видѣли въ этомъ почтенное доказательство и внушительный примѣръ ревностнаго исполненія обязанностей службы. А какой ревностный былъ оберегатель семинарской бібліотеки, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи, — помню и имя: Иванъ Невскій, — затерялъ одну часть стихотвореній Державина. Иванъ Ивановичъ нѣсколько разъ напоминалъ ему о возвращеніи книги, но все напрасно. Наконецъ, ревнивый стражъ книгъ дождался времени, когда воспитаннику надобно было получить аттестатъ объ окончаніи курса отъ ректора (Никанора), жившаго въ покояхъ митрополита Платона. И. И. засѣлъ въ воротахъ монастыря и, при появленіи въ нихъ воспитанника, спросилъ его: «Получилъ ли аттестатъ?»—«Получилъ».—«Покажите!» Тотъ долженъ былъ показать; а И. И. аттестатъ въ карманъ: «Возвратите, говоритъ, Державина, тогда и получите документъ». Нечего было дѣлать недобросовѣстному воспитаннику: долженъ былъ ѣхать въ Москву — покупать всего Державина; возвратилъ — и аттестатъ получилъ. Да, И. Ив. былъ не только ревностный служака, но и весьма ловкій и находчивый человекъ. Словомъ сказать: И. И. былъ въ свое время красою и славою Виѳаніи. Такого же о немъ мнѣнія былъ и преосвященный Никодимъ Казанцевъ, вмѣстѣ со мною у него учившійся, и сильно негодовалъ на недостойное обращеніе съ нимъ молодыхъ учителей, которое онъ видѣлъ во время проѣзда черезъ Владиміръ, куда по-

минаніямъ по Академіи, и на первомъ планѣ являются: *Θ. А. Голубинскій*, смиренъ видомъ и смотритъ долу, но умомъ носится въ горнихъ предѣлахъ, по высотѣ и широтѣ мысли, равно и по краснорѣчію, настоящей Платонъ христіанства; безконечно благодаренъ за любовь и вниманіе, которыхъ удостоивалъ меня съ самаго поступленія моего въ Академію и не лишалъ даже тогда, когда я обращался въ чуждой и далекой отъ него сферѣ—былъ профессоромъ въ Харьковскомъ Университетѣ. За нимъ вижу *Пл. И. Доброхотова* ¹⁾, развивающаго предъ нами чувство изящнаго, или объясняющаго основанія вкуса; *Моисея Егоровича Молчанова* ²⁾, читающаго намъ первыя лекціи Исторіи философіи по *Фесслеру*, а дальнѣйшія по *Бруккеру*;—*Павла Петровича Платонова* ³⁾, подслѣповатаго, но хорошо зрящаго, по указанію *Боссюета*, пути Господня Промысла, ведшаго челоуѣчество къ принятію Спасителя; *Димитрія Петровича Новскаго* ⁴⁾, суроваго видимо, но мягкаго душой, читающаго намъ и излагающаго на новѣйшемъ латинскомъ языкѣ опытную психологію; *Инспектора Евлампія* ⁵⁾, вѣчно серьезнаго, слушающаго съ нами вечернюю молитву преподающаго нравственное богословіе съ распространеніемъ «чертъ дѣятельнаго ученія». *І. Кочетова* и объясняющаго притчи *Соломона*; и, наконецъ, *О. Ректора Поликарпа* ⁶⁾, не красиваго лицомъ и довольно тучнаго, получившаго извѣстность чрезъ проповѣдь о камняхъ въ вѣнцѣ царскомъ, преподающаго намъ догматическое богословіе, по лекціямъ, написаннымъ на отдѣльныхъ листкахъ ⁷⁾. Переносусь къ

чему-то двинуть былъ Вианскій свѣтильникъ. Поэтому нахожу совершенно непонятнымъ, какъ и вы сознаете въ вашемъ сочиненіи, противодѣйствіе покойнаго митрополита награжденію *Лилѣва* по представленію *Поликарпа*, тогда какъ онъ стоилъ того, чтобы озолотить его съ головы до ногъ и увѣшать орденами, какъ наставника отличнѣйшаго и наиболѣзньшаго. Полагать же, что митрополитъ хотѣлъ выместить свое неудовольствіе на достойномъ третьемъ лицѣ, считаю недостойнымъ имени и чести *Филарета*. *Прим. И. Платонова*. Ср. *Смирновъ С. Ист. Моск. Акад.*, 82—88.

¹⁾ См. о немъ выше.

²⁾ Баккалавръ съ 1822 г., сконч. 1830 г.

³⁾ *Ключаревъ-Платоновъ*, баккал. по кафедрѣ гражданск. исторіи съ 1822 г., сконч. 1860 г. въ санѣ протоіерея въ Москвѣ.

⁴⁾ Баккал. съ 1824 г., впослѣдствіи протопресвитеръ моск. Успенскаго собора, сконч. 1879 г.

⁵⁾ *Пятницкаго*.

⁶⁾ *Гаѣтанникова*.

⁷⁾ Считаю не лишнимъ выставить здѣсь одинъ случай съ *Поликарпомъ*. Въ 28 или 29 году митрополитъ *Филаретъ* производилъ экзамень по предмету ректора *Поликарпа*—догматическаго богословія, и почтенный преподаватель во все время производства испытанія, въ продолженіе часовъ трехъ, долженъ былъ выстоять на ногахъ. Я какъ теперь вижу, какъ онъ, бѣдный, при своей полнотѣ, то схватится за ручку стула близъ стоящаго, то переминается съ ноги на ногу. Митрополитъ это видитъ—и молчитъ. Экзамень, наконецъ, кончился. И что же? Пришедши къ себѣ, прямо грянулся въ постель и зарыдалъ, какъ ребенокъ. «Что вы, ваше в-біе? Что съ вами?»—«Какъ что? продержатъ на ногахъ три часа и не пригласить съестъ—не крайнее ли это варварство?» Что говорили въ успокоеніе пришедшіе за огорченнымъ, не знаю, но только спрашиваю: Что это такое? Вѣяніе ли духа деспотизма, господствовавшаго тогда въ верхнихъ слояхъ духовной іерархіи, или опять вымещеніе какого-нибудь неудовольствія на провинившемся подчиненномъ?.. Только какая характеристическая черта времени и какъ она не подходитъ къ нашему времени! *Прим. И. Платонова*.

сверстникамъ и восхищаюсь духомъ, видя однихъ на высотѣ архіерейскаго сана, каковы: изъ шестого курса—Варлаамъ ¹⁾, Іосифъ ²⁾, Агапитъ ³⁾, изъ седьмого—Филаретъ ⁴⁾, моего курса Никодимъ ⁵⁾, товарищъ отъ Виѳаніи; и другіе—свѣтѣніи въ санѣ почтенныхъ протоіереевъ,—каковы: А. Е. Нечаевъ ⁶⁾, съ которымъ препирался я о первенствѣ; А. И. Невоструевъ ⁷⁾, мой сердечный другъ по Академіи, удивлявшій меня тѣмъ, что при латинской задачѣ сперва напишетъ сочиненіе по русски, а потомъ переведетъ на латинскій; и А. В. Горскій, обращавшій на себя мое вниманіе, въ младшемъ отдѣленіи, своею тихостію и скромностію, но послѣ, какъ извѣстно, возблеставшій такою отличною ученостію и такою плодovitою дѣятельностію. Но за свѣтлыми личностями и дѣйствіями, увѣ! видятся и образы неблаговидные, и дѣла, не приносящія чести, о которыхъ, конечно, Вамъ упоминать не слѣдовало. Вижу іеромонаха Евграфа Казанцева ⁸⁾, не знаю, почему Вы называете его Казанцевымъ; онъ былъ мой товарищъ отъ уѣзднаго училища, и я помню его, равно какъ и брата его Герасима, съ фамиліею Соколовыхъ), по блистательномъ окончаніи курса въ Академіи съ напечатанною диссертациею «объ основномъ (митрополитѣ, помню, велѣлъ поправить о «коренномъ») началѣ христіанской дѣятельности»—въ званіи бакалавра—и что же? предавшася пьянству до галлюцинацій, въ которыхъ, однажды, соскочилъ на крышу входа подъ окномъ въ походѣ за какимъ-то Турпилліемъ или Турпилліей, и ко мнѣ, Платонову, бывшему тогда студентомъ, присылавшаго за двугривеннымъ на вино и въ послѣдствіи въ Яковлевскомъ монастырѣ несчастно погибшаго. Вижу іеромонаха Даніила Звѣрева, по постриженіи напившагося до безобразнаго,—что называется,—положенія ризъ и заслужившаго отъ И. Евлампія названіе Сатанаила, вмѣсто Даніила. По слухамъ знаю и о Михаилѣ Симоновичѣ Холмогоровѣ ⁹⁾, почтенномъ ординарномъ профессорѣ въ Казанской Академіи по кафедрѣ общей словесности, которому—правда ли? православный міръ обязанъ переводомъ Іоанна Лѣствичника на русскій языкъ,—что и онъ завершилъ свое служеніе наукъ самопожертвованіемъ Бахусу... Но не хочу продолжать печальнаго ряда подобныхъ указаній, а только спрашиваю себя: отчего происходятъ такіа ненормальныя явленія въ академіяхъ: отъ монастырскаго ли затворничества, скуку котораго хо-

¹⁾ Успенскій, вполсл. архіепископъ Тобольскій, сконч. 1876 г.

²⁾ Богословскій, вполсл. архіепископъ Воронежскій.

³⁾ Еведенскій, вполсл. настоятель Новоспасскаго монастыря; ск. 1877 г.

⁴⁾ Гумилевскій, вполсл. архіепископъ Черниговскій, сконч. 1866 г.

⁵⁾ Казанцевъ.

⁶⁾ Александръ Евѣим., бакалавръ съ 1831 г.

⁷⁾ Александръ Ивановичъ, бакал. съ 1832 г. сконч. 1872 г.

⁸⁾ Казанцевъ-Платоновъ, бакал. съ 1828 г., сконч. 1833 г.

⁹⁾ Магистръ VIII курса М. Д. Акад., сконч., 1853 г.

четь молодая натура вдругъ разсѣять и вознаградить разгуломъ, или отъ самаго характера ученія, держащаго душу постоянно въ горнихъ и духовныхъ, а низшая природа все таки влечетъ долу? Предоставляю рѣшеніе вопроса другимъ, болѣе меня разумѣющимъ людямъ и констатирую только фактъ, что въ университетахъ подобнаго порока не замѣчается.

Закрываю мое, думаю, порядочно утомившее Васъ, письмо небольшою просьбою. Тѣ свѣдѣнія, которыя я доставилъ Вамъ для Вашей исторіи, думаю, Вамъ, теперь, по сдѣланномъ изъ нихъ употребленіи, болѣе не нужны: то—нельзя ли ихъ мнѣ возвратить въ подлинникъ; думаю, они не лишнія будутъ для моего университета, когда придетъ въ свое время (разум. очередь) составлять исторію университета, подобную Вашей; свѣдѣнія свои, потребовавшія не малыхъ хлопотъ для ихъ собранія и констатированія, писалъ я на клочкахъ, которыхъ теперь собрать не могу. Если же они Вамъ самимъ почему либо нужны, то нельзя ли дать переписать ихъ кому нибудь и мнѣ прислать въ подлинникъ ли, или въ копіи; за трудъ же переписки я заплатилъ бы, что слѣдуетъ.

Засимъ, повторяя Вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за присылку мнѣ Вашего труда и за почетное упоминованіе въ немъ обо мнѣ, честь имѣю быть Вашего Высокопреподобія покорный слуга

Иванъ Платоновъ ¹⁾.

XII.

Изъ писемъ В. Д. Кудрявцева-Платонова.

1.

Любезнѣйшій Сергѣй Константинович!

...Что бы Вамъ написать о себѣ? Вакація была для меня неожиданностію, такъ какъ сначала она не предполагалась. Неожиданность эта имѣла для меня свои пріятныя и непріятныя стороны. Пріятно конечно было и отдохнуть, но не совсемъ пріятно то, что для курса своихъ уроковъ я рассчитывалъ на гораздо большее число классовъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется въ виду теперь. Придется сжать исторію философіи, которую я уже началъ впрочемъ преподавать, сжать въ рамки болѣе тѣсныя, чѣмъ желалось бы.

Время отъ 28-го іюля до 18-го августа я провелъ въ Псковѣ. Государя Наслѣдника ждуть къ 1-му сентября,—и тогда опять примемся за дѣло. Буду ли продолжать уроки у В. К. Николая Максимиліановича, не знаю. По пріѣздѣ сюда я не видался съ нимъ. Курсъ логики оконченъ. Онъ собирался съ

¹⁾ См. о немъ выше.

матерью за границу и если онъ пробудетъ тамъ до половины октября, то едва ли останется время для преподаванія психологіи, особенно при двухъ урокахъ въ недѣлю съ повтореніями.

.....
Душевно преданный Вамъ

В. Кудрявцевъ.

22 авг. 1861 г.

Царское село, Леонтьевская улица, у г. Соловьевой ¹⁾).

2.

Многоуважаемый Сергѣй Константинович!

Просмотрѣвъ данныя мнѣ Вами тетрадки ²⁾, спѣшу сообщить Вамъ нѣкоторыя свои мнѣнія о нихъ:

1., Изъ лекцій Федора Александровича ³⁾, если удобнымъ найдете помѣстить чтонибудь въ приложеніи къ исторіи Академіи, мнѣ казалось-бы лучшимъ остановиться на Умственной психологіи, какъ наиболѣе обработанной и оригинальной части его системы. Для характеристики направленія и духа его философіи могли-бы служить статьи: «о высшихъ силахъ души» (138 стр.) или: «о бытіи души», стр. 150. Но записаны эти лекціи, кажется, не совсѣмъ исправно; нельзя-ли найти другого экземпляра?

2., Praelectiones Philosophiae, содержащая исторію философіи проф. Носова ⁴⁾, составлены повидимому подъ сильнымъ вліяніемъ Бруккера. Наболѣе характеристичнаго въ нихъ введенія въ философію вообще и Epilogus. Самая исторія философіи очень коротка. Если чтонибудь нужно выбирать изъ нея, то можно указать на изложеніе философіи Декарта, Лейбница или Вольфа.

3., Два курса психологіи (въ одной книжкѣ) составлены совершенно по одному плану и содержаніе ихъ почти одно и то же ⁵⁾. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ курсѣ эмпирическая психологія раздѣляется на общую и частную; послѣдняя Dianalogiam (ученіе о познав. силѣ) и Thelematologiam (ученіе о силѣ чувствованія и желанія). Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь дѣлится: на физиологію, анатомію и исторію душ. способности. Источникомъ для этихъ курсовъ служить,

¹⁾ Въ 1861 году В. Д. Кудрявцевъ читалъ лекціи по логикѣ и исторіи философіи Е. И. В. Государю Цесаревичу Николаю Александровичу и по психологіи Великому Князю Николаю Максимиліановичу.

²⁾ В. Дм., по порученію и просьбѣ С. Конст., разсматривалъ записи лекцій нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ по философской кафедрѣ въ Моск. Акад., такъ какъ было намѣреніе помѣстить часть или выдержки изъ этихъ лекцій въ составлявшейся въ 70-хъ гг. С. К-чемъ исторіи Моск. Акад.

³⁾ Лекціи Э. А. Голубинскаго по умозрительной психологіи были изданы въ 1871 г.

⁴⁾ И К. Носовъ, бакал. философіи въ 1814 г.

⁵⁾ Имѣется въ виду—«Compendium psychologiae empiricae», курсъ читанный тѣмъ же проф. Носовымъ («Истор. Моск. Акад.» Смирнова, стр. 45).

кажется, *Карпе*, сколько можно судить по приложеннымъ далѣ: *Dogmata Systemalis philosophiae Karpiane*, гдѣ упоминается то же дѣленіе и почти тотъ же порядокъ изслѣдованія. Учебники написаны чрезвычайно сжато, въ видѣ конспектовъ. Что *Карпе* служилъ въ періодъ, когда были писаны эти записки, главнымъ источникомъ философіи, можно видѣть и изъ прибавленій къ нему (о Кантовыхъ категоріяхъ), помѣщенныхъ въ той же тетрадь.

4. Орывокъ изъ логики *Кутневича* ¹⁾ не даетъ по его краткости понятія о его лекціяхъ. Оригиналенъ ли онъ или заимствованный, судить не могу. Статья объ очевидности (сар. III) составляетъ нѣчто цѣлое, которымъ можно воспользоваться.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь преданнымъ Вамъ

В. Кудряцевъ.

XIII.

Письмо гр. М. В. Толстого.

Высокопреподобнѣйшій Отець Ректоръ!
Милостивый Государь!

Препровождаемую при семъ замѣчательную, по живописи, а особенно по необыкновенной толщинѣ финифти, икону Покрова Богородицы приношу отъ моего усердія въ академическую Покровскую церковь. Сей образъ полученъ мною въ благословеніе отъ покойнаго архіепископа Ярославскаго Нила, а ему поднесенъ почетнымъ гражданиномъ Д. М. Плѣшановымъ послѣ освященія древней Спасской церкви въ Ростовскомъ кремлѣ ²⁾.

Съ искреннимъ и глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою

Графъ М. Толстой.

30 сентября 1881 года.

XIV.

Изъ писемъ прот. А. А. Лебедева ³⁾.

1.

Относительно одного пункта предупреждаю, чтобы не было въ сочиненіи либеральныхъ и сомнительныхъ гипотезъ ⁴⁾.

¹⁾ Вас. Ив. Кутневичъ, бакк. и профес. философіи съ 1815 г. до 1824 г.

²⁾ Въ настоящее время икона эта помѣщается въ алтарѣ академической церкви надъ самыми царскими вратами изнутри.

³⁾ Магистръ Моск. Духовной Академіи, былъ священникомъ русской церкви въ Прагѣ, а затѣмъ настоятелемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ и членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ; умеръ въ 1898 г. Оставилъ нѣсколько сочиненій, касающихся разностей въ догматическихъ ученіяхъ восточной и западной Церквей: («О непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи», «О латинскомъ культѣ сердца Іисусова», «О главенствѣ папы»).

⁴⁾ Письмо отправлено было ректору Академіи С. К. Смирнову 12 дек. 1883 г. и вызвано было желаніемъ магистранта М. Д. Академіи Александра Некрасова получить степень магистра по представленіи требуемаго сочиненія.

Сильное впечатлѣніе, произведенное либерализмомъ Терновскаго¹⁾ и въ частности его «Исторій», еще не ослабѣло. Замѣтьте, что дѣло объ этой «Исторіи» поднято было министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вообще здѣсь въ Петербургѣ въ высшихъ кругахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, слышно глухое недовольство состояніемъ и направленіемъ богословской науки въ нашихъ академіяхъ. Слѣдуетъ быть осторожнымъ; то, что недавно сходило съ рукъ, теперь не пройдетъ даромъ.

2.

Немилость къ Вашей Академіи есть²⁾, и я одинъ не въ состояніи препобѣдить ее. Я давно хотѣлъ писать по этому поводу П. И. Горскому³⁾, но откладывалъ, и еще доселѣ ничего не написалъ. Дѣло въ томъ, что противъ Васъ (разумѣется не лично), сѣять предубѣжденіе гг. ревизоры, утверждая, что всѣ пьяницы-учителя по семинаріямъ и училищамъ—преимущественно изъ Моск. Академіи, что баллы по поведенію у Васъ ставятся оч. снисходительно,—что Ваши 4 означаютъ очень сомнительнаго человѣка и т. под. Противъ такого свидѣтельства ревизоровъ я ничего не могу сказать, т.-е. не могу возразить и разсѣять предубѣжденіе.

XV.

Письмо гр. И. Д. Делянова.

Ваше Высокопреподобіе,
Милостивый Государь,
Сергій Константиновичъ!

Въ нѣкоторыхъ Императорскихъ Россійскихъ университетахъ остается въ настоящее время не занятою каеэдра Исторіи Церкви.

Не имѣя въ виду кандидатовъ для замѣщенія этой каеэдры, долгомъ считаю обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не признаете ли Вы, Милостивый Государь, возможнымъ указать лицъ, которыя по своей научной подготовкѣ могли бы быть назначены на упомянутую каеэдру. Вмѣстѣ съ симъ желательно было бы, чтобы означенныя лица отличались возможно болѣе солидной научной подготовкой и чтобы

¹⁾ Извѣстный ученый, профессоръ Кіевской Духовной Академіи Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій, окончилъ курсъ магистромъ въ Моск. Дух. Академіи въ 1862 г.

²⁾ Письмо отъ 14 апр. 1884 г.; С. К. Смирновъ, очевидно, жаловался А. А. Лебедеву, какъ члену учебнаго комитета при Св. Синодѣ, на немилости правящихъ сферъ къ Моск. Академіи и, вѣроятно, просилъ содѣйствія къ разсѣянію недоброжелательства.

³⁾ Инспектору Академіи.

имъ были доступны источники Истории Церкви и Писанія Св. Отцовъ въ подлинникѣ, т. е. на греческомъ и латинскихъ языкахъ, дабы они могли руководить студентовъ въ изученіи оныхъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

И. Деляновъ ¹⁾.

13 декабря 1886 г.
№ 17656.

XVI.

Письма К. П. Побѣдоносцева.

1.

Милостивый Государь,
Сергѣй Константиновичъ!

Спѣшу принести Вамъ душевную мою признательность за почтеннѣйшее письмо Ваше и за присылку мнѣ книгъ. Сейчас имѣлъ удовольствіе получить и третью книжку Твореній Св. Отцовъ.

По возвращеніи изъ Ярославля и изъ Москвы ѣздиль я снова до Костромы, но на обратномъ пути чрезъ Ярославль не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности заѣхать въ лавру: и здѣсь множество дѣлъ, которыя заставляютъ меня сокращать срокъ моего отсутствія. Осенью, если Богъ дастъ, постараюсь отѣхать подальше и пробыть въ разъѣздахъ подольше: тогда надѣюсь быть снова въ лаврѣ и въ Академіи.

Ходатайство Ваше о куполѣ надъ академическою церковью у меня на памяти; но соединенныя съ симъ дѣломъ неизбѣжныя формальности препятствуютъ удовлетворить Васъ тотчасъ же.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

покорнѣйшій слуга

К. Побѣдоносцевъ.

Петербургъ
10 іюля 1880 г.

¹⁾ Въ отвѣтъ на это предложеніе г. министра нар. просвѣщенія С. К. Смирновъ рекомендовалъ профессора церковной исторіи въ М. Д. Академіи А. П. Лебедева, какъ лицо, наиболѣе подходящее для занятія кафедрой исторіи Церкви въ какомъ-либо университетѣ. Рекомендация, въ черновомъ наброскѣ сохранившаяся въ архивѣ С. К. С., обрисовываетъ А. П. Л. съ самой лучшей стороны, при чемъ въ концѣ ея С. К. Смирновъ указываетъ на неосновательность подозрѣній въ излишнемъ свободомысліи и либерализмѣ, высказывавшихся нѣкоторыми по адресу А. П. Лебедева. Въ отвѣтъ на эту рекомендацію директоръ департамента народнаго просвѣщенія Н. Аничковъ письмомъ отъ 21 марта 1885 г. за № 4987 увѣдомилъ С. К. Смирнова, что г. министръ «изволилъ признать возможнымъ назначить ординарнаго профессора Духовной Академіи Лебедева на вакантную въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ кафедру церковной исторіи». Однако послѣ нѣ котораго раздумья А. П. Лебедевъ отъ этого предложенія отказался; другихъ кандидатовъ не нашлось.

Къ этому письму имѣеть отношеніе слѣдующая замѣтка, написанная собственноручно К. П. Побѣдоносцевымъ на отдѣльномъ почтовомъ листѣ, безъ титула и адреса, къ кому она назначена:

«Сегодня 17 іюля подписываю предложеніе Синоду о кредитѣ въ 10,766 р. на устройство купола въ академической церкви».

К. П.

2.

Милостивый Государь,
Сергѣй Константиновичъ!

Приношу Вамъ и прошу передать Совѣту Московской Духовной Академіи душевную мою признательность за полученное мною въ даръ драгоценное изданіе «Твореній Св. Отецъ съ прибавленіями»—памятникъ достопочтенной дѣятельности столь многихъ подвижниковъ церковной науки, и во главѣ ихъ незабвеннаго митрополита Московскаго Филарета.

Благодарю искренне и за любезное приглашеніе къ торжеству открытія Братства Св. Сергія. По истинѣ желалъ бы на немъ присутствовать, но здѣшнія мои заботы и занятія такъ велики и многообразны, что не вижу возможности пріѣхать въ лавру на 26 сентября. Прошу Васъ отсутствующаго на сей разъ почестъ какъ бы присутствующимъ, а отъ меня принять на доброе дѣло прилагаемую при семъ лепту.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою

К. Побѣдоносцевъ.

17 сентября 1880 г.
Петербургъ.

На семъ же письмѣ приписано:

«Извольте получить отъ меня нѣсколько книгъ моего изданія. Притомъ для академической Библіотеки посылаю недавно вышедшее весьма любопытное изданіе Коссовича: Canticum Canticorum,—достоиное вниманія!»

3.

Достопочтеннѣйшій
Сергѣй Константиновичъ!

Возвращаю при семъ корректурные листы. При нынѣшнихъ условіяхъ печати не нахожу никакихъ затрудненій къ напечатанію указанныхъ Вами мѣстъ.

Не премину обратить чье слѣдуетъ вниманіе на составленную Вами службу Сильвестру Обнорскому, для разрѣшенія оной къ изданію ¹⁾. Кстати—извѣстно ли Вамъ житіе сего

¹⁾ См. выше.

святого, вновь составленное (въ статьяхъ Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и въ отдѣльной брошюрѣ) преподавателемъ Ярославской семинаріи Корсунскимъ? И еще кстати: извѣстна ли Вамъ, и особливо между студентами, *замѣчательная* по мыслямъ и изложенію книжка того же Корсунскаго подъ названіемъ: «Двѣнадцать учебныхъ рѣчей»? Она заслуживаетъ особаго вниманія.

Примѣтите въ 15 № «Уфимскихъ Епарх. Вѣдом.» слово преосвященнаго Никанора на поминаеніи митрополита Макарія и Скобелева. Въ немъ есть мысли, которыя рекомендовалъ бы я особенному вниманію историковъ новой школы, и въ частности Вашему профессору Голубинскому ¹⁾.

Гнѣвъ Божій на насъ. Судьбы Божіи отнимаютъ у насъ лучшихъ людей. Вчера скончался преосвященный Викторинъ ²⁾ Подольскій. Очень онъ былъ нуженъ Церкви въ Подоліи, но видно нужнѣе сталъ Господу Богу.

Душевно уважающій и преданный

К. Побѣдоносцевъ.

22 августа 1882 г.
Ораніенбаумъ.

4.

Достопочтеннѣйшій
Сергѣй Константиновичъ!

Секретарь Черниговской Духовной Консистеріи Вощининъ скупилъ въ разныхъ рукахъ, на рынкѣ и въ лавкахъ, разошедшіяся по рукамъ письма Московскаго митрополита Филарета къ преосвященному Филарету Черниговскому, въ разное время писанныя и остававшіяся доселѣ неизвѣстными. Ихъ всего 33. Многія изъ нихъ интересны; многія относятся и до академическихъ дѣлъ.

Братъ секретаря К. А. Вощининъ представилъ ихъ въ мое распоряженіе; а я придумалъ, что всего лучше отправить ихъ въ Ваши руки. Мнѣ кажется, что эти письма могли бы быть напечатаны въ Прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцовъ, разумѣется, по разборѣ и можетъ быть съ нѣкоторыми поясненіями. О первомъ письмѣ—относительно наблюденія инспек-

¹⁾ Въ этомъ словѣ восхваляется митр. Макарій, какъ историкъ и богословъ, и порицаются «иные историки критическаго направленія, которымъ разрушаютъ, идеалы народной жизни и вносятъ въ нее развѣдающее начало». Впослѣдствіи Побѣдоносцевъ измѣнилъ свое мнѣніе о Голубинскомъ. Прочитавши въ 1900 году изданную Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскимъ первую половину второго тома исторіи Голубинскаго, онъ прислалъ въ Общество Исторіи на имя Е. В. Барсова сочувственное письмо, совѣтуя продолжать печатаніе капитальнаго труда Евг. Евсигнѣвича.

²⁾ Викторинъ, въ въ мірѣ Валентинъ Дмитріевъ Любимовъ (1821—1882), изъ магистровъ С.-Петербургской Академіи, въ которой занималъ кафедру богословія, а затѣмъ былъ епископомъ Полоцкимъ и Каменецъ-Подольскимъ; извѣстенъ какъ духовный писатель.

тора за ректоромъ—предоставляю Вамъ судить—полезно ли будетъ предать его печати.

Отъ всей души желаю, чтобы настоящее письмо застало Васъ въ добромъ здоровьи.

Душевно уважающій и преданный

К. Побѣдоносцевъ.

14 февр. 1883 г.
С.-Петербургъ.

5.

Достопочтеннѣйшій
Сергѣй Константинович!

Въ 1 книжкѣ Приб. къ Тв. Св. Отцовъ за 1882 г. напечатана статья А. В. Горскаго о вѣнчаніи и помазаніи царей на царство. Не имѣется ли у Васъ отдѣльнаго оттиска сей статьи? Я представилъ бы его Государю Императору.

Душевно-преданный

К. Побѣдоносцевъ.

22 февр. 1883 г.
С.-Петербургъ.

6.

Достопочтеннѣйшій
Сергѣй Константинович!

Третьяго дня, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга дошелъ до меня слухъ, будто у васъ въ Академіи готовится на дняхъ какая-то демонстрація съ адресами проф. Голубинскому ¹⁾. Передаю вамъ это какъ слухъ, возбуждающій нѣкоторыя опасенія, нѣтъ ли при семъ въ мысли учредить какое-либо тенденціозное торжество, съ опубликованіемъ подробностей онаго, и адресовъ въ газетахъ. Это было бы крайне нежелательно и едва ли выгодно для репутаціи духовныхъ академій, особливо въ такую пору, когда готовится преобразование оныхъ. Изъ Петербурга я не успѣлъ еще написать Вамъ о семъ, но пишу изъ Москвы, куда прибылъ на одинъ день. Особливо было бы неприятно, если бы при семъ послѣдовало участіе Кіевскаго преподавателя Ф. Терновскаго, о характерѣ коего и направленіи на дняхъ было въ Св. Синодѣ сужденіе, послѣдствіемъ коего будетъ строгое предписаніе всѣмъ академіямъ и возложеніе на Ректоровъ отвѣтственности за направленіе преподаванія.

¹⁾ Въ августѣ 1883 года исполнялось двадцатипятилѣтіе ученой дѣятельности Е. Е. Голубинскаго; по этому поводу въ Академіи былъ составленъ и подписанъ всѣми профессорами, за исключеніемъ двухъ—Н. Субботина и Д. Касицына, привѣтственный адресъ. Печатаемымъ письмомъ Побѣдоносцевъ запретилъ чествованіе знаменитаго историка.

Почитаю не лишнимъ сообщить Вамъ о семъ конфиденціально. Лучше было бы для академій, если бы изъ нихъ устранено было все, похожее на демонстрацію сего рода.

Душевно уважающій и преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Москва.
14 августа 1883 г.

7.

Достопочтеннѣйшій
Сергѣй Константиновичъ!

Въ Виѳанской семинаріи обучается воспитанникъ пріятеля моего С. А. Рачинскаго, присланный имъ изъ деревни, мальчикъ Александръ Васильевъ ¹⁾. По желанію Рачинскаго этого мальчика пріютилъ у себя въ келліи о. Сергій (И. И. Соколовъ) ²⁾, но по правиламъ нужно особое разрѣшеніе для пребыванія его въ Лаврѣ, ибо воспитанники должны жить въ семинаріи или у родныхъ. Заботясь о мальчикѣ, Рачинскій проситъ меня по ходатайствовать о семъ разрѣшеніи, а я прошу Васъ попросить о семъ, кого слѣдуетъ, буде дѣло возможное.

Желаю сердечно, чтобы эти строки застали Васъ въ добромъ здоровьи.

Душевно уважающій и преданный *К. Побѣдоносцевъ.*

5 окт. 1883 г. Петербургъ.

Бумаги митрополита Филарета совсѣмъ уже готовы къ печати. Будетъ на два большихъ тома — и поистинѣ драгоценное сокровище.

8.

Многоуважаемый Сергѣй Константиновичъ!

Спѣшу отвѣчать на почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 7 ноября.

Въ дневникѣ Горскаго мѣсто, относящееся до наставленій кн. Урусова о разговорѣ съ Императрицей можно пустить въ печать безъ затрудненія.

¹⁾ Александръ Петровичъ Васильевъ, сынъ крестьянина Смоленской губерніи. Оставшись сиротою, былъ принятъ С. А. Рачинскимъ въ татевскую школу, отсюда былъ опредѣленъ въ Бѣльское духовное училище, и потомъ въ Виѳанскую семинарію; изъ нея поступилъ въ Петербургскую Академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1893 году; болѣе 18 лѣтъ служилъ настоятелемъ церкви при Крестовоздвиженской Общинѣ Краснаго Креста въ Петербургѣ; въ 1910 года призванъ преподавать Законъ Божій Дѣтямъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, — сначала Великимъ Княжнамъ, а потомъ и Наслѣднику Цесаревичу; въ текущемъ году сдѣланъ духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

²⁾ Доцентъ Академіи, потомъ былъ ректоромъ семинаріи въ Могилевѣ и Пензѣ, викаріемъ епархіи Казанской и епископомъ Черниговскимъ; умеръ въ 1893 году.

Что касается до другого мѣста—о преосвященномъ Василии¹⁾, то я полагаю бы удобнѣе, «да не соблазнить нѣкихъ», выпустить фразу о мясной трапезѣ. Именно — закончить словами: «каковъ, на примѣръ, Василий» и поставить нѣсколько точекъ²⁾.

Здравствуйте!

Душевно уважающій и преданный *К. Побѣдоносцевъ*.

9 ноября 1884 г. Петербургъ.

9.

Многоуважаемый

Сергѣй Константинович!

Возвращаю Вамъ листки — я не показывалъ ихъ гр. Толстому³⁾, но и не показавъ, думаю, что лучше не печатать этихъ мѣстъ въ дневникѣ Горскаго⁴⁾. Гр. Толстому навѣрное будетъ неприятно появленіе въ печати отрывочныхъ, и можетъ быть, не совсѣмъ точно переданныхъ замѣтокъ о разговорѣ съ нимъ Горскаго.

Душевно преданный *К. Побѣдоносцевъ*.

1 дек. 1884 г. Петербургъ.

10.

Оберъ-Прокуроръ
Святѣйшаго Синода.
7 февраля 1885 г.
№ 544.

Милостивый Государь,

Сергѣй Константинович!

Получивъ при письмѣ отъ 20 минувшаго января экземпляръ отдѣльнаго оттиска «Дневника Горскаго А. В.», долгомъ поставлю принести Вашему Высокопреподобію искреннюю мою благодарность за доставленіе мнѣ этого изданія.

Вмѣстѣ съ симъ считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что о предположеніи Совѣта ввѣренной Вамъ Академіи избрать Великаго Князя Сергія Александровича въ почетные члены Академіи мною доведено до свѣдѣнія Великаго Князя, и по полученіи отзыва Его Высочества, я непременно извѣстить Васъ о томъ особо.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

*К. Побѣдоносцевъ*⁵⁾.

¹⁾ Лужинскій, архіеп. Полоцкій, перешедшій изъ униатовъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей воссоединенія униатовъ въ 1839 году; умеръ въ 1879 г.

²⁾ Оба мѣста въ «Дневникѣ» за 1863 г.

³⁾ Д. А., бывшему оберъ-прокурору Св. Синода.

⁴⁾ Въ «Дневникѣ» за 1864 г. Сообщая объ этомъ своему зятю, прот. Покровскаго собора К. И. Богоявленскому, С. К. Смирновъ добавляетъ въ письмѣ къ нему 24 дек. 1884 г. «Въ дневникѣ 1869 года пришлось выпустить еще больше, такъ что изъ него почти ничего не осталось. А свѣдѣнія тамъ любопытныя, а именно бесѣды Иннокентія съ В. о ходѣ дѣлъ въ Синодѣ, о Исидорѣ, Арсеніи и прочихъ. Жаль, а дѣлать нечего».

⁵⁾ Въ письмѣ собственноручна только подпись.

11.

Въ Москвѣ затѣяли праздновать юбилей «Православнаго Обозрѣнія», — странная затѣя! Ибо кажется хотять придать этому значеніе общественнаго событія, и вызвать поздравительные и сочувственные адреса съ разныхъ концовъ Россіи. И митрополитъ сожалѣеть, что далъ разрѣшеніе на празднованіе, предполагая его домашнимъ. Спѣшу предупредить о семъ Васъ, достопочтеннѣйшій Сергѣй Константиновичъ, на случай какихъ-либо затѣй въ Академіи.

Душевно-преданный *К. Побѣдоносцевъ* ¹⁾.

12 февраля 1885 г.
Петербургъ.

12.

Не припомните-ли, достопочтеннѣйшій Ректоръ, — въ прошломъ году, когда я былъ въ Академіи и въ Скиту, кого это мнѣ показывали изъ кончившихъ курсъ, но уже взрослыхъ, знатока греческаго языка древняго и новаго, и говорили, что хорошо было бы устроить его гдѣ либо при миссіи нашей въ Аѳинахъ или Константинополѣ. Не помню — монахъ ли то былъ или свѣтскій. Буде не ошибаюсь и Вы вспомните, — извѣстите меня.

Душевно-преданный *К. Побѣдоносцевъ* ²⁾.

18 февр. 1885 г. Петербургъ.

13.

Оберъ-Прокуроръ
Святѣйшаго Синода.
7 марта 1885 г.
№ 1004.

Его Высокопреподобію С. К. Смирнову.

Милостивый Государь
Сергѣй Константиновичъ!

Въ дополненіе къ письму моему отъ 7 минувшаго февраля за № 544 долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Высокопреподобіе, что Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Сергій Александровичъ изволилъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, изъявить свое согласіе на удовлетвореніе желанія Совѣта ввѣренной Вамъ Академіи имѣть Его Высочество въ числѣ почетныхъ членовъ Академіи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности
К. Побѣдоносцевъ ³⁾.

¹⁾ Подлинникъ на полулистѣ обыкновенной почтовой бумаги; написано собственноручно К. Петровичемъ, безъ обращенія къ адресату въ началѣ письма. Въ 1885 г. митрополитомъ былъ Іоанникій.

²⁾ Подлинникъ на четверткѣ обыкновенной писчей бумаги, безъ обращенія въ началѣ письма.

³⁾ Письмо носить официальный характеръ; только подпись собственноручна.

Оберъ-Прокуроръ
Святѣйшаго Синода.
3 января 1886 г.
№ 51.

Милостивый Государь,
Сергій Константиновичъ!

На основаніи п. 3 § 81 Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1884 года Устава Духовныхъ Академій, къ предметамъ занятій академическихъ Совѣтовъ между прочимъ относится разсмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія въ Академіи; изъ сего слѣдуетъ заключить, что профессоры и преподаватели Академіи обязаны представлять въ Совѣтъ такія программы.

Хотя въ объяснительной къ нынѣшнему академическому Уставу запискѣ и не встрѣчается указаній, по какимъ именно побужденіямъ внесено въ Уставъ вышеизложенное требованіе § 81, тѣмъ не менѣе, по соображенію съ общимъ характеромъ постановки учебной и административной части въ Академіи по идеѣ сего устава, нельзя не замѣтить, что въ разсматриваемомъ случаѣ высшая духовная власть руководствовалась мыслию о необходимости подчинить учебную дѣятельность академическихъ преподавателей надлежащему порядку и контролю, въ видахъ обезпеченія интересовъ науки и задачъ академическаго образованія.

Между тѣмъ, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ преподавателей Академіи совсѣмъ не представляютъ въ Совѣтъ программъ по преподаваемымъ ими наукамъ, вслѣдствіе чего въ лекціяхъ ихъ является отсутствіе строго составленнаго и выдержаннаго плана, нѣкоторые отдѣлы науки разсматриваются болѣе надлежащей мѣры, другіе же сокращаются или совсѣмъ опускаются, и лекціи,—вмѣсто чтенія цѣльнаго курса, нерѣдко ограничиваются эпизодическими монографіями.

Въ виду вышеизложеннаго, признавая весьма важнымъ исполненіе академическими преподавателями вышеозначеннаго требованія Устава и принимая во вниманіе, что въ настоящее время Высокопреосвященный митрополитъ Московскій обратился ко мнѣ съ ходатайствомъ объ удостоеніи почетными наградами профессоровъ ввѣренной Вамъ Академіи Амфитеатрова и Каптерева и доцента Муретова, долгомъ поставляю покорнѣйше просить Ваше Высокопреподобіе сообщить мнѣ свѣдѣнія о томъ, соблюдается ли вообще, и въ какой мѣрѣ, во ввѣренной Вамъ Академіи требованіе § 81 (п. 3) Устава Дух. Академій, и въ частности о томъ, были ли представлены въ Совѣтъ Академіи гг. Амфитеатовымъ, Каптеревымъ и Муретовымъ программы преподаваемыхъ ими наукъ

и были ли Совѣтомъ Академіи таковыя разсмотрѣны и утверждены. Свѣдѣнія эти представляются мнѣ необходимыми для моего соображенія при обсужденіи вопроса о награжденіи поименованныхъ преподавателей Академіи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

К. Побѣдоносцевъ. 1).

Письмо профессора С. К. Смирнова къ Леониду, епископу Дмитровскому 2).

Къ приближающемуся дню памяти преп. Саввы Сторожевскаго имѣю честь препроводить Вашему Преосвященству, какъ настоятелю его святой обители, списокъ съ открытой въ библиотекѣ Троицкой лавры грамоты митрополита Макарія. Она разрѣшаетъ вопросъ о времени причтенія пр. Саввы къ лику святыхъ соборомъ Церкви всероссійской. Въ двухъ грамотахъ Макарія такого же содержанія, изъ которыхъ одна напечатана въ исторіи Карамзина по списку Волоколамскаго монастыря (т. IX. примѣч. 87), другая, взятая изъ сборника Красногорскаго Пинежскаго монастыря, напечатана въ Актахъ Археограф. Экспедиціи (т. 1. № 213), имени преп. Саввы Сторожевскаго не находится, такъ же какъ не находится въ нихъ и имени Никиты архіепископа Новгородскаго, а въ пинежской грамотѣ кромѣ того нѣтъ еще имени Александра Невскаго. Но въ грамотѣ, посланной въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, имена сихъ святыхъ помѣщены. Не смотря на то, что митрополитъ Макарій предписывалъ окружную грамоту переписывать «слово въ слово», списки грамоты Волоколамской и Пинежской оказываются неполными и неисправными; между тѣмъ Троицкій списокъ сохранилъ грамоту въ полнотѣ и исправности. Жаль, что на троицкомъ спискѣ не поставлены годъ, мѣсяцъ и число собора, но въ другихъ двухъ спискахъ означено время собора, именно 26 февраля 1547 года 3).

Если Ваше Преп. будете на праздникъ преп. Саввы 3 декабря, прочитайте эту грамоту въ Соборѣ и помолитесь за меня грѣшнаго.

Смиренно прося Вашего Святительскаго благословенія и молитвъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Пр. усерднѣйшимъ слугою.

27 ноября 1869.

С. Смирновъ.

Сообщилъ П. Каптеревъ.

1) Въ письмѣ собственноручна только подпись. Проф. Е. Амфитеатровъ былъ представленъ къ ордену св. Станислава 1 степ.; экстра-ординарный проф. Н. О. Каптеревъ—св. Станислава 2 степ.; и доцентъ М. Д. Муретовъ—св. Станислава 3 степ. Амфитеатровъ ордена не получилъ, а Каптеревъ и Муретовъ получили.

2) Печатается по черновику, сохранившемуся въ бумагахъ С. К. Смирнова.

3) Такимъ образомъ, на основаніи троицкой грамоты С. К. Смирновъ твердо установилъ, что причисленіе къ лику святыхъ преп. Саввы послѣдовало въ 1547/году. Грамота напечатана Н. Лебедевымъ въ его «Макарій, митроп. Всероссійскій» («Чтенія Общ. Люб. Дух. Просв.». 1878, 1, 428—429), съ помѣткой: сообщено С. К. Смирновымъ.

Повѣстка о распоряженіи ревизора академіи Макарія, архіепископа Литовскаго.

Гг. Наставникамъ Академіи ¹⁾. Имѣю честь извѣстить гг. Наставниковъ Академіи, что Высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Макарій поручилъ мнѣ объявить имъ, что онъ имѣетъ намѣреніе двукратно дать студентамъ темы для экспромптовъ и посему просить гг. Наставниковъ представить ему не позже 30 апрѣля по двѣ или по три темы по общеобязательнымъ наукамъ для первыхъ трехъ курсовъ. Изъ сихъ темъ Его Высокопреосвященство изберетъ три, по одной для каждаго курса. Для второго экспромпта онъ желаетъ имѣть также по двѣ или по три темы по спеціальнымъ наукамъ и предложить студентамъ въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій въ трехъ курсахъ написать экспромпты по означеннымъ наукамъ. Изъ представленныхъ для второго экспромпта темъ онъ изберетъ девять по числу курсовъ и отдѣленій.

Сверхъ сего Его Высокопреосвященство просить гг. Наставниковъ къ 4 или 5-му мая представить ему въ краткомъ видѣ отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Какъ смотритъ каждый Наставникъ на преподаваемый имъ предметъ? Предлагая въ такой формѣ вопросъ, Его Высокопреосвященство желаетъ имѣть конспектъ чтеній въ краткомъ видѣ.

2) Успѣваетъ ли Наставникъ прочесть всю свою науку? Давая такой вопросъ, Его Высокопреосвященство изъяснилъ, что нѣтъ нужды усиливаться говорить, что наука прочитывается во всемъ ея объемѣ, если предметъ слишкомъ обширенъ. Обязательная обработка отдѣльной части науки можетъ быть болѣе оцѣнена, нежели стараніе передать всю науку въ краткихъ и сухихъ очеркахъ.

3) Съ какими руководствами и пособіями Наставникъ знакомитъ студентовъ?

4) Не признаетъ ли кто-либо изъ Наставниковъ необходимымъ измѣнить какъ-нибудь постановку своей науки? т.-е. не считаетъ ли, напр., нужнымъ присоединить къ своей наукѣ какую-нибудь другую, не находятъ ли нужнымъ читать ее не въ томъ курсѣ, въ которомъ читаетъ, а въ другомъ, не чувствуетъ ли нужды имѣть при себѣ приватъ-доцента и т. под.

Инспекторъ, профессоръ С. Смирновъ.

Сообщилъ П. Кантеревъ.

¹⁾ Документъ относится, несомнѣнно, къ 1875-му году, когда архіепископъ Макарій Литовскій и Виленскій, по опредѣленію Синода, ревизовалъ Московск. Академію. На самомъ документѣ даты нѣтъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. Θ. ЛАВРОВЪ.

Изъ всѣхъ профессоровъ Академіи я наиболѣе интересовался и былъ близокъ съ А. Θ. Лавровымъ. Это потому, что науку церковнаго права я избралъ центральнымъ пунктомъ своихъ студенческихъ занятій и по моему землячеству съ А. Θ. Когда я поступилъ въ Академію, онъ находился еще въ С.-Петербургѣ, работая въ комитетѣ по преобразованію духовно-судебной части. Слухи о немъ, какъ одномъ изъ наиболѣе энергичныхъ и стойкихъ членовъ комитета, сильнѣе и сильнѣе разжигали интересъ къ нему, и когда на слѣдующій годъ онъ открылъ курсъ лекцій, я сдѣлался самымъ исправнымъ ихъ слушателемъ. А когда затѣмъ имъ сданы были темы для семестроваго сочиненія, я рѣшился сдѣлать попытку войти въ ближайшее съ нимъ знакомство и съ этою цѣлью явился къ нему съ обычною просьбою указать источники и руководящія начала относительно сочиненія. Первый же визитъ произвелъ на меня сильное и весьма пріятное впечатлѣніе. Мнѣ очень понравилось прежде всего предложеніе профессора—не имѣю ли собственной темы? Нѣтъ ли вопроса, который наиболѣе меня интересуесть?—Въ качествѣ такового я указалъ на вопросъ о правахъ священника и при этомъ высказался, что меня поражаетъ въ жизни священниковъ то, что они, повидимому, обременены безграничными обязанностями и со стороны начальства, и прихожанъ, и полиціи, и земства, а сами не имѣютъ никакихъ правъ, не могутъ ни отъ кого и ничего требовать. «Вотъ и отлично»—отвѣтилъ профессоръ,—такъ и формулируемъ тему: «О правахъ и обязанностяхъ пресвитеровъ по источникамъ каноническаго права». «Книга Правиль» должна быть главнымъ первоисточникомъ; ею и провѣряйте пособія (которыя затѣмъ были указаны).

Переговоривъ о дѣлѣ, А. Θ. сталъ спрашивать меня, изъ какой я семинаріи, почему записался на церковно-практическое отдѣленіе, какія науки меня интересуютъ, и любезно пригласилъ меня бывать у него попросту, какъ у земляка. Разумѣется, я въ доброй дозѣ использовалъ это приглашеніе.

А. Θ. занималъ довольно обширное помѣщеніе въ казенномъ академическомъ домѣ. Его кабинетъ состоялъ изъ двухъ комнатъ—въ нижнемъ этажѣ и въ верхнемъ: послѣдняя комната была собственно его библіотекой, весьма обширной. Ученыя бесѣды обыкновенно происходили въ нижней части кабинета. Меня поражала обстановка его; кромѣ обычнаго письменнаго стола и нѣсколькихъ полокъ съ книгами, здѣсь стояло нѣсколько шкаповъ съ выдвигаемыми ящиками, наполненными бумагами. Изрѣдка они при мнѣ выдвигались, когда нужно было сдѣлать какую-либо справку по тому или иному ученому вопросу. Очевидно, въ этихъ ящикахъ хранились плоды его ученаго подвижничества. Владелец кабинета поражалъ меня рѣдкою аккуратностью, регулярностью и своеобразною манерою своихъ ученыхъ работъ. Онъ писалъ обыкновенно на небольшихъ листкахъ, иногда клочкахъ бумаги; эти клочки потомъ склеивались въ столбцы или свитки, иногда въ форму обыкновеннаго полулиста или четверти листа и въ большей или меньшей массѣ обертывались въ газетный листъ, образуя какъ бы особое «дѣло о томъ-то» въ канцелярскомъ смыслѣ. Въ такомъ именно видѣ были лекціи А. Θ., съ которыми онъ входилъ на кафедру. Когда я спросилъ: зачѣмъ употребляетъ такой необыкновенный приѣмъ работъ?—онъ отвѣчалъ: «Тутъ ничего нѣтъ необыкновеннаго; такой способъ устраняетъ перерывъ въ занятіяхъ. Всѣхъ требующихся книгъ и документовъ подъ руками во всякое время имѣть нельзя. Поэтому, если налицо книги нѣтъ, я не бросаю работы, а отмѣчаю только цитату ея, откладываю листокъ и берусь за другой; послѣ, въ свободное время восполню пропущенное. Вотъ Е. Е. (Голубинскій) держится иной тактики: разъ ему понадобилась книга во время работы, онъ встаетъ изъ-за стола и отправляется на ея розыски, не справляясь иногда о времени и даже забывая о исправности костюма», съ добродушной усмѣшкой прибавилъ онъ.—Какъ собесѣдникъ, А. Θ. отличался строгою выдержанностью, говорилъ мало, но слушалъ внимательно и терпѣливо, не подавая вида, что ему дорого время или непріятно слушать. Высказываться можно было совершенно свободно, но добиваться согласія или одобренія своего мнѣнія приходилось съ большимъ трудомъ. Чаше приходилось уступать на всѣхъ позиціяхъ.

Ученая бесѣда обыкновенно оканчивалась приглашеніемъ въ гостиную или столовую. Супруга А. Θ-ча Марія Николаевна была замѣчательно добрая, умная и красивая дама. На ея половинѣ уже совершенно забывалось, что находишься въ домѣ строгаго и важнаго профессора. Послѣдній и самъ превращался въ гостепріимнаго добродушнаго хозяина.

Эти посѣщенія производили на меня огромное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ: они были для меня высшею школою

интеллектуальною, моральною и школою практической мудрости.

До сихъ поръ живо помню, напр., слѣдующіе уроки этой послѣдней.

Получивъ отличный отзывъ о кандидатскомъ сочиненіи, я обратился къ А. Θ. за совѣтомъ: нельзя ли мнѣ тотъ часъ же, не оставаясь на четвертый курсъ въ Академіи, хлопотать о поступленіи въ чиновники Св. Синода.

— Вотъ какъ!—изумился онъ.— А есть у васъ протекція?

— Вы и есть моя протекція,—отвѣчалъ я.

— Ну, съ такой протекціей дальше оберъ-секретаря вы не дойдете, хотя бы прослужили долгую жизнь. А для Петербурга, при дороговизнѣ тамошней жизни, это положеніе весьма не важное. Нѣтъ, лучше оставайтесь въ Академіи на 4-й курсъ, принимайтесь за дальнѣйшую обработку вашего сочиненія въ магистерское, а тамъ увидимъ, что нужно будетъ дѣлать.

По окончаніи курса я получилъ назначеніе въ преподавателя Костромской семинаріи. Помню, при прощаніи съ А. Θ. у насъ была такая бесѣда:

— Рассказывайте, какъ вы намѣрены дѣлать первые шаги вашей службы.

— Какъ? Очень просто: вѣроятно, явлюсь прежде всего ректору, затѣмъ съ нимъ къ архіерею, а потомъ и засяду за дѣло.

— А какъ же съ сослуживцами?

— Присмотрюсь, а тамъ видно будетъ, съ кѣмъ можно сойтись, съ кѣмъ нѣтъ. На первыхъ порахъ, вѣроятно, буду отчаяннымъ домосѣдомъ, потому что будетъ много дѣла.

— Не совѣтую такъ дѣлать. Поступите вотъ какъ: устроившись относительно помѣщенія, изберите удобный для васъ воскресный или праздничный день и сдѣлайте всѣмъ имъ визиты и непременно въ одинъ день.

— Какъ это возможно въ одинъ день?

— Очень просто. Ихъ немного, а офиціальнѣй визитъ не долженъ длиться долѣе 5-ти минутъ. Если вамъ будутъ что-нибудь предлагать по гостепріимству, знайте, что вамъ время сниматься съ мѣста.

— Но вѣдь, можетъ-быть, среди нихъ найдутся такіе, съ которыми не стоитъ и знакомиться?

— Визитъ къ этому не обязываетъ; но пока вы ихъ не знаете, для васъ обязательно выразить свое къ нимъ уваженіе и всѣмъ равное.

Какъ ни страненъ мнѣ показался этотъ совѣтъ, я съ буквальною точностью исполнилъ его и — не раскаиваюсь...

Лекціи А. Θ. были содержательны, но сухи и утомительны. По складу своему они походили болѣе на офиціальныя

доклады, представляющіе исчерпывающую справку по данному вопросу, чѣмъ на научно обработанные трактаты или рѣчи, претендующіе на возбужденіе въ слушателяхъ симпатіи къ проводимой ораторомъ идеѣ. Произношеніе ихъ было ясное, отчетливое, но совершенно безстрастное, вполне соответствовавшее содержанію. Хорошо помню, что первая лекція, обыкновенно посвящаемая разнаго рода «вступительнымъ» объясненіямъ, началась приблизительно такъ: «Православная Церковь управляется догматами, канонами и законами. Первые служатъ предметомъ спеціальной науки—догматики, вторые—церковнаго законовѣднія, или права. Каноны ведутъ свое начало отъ св. апостоловъ, по преданію оставившихъ 85 правилъ и восемь книгъ «Апостольскихъ Постановленій». А затѣмъ и повелась рѣчь о древности этихъ памятниковъ. Такой характеръ лекцій, понятно, не могъ снискать популярности въ студентахъ. Ихъ посѣщали или завзятые любители церковнаго права или намѣревавшіеся писать кандидатское сочиненіе по церковному праву. Но незначительное количество слушателей, повидимому, нимало не омрачало профессора. Къ студентамъ А. Θ. относился чрезвычайно хорошо, былъ снисходителенъ какъ на экзаменахъ, такъ и въ оцѣнкѣ сочиненій—черты совсѣмъ не мирившіяся съ его наружною холодностью, профессорскою официальною. Надъ кандидатскими сочиненіями, писанными ему, студенты трудились весьма усердно. Если бы лекціи его были напечатаны, они безъ сомнѣнія, доставили бы колоссальный сводъ церковно-юридическаго матеріала.

На время моего студенчества падаетъ изданіе Н. Елагинимъ книги: «Предполагаемая реформа церковнаго суда» анонимнаго автора. Всѣ отлично знали, что это трудъ А. Θ. Лаврова, содержащій сводъ его дѣятельности въ качествѣ члена комитета по преобразованію духовно-судебной части и его полемики съ довольно многочисленными оппонентами. Почему авторъ не захотѣлъ поставить своего имени подъ этимъ трудомъ, остается необъяснимою загадкою, какъ и многое другое въ этой тщательно бронированной личности. Положительною стороною книги студенты интересовались мало. Мы читали ее просто какъ блестящее полемическое произведеніе, читали группами, послѣ ужина и подчасъ награждали отсутствующаго автора дружными апплодисментами.

Въ свое время эта книга оказала большое вліяніе на рѣшеніе вопроса о церковно-судебной реформѣ. Дѣло въ томъ, что Комитетъ по преобразованію духовно-судебной части, начиная съ предсѣдателя Макарія, архіепископа Литовскаго (впослѣдствіи митрополита Московскаго) въ большинствѣ членовъ работалъ по инициативѣ и вдохновенію оберъ-прокурора графа Д. А. Толстого, посему и выработанный имъ проектъ

былъ собственно дѣтищемъ послѣдняго. «Предполагаемая реформа церковнаго суда» и обрушилась своею убійственною критикою на это его дѣтище и представила болѣе удачно обоснованный контръ-проектъ, офиціально извѣстный подъ именемъ «особаго проекта».

Епархіальные архіереи обзавелись книгою А. Ө-ча, и когда отъ нихъ потребованы были отзывы объ оберъ-прокурорскомъ проектѣ, отнесли къ послѣднему отрицательно, опираясь именно на упомянутую книгу. Создалось такое положеніе, что оберъ-прокуроръ остался одинокимъ со своимъ проектомъ, и... реформа церковнаго суда была отложена на неопредѣленное время.

«За свои комитетскіе труды А. Ө-чъ ордена, вѣроятно, не получить», говорилъ проживавшій въ посадѣ графъ М. В. Толстой. Ордена, конечно, не получилъ, но, однакоже, профессорскую кафедру удержалъ за собою. И то слава Богу...

Такимъ образомъ, «Предполагаемая реформа церковнаго суда» послужила причиною, хотя и не ближайшею и прямою, остановки реформы церковнаго суда, потребность которой была и доселѣ остается настоятельно необходимой.

Здѣсь основаніе для обвиненій А. Ө. въ крайнемъ консерватизмѣ и ретроградствѣ. Такое обвиненіе имѣло бы нѣкоторый смыслъ, если бы А. Ө. ограничился только критикою оберъ-прокурорскаго проекта. Но вѣдь онъ въ то же время выработалъ и свой проектъ реформы церковнаго суда, въ которомъ усвоены были всѣ лучшія стороны судопроизводства Судебныхъ Уставовъ 1864 г. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы на сторонѣ А. Ө. былъ оберъ-прокуроръ, «особый проектъ» былъ бы осуществленъ безъ всякихъ затрудненій и принесъ бы великое благо русской Церкви. Вся вина А. Ө. состояла въ томъ, что онъ былъ экстраординарный профессоръ Духовной Академіи, а не оберъ-прокуроръ Св. Синода.

А. Ө. отличался твердымъ, независимымъ характеромъ; усердный ученый труженикъ, онъ слѣдилъ за современнымъ состояніемъ Церкви и благодаря знакомству съ чиновниками Св. Синода былъ освѣдомленъ, какъ никто другой въ Академіи, по части церковной политики, но былъ крайне сдержанъ и молчаливъ. На свои ученые труды и службу онъ смотрѣлъ какъ на свой долгъ предъ Церковію, *de jure* и *de facto* отстаивая достоинство духовнаго сана и монашескаго званія, съ чѣмъ уживались, однако, его ироническія, иногда добродушныя, а подчасъ и ядовитыя, характеристики хорошо извѣстныхъ ему нѣкоторыхъ дѣятелей изъ этой среды. Ни карьеристомъ, ни любителемъ дешевой популярности онъ не былъ никогда, да и не могъ быть по своему духовному складу. Онъ не любилъ либеральной шумихи и при случаѣ не скупилъ-

ся на ядовитыя замѣчанія по адресу лицъ, страдавшихъ такою слабостью. Твердый въ своихъ консервативныхъ убѣжденіяхъ, онъ уважалъ серьезныхъ ученыхъ и талантливыхъ работниковъ, не стѣсняясь рамками своего консерватизма. Студентовъ, работавшихъ надъ кандидатскими сочиненіями, онъ призывалъ къ самостоятельности и независимости отъ чужихъ мнѣній и съ этою цѣлью требовалъ изученія прежде всего первоисточниковъ. Достаточно указать, что однимъ изъ любимыхъ учениковъ его былъ В. Θ. Кипарисовъ, авторъ диссертаций «О свободѣ совѣсти» и «Церковной дисциплинѣ», весьма сочувственно привѣтствованныхъ ученою литературой именно за вполне научное и свободное отъ тенденціозности направленіе. Проф. А. С. Павловъ, во многомъ расходившійся съ А. Θ., былъ глубокимъ почитателемъ его, дорожилъ его мнѣніями и посвятилъ его имени одинъ изъ капитальныхъ своихъ трудовъ: «Пятидесятая глава Кормчей книги, какъ исторической и практической источникъ русскаго брачнаго права 1887 г. Посвящается высокопреосвященнѣйшему Алексію, архіепископу Виленскому и Литовскому». Въ его гостиной на почетныхъ мѣстахъ стояли портреты М. Н. Каткова и С. М. Соловьева. Благодаря А. Θ. въ Академіи занялъ кафедру русской гражданской исторіи В. О. Ключевскій.

Сдѣлавшись московскимъ викаріемъ, бывшій профессоръ продолжалъ живо интересоваться ученою жизнью Академіи и на первыхъ порахъ нерѣдко появлялся на ея ученыхъ диспутахъ. Хорошо помню его фразу, которою онъ охарактеризовалъ очень серьезныя и талантливыя возраженія одного молодого приватъ-доцента: «Ну ужъ не желалъ бы я въ качествѣ диспутанта попасть въ ученые лапы М. Д-ча». Когда впоследствии тотъ же приватъ-доцентъ поднесъ ему свою магистерскую диссертацию, преосвященный, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ протоіерею П. А. Смирнову (товарищу преосвященнаго по Академіи и земляку), сказалъ: «Вотъ какія книги нынче представляютъ на степень магистра, а не какъ въ наше время». При этомъ, разогнувъ книгу, поцѣловалъ ее и горячо привѣтствовалъ автора.

А. Θ. былъ большой постникъ и трезвенникъ, но весьма великодушный и разсудительный. Припоминается такой случай изъ его административной практики по управленію духовными училищами Московской епархіи. Смотритель Н духовнаго училища, іеромонахъ, со школьной скамьи опредѣленный въ эту должность, по окончаніи перваго года службы сдѣлалъ представленіе преосвященному объ увольненіи отъ должности учителя латинскаго языка, какъ неисправнаго по службѣ вслѣдствіе пристрастія его къ спиртнымъ напиткамъ. Преосвященный отлично зналъ того и другого, какъ студентовъ, и на это представленіе отвѣтилъ такъ: «Вы очень

поспѣшно составляете свои сужденія о подчиненныхъ. Я хорошо знаю этого преподавателя. Это замѣчательный знатокъ латинскаго языка и талантливая личность. Въ одинъ мѣсяць онъ можетъ сдѣлать столько, сколько иному и въ цѣлый годъ не сдѣлать. Нужно дорожить такими людьми и бережно относиться къ нимъ».

Служба въ Москвѣ въ должности викарія Московскаго митрополита была лучшею эпохою въ жизни А. Θ. Достопримѣчательно, что ему пришлось, послѣ кончины м. Иннокентія, быть викаріемъ у м. Макарія, съ которымъ ранѣе онъ работалъ въ комитетѣ и былъ самымъ ревностнымъ оппонентомъ его, какъ предсѣдателя. Конечно, всѣхъ занималъ вопросъ, какъ уживутся эти представители двухъ противоположныхъ направлений. Вопросъ разрѣшился совершенно неожиданно. Самая тѣсная дружба и взаимное довѣріе соединяли ихъ. М. Макарій спокойно доканчивалъ обработку церковной исторіи, вполне довѣривъ все управленіе своему викарію. Послѣ неожиданной кончины митрополита мнѣ пришлось видѣться съ преосв. Алексіемъ, и я не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы повѣдать ему о занимавшихъ и смущавшихъ меня толкахъ, какъ о жизни м. Макарія, такъ и о внезапной кончинѣ его, которые приходилось слышать даже отъ монаховъ лавры. На это преосвященный отвѣчалъ: «Выбросьте изъ головы эти гнусныя сплетни! Повѣрьте, я не встрѣчалъ въ жизни человѣка болѣе благороднаго, чѣмъ покойный митрополитъ Макарій».

Преосвященный Алексій сильно любилъ Москву. Буквально съ горькими слезами онъ прощался съ нею, отправляясь на Литовское архіепископство. «Вѣдь вы отправляетесь на совершенно самостоятельную службу, у васъ самихъ будутъ два викарія, вы можете много добра сдѣлать на этомъ посту, здѣсь же вы связаны, потому что только викарій»,— говорили въ утѣшеніе ему. «Для меня,—отвѣчалъ онъ,—ничего не было бы желательнѣе, какъ навсегда оставаться московскимъ викаріемъ, невзирая на то, каковъ будетъ мой непосредственный начальникъ».—«Чѣмъ же васъ такъ привязала Москва?»—«Своими святынями и культурностью. Вѣдь здѣсь центръ науки и просвѣщенія. А что я встрѣчу въ Вильнѣ?!»

И Москва любила этого викарія, вся сверху до низовъ, отъ университета до старообрядцевъ. Въ университетѣ довольно энергично проводилась мысль объ удостоеніи его докторской степени, а богослуженіе онъ совершалъ такъ благоговѣйно и уставно, что былъ совершенно «безпреткновененъ» даже со стороны такихъ придирчивыхъ критиковъ, какъ старообрядцы. Но главными особенностями его архіерейскаго служенія были слѣдующія: 1) Онъ не принималъ денежной бла-

годаорности за свои служенія по приглашенію, утверждая, что своими доходами отъ Саввинскаго подворья онъ до «преизлиха» обеспеченъ. Это было совершеннымъ новшествомъ для москвичей, съ которымъ они никакъ не могли примириться: «Вѣдь и Филаретъ не отвергалъ», говорили они. Слѣдующій случай помогъ въ нѣкоторой мѣрѣ побѣдить безкорыстнаго владыку. Графъ С. Д. Шереметьевъ однажды пригласилъ его на освященіе храма въ одномъ изъ подмосковныхъ своихъ имѣній и предъ литургіею поднесъ ему драгоценную панагію, которую и просилъ употребить при совершеніи литургіи. Владыка не нашелся, какъ отговориться отъ такого, дара и принялъ его. Разумѣется, вѣсть объ этомъ быстро разнеслась, и владыка уже не находилъ возможнымъ отказываться отъ разнаго рода приношеній вещами—«плодами трудовъ» жертвователей. Онъ повезъ въ Вильну нераспакованные тюки этихъ приношеній, которые такъ и остались таковыми въ пользу наслѣдниковъ... «Я ѣду въ Вильну точно богатѣйшій купецъ на ярмарку,—говорилъ онъ, указывая на эти тюки;—чего, чего тутъ нѣтъ!»

Другая особенность его служенія приводила въ сильное недоумѣніе: онъ не произнесъ въ Москвѣ ни одной проповѣди съ церковной кафедрой. На неоднократные вопросы о такомъ новшествѣ слѣдовалъ одинъ стереотипный отвѣтъ: «Православное богослуженіе въ своихъ пѣснопѣніяхъ такъ назидательно, что своимъ словомъ я буду только вредить этой назидательности». Нерасположенные къ владыкѣ люди не вѣрили искренности такого отвѣта и объясняли молчаливость этого викарія довольно низменнымъ побужденіемъ—сознаніемъ своей слабости по сравненію съ другимъ викаріемъ, краснорѣчивымъ Амвросіемъ, впоследствии Харьковскимъ архіепископомъ.

Лично я не интересовался этимъ вопросомъ, но слыхалъ отъ пр. Алексія весьма нелестные отзывы о склонныхъ къ многоглаголанію священникахъ и архіереяхъ, что этою своею слабостью они не столько исполняютъ долгъ учительства, «какъ мнятъ они», сколько унижаютъ свой высокій санъ. Особенно неодобрительно онъ относился къ выходившимъ тогда въ обычай публичнымъ собесѣдованіямъ съ старообрядцами православныхъ священниковъ и даже архіереевъ, далеко не отличавшимся тактичностью и успѣхомъ для православныхъ ратоборцевъ. Словоохотливость онъ вообще невысоко цѣнилъ, часто цитируя пословицу «Слово сказанное—серебро, а умолчанное—золото». Не было ли поэтому молчаливость владыки своего рода пассивнымъ сопротивленіемъ вошедшему въ моду церковному многоглаголанію?...

Отказываясь отъ проповѣди ex cathedra преосвящ. Алексій въ теченіе цѣлаго дня не закрывалъ дверей своего помѣ-

щенія для частнаго собесѣдованія и совопросничества. Сюда являлись всевозможные собесѣдователи по церковнымъ вопросамъ всякаго рода, и я изумлялся его вниманію и героическому долготерпѣнію.

Быль, однакоже, случай, когда преосв. Алексій нарушилъ обѣтъ своего молчальничества и хоть не съ церковной кафедрѣ, а на торжественномъ актѣ учебнаго заведенія, отозвался цѣлою рѣчью по одному «женскому вопросу». Пораженный блестящими отвѣтами ученицъ женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ, онъ на торжественномъ актѣ произнесъ блестящую импровизацію, въ которой по адресу начальницы произнесъ слѣдующія слова: «Вы самымъ дѣломъ разрушили вѣковое предубѣжденіе, будто женщина не способна заниматься серьезными учеными работами».

Рѣчь была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и читалась съ большимъ интересомъ.

Своимъ положеніемъ въ Вильнѣ и въ С.-Петербургѣ въ должности члена Св. Синода преосвящ. Алексій весьма тяготился и, кажется, въ душѣ лелѣялъ мысль уйти на покой, чтобы свободно отдаться своей любимой наукѣ церковнаго права. Въ своемъ письмѣ изъ С.-Петербурга отъ 31-го марта 1889 г. онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: «Съ какою бѣшеною радостію я опять обратился бы отъ практики къ теоріи! Увы! нельзя: еще не у приде часъ... Нынѣ стоитъ очень высокой курсъ на глупость, нахальство, невѣжество, и низокъ курсъ на умъ, скромность, знаніе. Печальное время!»

Проф. Н. Заозерскій.

ПАМЯТИ ДИМИТРІЯ ТЕОДОРОВИЧА ГОЛУБИНСКАГО.

Какъ сейчасъ вижу высокаго, бѣлаго, какъ лунь, старца, на нѣсколько согнутыхъ въ колѣняхъ ногахъ, въ форменномъ сюртукѣ съ широкими полами и узкими плечами, сшитомъ наперекоръ элементарнымъ требованіямъ портняжнаго искусства. При выходахъ въ городъ онъ надѣвалъ такого же страннаго покроя пальто, смахивавшее больше на женскій салопъ добраго стараго времени, чѣмъ на верхнее мужское платье.

Этотъ высокій старикъ, согнувшись какъ будто для того, чтобы его меньше было замѣтно, проходилъ быстрымъ, хотя и стариковскимъ, шагомъ, держась подалеже отъ середины улицы, низко снимая свою шапку передъ каждымъ знакомымъ и надѣвая ее на голову лишь тогда, когда этотъ знакомый оставался уже позади.

А этихъ знакомыхъ—я не говорю о знакомыхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а о всѣхъ, кто зналъ Димитрія Теодоровича Голубинскаго и кто считалъ долгомъ поклониться ему—было множество, отъ малолѣтнихъ дѣтей до такихъ же бѣлыхъ стариковъ, какимъ былъ онъ самъ.

Тотъ, кто не зналъ его привычекъ, могъ оказаться въ неловкомъ положеніи, подойдя къ нему на улицѣ: Димитрій Теодоровичъ, разговаривая съ человѣкомъ, независимо отъ ранга и общественнаго положенія послѣдняго, снималъ шапку, останавливаясь для разговора, и пока шла бесѣда, стоялъ съ открытою головою, держа шапку у груди. Кто не предвидѣлъ этого и, подойдя для разговора, спѣшилъ надѣть шапку, тотъ, думаю, чувствовалъ себя очень неловко, стоя въ шапкѣ передъ маститымъ старцемъ съ обнаженною головою.

Мои первыя воспоминанія о Димитрії Теодоровичѣ относятся еще къ тому времени, когда я былъ мальчикомъ, до поступленія въ духовную семинарію. Мы жили на той же Ильинской улицѣ, гдѣ квартировалъ и Димитрій Теодоровичъ, и онъ ежедневно проходилъ въ Академію и изъ Академіи мимо нашего двора.

Въ то время Сергіевскій посадъ кишѣлъ разнаго рода проходимцами, питающимися подаяніями богомольцевъ. Полиція посада, со старикомъ полицмейстеромъ во главѣ и со

старшимъ полицейскимъ, который впослѣдствіи попался чуть ли не въ укрывательствѣ воровской шайки, была слишкомъ архаична для того, чтобы оберегать обывателей отъ назойливости этихъ проходимцевъ.

Часы, въ которые Димитрій Ѳеодоровичъ выходилъ изъ дома или возвращался домой, были прекрасно извѣстны этой шайкѣ, и она въ ожиданіи добычи располагалась у крыльца его квартиры, когда ему надо было итти на лекцію, или на дорогѣ изъ Академіи, передъ его возвращеніемъ съ занятій. Достаточно было ему показаться, какъ вся эта полупьяная, а иногда и совсѣмъ пьяная свора бросалась къ нему съ громкими и настойчивыми требованіями о подачѣ. Димитрій Ѳеодоровичъ никогда не смотрѣлъ, кому сколько онъ подаетъ; онъ опускалъ руку въ карманъ, гдѣ, очевидно, постоянно носилъ мелкую монету, и совалъ ее просящему, избѣгая изъявленій благодарности; поэтому получившій подаеніе часто забѣгалъ еще разъ впередъ, чтобы получить свою долю второй, а быть-можетъ, и третій разъ. Иногда у Димитрія Ѳеодоровича, очевидно, не оказывалось въ карманахъ денегъ: тогда онъ, еще больше согнувшись, съ виноватымъ видомъ спѣшилъ пройти мимо этой шайки; вся наружность его показывала, какъ тяжело ему было въ эти минуты. Но «бывшимъ людямъ», среди которыхъ были и такіе, которые могли блеснуть нѣсколькими латинскими фразами, не было никакого дѣла до внутренняго состоянія Димитрія Ѳеодоровича: ихъ аппетитъ былъ обмануть, и они не стѣснялись осыпать своего постоянного давальца упреками, а иногда и бранью. Всей администраціи Сергіевскаго посада были, конечно, прекрасно извѣстны эти выходы полупьяныхъ людей, но никому въ голову не приходило оградить почтеннаго профессора отъ этой травли. А самъ онъ никому не жаловался на это, очевидно, боясь отказать въ милостынѣ даже завѣдомымъ пропойцамъ.

Димитрій Ѳеодоровичъ, окруженный толпою нищихъ, толпа нищихъ на скромномъ крыльцѣ его скромной квартиры — таково мое самое раннее воспоминаніе о Димитріи Ѳеодоровичѣ. Но память сохранила мнѣ и другой образъ его — когда онъ верхомъ на лошади ѣздилъ за городъ. Насколько мнѣ помнится, это чаще всего бывало весной: вѣроятно, чувство естествоиспытателя тянуло его изъ города туда, гдѣ природа просыпалась отъ зимней спячки. Мнѣ не приходилось видѣть его за городомъ; но когда я узналъ его, какъ профессора, мнѣ всегда казалось, что онъ «созерцалъ» природу, переживая въ этомъ созерцаніи чувство благоговѣнія и умиленія передъ премудростью и благостью Творца. Этимъ чувствомъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ своего отца, извѣстнаго профессора Московской же Академіи Ѳ. А. Голубинскаго, были проникнуты всѣ его лекціи, всѣ его рассказы о природѣ.

Но это пониманіе его внутренняго настроенія, заставлявшаго его садиться на лошадь и ѣхать за городъ, явилось уже позже; тогда же мы, дѣти, видѣли въ немъ только очень добраго старика, сидящаго на очень смирной лошади. Къ лошади можно было подбѣжать, остановить ее, со старикомъ можно было заговорить, можно было даже попросить его покатать на лошади. И онъ съ изумительнымъ терпѣніемъ останавливался съ нами и иногда слѣзалъ съ лошади, чтобы посадить насъ на сѣдло, не выпуская, впрочемъ, поводьевъ изъ своихъ рукъ.

Любя самъ природу, Димитрій Θεодоровичъ замѣтно испытывалъ живѣйшую радость, когда и другіе обнаруживали интересъ къ явленіямъ природы. Когда студентамъ, а иногда и лаврскимъ монахамъ, удавалось застать его за телескопомъ, а это бывало тогда, когда на небѣ можно было наблюдать какое-нибудь свѣтило въ наиболѣе интересной фазѣ, онъ охотно предлагалъ посмотрѣть въ телескопъ, давая подробныя объясненія, обнаруживавшія, что эта область знанія была очень близка для него, и, быть-можетъ, пропуская моменты наблюденія, которые были бы интересны для него самого. Многіе изъ его случайныхъ слушателей были несомнѣнно равнодушны къ тайнамъ неба; но ихъ привлекалъ къ себѣ тотъ необыкновенный старикъ, который съ такою любовью рассказывалъ имъ о какомъ-нибудь свѣтилѣ, что невозможно было не выразить такъ или иначе своего сочувствія къ рассказу. Помню, какъ одинъ изъ лаврскихъ монаховъ пожелалъ посмотрѣть въ телескопъ, но когда до него дошла очередь, то или телескопъ оказался по неосторожности сдвинутымъ съ мѣста или луна, которую тогда наблюдали, успѣла уже выйти изъ поля зрѣнія; долго монахъ смотрѣлъ въ телескопъ и, наконецъ, отошелъ, произнеся со вздохомъ: «Дивны дѣла Твоя, Господи». Тутъ же, конечно, выяснилось, что онъ ничего видѣть не могъ, и Димитрій Θεодоровичъ тотчасъ же навелъ телескопъ на луну и предложилъ монаху посмотрѣть еще разъ. Въ этомъ случаѣ характерна невинная ложь монаха, къ которой онъ прибѣгъ, не желая, очевидно, огорчать Димитрія Θεодоровича заявленіемъ, что въ телескопъ ничего не видно.

Димитрій Θεодоровичъ былъ чрезвычайно религіозенъ: онъ не пропускалъ ни одной службы въ академической церкви, становился особнякомъ отъ другихъ профессоровъ, которые иногда не прочь были поговорить другъ съ другомъ во время богослуженія, и весь уходилъ въ молитву. Для всѣхъ совершенно очевидно было, что въ эти минуты онъ совсѣмъ уходилъ ввысь отъ окружающей его обстановки, погружаясь въ умиленное молитвенное созерцаніе. Это умиленное состояніе до такой степени ясно выражалось на самомъ лицѣ его, что я не помню случая, чтобы кто-нибудь обратился къ нему во

время богослуженія съ какимъ-либо разговоромъ. Очевидно было, что для того, чтобы заговорить съ нимъ, надо было грубо вернуть его изъ области, гдѣ виталь его духъ, къ дѣйствительности, и простая деликатность мѣшала сдѣлать это. Въ особо торжественныхъ случаяхъ, напимѣрь, за всенощной подъ академической храмовой праздникъ, Димитрій Θεодоровичъ читаль шестопсалміе, вкладывая въ чтеніе всю силу своего религіознаго чувства.

Эта глубокая религіозность и чисто дѣтская простота Димитрія Θεодоровича обуславливала совершенно исключительное отношеніе къ нему студентовъ. Онъ читаль естественно-научную апологетику—науку, каѳедра по которой была, насколько я представляю, лишь въ одной Московской Академіи. Задача лекцій заключалась въ широкомъ смыслѣ въ томъ, чтобы пріучить слушателей «въ физическихъ явленіяхъ природы видѣть премудрость и благость ея Творца». Я нарочно употребляю выраженіе самого Димитрія Θεодоровича, заимствованное имъ у глубоко почитаемаго имъ своего отца Θ. А. Голубинскаго, потому что оно лучше всего характеризуетъ его собственное міровоззрѣніе и то міровоззрѣніе, въ которое онъ хотѣлъ ввести своихъ слушателей. Трудная задача, если принять во вниманіе тотъ скепсисъ въ вопросахъ религіи, который характеризуетъ собою старшіе классы семинарій и вызывается тамъ слишкомъ поверхностнымъ ознакомленіемъ съ различными отрицательными естественно-научными теоріями.

И если слова Димитрія Θεодоровича не было достаточно, чтобы разсѣять вполнѣ этотъ скепсисъ, то вся его внутренняя настроенность такъ ярко проявлялась во время лекцій, что создавала неотразимое впечатлѣніе. Среди слушателей возникала потребность такъ или иначе выразить сочувствіе тому, что онъ говорилъ, и это сочувствіе обыкновенно выливалось въ столь же простую, безхитростную, даже наивную, сказалъ бы я, форму, какъ простъ и безхитростенъ былъ самъ Димитрій Θεодоровичъ.

Бывало, производитъ онъ какой-нибудь опытъ, «опать», какъ произносилъ онъ самъ это слово, протягивая букву а. Рѣчь идетъ о какомъ-нибудь электрическомъ звонкѣ. Разсматривается устройство звонка, объясняется каждая часть его и ея назначеніе, наконецъ, звонокъ включается въ незамкнутую цѣпь. Отсюда начинался самый интересный моментъ лекціи, къ которому Димитрій Θεодоровичъ приступаль съ особою торжественностью въ голосъ: «Я замыкаю токъ»... при этихъ словахъ Димитрій Θεодоровичъ нажимаетъ кнопку, и звонокъ начинаетъ оглушительно трещать: «и звонокъ, какъ видите, звонитъ», заканчиваетъ онъ послѣ продолжительной паузы. Опытъ по просьбѣ студентовъ повторялся нѣсколько разъ,

что видимо доставляло Димитрію Θεодоровичу большое удовольствіе.

Или, напрімѣръ, приносится въ аудиторію для демонстраціи громоотвода жестяной разборный домикъ, стѣнки и крыша котораго привязаны къ подставкѣ на довольно длинныхъ шнуркахъ, а внутри помѣщается небольшой сосудъ съ гремучимъ газомъ. Домикъ снабженъ громоотводомъ, который легко снимается. «Передъ нами домъ,—говоритъ Димитрій Θεодоровичъ,—на которомъ устроенъ громоотводъ («грамаатводъ», какъ произносить онъ). Я подношу лейденскую банку, и мы видимъ, что электрическая искра проходитъ по громоотводу въ землю, не нанося дому вреда. Но когда громоотвода нѣтъ, то молнія попадаетъ въ домъ и»... опять продолжительная пауза, придающая моменту чрезвычайно интересную торжественность; во время паузы Димитрій Θεодоровичъ подноситъ лейденскую банку къ домику, искра воспламеняетъ гремучій газъ, и домикъ отъ взрыва разлетается въ разныя стороны, при чемъ, впрочемъ, шнурки не позволяютъ стѣнкамъ и крышѣ отскакивать очень далеко: «и мы видимъ картину страшнаго разрушенія», заканчиваетъ Димитрій Θεодоровичъ подъ шумное одобреніе молодежи. Опытъ, конечно, повторяется нѣсколько разъ. Въ печати не можетъ быть передана та неподражаемая интонація, съ которой Димитрій Θεодоровичъ произносилъ указанныя выше слова: онъ самъ видѣлъ въ этомъ домикѣ не игрушку для опыта, а человѣческое жилье, разрушенное однимъ ударомъ молніи, этимъ орудіемъ гнѣва Божія. Для него это было картиною дѣйствительно страшнаго разрушенія. Немудрено, что послѣ такого опыта онъ находилъ необходимымъ прочесть нѣсколько выдержекъ изъ Библіи, описывающихъ страшныя проявленія гнѣва Господня.

Опять повторяю, что собственное настроеніе большинства студентовъ могло быть и очень далеко отъ настроенія Димитрія Θεодоровича въ эти минуты; но онъ былъ такъ трогателенъ и своею радостью отъ того, что опытъ удался, и своею вѣрою, и своимъ ужасомъ передъ картиною страшнаго разрушенія, и своимъ умиленіемъ отъ того, что онъ читалъ по Библіи, что невольно привлекалъ симпатіи и уваженіе слушателей.

Замѣчу мимоходомъ, что къ каждому опыту, какъ бы онъ ни былъ простъ, онъ готовился предварительно въ физическомъ кабинетѣ, и потому опыты за самыми рѣдкими исключеніями удавались у него всегда.

Не могу не вспомнить объ одномъ чрезвычайно любопытномъ способѣ проявленія симпатій къ Димитрію Θεодоровичу со стороны студентовъ—имѣю въ виду «освистываніе» Фохта. Когда Димитрій Θεодоровичъ демонстрировалъ передъ студентами волшебный фонарь, онъ, между прочимъ, показывалъ

на экранѣ увеличенныя изображенія съ обыкновенныхъ фотографическихъ карточекъ. На экранѣ появлялись изображенія извѣстныхъ ученыхъ, и одною изъ послѣднихъ—физиономія извѣстнаго ученаго натуралиста Фохта. «Такъ невѣрие и страсти искажаютъ лицо человѣческое», пояснялъ Димитрій Θεодоровичъ, когда на экранѣ вырисовывалась дѣйствительно отталкивающая физиономія этого знаменитаго отрицателя. Со стороны студентовъ тогда раздавался свистъ по адресу портрета Фохта, и Димитрій Θεодоровичъ былъ чрезвычайно доволенъ отъ мысли, что студенты въ лицѣ Фохта осудили антибиблейское направленіе естественной науки.

Въ заключеніе хочу остановиться на одной чертѣ характера Димитрія Θεодоровича: онъ былъ изумительно точенъ и остороженъ въ своихъ словахъ и необыкновенно внимателенъ къ словамъ другихъ. Пустословія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ совершенно не зналъ, и какой-нибудь разговоръ навсегда сохранялся въ его памяти. Помню, какъ однажды отецъ мой былъ пораженъ такимъ заявленіемъ Димитрія Θεодоровича, сдѣланнымъ имъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія: «Въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятомъ году» (разумѣется, я не помню точно года, но промежутокъ времени между первымъ и вторымъ разговоромъ былъ не меньше 15—20 лѣтъ) вы, Павелъ Ивановичъ, говорили мнѣ, что... и т. д. Въ настоящее время ваша точка зрѣнія находитъ подтвержденіе... и т. д. Такіе разговоры со ссылками на слова, произнесенныя и не такъ давно, но все же слишкомъ давно для того, чтобы держать въ памяти случайно произнесенную собесѣдникомъ фразу, происходили у него съ другими профессорами очень часто.

Когда мой отецъ написалъ свой очеркъ изъ быта духовенства подъ заглавіемъ «Антука», то послалъ его въ рукописи Димитрію Θεодоровичу, потому что въ части, посвященной ихъ общему по духовной семинаріи преподавателю медицины И. М. Высоцкому, фигурировало и имя Димитрія Θεодоровича. Въ рукописи, между прочимъ, было сказано, что иногда семинаристы, столпившись въ классѣ вокругъ Высоцкаго, вынюхивали весь табакъ изъ его табакерки. Возвращая рукопись, Димитрій Θεодоровичъ запискою замѣтилъ отцу: «весь ли табакъ дѣйствительно вынюхивали? Быть-можетъ, что-нибудь и оставляли въ табакеркѣ»? Несомнѣнно, въ этомъ мѣстѣ рукописи была нѣкоторая гипербола, потому что отецъ нашелъ необходимымъ окончательно редактировать отмѣченную Димитріемъ Θεодорочемъ фразу такъ: «Если и не вынюхаютъ изъ его неосторожно положенной на каедрѣ табакерки весь табакъ дочиста, то побавятъ его значительно». Димитрій Θεодоровичъ не пропустилъ своимъ вниманіемъ даже такой невинной гиперболы, употребленной отцомъ очевидно лишь для картинности разсказа.

Таковъ былъ этотъ необыкновенный старецъ. Я далеку отъ мысли сдѣлать сколько-нибудь полную характеристику его, но мнѣ казалось необходимымъ ко дню столѣтняго юбилея Академіи посвятить нѣсколько словъ этой свѣтлой личности, быть-можетъ, единственной въ своемъ родѣ за столѣтній періодъ академической жизни.

С. Горскій.

Памяти профессора Моск. Дух. Академіи Д. Θ. Голубинскаго.

Дѣдъ мой, покойный протоіерей Успенской церкви въ Сергіевомъ посадѣ Николай Ивановичъ Ѡваторскій, былъ товарищемъ дѣтства Д. Θ. Голубинскаго. Вмѣстѣ росли они, вмѣстѣ учились въ Виѣаніи. Оба были одинокими, оба жили общей духовной жизнью и оба умерли въ одинъ и тотъ же годъ. Когда я на праздники ходилъ изъ Виѣанской семинаріи къ дѣду, я зналъ, что обязательно встрѣчу Димитрія Ѡеодоровича, чаще сидѣвшаго въ садикѣ дѣда, чѣмъ на своей скромной квартиркѣ. Изумляла меня и всѣхъ, знавшихъ Д. Θ., его удивительная, непосредственная религіозность. «Ну, Димитрій Ѡеодоровичъ, ѣдетъ въ Москву или въ Хотьково», говорилъ дѣдъ, увидя сгорбленную, но довольно бодрую фигуру своего друга, въ необычное время, т.-е. утромъ, направляющагося къ маленькому дому, надѣвалъ епитрахиль и шелъ навстрѣчу Д. Θ. Оба шли молиться. Д. Θ. на колѣняхъ слушалъ молебенъ путешествующимъ, затѣмъ уже шелъ на поѣздъ и ѣхалъ. На другой день—путешествіе его было недолгимъ—служился благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго возвращенія.

Въ старшихъ классахъ семинаріи, когда я сталъ настоящимъ богословомъ, Д. Θ. убѣждалъ меня итти въ Академію, приводя тысячу и одинъ доводъ въ пользу этого, начавъ съ примѣра моего родителя, его бывшего ученика. Часто онъ меня бралъ къ себѣ на лекціи, очевидно, чтобы пріучить молодого, вѣчно стѣсняющагося, семинариста къ Академіи. Какъ сейчасъ помню одну изъ такихъ лекцій на тему «Природа Кавказа, какъ доказательство премудрости и благости Творца». Въ объявленіи, собственноручно написанномъ и вывѣшенномъ Д. Θ.-чемъ, было сказано: «Лекція сопровождается туманными картинами на высокостоящемъ экранѣ».

Эта лекція сказала моей юной душѣ о Богѣ гораздо больше, чѣмъ всѣ разсужденія нашихъ семинарскихъ учебниковъ. Дѣло было въ обаяніи Д. Θ.-ча.

Область интересовъ Д. Θ. лежала въ Священ. Писаніи. Онъ считался такимъ знатокомъ Библии, что почти мгновенно указывалъ ту главу, изъ которой взять какой-либо текстъ. Въ минуту отдыха, попивая спокойно чаекъ въ дѣдовскомъ

кабинетѣ, оба друга развлекались тѣмъ, что дѣдъ читалъ текстъ, а Д. Θ.-чъ указывалъ, откуда этотъ текстъ. Я грѣшный, по мальчишеской дерзости, доставилъ Д. Θ.-чу нѣсколько непріятныхъ минутъ: нашелъ я текстъ въ Вульгатѣ, не вошедшій въ нашу Библию, и предложилъ Д. Θ.-чу указать, откуда этотъ текстъ. Онъ былъ въ смущеніи... Скоро какъ-то попрощался онъ и ушелъ къ удивленію дѣда. На другой день онъ вернулся и съ торжествомъ указалъ, въ чемъ тутъ дѣло. Я былъ уже въ виеанскомъ общежитіи на занятіяхъ, и дѣдъ потомъ рассказывалъ мнѣ, что Д. Θ. до тѣхъ поръ не уснулъ въ эту ночь, пока не нашелъ текста. Съ тѣхъ поръ меня Д. Θ. называлъ «коварнымъ семинаристомъ». Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ семинаріи Д. Θ. замѣтно опустился и постарѣлъ. Онъ еще чаще сталъ бывать у дѣда, чаще декламировалъ стихи своего «покойнаго родителя»: «Уже мои слабѣютъ силы...»¹⁾). Слезы падали изъ глазъ обоихъ стариковъ, чувствовавшихъ уже вѣяніе смерти, и обильнѣе сыпались всякаго рода воспоминанія. Между ними очень характерны воспоминанія, какъ произошли фамиліи «Голубинскій» и «Θаворскій». Однажды, — рассказывалъ Д. Θ.-чъ, — ректоръ Костромской семинаріи, въ которой учился отецъ Д. Θ.-ча, Θεодоръ Александровичъ, увидѣлъ сценку: маленькій семинаристъ съ кулаками налеталъ на большого, который былъ такъ смиренъ и незлобивъ, что не защищался. Ректора поразило такое незлобіе. «Прозывайся ты съ этихъ поръ Голубинскимъ», сказалъ онъ большому семинаристу. Дѣдъ же мой говорилъ: «Было разъ торжественное богослуженіе въ Виеанскомъ монастырѣ наканунѣ Преображенія Господня, въ присутствіи м. Платона. Маленькій семинаристъ звонкимъ голосомъ въ верхнемъ придѣлѣ «на горѣ Θаворѣ» хорошо прочиталъ шестопсалміе. Платонъ призвалъ его и говорить: «Ты сегодня хорошо хвалилъ Бога на горѣ Θаворѣ: будь теперь Θаворскимъ».

Тяжело умиралъ Д. Θ. Я уже былъ тогда дерптскимъ буршемъ и зналъ объ этомъ изъ писемъ дѣда, регулярно посѣщавшаго, несмотря на свои старыя ноги, больного друга въ его одинокой, холодной, безпріютной квартирѣ около ц. Иліи пророка. Посѣщали вмѣстѣ съ дѣдомъ Д. Θ. и босяки; и вотъ больной, еле вставая съ своей постели, бралъ пяточокъ, завязывалъ его въ бумажку, бумажку приклеивалъ сургучомъ къ ниточкѣ и спускалъ въ форточку это подаеніе кричавшимъ внизу босякамъ: «Д. Θ., намъ холодно, мы не ѣли».

Скоро Димитрія Θεодоровича не стало, а за нимъ ушелъ въ могилу и мой дѣдъ.

С. Фарфоровскій.

¹⁾ См. выше стр. 87.

ПАВЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ ГОРСКІЙ-ПЛАТОНОВЪ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Имя Павла Ивановича Горскаго-Платонова я узналъ, еще учась въ Московской духовной семинаріи. Вскорѣ послѣ перехода въ пятый классъ семинаріи въ 1879 году, я прочиталъ въ «Православномъ Обозрѣніи» (1873 г. № 24) извѣстную, надѣлавшую въ свое время много шума, статью П. И-ча «О трудахъ архимандрита Михаила». Эта, жестоко подорвавшая научный авторитетъ автора «Толковаго Евангелія», статья произвела на меня, юнаго семинариста, сильное впечатлѣніе. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что авторъ ея—профессоръ еврейскаго языка и библейской археологіи въ нашей Московской Духовной Академіи и въ то же время инспекторъ ея. Услыхавъ это, я сталъ интересоваться профессоромъ Горскимъ еще болѣе, потому что въ то время сильно увлекался еврейскимъ языкомъ, изучая его во внѣ-классное время у семинарскаго преподавателя М. В. Никольскаго, сдѣлавшагося впоследствии извѣстнымъ семитологомъ; а такъ какъ я уже тогда сталъ подумывать о поступленіи въ Московскую Академію, то академическій гебраистъ и обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Скоро мнѣ представился случай лично увидеть П. И-ча. Отлично помню этотъ день. Это было воскресенье 4-го ноября 1879 года, день торжественнаго годовичнаго семинарскаго акта, на который вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими академическими профессорами пріѣхалъ, между прочимъ, и П. И-чъ. Актъ кончился; гости стали расходиться изъ актовaго зала; мы, семинаристы, столпились, смотря на нихъ. Кто-то изъ товарищей толкнулъ меня и сказалъ: «вотъ инспекторъ Академіи Горскій-Платоновъ». Я посмотрѣлъ и, помню, обратилъ вниманіе на высокій лобъ, говорящій о недюжинномъ умѣ, на нѣсколько прищуренные глаза и какую-то особенную улыбку, играющую на лицѣ. Мнѣ тогда же подумалось, что это, несомнѣнно, очень умный человекъ, провести и обмануть котораго нелегко. Прошло около двухъ лѣтъ. Я окончилъ курсъ въ семинаріи и былъ посланъ въ Академію, въ которую пріѣхалъ 16-го августа, наканунѣ начала вступительныхъ

экзаменовъ. Представившись вмѣстѣ съ другими пріѣхавшими со мною семинаристами о. ректору Академіи, покойному протоіерею Сергѣю Константиновичу Смирнову, я отправился вмѣстѣ съ прочими являться инспектору, который принялъ насъ въ квартирѣ академическаго эконома, о. іеромонаха Анастасія. Вышелъ къ намъ П. И-чъ и прежде всего обратился ко мнѣ: «Васъ я знаю: Добронравовъ изъ Московской семинаріи». Послѣ того, какъ мы были отпущены, всѣ стали спрашивать меня, почему я ему извѣстенъ; но я самъ не могъ объяснить себѣ этого, и только уже по окончаніи курса въ Академіи П. И-чъ мнѣ объяснилъ, что, присутствуя на семинарскомъ актѣ, онъ замѣтилъ меня, такъ какъ я по распоряженію семинарскаго начальства на актѣ читалъ свое ученическое сочиненіе по Священному Писанію. Феноменальной инспекторской памяти этого было достаточно, чтобы по истеченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ не только узнать меня въ лицо, но и назвать по фамиліи. Ни на одинъ изъ пріемныхъ экзаменовъ П. И-чъ у насъ не былъ назначенъ ассистентомъ, но онъ присутствовалъ на всѣхъ нихъ добровольно. Послѣ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ прочитывалъ и экзаменическіе экспромпты, и опять добровольно, единственно изъ желанія познакомиться съ будущими студентами ¹⁾. На экзаменахъ П. И-чъ участія не принималъ, но онъ пристально вглядывался въ каждого студента и что-то записывалъ въ своей записной книжкѣ. Кончились экзамены; наступилъ день академической «конференціи», на которой должна была рѣшиться наша участь. Всѣ мы долго ожидали окончанія ея, расхаживая по академическому саду. Наконецъ, появился П. И-чъ и въ саду же прочелъ намъ списокъ принятыхъ. Приняты были почти всѣ, что-то около 100 человекъ; отослано было человекъ три-четыре ²⁾. Но для большинства моихъ товарищей важно было не только поступить въ Академію, но поступить на казенное содержаніе, для чего нужно было занять мѣсто въ спискѣ не ниже 50-го. И вотъ, лишь только П. И-чъ прочелъ списокъ принятыхъ, какъ цѣлая толпа новыхъ студентовъ, непринятыхъ на казенныя стипендіи, окружила его, спрашивая, когда можно получить документы, чтобы возвратиться на родину, такъ какъ содержаться на свой счетъ во время академическаго ученія имъ не представляется возможности. Надо было слышать, какъ ихъ сталъ убѣждать

¹⁾ Когда я перешелъ на четвертый курсъ, П. И-чъ назначилъ меня старшимъ въ тотъ номеръ, въ который поселилъ только что поступившихъ въ Академію студентовъ; среди нихъ былъ Н. Н. Глубоковскій. П. И-чъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ объ его экзаменическихъ экспромптахъ, замѣтивъ, что такого студента уже давно не бывало въ Академіи.

²⁾ Это было въ то прекрасное—къ сожалѣнію, продолжавшееся недолго—время, когда не заботились ограничивать число учащихся въ Академіи, а напротивъ, считали полезнымъ распространять высшее богословское образованіе какъ можно болѣе.

П. И-чъ не торопиться уѣзжать, обѣщая и помощь Братства Преподобнаго Сергія, и принятіе со временемъ на «Монастырскую башню»¹⁾, и иное другое. Его убѣжденія подѣйствовали: никто изъ моихъ товарищей, принятыхъ на свое содержаніе, обратно не уѣхалъ.

Скоро начались въ Академіи лекціи. Вначалѣ мы ихъ посѣщали усердно, знакомясь съ профессорами. Но скоро число посѣтителей стало уменьшаться все болѣе и болѣе. Зависѣло это отъ того, что на первой же недѣлѣ нашего пребыванія въ Академіи намъ было задано сочиненіе по психологіи, которое мы должны были подать въ половинѣ октября. Пособія были указаны почти исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, который очень многіе изъ насъ или совсѣмъ не знали, или знали не настолько, чтобы безъ затрудненій переводить нѣмецкую книгу. Мы учились въ Академіи въ то время, когда въ ней свято соблюдался завѣтъ знаменитаго друга А. В. Горскаго, преосв. Филарета Черниговскаго, на первомъ планѣ ставить сочиненія, такъ что устные наши отвѣты на экзаменахъ существенно важнаго значенія не имѣли. Но въ Академіи въ наше время, особенно на богословскомъ отдѣленіи, безъ знанія нѣмецкаго языка шага нельзя было ступить. И вотъ съ первыхъ же дней жизни въ Академіи многіе изъ моихъ товарищей съ изумительнымъ прилежаніемъ стали учиться нѣмецкому языку безъ всякой сторонней помощи, вполне самостоятельно. Конечно, тутъ уже было не до лекцій, и на непосѣщеніе ихъ студентами не обращалось особеннаго вниманія академическимъ начальствомъ²⁾.

П. И-чъ почти каждый день обходилъ наши номера— и утромъ во время лекцій, и вечеромъ, когда мы должны были заниматься своимъ дѣломъ. Всѣхъ насъ уже съ первыхъ дней онъ хорошо зналъ, величая каждого по имени и фамиліи. Бывало, торопливо пройдетъ онъ во время лекцій нашими номерами и если увидитъ, что студенты занимаются дѣломъ, не скажетъ никому ничего, какъ будто никого не видитъ; устремится въ чайную, погонитъ оттуда засидѣвшихъ за чаемъ; поднимется наверхъ въ спальные номера, разбудитъ заспавшихся. Вечеромъ, войдя въ номеръ, П. И-чъ сразу замѣчалъ кого нѣтъ, называлъ отсутствующи-

¹⁾ Въ наше время Троице-Сергіева лавра содержала 16 студентовъ, давая имъ помѣщеніе въ Пятницкой башнѣ и уплачивая въ Академію за ихъ столъ и одежду.

²⁾ Въ наше время среди студентовъ ходилъ слухъ, что одинъ изъ профессоровъ обратился въ академическій совѣтъ съ жалобой на студентовъ, что они очень не-исправно посѣщаютъ лекціи; но жалоба осталась безъ послѣдствій. Наши «столпы-профессора» будто бы замѣтили: «Нѣтъ ничего легче, какъ заставить студентовъ ходить на лекціи; но надо подумать, выйдетъ ли изъ этого что-либо полезное: занимающийся студентъ не будетъ имѣть возможности отдаться своему сочиненію какъ слѣдуетъ, а не имѣющий расположенія заниматься неужели будетъ слушать лекцію, на которую пригнали его насильно? Добросовѣстный студентъ самъ знаетъ, когда, у кого и какія лекціи ему полезно послушать».

щихъ по фамиліи, спрашивая гдѣ они. Строго запрещалось разгуливать во время лекцій и вечеромъ послѣ шести часовъ по посаду. П. И-чъ зналъ рѣшительно всѣхъ студентовъ. Въ сентябрѣ 1882 г., кажется, на другой день лаврскаго праздника, Академію посѣтилъ только что назначенный (27-го іюля) на московскую кафедру м. Іоанникій. Всѣхъ студентовъ, болѣе 300 человекъ, собрали въ академической актовъ залъ, потому что владыка пожелалъ благословить каждого изъ нихъ. Когда студентъ подходилъ къ митрополиту, П. И-чъ, стоя рядомъ съ нимъ, громко называлъ фамилію подходящаго. Удивительно было то, что онъ безошибочно называлъ только что поступившихъ (въ сентябрѣ 1882 г.) студентовъ; а ихъ было болѣе ста человекъ. Но П. И-чъ не только зналъ каждого студента; онъ также зналъ и все, что нужно было знать инспектору о немъ. Студенты его боялись. Однако зла онъ рѣшительно никому не сдѣлалъ. Кажется, за все восьмилѣтіе его инспекторствованія никто не былъ уволенъ по его доносу. Все дѣло ограничивалось обыкновенно сбавкою балла по поведенію съ 5 на 4 и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ на 3. Но такая сбавка существеннаго вреда не приносила, такъ какъ изъ-за этого казеннаго содержанія не лишали. Грозны были четверки по поведенію для своекоштныхъ студентовъ, потому что онѣ имѣли значеніе при распредѣленіи пособій отъ Братства Препод. Сергія и зачисленіи на монастырскія или освободившіяся казенныя стипендіи. Но никогда не слышалось жалобъ, чтобы П. И-чъ допускалъ здѣсь какую-либо несправедливость. Скорѣе онъ многихъ прощалъ, чѣмъ кого-либо обижалъ. Вполнѣ справедливо говорилъ онъ о себѣ въ своемъ «Голосѣ стараго профессора» (стр. 117): «Инспекторъ ясно сознавалъ всю свою силу (по отношенію къ своекоштнымъ студентамъ), но не признавалъ полезнымъ доводить ея проявленія до такой степени, чтобы своекоштные студенты, сознавшіе за собою тѣ или другіе грѣхи поведенія, приходили въ безвыходное уныніе. Совѣтомъ Братства раздаваемые были небольшіе и сравнительно нечастые дары и небезукоризненнымъ своекоштнымъ студентамъ; и ихъ прошенія не всегда были отвергаемы, потому что правда—правдой, но и милосердію должно же иногда доставаться одолѣніе, опять-таки при участіи инспектора. Въ такихъ случаяхъ инспектору приходилось обращаться къ совѣту Братства съ уступительными періодами, подобными слѣдующему: «За этимъ студентомъ у меня есть вотъ что..., но сюртукъ у него дѣйствительно такой, что и въ церковь и на экзаменъ въ немъ выйти стыдно». Или... «но калошъ у него дѣйствительно нѣтъ, и на правомъ сапогѣ заплату я самъ видѣлъ». Все это становилось извѣстно студентамъ;

иногда даже и самъ инспекторъ, въ своихъ инспекторскихъ видахъ, обращался къ удовлетворенному въ своей просьбѣ студенту съ такою, примѣрно, рѣчью: «Не слѣдовало бы давать вамъ суконную пару, но я надѣюсь, что вы впредь... и прочіе сами собой понятные глаголы».

Вмѣсто наказаній, П. И-чъ прибѣгалъ къ «проборкѣ» виновнаго студента, а «пробирать» онъ былъ великій мастеръ, какъ и самъ признавался («Голосъ проф.», 102). Я не помню, чтобы проборка дѣлалась въ присутствіи другихъ—публично. Обыкновенно она совершалась наединѣ. Тутъ вычитывались всѣ грѣхи студента, часто даже и такіе, которые тотъ считалъ никому изъ начальства невѣдомыми. Немыслимо было оправдываться или заператься: всевѣдущій инспекторъ влухъ и впрахъ разбивалъ такія оправданія и заперательства и притомъ съ такимъ ѣдкимъ остроуміемъ и замѣчательною находчивостью, что студенту оставалось только молчать и раскаиваться въ своей неосторожности. Бѣдняга и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, и потѣлъ, и дрожалъ, желая только одного, чтобы бесѣда поскорѣе окончилась. «Пробранный» и «отчитанный» являлся къ товарищамъ въ страшно мрачномъ настроеніи. Разспрашивать его, что ему пришлось выслушать отъ инспектора, было бы неумѣстно въ это время. Лишь когда онъ нѣсколько отходилъ, можно было завести съ нимъ объ этомъ рѣчь. Тутъ-то юное студенчество и могло вдосталь посмѣяться остроатамъ своего инспектора и подивиться его всезнайству. Но всѣ проборки П. И-ча клонились къ доброй цѣли—остепенить студента, дать ему возможность окончить Академію. П. И-чъ не забывалъ, что часто «за спинами студентовъ стоятъ и матери-вдовы, и сестры безпріютныя, и братья малолѣтніе, стоятъ и ждутъ будущаго кормильца» (тамъ же, стр. 103).

Но говоря о покойномъ П. И-чѣ, какъ инспекторѣ, считаю не лишнимъ привести, что онъ самъ писалъ о себѣ въ іюлѣ 1886 года въ своихъ, хранящихся въ рукописи, запискахъ «Для моихъ дѣтей»¹⁾:

«Я несъ свои инспекторскія обязанности вполнѣ добросовѣстно и тратилъ на исполненіе ихъ очень много времени.

«Я знаю каждаго студента, знаю, откуда онъ родомъ, какого курса, казенный или своекоштный, гдѣ живетъ, какъ ведетъ себя, какого нрава. Мнѣ никогда не докладывали, что пришелъ такой-то студентъ; мнѣ просто говорятъ, что пришелъ студентъ. У меня не было случая, когда мнѣ нужно было бы спросить студента: «какъ васъ зовутъ», или: «какого вы курса». Я зналъ всѣхъ студентовъ не только въ лицо, но большую часть ихъ зналъ и по затылку. Бывало, пойдешь въ номера во время классовъ, взойдешь, наприм., въ 3 №, а изъ 5-го № кинется, показавъ одинъ затылокъ, тотъ или другой студентъ, убѣгая отъ

¹⁾ Печатается съ разрѣшенія супруги покойнаго—Александры Петровны и его сына—Сергѣя Павловича.

инспектора¹⁾: достаточно; инспекторъ уже знаетъ, кто убѣжалъ. Характерныя отчества студентовъ, въ родѣ, наприм., Захарыча, Трофимыча, Елисеича, инспекторъ также зналъ. Проходить онъ, напримѣръ, по многолюдной улицѣ, слышенъ въ одномъ домѣ голосъ: «Адамычъ, я тебѣ вотъ что скажу»: достаточно; инспекторъ уже знаетъ, какой студентъ пришелъ въ этотъ домъ. Помощники мои по инспекціи подтверждаютъ, что, не зная фамиліи того или другого студента, относительно котораго имѣли дать мнѣ какое-нибудь извѣстіе, они описывали мнѣ внѣшніе признаки студента, и я сказывалъ имъ, кто это такой. При неопредѣленности ихъ описаній, я называлъ имъ нѣсколько человѣкъ, подходящихъ подъ ихъ описаніе, и давалъ имъ главнѣйшіе вопросы о примѣтахъ каждаго изъ такихъ студентовъ, а послѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ ихъ на эти вопросы, сказывалъ имъ, что вотъ это такой-то. Въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе запросовъ извѣстнаго комитета мнѣ приходилось давать въ отвѣтныхъ отношеніяхъ подробное описаніе того или другого студента, уже выбывшаго изъ Академіи въ отпускъ или окончившаго курсъ, я по памяти давалъ такое подробное и характерное описаніе примѣтъ, что даже полиція приходила въ изумленіе. Или, наприм., подходятъ студенты во время всенощной прикладываться къ Евангелію: всѣхъ ихъ замѣчаю, и послѣ всенощной, взявъ списки студентовъ, отмѣчаю, кто не былъ за богослуженіемъ²⁾. Такихъ списковъ у меня сохранилось немало. Новопоступающихъ студентовъ, — а ихъ бывало и больше сотни — я старался и всегда успѣвалъ узнать до окончанія ими вступительныхъ экзаменовъ. По приведеннымъ мною примѣрамъ видно, сколько прилагалось мною старанія къ исполненію своихъ обязанностей. Объясняли мое знаніе студентовъ необыкновенною памятью; это объясненіе не вѣрно. Въ дѣйствительности знаніе студентовъ мнѣ давалось скоро, но очень не легко. Наприм., знаніе новопоступающихъ студентовъ давалось лишь слѣдующимъ образомъ. Являлись они ко мнѣ въ первый разъ. Запомню немногихъ. Затѣмъ беру документы новопоступающихъ и дѣлаю для себя выписки: какъ зовутъ студента по имени, отчеству и фамиліи, откуда онъ родомъ, казенный или волонтеръ, чей сынъ, гдѣ служить отецъ, сколько лѣтъ имѣетъ отроду, какъ отмѣченъ по поведенію, какія имѣетъ особенности въ аттестатѣ и даже какой имѣетъ почеркъ, если почеркъ представлялъ что-нибудь особенное. Затѣмъ заучивалъ сопряженіе имени съ фамиліей и мѣстомъ происхожденія, и за-

¹⁾ Въ данномъ мѣстѣ П. И-чъ разумѣетъ свои посѣщенія номеровъ во время послѣдней лекціи передъ обѣдомъ, когда къ казеннымъ студентамъ приходили своекоштные для нѣсколько «веселаго» и, конечно, начальствомъ недопускаемаго времяпрепровожденія въ такъ называемыхъ печурахъ.

²⁾ Въ наше время (говорю о 1881—1885 гг.) студенты очень охотно посѣщали академическую церковь, и случаи уклоненія отъ богослуженія были довольно рѣдки. Зависѣло это отъ того, что служба церковная не отличалась продолжительностью; богослуженіе совершалось чинно и просто, безъ всякихъ вычурностей и ненужныхъ эффектовъ; на всенощной чтенія казенистовъ вмѣсто каѳизмъ, противъ чего, какъ извѣстно, возставали митр. Филаретъ и А. В. Горскій, не бывало. Церковнымъ пѣніемъ студенты моего времени особенно славились. Имена такихъ пѣвцовъ, моихъ однокурсниковъ, какъ Анемподистъ Яковлевичъ Дородницынъ (нынѣ Алексій, епископъ Саратовскій), Андрей Григорьевичъ Дружининъ (уже усопшій), Иванъ Васильевичъ Знаменскій (преподаватель женск. института въ Тамбовѣ), въ посадѣ Сергіевскомъ не забыты еще и теперь. Проповѣдьями насъ не мучили. Онѣ произносились довольно рѣдко, но зато такія, которыя своими достоинствами обращали на себя вниманіе. Архіерейское богослуженіе отправлялось въ академической церкви, помнится, только разъ въ году — 1-го октября. Но особенно торжественно совершалъ покойный ректоръ С. К. Смирновъ литургію на греческомъ языкѣ въ одно изъ воскресеній послѣ Пасхи. Его возгласъ *εὐφρανὴ πᾶσι* такъ и раздается въ моихъ ушахъ, какъ не забывается и его простое, но въ высшей степени выразительное, производившее сильное впечатлѣніе, чтеніе заупокойной молитвы «Боже духовъ». Вообще никакого богослуженія я не могу поставить выше академическаго, какъ оно совершалось въ мое время, и утверждаю, что въ своемъ мнѣніи я не одинокъ.

тѣмъ приходилъ на пять или на шесть экзаменскихъ засѣданій, во время которыхъ каждый студентъ проходилъ передо мною два раза, а я дѣлалъ объ немъ пригодныя для меня замѣтки на особой тетради. Возвращаясь съ экзамена, я пересматривалъ имена и отмѣтки и старался припомнить черты каждаго студента, такъ чтобы при имени каждаго студента въ моей памяти выражался образъ этого студента; а потомъ начиналъ съ другого конца: припоминалъ образъ студента и старался точно назвать этого студента по имени. Не мудрено, что послѣ этого я зналъ къ концу экзаменовъ каждаго изъ новопоступающихъ студентовъ; для этого уже не требуется необыкновенной памяти.

«Я имѣю полное нравственное право смѣяться надъ мыслью, что меня слѣдовало удалить отъ инспекторской должности потому, что я живу внѣ Академіи. Здѣсь заключается, конечно, мысль о невозможности достаточнаго надзора за студентами для инспектора, живущаго хотя и на казенной квартирѣ, но не въ одномъ корпусѣ со студентами. Своимъ надзоромъ я настолько жилъ внутри Академіи, насколько едва ли удастся жить въ ней другому, чья квартира будетъ ближе къ студенческимъ помѣщеніямъ. Прислушайтесь, что студенты на сторонѣ говорятъ о силѣ моего надзора. Они говорятъ, что отъ инспектора ничего не укрывается, что бесполезны попытки ускользнуть отъ инспекторскаго глаза и провести инспектора, что напрасно хвалятъ въ газетахъ французскую полицію, что наша академическая полиція не ниже французской... Инспекторъ Московской семинаріи А. И. Цвѣтковъ недавно сказалъ совершенно справедливо: «меня боятся семинаристы, а Павла Ивановича студенты боятся еще больше». И замѣтите: боятся при отсутствіи донесеній о студентахъ, при увѣренности, что сила инспектора только въ немъ самомъ, а не въ томъ, что за нимъ стоитъ начальство. Держать при такихъ обстоятельствахъ студентовъ въ чувствѣ большого страха передъ инспекторомъ невозможно безъ внимательнаго надзора. Правда, что та казенная квартира, которую я занимаю, находится въ восьми минутахъ медленнаго и въ пяти минутахъ скораго хода (передъ монастыремъ садъ, отъ калитки котораго имѣю собственный ключъ) отъ любого изъ студенческихъ помѣщеній и въ разстояніи десяти минутъ хода по кружной дорогѣ вокругъ монастырскаго сада: но и отъ инспекторской квартиры въ Академіи въ нѣкоторыя студенческія помѣщенія не дойдешь скорѣе, чѣмъ черезъ двѣ или три минуты. Студенты живутъ не въ одномъ, а въ четырехъ корпусахъ, въ главномъ, въ классномъ, въ инспекторскомъ и въ больничномъ, изъ которыхъ три не соединены одинъ съ другимъ. Нельзя думать, что инспекторъ, живущій въ одномъ изъ этихъ корпусовъ, можетъ проводить все свое время или на хожденіе по студенческимъ помѣщеніямъ или въ наблюденіяхъ изъ оконъ, изъ которыхъ немного и увидишь. Нелѣпо начертать такой идеаль инспекторскаго надзора: «Стоить стеклянный корпусъ, всѣ помѣщенія студенческія инспекторъ окидываетъ однимъ взглядомъ; изъ всѣхъ помѣщеній проведены въ квартиру инспектора телефоны; инспекторъ все и видитъ и слышитъ».

«Оставляя насмѣшку, скажу, что въ учебное время не было ни одного дня, когда инспекторъ дважды или неизбѣжно однажды не провелъ бы нѣсколькихъ часовъ въ Академіи. По милости Божіей я похвралъ, кажется, только одинъ разъ въ теченіе восьмилѣтней инспекторской службы, да и то въ неучебное время, на святкахъ. Отъ 11 часовъ утра до часу или иногда до половины второго я ежедневно находилъ въ Академіи; въ это время приходили ко мнѣ дежурные и всѣ студенты, имѣвшіе до меня или до которыхъ я имѣлъ какое-нибудь дѣло. Кромѣ того, нерѣдко и вечеромъ я или заходилъ въ номера или же проходилъ около академическихъ корпусовъ. Если пѣшкомъ неудобно было итти

вслѣдствіе погоды, то я требовалъ лошадь, всегда находившуюся въ моемъ исключительномъ распоряженіи и необходимо нужную для поѣздки по квартирамъ своекоштныхъ студентовъ. Не забудьте, что кромѣ 229 студентовъ, жившихъ въ корпусахъ академическихъ, въ минувшемъ году (1885—1886), девяносто человѣкъ жили въ разныхъ мѣстахъ посада, а въ 1884/5 учебномъ году въ посадѣ жило до 140 студентовъ¹⁾. Если въ корпусѣ случалось что-нибудь особенное, ко мнѣ приходилъ субъ-инспекторъ, и я отправлялся въ Академію. Случись поздно ночью что-нибудь экстренное, съ чѣмъ не могли бы сладить субъ-инспекторъ и ректоръ: на такіе случаи отданъ былъ приказъ тотчасъ присылать за мною. Черезъ полчаса я былъ бы на мѣстѣ и принялъ бы надлежащія мѣры, и притомъ такія, которыхъ другой не посмѣлъ бы принять. Попробуй, напримѣръ, другой кто-нибудь въ присутствіи не одной сотни студентовъ выливать и бить бутылки, приготовленныя для выпивки, какъ это сдѣлалъ я, услышавъ, что студенты собрались на генеральную выпивку²⁾: не знаю, что изъ этого вышло бы. Вообще при мнѣ сила, значеніе и надзоръ инспектора были велики, несмотря на то, что я жилъ не въ самомъ монастырѣ, а въ нѣсколькихъ минутахъ хода отъ студенческихъ помѣщеній. Если другой поставитъ свое инспекторское дѣло такъ же, какъ я, то я первый похваляю его.

«Попробуйте спросить человѣкъ десятокъ изъ того множества студентовъ, которые учились въ Академіи при моей инспекціи: увѣритесь, что я не хвастаю, а говорю истину. Только сумѣйте отличить существованіе проступковъ отъ вліянія инспектора на студентовъ. Спросите и насъ, людей, жившихъ подъ монашескимъ надзоромъ, какъ за нами смотрѣли инспекторы-монахи, и какое они имѣли нравственное на насъ вліяніе: вы узнаете много неожиданнаго. Вы очень многого не знаете или очень многое забыли. Но объ этомъ не зачѣмъ говорить теперь.

«Всѣ мои дѣйствія по отношенію къ студентамъ были основаны на добромъ къ нимъ расположеніи и на желаніи тѣми или другими средствами добиться того, чтобы человѣкъ не былъ вынужденъ оставить Академію прежде времени. Этими, а не какими-нибудь другими причинами,

1) П. И-чъ всегда стоялъ за допущеніе въ Академію какъ можно большаго числа учащихся. Высшее духовное образованіе онъ ставилъ весьма высоко и признавалъ его полезнымъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. «Я держусь, — писалъ онъ, — того убѣжденія, что высшее богословское образованіе не только не вредно, но и весьма полезно даже для тѣхъ питомцевъ высшей богословской школы, которые стали бы уходить на какое угодно «поприще». Даже и «акцизному чиновнику» оно полезно, и для Церкви не безразлично, имѣть ли таковой чиновникъ богословское образованіе или же считаетъ для себя, на своемъ жизненномъ пути, совершенно излишнимъ балластомъ доброкачественное знаніе истинъ вѣры. (Эти слова П. И-чъ направлялъ противъ митр. Сергія, который, рѣшительно стоя за ограниченіе числа учащихся въ Академіи, между прочимъ, указывалъ, что получившіе академическое образованіе стануть поступать даже и въ «акцизные чиновники»). По-моему, чѣмъ выше и шире расходится по разнымъ слоямъ общества серьезное богословское образованіе, тѣмъ лучше это для дѣла Церкви православной. Если наступитъ когда-нибудь время широкаго распространенія богословскихъ знаній во всѣхъ слояхъ общества, то истинному сыну православной Церкви нужно будетъ только радоваться этому. Ограниченіе богословскаго образованія тѣсными рамками служебныхъ потребностей «вѣдомства православнаго исповѣданія» есть порожденіе такого міросозерцанія, которое не можетъ свидѣтельствовать о любви къ православной Церкви и ея ученію» («Голосъ проф.», 159). Высказываясь такъ рѣшительно и рѣзко противъ ограниченія учащихся въ Академіи такимъ числомъ, какое позволяется «вмѣстительностью» академическихъ зданій, т.-е. противъ запрещенія жить студентамъ внѣ Академіи на частныхъ квартирахъ, П. И-чъ въ то же время самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывалъ, что многіе своекоштные студенты, т.-е. поступившіе въ Академію ниже принятыхъ на казенное содержаніе, оканчиваютъ Академію гораздо вышказанныхъ студентовъ. (Тамъ же, стр. 100 сл.).

2) «Генеральная» выпивка устроилась на счетъ новопоступившихъ студентовъ въ видахъ, будто бы, засвидѣтельствованія о принятіи новичковъ въ общеніе со студентами прочихъ курсовъ («Гол. проф.», 106).

не страхомъ, напимѣрь, передъ начальствомъ, не боязнь подвергнуться отвѣтственности, не исканіемъ популярности, не недостаткомъ свѣдѣній изъясняется то обстоятельство, что въ теченіе восьми лѣтъ инспекторства я только два раза привлекалъ совѣтъ или правленіе къ участию въ обсужденіи того или другого проступка, довольствуясь тѣми мѣрами взыскаія, какія находились въ моихъ собственныхъ рукахъ.

«Само собою понятно, что, зная студентовъ, къ однимъ изъ нихъ я имѣлъ расположеніе, къ другимъ—нерасположеніе: но мои чувства оставались въ моей душѣ, не вызывая меня на пристрастныя дѣйствія. Ни одинъ изъ студентовъ не имѣетъ права сказать, что вотъ такому-то я покровительствовалъ, какъ своему любимцу, а такому-то дѣлалъ несправедливости по антипатіи къ нему. Что дѣлалъ для одного, то дѣлалъ я и для другого. Иныхъ мнѣ приходилось бранить, и жестоко, къ инымъ относился я всегда ласково. Но это всегда вызывалось дѣйствіями студента, а не моими расположеніями. Одолевая въ себѣ свои расположенія и антипатіи, я старался никогда не погрѣшить при раздачѣ стипендій противъ того, признаваемого мною справедливымъ и даже полезнымъ для инспекціи, начала, что стипендіи должно раздавать за успѣхи, исключая, конечно, тѣхъ студентовъ, которые формально мною опорожены по поведенію въ аттестатахъ. Я убѣжденъ, что никто не имѣетъ возможности уличить меня въ невѣрности этимъ началамъ. Руководствуясь ими, я съ силою возставалъ противъ протекцій, напим., противъ просьбы брата оберъ-прокурора Св. Синода, противъ просьбы намѣстника лавры ¹⁾, противъ просьбы оберъ-секретаря Св. Синода за студентовъ, для которыхъ они просили стипендій, не заслуженныхъ этими студентами. Опасность раздражить того или другого ходатая за неправое дѣло для меня не имѣла значенія, а имѣла значеніе только опасность нарушить справедливость. Помногу разъ я пересматривалъ, сколько студентовъ, имѣющихъ большее право на полученіе той или другой стипендіи, и только увѣрившись въ справедливости такого именно, а не другого, рѣшенія, принималъ это рѣшеніе и съ силою отстаивалъ его передъ совѣтомъ, который скоро и привыкъ оставлять это дѣло на мою личную отвѣтственность.

«Теперь безвредно признаться мнѣ и въ слѣдующей особенности, которая, сдѣлавшись извѣстною прежде, могла бы повлечь за собою неудобныя послѣдствія. Когда студентъ могъ, по моему мнѣнію, подумать, что та или другая мѣра взыскаія съ него принята мною не только вслѣдствіе прегрѣшеній студента, сколько за какую-нибудь невѣжливость его по отношенію къ инспектору, то я всегда почиталъ за лучшее оставить безъ взыскаія проступокъ, чѣмъ дать поводъ думать, что я наказалъ студента не столько за проступокъ, сколько за оскорбленіе меня. По моему мнѣнію, лучше и полезнѣе въ нравственномъ смыслѣ оставить безъ взыскаія проступокъ, чѣмъ дать поводъ думать, что инспекторъ мститъ за то или другое глупое или необдуманное слово или невѣжливое дѣйствіе. Если бы эта нѣсколько странная черта моихъ дѣйствій была понята студентами, то, вѣроятно, нашлись бы охотники избавиться отъ наказанія за проступки, прибавляя къ проступку какую-нибудь личную обиду инспектору. Но къ удивленію моему, моя слабость въ этомъ отношеніи не была замѣчена своевременно.

«Всѣми своими отношеніями къ студентамъ я старался воспитывать въ нихъ расположеніе къ справедливости и совершенно сознательно стремился къ тому, чтобы въ Академіи они не испытывали на самихъ себѣ никакой несправедливости и чтобы, познакомившись съ нею послѣ, они тѣмъ болѣе цѣнили время пребыванія въ Академіи. Имѣю достаточныя

¹⁾ Архим. Леонидъ (Кавелинъ).

основанія думать, что эта цѣль была мною достигаема съ желательнымъ успѣхомъ. Немало приходилось мнѣ получать писемъ отъ бывшихъ подъ моею инспекціей воспитанниковъ Академіи: вижу изъ ихъ писемъ, что они вынесли въ жизнь то чувство, къ возбужденію котораго я стремился».

Такъ писалъ П. И-чъ о себѣ двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, только что оставивъ свою инспекторскую дѣятельность. Всякій, помнившій его, какъ инспектора, думаю, согласится, что свою дѣятельность онъ изобразилъ правильно, безъ прикрасъ; и я увѣренъ, что въ настоящее время эта дѣятельность цѣнится по-достоинству.

П. И-чъ 37 лѣтъ занималъ въ Академіи катедру еврейскаго языка (съ 1858 г. по 1895 г.) и катедру сначала (съ 1858 г. по 1870 г.) библейской исторіи, а потомъ (съ 1870 по 1892 г.) библейской археологіи. Большая часть студентовъ приходила изъ семинарій въ Академію, совершенно не зная еврейскаго языка. Въ своей докладной запискѣ, поданной въ конференцію Московской Духовной Академіи въ 1862 году ¹⁾, П. И-чъ пишетъ: «Изъ 67 воспитанниковъ семинарій, подвергавшихся испытанію въ знаніи еврейскаго языка при поступленіи ихъ въ Академію въ нынѣшнемъ 1862 году, 52 студента оказались не имѣющими совершенно никакихъ познаній въ еврейскомъ языкѣ, 9 оказались умѣющими разобрать немногія буквы, и только шестеро могли читать, хотя и не безъ ошибокъ». То же самое было и въ наше время, въ 80-хъ годахъ. Громадное большинство моихъ товарищей совершенно не знало еврейскаго языка. Можно себѣ представить, какая поэтому трудность представлялась П. И-чу! И я буквально поражался его преподавательскимъ талантомъ, его умѣніемъ кратко, но замѣчательно живо, растолковать образованіе самыхъ запутанныхъ формъ въ еврейскомъ языкѣ и вообще искусствомъ заинтересовать слушателей, повидимому, скучнымъ предметомъ. «Шевы» и «патахи», какъ мы шутили, дѣлались у П. И-ча на урокахъ живыми существами, которыя борются между собою, требуютъ другъ отъ друга компенсацій, слѣдствіемъ чего и выходитъ, что извѣстное еврейское слово принимаетъ такой, а не иной видъ.

Порядокъ преподаванія еврейскаго языка въ наше время у П. И-ча былъ такой. Занятія этимъ предметомъ велись на второмъ курсѣ при двухъ недѣльныхъ лекціяхъ и только на одномъ богословскомъ отдѣленіи. Прежде всего П. И-чъ говорилъ намъ объ общемъ характерѣ семитическихъ языковъ, ихъ отличіи отъ другихъ, и излагалъ исторію еврейскаго письма. Потомъ нѣсколько лекцій было посвящено обученію студентовъ читать и писать по-еврейски и подроб-

¹⁾ Копія хранится у А. П. Горской.

ному изложенію еврейской этимологіи. Послѣ этого П. И-чъ лекціи двѣ или три дѣлалъ самъ разборъ и переводъ еврейскихъ фразъ, и, наконецъ, заставлялъ разбирать и переводить легкія мѣста изъ Библии студентовъ, которые по очереди готовили стиха по два къ каждой лекціи. П. И-чъ никогда не хвалился успѣхами своихъ учениковъ, но могу сказать, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей, узнавъ еврейскій языкъ только въ Академіи, научились разбирать еврейскій текстъ Библии, не чувствуя неодолимыхъ трудностей. И это только за одинъ годъ!

Библейскую археологію П. И-чъ читалъ на третьемъ курсѣ и опять только студентамъ богословскаго отдѣленія, тоже при двухъ недѣльныхъ лекціяхъ. У меня сохранились записи за П. И-мъ его лекцій по этому предмету (какъ и по еврейскому языку). На первыхъ лекціяхъ указывалась задача библейской археологіи — ознакомить съ тою обстановкою, среди которой совершалось теченіе религіозной жизни еврейскаго народа, получившаго и хранившаго божественное откровеніе. Указавъ такую задачу библейской археологіи, П. И-чъ говорилъ далѣе, что эта наука должна обнимать географію Палестины и ея естественную исторію, политическую исторію евреевъ, ихъ общественное и семейное устройство, домашній бытъ, занятія ремеслами, наукою, искусствомъ и, наконецъ, священныя древности. Но изъ такого намѣченнаго содержанія библейской археологіи П. И-чъ въ виду краткости времени избралъ для своихъ чтеній только священныя древности и отчасти домашній бытъ евреевъ. Съ особенною подробностью онъ говорилъ объ устройствѣ скинии и храма, священныхъ предметахъ и облаченіяхъ, жертвахъ и праздникахъ, и т. п. Онъ не слѣдовалъ въ своихъ лекціяхъ какому-нибудь одному иностранному курсу библейской археологіи, но то, что читалъ намъ, было плодомъ его широкаго знакомства со всей богословской археологической литературой. Онъ не считалъ нужнымъ изумлять насъ своею эрудиціею, не ошеломлялъ цѣлымъ рядомъ именъ иностранныхъ ученыхъ и не занимался полемикой съ ними, но просто, сжато и ясно, совершенно не желая увлечь слушателей цвѣтами краснорѣчія, знакомилъ насъ съ ветхозавѣтной священной стариной. Впослѣдствіи мнѣ при своихъ занятіяхъ нерѣдко приходилось пользоваться записанными мною лекціями П. И-ча. Представьте же поэтому мое удивленіе, когда въ извѣстныхъ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ о церковной реформѣ», въ «Третьей докладной запискѣ преосвящ. Антонія, епископа Волынскаго (нынѣ Харьковскаго), отъ 8-го декабря 1905 года» я встрѣтилъ такія слова: «Въ заключеніе нашихъ мыслей о желательной постановкѣ духовной школы упомянемъ о прочи-

танной нами запискѣ московскихъ профессоровъ касательно академической автономіи. Записка эта восхваляетъ выборное начало, но забываетъ, что въ Московской Академіи оно не было увѣнчано успѣхомъ... Записка издѣвается надъ однимъ инспекторомъ - монахомъ, который въ продолженіе цѣлаго года не прочиталъ ни одной лекціи, а *выборный инспекторъ Горскій не читалъ лекцій по своей кафедрѣ библейской 35 лѣтъ, а ограничивался преподаваніемъ еврейской этимологіи*. Рѣшительно отказываюсь понять, какъ преосвященный владыка, самъ бывший сослуживцемъ П. И-ча въ Академіи, могъ написать такія слова...

Семестровыхъ сочиненій П. И-чу въ мое время студенты не писали; писать же ему кандидатское сочиненіе обыкновенно остерегались. Это потому, что онъ слишкомъ строго относился къ сочиненіямъ и требовалъ отъ студента самыхъ усиленныхъ занятій. Однако, послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился писать кандидатскую диссертацию ему. Дѣйствительно, П. И-чъ заставилъ меня работать не разгибаясь, заваливъ грудой книгъ. Но зато я въ немъ нашелъ опытнаго руководителя, который всегда готовъ былъ оказать мнѣ помощь въ моихъ занятіяхъ. Цѣлые часы просиживалъ онъ со мною, давая разъясненія по недоумѣннымъ для меня вопросамъ. Быть-можетъ, иныя высказываемыя мною при этомъ мнѣнія и соображенія были крайне наивны, но П. И-чъ, острый на словахъ, не позволялъ, однако, себѣ задѣвать моего юнаго самолюбія какимъ-либо ядовитымъ замѣчаніемъ. Я не могъ не цѣнить этого тогда же. Прочитавъ мое сочиненіе, П. И-чъ въ своей рецензіи указалъ, что оно по исправленіи можетъ быть представлено на соисканіе степени магистра богословія. Но когда я взялъ свой трудъ въ руки, то увидаль, что въ немъ не осталось ни одного живого мѣста: все перечеркнуто карандашомъ, вездѣ помѣтки: «исправить», «невѣрно», «посмотрѣть тамъ-то», «съ этимъ нельзя согласиться», «нельзя такъ увѣренно говорить», «авторъ не знаетъ, что такой-то ученый объ этомъ говоритъ такъ-то», и т. д. Увидавши все это, я прямо спросилъ П. И-ча: «Стоитъ ли трудиться, когда сочиненіе такъ слабо?» Въ отвѣтъ я услыхалъ: «Поработайте, поработайте». И еще цѣлый годъ, послѣдній моего пребыванія въ Академіи, я проработалъ.

П. И-чъ не былъ особенно плодовитымъ писателемъ¹⁾. Объясненія этому, по моему мнѣнію, прежде всего нужно искать въ глубокомъ его уваженіи къ печатному слову. П. И-чъ принадлежалъ къ филаретовской школѣ, въ кото-

¹⁾ Перечень его печатныхъ трудовъ см. выше въ статьѣ С. И. Кедрова «Платоники». Но послѣ П. И-ча осталось немало ненапечатанныхъ статей и воспоминаній, хранящихся у его наслѣдниковъ, въ высшей степени интересныхъ. Время напечатанія ихъ еще не наступило.

рой къ печатнымъ трудамъ относились съ крайней осторожностью, задумывались надъ каждой фразой, боясь, какъ бы не смутить читателя и не дать повода быть понятыми не такъ, какъ слѣдуетъ. Мнѣ очень хорошо извѣстна эта черта П. И-ча. Въ моемъ сочиненіи онъ подчеркивалъ иногда такія выраженія, которыя казались совершенно правильными и точными, такъ что приходилось спрашивать самого рецензента, въ чемъ тутъ дѣло. При такомъ отношеніи къ печатному слову, конечно, много нельзя написать. И П. И-чъ не одобрялъ торопливаго и незрѣлаго многописанія (см. «Голосъ проф.», 63). При своемъ прекрасномъ знаніи не только древнихъ, но и новыхъ языковъ, онъ могъ бы очень много напечатать различныхъ компиляцій, но прибрѣтать себѣ славу такого рода средствами претило его честности. Была также и другая причина, почему П. И-чъ оставилъ немного печатныхъ трудовъ. Онъ не былъ человѣкомъ, ушедшимъ исключительно въ свою ученую спеціальность, но живо интересовался всѣмъ, совершающимся около него, на все отзывался. Появится ли какая интересная статья, П. И-чъ раньше всѣхъ постарается ее прочесть, по поводу ея ведетъ долгіе дебаты, волнуется. Открывается ли гдѣ какая выставка, онъ поспѣшитъ побывать на ней, не бѣгло, а внимательно осмотрѣть ее, и опять цѣлую недѣлю носится съ этимъ. Конечно, такой человѣкъ сидѣть въ кабинетѣ и писать, писать; не могъ. Прибавьте къ этому восьмилѣтнее его инспекторствованіе, которое столько отнимало у него времени и унесло немало силъ и здоровья. Наконецъ, П. И-чъ самъ велъ воспитаніе и ученіе своихъ дѣтей, подготовивъ своихъ сыновей къ средней школѣ, а дочерямъ давъ полное образованіе, не помѣщая ихъ въ женскія заведенія. Могло ли оставаться время для ученыхъ занятій?

П. И-чъ скончался 21-го окт. 1904 года, переживъ всѣхъ Платоновыхъ. Онъ любилъ свою ученую добавочную фамилію и всегда высоко ее ставилъ. Въ «Голосѣ стараго профессора» (стр. 32 и сл.) съ глубокою скорбью онъ повѣствуетъ, какъ въ 1860 году при академическомъ ректорѣ Сергіи (Ляпидевскомъ), впоследствии митрополитѣ Московскомъ, былъ уничтоженъ обычай давать такую добавку къ фамиліи лучшаго въ курсѣ студента въ честь митрополита Платона. Съ горькимъ юморомъ говоритъ онъ и о неудавшейся попыткѣ возстановить этотъ обычай въ 1894 году въ правленіе опять того же Сергія Ляпидевскаго, но уже митрополита, и свою горестную повѣсть заканчиваетъ словами: «Изъ Платоновыхъ остался теперь (въ 1900 г.) въ живыхъ одинъ я; мнѣ хотѣлось бы дожить до того времени, когда возвратилась бы, послѣ сорокалѣтняго удаленія, прибавка, получившая начало своего бытія еще въ прошломъ, восемнадцатомъ столѣтіи.

Неужели *некому* постоять за память митрополита Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ и Филарета, столь горячо возставшаго въ 1837 г. на защиту закона и правды¹⁾? Неужели въ двадцатое столѣтіе перейдетъ въ нашей Академіи только недавно учрежденная прибавочная фамилія *Сергіевъ*²⁾? Мнѣ, послѣднему изъ оставшихся въ живыхъ Платонову, неужели не суждена радость встрѣтить людей, которые пришли бы на убыльнѣ мѣста? Исключаю самого себя, еще живущаго Платонова, я спрашиваю объ *однихъ* умершихъ: неужели кто имѣетъ право сказать, что они не достойно носили имя славнаго въ исторіи русской церкви іерарха или сколько-нибудь убавили чести или добраго имени у воспитавшей ихъ Академіи?»

Желанію П. И-ча при его жизни не суждено было исполниться; но дай Богъ, чтобы оно исполнилось послѣ его смерти, при празднованіи столѣтняго юбилея Академіи.

Прот. Н. Добронравовъ.

Къ воспоминаніямъ о П. И. Горскомъ-Платоновѣ.

Въ 1886—7 учебномъ году на лекціяхъ по еврейскому языку П. И-чъ, преподавъ грамматику, для подробнаго филологическаго разбора избралъ 103-й псаломъ. Понятно, что въ результатъ этого разбора явились и переводъ, и истолкованіе псалма. П. И-чъ сопоставлялъ содержаніе псалма о *мірстѣмъ бытіи* съ 1-ю главою книги Бытія, и величественная картина постепеннаго образованія міра Господомъ Богомъ открывалась предъ нами. Насколько она была величественна, настолько и ясна, потому что изъяснены были и всѣ детали. Это объясненіе навсегда останется въ памяти. Оно привело къ восхищенію священнымъ псалмомъ, и не даромъ П. И-чъ, быть-можетъ, подмѣтивъ его, сказалъ въ заключеніе, что даже тѣ писатели, которые не признаютъ боговдохновенности Библии, считаютъ 103-й псаломъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній во *всемирной* литературѣ.

Между прочимъ, при объясненіи 4-го стиха (*творяй ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*), П. И-чъ сдѣлалъ сообщеніе о своемъ разговорѣ по поводу этого стиха съ митр. Филаретомъ. Это сообщеніе такъ заинтересовало меня, что я тогда же (10-го марта 1887 г.) въ возможной точности записалъ его. Воспроизвожу эту записку:

¹⁾ См. объ этомъ «Голосъ проф.», стр. 35.

²⁾ Въ память того же митрополита Сергія. Но эта прибавка какъ-то не удержалась: съ нею извѣстенъ только одинъ студентъ, окончившій академическій курсъ въ 1902 г.

«Интересное сообщеніе сдѣлалъ Павелъ Ивановичъ въ пятницу при разборѣ пс. 103, 4. Онъ признаетъ правильнымъ такой переводъ: «Дѣлающій посланниками Своими вѣтры и слугами Своими огонь пылающій». «Такой переводъ, — говоритъ онъ, — вполне согласенъ съ контекстомъ рѣчи: и ранѣе говорилось о томъ, что Господь есть повелитель надъ стихіями. Но извѣстно, какъ перевели этотъ стихъ LXX и какъ воспроизвелъ этотъ переводъ ап. Павелъ, доказывая (Евр. 1, 7), что Христось выше ангеловъ. Переводчики всегда наталкивались на это затрудненіе. Мнѣ было поручено переводить Псалтирь¹⁾, и по поводу стиха 4-го я имѣлъ разговоръ съ митр. Филаретомъ. «Связь, — говорилъ я, — не позволяетъ въ ст. 4-омъ видѣть ангеловъ». Владыка на это ничего не возразилъ. Съ своей стороны для примиренія съ Евр. 1, 7 я дѣлалъ такое измышленіе: «Христось—выше ангеловъ, потому что тѣ служенія, которыя исполняли ангелы, могли быть исполняемы и стихійными силами природы». Владыка засмѣялся и сказалъ: «Тонко, но не безопасно». «Дѣйствительно, добавилъ П. И-чъ, тутъ есть нѣкоторая опасность. Владыка долго останавливался на мысли изобрѣсть *средній* переводъ. Но всѣ попытки, въ которыхъ принималъ участіе и А. В. Горскій, естественно, были неудачны: переводили, напримѣръ, такъ: «Дѣлающій ангелами Своими духовъ, слугами Своими огонь палящій». Мой переводъ попалъ подъ другую редакцію и уже въ измѣненномъ видѣ напечатанъ въ «Душепол. Чтеніи». Можно остановиться на томъ, что апостоль Павелъ воспользовался для своей цѣли готовымъ переводомъ LXX, не провѣряя его».—Къ этому я долженъ прибавить, что хотя переводъ 4-го стиха, сдѣланный П. И-мъ, былъ измѣненъ и не былъ буквально помѣщенъ въ «Душ. Чтеніи», однако основное направленіе, данное П. И-мъ переводу этого стиха на основаніи контекста, было сохранено. «Творишь ангелами Своими вѣтры, служителями Своими палящій огонь», такъ читается 4-й стихъ въ указанномъ переводѣ 103-го псалма.

Прот. С. Страховъ.

¹⁾ П. И-чъ разумѣетъ здѣсь свое участіе въ особомъ комитетѣ при Моск. Академіи, которому въ 1865 г. поручено было разсмотрѣніе перевода второй половины Книги Псалмовъ, изданнаго Библейскимъ Обществомъ.

Письмо К. П. Побѣдоносцева къ проф. П. И. Горскому ¹⁾.

Милостивый Государь,
Павель Ивановичъ!

Прочитавъ въ № 1 «Богослов. Вѣстника» статью Вашу «Объ уваженіи къ закону», и въ ней на стран. 129 Ваше заявленіе, я немедленно снесся съ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, гдѣ встрѣтилъ удивленіе и нѣкоторое смущеніе. Немедленно сдѣлано распоряженіе объ устраненіи совершенно незаконно дѣлаемыхъ помарокъ въ получаемыхъ Академіей изданіяхъ.

Могу только пожалѣть, что въ подобныхъ случаяхъ Академіи не употребляютъ самага простаго и прямого средства—написать мнѣ. Если бы давно написали, давно дѣло было бы поправлено.

Тутъ не «неуваженіе къ закону», а нѣчто болѣе простое: канцелярское невѣдѣніе закона, ибо и цензура у насъ— канцелярское учрежденіе.

Объясненіе простое. Изъятіе учреждений отъ цензуры означены въ статьяхъ Таможеннаго Устава (VI т. Св. Зак. изд. 1857 года). Это изданіе устарѣло, давно обѣщаютъ новое и не издають даже продолженій къ старому. А съ 1857 г. послѣдовало много новыхъ изъятій въ разныхъ уставахъ и отдѣльныхъ законоположеніяхъ, кои разсѣяны въ полномъ Собраніи Законовъ и кои отыскать даже трудно, а цензура дѣйствуетъ по старому лекалу.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи

30 декабря 1892 г.
Петербургъ.

К. Побѣдоносцевъ.

Подлинникъ на листѣ почтовой бумаги большого формата написанъ собственноручно К. П. Побѣдоносцевымъ. Вверху листа, на 1-й стран., помѣтка рукою проф. П. И. Горскаго-Платонова: «Получ. 2-го янв. 1893 г.» Письмо написано по поводу статьи, помѣщенной П. И. Горскимъ въ январскомъ № «Богословскаго Вѣстника» за 1893 г., подъ заглавіемъ «Уваженіе къ Закону» (стран. 129—138). Авторъ статьи, ссылаясь на 172 параграфъ Устава Духовныхъ Академій, гласящій, что «книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя академіями изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры», сѣтуетъ на то, что законъ этотъ не выполняется: въ Академію поступаютъ изданія, въ родѣ «Всеобщей Евангелическо-Лютеранской Церковной Газеты» (Allgemeine-Evangelisch-Lutherische Kirchenzeitung), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ густо замазанныя черно-рыжими чернилами. Бываетъ и такъ, что въ иностранныхъ изданіяхъ цензура производитъ вырѣзки, «не обращая вниманія на ни въ чемъ неповинныхъ сосѣдей, т.-е. урѣзывая, вмѣстѣ съ повинной статьей, конецъ какой-либо другой и начало третьей». «Такіе №№ вышеупомянутой газеты и подобные имъ, говоритъ авторъ, можно бесплатно видѣть въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи».

С. К.

Сообщилъ *С. Горскій.*

¹⁾ Хранится у наслѣдниковъ покойнаго.

ВОСПОМИНАНІЯ о В. О. КЛЮЧЕВСКОМЪ.

«Каждый годъ все новыя и новыя волны молодежи приходятъ и разбиваются у ногъ моихъ; а я, какъ старая прибрежная ива, гляжусь и отражаюсь въ ихъ водахъ».

Ключевскій.

Прошло три года, какъ не стало Ключевского, и новыя волны молодежи уже не уносятъ съ собой изъ высшей школы живого отраженія историка-художника; но по всѣмъ угламъ великой Россіи разсѣяны его ученики, которые знали его еще молодымъ и до сихъ поръ помнятъ чуткую тишину его аудиторій, не громкую рѣчь съ разстановкой, тонкій юморъ и блескъ его характеристикъ.

Я застала Василия Осиповича въ преклонныхъ годахъ, слушала его послѣднія лекціи—и счастлива этимъ. Съ ранняго дѣтства я сроднилась съ этимъ именемъ, такъ какъ дома его хорошо знали и любили. Отецъ мой, теперь уже покойный проф. А. П. Голубцовъ, былъ его ученикомъ, а затѣмъ сослуживцемъ по Московской Духовной Академіи. Въ 1891 г. папа защищалъ свою магистерскую диссертацию, а Ключевскій былъ одинъ изъ официальныхъ оппонентовъ (другой—Е. Е. Голубинскій); они познакомились ближе, и В. О. сталъ бывать у насъ въ посадѣ запросто. Я начинаю хорошо помнить В. О. только съ 1900 г., съ гимназическаго возраста.

Ярко встаетъ въ памяти такая сценка:

Какъ-то разъ на Пасхѣ пришелъ къ намъ В. О.; онъ сидѣлъ съ папой въ залѣ; меня вытащили поздороваться. «Христось воскресе!» Похристосовались. Мнѣ только что подарили тогда цѣлую коробку шоколадныхъ яичекъ; В. О. выпросилъ одно и хотѣлъ снова со мной похристосоваться, но я отказалась со всей безцеремонностью 11-лѣтней дѣвочки. «Первая женщина, которая отказалась меня поцѣловать!» сказалъ, смѣясь, В. О. папѣ.

В. О. любилъ и умѣлъ разговаривать съ дѣтьми и подростками: вѣчно шутилъ, рассказывалъ смѣшныя вещи, увѣрялъ меня, напр., что у одного извѣстнаго историка два парика: одинъ съ короткими волосами, другой съ болѣе длинными; первый онъ носить съ 1-го по 15-е число, а второй съ 15-го по 30-е каждаго мѣсяца: «вѣдь волоса растутъ». Моей мамѣ, когда она была подросткомъ, онъ говорилъ, катаясь по Тарбеевскому озеру: «Смотрите, барышня, не умывайтесь слишкомъ часто: видите, весло постоянно умывается, а какое черное!»

Василій Осиповичъ пріѣзжалъ въ посадъ въ понедѣльникъ утромъ и оставался на вторникъ; въ эти дни у него были лекціи въ Академіи. Остановливался онъ всегда въ Старой Лаврской гостиницѣ, № 32, гдѣ очень хорошо изучили его вкусы за 35 лѣтъ; номерокъ былъ, по словамъ папы, довольно скромный, чуть ли не за 75 к.

Ключевскій читалъ русскую гражданскую исторію, если не ошибаюсь, I и II курсамъ, но къ нему сходилась чуть не вся Академія, такъ что читавшіе съ нимъ одновременно профессора жаловались на пустоту своихъ аудиторій. Въ требованіяхъ къ студентамъ В. О. былъ довольно строгъ: получить у него на семестрѣ или кандидатскомъ полный баллъ (5) было не легко, а его отзывы иногда бывали очень язвительны; одному студенту, списавшему цѣликомъ съ его же курса, Ключевскій написалъ: «Въ сочиненіи г. №. нѣтъ своихъ мыслей и чужихъ, рассказанныхъ своими словами». И все-таки было много охотниковъ писать у него кандидатскія сочиненія.

Послѣ лекціи, пообѣдавши въ гостиницѣ, В. О. отправлялся гулять по посадѣ, забредая въ самые глухіе углы. Рассказывали про него, что однажды онъ засмотрѣлся на ребятишекъ, катавшихся на санкахъ съ горы на Штатной улицѣ, и напросился къ нимъ; они посадили его на облучокъ и, кажется, свалили профессора въ сугробъ. Онъ остался доволенъ, сходилъ къ Когтеву въ магазинъ за конфетами и одѣлилъ ребятъ. Нерѣдко, возвращаясь домой изъ гимназіи, мы, гимназистки, встрѣчали Ключевскаго: идетъ, бывало, своей торопливой неровной походкой, въ полураспахнутой поношенной шубѣ, раскланиваясь со встрѣчающимися студентами.

Иногда къ В. О. приходили въ гости его коллеги, профессора; въ такихъ случаяхъ онъ заказывалъ небольшой графинъ чистой водки, селедочку, огурцовъ, потомъ появлялась бѣлуга, но вообще онъ былъ очень бережливъ. Друзья у В. О. бывали весьма оригинальные. Одно время у него часто можно было застать помощника академическаго библио-

текаря, іеромонаха Рафаила, про котораго студенты сложили такіе стихи:

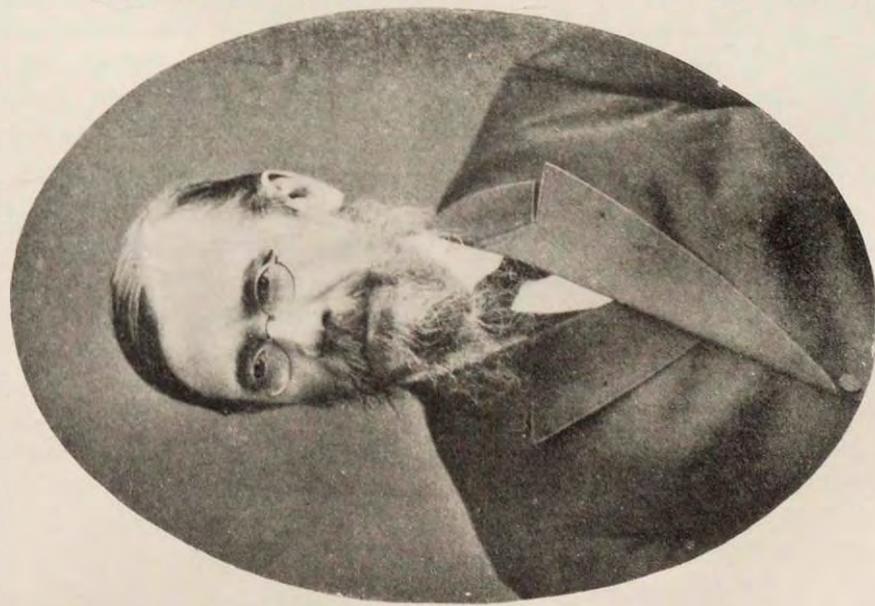
«Нашъ Рафаиль за клеємъ
Всю жизнь свою провель,
Подъ старость на селедкѣ
Настойку изобрѣль
И хвалится: Чудесна
Настоечка моя!»
У всякаго монаха
Фантазія своя!»

Большой оригиналь и очень добрый (у него въ кельѣ постоянно жили племянники, семинаристы,—«орлы», какъ онъ ихъ звалъ), о. Рафаиль любилъ похвастаться своей ученостью и былою красотой; но онъ зналъ ученые труды только по названіямъ и былъ на рѣдкость некрасивъ. Папа передавалъ, что любопытно было видѣть друзей вмѣстѣ. Ключевскій вѣчно шутилъ надъ о. Рафаиломъ и особенно любилъ спрашивать его, почему тотъ не женился. «Да знаешь, братъ (они были на «ты»), какъ кончилъ семинарію, такъ къ намъ невѣсть, невѣсть, страсть. А я, бывало, убѣгу въ огородъ, лягу межъ грядъ, да и лежу, а меня-то ищутъ. Я вѣдь тогда красивъ былъ».—«Слѣды былой красоты и теперь замѣтны», соглашается В. О.

По вечерамъ В. О. часто отправлялся въ гости къ сослуживцамъ; онъ рѣдко игралъ въ карты, неохотно и довольно плохо. Когда онъ былъ помоложе, а профессорство жило дружнѣе и проще, иногда устраивались катанья и прогулки, въ которыхъ и В. О. принималъ дѣятельное участіе.

Я этихъ временъ не застала и ни разу не видала Ключевского въ посадѣ въ большомъ обществѣ. Дома у насъ чаще всего онъ бывалъ одинъ, иногда съ 2—3 профессорами, и я живо помню эти вечера. Папа очень любилъ и уважалъ В. О., и всегда немножко волновался, ожидая его, что меня, помню, удивляло: я тогда еще не понимала, что такое Ключевскій. Я очень любила его слушать и съ великой досадой уходила, когда въ самомъ интересномъ мѣстѣ меня отсылали «помогать мамѣ». «Ну, позвольте ей посидѣть, Александръ Петровичъ», бывало, скажетъ В. О., и я останусь.

Эти вечерніе визиты иногда затягивались далеко за полночь; мама, уставши за день, уходила отдохнуть, а папа и В. О. все сидѣли за закуской, перебирая академическія дѣла или просто бесѣдуя. Какъ сейчасъ вижу его худую, длинную фигуру въ черномъ поношенномъ сюртукѣ, немного сгорбленную, рѣдкіе сѣдые волосы и небольшіе глазки въ очкахъ съ серебряной оправой. Какъ, бывало, заговорить,

Проф. Василій Ошнінчук, Ключевскій
(въ 1855 г.).

Лекція проф. В. О. Ключевскаго въ Училищѣ Живописи,
Ваянія и Зодчества. (Съ картины Пастернака).

приподнимется и встанетъ въ свою любимую позу, опершись одною рукою на столъ, а другою поглаживая свою рѣденькую бородку, откуда что возьмется: внимательные, удивительно умные и немножко съ хитрымъ огонькомъ глаза, высокій лобъ съ прядью непокорныхъ съдыхъ волосъ, которую онъ при разговорѣ нетерпѣливымъ жестомъ откидывалъ назадъ, характерныя живыя морщинки на лицѣ, непередаваемая мимика всей фигуры—и передъ вами тотъ Ключевскій, котораго съ замираніемъ слушала двухтысячная аудитория.

Въ тѣсномъ семейномъ кругу В. О. держался очень просто, какъ хорошій знакомый, былъ удивительно интереснымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ пришлось видѣть В. О. въ обществѣ московскихъ историковъ; меня поразило тогда то крайнее почтеніе, которымъ онъ былъ здѣсь окруженъ; вѣроятно, это обстоятельство, да и многолюдство, его стѣсняло, но только В. О. былъ совсѣмъ не тотъ, какимъ я привыкла его видѣть у себя въ посадѣ.

Вспоминалъ иногда Ключевскій свои молодые годы, когда онъ студентомъ слушалъ лекціи Грановскаго и Соловьева, и по окончаніи университета, когда онъ ютился гдѣ-то подъ крышей на 6-омъ этажѣ. Однажды туда запыхавшись вошелъ его патронъ проф. С. М. Соловьевъ прямо съ засѣданія совѣта и поздравилъ его съ оставленіемъ при университетѣ и со стипендіей.

Вскорѣ молодого ученаго пригласили читать въ Академіи русскую исторію, и онъ, тогда скромный юноша, трусилъ передъ первой лекціей и робко являлся съ визитомъ къ заслуженнымъ профессорамъ.

Особенно часто бывалъ у насъ В. О. въ 1906 г. Это было тревожное время; каждый день приносилъ неожиданности. Въ Академіи происходили событія, раздѣлившія корпорацію на двѣ половины, и наступалъ печальный періодъ, когда корпорація потеряла вольно или невольно многихъ изъ своихъ членовъ, въ томъ числѣ самого Ключевскаго.

По академическимъ дѣламъ папа нерѣдко видѣлся съ В. О., чаще всего у насъ дома. Наскоро выучивши свои уроки, я садилась въ свой любимый уголь, а В. О., постоянно приподнимаясь и прохаживаясь, уморительно рассказывалъ о своей поѣздкѣ въ Царское Село въ іюль 1905 года, куда онъ былъ вызванъ въ числѣ немногихъ на засѣданія извѣстнаго комитета. Нѣкоторыя сценки, разговоры передавалъ изумительно. Изъ Петербурга ѣхало ихъ для представленія Государю нѣсколько человекъ; Ключевскій въ роскошномъ вагонѣ специально поданнаго имъ поѣзда чувствовалъ себя неловко, какъ будто совсѣмъ затерялся среди

блестящихъ сановниковъ въ звѣздахъ и лентахъ. Дорогой заговорилъ съ нимъ какой-то почтенный адмиралъ; адмиралъ настаивалъ на опасности конституцій и вредѣ революцій. «Мы пережили всѣ революціи».—«Адмиралъ, а сколько же вамъ столѣтій?» освѣдомлялся историкъ. «Всѣ онѣ были кровавыя, у насъ будетъ то же самое, это общее правило».—«Пора намъ дѣлать исключенія, ваше сіятельство».

Въ Царскомъ Селѣ великаго историка возили въ каретѣ, требовали отъ него соблюденія этикета, но, кажется, въ этомъ отношеніи оставалось желать многого. Даже представляясь Государю Ключевскій поѣхалъ въ костюмѣ съ изъясномъ: прожегъ себѣ папиросой дырочку на колѣнѣ; тамъ ужъ на него рукой махнули: «Ну, поѣзжайте, хоть съ дырочкой». Рассказывалъ В. О., что выступалъ съ двумя рѣчами и произвелъ впечатлѣніе.

Тогда же узналъ онъ, что для Высочайшихъ особъ было сдѣлано полное изданіе его лекцій чуть ли не 25 экземпляровъ, изъ которыхъ авторъ не получилъ ни одного.—Приходилось ему тамъ разговаривать и о Думѣ, которая скоро должна была собраться. О нѣкоторыхъ членахъ Государственного Совѣта въ ихъ отношеніи къ первой Думѣ Ключевскій выразился такъ: «Они хотятъ, чтобы Дума была похожа на кошку, которой наступили на хвостъ, и смотрятъ, какъ она будетъ мяукать».

Въ концѣ февраля и въ мартѣ 1906 г. у насъ въ посадѣ всѣхъ занимали выборы въ первую Думу, шла агитація. Ключевскому очень хотѣлось попасть въ депутаты, и такъ какъ въ Москвѣ онъ не надѣялся пройти, то рѣшилъ баллотироваться по мѣсту службы у Троицы, и поэтому чаще бывалъ здѣсь. 7-го марта въ городской думѣ было предвыборное собраніе, гдѣ В. О. выступалъ съ рѣчью отъ кадетовъ и, говорятъ, довольно неудачной. Выборы состоялись 11-го марта, Ключевскій не былъ избранъ; прошли октябристы—проф. В. А. Соколовъ и богатый лѣсопромышленникъ С. С. Шариковъ. Выборы, однако, были кассированы, но и на вторичныхъ Ключевскій не былъ избранъ вмѣстѣ съ В. А. Соколовымъ; В. О.—чу было, вѣроятно, очень досадно: ему не хватало какихъ-то несчастныхъ 2—3 голосовъ, да изъ нихъ чуть ли не 2 были «сомнительные»: на одной запискѣ стояло «Клювскій»—вмѣсто Ключевскій. Прошли «чугунолитейники»—октябристы: Шариковъ и Макѣевъ. Какая была тогда «платформа» у историка, я не знаю; онъ себя звалъ дикимъ, «ни къ Богу ни къ чорту»; а когда разъ въ разгарѣ борьбы папа замѣтилъ ему, что одна посадская дама, супруга одного его политическаго противника, навѣрное ужъ знаетъ, куда его отнести, онъ отвѣтилъ: «Ну, и пусть знаетъ; конечно, къ чорту. Но вѣдь они

забыли, что Богъ-то всегда со мной, а чортъ-то только вывѣска. Вотъ мы и надуемъ добрыхъ людей». Однако надуть не удалось.

Съ весной 1906 года у меня связано такое воспоминаніе. Какъ-то въ половинѣ марта шла я съ подругой изъ гимназіи; книги мои были связаны тоненькимъ истрепаннымъ ремешкомъ, какъ это полагается въ старшихъ классахъ. Я ихъ все качала; но вдругъ пряжка не выдержала, и около Новой Лаврской гостиницы все полетѣло на тротуаръ: тетради, ручки, книги, — едва-едва не въ воду. Присѣла на корточки, подбираю, а моя подруга хохочетъ. Въ этотъ моментъ подходитъ Ключевскій, здороваётся съ ней и говоритъ мнѣ: «А это кто? что это съ вами, М. А? Давайте я вамъ помогу». Къ моему смущенію и великой радости проходящихъ студентовъ, садится на корточки и начинаетъ подбирать мои книги. Кое-какъ собрали, В. О. ихъ связалъ, взялъ подмышку и говоритъ: «Ну, я васъ пойду провожать. Можно?» Пошли. В. О. всю дорогу шутилъ и острилъ, спрашивалъ, чѣмъ я теперь занята. «Да вотъ пишу сочиненіе по исторіи». — «На какую тему?» — «Византійское вліяніе въ древней Руси». В. О. трагически схватился за голову. «И вы пишете?» — «Пишу, конечно. Вотъ вы скажите-ка мнѣ, какъ вы смотрите на византійское вліяніе, В. О.» Посмотрѣлъ на меня сбоку, лукаво прищурился и говоритъ: «Была на Руси кислая капуста; пришли греки, въ февралѣ и мартѣ помазали ее постнымъ масломъ, съ тѣхъ поръ я капусту не люблю».

Мы подошли къ закрытому шлагбауму желѣзной дороги... «Унизиться или не унижаться?» размышлялъ В. О. «Ну, ужъ унижусь», и нагнулся. Проводивъ меня до дому, В. О. хотѣлъ проститься, но я уговорила его зайти къ намъ. «Вѣдь не повѣритъ же папа, что меня провожалъ Ключевскій». — «Ну, хорошо, только чтобы на столѣ ничего не было». Ему накрыли на рояли, и онъ все мнѣ грозился; пробылъ тогда сравнительно недолго, «только доставилъ по принадлежности М. А., которую подобралъ на улицѣ». Былъ со мною очень ласковъ и все поминалъ недавно скончавшуюся свою воспитанницу Лизу, которую очень любилъ. Она жила у нихъ съ раннихъ лѣтъ, вышла замужъ противъ ихъ воли и умерла черезъ годъ отъ чахотки.

Въ половинѣ апрѣля 1906 г. я видѣла Ключевского у насъ дома въ послѣдній разъ; на слѣдующій годъ я поступила на курсы, уѣхала въ Москву, и онъ заходилъ безъ меня. Въ тотъ вечеръ онъ былъ очень въ ударѣ; безъ конца смѣшилъ насъ рассказами. Вспоминалъ, какъ онъ участвовалъ въ извѣстныхъ засѣданіяхъ Комитета Министровъ въ 1904 и 1905 гг. и не разъ попадалъ впросакъ, благо-

даря своему невѣдѣнію. «Однажды въ антрактѣ сажу это я въ амбразурѣ окна, пью чаекъ, болтаю ногами. Подходить какой-то молодежавый человекъ въ формѣ, заговариваетъ; я ему отвѣчаю такъ небрежно. Въ это время подошедшій академикъ Никитинъ говоритъ мнѣ: «Пойдемте, В. О., пора». «Куда намъ торопиться, еще министръ не прошелъ». «Тотъ смущенно толкаетъ меня въ бокъ; оказывается, это самъ министръ со мной разговаривалъ». Когда В. О. пригласили въ предсоборную комиссію, онъ два раза отказывался и очень упорно. «Что я туда поѣду? Имъ вѣдь только мой ученый ярлыкъ нуженъ, а тамъ подъ этой вывѣской сдѣлаютъ свое».

Въ тотъ же вечеръ В. О. рассказывалъ о своей заграничной поѣздкѣ съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Георгіемъ, которому онъ читалъ русскую исторію въ Аббасъ-Туманѣ. Дѣло было въ Швейцаріи, но гдѣ именно—не помню; поднималась вся блестящая компанія въ горы. «И дали мнѣ въ дамы старую-престарую фрейлину, всю желтую. Я обидѣлся. Ну, думаю, отомщу. Взобрались на вершину; надъ самымъ обрывомъ росъ цвѣтокъ, но нужно было чуть-чуть спуститься, чтобы его достать. Никто не замѣтилъ, какъ я спустился, и только, когда висѣлъ надъ пропастью, всѣ застыли отъ ужаса; даже моя дама побѣлѣла, и стала красивой. А я сорвалъ эдельвейсъ и преподнесъ ей. На обратной дорогѣ всѣ меня окружили, и ужъ самыя молодыя барышни шли со мной».

Въ 1907 г. Ключевскій пересталъ читать въ Академіи, и несмотря на старанія группы профессоровъ, его не удалось вернуть. Много тогда было тревоги; въ корпораціи произошелъ разрывъ, студенты волновались; папа приходилъ съ совѣтовъ разстроенный до послѣдней степени, и все это тяжело ложилось на его уже больное сердце.

Но и вышедши изъ Академіи, Ключевскій не порывалъ съ ней связи; многіе наши профессора бывали у него, а при встрѣчахъ съ папой въ училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества, гдѣ они оба читали, В. О. всегда спрашивалъ объ академическихъ новостяхъ. Иногда они встрѣчались въ такъ называемыхъ «Катакомбахъ» на Тверской (погребъ Автандилова). Папа ему жаловался на безвременье. «Низы противъ верховъ. Это для меня, какъ историка, очень интересно», говаривалъ В. О. Какъ-то разъ академическіе профессора пригласили В. О. на обѣдъ въ «Прагу», который почему-то рѣшили дать уходившему своему сослуживцу, изъ очень молодыхъ и ничѣмъ не заявившему себя. В. О., любитель всякихъ обѣдовъ въ хорошей компаніи, пріѣхалъ. Подошло время тостовъ, отъ Ключевскаго ждали рѣчи и все его толкали. Наконецъ, онъ позвонилъ. «Ключевскій гово-

рить...» стало тихо, и всѣ головы повернулись въ его сторону. В. О., не вставая, наклонился къ виновнику торжества и шопотомъ сказалъ ему: «Когда вы прославитесь, я напишу ваше житіе».

День своего юбилея, 6-го декабря 1909 года, Василій Осиповичъ провелъ въ посадѣ, вѣроятно, избѣгая празднованія; на другой день вмѣстѣ съ сыномъ и нѣсколькими профессорами онъ былъ у насъ дома въ послѣдній разъ.

Съ 1907 г. я знаю и помню Ключевского, какъ профессора, въ его московской аудиторіи. Мнѣ очень хотѣлось его слышать въ университетѣ, а въ 1907—8 г. былъ періодъ, когда лекціи посѣщались не только студентами, но и учащимися другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: контроля вовсе не существовало, и я въ числѣ многихъ курсистокъ нѣсколько разъ имѣла счастье слышать В. О. съ университетской кафедры.

Какъ сейчасъ помню эти часы, когда, бывало, въ субботу около 12 час. богословская аудиторія (№ 1) начинала наполняться оживленной и пестрой толпой, пришедшей «на Ключевского»: студенты разныхъ факультетовъ, курсистки, даже священники, офицеры заливали галлереи, лѣстницы аудиторіи, на эстрадѣ было тѣсно; и только развѣ люстры не были заняты: сидѣли высоко на окнахъ, на гармоніяхъ отопленія. Въ аудиторіи вмѣщалось навѣрное до 2000 человекъ. У публики было самое веселое, студенчески-беззаботное настроеніе; несмотря на тѣсноту и духоту, сыпались шутки, остроты, съ верха галлереи летѣли объявленія; на эстрадѣ какой-то шутникъ затянулъ было пѣсню:

«Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги матушки широкой,
Не для славнаго труда,
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда».

Хохоть, свистъ, подхваченная пѣсня,—ничего не разберешь.

Звонокъ. Аудиторія стихаетъ; къ кафедрѣ по эстрадѣ протискивается служитель, пробѣгаетъ шопотъ: «Самъ идетъ». Сгорбившись, на ходу кланяясь разступающейся толпѣ, бочкомъ пробирается Василій Осиповичъ. Аудиторія на минуту замолкаетъ. Ключевскій показывается на кафедрѣ, и какъ-то неожиданно громки кажутся аплодисменты, дружные, веселые, упрямо не желающіе прекратиться. В. О. стоитъ, кланяется, проситъ замолчать, неторопливо вытаскиваетъ изъ боковыхъ кармановъ какіе-то листочки, и среди внезапно наступившей тишины начинаетъ лекцію очень тихо,

такъ что приходится прислушиваться къ первымъ фразамъ. Но скоро голосъ его крѣпнетъ, и онъ ведетъ слушателей, куда хочетъ. Только здѣсь, среди напряженной тишины двухтысячной аудиторіи, я ясно поняла, что такое Ключевскій, и почему съ такимъ глубокимъ почтеніемъ къ нему относились посадскіе и московскіе профессора.

В. О. всегда великолѣпно зналъ свою аудиторію—уровень ея знаній, интересовъ и симпатій, и умѣлъ этимъ пользоваться. Строго продуманная схема его построений, яркость образовъ, мѣткость сравненій,—все это гипнотизировало слушателей; не было силъ ему сопротивляться, и властью художника онъ вводилъ за собой въ міръ прошлаго, гдѣ все тогда казалось близкимъ и роднымъ.

Иногда, излагая какой-нибудь сложный вопросъ по экономической или соціальной исторіи, Ключевскій становился сухъ, говорилъ сжато, вдавался въ анализъ мелочей; умъ начиналъ уставать отъ напряженнаго вниманія, и Ключевскій, замѣтивъ утомленіе слушателей, неожиданно вставлялъ мѣткое замѣчаніе или анекдотъ, и черезъ минуту аудиторія дрожала отъ смѣха и аплодисментовъ, а профессоръ дѣловито переходилъ къ очередному вопросу, и въ заключеніе говорилъ: «Итакъ, господа, запомните формулу...» Идетъ, на примѣръ, рѣчь о взаимоотношеніи земскихъ старостъ и воеводъ въ XVI вѣкѣ. Ключевскій подробно и дѣловито знакомитъ аудиторію съ запутаннымъ механизмомъ ихъ отношеній, цитируетъ документы и даетъ яркую бытовую картинку, какъ староста «лаялъ» воеводу за то, что послѣдній слишкомъ усердно «кормился» отъ «населенія». «Это называлось тогда: старостинъ лай воеводѣ, на нашъ языкъ: протестъ мѣстнаго самоуправленія противъ злоупотребленій центральнаго правительства».—В. О. любилъ пользоваться закономъ контраста; тезисъ и антитезисъ—его любимые приемы. Дикція у него была очень своеобразная, съ разстановками, убѣдительностью интонацій и непередаваемой мимикой; говорилъ онъ негромко, но очень явственно.

Особенно хороши были у него характеристики; въ университетѣ я слышала характеристику Петра Великаго и Карла XII, а впоследствии почти всѣхъ дѣятелей XVIII в. На нашихъ глазахъ оживали кости сухія, подбирались суставъ къ суставу, одѣвались въ плоть и кровь, получали дыханіе жизни; это были какъ будто его хорошіе знакомые: и «тишайшій» царь Алексѣй, и хорошая русская барыня XVIII в. императрица Елисавета, которая «умѣла грѣшить, но умѣла и каяться», и многіе, многіе другіе.

Въ аудиторіи напряженная тишина, развѣ только невольно прорвется взрывъ веселаго смѣха или восторженныхъ

аплодисментовъ. Послѣ такихъ лекцій студенчество устраивало историку бурную овацію, а онъ старался поскорѣе откланяться и исчезнуть съ кафедры; уходилъ физически усталый, но бодрый; онъ любилъ свою аудиторію, волновался передъ лекціей, жилъ съ нею и незамѣтно вводилъ въ міръ прошлаго все новые ряды своихъ учениковъ. И теперь, когда я вспоминаю эти лекціи В. О., невольно приходятъ на умъ его слова изъ отвѣтной рѣчи студенчеству въ день 30-лѣтняго юбилея: «Каждый годъ все новыя и новыя волны молодежи приходятъ и разбиваются у ногъ моихъ, а я, какъ старая прибрежная ива, гляжусь и отражаюсь въ ихъ водахъ». Въ этихъ словахъ столько искренняго чувства, столько грусти...

Въ университетѣ я слушала Ключевского недолго; скоро эти «публичныя» лекціи были прекращены администраціей и вполнѣ основательно: «на Ключевского» стала собираться такая масса народу, что въ богословской аудиторіи нечѣмъ было дышать. Въ качествѣ курьеза В. О. рассказывалъ въ профессорской, что чуть не раздавилъ барышню, сѣвшую на ступеньку его кафедры; подъ конецъ онъ буквально задыхался и просилъ очистить эстраду.

Раза два мнѣ пришлось видѣть В. О. въ качествѣ оппонента на диспутахъ Ю. В. Готье и М. М. Богословскаго, преемника В. О. по обѣимъ кафедрамъ (въ Академіи и въ Университетѣ). Какъ всегда, онъ поражалъ публику своей находчивостью, неожиданностью и дерзостью сравненій, и его возраженія всегда встрѣчались съ особымъ интересомъ.

Я хорошо помню Василія Осиповича въ другой его московской аудиторіи—въ училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества. Мнѣ посчастливилось частнымъ образомъ проникнуть туда по просьбѣ папы, проф. А. П. Голубцова, который читалъ тамъ лекціи по исторіи христіанскаго искусства. Администрація училища поставила условіемъ разрѣшеніе самого В. О., который на мою просьбу смѣясь сказалъ: «И охота вамъ тащиться черезъ всю Москву слушать такого старика!» Онъ читалъ тамъ въ 1908—9 уч. г. по пятницамъ отъ 1—3 час. курсъ русской исторіи XVIII в., а въ 1910 г. началъ было удѣльный періодъ, но не довель до конца: болѣзнь его подточила, и онъ слегъ въ ноябрѣ 1910 г., чтобы уже болѣе не вставать...

Это былъ его послѣдній курсъ: онъ уже давно не читалъ въ Академіи (съ 1907 г.) и въ Университетѣ (съ 1908 г.); оставался въ училищѣ Живописи, которое любилъ, можетъ быть, отчасти потому, что здѣсь ему легче было читать, не напрягая особенно слабѣвшія силы. Въ мартѣ 1909 г. внезапно скончалась его супруга Анисья Михайловна, и эта

потеря тяжело легла на здоровье историка, къ тому же въ это время онъ былъ очень занятъ печатаніемъ своего курса. Въ училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества Василій Осиповичъ читалъ въ очень своеобразной обстановкѣ. Представьте себѣ круглую залу-ротонду богатаго барскаго дома конца XVIII в., окруженнаго легендами о его хозяевахъ-масонахъ; по стѣнамъ на пьедесталахъ вазы чистаго мрамора, гипсовыя въ натуральную величину копіи античныхъ образцовъ: «Мальчикъ, метающій дискъ», «Лаокоонъ»; сверху глядятъ старые портреты имп. Александра I и другихъ дѣятелей прошедшаго столѣтія. Глубокія амбразуры оконъ, завѣшанныя тяжелыми портъерами, старинныя кресла въ простѣнкахъ. И публика (смѣшанная: архитектора, художники и скульпторы) была совсѣмъ иная, чѣмъ въ университетѣ, держала себя очень свободно, и вовсе не чувствовалось той атмосферы крайняго уваженія, которымъ былъ окруженъ Ключевскій на Моховой. Насколько я могу судить, Василій Осиповичъ читалъ въ училищѣ нѣсколько сокращенный курсъ русской исторіи, сообразуясь съ аудиторіей; онъ былъ здѣсь художникъ среди художниковъ, обращая больше вниманія на бытовую окраску, приносилъ эстампы, портреты. Передъ лекціей обычно выпрашивалъ содержаніе предыдущей и при этомъ дѣлалъ уморительныя добавленія къ неумѣлому или невѣрному разсказу слушателей. Потомъ приступалъ къ лекціи. Здѣсь предо мною прошелъ во весь ростъ Петръ Великій и цѣлый рядъ его преемниковъ, такъ мастерски очерченныхъ историкомъ; забывалось время, и одинъ образъ за другимъ вставали изъ глубины вѣковъ.

Въ сентябрѣ 1910 г. Ключевскій началъ курсъ по удѣльному періоду, но прочелъ всего нѣсколько лекцій и заболѣлъ. Живо встаетъ въ памяти послѣдняя лекція Василія Осиповича 29-го октября 1910 года. Народу было довольно много, забрались заранѣе; за длинными чертежными столами, въ амбразурахъ оконъ, на пьедесталахъ статуй расположились художники въ своихъ блузахъ и бархатныхъ курточкахъ, многіе въ фартукахъ, замазанныхъ краской. Октябрьскія сумерки уже давали себя знать: сквозь запыленные окна, наполовину скрытыя портъерами, скудно проникалъ полусвѣтъ; тяжело гроыхая, проносились трамваи, и дрожалъ старый домъ. Въ половинѣ второго пришелъ Ключевскій; раскланиваясь на аплодисменты, онъ выдвинулъ на средину актовой залы стоявшій подъ образомъ столикъ на подобіе аналоя, разложилъ на немъ свой портфель, вытащилъ черную клеенчатую тетрадь, съ которой иногда справлялся.

Потомъ подошелъ къ публикѣ: «Я что-то позабылъ, господа, о чемъ мы прошлый разъ говорили», и стоя, руками опершись на столъ, съ чуть замѣтной улыбкой слушалъ, что робко говорилъ ему одинъ изъ впереди сидѣвшихъ слушателей. Эту позу довольно удачно схватилъ художникъ Пастернакъ въ своемъ портретѣ Ключевского (находящемся теперь въ залахъ Московскаго Литературно-Художественнаго Кружка), писанномъ въ этой самой залѣ, но нѣсколько раньше. Читалъ онъ о колонизаци Сѣверо-восточнаго края, давалъ характеристику великоросса; это, должно-быть, одна изъ лучшихъ по художественности его лекцій. Съ неподражаемымъ мастерствомъ мимики и интонаціи онъ привелъ массу пословицъ, поговорокъ великоросса, перебирая календарь. Но это стоило ему большого напряженія силъ, голоса не хватало; и послѣ лекціи онъ едва говорилъ отъ усталости, безпокоился—слышно ли его. Тутъ я его видѣла въ послѣдній разъ живымъ; онъ курилъ папироску и былъ такъ слабъ и измученъ, какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ. Это была его послѣдняя въ жизни лекція: вскорѣ онъ слегъ въ постель, а 14-го ноября уже состоялась первая операція (камни въ пузырь), которую дѣлалъ проф. Спизарный. Она сошла благополучно, но В. О-чу пришлось лежать очень долго; онъ уже больше не вставалъ. Но когда ему становилось лучше, продолжалъ шутить и развлекалъ весь персоналъ (онъ лежалъ въ больницѣ д-ра Стороженко на Якиманкѣ). Иногда онъ занимался, готовя къ печати V томъ своего курса; считалъ своимъ долгомъ довести его до конца—но не пришлось. Къ нему почти никого не пускали, кромѣ самыхъ близкихъ.

Около Пасхи В. О-чу стало хуже; рѣшено было сдѣлать вторую операцію, и она сошла благополучно, но сердце измѣнилось. Съ 1-го мая силы начали быстро падать, совершалось медленное самоотравленіе организма, но никто, даже его близкіе, не ожидали конца такъ скоро. 12-го мая въ 3 ч. 5 м. пополудни Василій Осиповичъ скончался.

Я узнала объ этомъ часовъ въ 6 вечера и никакъ не могла повѣрить, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Былъ тихій-тихий майскій вечеръ, когда собралось нѣсколько человѣкъ на первую панихиду на Житную. Ждали духовенство; въ садикѣ цвѣли яблони, ихъ бѣлые лепестки устилали еще сырую землю; пахло сиренью. А Василій Осиповичъ лежалъ, покрытый простыней, сильно похудѣвшій, спокойный и такой далекой отъ міра... Началась панихида; народа было немного, тускло горѣли свѣчи въ клубахъ еиміама. Прощаясь, я поцѣловала его холодный высокій лобъ и поняла, что онъ ушелъ навсегда и постигъ то, чего мы еще не знаемъ. Чувство безконечной сиротливости охватило меня.

Тѣ же грустныя мысли были на лицахъ многихъ и многихъ, проникшихъ въ университетскую церковь на отпѣваніе. Былъ жаркій, почти лѣтній день, когда мы шли за его гробомъ; профессора и студенты несли свою гордость до самой могилы въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ Анисьей Михайловной. Были рѣчи. Послѣдній разъ пропѣли «вѣчную память»; черезъ полчаса выросъ холмикъ свѣжей земли и крестъ съ надписью: «Василій Осиповичъ Ключевскій». Начали расходиться. За зубчатыми стѣнами снова стало безлюдно и тихо, какъ всегда... «Вѣчный покой»...

Марія Голубцова.

27 апрѣля 1914 г.
Москва.

КЪ ПРЕБЫВАНІЮ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО ВЪ АББАСЬ - ТУМАНЪ въ 1893—1895 гг.

Осенью 1893 г. В. О. Ключевскій былъ командированъ въ Аббась для чтенія лекцій по политической исторіи XIX вѣка Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу (Указъ Св. Синода объ этомъ напечатанъ въ «Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи» за 1893 г., Сергіевъ посадъ 1894 г., стр. 245—246). Этимъ временнымъ отсутствіемъ В. О-ча и вызвано появленіе первой части печатаемыхъ ниже писемъ и посланій, свидѣтельствующихъ о тѣхъ сердечныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между В. О.—предсѣдателемъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и членами этого Общества, горячо любившими своего предсѣдателя.

В. О. выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ ноября 1893 г. На мои два письма съ извѣстіями о московскихъ дѣлахъ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ отъ 31-го декабря 1893 г. (полученнымъ мною 8-го января):

«Многоуважаемый Сергѣй Алексѣвичъ!

Старый годъ доживаетъ свои послѣднія минуты, и я спѣшу расплатиться со старыми долгами прежде чѣмъ наступитъ новый годъ, а долгъ мой передъ вами давно просрочень.

Прежде всего спасибо вамъ за два письма и двѣ посылки. Новости, вами сообщенныя, однѣ очень любопытны, другія донельзя печальны. Упокой, Господи, душу Н. С.—ча ¹⁾: мнѣ его очень жаль. У васъ въ Москвѣ очевидно была тяжелая осень.

Истинно утѣшило меня согласіе Майкова ²⁾, а также постановленіе комиссіи ³⁾ о рецензентѣ сочиненія Любавска-

¹⁾ Н. С. Тихонравова.

²⁾ А. А. Майковъ согласился быть предсѣдательствующимъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ на время отсутствія В. О. Ключевскаго изъ Москвы.

³⁾ Комиссіи по присужденію состоящей при этомъ обществѣ преміи Г. Э. Карпова.

го; о выборѣ Вашемъ ¹⁾ на новое трехлѣтіе и говорить лишне, потому что это не было неожиданностью. Но что случилось съ нашимъ Ю. Д. Ф. ²⁾—недоумѣваю, но скорблю.

Вы просите на досугѣ написать о своемъ житьѣ-бытьѣ. Что написать? Живу хорошо, веду свое дѣло по мѣрѣ силъ и умѣнья, и чувствую себя хорошо въ обществѣ превосходнаго Хозяина и добрыхъ товарищей. Надобно было привыкать къ температурѣ, непохожей на комнатную московскую; но здѣшній зимній воздухъ помогъ одолѣть и это затрудненіе; только по почерку этого письма можете видѣть, что у меня въ комнатѣ не жарко, и перо не твердо держится въ рукѣ.

Теперь о дѣлѣ. Посылаю вамъ документъ отъ профессора русской исторіи Д. А. Корсакова (Каз. унив.). Мнѣ переслали этотъ запросъ изъ Москвы. Благоволите принять надлежащія мѣры по содержанію бумаги, доложить о ней Обществу и т. п. Я съ своей стороны напишу автору, что буду просить Общество объ исполненіи его предложенія, смотря по положенію нашего изданія. Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ вещей кажутся мнѣ весьма любопытными...

Я уже собирался предъ отправкой письма на почту заключить его выраженіемъ моей общей признательности Вамъ и всѣмъ сочленамъ за память обо мнѣ ³⁾, какъ получилъ Вашъ новый пакетъ, наскоро перебралъ присланныя карточки, наскоро просмотрѣлъ ваше любезное письмо и увидѣлъ, что если бы я удесятерилъ силу предположенныхъ мною благодарственныхъ выраженій, то вышло бы далеко не все то, что мнѣ хотѣлось бы сказать моимъ добрымъ сочленамъ, вспомнившимъ обо мнѣ на засѣданіи. При свиданіи передайте имъ это и пожмите за меня руку каждому, начиная съ Аполлона Александровича ⁴⁾. Я рѣшилъ послать эту записочку тотчасъ, хотя по поводу новаго Вашего письма хотѣлось бы кое-что прибавить. Наступающій день обѣщаетъ хлопоты, и мнѣ до вечера едва ли удастся сѣсть за письменный столъ, вслѣдствіе чего письмо замедлитъ болѣе чѣмъ на сутки.

Итакъ, еще разъ всѣмъ душевное спасибо, Вамъ прежде всѣхъ, и всѣхъ съ новымъ годомъ.

Преданный Вамъ В. Ключевскій».

30-го января — день именинъ В. О., когда квартира его была переполнена лицами, приносившими ему поздравленія и въ томъ числѣ членами Императорскаго Общества

¹⁾ Въ назначеніи того же Общества.

²⁾ Юріемъ Дмитріевичемъ Филимоновымъ.

³⁾ Разумѣются поклоны и привѣтствія.

⁴⁾ Майкова.

Исторіи и Древностей Россійскихъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ такъ привыкли быть въ этотъ день у В. О., что имъ казалось невозможнымъ не поздравить отсутствующаго именинника. Помѣщаемое ниже посланіе, составленное Е. В. Барсовымъ, и было отослано В. О. къ 30-му января 1894 г.:

«Преизошренному въ разумѣ,
острозрительному въ бытописаніи,
преизящному въ вѣщаніи,
дни древнія поминающему
и сладцѣ поучающему,
преименитому былю
Василію, Осипову сыну,
нѣцый от искреннихъ и
знаемыхъ ти
челомъ бьемъ и
радоватися глаголемъ,
цѣлованіе творяще.

Вѣдомо ти, господине, дѣялось от лѣтъ древнихъ, на Москвѣ и во всемъ царствіи Московскомъ обычай бѣ, иже въ послѣдняя времена вельми поисшатася: во дворѣхъ царскихъ и святителскихъ и въ хоромѣхъ боярскихъ и въ домѣхъ всенародного крестьяньскаго множества во день свѣтлый ангела били челомъ, жаловали именинниковъ коврижками. И намъ, господине, обычай тотъ любъ зѣло. И ты такожде, господине, вѣдаемъ, толико стародревньи отчествія обычаи почитаеши, елико растлѣнная и иноземная отметаеши и отсѣкаеши.

Далече ты, господине, от насъ суще — въ предѣлѣхъ Понта и Меотиды, въ странѣ Иніоховъ, Колховъ и рода Тавровъ живеши, обаче сердце наше, господине, близъ тебе суще, вяшщею любовію уязвляется и жадѣніе зрѣти тя, господине, утробу нашу удолѣть.

Съединяся во единомысліи и очесемъ ума твоего ласкосърдствующе, мы, господине, знаеміи и искрѣнньи твои, поговоря межу собою, и келейнѣ и соборнѣ, урядихомъ, по обычаю стародревньихъ предковъ, послати тебѣ, господине, въ тридесятый день сего януарія, словеньскы же водолѣя, въ свѣтлосіяющій день ангела твоего великаго святителя Василія, от братіи нашей коврижку, любве преисполненну.

Коврижка сія ¹⁾ тиснена есть на дѣскѣ старой, яже добрымъ рѣзцомъ рѣзана; посредѣ же ея орелъ ветхый, а

¹⁾ Изготовлена была товариществомъ А. И. Абрикосова сыновей, вѣсомъ въ 11¼ фунтовъ, изъ тѣста вяземскихъ пряниковъ.

по краемъ письма дрянная, уставная суть, краткословіемъ гласяще: «сей пряникъ на одномъ и одномъ меду з гвоздику; кого люблю того и дарю».

Пожалуй, господине, не гнѣвайся, прими, господине, любовьнѣ коврижку сію и вкушай ю въ многолѣтнее си здравіе и въ радованіе и въ веселіе,—насъ знаемыхъ и искръннихъ твоихъ, господине, поминаючи».

На это посланіе В. О. отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ (отъ 3 февраля) ко мнѣ:

«Добрѣйшій и любезный Сергѣй Алексѣевичъ!

Получивъ почтовую повѣстку о посылкѣ на 25 фунтовъ, я сдѣлалъ очень кислую мину: думаю, семестряки изъ Академіи—будетъ работа. Принявъ съ почты цѣлую кладь, я согласно вашей инструкціи, не вскрывалъ присланнаго до 30 января, недоумѣвая о содержаніи. Поутру 30-го я получилъ и ваше письмо и пакетъ съ посланіемъ и подписями и вскрылъ сооруженіе, какъ будто оно при вскрытіи грозило взрывомъ: казакъ мой осторожно, какъ умѣютъ это дѣлать казаки, вынималъ гвоздикъ за гвоздикомъ...

Вечеромъ наша маленькая колонія съ добрымъ Хозяиномъ во главѣ собралась въ свитскій домъ, гдѣ я живу, и я ей показалъ любопытныя произведенія московскаго археологическаго досуга, палеографическаго остроумія и кондитерскаго искусства. Особенно увеселило читателей препроводительнаго посланія выраженіе, надлежаще мною прокомментированное: «въ странѣ Иніоховъ, Колховъ и рода Тавровъ», а также «жадѣніе зрѣти тя утробу нашу удолѣеть». Врочемъ и все посланіе найдено безукоризненнымъ, какъ и самое кондитерское сооруженіе. По надлежащемъ разслѣдованіи замѣчено, что бумага подлинно дрянная и съ археологическимъ безсердечіемъ вырвана изъ старой рукописи. Рѣшено герба не разрушать и всю постройку сохранить на память. Съ этой цѣлью пряникъ мною отданъ повару съ наказомъ выдержать его въ *вольномъ духѣ* и засушить: онъ теперь и сушится.

Я глубоко тронуть былъ любезнымъ вниманіемъ всѣхъ добрыхъ моихъ сочленовъ по Обществу, подписавшихся подъ посланіемъ, и долго раздумывалъ, какъ бы получше отблагодарить ихъ за неожиданную, остроумную посылку. Написать каждому письмо? Адресы большинства забыты въ Москвѣ. Написать коллективное посланіе на славянскомъ языкѣ? Не сумѣю, да и какъ его довести до свѣдѣнія ка-

ждаго адресата? Я придумалъ такой путь къ выходу изъ затрудненія. Кого изъ подписавшихся увидите, скажите, что я низко до земли бью челомъ за добрую память обо мнѣ, благодарю за расположеніе ко мнѣ отъ всей души, никогда не забуду этого расположенія,—а кахетинское будетъ, и уже приняты къ тому надлежащія мѣры. Прибавьте къ этому, что 30-го января, день, который мнѣ впервые пришлось провести вдали отъ своихъ, между прочимъ благодаря полученному мною именинному прянику, въ нынѣшнемъ году сталъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней для меня. Все это скажите и А. А. Майкову, и А. Т. Карповой, и Е. В. Барсову, и себѣ самому, и всѣмъ подписавшимся—чинъ по чину, рядъ по ряду.

Благодарю за вѣсти и присланныя изданія. Я здоровъ, чего желаю всѣмъ вамъ.

Истинно васъ уважающій

В. Ключевскій».

Исторію составленія этого посланія передаетъ другое произведеніе Е. В. Барсова:

Повѣсть о соборнѣмъ дѣяніи цесарскаго общецратства лѣтописанія и дрѣвльнихъ вещей русьскихыхъ.

Присный друже,
дружелюбіемъ свѣтящійся,
пріискренній пріятелю
Василіе!

На челобитьи твоемъ премного благодарствую и также челомъ ти бью. Богъ тя соблюди и въ здравіи укрѣпи, азъ же милостію Божіею здравствую.

Изволися ми словесы краткими начертати и тобѣ извѣстити, како соорудися коврижка во славу имени твоего и како съчинися ти посланіе любве преисполнено.

Сущю ми въ кельи казначейстѣй, внезапно вопросы мя казначей ¹⁾: чимъ имама почтити и кіими привѣты вѣнчати предсѣдящаго общецратству нашему въ день великаго Василія? И найде на мя духъ вѣковъ и яко молнія осѣни умъ мой и азъ въ мгновеніи ока отвѣщахъ совопроснику: лѣпо ны башеть послѣдовати свычаю и обычаю предковъ нашихъ, соорудити коврижку велію и предати ю тисненію на дскѣ, ветхой денми, орломъ знаменаной, и словесы сердечными

¹⁾ С. А. Бѣлокуровъ.

приукрашенной, юже азъ издавна имаю и стяжахъ ю цѣною великою на тѣржищѣ древнихъ вещей.

Усумнѣся же казначей и бысть въ недоумѣніи. «Заутра, рече, совѣтъ сотворю съ Онтоновичемъ ¹⁾ и скоро повѣдаю думу его».

Улыснуся же Онтоновичъ на словеса казначейсти, и рече: азъ мнѣхъ, яко волита проскумисаніе сотворити или нѣчто отъ таковыхъ содѣлати, но добрѣ умыслиста и азъ съ вама едино есмь. Обаче подобаеъ, рече, братіи нашей вкупѣ собратися у думнаго дьяка ²⁾ нашего, совѣта ради и соборнаго уложенія.

И повѣда ми о семъ казначей и азъ быхъ радъ зѣло единомысленную братію у себе видѣти.

Во едину отъ суботъ, гласу моему внемлюще, вси въ лонѣ общепратства искренніи и знаеміи ти, яко елени на источницы водныя радостно стекошася въ храмину мою, яже на прудахъ Патріаршихъ ³⁾, отъ всѣхъ предѣлъ и весей, первопрестольнаго града, и отъ Елохова ⁴⁾, и отъ Якиманы ⁵⁾ и отъ Поляны ⁶⁾, и отъ поля Дѣвичья ⁷⁾, и отъ богораднаго дома Шереметя ⁸⁾, и отъ Пушкарской слободы ⁹⁾, и отъ Садовникъ въ Яндовахъ ¹⁰⁾ и отъ иныхъ дальныхъ и ближнихъ мѣстъ.

«И бысть соборъ многъ, на немъ же келейная мысль на общюю думу и совѣтъ предложена бѣ.

«И рекоша вси, аки душа едина: «благо же, благо же». И повелѣша ми, яко дьяку сущю, грамотку велелѣпну сложити, казначею же урядиша вся потребная соорудити. И сътвориша праздникъ свѣтель и благолѣпнень, всѣмъ кандиломъ возженнымъ и многымъ огнемъ блистающимъ, бысть шумъ и радость велія, лику твоему предносящюся; и разноличная яствія ядяху и вино преизлиха пїяху, даже до третьихъ куръ веселящася.

«Потомъ же азъ грамотку сложихъ и общепратству предложихъ и вси единими усты ю похвалиша и рукама своима утвердиша.

«Обаче сіе малое есть дѣло.

«Благыя мысли часто въ душѣ бывають, но скоро истончаваются и яко дымъ исчезаютъ; казначейская же сила вся въ дѣйство приводитъ. Той и къ пекаремъ многажды хо-

¹⁾ В. А. Уляницкій, дѣлопроизводитель Моск. Гл. Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ и дѣйствительный членъ Общества.

²⁾ Секретаря Общества Е. В. Барсова.

³⁾ Е. В. Барсовъ жилъ тогда близъ Патріаршихъ прудовъ.

⁴⁾ А. А. Голубевъ, служившій въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, авторъ нѣсколькихъ историческихъ очерковъ и многихъ историческихъ романовъ.

⁵⁾ Профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ.

⁶⁾ С. О. Долговъ, хранитель Московскаго Румянцевскаго музея.

⁷⁾ В. И. Холмогоровъ, начальникъ отдѣленія въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

⁸⁾ А. М. Барсуковъ, авторъ трудовъ о митр. Иннокентіи и другихъ.

⁹⁾ Архитекторъ Н. В. Никитинъ.

¹⁰⁾ С. А. Бѣлокуровъ.

ждаше и ряды рядяше, той и древнюю бумагу изыскаше и о типѣ промышляше, той и на Печатный дворь многократно ѣздяше и погрѣшенія исправляше, той и возило сооруже- нія наблюдаше и единь о всемъ печяшесе и тужяше.

Тако вся сія быша.

Слышахомъ, яко имаши произволеніе благое послати вина на соборъ. Да не обратится тощ глаголь твой, еже возглаголалъ еси; самъ вѣси, яко добръ сътвориши. И тако да испиемъ соуза ради Москвы съ Аббасъ-Туманомъ.

Присный ти и прискренный (Подпись Е. В. Барсова).

Тако бысть, еже бысть. Сіе рукоприкладствомъ утвер- ждаемъ на соборъ бывшии (слѣдуютъ подписи).

Въ лѣто от сотворенія міра 7402, от Рождества же Хри- стова 1894, мѣсяца Февруарія въ 26 день, въ годину пред- сѣданія твоего общепратству нашему.

Москва. Пруды Патріарши».

Въ мартѣ 1894 г. В. О. вернулся изъ Аббасъ-Тумана, но въ декабрѣ того же года опять туда былъ командиро- ванъ. На именины 1895 г., которыя ему пришлось опять проводить тамъ, ему отъ членовъ Общества было отправлено слѣдующее привѣтствіе, составленное также Е. В. Барсо- вымъ:

«Глубокоуважаемый
Василій Осиповичъ!

Неудержимо стремится наше сердце къ горамъ Аббасъ- Тумана къ дорогому имениннику съ горячимъ привѣтствіемъ и благожеланіемъ.

И соборъ трехъ великихъ святителей, и вѣковыя кавказ- скія грани, и Кіевская и Московская Русь—все это неволь- но предносится нашему сознанію при мысли, устремленной къ дорогому имениннику, ликующему свѣтлый день свой въ колоніи Аббасъ-Тумана.

Не одиноко празднуется Ангель твой, но въ соборѣ христіанскихъ свѣтилъ золотого вѣка, восполняющихъ другъ друга личными настроеніями, выражающими полноту и разнообразіе нравственнаго міросозерцанія. Григорій—это «поэтическій образъ», Златоустъ—это «политическое слово» и Василій, твой ангель,—это «историческій анализъ».

Искренно желаемъ, чтобы укрѣпясь въ междугорьяхъ Аббасъ-Тумана тѣлесною мощію, ты, въ своихъ повѣствованіяхъ, добытыхъ анализомъ исторіи, еще болѣе окрылялся поэтическимъ вдохновеніемъ и еще ярче и пламеннѣе вы- ражалъ свои думы золотымъ словомъ.

Изъ чистаго сердца друзей твоихъ исходятъ эти благожеланія и тѣмъ глубже, чѣмъ шире мысль наша объемлется столь дорогими для тебя историческими воспоминаніями.

Зри Владиміра! Зри Тамару! Мцхеть и Москва — объединяются однимъ Побѣдоносцемъ Георгіемъ.

Да будутъ эти образы не только темою для твоихъ историческихъ воспоминаній, но и да переносятъ они сердце твое къ любящимъ тебя друзьямъ и сподвижникамъ на историческомъ поприщѣ въ первопрестольной столицѣ».

Привѣтствіе это было вложено въ папку, на внутреннихъ сторонахъ которой были прикрѣплены два фотографическихъ снимка съ картъ Кавказа, хранящихся въ Московскомъ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, а именно: 1) съ карты, поднесенной Израилемъ Оріемъ въ 1703 г. царю Петру Алексѣвичу: «Кролевство Армянское, большое и малое, Мелетинское или Грузинское съ королевствами Турскими во Асіи, съ границы Русскія, Персицкія, Армянскія, Турецкая граница въ Европѣ, Литовская, великая Тартарія, Египетская и прочая. Издалъ Петръ Симонеръ; лѣта 1703-го», и 2) съ карты 1772 г. Гильденштедта.

В. О-чъ на это поздравленіе отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ (отъ 5-го февраля, получ. 13-го):

«Многоуважаемый и любезный
Сергѣй Алексѣвичъ!

Здѣшнія дѣла не давали мнѣ досуга написать Вамъ тотчасъ по полученіи Вашей посылки.

Она немного смутила меня. Считаю лишнимъ говорить о томъ, какъ глубоко тронули меня и карта, и поздравительное посланіе, и фотографическій снимокъ, — каждая вещь въ отдѣльности, и всѣ вещи въ совокупности. Но любясь ими, я задавалъ себѣ вопросъ: нужно ли было расточать столько усилій, хлопотъ, остроумія и изобрѣтательности на составленіе такой сложной, предусмотрительной и драгоценной во всѣхъ отношеніяхъ любезности, и какое придумаю я равнозначительное возмездіе за эту любезность? По возвращеніи въ Москву, узнавъ, кто составилъ такое остроумное поздравленіе, я попеняю ему за расточительность, а пока прошу васъ принять и передать Аполлону Александровичу¹⁾ и по возможности всѣмъ другимъ участникамъ посланія мое

¹⁾ Майкову.

сердечную благодарность за ихъ доброе ко мнѣ расположеніе, заставляющее меня признавать себя неоплатнымъ должникомъ передъ ними.

Близится срокъ моей командировки. По ходу дѣла надѣюсь возвратиться въ Москву къ началу марта, даже къ концу февраля. Если задумаете о чемъ-нибудь извѣстить меня или что-либо мнѣ переслать, попомните, что письма изъ Москвы здѣсь получаютъ при благополучномъ состояніи пути въ горахъ на *седьмой день*, а 22 февраля я, можетъ быть, уже уѣду изъ Аббасъ-Тумана.

Мой поклонъ Вашему Батюшкѣ и Елпидифору Васильевичу.

Преданный Вамъ В. Ключевскій».

Сообщилъ С. А. Бьлокуровъ.

МНѢНІЕ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО О МАКСИМѢ ГОРЬКОМЪ.

Однажды во время моей бесѣды съ В. О. Ключевскимъ о современныхъ литераторахъ я спросилъ его:

— А какъ вы смотрите, Василій Осиповичъ, на Максима Горькаго, и чѣмъ вы объясняете успѣхъ его произведеній?

— Горькій, — отвѣчалъ онъ, — это *пропаганда*, а *пропаганда* — не литература. Горькій пришелся по плечу обществу, которое теперь особенно умножается. Это — люди, борющіеся за свое существованіе, много читающіе и работающіе надъ собою этимъ путемъ больше, чѣмъ учащаяся молодежь, но въ нихъ нѣтъ никакой устойчивости: они непрерывно хромаютъ на оба колѣна и влаются вѣтромъ модныхъ ученій. Этому слою низменныхъ людей съ напряженными потугами на знаніе и мнящихъ себя интеллигентами совершенно по плечу творенія своего собрата — Горькаго; въ ихъ неразвитыхъ и небрезгливыхъ вкусахъ блестятъ талантомъ и такія его произведенія, какъ снохачество «*На плотахъ*» и «*Дно*» всякихъ мерзостей, съ подкладками нищестанства, политиканства и т. п. Если просвѣщенная публика бросилась видѣть это «*Дно*», то, увидѣвъ, никогда больше не пожелаетъ его видѣть и въ большинствѣ съ омерзѣніемъ отвернется отъ него. У Горькаго вовсе не талантъ, а одно пыльное воображеніе.

— Однако, Василій Осиповичъ, Горькій извѣстенъ и за границей, и тамъ его хвалятъ, — возразилъ я.

— Если его славятъ за границей, — отвѣчалъ онъ, — то вѣдь и тамъ есть отбросы общества, имѣющіе свои газеты, кои видятъ въ Горькомъ свои вкусы и кричатъ о немъ.

— Но не даромъ же, — говорю, — наша Академія Наукъ хотѣла возвести Горькаго въ «академики російской словесности».

— Если бы Академія это сдѣлала, — продолжалъ Василій Осиповичъ, — то въ глазахъ просвѣщеннаго общества «по Сенъкѣ была бы и шапка». Академія сама спустилась бы на «*Дно*» Горькаго, и здѣсь, среди оборванцевъ, съ теченіемъ времени, явился бы и герой въ академическомъ мун-

дирѣ съ проповѣдью физической силы противъ морали, социализма противъ собственности и государственности. Конечно, тогда ликовали бы и рукоплескали герои и любители «Дна», вознося превыше небесъ російскую Академію Наукъ; но что сказала бы о ней исторія русскаго просвѣщенія? Мрачно и уныло отмѣтила бы она на своихъ страницахъ это несуразное явленіе: отсутствіе элементарнаго *этическаго* чувства у академиковъ нашей эпохи и преклоненіе предъ бойкимъ перомъ въ ущербъ науки и дѣйствительнаго таланта.

— Жестоко ваше слово, Василій Осиповичъ,—замѣтилъ я;—а вѣдь, говорятъ, Горькій досталъ ваши лекціи и выучилъ ихъ наизусть.

— Ну, что жъ,—отвѣчалъ онъ,—жаль напраснаго труда. Не въ коня кормъ—изученіе моихъ лекцій. Горькій и послѣ этого остался тѣмъ же Горькимъ, то-есть *пропагандистомъ*, а не *литераторомъ*.

Записано 25 сент. 1907 года.

Елпидифоръ Барсовъ.

Изъ писемъ Н. И. Субботина къ родственнику протоіерю М. В. Миловскому.

Въ имѣющихся у насъ письмахъ покойнаго профессора Московской Духовной Академіи Ник. Ив. Субботина къ родственнику (мужу родной сестры его), протоіерю гор. Шуи Мих. Вас. Миловскому, обнимающихъ періодъ ровно въ 25 лѣтъ, съ 1851 по 1876 годъ включительно, содержится очень много сообщеній о Московской Академіи и ея дѣтеляхъ того времени—начальникахъ и наставникахъ, а равно и о другихъ лицахъ, такъ или иначе къ ней прикосновенныхъ. Большое количество этихъ сообщеній объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что адресатъ означенныхъ писемъ самъ былъ изъ воспитанниковъ Московской Академіи ¹⁾, имѣлъ товарищей по курсу и знакомыхъ изъ среды служившихъ въ ней лицъ—ректоровъ и профессоровъ, и потому живо интересовался академическими новостями.

Сообщенія эти, въ виду ихъ интимнаго характера, имѣютъ большое значеніе для характеристики какъ вообще внутренней жизни Московской Академіи и ея дѣателей вышеуказаннаго времени, такъ и особенно самого автора, личность котораго вырисовывается въ нихъ сама собою съ полной рельефностью.

Свящ. Н. Миловскій.

1.

Ноября 24 дня 1854 г. Виенія.

Прошу извиненія, что поздно отвѣчаю на ваше письмо, полученное тоже не рано.

Объ о. Теодорѣ ²⁾ есть слухи: и самъ пишетъ о себѣ, и другіе пишутъ о немъ. Изъ тѣхъ и другихъ писемъ видно, что онъ дѣйствительно доволенъ Казанью, и Казань приняла его хорошо. Но пишутъ тоже, что онъ уже и на догматическомъ классѣ началъ читать объясненіе Апокалипсиса. Это едва ли поведетъ къ добру.

Біографія Теодора Александровича, обѣщанная въ «Москвитянинѣ», уже написана Серг. Конст. Смирновымъ, но, слышалъ я, владыка не доволенъ ею и особенно тѣмъ, что

1) М. В. Миловскій, кандидатъ XIII курса Московской Академіи; до принятія священства былъ преподавателемъ Тобольской и Владимірской семинарій. Ему принадлежатъ интересныя воспоминанія о Московской Академіи, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1893 году (кн. 9) и тогда же перепечатанныя (въ выдержкахъ) разными духовными и свѣтскими періодическими изданіями.

2) Архим. Теодоръ (Бухаревъ). Объ отношеніи его къ Н. И. Субботину см. въ «Воспоминаніяхъ» послѣдняго, напечатанныхъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1903 г.

въ біографіи *Θ. А.* чь выставленъ послѣдователемъ Канта и Шеллинга ¹⁾).

Въ академіи и семинаріи ничего новаго нѣтъ. 17 числа мы, по прекрасному обычаю, воспоминали память преосв. митроп. Платона съ благолѣпіемъ: вся братія, и лаврская, и академическая, и наша обѣдала въ его покояхъ. Дня за два передъ тѣмъ Левицкій ²⁾ поѣхалъ въ Москву для посвященія въ священника, но предварительно окрестился въ Келарскомъ прудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ случилась страшная исторія: ямщикъ повезъ его для сокращенія пути черезъ посадскій прудъ. Когда вѣхали на глубину уже, ледъ подломился, и экипажъ опустился въ воду. Самъ онъ, жена и маленькій сынъ выкупались совершенно. Неизвѣстно еще, обошлось ли это благополучно. Завтра, на именинахъ П. Симоныча ³⁾, надѣюсь увидѣть этого удивительнаго іерея.

2.

Лавра, 29 окт. 1857 года.

...Мы до сихъ поръ все еще пируемъ. Нынѣ (и это, вѣроятно, въ послѣдній разъ уже) праздновали у новаго о. инспектора ⁴⁾ на новосельѣ,—праздновали очень свѣтло; а на прошедшей недѣлѣ въ четвергъ пресвѣтло праздновали у о. ректора ⁵⁾: собраніе было многочисленное, и отраднo было видѣть общее сочувствіе къ счастливой перемѣнѣ въ служебной дѣятельности нашего добраго начальника. Въ тотъ же день, и прямо отъ о. ректора, наше общество отправилось ко мнѣ праздновать мое новоселье, сначала за зелеными, а потомъ и за иными столами. Теперь ожидаемъ праздника еще въ Виѳаніи у новаго ректора. Впрочемъ о новомъ виѳанскомъ ректорѣ еще ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Доселѣ ходили слухи, что будетъ онымъ о. Савва ⁶⁾, и онъ самъ даже писалъ сюда объ этомъ; а недавно получено довольно вѣрное извѣстіе, что ректоромъ въ Виѳанію назначенъ уже о. Игнатій, московскій инспекторъ, племянникъ ⁷⁾... Столько-то перемѣнъ въ нашихъ краяхъ!

¹⁾ Біографія *Θ. А.* Голубинскаго, составленная С. Конст. Смирновымъ, напечатана отдѣльной книжкой въ 1855 году.

²⁾ Дм. Гр. Левицкій, экстраорд. проф. философскихъ наукъ Академіи, товарищъ М. В. Миловскому по курсу.

³⁾ Проф. Казанскаго, товарища М. В. Миловскаго по Академіи.

⁴⁾ Архим. Порфирія (Попова).

⁵⁾ Архим. Сергія, назначеннаго ректоромъ 4 окт. 1857 г.

⁶⁾ Савва (Тихомировъ), Владимірскій уроженецъ, магистръ XVII курса М. А., впоследствии архіеп. Тверской.

⁷⁾ Игнатій (Рождественскій), магистръ XVII курса, впоследствии еписк. Костромской, племянникъ митрополита Филарета.

3.

20 ноября 1857 г.

...Благодарю васъ за письмо и за поздравленія. Ваши разсужденія по случаю моего 30-лѣтія очень назидательны и совершенно справедливы. Но моя жизнь такъ сложилась, что до сихъ поръ у меня нѣтъ еще царя въ головѣ, по крайней мѣрѣ для того, чтобы произнести рѣшительный приговоръ своей судьбѣ. Живу, руководствуясь пословицей: «Отъ добра добра не ищутъ». Можетъ быть, глупо,—не знаю! Жизнь въ монастырѣ, быть можетъ, дѣйствительно виновата отчасти въ томъ, что я доселѣ не избралъ подругу жизни: чтобъ избрать ее, нужно сдѣлать выборъ, а выбирать здѣсь не изъ кого. Взять же наудачу, какъ другіе мои товарищи, не въ моемъ характерѣ. Съ жизнію монашескою я знакомъ больше; но, можетъ быть, по этому самому и на эту жизнь не смѣю рѣшиться. А такъ какъ теперь жить мнѣ не худо, то и въ 30 лѣтъ все еще не хватаетъ силы переменить эту нехудую жизнь или на лучшую или на худшую. Впрочемъ довольно о семъ: я не оправдываю себя и чувствую внутренно, что мои разсужденія походятъ на софизмы.

Вы угадали поздравить меня съ новою должностію: съ 10 числа я вступилъ въ нее. Должность эта не трудна здѣсь, а между тѣмъ не безъ интересовъ: я буду получать за нее 450 р. асс. въ годъ. При нашемъ жалованьи это порядочная поддержка.

Въ Виенію около того же времени прибылъ новый ректоръ, но не о. Савва, который съѣлъ грибъ, а о. Игнатій, племянникъ митрополита, который поэтому и грибовъ ѣсть не можетъ. Такимъ образомъ у насъ мало по малу все приходитъ въ надлежащій порядокъ. Только о. ректоръ еще не получилъ монастыря, но кажется это должно скоро послѣдовать. Затѣмъ все совершается у насъ по обычаю тихо и мирно, такъ что и написать вамъ особеннаго нечего.

4.

11 генв. 1858 г.

...На нашего Владыку кончина Кіевскаго произвела, кажется, глубокое впечатлѣніе: «припадите ко гробу почившаго въ Бозѣ съ послѣднимъ отъ меня на земли цѣлованіемъ благоговѣнія и любви», отвѣчалъ онъ по телеграфу на извѣстіе объ его кончинѣ. Это впрочемъ не мѣшаетъ ему пробирать нашего брата: недавно зарѣзалъ одну статью для журнала (не мою), поэтому 4-я книжка 1857 г. еще не вышла въ свѣтъ. Между тѣмъ мы имѣемъ уже нынѣшняго

года духовные журналы. «Духовная бесѣда», если будетъ походить вся на свой первый нумеръ, будетъ совершенная дрянь. Вотъ о. Іоаннь ¹⁾ такъ видно хочетъ поднять журналъ «Казанскій»: первая книжка уже вышла и составлена прекрасно!

Кажется, я не писалъ еще, что о. Ѳеодоръ выходитъ изъ Академіи: онъ поступаетъ въ члены Цензурнаго Комитета въ Петербургѣ.

5.

15 іюня 1860 г.

Что сказать вамъ новаго? Наши новости возвращаются теперь около экзаменовъ. Владыка бродитъ къ намъ часто. Въ прошедшее воскресенье онъ произвелъ, опять не сносясь съ Синодомъ, о. Александра Васильевича въ протоіерея и наградилъ набедренникомъ. Въ то же время былъ здѣсь вашъ товарищъ архим. Мисаиль, живущій въ настоящее время въ Ростовскомъ монастырѣ ²⁾; онъ ѣхалъ въ Москву лѣчиться и дѣйствительно находится въ ужасномъ положеніи,—чуть живъ. Другой архимандритъ, тоже, можетъ быть, вамъ извѣстный, Новоіерусалимскій Амфилохій, покончилъ свою карьеру и отправляется куда-то въ число братства ³⁾.

6.

4 іюля 1860 г.

...Наши дѣла покончились только 1-го числа: тогда была послѣдняя владычня конференція. Мой кліентъ по курсовому сочиненію даже поднять на одинъ номеръ выше за достоинство сочиненія, надъ которымъ я сидѣлъ не менѣе двухъ недѣль, выправляя глупости новаго магистра.

...Дѣла наши окончились благополучно. Митрополитъ былъ добръ къ намъ, но не къ студентамъ, которымъ далъ явно замѣтить свое неудовольствіе за ихъ вольность и проч. и проч. На первый публичный экзаменъ пріѣзжалъ и оберъ-прокуроръ ⁴⁾.

7.

3 ноября 1862 г.

...Насъ поздравьте съ новымъ начальникомъ. Отецъ Савва, имѣющій быть съ завтрашняго дня епископомъ Мо-

¹⁾ Іоаннь (Соколовъ), изъ магистровъ XIII курса М. А., ректоръ Казанской Академіи, впоследствии еписк. Смоленскій.

²⁾ Озеровъ. См. о немъ «Воспоминанія» М. Миловскаго въ «Русск. Архивѣ» 1893 г.

³⁾ Амфилохій (Казанскій), кандид. XIV курса М. А., впоследствии епископъ Угличскій, извѣстный археологъ.

⁴⁾ Гр. А. П. Толстой.

жайскимъ, оставилъ насъ 31 числа прошедшаго мѣсяца. Проводили его мы хорошо: и помолились и поѣли, по обычаю. Нѣсколько изъ нашихъ, въ томъ числѣ и я, ѣздили съ нимъ до Пушкина, гдѣ и простились: онъ поѣхалъ направо, т.-е. въ Москву, а мы налѣво, т.-е. домой... Нашъ новый начальникъ дѣйствительно Александръ Васильевичъ¹⁾. Каковъ онъ будетъ, какъ начальникъ, Господь вѣсть. Назначеніемъ его ни особенно довольны, ни недовольны. Но фактъ довольно важный. Въ немъ видятъ нѣкое преткновеніе для монашескаго духовенства, и потому духовенство немонашеское привѣтствуетъ его съ особеннымъ удовольствіемъ.

При происходящихъ у насъ перемѣнахъ, по случаю отъѣзда ректора, меня, кажется, ожидаетъ новая должность—библіотекаря. Не скажу, чтобы я особенно радовался этой трудной должности. Новый ректоръ будетъ читать догматику; а кто будетъ его преемникомъ по кафедрѣ, еще не извѣстно.

8.

11 окт. 1863 г.

...Простите меня ради Бога, что такъ поздно отвѣчаю на письмо ваше. Все мѣшали разныя хлопоты... Только что возвратился я изъ Москвы, какъ сюда пріѣхалъ гость—оберъ-прокуроръ нашъ²⁾. Конечно, онъ бы не помѣха написать письмо; да сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ будетъ ходить на лекціи, а у меня какъ тутъ приходилось двѣ лекціи. Стало не до писемъ. Дѣйствительно, во вторникъ явился ко мнѣ превосходительный слушатель и просидѣлъ цѣлый почти классъ,—не менѣе 50 минутъ. Человѣкъ-то я обстрѣлянный,—не скажу, чтобы струсилъ. Послѣ лекціи побесѣдовали мы съ нимъ кое о чемъ, пожали другъ другу руку и разстались. Кажись, онъ остался мной не недоволенъ. Ревность къ слушанію лекцій показалъ онъ удивительную: былъ на пяти и сидѣлъ все такъ же долго, какъ у меня. Что это значитъ, еще не знаемъ, равно какъ и того, какое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ Академіи. Но Академіей онъ занимался по преимуществу.

9.

4 мая 1864 г.

Въ великую среду пріѣхалъ сюда князь Урусовъ³⁾ на нѣсколько часовъ единственно для свиданія съ ректоромъ и со мною. Ему нужно было переговорить съ нами по од-

1) Горскій.

2) А. П. Ахматовъ.

3) Сергѣй Николаевичъ—товарищъ об.-прокурора Св. Синода.

ному секретному дѣлу, касающемуся раскола, и мнѣ поручено было составить по этому дѣлу записку. Она отняла у меня все время въ концѣ Страстной и въ началѣ Пасхи, такъ что при говѣннѣ и посѣщеніи праздничныхъ службъ нельзя было и подумать заняться чѣмъ-нибудь постороннимъ, даже письмами. Въ четвергъ на Пасхѣ отправился я въ Москву съ моимъ дѣломъ и въ пятницу, въ сопровожденіи ректора, былъ у князя, который принялъ меня чрезвычайно ласково. У него застали мы еще литургію (въ домово́й церкви), и мнѣ пришлось стоять вмѣстѣ съ аристократическими дамами, въ числѣ которыхъ была фрейлина Ея Имп. Высочества Елены Павловны—г-жа Эйлеръ: признаться сказать, чувствовалъ я себя въ своемъ оборванномъ фрачишкѣ съ бѣлыми пуговицами не очень ловко... Послѣ обѣдни занялись дѣломъ. Князь разсыпался въ благодарностяхъ, особенно, когда я поднесъ ему (и оберъ-прокурору, по порученію котораго князь и пріѣзжалъ къ намъ) свою книгу о Никонѣ. Объ этой книгѣ я еще прежде слышалъ отъ него лестный отзывъ. Кончивши дѣло, я занялся въ Москвѣ бездѣльемъ и домой возвратился только во вторникъ къ вечеру, а въ среду къ намъ пріѣхала Великая Княгиня Елена Павловна; нужно было готовиться къ встрѣчѣ Ея Высочества. Она прибыла въ половинѣ 2-го часа и послѣ обычныхъ молитвъ въ лаврѣ, посѣтила Академію. Мы представлены были въ залѣ, вмѣстѣ съ студентами. Съ нѣкоторыми, въ томъ числѣ и со мною, В. Княгиня сказала по нѣсколько словъ. А когда пошла къ студентамъ, ко мнѣ подошелъ одинъ генералъ съ объясненіемъ, что со мною желаетъ познакомиться фрейлина Ея Высочества. Это была именно г-жа Эйлеръ. Она сказала, что видѣла меня у князя Урусова и очень жалѣла, что князь тогда же не познакомилъ меня съ нею. Стала говорить о моихъ сочиненіяхъ. Между тѣмъ мы перешли въ библіотеку. Здѣсь со мной познакомилась другая старшая фрейлина, баронесса Раденъ, и говорила весьма долго—и въ библіотекѣ и у ректора въ квартирѣ. Наконецъ, я возвратился домой, очарованный любезностью вышнихъ особъ; но здѣсь ожидала меня новая неожиданность. Является управляющій Конторою Ея Величества и говорить, что Великой Княгинѣ угодно, чтобы я сопровождалъ ее въ Москву, если могу и желаю. Я, разумѣется, и могъ и желалъ. И вотъ вашъ милый сыночекъ, любезнѣйшая маменька, садится въ роскошнѣйшій царскій вагонъ, чуть не рядомъ съ Великой Княгиней: она сама назначила мнѣ ѣхать въ одномъ съ ней вагонѣ и не позволила, чтобы я снялъ пальто и шляпу! Летѣли мы быстро—всего 1 часъ 30 мин. Великая Княгиня нѣсколько времени занималась со мной разговоромъ о раскольникахъ и другихъ предметахъ. Въ Москвѣ

на станціи сама распорядилась, чтобъ я ѣхалъ съ управляющимъ ея Конторой, а во дворцѣ приказала, чтобы мнѣ отведена была квартира; когда же я замѣтилъ, что имѣю знакомыхъ, гдѣ могу провести ночь, спросила, не далеко ли это, и велѣла приготовить для меня экипажъ. Удивительная внимательность царственной особы! Черезъ полчаса позвала меня въ роскошную столовую обѣдать (это было часовъ въ 8 вечера, а изъ лавры мы выѣхали въ 6-мъ). На мѣстѣ хозяйки засѣдала молоденькая племянница Великой Княгини, кромѣ нея—три фрейлины, докторъ и я; сама Великая Княгиня съ нами не кушала, а явилась, когда подали кофе. Великая Княгиня говорила со мной около четверти часа, затѣмъ встала и отправилась во внутренніе апартаменты. Я откланялся ей и фрейлинамъ, отъ которыхъ получилъ приказаніе, по назначенію Ея Высочества, явиться во дворецъ въ слѣдующій день, въ 12 часовъ утра. Ночь мнѣ пришлось похлопотать въ отыскиваніи переплетчика, которой успѣлъ бы къ 11 часамъ слѣдующаго дня переплестъ мнѣ книги, назначенныя мною для поднесенія Великой Княгинѣ и фрейлинамъ. Слава Богу, нашелся такой, и я, наконецъ, успокоился. Въ четвергъ 30 апрѣля въ концѣ 12 часа, облеченный въ партикулярный фракъ, въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, являюсь я въ приемную Ея Импер. Высочества. Вскорѣ же камердинеръ провель меня чрезъ великолѣпную залу въ роскошный кабинетъ. Я представилъ Великой Княгинѣ мои книги. Она попросила меня сѣсть и стала разсматривать сочиненія. Рѣчь зашла сначала о Никонѣ, потомъ о расколахъ, которыми она очень интересуется, потомъ о лаврѣ, Академіи и лично обо мнѣ: спрашивала, откуда я, есть ли у меня родные и кто именно (я сказалъ, что имѣю матушку и замужнюю сестру), давно ли служу, сколько мнѣ лѣтъ (при этомъ даже комплиментъ сказала мнѣ,—что я кажусь гораздо моложе), сколько получаю жалованья, даже какъ содержу столъ! Наконецъ сказала, что если я буду что издавать, то присылалъ бы ей, а если буду когда-нибудь въ Петербургѣ, ей очень пріятно будетъ меня видѣть. Встала,—и я откланялся Ея Высочеству. Аудиенція продолжалась болѣе часу. Я зашелъ къ добрымъ фрейлинамъ, чтобы также поднести имъ сочиненія. Онѣ приняли очень ласково, поговорили со мной нѣсколько времени, и также звали въ Питеръ,—даже назначили время, когда удобнѣе пріѣхать. И вотъ, наконецъ, двери царскихъ чертоговъ затворились за мной—вѣроятно, навсегда! Точно я сонъ прекрасный видѣлъ. Но это было наяву, и я знаю, какъ вы порадуетесь моему неожиданному счастью, хотя оно и миновало. А васъ, маменька, прошу помолиться за добрую Княгиню, которая такъ обласкала меня.

10.

20 сент. 1867 г.

Старѣйшина нашъ ¹⁾ доселѣ проживаетъ въ лаврѣ, никуда, разумѣется, не выходя изъ келіи. Подстарѣйшина ²⁾ празднуетъ нынѣ 35 лѣтъ своей профессорской службы. По этому случаю мы подносимъ ему 1 окт., въ академическій праздникъ, довольно роскошный альбомъ съ нашими портретами. По справедливости говоря, онъ вполнѣ заслужилъ такую и бѣольшую честь своей ученостью, изъ которой всѣ мы черпали безпрепятственно и обильно.

11.

13 дек. 1871 г.

...О диспутѣ о. Михаила ³⁾ вы, конечно, успѣли уже прочитать въ газетахъ, а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» даже именно мое описаніе. Распространяться много объ этомъ диспутѣ я не вижу поэтому надобности. Замѣчу только, что диспутъ прошелъ очень удачно. Докторантъ держалъ себя весьма смѣло и развязно; возраженіями не затруднялся, хотя нѣкоторыхъ удовлетворительно рѣшить не могъ. Особенно живы были его пренія съ Гиляровымъ, котораго о. Михаилъ рѣшительно разбилъ, къ общему нашему удовольствію. Кіевскій митрополитъ ⁴⁾ иногда бурчалъ кое-что; нашъ пребывалъ въ совершенномъ молчаніи. Увы! я имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться, что онъ рѣшительно ничего не видитъ: представьте, что онъ принялъ меня за кіевскаго митрополита: стоя со мной рядомъ, онъ началъ разговоръ: владыко, и проч. На диспутѣ было много дамъ и нашихъ и московскихъ; но священства московскаго было очень мало, что составляетъ для него рѣшительный позоръ. Послѣ диспута мы обѣдали въ митрополичьемъ домѣ: обѣдъ устроила лавра, и очень хорошій; а новый докторъ обѣдомъ не угощалъ еще, ибо немного скупенекъ; впрочемъ, обѣщавъ покормить, когда пришлютъ докторскій крестъ.

12.

14 марта 1872 г.

...У насъ говѣть очень хорошо: и близко и службами не утомляютъ. Въ субботу, когда мы причащались, нашему ректору на сей разъ не удалось служить: наканунѣ, въ

1) Митроп. Филаретъ.

2) Ректоръ Академіи, протоіерей А. В. Горскій.

3) Лузинъ, инспекторъ Академіи.

4) Арсеній.

ночь, скончалась его старуха-мать. Сынъ, тоже старикъ уже, очень огорченъ; но утѣшается тѣмъ, что самъ лично совершилъ надъ умиравшей всѣ напутственныя христіанскія дѣйствія. Отпѣваль самъ же, въ приходской церкви, въ понедѣльникъ, а похоронилъ на нашемъ академическомъ кладбищѣ.

13.

9 апрѣля 1872 г.

...Проходящій постъ никакихъ новостей намъ не принесъ, кромѣ той, что рѣшено дѣло объ устроеніи академической церкви: будетъ намъ кланяться лаврскимъ и подчиняться ихъ капризамъ! Выстроить церковь беретъ нашъ попечитель¹⁾; впрочемъ, издержекъ большихъ не предвидится, ибо въ церковь обращена будетъ академическая зала, и слѣдовательно, нужно устроить только иконостасъ, который на рисунокъ очень изященъ, да обновить стѣны. Алтарь будетъ обращенъ на югъ. Нашъ ректоръ, великій охотникъ до церковныхъ службъ, чрезвычайно радъ этому дѣлу; рады и мы, только едва ли намъ придется долго пользоваться этими удобствами, ибо съ преобразованиемъ Академіи насъ погонять съ казенныхъ квартиръ.

14.

26 марта 1874 г.

...Вы жалуетсяь, что сообщаю мало новостей. Да ихъ и мало; притомъ невѣрныхъ я не люблю сообщеній. А вотъ теперь пожалуй и сообщу. Представилъ я диссертацию на полученіе докторской степени²⁾, и 21 числа сего мѣсяца дѣло объ ней докладывалось въ Совѣтъ. По милости Божіей, кончилось оно благополучно: отзывъ двухъ рецензентовъ—ректора и Голубинскаго³⁾, хоть и не блестящіе, но въ мою пользу; всего важнѣе, что по выслушаніи этихъ отзывовъ Совѣтъ *единогласно* призналъ диссертацию достойной того, чтобы допустить меня до публичной ея защиты. Теперь мнѣ предстоитъ новый, въ сущности не особенно важный (всего важнѣе рѣшеніе Совѣта), но довольно трудный и щекотливый подвигъ—отличаться передъ публикой на диспутѣ. Пожелайте и помолитесь, чтобы Господь помогъ мнѣ благополучно и съ честію выйти изъ этого испытанія. Время диспута еще не назначено окончательно; но думаю устроить его на мироносицкой недѣлѣ. Когда дѣло рѣшено будетъ, т.-е. окончательно назначено будетъ время диспута, увѣдомлю васъ; впрочемъ, въ газетахъ прочтете официальное

1) А. В. Толоконниковъ.

2) Исторія Бѣлокриницкой іерархіи, т. I.

3) Евген. Евс., знаменитый историкъ.

объ этомъ извѣстіе. Не питаю особеннаго уваженія къ докторству, особенно въ настоящее время, когда являются у насъ всякіе доктора, и не изъ уваженія къ этому достоинству ищу его, а ради того, что съ нимъ связана возможность получать лишнюю тысячу рублей жалованья и лишнихъ 300 р. пенсіона. А ради этого можно подвергнуть себя и всѣмъ непріятностямъ диспутанта.

15.

14 апр. 1874 г.

...О времени моего диспута я уже извѣщалъ васъ. Прошу васъ въ тотъ важный для меня день всею вашею домашнею церковію помолиться о дарованіи мнѣ потребныхъ силъ, во еже отвѣщавати вопрошающимъ. Если дѣло пройдетъ хорошо, жаль будетъ, что не было ни одного родного человека на диспутъ; а если худо, то лучше, что не будетъ никого изъ васъ. А чѣмъ дѣло кончится, не замедлю извѣстить. Да и въ газетахъ затрубятъ вѣроятно; только газетные слухи не всегда вѣрны. На диспутъ я жду очень многихъ изъ Москвы — и духовенства и мірскихъ. Предсѣдательствовать будетъ, вѣроятно, пр. Леонидъ, который очень любезно изъявилъ мнѣ на это свое согласіе. Оппонировать офиціально будутъ ректоръ и Голубинскій.

Теперь я очень занятъ. Рѣчь, слава Богу, покончилъ; остается приготовиться къ защитѣ.

16.

22 апр. 1874 г.

Изъ посланнаго мною на другой день диспута наскоро написаннаго письмаца (если только разобрали его) вы уже знаете, какъ и чѣмъ кончилось мое публичное испытаніе. За подробностями благоволите обратиться къ 97 № «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ благожелательная рука П. И. Мельникова ¹⁾ описала мой диспутъ довольно подробно и, прибавлю, съ похвалами даже слишкомъ сильными. Но ложнаго въ этомъ сказаніи нѣтъ ничего, и самая восторженность отзыва важна потому, что идетъ изъ общества, гдѣ, значитъ, диспутъ произвелъ впечатлѣніе. Съ своей стороны мнѣ остается добавить немного. Я смутился только въ первую минуту, когда вошелъ въ залу и увидѣлъ огромную массу народа; но съ той минуты, какъ взошелъ на кафедру и началъ рѣчь, посланное мнѣ Богомъ спокойствіе меня не покидало до конца, даже при неожиданныхъ и трудныхъ вопросахъ;

¹⁾ П. И. Мельниковъ, извѣстный русскій писатель, авторъ. «Въ лѣсахъ», «На горахъ» и др. произведеній (Андрей Печерскій).

только утомленіе подѣ конецъ достигло крайней степени, такъ что одному оппоненту я даже отказался отвѣчать со всею подробностью, какой требовалъ его вопросъ. Если бы диспутъ еще продлился на полчаса, я, кажется, не вынесъ бы. Дѣло въ томъ, что два дня передъ диспутомъ и въ самый день диспута я былъ совершенно боленъ и долженъ былъ лѣчиться. Обѣдъ въ комнатахъ ректора на 40 человекъ я устроилъ на свой счетъ (чего ни одинъ изъ прежнихъ диспутантовъ не дѣлалъ), частью потому, что я первый искалъ докторства по собственному желанію, а главнымъ образомъ потому, что считалъ безсовѣстнымъ вводить въ расходы ректора, который для нѣсколькихъ человекъ устроилъ бы, конечно, трапезу. Обѣдъ былъ хорошій и веселый. Пр. Леонидъ былъ чрезвычайно любезенъ со мной. Въ гостиницу мы пришли, когда тамъ уже кончался обѣдъ: встрѣтили меня именно такъ, какъ описано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—и пошли тосты, которымъ не было конца или лучше счета, шампанскаго выпито великое множество бутылокъ. Подарокъ поднесенъ мнѣ прекрасный ¹⁾).

Отрадно было видѣть, какъ многіе сочувствовали мнѣ на диспутѣ; но никто, конечно, не былъ такъ всецѣло занятъ моимъ положеніемъ, какъ дорогой мой о. Павелъ ²⁾): это замѣтили даже посторонніе, на которыхъ онъ произвелъ вообще очень сильное впечатлѣніе.

17.

3 окт. 1874 г.

Отпраздновали мы и академическій праздникъ, но—увы! на этотъ разъ очень грустно. Наканунѣ случилось у насъ ужасное событіе: за всенощной на литіи, въ то время какъ Игнатій собирался благословлять хлѣбы, стоявшій вмѣстѣ съ другими служащими нашъ о. экономъ упалъ и мгновенно скончался ³⁾). Можете представить, какъ это всѣхъ насъ поразило! На другой день и литургія была торжественная, и актъ по обычаю; но ни обѣда, ни собраній никакихъ не было. Нынѣ мы похоронили нашего бѣднаго о. эконома, который былъ совершенно на своемъ мѣстѣ—много пользы принесъ Академіи и былъ вообще хорошій человекъ; помянули его роскошнымъ обѣдомъ, который его же заботами приготовленъ былъ къ академическому празднику, а угодилъ на его похороны...

¹⁾ Массивная серебряная чернильница на мраморномъ постаментѣ.

²⁾ Знаменитый инокъ Павелъ Прусскій, борецъ противъ раскола, бывший безпоповщинскій наставникъ.

³⁾ Иером. Иринеи.

18.

8 генв. 1875 г.

...У насъ заболѣлъ опасно о. ректоръ. Всѣ Святки чувствовалъ себя дурно, а теперь даже отправился въ Москву къ тамошнимъ докторамъ. Опасаются дурного исхода болѣзни. Помилуй его Богъ!

19.

5 мая 1875 г.

Бракъ мой, за Божіимъ благословеніемъ, совершился благополучно въ назначенное время ¹⁾. Мы человѣкъ шесть-семь сидѣли за скромнымъ ужиномъ, когда получена была ваша поздравительная телеграмма. То, что вы вспомнили меня, служило для меня нѣкоторымъ вознагражденіемъ за ваше отсутствіе. Изъ Москвы я возвратился 22-го числа. Но сейчасъ же по приѣздѣ изъ Москвы меня поглотила ревизія ²⁾, такъ что и дома бывалъ рѣдко. Ревизоръ нашъ былъ, впрочемъ, весьма любезенъ съ нами. Меня встрѣтилъ какъ знакомаго, и, какъ знакомый, я два вечера сидѣлъ у него попросту и пилъ чай. На лекціяхъ у каждаго изъ насъ былъ по два раза. Повидимому, все прошло благополучно; но какія будутъ послѣдствія ревизіи—Богъ вѣсть.

20.

24 авг. 1875 г.

...Что сказать вамъ новаго? Хорошаго у насъ немного, а дурное есть. Нашъ о. ректоръ въ безнадежномъ положеніи. Новый курсъ начинаемъ безъ него, и это очень грустно.

21.

2 окт. 1875 г.

...Ко вчерашнему академическому празднику нужно было написать рѣчь, что потребовало немало работы. Праздникъ— по принятому порядку; былъ, какъ и прежде, Игнатій; но вообще праздникъ былъ не особенно торжествененъ и тѣмъ менѣе радостенъ, ибо главный начальникъ ³⁾ не могъ въ немъ участвовать. Здоровье его въ безнадежномъ положеніи; но, быть можетъ, онъ еще долго протянетъ жизнь, какъ и во-

¹⁾ Н. И. вступилъ въ бракъ съ вдовою доцента Д. А. Королькова, Екатериною Ивановною, урожденною Пospѣловой.

²⁾ Ревизія М. Академіи поручена была Синодомъ высокопреосвящ. Макарію архіеп. Литовскому.

³⁾ Ректоръ Академіи прот. А. В. Горскій.

обще бываетъ это съ людьми, страдающими этого рода болѣзнію (водянкою). Чрезвычайно жаль видѣть его въ безпомощномъ положеніи!

22.

26 окт. 1875 г.

Вы уже знаете о печальной новости, доселѣ составляющей у насъ насущный интересъ... Да, нашего о. ректора не стало: онъ скончался, какъ и жилъ, праведникомъ. Похоронили мы его съ честію, достойною такого великаго мужа, и на казенный счетъ; ибо никакого почти денежнаго состоянія онъ не оставилъ. Въ самый день кончины, однакоже, подписалъ духовное завѣщаніе, которымъ все свое малое имѣніе — немного денегъ, платье, свящ. вещи и проч., завѣщалъ своей сестрѣ, а свои великія стяжанія всѣ предоставилъ въ собственность Академіи: я разумѣю его громадную бібліотеку и не менѣе громадное собраніе разныхъ бумагъ, большею частію его собственныхъ сочиненій. Это поистинѣ сокровище! На меня, какъ на члена правленія, палъ жребій участвовать въ печальной и нелегкой, хотя весьма интересной обязанности, разбирать и описывать все имущество покойнаго. Трудно и вообразить, сколько онъ писалъ на своемъ вѣку! О чемъ и о чемъ только не дѣлалъ онъ отмѣтокъ, справокъ и даже цѣлыхъ изслѣдованій! А сколько лекцій и всякихъ ученыхъ трактатовъ! Сколько нашлось писемъ его собственныхъ (черновыхъ) къ разнымъ лицамъ и разныхъ лицъ къ нему, — лицъ знаменитыхъ въ іерархіи (начиная съ владыки Филарета) и въ наукѣ! Теперь мы только собираемъ всѣ бумаги въ связки и запечатываемъ: разобрать ихъ и привести въ порядокъ будетъ назначена особая комиссія, которой дѣла будетъ очень много, судя по тому, сколько и намъ приходится работать; вѣроятно, еще долго придется намъ заниматься этой работой. Въ девятый день совершалъ у насъ поминовеніе Алексій Рязанскій, а на 40-й пріѣдетъ Игнатій, а можетъ быть, и самъ митрополитъ, такъ какъ день этотъ совпадаетъ съ днемъ кончины владыки Филарета (19 нояб.).

...Кто будетъ нашимъ новымъ начальникомъ? Никакихъ слуховъ еще нѣтъ. Митрополитъ не представлялъ никого: ждетъ, когда его спросятъ изъ Синода. Намъ хотѣлось бы своего, наприм., Михаила или В. Д. Кудрявцева, если онъ рѣшится надѣть рясу. Но Капитолина Васильевна ¹⁾, завтрашня именная, кажется, не очень благоволитъ къ рясу. Думаютъ, какъ бы не сдѣлался ректоромъ Михаилъ Измаилычъ ²⁾.

¹⁾ Супруга проф. В. Д. Кудрявцева.

²⁾ Богословскій, протоіерей Моск. Архангельскаго собора, докторъ богословія (С.П.Б. Академіи), Владимірскій уроженецъ.

23.

30 ноября 1875 г.

...О назначеніи къ намъ ректора нѣтъ еще достовѣрныхъ слуховъ. Дѣло рѣшится, когда Синодъ будетъ въ полномъ сборѣ; а вотъ еще нашъ московскій членъ не собирался ѣхать въ Питеръ, хотя и питаетъ несомнѣнную надежду, что поѣдетъ. Вѣроятно, спросятъ и его, кого угодно ему *видѣть* Ректоромъ ввѣренной его *смотрѣнію* Академіи. Надобно полагать, что согласно и вашему желанію, назначать о. Михаила; но, быть-можетъ, предварительно предложить принять должность ректорскую Виктору Димитріевичу, который во всякомъ случаѣ рѣшилъ отказаться отъ этой чести.

Мы все еще разбираемъ бумаги о. ректора покойнаго.

Правда, что Уваровская премія присуждена мнѣ за Исторію Бѣлокр. іерархіи, но, къ сожалѣнію, неполная. Нѣкоторые изъ членовъ Академіи Наукъ писали мнѣ, что только потому не назначена полная премія, что сочиненіе не кончено,—одинъ первый томъ.

24.

30 генв. 1876 г.

...Вы, помнится, интересовались назначеніемъ новаго къ намъ ректора. Дѣло это рѣшено въ Синодѣ, хотя официальной бумаги намъ еще не прислано. Назначили, какъ и слѣдовало ожидать, о. Михаила. В. Д. Кудрявцева митрополитъ спрашивалъ чрезъ Игнатія, будетъ ли онъ согласенъ принять ректорство, если Синодъ предложитъ ему оное. В. Д. отвѣтилъ отрицательно и поступилъ, конечно, хорошо, такъ какъ могло случиться, что и при изъявленномъ съ его стороны согласіи назначили бы Михаила, за котораго именно стоялъ митрополитъ. Митрополита поддержали и другіе члены Синода, руководясь, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что Академія — въ монастырѣ, и ректоръ не-монахъ поэтому совершенно неудобенъ для нея.

Сообщилъ свящ. *Н. Миловскій*.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Е. Е. ГОЛУБИНСКАГО¹⁾.

ДѢТСТВО.

Я родился въ селѣ Матвѣевѣ, Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, въ лѣто отъ Р. Х. 1834, февраля 28-го. Отецъ мой—священникъ села Евсигній Ѳеодоровичъ Песковъ.

Не одинъ разъ при мнѣ маленькомъ мать моя со смѣхомъ рассказывала, что я явился на свѣтъ не совсѣмъ при обычной обстановкѣ. Почему-то матери нельзя было родить меня въ избѣ; 28-е февраля въ 1834 году было въ среду на масленицѣ и, вѣроятно, къ намъ уже наѣхали масленичные гости—родственники изъ ближайшихъ селъ; какъ бы то ни было, но не имѣя возможности родить меня въ избѣ, мать ушла родить на дворъ, въ коровій хлѣвъ, въ которомъ при появленіи на свѣтъ я прежде всего долженъ былъ познакомиться съ мерзлымъ коровьимъ пометомъ...

Очень рано я началъ помнить себя, хотя и не могу съ точностью обозначить времени. Первое мое воспоминаніе есть то, что сижу я въ зыбкѣ (колыбели), держусь обѣими руками за покромки, на которыхъ она повѣшена, и усиливаюсь самъ себя качать; противъ меня на лавкѣ сидитъ моя нянька, крестьянская дѣвочка лѣтъ 8—10-ти, и жестами поощряетъ меня дѣйствовать энергичнѣе.

Изъ дальнѣйшаго ряда первоначальныхъ отрывочныхъ воспоминаній приведу два воспоминанія.

Сижу я въ избѣ за столомъ на закатѣ солнца совершенно одинъ. Такъ какъ въ избѣ становится темно, то мнѣ одному дѣлается страшно, и я собираюсь заревѣть. Вдругъ слышу шумъ у нашего крыльца, затѣмъ топотъ ногъ по лѣстницѣ въ сѣняхъ; расхватываются двери избы, вбѣгаютъ въ избу мать и бабушка (материна мать) и по дорогѣ отъ дверей къ печкѣ торопливо говорятъ одна другой: «Ты бери ухватъ, а я возьму сковородникъ»... Что было далѣе не

¹⁾ Начало «Воспоминаній», предлагаемое вниманію читателей, писано самимъ Е. Е. въ самомъ концѣ прошлаго вѣка; остальное лѣтъ за пять до кончины было имъ продиктовано С. И. Смирнову. Эти «Воспоминанія» будутъ изданы въ «Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ».

помню: вѣроятно, я уснулъ, и меня соннаго снесли на постелю. На другой день я узналъ, въ чемъ было дѣло. Священство наше (а его у насъ было три священника, два дякона и шестеро дячковъ съ пономарями) возвратилось изъ деревни съ мольбы и по обычаю пьянымъ; у пьяныхъ людей завязался о чемъ-то споръ, который не замедлилъ перейти въ драку: такъ вотъ мать и бабушка, считавшія нужнымъ принять участіе въ баталіи (вѣроятно потому, что и другія женщины сдѣлали то же, такъ что сраженіе выходило вообще мужско-женскимъ), чтобы поддержать своихъ (отца и дѣдушку, — материнова отца, бывшаго пономаремъ при отцѣ), и прибѣгали въ избу за оружіемъ...

Когда я былъ маленькимъ, еще существовали въ нашей епархіи, какъ и въ другихъ епархіяхъ, духовныя правленія, представлявшія собою епархіально-уѣздныя присутственныя мѣста. Повытчики или столоначальники и канцелярскіе чиновники (приказные) этихъ правленій ежегодно, обыкновенно зимой, объѣзжали села своихъ округовъ, чтобы деньгами и хлѣбомъ собирать посильную дань съ подвѣдомага духовенства. Наше село принадлежало къ округу Солигаличскаго духовнаго правленія, и повытчикъ этого правленія, съ одной стороны, похожъ былъ на рѣшительное большинство своей братьи въ томъ отношеніи, что при этомъ собираніи дани съ духовенства и при обираніи его въ видѣ взяткоу желалъ получать и брать какъ можно болѣе, и съ другой стороны, отличался отъ большинства своей братьи тѣмъ, что не требовалъ грубо и нахально, а съ мягкой настоятельностью просилъ, и даже не просилъ, а просто-таки молилъ и умолялъ, доводя свой голосъ до дребезжанія, въ которомъ слышались слезы помирающаго будто бы съ голода человѣка. Такъ вотъ, одинъ разъ этотъ повытчикъ пріѣхалъ въ наше село и остановился у насъ, т.-е. у моего отца, на квартирѣ, такъ какъ очередь квартирнаго постоя была отцова. Собрался къ намъ весь причтъ, и послѣ выпивки (безъ которой у насъ не ступалось ни шага и о чемъ ниже) начался торгъ между повытчикомъ и нашими о томъ, что ему съ нихъ взять и что имъ ему дать. Начальный нашъ іерей, который отъ лица братіи велъ торгъ, былъ человѣкъ очень смѣлый, не робѣвшій и самого архіерея. Во всю мочь и нисколько не церемонясь, онъ обличалъ и расписывалъ побиршество и обиршество приказныхъ, отъ которыхъ-де житья нѣтъ; въ свою очередь повытчикъ, ни малѣйше не обижаясь на жестокія рѣчи, молилъ и молилъ дать то, что онъ желалъ взять; при этомъ онъ, какъ человѣкъ необыкновенно набожный (послѣ въ Солигаличѣ, ходивъ молиться въ одну съ нимъ церковь, я самъ видѣлъ это собственными глазами), непрестанно клалъ на себя большіе и истовые

кресты: торговля эта представляла необыкновенно любопытное зрѣлище, и весьма забавная сцена и сейчасъ передъ моими глазами какъ живая...

Въ порѣ перваго дѣтства я былъ мальчикъ очень живой и рѣзвый, и поэтому случались со мной и опасныя паденія съ разныхъ высотъ и получалъ я сильныя ушибы разныхъ частей тѣла. Одинъ разъ я едва не погибъ трагическимъ образомъ. Полѣзъ я по брусу съ полатей на печь и сорвался съ бруса, а на полу подъ нимъ стояла большая кадка съ водой; къ счастью своему я не упалъ прямо въ кадку, въ которой бы могъ захлебнуться, а задѣлъ подоломъ рубашки за крюкъ, вбитый брусъ для вѣшанья полотенцевъ, и повисъ надъ кадкой внизъ головой: прежде чѣмъ я сорвался съ крюка, мать, сидѣвшая на лавкѣ и занимавшаяся шитьемъ, успѣла меня схватить. Въ другой разъ я чуть не сдѣлалъ себя безъ глаза. Пошолъ я съ матерью въ амбаръ, что подъ горницей, и съ высокаго порога амбара скакнулъ внутрь его, а внутри амбара у порога лежалъ большой камень съ острыми концами: я, неудачно скакнувъ, ударился правой бровью о конецъ камня и сильно рассѣкъ ее.

Имѣю свидѣтельство, что я былъ мальчикъ острый. Отецъ возилъ меня въ гости, на храмовые праздники, къ своему отцу, а моему дѣдушкѣ, Ѳеодору Никитичу Бѣляеву, который былъ священникомъ въ селѣ, находящемся отъ нашего Матвѣева въ 20—25-ти верстахъ (Успенѣ-Нейскомъ, т.-е. на рѣкѣ Неѣ). Вмѣстѣ со мной пріѣзжалъ къ дѣдушкѣ въ гости другой его внукъ, Петръ Димитріевичъ Соколовъ, ровесникъ мнѣ, сынъ его дочери, бывшей замужемъ за причетникомъ посада Парѣеньева. Дѣдушка ставилъ насъ передъ собой и задавалъ намъ экзамень. Двоюродный братъ забивалъ пальцы въ ротъ и ничего не отвѣчалъ на вопросы дѣдушки, а только мычалъ, я же отвѣчалъ на вопросы очень бойко. Дѣдушка кончалъ экзамень приговоромъ — въ сторону двоюроднаго брата: «Ты, братъ, будешь пономаремъ», а въ сторону мою: «Ты будешь у меня академистомъ».

Помню одинъ случай, когда бойкость довела меня до дубца. Я сказалъ выше, что дѣдушка по матери жилъ въ нашемъ селѣ, состоявъ пономаремъ при отцѣ. Разъ бабушка велѣла мнѣ приходить къ ней въ гости, чтобы ѣсть лепешки, которыя она умѣла печи великолѣпно, при чемъ мастерски варила къ лепешкамъ и яйца въ смятку. Прибѣжалъ я къ бабушкѣ и засталъ ее у печи со сковородникомъ. Задала мнѣ она какой-то вопросъ. Я бойко отвѣчалъ на вопросъ и, вѣроятно, чтобы вызвать ея удивленіе къ моему молодечеству, ввернулъ какое-то матерное слово. Бабушка вытаращила глаза и спрашиваетъ: «Отъ кого это, курвинъ сынъ,

ты услышалъ?» Я отвѣчалъ, что «отъ ребятъ на улицѣ». Съ этими словами схватила меня бабушка за рубашку и потащила къ двери, къ стоявшему у нея голику, которымъ метутъ избу; выломала изъ голика дубецъ и высѣкла меня довольно порядочно. Лепешками послѣ этого все-таки накормила, а пришедши домой, я имѣлъ благоразуміе скрыть отъ матери о случившейся непріятной исторіи, иначе я по-пробовалъ бы другого дубца. Матерная брань между нами, поповскими ребятами, какъ своего рода бахвальство, была весьма распространена, и въ другой разъ порядкомъ досталось за нее отъ отца моимъ волосамъ. Какъ часто меня сѣкли, не могу сказать, но думаю, что не часто, потому что, кромѣ рассказаннаго случая, помню еще и всего одинъ; это — когда отецъ высѣкъ меня за то, что я, отыскивая себѣ что-то, уронилъ полку съ посудой и почти все, что было на полкѣ, перебилъ.

Разъ я подвергался опасности сгорѣть. Были мы съ работницей въ овинѣ, когда въ немъ сушили хлѣбъ, и мы заснули. Вдругъ загорѣлась стѣна овина снаружи отъ искры, попавшей въ пазъ. Изъ дома замѣтили, что овинъ горитъ, побѣжали тушить, а обо мнѣ забыли. Но, къ счастью, скоро вспомнили и выхватили меня, пожаръ же потушили квасной гущей, какъ посовѣтовали плотники, тогда у насъ работавшіе.

Когда исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, отецъ началъ учить меня грамотѣ. Исторію этого ученія грамотѣ, какъ оно началось, какъ производилось и долго ли продолжалось, очень плохо помню. Заключаю только на основаніи также внѣшняго свидѣтельства, что выучился я грамотѣ сравнительнымъ образомъ скоро. Разъ, когда я сидѣлъ за книгой и упражнялся въ чтеніи, пришелъ къ отцу по дѣламъ службы сосѣдъ дьяконъ. Отца дома не было. Увидавъ меня за книгой, дьяконъ попросилъ меня почитать. Когда я почиталъ ему, онъ сказалъ: «Ну, братъ, ты читаешь славно, а мой олухъ (дьяконовъ сынъ, мой сверстникъ, Менюха, рѣчь о которомъ ниже, начавшій учиться грамотѣ въ одно время со мной) еще не въ зубъ толкнуть».

Изъ одного случая, который остался въ памяти, слѣдуетъ, что дѣло при ученіи грамотѣ не обошлось безъ слезъ. Разъ въ великомъ постѣ отецъ разсердился на меня за плохо приготовленный мной урокъ чтенія. Отправляясь въ церковь за обѣдню, онъ наказалъ мнѣ хорошо приготовить старый урокъ и къ старому уроку прибавилъ новый очень большой. Я увидѣлъ, что мнѣ никакъ не справиться съ уроками и заревѣлъ; мать моя, которая сама не могла помочь мнѣ, потому что была совсѣмъ безграмотна, послала меня къ теткѣ — своей младшей [сестрѣ Марьѣ Козминичнѣ, дѣвицѣ,

которая была очень грамотна ¹⁾. Я побѣждалъ къ теткѣ, которая дѣйствительно помогла мнѣ приготовить уроки, но не къ концу обѣдни, а лишь къ вечеру; до этого послѣдняго я оставался у дѣдушки, боясь показаться на глаза отцу; передъ ужиномъ уже самъ отецъ пришелъ за мной, сообщивъ мнѣ, что въ награду за мое прилежаніе меня ожидаетъ на ужинъ великолѣпная налимья уха ²⁾. Книга, по которой я упражнялся въ чтеніи, была знаменитая въ то время книга, — по крайней мѣрѣ, между священниковъ нашей мѣстности (и если не ошибаюсь, и доселѣ знаменитая между грамотными людьми изъ простого народа): «Путь къ спасенію» Феодора Эмина, напечатанная въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1780 году, и потомъ много разъ перепечатываемая. Краснорѣчіе книги, состоящей изъ 8-ми размышленій, первое изъ которыхъ начинается словами: «Опомнися, въ свѣтскихъ роскошахъ погруженная, душа моя!» приводило въ восхищеніе обоихъ насъ — и отца и меня.

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, отецъ началъ помышлять о томъ, чтобы отвезти меня въ училище.

Первымъ вопросомъ для него при этомъ было: какую дать мнѣ фамилію. Въ то время фамиліи у духовенства еще не были обязательно наслѣдственными. Отецъ носилъ такую фамилію, а сыну могъ дать, какую хотѣлъ, другую, а если имѣлъ нѣсколько сыновей, то каждому свою особую (Костромской архіерей Платонъ прозывался Оивейскимъ, а братья его — одинъ Казанскимъ, другой Боголюбскимъ, третій Невскимъ). Дѣдушка, отцовъ отецъ, прозывался Бѣляевымъ, а отцу, въ честь какого-то своего хорошаго знакомаго, представлявшаго изъ себя маленькую знаменитость, далъ фамилію Пескова. Но отцу фамилія Песковъ не нравилась (подозрѣваю — потому, что, учившись въ училищѣ и семинаріи очень не бойко, онъ слыхалъ отъ учителей комплиментъ, что у тебя-де, братъ, голова набита пескомъ), и онъ хотѣлъ мнѣ дать новую фамилію, и именно фамилію какого-нибудь знаменитаго въ духовномъ мірѣ челоуѣка. Бывало, зимнимъ вечеромъ ляжемъ съ отцомъ на печь сумерничать,

¹⁾ Марья Козминична — мать Петербургскаго протоіерея Феодора Семеновича Левашова.

²⁾ Дѣдъ мой Козма Васильевичъ былъ образцовый хозяинъ и зажиточный челоуѣкъ. Своихъ трехъ дочерей онъ устроилъ очень хорошо: двухъ выдалъ за священниковъ, а третью за академика, учителя Макарьевского училища, Александра Ивановича Красовскаго, переведеннаго въ профессора Вятской семинаріи, по смерти жены постригшагося въ монашество съ именемъ Амвросія и бывшаго ректоромъ Вятской семинаріи. Тетушка Марья, умная дѣвушка, довольно долго проживала у Ал. Ив. и во время житія обучилась грамотѣ, научилась шить, вышивать, низать бисеромъ. Изъ Вятки она вывезла городскую одежду — капоть и чепецъ. Въ нихъ она одѣвалась въ большіе праздники, возбуждая въ крестьянахъ удивленіе къ своему наряду: когда она въ капоть и чепецъ шествовала изъ церкви, ее сопровождала цѣлая толпа крестьянскихъ дѣвицъ и дѣвочекъ. Она была замужемъ за священникомъ села Николы на Межахъ Семеномъ Феодоровичемъ Левашовымъ.

и онъ начнетъ перебирать: Голубинскій, Делицынъ (который былъ извѣстенъ какъ цензоръ духовныхъ книгъ), Терновскій (разумѣлъ отецъ знаменитаго въ свое время законоучителя Московскаго университета, доктора богословія, единственнаго послѣ митроп. Филарета), Павскій, Сахаровъ (разумѣлъ отецъ нашего костромича и своего сверстника, Евгенія Сахарова, бывшаго ректоромъ Московской Духовной Академіи и скончавшагося въ санѣ епископа Симбирскаго; рѣчь о немъ ниже), заканчивая свое перечисленіе вопросомъ ко мнѣ: «Какая фамилія тебѣ болѣе нравится?» Послѣ долгаго раздумыванія отецъ остановился, наконецъ, на фамиліи Голубинскій. Кромѣ того, что Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій, нашъ костромичъ, былъ самый знаменитый чело-вѣкъ изъ всѣхъ, перечисленныхъ выше, выборъ отца, какъ думаю, условливался еще и тѣмъ, что братъ Ѳеодора Александровича, Евгеній Александровичъ, былъ не только товарищемъ отцу по семинаріи, но и былъ его пріятелемъ и собутыльникомъ (еще во время ученія въ семинаріи оба были весьма не дураки насчетъ водки, какъ большая часть семинаристовъ)¹⁾.

(Когда мы учились въ послѣднемъ классѣ училища, изъ семинаріи пришло предписаніе отобрать у всѣхъ произвольно данныя фамилія и дать имъ отцовскія фамиліи. Мы весьма сокрушались и нѣкоторые плакали. Одинъ изъ товарищей прозывался Сперанскимъ, а отцу его была фамилія Овсовъ, и онъ очень плакалъ, не желая превращаться изъ Сперанскаго въ Овсова. Но остается для меня совершенно неизвѣстнымъ, почему мнѣ фамилія была не переменена: въ то время, какъ моего брата младшаго Александра превратили изъ Голубинскаго въ Пескова, меня оставили съ громкой фамиліей).

Вторымъ вопросомъ для отца при сборахъ повезти меня въ училище былъ вопросъ о томъ, въ какое училище меня отдать. Приблизительно въ одинаковомъ разстояніи отъ нашего села находятся три училища: Галичское, Солигаличское и Макарьевское. Макарьевъ, очень хорошо извѣстный нашимъ сельскимъ торговцамъ, которые покупали въ немъ свои товары (закупавшіеся въ свою очередь на близкой къ нему и соединенной съ нимъ воднымъ путемъ Нижегородской ярмаркѣ), былъ городъ совершенно неизвѣстный и такъ сказать совершенно чуждый нашему духовенству, по каковой причинѣ отцу предстояло выбирать собственно между двумя училищами—Галичскимъ и Солигаличскимъ. Галичъ нѣсколько ближе къ нашему селу Солигалича; онъ лежитъ на

¹⁾ Е. А. Голубинскій послѣ былъ дьякономъ при одной изъ приходскихъ церквей Костромы и, кажется, померъ дьякономъ.

дорогъ изъ Матвѣева въ Кострому, и можно было вмѣстѣ возить дѣтей и въ училище и въ семинарію. Съ Галичемъ весьма живыя сношенія у нашего прихода, ибо наши крестьяне по зимамъ ѣздятъ въ Галичъ съ хлѣбомъ чуть не на каждый недѣльный торгъ, тогда какъ съ Солигаличемъ, къ правленію котораго, передъ самымъ тѣмъ, какъ везти меня отцу въ училище, закрытому, принадлежало наше село, вовсе не было подобныхъ живыхъ сношеній, и однако отецъ рѣшилъ свой выборъ въ пользу Солигалича. Въ то время, какъ предстояло отцу везти меня въ училище, въ нашемъ трехклерномъ селѣ (т.-е. селѣ, духовенство котораго состояло изъ трехъ священниковъ, двухъ дьяконовъ и шести дьячковъ съ пономарями) было достаточное количество учениковъ училища, при чемъ одна часть училась въ Галичскомъ, другая въ Солигаличскомъ. Въ первомъ училищѣ учились дѣти двухъ другихъ священниковъ села, а во второмъ учились дѣти дьячковъ: предпочтеніе дьячками Солигалича Галичу условливалось тѣмъ, что въ Солигаличѣ было нѣсколько дешевле, чѣмъ въ Галичѣ, квартирное содержаніе учениковъ. Но причиной, по которой отецъ рѣшилъ вопросъ о выборѣ училища въ пользу Солигалича, была не сравнительная дешевизна, ибо она не имѣла для него, состоятельнаго священника, значенія. Причиною предпочтенія онъ выставлялъ мнѣ то, что, по его свѣдѣніямъ, въ Солигаличѣ лучше учили и лучше сѣкли, чѣмъ въ Галичѣ. Относительно послѣдней причины предпочтенія Солигалича Галичу отецъ вовсе не секретничалъ со мной, а добродушно толковалъ мнѣ, что лучше будутъ сѣчь, лучше будетъ потомъ, что вообще это лучше... На самомъ дѣлѣ причина предпочтенія Солигалича Галичу могла быть иная. Мой отецъ, великій лѣнтяй, учился въ двухъ училищахъ—Галичскомъ и Солигаличскомъ; изъ котораго-то онъ былъ исключенъ и перевезенъ былъ дѣдушкой въ другое. Можетъ быть, Солигаличское училище оставило въ немъ лучшія воспоминанія.

Прежде чѣмъ отецъ отвезъ меня въ училище, постигло насъ великое несчастіе: 27-го декабря 1842 года скончалась матушка. Послѣ родовъ она какъ-то простудилась, и жестокая горячка въ недѣлю съ небольшимъ свела ее въ могилу. У отца осталось насъ трое: я, младшій меня братъ 4-хъ или 5-ти лѣтъ и сестра всего шестинедѣльная. Никакой отецъ не можетъ замѣнить матери, а тѣмъ болѣе отецъ, весьма жалующій водку, каковъ былъ мой отецъ вмѣстѣ со всѣми нашими духовными. Приѣхала было къ намъ бабушка, отцова мать (тогда уже похоронившая дѣдушку); но и она недѣли черезъ четыре послѣ матери отправилась вслѣдъ за ней на тотъ свѣтъ. Впрочемъ, если бы она была и жива, то благодаря приверженности отцовой къ водкѣ не осталась бы у

насъ жить. Съ другой бабушкой, материной матерью, изъ-за той же водки были плохіе лады съ отцомъ, да скоро, похоронивъ дѣдушку, умершаго послѣ матушки черезъ полгода, та и совсѣмъ уѣхала изъ нашего села, чтобы жить то у сына, бывшаго діакономъ въ селѣ Палкинѣ, верстахъ въ 50-ти отъ насъ, то у другой дочери Марьи Козминичны, бывшей за священникомъ Левашовымъ въ селѣ Никола на Межахъ, верстахъ въ 100 отъ насъ. Быть стряпухой и вообще домоправительницей, насколько это домоправленіе составляетъ женскую часть, взята была крестьянская старуха, бабушка Аксинья, которая и повела свою часть домоправленія, разумѣется, по-крестьянски... Смерть матери сильно повліяла на меня: изъ мальчика рѣзваго я сдѣлался замкнутымъ и нелюдимымъ, начавъ чуждаться сверстниковъ и игръ. Это же обстоятельство было источникомъ уязвленій для моего самолюбія. Бабушка Аксинья повела хозяйство на крестьянскій манеръ. Когда возили меня въ училище, она напекала мнѣ подорожниковъ такихъ, что я долженъ былъ съѣдать ихъ потихоньку, скрывать, боясь насмѣшекъ товарищей. Одинъ разъ я даже разбросалъ ихъ. То же и относительно бѣлья—изъ толстаго холста, приготовлено кое-какъ. О праздникахъ приготовленіе стола грубое, не какъ у людей. Я боялся осрамиться передъ гостями и изъ-за этого иногда уклонялся отъ круговыхъ пирушекъ (хожденіе другъ къ другу между семинаристами села: насъ семинаристовъ было много въ селѣ,—заполоняли весь правый клиросъ; по праздникамъ мы другъ съ другомъ обычно перегащивались). Вовсе не могу я пожаловаться, чтобы отецъ не заботился о насъ, но... но безъ матери стало намъ и все время, пока мы росли, было намъ плохо...

Прежде чѣмъ обращаться къ моему ученью въ училищѣ, я сдѣлаю нѣкоторое сообщеніе о нашемъ сельскомъ духовенствѣ, среди котораго протекло мое дѣтство, и повести рѣчи о которомъ въ моемъ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду имѣть подходящаго мѣста.

Я уже не одинъ разъ говорилъ, что духовенство нашего села, бывшаго трехклирнымъ, состояло изъ трехъ священниковъ, двухъ діаконъ, трехъ дьячковъ и трехъ пономарей (теперь село двухклирное, ибо послѣ меня часть прихода отдѣлена въ особый приходъ). Кругомъ насъ были большіе приходы—трехклирные и двухклирные. И духовенство всѣхъ приходовъ (какъ, впрочемъ, и рѣшительнѣйшее большинство духовенства всей епархіи и едва ли не рѣшительнѣйшее большинство духовенства всей Россіи, по крайней мѣрѣ—сѣверной), безъ преувеличенія можно и должно сказать, предано было безмѣрному пьянству или совсѣмъ погружено было въ пьянство. Пьяный годъ священниковъ нашего села,

начиная его съ Пасхи, былъ таковъ. Въ самый день Пасхи послѣ обѣдни, подѣливъ между собою отрѣзы отъ приносившихся прихожанами въ церковь куличей (которые называются у насъ пасхами, въ крестьянскомъ выговорѣ пасками) ¹⁾ и набранныя съ отрѣзами отъ куличей крашенныя яйца, священники (разумѣю подъ ними весь вообще причтъ) брали иконы и шли славить Христа по самимъ себѣ,—сначала къ старшему священнику, потомъ ко второму, потомъ къ третьему и такъ далѣе. У старшаго священника какъ будто предлагался братіи обѣдъ, а въ слѣдующихъ домахъ — большая закуска. Я сказалъ, что «и такъ далѣе», но это «и такъ далѣе» бывало не весьма часто и во всякомъ случаѣ простиралось не весьма далеко: наибольшую частію хожденія кончались третьимъ священникомъ, очень рѣдко они достигали перваго діакона и еще рѣже второго, а чтобы достигали они и до перваго дьячка, это какъ будто никогда не бывало. Хожденія оканчивались далеко не оконченными потому, что послѣ закуски у третьяго священника люди оказывались въ такомъ положеніи, что и до домовъ своихъ могли кое-какъ добираться только при помощи женъ. А другіе не добирались до-дома и гдѣ-нибудь валялись. Пасхальную вечернюю служили кое-какъ. Только начальный іерей Елизаровъ (родной дѣдъ по отцѣ извѣстному писателю Василю Васильевичу Розанову) былъ крайне крѣпокъ: сколько ни пилъ, нельзя было замѣтить, что онъ пьяный. Со втораго дня Пасхи начиналась слава по приходу, и такъ какъ приходъ нашъ былъ очень большой, состоявшій изъ 30 слишкомъ деревень, разбросанныхъ притомъ же на значительномъ пространствѣ, то слава продолжалась очень долго. А славить для нашего духовенства значило пить и пить и напиваться каждый день къ вечеру до совершеннаго положенія ризъ. Послѣ славы настаютъ такъ называемыя мольбы. Мольбами называются у насъ деревенскіе праздники: каждая деревня имѣетъ по своему собственному празднику, многія имѣютъ ихъ по два, а нѣкоторыя даже и по три, и наибольшая часть этихъ праздниковъ приходится на лѣто. Въ день праздника священникъ съ причтомъ пріѣзжаетъ въ деревню, служить въ деревенской часовнѣ всенощную (сокращенно) и молебенъ, совершаетъ крестный ходъ вокругъ деревни и потомъ, послѣ обѣда въ отведенной ему квартирѣ, ходитъ по домамъ деревни со святою водой и у желающихъ служить домовые молебны. Если бы священникъ или кто-нибудь изъ причта не напился въ деревнѣ къ вечеру праздника какъ слѣ-

¹⁾ И которые имѣютъ у насъ или, по крайней мѣрѣ, имѣли въ мое время, не ту форму, что подъ Москвой, а именно—форму довольно высокихъ пирамидъ, которыя состояли изъ наложенныхъ одинъ на другой и постепенно уменьшавшихся въ объемъ круговъ.

дуетъ, то на это посмотрѣли бы всѣ какъ на чудо,—а наши священноіереи чудесъ творить вовсе не желали. Домовые молебны днемъ пьяные священники съ причетниками еще служили кое-какъ. Но состоятельные крестьяне изъявляли желаніе служить у себя въ домахъ всенощныя въ вечеру праздника. И, Господи, что это бывали за всенощныя: иногда священникъ едва стоялъ и кое-какъ бормоталъ возгласы; иногда же и не могъ стоять самъ собой и былъ поддерживаемъ съ обѣихъ сторонъ, а возгласы,—первое слово да послѣднее или немного болѣе! А, Боже мой, какъ пѣли пьяные дьячки, вспомогаемые пьяными стариками!

Съ окончаніемъ молебъ кончался на время періодъ пьянства и съ осени примѣрно до половины Рождественскаго поста наставалъ періодъ выпиванія. Наибольшая часть нашихъ крестьянъ ходитъ «на городъ»—на плотничную работу въ Петербургъ, Казань, Нижній и единично разные другіе города. Такъ какъ всѣ мужики возвращаются съ работы домой около одного времени, то и бабы наши родятъ около одного времени,—это время есть осень. При очень большой величинѣ нашего прихода, имѣвшаго на трехъ священниковъ около двухъ тысячъ мужского пола, и крестинъ у насъ бывало очень большое количество. Поѣхать въ деревню на крестины всегда по каторжной дорогѣ, ибо таковы дороги наши осенью, и иногда въ каторжную погоду, и не выпить при этомъ возможно лучшимъ образомъ было бы до крайней степени странно, такъ какъ возможно хорошая выпивка при данныхъ обстоятельствахъ (дорога или же вмѣстѣ дорога и погода) не только была извинительна, но и прямо требовалась благоразуміемъ. Прекращалась или не прекращалась выпивка за нѣкоторое время до Рождества Христова, это зависѣло отъ обстоятельствъ: не было требъ,—прекращалась выпивка; были требы,—не прекращалась. Послѣ Рождества Христова опять слава, при которой большее пьянство, чѣмъ при пасхальной славѣ, ибо о Пасхѣ изъ прихожанъ находились дома только старики и не пошедшіе «на городъ» малосемейные, а о святкахъ всѣ мужики были налицо и многіе изъ нихъ съ принесенными «съ города» большими деньгами. Послѣ славы—свадьбы, которыя обильно орошались водкою со стороны духовенства два раза—при ихъ такъ называемомъ укладываніи¹⁾ и при самомъ вѣнчаніи. Въ нашемъ очень большомъ приходѣ также очень помногу бывало свадебъ, какъ и крестинъ,—у каждаго священника рѣдкій годъ менѣе 15-ти свадебъ, а въ иной годъ и по 20-ти—по 25-ти. Свадьбы наиболѣе пригонялись къ послѣдней недѣлѣ мясоѣда (такъ

1) Укладываніемъ называется уговоръ крестьянина съ причтомъ относительно времени вѣнчанія и расплата за свадьбу, дѣлавшаяся впередъ. ▯

какъ ранѣе не управлялись съ приготовленіями къ нимъ), почему и вѣнчаемо было каждымъ священникомъ свадьбы по три, по четыре въ день. Свадебные поѣзда, пріѣзжавшіе въ домъ священника, привозили съ собою закуску и водку и угощались послѣ вѣнчанья. Если новобрачный давалъ лишній полтинникъ, то попы говорили новобрачнымъ рѣчи, начинавшіяся словами: «Нововѣнчанная чета!» Эти рѣчи откуда-нибудь заимствованы. Первое браковѣнчаніе, предшествуемое небольшою выпивкой, совершалось довольно какъ быть; второе браковѣнчаніе послѣ основательной выпивки совершалось весьма съ грѣхомъ пополамъ, а третье браковѣнчаніе послѣ второй основательной выпивки совершалось уже рѣшительно Богъ знаетъ какъ... Масленица составляла собственный праздникъ священниковъ, который они справляли съ возможно обильными возліянїями между собой и съ своими гостями. На великій постъ прекращалось пьянство священниковъ (хотя представлявшихся единичныхъ случаевъ выпивки священники не могли опускать), а затѣмъ начинался новый пьяный годъ...

Много куролесили въ пьяномъ видѣ наши священники, и можно было бы рассказать о нихъ большое количество анекдотовъ. Ограничусь однимъ, въ которомъ замѣшана нечистая сила и который имѣетъ научное значеніе. Разъ зимой въ полночь, когда спали, раздается сильный стукъ подъ окномъ нашей избы. Всѣ мы въ испугѣ пробудились, и отецъ побѣжалъ къ окну. Подъ окномъ сосѣдка наша дьяконица кричала: «Батюшка, Христа ради встань». Отецъ побѣжалъ на крыльцо и спрашиваетъ дьяконицу: «Что ты?»—«Кормилецъ,—отвѣчаетъ дьяконица, хныча,—пропалъ мой дьяконъ; онъ ѣздилъ съ отцомъ Никитой¹⁾ на крестины въ Н. деревню; назадъ везъ ихъ мальчикъ; о. Никита пріѣхалъ домой, а дьяконъ слѣзъ у мальчика съ саней и куда-то пропалъ». Отецъ бросился къ начальному священнику (отецъ былъ тогда младшимъ священникомъ). Начальный іерей тотчасъ же сбиль пономарей и послалъ ихъ искать дьякона. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ, по рассказамъ мальчика, дьяконъ слѣзъ у него съ саней, пономари начали кричать. Довольно долго кричали они понапрасну, наконецъ, издалека началъ доноситься до нихъ весьма жалобный голосъ дьякона. Пошли они на голосъ и нашли дьякона въ лѣсной чащѣ, примѣрно въ трехъ четвертяхъ версты отъ дороги, стоящимъ по воротъ въ снѣгу и ревушимъ. Взяли его пономари и привезли домой. Когда онъ совсѣмъ прочухался (отрезвился) и проспался, спрашиваютъ его: «Что съ тобой сдѣлалось и зачѣмъ ты попалъ въ лѣсъ?» Онъ отвѣчалъ: «Когда мы ѣхали

¹⁾ Никита Петровичъ Птицынъ—второй нашъ священникъ.

съ о. Никитой, нагналъ насъ сзади NN (дьяконъ назвалъ по имени и по отчеству знакомаго крестьянина); онъ похлопалъ меня по спинѣ и говоритъ: «Полно, дьяконъ, ѣхать, вставай-ка, пойдемъ»; я всталъ, понюхали мы изъ одной табакерки табаку и пошли сначала за санями, а потомъ въ сторону; вель онъ меня—вель въ сторону, довелъ до этого мѣста, захохоталъ и пропалъ».

Прибавлю про этого дьякона, весьма любопытнаго въ своемъ родѣ человѣка и о которомъ мнѣ придется упоминать и ниже, еще анекдотъ, уже безъ чертовщины. Въ Преображеневъ день поѣхалъ дьяконъ на мольбу въ деревню, отстоящую отъ села на четыре версты. На другой день возвратились изъ деревни священникъ и причетники, а дьякона нѣтъ. Ждетъ дьяконица день, ждетъ другой, а дьякона все нѣтъ, какъ нѣтъ, между тѣмъ люди сѣютъ озимое. Побѣжала дьяконица въ деревню и нашла дьякона предсѣдательствующимъ въ компаніи стариковъ, которые, за выпитіемъ всей водки и даже всего пива, допивали брагу. Схватила дьяконица дьякона за волосы и вытащила изъ-за стола,—она была женщина очень мужественная, настоящая бабелина, а онъ былъ человѣкъ тщедушный. Осѣдлала дьяконица лошадь, положила на нее мѣшокъ съ насбиранымъ печенымъ хлѣбомъ, посадила на нее дьякона, взяла поводъ въ руки и, ведя лошадь на поводу, пошла домой. Шла она и приговаривала: «Вотъ я тебѣ, пьяница, вотъ я тебѣ, чихирь!» Но дьяконъ придумалъ свою остроумную штуку. Когда они вступили въ лѣсокъ, находящійся между деревней и селомъ, онъ улучилъ минуту,—сбросилъ съ лошади мѣшокъ съ хлѣбомъ, вырвалъ у дьяконицы поводъ, хлеснулъ ее имъ, быстро повернулъ лошадь въ сторону и во всѣ лопатки поскакалъ по лѣсу... Дьяконица заорала было: «Дьяконъ расподлецъ»... но дьякона-подлеца и слѣдъ простылъ. Возвратилась дьяконица въ село съ мѣшкомъ хлѣба на спинѣ, а дьяконъ уѣхалъ въ находящееся верстахъ въ 15-ти отъ насъ село на праздникъ. Подождала его дьяконица дня четыре и опять отправилась за дьякономъ, взявъ у сестры-дьячихи лошадь, запряженную въ навозную двухколесную ящикообразную телѣгу¹⁾. О походе дьякона узнало все село, и результата вторичной экспедиціи за нимъ дьяконицы ждали съ нетерпѣніемъ. Когда появилась она въ сельскомъ полѣ съ своей телѣгой, въ которой лежалъ дьяконъ, чуть ли не привязанный, и къ которой сзади привязанъ былъ его такъ сказать боевой конь, то мальчишки оповѣстили всѣхъ и ему, дьякону, была устроена триумфальная встрѣча...

¹⁾ Это телѣга съ подъемнымъ задомъ, который по приѣздѣ на поле поднимается (вынимается), чтобы можно было крюкомъ выгребать изъ нея навозъ.

Какъ только сойдутся попы, такъ непременно рѣчь о томъ, какъ бы устроить выпивку. Надо сказать, духовенство наше жило дружно: никакихъ ссоръ не было. Помню разъ, собралъ я отца въ поле сѣять; когда онъ вернулся, я вышелъ, чтобы принять отъ него лошадь, и замѣтилъ, что отецъ мой пьянъ. Это меня удивило. Оказалось, что, выѣхавъ сѣять, отецъ нашелъ пашущихъ человѣка три-четыре изъ причта. Сейчасъ же послали за водкой, и всѣ напились, какъ водится.

Противъ порока пьянства духовная власть принимала однѣ бумажныя мѣры, но какъ онѣ вліяли на наше духовенство, можно видѣть изъ слѣдующаго. Разъ, во время возки сноповъ съ поля, уставъ отъ складыванія сноповъ, мы сидѣли, отдыхая на берегу ладони (тока). Вдругъ является передъ отцомъ, который тогда былъ старшимъ священникомъ, рассыльный отъ благочиннаго съ бумагой въ рукѣ. Въ бумагѣ содержалось извѣщеніе отъ благочиннаго, что полученъ изъ Синода строжайшій указъ относительно поведенія священниковъ и что онъ (благочинный) скоро явится въ село. Отецъ прочиталъ бумагу и, съ улыбкой передавая ее мнѣ, сказалъ: «Знаешь, что это значитъ? Когда благочинный пріѣзжаетъ по обыкновеннымъ дѣламъ, то мы ставимъ на соборъ по четверти, а такъ какъ онъ пріѣдетъ по необыкновенному дѣлу, то придется поставить полведра».

Не знаю, какъ теперь живетъ духовенство нашего села и нашей мѣстности¹⁾. А что касается до моихъ сверстниковъ, то они были еще хуже нашихъ отцовъ. Отцы пили, но не умирали отъ водки, а изъ сверстниковъ моихъ, бывшихъ священниками въ нашей мѣстности, трое или четверо преждевременно отправились на тотъ свѣтъ отъ водки...

Сообщилъ проф. С. Смирновъ.

Евгеній Евсигнѣвичъ передъ смертью.

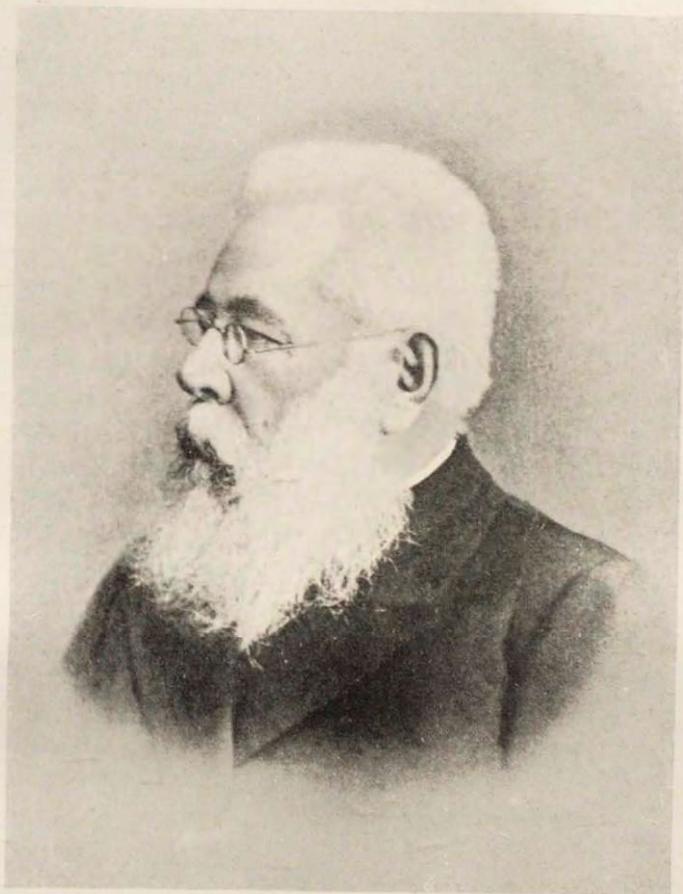
(Записано профессоромъ С. И. Смирновымъ.)

6-го янв. 1912 г. вечеромъ я услышалъ отъ Песковых²⁾, что Е. Е. Голубинскій приказалъ принести въ комнату къ себѣ восковую зажженную свѣчу и поставить ее передъ образомъ преп. Сергія, а себѣ на голову положить свою книгу о преп. Сергіи. Я понялъ, что онъ почувствовалъ приближеніе смерти.

7-го я рѣшилъ побывать у больного³⁾ учителя и проститься съ нимъ. Около четырехъ часовъ я подѣхалъ къ его дому. Раздѣлся внизу и сидѣлъ, чтобы нагрѣться съ

¹⁾ Увѣряютъ меня, будто лучше, и будто теперь уже нѣтъ прежняго пьянства.

²⁾ Сергій Александровичъ Песковъ, священникъ въ Сергіевомъ посадѣ, племянникъ Е. Е. Голубинскаго.

Простав:
и производил
1882 года
Ляля Мелароучиц
р. Мелароучиц и сестры
Ляля, а с своей сестрой
Ляля горюет поминает
и сестры расстается.

Е. Г. Баскин

мороза. Поднявшись вверхъ въ комнату, гдѣ лежалъ Е. Е., я увидалъ тамъ его племянницу А. М. Пескову и экономку Арину Аванасьевну. Женщины стояли у постели. Комната освѣщалась восковой свѣчой передъ иконой преп. Серафима Саровскаго. Больной лежалъ повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и отрывисто громко дышалъ съ хрипами. Я постоялъ у теплой печки, чтобы еще отогрѣться, узналъ, что больной въ памяти, и подошелъ къ нему.

— Евгеній Евсигнѣвичъ, здравствуйте! Узнаете?

— Нѣтъ.

— Сергѣй Ивановичъ. Пришелъ навѣстить васъ.

— Вамъ не велѣли... (т.-е. не велѣли выходить, — я только что оправился отъ болѣзни).

— Нѣтъ, мнѣ теперь позволено выходить.

Я взялъ руку больного, хотѣлъ прощупать пульсъ, но не могъ найти пульса, — онъ былъ такъ слабъ, что я не слышалъ его.

Рука холодѣла. Больной слабо пожималъ мою руку, какъ будто бы хватался за нее, и едва внятно спрашивалъ:

— Ваша рука?

А. М. Пескова замѣтила:

— Это онъ ласкаетъ тебя.

Затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя никто не разобралъ.

— Вамъ пора спать, — наконецъ, разобралъ я и отвѣтилъ, что еще рано мнѣ спать.

— Мнѣ хочется спать! — услышалъ я.

Я сказалъ, что, вѣроятно, надоѣлъ я ему, и началъ прощаться съ умирающимъ. Я поцѣловалъ его длиннымъ поцѣлуемъ въ губы, потомъ правую руку, которая написала «Исторію русской Церкви», и вышелъ. Это было въ 5 часовъ вечера.

Въ 12-мъ часу ночи 7-го января Е. Е. тихо скончался.

С. Смирновъ.

8 янв. 1912 г.

ПРОФЕССОРЪ И. Н. КОРСУНСКІЙ.

Иванъ Николаевичъ Корсунскій былъ сынъ бѣднаго псаломщика Тульской епархіи. По окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи въ 1874 году, онъ около пяти лѣтъ служилъ въ Тулѣ въ должности сначала преподавателя греческаго языка, а потомъ смотрителя духовнаго училища. Въ 1879 году онъ перешелъ на должность бібліотекаря въ родную Академію, гдѣ сразу же взялся за большой и весьма нелегкій трудъ — составленіе систематическаго каталога бібліотеки, и за десять лѣтъ успѣлъ составить и напечатать пять выпусковъ его, содержащихъ въ себѣ весь обширный богословскій отдѣлъ бібліотеки. Не довольствуясь этимъ, онъ черезъ годъ послѣ вступленія своего на академическую службу занялъ въ Академіи еще должность преподавателя греческаго языка—сначала въ качествѣ адъюнкта при покойномъ ректорѣ Академіи протоіереѣ С. К. Смирновѣ, а потомъ и въ качествѣ самостоятельнаго профессора, и эту должность занималъ почти до послѣднихъ дней своей жизни—съ 1891 года въ качествѣ экстраординарнаго профессора, а съ 1898 года и ординарнаго. Въ должности же бібліотекаря онъ пробылъ до осени 1884 года.

Но какъ ранѣе бібліотечная, такъ и теперь профессорская дѣятельность не могли удовлетворить неутомимой и разносторонней натуры И. Н. Онъ усердно и добросовѣстно занимался своимъ предметомъ, и плодомъ этихъ занятій явились, между прочимъ, нѣсколько обширныхъ трудовъ, касающихся филологіи по отношенію преимущественно къ Слово Божію. Таковы его труды: «Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта» (его магистерская диссертация), «Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта», «Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи», «Труды Московской Духовной Академіи по переводу Свящ. Писанія и Твореній св. отцовъ на русскій языкъ за 75 лѣтъ», «О подвигахъ митр. Филарета въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ» (удостоено макарьевской преміи), и обширный, трудъ, написанный имъ уже въ послѣдніе годы жизни и представляющій собою его докторскую диссертацию: «Переводъ LXX, его значеніе въ исторіи греческаго языка и

его словесности». Крімъ того, онъ переводилъ съ греческаго «Творенія св. отцовъ».

Но симпатіи и склонности И. Н. были, главнымъ образомъ, на сторонѣ русской исторіи, преимущественно исторіи русской Церкви и въ особенности въ области біографій русскихъ церковныхъ дѣятелей. Здѣсь онъ былъ вполне въ своей сферѣ и былъ настолько освѣдомленъ, что представлялъ собою настоящую ходячую энциклопедію, живую справочную книгу. Трудно было найти сколько-нибудь извѣстнаго русскаго церковнаго (да зачастую и свѣтскаго) дѣятеля, о которомъ И. Н. оказался бы не въ состояніи тутъ же, не сходя съ мѣста, дать біографическихъ (между прочимъ, и хронологическихъ) и бібліографическихъ свѣдѣній. Имъ, между прочимъ, написанъ былъ цѣлый рядъ біографій (иногда довольно обширныхъ) русскихъ іерарховъ и другихъ церковныхъ дѣятелей (между прочимъ, рядъ краткихъ біографій ихъ на нѣсколько послѣднихъ буквъ алфавита для извѣстнаго «Біографическаго словаря русскихъ историческихъ дѣятелей», издаваемаго Русскимъ Историческимъ Обществомъ). Но центральной фигурой въ этомъ сонмѣ, лицомъ, предъ которымъ въ особенности благоговѣлъ И. Н. и которому онъ преимущественно посвятилъ свои силы и труды — былъ Московскій митрополитъ Филаретъ и его эпоха. Изъ ряда трудовъ, посвященныхъ И. Н. этому святителю, въ особенности замѣчательнъ его капитальный и огромный (болѣе 1000 страницъ) трудъ: «Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, его жизнь и дѣятельность на московской каеедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени (1821—1867 гг.)», удостоившійся отъ Академіи Наукъ уваровской преміи. Подъ конецъ своей жизни И. Н. принялъ было на себя новый колоссальный трудъ о митроп. Филаретѣ: «Полное собраніе резолюцій Филарета, митрополита Московскаго», съ своими предисловіемъ и примѣчаніями, но успѣлъ лишь начать этотъ трудъ. И если онъ былъ ходячей энциклопедіей по отношенію къ русскимъ іерархамъ вообще, то тѣмъ болѣе былъ онъ таковою въ отношеніи къ Филарету. Помимо всего этого, имъ было написано немало и другихъ статей по новой русской церковной исторіи, между прочимъ, описанія нѣкоторыхъ монастырей и мног. др. Имъ же было прокорректировано громадное четырехтомное описаніе рукописей графа А. С. Уварова, составленное покойнымъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, архим. Леонидомъ. Трудъ этотъ требовалъ и палеографическихъ познаній и громадной доли вниманія.

Но и вся учено-литературная дѣятельность И. Н. составляла только одну сторону его дѣятельности вообще.

Онъ въ равной степени отличался и усидчивостью и подвижностью, и очень много занимался общественною и благотворительною дѣятельностью, въ особенности въ дѣлѣ помощи нуждающимся студентамъ Академіи. Онъ былъ безсмѣннымъ казначеемъ основаннаго для помощи такимъ студентамъ Братства Преп. Сергія и былъ душою и главнымъ дѣятелемъ этого Братства, въ которое вкладывалъ всю свою душу и для котораго несъ массу самаго разнообразнаго труда. Учившіеся въ Академіи за все это время несомнѣнно помнятъ, чего стоили И. Н. одни лишь благотворительные въ пользу Братства концерты, выносившіеся И. Н. въ значительной степени на своихъ плечахъ, концерты, въ которыхъ онъ, кромѣ массы всевозможныхъ и разнообразныхъ хлопотъ, нерѣдко выступалъ даже въ роли исполнителя. Помимо всего этого, дѣятельное и живое участіе принималъ И. Н. и въ другихъ (посадскихъ) благотворительныхъ учрежденіяхъ и въ особенности въ Братствѣ Преп. Сергія и Никона, въ которомъ былъ даже предсѣдателемъ и для котораго, въ значительной степени стараніями И. Н., былъ приобрѣтенъ и собственный домъ «Убѣжище», гдѣ впоследствии была устроена и церковь. И вообще не было и не могло быть въ посадѣ благотворительнаго общества и дѣла, гдѣ бы И. Н. не былъ усерднымъ и полезнымъ членомъ.

Само собой разумѣется, что такая разнообразная и неустанная дѣятельность требовала массы времени и не давала покою. И И. Н. дѣйствительно вставалъ обыкновенно въ 4 часа утра (а иногда даже и раньше) и немедленно принимался за перо. У него была хорошая бібліотека, и онъ не жалѣлъ средствъ на ея пополненіе (покупалъ иногда, напр., журналы цѣлыми комплектами). Съ 8-ми часовъ утра къ нему уже нерѣдко являлись посѣтители, особенно изъ прирѣваемыхъ, если онъ самъ не уѣзжалъ по дѣламъ въ Москву. Нѣсколько позднѣе онъ уже шелъ своею торопливою походкой въ Академію—на лекцію, въ бібліотеку или по другимъ какимъ-либо дѣламъ, при чемъ такъ дорожилъ временемъ и такъ успѣвалъ поспѣвать всюду, что приводилъ въ изумленіе встрѣчавшихся съ нимъ. Однажды, когда онъ только что пришелъ въ академическую бібліотеку, туда явился одинъ изъ профессоровъ и, увидѣвъ здѣсь И. Н., котораго лишь за минуту передъ тѣмъ видѣлъ въ учительской, съ непритворнымъ изумленіемъ воскликнулъ: «Иванъ Николаевичъ! камо пойду отъ духа твоего!» Въ бібліотекѣ онъ былъ очень частымъ посѣтителемъ или приходилъ туда на болѣе или менѣе продолжительное время или не надолго, — «забѣгалъ на минуточку», какъ онъ любилъ выражаться—за разнаго рода справками. Нерѣдко при такихъ посѣщеніяхъ онъ развязывалъ неизбѣжный клѣтчатый розо-

вый платочекъ и доставалъ оттуда, всегда въ трехъ экземплярахъ, для академической и студенческой библиотекъ и для самого библиотечкаря, какой-либо только что выпущенный свой новый трудъ—брошюру или книгу.

Любезность и деликатность И. Н. доходили до того, что онъ, при встрѣчахъ со студентами, самъ первый кланялся имъ. Бывали и такіе случаи. Приходить къ И. Н. по какому-либо дѣлу студентъ и, пока сидитъ у него, собирается дождь. И. Н. одѣвается, беретъ зонть и провожаетъ студента до конца улицы, неся надъ нимъ зонть.

Усиленные труды разстроили здоровье И. Н., и у него открылась чахотка. Лѣчиться ему было некогда, и онъ преждевременно скончался, на 51-мъ году жизни, 10-го декабря 1899 года. Даже на смертномъ одрѣ онъ занимался дѣлами.

Свящ. Н. Колосовъ.

Академическая библиотечка въ 1890—98 годахъ.

(Изъ воспоминаній бывшаго библиотечкаря.)

Зданіе академической библиотечки было всегда, что называется, притчею во языцѣхъ. Близкое ли сосѣдство высокихъ и толстыхъ лаврскихъ стѣнъ, препятствующее правильной циркуляціи воздуха вокругъ зданія, или сырость почвы, или, вѣрнѣе, и то и другое вмѣстѣ—только библиотечное зданіе всегда было крайне сырымъ, въ особенности въ нижнемъ этажѣ. Во времена моего студенчества я самъ видѣлъ воду на нижнихъ полкахъ книжныхъ шкаповъ въ нижнемъ этажѣ библиотечки. Но и вверху было немногимъ лучше: отъ сырости сильно портились даже рукописи: драгоценная, составляющая по своимъ лицевымъ изображеніямъ уникамъ, болгарская рукопись XIII вѣка «Временникъ мниха Георгія Амартола» (№ 100-й по описанію архим. Леонида), попортилась отъ сырости настолько, что лицевыя изображенія, которыми она была украшена, наполовину слѣзли и исчезли. Покойный намѣстникъ лавры архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), самъ большой знатокъ и любитель рукописей, выходилъ изъ себя всякій разъ, когда при немъ упоминали объ академическихъ рукописяхъ. «Отобратъ бы ихъ у васъ», говорилъ онъ обыкновенно.

Другое зло библиотечнаго зданія составляло крайне плохое отопленіе. Бывали при мнѣ случаи (1890—1898 гг.), когда оно вдругъ переставало дѣйствовать, и въ библиотечкѣ водворялся холодъ, какъ на улицѣ; или вдругъ изъ тепловыхъ отдушинъ и рѣшетокъ начиналъ валить густой дымъ, наполнявшій собою все помѣщеніе библиотечки; или оно на-

полнялось угаромъ; однажды послѣ обѣда мы всѣ, и я и служителя, едва выползли изъ библіотеки и, если бы не догадались во-время, могли бы и совсѣмъ остаться тамъ. Холодно же вообще зимою тамъ было настолько, что я принужденъ былъ выпросить и поставить кафельную печку въ приѣмной комнатѣ наверху, гдѣ по большей части приходилось быть. Покойный В. О. Ключевскій серьезно совѣтовалъ мнѣ повязывать въ библіотекѣ голову платкомъ, а на мое замѣчаніе, что вѣдь будутъ смѣяться, отвѣтилъ съ своею характерною интонаціей: «Лучше быть смѣшнымъ, чѣмъ больнымъ». Отъ холода и сырости въ библіотекѣ въ значительной степени потерялъ ноги и зубы, а отчасти и глаза, помощникъ библіотекаря, іеромонахъ (впослѣдствіи архимандритъ) Рафаиль, прослужившій въ этой должности около двадцати лѣтъ и обыкновенно находившійся въ нижнемъ этажѣ библіотеки ¹⁾.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что по неоднократнымъ и, сколько возможно было, энергическимъ представленіямъ и библіотекарей и ревизіонныхъ профессорскихъ комиссій библіотечное зданіе и отопленіе въ немъ неоднократно ремонтировались, при чемъ книги изъ нижняго этажа библіотеки обыкновенно выносились при помощи поденщицъ наверхъ, въ аудиторіи и въ актовую залу. Но все это мало помогало горю. Помогъ этому только послѣдній примѣ капиталный ремонтъ, производившійся въ 1894 году по моимъ отчаяннымъ представленіямъ, представленію ревизіонной комиссіи изъ профессоровъ П. И. Цвѣткова и В. А. Соколова²⁾ и благодаря въ особенности благожелательности и энергіи тогдашняго ректора Академіи архимандрита Антонія (нынѣ архіепископъ Харьковскій). Въ нижнемъ этажѣ библіотеки были выломаны полы, вынута подъ ними земля чуть ли не на цѣлый аршинъ, сдѣланы подъ полами своды, подъ которыми были проложены тепловыя трубы, передѣлано отопленіе,—и въ библіотекѣ стало гораздо суше и теплѣе.

Ремонты эти имѣли, однако, между прочимъ, то неудобство, что выноска книгъ изъ библіотеки (обыкновенно изъ нижняго этажа ея) и водвореніе ихъ обратно стоило служащимъ невѣроятныхъ заботъ и хлопотъ. Притомъ же послѣдніе не всегда могли и справиться съ этимъ дѣломъ. Предъ моимъ вступленіемъ на библіотекарскую должность былъ какъ разъ произведенъ одинъ изъ такихъ частичныхъ ремон-

¹⁾ И отдѣлъ библіотеки, которымъ завѣдывалъ о. Рафаиль, и дѣла, которыя ему поручались были второстепенные.

²⁾ Характерный отзывъ этой комиссіи о недостаткахъ библіотечнаго зданія и о трудностяхъ службы библіотекаря см. въ «Журналахъ Совѣта Академіи» за 1893 годъ.

товъ, и такъ какъ приведеніе въ порядокъ* библіотеки послѣ ремонта происходило уже въ отсутствіи библіотекаря, то я, вступивъ въ должность, нашель библіотеку въ состояніи невообразимаго хаоса.

Все это были, такъ сказать, внѣшнія неудобства библиотечнаго дѣла и службы въ библіотекѣ, но были и внутреннія. Это было прежде всего масса дѣла и крайній недостатокъ рабочихъ рукъ—даже при хорошемъ помощникѣ. Затѣмъ тѣснота и большой недостатокъ въ шкапахъ, вслѣдствіе чего приходилось ставить книги иногда въ два, а дублиеты и журналы, въ особенности духовные (книги наиболѣе часто требуемыя), нерѣдко и въ три ряда, что, при стершихся отъ времени и употребленія обозначенія на корешкахъ годовъ и томовъ и неправильномъ зачастую за прежніе годы переплетѣ, представляло при выдачѣ ихъ прямо невообразимыя трудности. Устройство шкаповъ—крайне не удобное. Дверцы отъ сырости коробились и не раздвигались или, наоборотъ, вываливались совсѣмъ.

Было, между прочимъ, и еще одно обстоятельство, доставлявшее завѣдывавшимъ библіотекою массу огорченій и лишней работы. Въ прежнее время, въ семидесятыхъ годахъ книги, получаемыя изъ-за границы, сдавались не прямо въ библіотеку, какъ это должно быть и какъ это стало дѣлаться послѣ, а складывались на столъ въ профессорской комнатѣ для просмотра. Профессора брали эти книги на домъ и... тамъ книги и оставались. И хотя взятая книга записывалась на находившихся здѣсь же листахъ, но, очевидно, листы эти терялись, и книги оставались не занесенными въ каталогъ. Покойный И. Н. Корсунскій при составленіи систематическаго каталога разыскивалъ эти книги и вносилъ въ каталогъ, но и онъ, при всей своей невѣроятной работоспособности и трудолюбіи, успѣлъ переписать такія книги лишь по тѣмъ отдѣламъ, по какимъ составленъ былъ имъ каталогъ, а въ справочныя книги успѣлъ занести не всѣ. Получалось такимъ образомъ слѣдующее: книги значились въ печатномъ (систематическомъ) каталогѣ, но не извѣстно было, у кого онѣ находились, и онѣ являлись какъ бы затерянными. Понятно, сколько выходило отсюда непріятностей и хлопотъ для библіотекаря. Остальныя книги оставались на рукахъ у профессоровъ не записанными ни въ каталоги, ни по большей части въ справочныя книги. Это послѣднее обстоятельство до невѣроятности затрудняло составленіе систематическаго каталога. Когда же, послѣ новаго указа о пенсіяхъ, сразу нѣсколько ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ оставило службу, въ библіотеку поступило немалое количество такихъ нигдѣ не записанныхъ книгъ, которыя нужно было вносить въ ка-

талогі 1). Нѣкоторыя изъ такихъ книгъ считались утерянными. Много было и другихъ, отягчающихъ службу бібліотекарей, обстоятельствъ.

Къ этому краткому очерку добавлю еще, что по моему совѣту и просьбѣ, въ бытность мою еще студентомъ, покойная А. Ѡ Аксакова пожертвовала студентамъ бібліотеку своего мужа И. С. Аксакова (аксаковскую бібліотеку), вмѣстѣ со шкапами. Послѣ смерти архіепископа Тверского Саввы, мною была въ октябрѣ 1896 года отобрана въ Твери, въ архіерейскомъ домѣ, лучшая и большая часть прекрасной и цѣнной бібліотеки покойнаго преосвященнаго (остальная часть поступила въ бібліотеку Тверской духовной семинаріи), упакована и привезена въ Академію. Потомъ, въ началѣ слѣдующаго года, уже при преемникѣ преосвящ. Саввы преосвящ. Димитріи (тоже уже покойномъ), я ѣздилъ снова въ Тверь и привезъ оттуда въ Академію и шкапы, въ которыхъ хранилась бібліотека.

Свящ. Н. Колосовъ.

В. А. Андреевъ и его даръ для студенческой бібліотеки Московской Духовной Академіи. |

(Страничка изъ исторіи академической бібліотеки.)

Въ Московской Духовной Академіи, въ одномъ изъ старыхъ ея корпусовъ, есть особая комната, заключающая въ себѣ студенческую бібліотеку Андреева. Бібліотека эта, при внѣшней незначительности своей сравнительно со всей академической бібліотекой въ ея цѣломъ, имѣетъ большую научную, и не научную только, а и матеріальную цѣнность и значеніе. По волѣ жертвователя она назначена собственно или прежде всего для студентовъ, должна быть въ завѣдываніи ихъ и не сливаться съ фундаментальной бібліотекой. И они, конечно, пользуются ею и знаютъ ее—ея составъ и значеніе; но если теперь, когда среди гг. профессоровъ, какъ бывшихъ студентовъ Московской Духовной Академіи, еще есть налицо лично знавшіе покойнаго архіепископа Литовскаго Алексія, чрезъ котораго бібліотека эта поступила въ собственность Академіи, и, слава Богу, здравствуетъ еще самъ жертвователь и нѣкоторые знаютъ обстоятельства этого пожертвованія, то едва ли есть такіе знающіе среди студентовъ, а пройдетъ десятокъ-другой лѣтъ,

1) При оставленіи академической службы Е. Е. Голубинскимъ случилось слѣдующее обстоятельство: Ему почему-то не было офиціально предоставлено права пользоваться попрежнему академической бібліотекой, а совершенно неофициально это было предоставлено усмотрѣнію бібліотекаря, т.-е. моему. Я удвоилъ свое вниманіе къ Е. Е. и, когда самъ, оставляя службу при Академіи, пришелъ проститься къ Е. Е., имѣлъ утѣшеніе услышать отъ него между прочимъ слѣдующее: «Желаю отъ вашего преемника только одного—чтобы онъ былъ такъ же добръ и внимателенъ ко мнѣ, какъ были вы».

такихъ лицъ и совсѣмъ не будетъ. Между тѣмъ обстоятельства эти не лишены интереса для характеристики и прежней Академіи, и личности знаменитаго ея профессора Александра Θεодоровича Лаврова, впоследствии архіепископа Алексія, и отношенія къ Академіи свѣтскаго общества,—для характеристики такихъ лицъ, которыя, будучи по внѣшнему своему положенію далеки отъ Академіи, по духовной своей жизни могутъ быть названы близкими, родственными ей.

Таковы побужденія къ написанію настоящей памятки и ея задачи.

Отецъ Василія Алексѣевича Андреева Алексѣй Васильевичъ Андреевъ—потомственный почетный гражданинъ († 1878 г.), женатый на Натальѣ Михайловнѣ Королевой, въ концѣ прошедшаго столѣтія былъ хорошо извѣстенъ и почитаемъ въ Москвѣ, какъ одинъ изъ видныхъ представителей московскаго купечества; большой, съ миллионными оборотами, колониальный магазинъ его на Тверской, противъ генераль-губернаторскаго дома, считался однимъ изъ лучшихъ магазиновъ въ Москвѣ, въ которомъ завѣдывающимъ, вмѣстѣ съ родителемъ, былъ и Василій Алексѣевичъ, какъ старшій изъ сыновей его. По его, В. А-ча, инициативѣ и подъ его руководствомъ въ постановкѣ торговаго дѣла, въ отношеніи къ покупателямъ, приказчикамъ и всѣмъ вообще служащимъ, вмѣсто царившей всюду такъ называемой гостинодворской некультурности, введены были рационально-благородные принципы въ лучшемъ смыслѣ слова; напр., устроена была школа для малолѣтнихъ служащихъ, пенсіи, пріютъ для престарѣлыхъ и больныхъ и т. п. По окончаніи домашняго образованія В. А-чъ поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ и здѣсь уже, слушая и теперь хорошо извѣстныхъ ученыхъ того времени, какъ Соловьевъ, Буслаевъ, Тихоновъ и др., не только развилъ въ себѣ съ дѣтства коренившуюся въ немъ любовь къ языковѣдѣнію и исторіи, а и заявилъ себя печатными трудами въ этой области. Первый печатный трудъ его «О православіи на Литвѣ и Волыни по перепискѣ кн. Курбскаго» помѣщенъ былъ въ «Православномъ Обзорѣніи» за 1874 годъ; особенно много помѣщено было имъ цѣнныхъ статей по языковѣдѣнію въ «Филологическихъ Запискахъ» Хованскаго, издававшихся въ Воронежѣ. Какъ истинный ученый, В. А-чъ любилъ копаться въ книгахъ и доискиваться всего «по первоисточникамъ»; а такъ какъ онъ обладалъ средствами, то, естественно, старался и пріобрѣтать ихъ въ собственность, входя для этого въ живыя сношенія съ разнаго рода антикваріями и солидными издателями даже заграничными: на пріобрѣтеніе рѣдкихъ и дорогихъ изданій онъ не жалѣлъ

денегъ. И такимъ-то путемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ составилъ громадную бібліотеку высокой цѣнности, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ святоотеческихъ твореній на ихъ подлинныхъ языкахъ и изъ произведеній классическихкихъ писателей—русскихъ и иностранныхъ. Здѣсь были, напр., творенія св. Ефрема Сирина на сирскомъ языкѣ параллельно съ латинскимъ переводомъ, или блажен. Августина юбилейное папское изданіе (1640 г.) въ 18-ти томахъ *in folio*—изданіе крайне рѣдкое и очень цѣнное ¹⁾). Изъ рѣдкихъ изданій свѣтскихъ писателей можно указать, напр., 70 томовъ перваго изданія сочиненій Вольтера, напечатанныхъ на средства Императрицы Екатерины II, весьма цѣнный словарь Дюканжа, и др. Не чуждался В. А-чъ и современной литературы: въ его бібліотекѣ были не только лучшія изданія Шиллера, Гёте и др., а и полные комплекты такихъ литературно-историческихъ русскихъ журналовъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ» и др. Съ любовью отдавая чтенію и изученію научныхъ трудовъ по языковѣдѣнію, святоотеческихъ твореній въ ихъ подлинникахъ, особенно на любимомъ имъ греческомъ языкѣ, В. А-чъ не замыкался въ этой работѣ и не уходилъ отъ дѣлъ обыденной жизни и особенно любимаго имъ сельскаго хозяйства, внося и сюда научное отношеніе къ дѣлу; такъ, напр., онъ нѣсколько лѣтъ былъ редакторомъ журнала по птицеводству, печатая въ немъ свои тонкія по наблюдательности за жизнью птицъ статьи и замѣтки.

Въ 1881 году профессоръ Московской Духовной Академіи Александръ Феодоровичъ Лавровъ, незадолго предъ тѣмъ (въ августѣ 1880 г.) овдовѣвшій и принявшій иночество (въ декабрѣ того же года), возведенъ былъ въ санъ епископа Можайскаго и поселился на Саввинскомъ подворьѣ въ Москвѣ, недалеко отъ магазина Андреева. «Изъ простаго любопытства,—сказывалъ В. А-чъ,—посмотрѣть архіерея съ короткими волосами, пошелъ я въ одно изъ воскресеній къ обѣднѣ на Саввинское подворье, гдѣ поселился преосвященный, и по окончаніи службы подошелъ къ нему получить благословеніе. Благословивъ меня и узнавъ мою фамилію, владыка спросилъ, не я ли авторъ статей въ «Православномъ Обзорѣніи» о князѣ Курбскомъ, и послѣ утвердительнаго отвѣта пригласилъ меня къ себѣ на чашку чая. Такъ началось мое знакомство съ преосвященнымъ, съ которымъ меня связывала общая любовь къ древней святоотеческой письменности. Я сталъ часто бывать у преосвященнаго Алексія, засиживаясь у него иногда подолгу. Во время

¹⁾ Для удобства чтенія этого фоліанта В. А-чъ устроилъ даже особый столъ съ наклонной верхней доской, на которой фоліантъ этотъ можетъ помѣщаться открытымъ.

этихъ-то посѣщеній я не только узналъ, а и полюбилъ владыку, научился уважать его». Это-то уваженіе къ преосвященному Алексію и склонило В. А-ча къ мысли пожертвовать свою бібліотеку для студентовъ Московской Духовной Академіи. Побужденіемъ къ этому пожертвованію именно тогда же, скоро послѣ начала ихъ взаимнаго знакомства, было то, что въ томъ же 1881 году В. А-чъ долженъ былъ уѣхать за границу для лѣченія своей давней болѣзни и былъ въ такомъ настроеніи, что мало надѣялся на счастливый исходъ лѣченія. И вотъ, озабочиваясь судьбой своей бібліотеки и просто опасаясь ея расхищенія или передачи въ ненадежныя и неспособныя руки, онъ предъ отъѣздомъ своимъ и обратился къ преосвященному, въ которомъ увидѣлъ единомышленника своего въ отношеніи къ любимымъ имъ книгамъ и отъ котораго узналъ, такъ сказать, объ академическомъ студенчествѣ, съ просьбою принять его бібліотеку въ даръ отъ него, не для преосвященнаго, конечно, лично, на что послѣдній едва ли бы и согласился, а именно для студентовъ Московской Духовной Академіи, но съ тѣмъ, чтобы официально даръ этотъ въ Академіи былъ бы отъ имени преосвященнаго Алексія, а не отъ имени В. А-ча. Это послѣднее условіе В. А. поставлено было для того, чтобы уклониться отъ неизбѣжныхъ въ противномъ случаѣ и столь имъ нелюбимыхъ официальныхъ изьявленій благодарности со стороны академическаго начальства; но съ другой стороны, несомнѣнно, и то, что и преосвященный, который свои литературныя произведенія обыкновенно издавалъ безъ имени автора, согласился сдѣлать это приношеніе отъ своего имени только потому, что въ бібліотекѣ В. А-ча обыкновенно на каждой книгѣ, на заглавномъ листѣ ея по діагонали страницы, всегда собственноручно помѣчались его имя и фамилія. Все это, конечно, не лишено своего значенія для характеристики какъ преосвященнаго Алексія, такъ и самого жертвователя.

Передавая свою бібліотеку преосвященному Алексію, В. А-чъ просилъ его поскорѣе прислать кого-либо изъ Академіи для записи жертвуемыхъ книгъ и составленія каталога ихъ. Преосвященный не замедлилъ снестись съ бывшимъ тогда ректоромъ Академіи прот. С. К. Смирновымъ, который лѣтомъ того же года прислалъ для этого дѣла въ Москву студента IV курса С. С. Виноградова (нынѣ священника). Около мѣсяца Виноградовъ провелъ въ этихъ занятіяхъ, являясь для нихъ на квартиру В. А-ча ежедневно отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера. Всего было переписано имъ свыше 800 названій въ 2—2½ тысячахъ томовъ. Переписанная и запакованная въ ящики бібліотека В. А-ча на его же счетъ и отправлена была тогда же въ Академію и здѣсь по-

ступила въ завѣдываніе студентовъ, изъ среды которыхъ избирались и бібліотекари.

Опасенія В. А-ча относительно печальнаго исхода болѣзни, къ счастью, не оправдались; онъ возвратился изъ-за границы здоровымъ и доселѣ, слава Богу, здравствуетъ. И доселѣ не оставляетъ онъ ни своихъ научныхъ занятій, ни собранія книгъ, ни жертвованія ихъ на благое просвѣщеніе.

Въ доказательство перваго достаточно указать на три небольшихъ по размѣру, но въ научно-богословскомъ и церковно-историческомъ отношеніяхъ несомнѣнно цѣнныхъ книжки. Одна изъ нихъ: «Сербскій іеромонахъ Софроній Младеновичъ въ Россіи 1721—1760—1781 гг.», составленная по архивнымъ документамъ синодальной типографской бібліотеки, даетъ ясное и точное представленіе о томъ, какъ вершилось у насъ въ XVIII ст. дѣло перевода святоотеческихъ твореній, въ документальныхъ данныхъ до очевидности ясно представляя и неопровержимо подтверждая неправду общепринятаго почти мнѣнія о какой-то значимости участія въ этомъ дѣлѣ вызываемыхъ для него иноземныхъ ученыхъ. Другія двѣ: «О толкованіи на Псалтирь Иринаея, архіепископа Псковскаго», есть два первые выпуска широко задуманнаго историко-бібліографическаго очерка, имѣющаго цѣлью также документально, путемъ сравненія текстовъ, выяснить характеръ зависимости этого толкованія отъ западныхъ богослововъ и въ частности отъ Беллярмина, а затѣмъ Беллярмина отъ предшествовавшихъ ему средневѣковыхъ писателей и даже до подлинныхъ текстовъ святыхъ отцовъ и учителей древней Церкви включительно. Любопытную картину представляютъ собою постоянныя ссылки позднѣйшихъ толковниковъ на святоотеческія творенія, приводимыя ими якобы по подлинникамъ, а на самомъ дѣлѣ изъ вторыхъ и изъ третьихъ рукъ, и нерѣдко въ искаженномъ видѣ. Можно судить поэтому, какой высоко-научный интерес долженъ имѣть этотъ очеркъ и какъ много труда, и самага кропотливаго и не для всѣхъ доступнаго, полагается на него В. А-мъ. Какъ жаль, что трудъ этотъ, стоящій въ связи съ подобнаго же рода изысканіями по отношенію къ другимъ памятникамъ древне-русской переводной письменности и потому имѣющей существенно важное значеніе для исторіи этой письменности, проходитъ почти незамѣченнымъ и неотмѣченнымъ въ современной богословской литературѣ и такъ медленно появляется въ печати. Мнѣ кажется, что наши академическія періодическія изданія должны были бы такъ или иначе откликнуться на эти работы В. А-ча, которыхъ, я знаю, у В. А-ча въ рукописяхъ цѣлые вороха. Къ счастью все это В. А-ча, какъ истиннаго ученаго, мало смущаетъ, и онъ продолжаетъ неустанно заниматься этимъ дѣломъ въ

синодальныхъ библіотекахъ, копаясь въ фоліантахъ и не щадя средствъ на ихъ пріобрѣтеніе.

Въ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени пожертвованія имъ своей библіотеки въ Московскую Духовную Академію, онъ успѣлъ собрать другую такого же характера и достоинства и не только собрать, а и передать, но, къ сожалѣнью, уже не въ Московскую Духовную Академію, а въ Московскую синодальную типографскую библіотеку, свѣтскую же часть ея—въ народный университетъ Шанявскаго.

А вѣдь могло бы быть и иначе, тѣмъ болѣе, что обѣ эти передачи совершились такъ недавно. Мы не беремся судить, какъ это случилось и кто въ этомъ виновать...

Прот. *І. Соловьевъ.*

Non!

(Изъ воспоминаній объ о. Рафаилѣ.)

Среди юбилейнаго воспоминанія великихъ и свѣтлыхъ именъ бывшихъ начальниковъ, профессоровъ и студентовъ, украшавшихъ родную Академію своими высокими дарованіями, блистательной эрудиціей и многоцѣнными трудами и заслугами въ области отечественнаго богословія, пусть найдется хотя малое мѣсто и для имени о. Рафаила, скончавшагося въ санѣ архимандрита въ концѣ прошлаго вѣка и отдавшаго большую половину своей жизни на служеніе Академіи.

О. Рафаилъ не блисталъ никакими талантами и учеными заслугами, занималъ въ Академіи скромное положеніе помощника академическаго библіотекаря, но всегдашняя его доброта и дѣтская простота была извѣстна каждому студенту. Онъ всей душой любилъ студентовъ и входилъ съ ними въ самое тѣсное общеніе, какъ съ своими родными или семейными; дѣлился съ ними послѣдними крохами своего скуднаго содержанія; исполнялъ всякія просьбы по пріисканію нужныхъ книгъ въ библіотекѣ, и за всякое малѣйшее къ нему вниманіе платилъ двойной, тройной услугой. Студенты любили добраго старца, спорили съ нимъ объ ученыхъ вопросахъ, о новыхъ теоріяхъ, о новыхъ книгахъ, нерѣдко шутили надъ нимъ и посмѣивались надъ отсталостью его возрѣній; но скромный и добрый о. Рафаилъ не только не обижался, но даже радовался тому, что молодое поколѣніе будущихъ ученыхъ побѣждаетъ его въ спорахъ и превосходитъ его своею діалектикой и научною освѣдомленностью...

О. Рафаилъ всегда съ благоговѣніемъ произносилъ имена тогдашнихъ ученыхъ корифеевъ нашей Академіи; особенно же онъ глубоко почиталъ Виктора Димитріевича Кудрявцева,

сочиненія котораго, по мнѣнію о. Рафаила, нужно было бы напечатать не во второй части академическаго журнала («Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ»), а въ первой части журнала, среди твореній св. отецъ. Знаменитый философъ-христіанинъ Викторъ Димитріевичъ Кудрявцевъ съ своей стороны благосклонно относился къ о. Рафаилу. О. Рафаиль гордился этимъ и, побывавши запросто въ гостяхъ у знаменитаго профессора, не могъ скрыть столь важнаго событія отъ студентовъ и передавалъ подробности своихъ бесѣдъ съ нашею ученою знаменитостію. Насмѣшники совѣтовали ему проситься въ адъюнкты по кафедрѣ философіи, но о. Рафаиль ужасался подобной дерзновенной мысли и бранилъ студентовъ за кощунство...

О. Рафаиль былъ большой поклонникъ классицизма. По его мнѣнію, каждый ученый долженъ въ совершенствѣ знать греческій и латинскій языки, и безъ этого знанія никто не въ правѣ носить высокое званіе ученаго; къ новымъ же европейскимъ языкамъ онъ относился холодно и даже враждебно, увѣряя, что варвары испортили греческій и латинскій языки и такимъ способомъ образовали свои новые полуварварскіе языки, изученіе которыхъ можетъ повредить чистотѣ классицизма. Ему пришлось завѣдывать нижней бібліотекой Академіи, гдѣ въ одной половинѣ помѣщались произведенія греческихъ и латинскихъ писателей, а въ другой (въ то время) отдѣлъ подъ заглавіемъ «смѣсь». Въ послѣднемъ отдѣлѣ любили копаться многіе студенты и вели нескончаемые дебаты съ о. Рафаиломъ на разныя темы и по разнымъ случаямъ.

Въ годъ коронаціи Императора Александра III въ Академіи рано закончились переводные экзамены, и въ началѣ мая студенты разѣхались по домамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пожелавшихъ участвовать во встрѣчѣ Государя и Государыни при посѣщеніи ими лавры послѣ свящ. коронаванія. Въ числѣ такихъ студентовъ оставался и Алексѣй Ивановичъ Введенскій (впослѣдствіи орд. профессоръ, скончавшійся въ 1913 г.). Съ молитвою и радостію лавра встрѣтила Августѣйшихъ Вѣнценосцевъ и съ благоговѣніемъ проводила Ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ жизнь лавры вошла въ обычную колею, и Академія была закрыта по случаю наступившихъ каникулъ; но Алексѣй Ивановичъ остался въ Академіи еще на нѣкоторое время для занятій въ бібліотекѣ, благодаря любезности о. Рафаила, который готовъ былъ служить студентамъ и во время каникулъ и на свой страхъ пускалъ ихъ въ бібліотеку. Спустя приблизительно недѣлю послѣ Высочайшаго посѣщенія, въ лавру прибыли представители римскаго папы, пріѣзжавшіе въ Москву для привѣтствія отъ имени папы Государя Императора по случаю свящ. ко-

ронованія. Просвѣщенные туристы съ нескрываемымъ любопытствомъ осматривали лавру, какъ главный центръ и оплотъ русскаго православія, и узнавши, что въ стѣнахъ лавры помѣщается Духовная Академія, пожелали посѣтить и ее. Часа въ три пополудни они вошли въ академическій садъ, направляясь къ квартирѣ о. ректора. Навстрѣчу имъ шли два-три студента, въ томъ числѣ А. Ив. Введенскій, къ которымъ туристы обратились съ вопросами на французскомъ языкѣ. Студентъ Алексѣй Ивановичъ Введенскій, довольно хорошо знавшій французскій языкъ, сталъ отвѣчать имъ и объяснилъ, что зданіе Академіи закрыто и ректоръ по случаю каникулъ живетъ въ своемъ домѣ. Легаты заинтересовались академической библіотекой и пожелали осмотрѣть ее. Одинъ изъ студентовъ тотчасъ побѣжалъ и разбудилъ о. Рафаила, сладко почивавшаго въ послѣобѣденное время. «Кардиналы отъ папы пріѣхали; скорѣй вставайте и ведите ихъ въ библіотеку»,—такъ озадачилъ о. Рафаила прибѣжавшій къ нему студентъ. Былъ ли это испугъ отъ внезапнаго пробужденія или нервное потрясеніе отъ предстоявшаго свиданія съ необычными посѣтителеми, но только о. Рафаиль весь трясся, какъ въ лихорадкѣ, и съ трудомъ одѣлъ рясу, камилавку и ордена. Впослѣдствіи онъ признавался, что и самого митрополита такъ бы не испугался, какъ на этотъ разъ кардиналовъ. Отперевши главную половину своей нижней библіотеки, о. Рафаиль стоялъ у входа какъ приговоренный къ смерти, блѣдный, съ закрытыми глазами и опущенными руками. Вотъ появились кардиналы въ роскошныхъ костюмахъ, съ изящными манерами, съ пріятно-улыбающимися лицами, граціозными поклонами и пріятными разговорами на французскомъ языкѣ. О. Рафаиль на привѣтствія по-французски едва могъ слегка склонить голову и съ великимъ усиліемъ сказалъ роковое слово: «Non!» А. Ив. Введенскій благодаря своей находчивости сразу нашель для о. Рафаила выходъ изъ критическаго положенія, объяснивъ гостямъ, что нашъ достоуважаемый о. библіотекаръ предпочитаетъ разговаривать на латинскомъ языкѣ. Тѣмъ временемъ о. Рафаиль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ налѣво и сталъ открывать шкапы, гдѣ въ переплетахъ изъ бѣлой кожи хранились старинные латинскіе фоліанты. Гости послѣдовали за нимъ, увидѣли дѣйствительно книжныя сокровища и любопытствовали спросить о. Рафаила по-латыни: «Часто ли студенты обращаются къ латинскимъ писателямъ?» — О Рафаиль недоумѣвающе посмотрѣлъ на нихъ и, откашлянувшись, сказалъ довольно громко: «Non!»—А. Ив. Введенскій и тутъ нашелься объяснить, что о. библіотекаръ не позволяетъ студентамъ брать эти цѣнныя книги на-домъ, а занятія происходятъ въ самой библіотекѣ. Кардиналы снова

обращаются по-латыни къ о. Рафаилу и выражаютъ свое пріятное удивленіе, что въ далекой сѣверной странѣ съ такою просвѣщенною заботливостію сохраняются произведенія отцовъ ихъ Церкви, а потому они считаютъ долгомъ выразить свое истинное почитаніе искусному хранителю... О. Рафаиль, принявши серьезный видъ, сказалъ строго и рѣшительно: «Non!»—Алексѣю Ивановичу осталось только пожать плечами и объяснить, что о. бібліотекаръ обычно говоритъ съ помощью слуховой трубки, и тутъ же онъ подошелъ къ о. Рафаилу и, наставивши руку трубкою къ его уху, сказалъ: «Отвѣчайте имъ: «gratias ago!»—И вдругъ о. Рафаиль повторилъ: «Non... gratias ago!...»—Произошло что-то въ родѣ нѣмой сцены... О. Рафаиль бодро взмахнулъ ключами и пошелъ отворять вторую половину своей бібліотеки, гдѣ надъ дверями въ то время красовалась надпись «смѣсь». Гости послѣдовали за нимъ. Въ этомъ залѣ книги находились въ полномъ безпорядкѣ—шкапы были раскрыты, книги лежали всюду. О. Рафаиль подошелъ къ первому шкапу, наугадъ взялъ первую попавшуюся книгу и передалъ Алексѣю Ивановичу, который прочелъ заглавіе: «Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости»; тогда о. Рафаиль изъ другого шкапа тоже неудачно вынулъ задачникъ Евтушевскаго. Алексѣю Ивановичу пришлось объяснить гостямъ, что въ этомъ залѣ происходитъ сортировка новопоступающихъ книгъ, откуда онѣ поступаютъ въ главную бібліотеку, которая, къ сожалѣнію, теперь закрыта. Туристы съ пріятными улыбками и рукопожатіями простились съ о. Рафаиломъ, а А. Ив. Введенскій проводилъ ихъ до конца академическаго сада и получилъ въ награду лестные комплименты.

Въ наступившемъ затѣмъ августѣ, по возвращеніи студентовъ въ Академію, дѣло о посѣщеніи кардиналами академической бібліотеки не могло укрыться отъ нихъ и быстро переходило съ курса на курсъ, изъ одного номера въ другой, при встрѣчѣ студентовъ съ о. Рафаиломъ часто слышалось обидное: «Non!» О. Рафаиль сперва оправдывался передъ студентами, потомъ защищался и, наконецъ, сталъ нервничать и сердиться, если кто изъ студентовъ въ разговорѣ скажетъ: «Non!» Студенты въ глазахъ о. Рафаила подѣлились на два лагеря: «ноновъ» и «безноновъ», при чемъ для послѣднихъ онъ охотно пріискивалъ проповѣди въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а первые должны были сами искать таковыхъ... Впрочемъ, такое дѣленіе продолжалось недолго: добрый старецъ пересталъ ворчать, а студенты скоро позабыли коварное «Non!» Снова между студентами и о. Рафаиломъ возстановилась прежнія рах et amicitia.

Прот. Ст. Каверзневъ.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(1884—1914 гг.)

Великое духовное торжество матери есть истинная радость всѣхъ любящихъ дѣтей. И особенно живо и трепетно чувствуется это черезъ двадцать пять годовъ разлуки послѣ шестилѣтняго пребыванія подъ ея благословеннымъ кровомъ... Прожитая уже вся настоящая жизнь, и дальше остаются лишь болѣзненное угасаніе и обременительное прозябаніе. Не хватаетъ силъ не только идти впередъ, но даже повторять старое и погашать прежніе счеты, которые именно теперь возстаютъ передъ умственнымъ взоромъ колоссальными цифрами кредита, чуть не сплошного... Хотѣлось бы укрыться сознаниемъ напряженного труда во всецѣломъ служеніи единому Богу истины и правды, но невольно вспоминается «вся повелѣнная намъ»,— и опять видишь себя только «рабомъ неключимымъ», который жилъ и дѣлалъ единственно милостію Всевышняго и помощію добрыхъ людей чрезъ разныя благостныя посредства. И вотъ въ эти грустныя минуты рѣшительнаго поворота къ старости,— когда такъ близко «оскудѣніе» и столь далеки «вѣчныя кровы»,— воскресаетъ передъ смятенною душой священный образъ дорогой *Almae Matris* и наполняетъ свѣтлыми надеждами. Вѣдь она дала бытіе и питала своими благами все время крѣпнувшей бодрости и мужественной зрѣлости, почему тѣмъ болѣе сердобольно поддержитъ ослабѣвшаго сына, который не своею охотой блуждаетъ на странѣ далекой, всегда ей вѣрный и благодарный, все совершенное имъ относившій къ ней, какъ своему первоисточнику. Минувшаго не воротить, и каждая написанная буква является шагомъ къ невѣдомому будущему, но по необходимости стремишься теперь назадъ, чтобы обновиться на остатокъ дней отрадными воспоминаніями юности и почерпнуть въ нихъ оживленіе для посильной работы по долгу предъ матерью и во имя ея.

А есть что вспомнить человѣку, который по особымъ условіямъ провелъ при ней цѣлыхъ шесть лѣтъ и потомъ былъ поставленъ въ достаточно благопріятныя условія, чтобы слѣ-

дить со стороны, но взоромъ любящаго сына. Уже въ стѣнахъ родной Академіи намъ пришлось наблюдать важнѣйшія эвсюціи въ ея жизни, полныя знаменательности глубокой, если и не всегда отрадной. Беремъ только цѣлое во внутреннихъ основаніяхъ, не касаясь частныхъ и подробностей. Наша личная непосредственная связь началась въ 1884 году, съ котораго впервые вступалъ въ дѣйствіе новый академическій уставъ на смѣну бывшаго. Послѣдній окончательно обреченъ былъ на-смерть, однако продолжалъ еще бороться за свое существованіе — особенно на четвертомъ курсѣ, почти совсѣмъ незатронутомъ вліяніями этого властнаго гостя. Мы — члены XLIII курса (1884—1888 г.) — должны были воплотить новый режимъ при наличности прежняго, но съ отрицаніемъ его. Это грозило обычными неудобствами такихъ переходныхъ эпохъ, когда испытываешь всѣ неизбѣжныя тяготы подобныхъ новшествъ при необходимости борьбы со старымъ — не по фактической нуждѣ и не по собственной потребности, а просто потому, что оно осуждено на исчезновеніе въ короткій срокъ, хотя само не собиралось умирать и никого не вызывало на бой... Впрочемъ, на первыхъ порахъ все обходилось благополучно, ибо добрыми традиціями и мудрымъ руководствомъ академическихъ вождей устранялись всякіе рѣзкіе конфликты двухъ невольныхъ соперниковъ. Прежній въ сознаніи всѣхъ членовъ академической дружины незыблемо сохранялъ авторитетную солидность и оправдывалъ ее живую дѣйствительностію, почему новый приходилъ съ почтеніемъ молодого преемника, готоваго не столько смѣнить, сколько продолжать, пользуясь его опытомъ и уроками. Конечно, наличные примѣры были далеко не полные и, тѣмъ не менѣе, достаточно внушительные. Всѣ видѣли, что тутъ лишь обломки разрушеннаго корабля, который лишень права даже отстаивать себя и покинуть на произволь то капризныхъ, то свирѣпыхъ стихій. Такая горькая судьба болѣе всего сказывалась на четвертомъ курсѣ, брошенномъ у новатора безъ всякаго призора и дѣла и буквально не знавшемъ, куда по закону приклонить голову и приложить руки. Въ этомъ были соблазнъ и угроза непоправимой дезорганизациі для всего академическаго строя, но старая школа выдержала тяжелое искушеніе съ достойною честію. Во всякомъ случаѣ большой бѣды не произошло. Все ограничилось тѣмъ, что при начавшемся академическомъ раззореніи пострадали самыя деликатныя и тонкія части великаго судна, а на поверхность вынырнули и теперь еще плаваютъ наиболѣе твердыя и не столь чувствительныя ко всякимъ пертурбаціямъ...

Фактически академическая жизнь продолжала питаться изъ источника прежнихъ испытанныхъ идеаловъ и не поддавалась опаснымъ колебаніямъ. Не смотря на естественныя

потрясенія переходной заброшенности, всѣ крѣпко и дружно объединялись на почвѣ прямо благоговѣйнаго почитанія науки и серьезнаго труда ради истины. Изъ устъ старшихъ поколѣній и товарищей слышались рассказы именно такого характера, и героями ихъ всегда были исключительно поборники науки. Славились только тѣмъ, что одинъ уже на третьемъ курсѣ приготовилъ магистерскую диссертацию, другой при этой работѣ въ чемъ-то поправилъ своего многоученаго наставника, третій печаталъ остроумныя повѣсти изъ духовнаго быта, четвертый велъ успѣшную полемику съ извѣстнымъ профессоромъ чужой Академіи, и тотъ не считалъ для себя неловкимъ обмѣниваться со студентомъ нѣсколькими отвѣтами по важному вопросу о славянофильствѣ. Въ окружающемъ мы находили наглядное подтвержденіе и увлекающую иллюстрацію. Четвертый курсъ былъ воодушевленъ научною преданностію и если далеко не весь трудился, то одинаково гордился, что кто-либо изъ товарищей напечаталъ философскую статью, иной передѣлываетъ кандидатское сочиненіе или составляетъ спеціальныя трактаты, а многіе систематически снабжаютъ своими писаніями Московскіе духовные журналы («Православное Обозрѣніе» и особенно «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія»). Здѣсь былъ весь благородный студенческой гоноръ по наслѣдію отъ прошлаго и въ завѣтъ дальнѣйшему. Мы, первокурсники, не просто наблюдали данное явленіе издалека, но и видѣли непосредственно на своихъ «старшихъ», какими назначались къ младшимъ по номерамъ лучшіе четверокурсники. И они пріобщали насъ къ священному культу науки, служа для новичковъ ближайшими доступными образцами съ авторитетомъ призванныхъ адептовъ не власти, а знанія. Это и покоряло непринужденно и вдохновляло неотразимо. Одно изъ моихъ пріятныхъ студенческихъ воспоминаній доселѣ составляетъ «старшій» нашего первокурснаго № 11-го, бывший для насъ и учителемъ и товарищемъ, и совѣтникомъ и другомъ. Передъ нимъ мы были внимательны и, — при всѣхъ порывахъ опьяняющей для семинаристовъ студенческой свободы, — охотно слушали его неослабные призывы къ доброму порядку (напр., въ ежедневныхъ общихъ молитвахъ), — больше всего потому, что онъ подвижнически занимался магистерскою диссертациею и былъ осязательнымъ примѣромъ того, какъ молодые богословы пишутъ ученыя изслѣдованія. Духъ глубокой почтительности къ наукѣ проникалъ всѣхъ, — и способные, первые студенты, не склонные къ кабинетнымъ занятіямъ, сами уступали свои права, чтобы (по уставу 1884 года) при Академіи могли оставаться другіе товарищи, болѣе расположенные къ уединенному научному подвижничеству. Такова была сущность тогдашнихъ студенческихъ настроеній, —

и предъ нею совершенно меркли всѣ разнообразныя дисциплинарныя дефекты, усугублявшіеся крайнею заброшенностію тоскливой провинціальной глуши. Но студенты любили ее и, забывая всю пустынную неприглядность, помнили и повторяли только одно, яко бы нѣкій англичанинъ сказалъ, что здѣсь — русскій Оксфордъ. Если не всѣ они съ аккуратностію ходили на лекціи, то всѣ съ рѣдкимъ усердіемъ работали надъ семестровыми и кандидатскими сочиненіями. Это была плодотворно соблюдаемая традиція, и ее поощряли официально, ибо при подсчетахъ баллы по первымъ принимались вчетверо, по вторымъ даже въ 12 разъ, да еще плюсы и минусы брались за четверти. И Московское академическое студенчество всегда было погружено въ научный писательскій трудъ, укрѣпляя свои силы, собирая знанія и привыкая къ самостоятельному творчеству. Всѣ видѣли тутъ не формальный долгъ, а морально обязательную задачу, которую исполняли по совѣсти и съ увлеченіемъ, хотя бы и не безъ развлеченій... Въ свою очередь начальство покровительствовало сему и поощряло эту сторону студенческихъ занятій разными житейскими льготами — отводомъ лучшихъ помѣщеній для наиболѣе старательныхъ, отпусками въ Москву на нѣсколько дней или немного прежде срока для заранѣе подавшихъ свои письменныя работы и т. п. Классныя уроки не всѣми посѣщались вовсе не по лѣности и пренебреженію, но больше всего изъ-за множества другихъ занятій, хотя, напр., у В. О. Ключевского всегда было изобиліе слушателей, Ал. П. Лебедева заставляли повторять нѣкоторыя чтенія (о проф. И. Д. Мансветовѣ) по вечерамъ и престарѣлаго Е. В. Амфитеатрова приглашали всею Академіей читать необязательный курсъ новой русской литературы даже около экзаменовъ. Лекціи — все равно — становились общеизвѣстными при непосредственномъ товарищескомъ обмѣнѣ, и ни одна хорошая мысль или счастливая фраза не пропадала безслѣдно для студенчества. Аудиторія была священной для него наряду съ библіотекой, гдѣ даже препростый помощникъ библіотекаря іеромонахъ Рафаиль не ослабѣвалъ твердить о наукѣ и будто бы писалъ что-то о библейскихъ животныхъ, давая пищу для добродушнаго юмора своему острословному пріятелю В. О. Ключевскому, который подыскивалъ ему «на тему» въ качествѣ матеріала какого-нибудь засохшаго клопа въ старинныхъ фоліантахъ.

Въ этой всеобщей научной сосредоточенности было нѣчто мистическое, вѣявшее религіозною благоговѣйностію, ибо дѣйствительно питалось ею. Не было въ этомъ отношеніи ничего показнаго ни въ одѣянιάхъ, ни въ стояніяхъ, но истинно царила внутренняя религіозная настроенность. И еще предъ самымъ поступленіемъ насъ, — помню, — весьма поразилъ академическій врачъ П. П. Аристарховъ, который при осмотрѣ

обыкновенно говорилъ слабымъ: «Молитесь преподобному Сергію», часто повторяя это и послѣ при другихъ консультаціяхъ. А потомъ пошло какъ будто совсѣмъ иначе, и въ подобныхъ случаяхъ стали выщупывать ребра и возвращать вспять чуть не за вырванный зубъ... Самою тяжкою провинностію считалось непосѣщеніе богослуженія, и никому нельзя было не приложиться къ Евангелію за всенощной. Всѣ это знали, и никто не видѣлъ здѣсь полицейскаго надзора, котораго и вообще не существовало въ позднѣйшемъ употребленіи эпохи монашескаго чиноначалія. Было для всѣхъ аксіомою самой жизни, что святое дѣло молитвенной религіозности требуетъ заботливаго попеченія, и на него всего менѣе могли претендовать или жаловаться неисправные. Богослужебный чинъ академическаго храма примѣнялся къ лаврскому, и часто служили съ канонархами, по субботамъ же множество студентовъ непремѣнно старались попасть въ Троицкій соборъ на литію, чтобы послушать громогласное и величественное пѣніе «Преславная днесъ...»

Все описанное исполнялось безъ принужденія и не ради повинности, а по сердечному влеченію и доброму обычаю. И инспекція блюла собственно послѣдній, полагая въ этомъ главнѣйшую функцію своего служенія. Формы и правила сохранялись и поддерживались, но стояли на второмъ планѣ, поелику создавались жизнью и заключались въ ней самой, гдѣ вырабатывались и примѣнялись по преданію и наслѣдованію. Это былъ воплощенный законъ, провѣренный опытомъ, и потому благотворный, а не вредный для всѣхъ произволь послѣдшаго усмотрѣнія и пристрастнаго фаворитизма. Инспекція берегла и регулировала нормирующій процессъ, не вмѣшиваясь своею навязчивостію менторства или придиричivosti и не залѣзая въ тайники душъ со слащавою вкрадчивостію подозрительнаго панибратства послѣдующихъ временъ, раздѣлившихъ студенчество на козлицъ и любимчиковъ съ кличками Вася, Миша, Алеша... Говорили и были убѣждены, что нашъ почтенный инспекторъ П. И. Горскій-Платоновъ, живя внѣ Академіи за стѣнами Лавры, зналъ все про всѣхъ и удивительно поспѣвалъ вездѣ, куда всего менѣе былъ желателенъ для студентовъ, но онъ никогда не приставалъ съ нотаціями на мѣстѣ преступленія (пролетая по номерамъ стрѣлой со словами: «Нельзя да-съ, нельзя да-съ!» и под.), избѣгалъ напрасныхъ столкновеній и рѣзкихъ осложненій, преткнувшихся по неопытности и павшихъ по увлеченію старался спасать, а не карать, какъ дѣлали потомъ; умѣлъ многое хранить про себя и долго молчать, чтобы въ благопріятныя минуты все выложить разомъ съ такою внушительностію, что всякій былъ долженъ слушать—съ раскаяніемъ и соглашаніемъ—съ обѣщаніемъ. Не было, кажется, случая, чтобы

кто-либо не догадался, за что и почему он понес известное наказание, которое было далеко не редкостью у этого инспектора, вовсе не заискивавшего у студентов. И ни один при окончании курса не ушел от него без назиданий, где каждому припоминалось из студенчества все, о чем он уже забыл или не желал помнить и что не следовало повторять и продолжать в жизни... Хорошо знаем, что эти напутственные уроки часто приносили самые счастливые плоды. Слышался тон отеческий, который держал и грозный по внешности наш величественный ректор о. С. К. Смирнов, внушавший почтение не воздействием своего высокого звания, а собственно тем, что он был ученый историк родной всем Академии. Предь нами были как бы главы семейств, дорожившие собою лишь для процветания своего дома и членов его, а не случайные и чуждые соискатели великих почестей и скорых восхождений только для себя... Пока господствовали еще нравы незабвенного о. А. В. Горского, который был преемственным академическим «папашей» и с этим трогательным ореолом сохранился до нашего поколения, как священный символ академических идеалов. А они заключались в веру, осмысленной и обоснованной знанием, и в науку, очищенную и возвышенную парениями веры. Таков был академический алтарь, и на нем не приносилось никаких жертв Богу истины, кроме плодов любви и преданности ей. Без зависти и соперничества Академия в своей области хотела идти вровень с дорогим для всех Московским Университетом и всегда чувствовала с ним живую духовную связь, прекрасным залогом которой был В. О. Ключевский, гармонически воплощавший преимущества обеих школ. И ничто не ценилось выше чистого служения науке по взгляду студентов и профессоров. Внешние отличия и высокие отношения, какими располагали немногие, вызвали больше подозрения, чем возобладавшего потом преклонения и даже пресмыкательства. И о смиреннейшем В. Д. Кудрявцеве-Платонове ничуть не вспоминали, что он некогда преподавал покойному Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, но с особою проникновенностью душевно читали в нем христианнейшего философа, который на вопрос митр. Филарета о вознаграждении за эти придворные уроки: «Ты честолюбив или сребролюбив?» спокойно и просто ответил: «Ни то, ни другое», и не стал больше рассуждать по данному предмету. Равным образом о Н. И. Субботине старались забывать, что он близок к Петербургским сферам, видя в нем лишь прекрасного расколовца и ревностного полемиста в пользу православия. Важен был один научный ценз, и предь ним преклонялись не ради лиц, а во имя науки, которая была единственною

мѣрой для всѣхъ и настолько проникала всю атмосферу, что даже знаменитая прислуга великаго научнаго столпника Е. Е. Голубинскаго обыкновенно съ гордостію заявляла: «*Мы исторію пишемъ*»... Вся корпорація спланивалась этимъ научнымъ священнослужительствомъ и вдохновлялась его высокими требованіями. Конечно, не всѣ одинаково могли, но всѣ равно старались, держались и стремились, напоминая должное если не успѣхами, то усиліями. И среди старыхъ и въ группѣ молодыхъ были истинные орлы, которые парятъ еще доселѣ, а другіе не портили ансамбля или сами ступшевывались, такъ что идеаль всегда стоялъ ярко, не помрачаясь и не мерца. Для каждаго обязательно было искать научнаго совершенства, не выдавая за таковое даже самую огромную эрудицію. Необходимымъ считалось и учить и учиться. Вотъ почему не казалось ненормальностію и никого не поражало, что въ свободные часы одинъ профессоръ иногда бывалъ на лекціи у другаго, какъ это не рѣдко случалось по отношенію къ В. О. Ключевскому и Ал. П. Лебеву со стороны благочестивѣйшаго Д. Θ. Голубинскаго, но въ свою очередь и его, — достойнаго сына своего славнаго отца-философа прот. Θεодора Александровича, — охотно посѣщали всѣ студенты на урокахъ и на опытахъ, хотя онъ читалъ необязательный предметъ «естественно-научной апологетики», восторженно раскрывая премудрость и благость Божію въ мірозданіи, въ устройствѣ и явленіяхъ вселенной. И профессора вовсе не старались «блистать» на кафедрахъ, ибо простое красноречіе всегда создавало лишь добродушно-ироническую репутацію водолейства. Вліяли и покоряли только знаніемъ, которое почтенно какъ своею силой, такъ и тѣмъ, что не преувеличиваетъ своей ограниченности. И никогда не забыть того глубочайшаго впечатлѣнія по всей Академіи, когда Е. Е. Голубинскій, считавшійся вмѣстилищемъ всей исторической премудрости, разъ сказалъ намъ на лекціи, что онъ не пришелъ пока къ окончательному рѣшенію по какому-то мелкому вопросу касательно взаимоотношеній Новгорода и Пскова, между тѣмъ сейчасъ же представилъ цѣлый рядъ серьезно обоснованныхъ мнѣній. Зато предъ нимъ, — чуждымъ всякаго внѣшняго величія до радикальнаго отрицанія его, — ступшевывался самъ сурово-властный митроп. Іоанникій, который на экзаменахъ по всякимъ своимъ замѣчаніямъ и объясненіямъ обращался: «Такъ ли, Евгений Евсигнѣевичъ?» и получалъ одинаково откровенное и подтвержденіе и опроверженіе. Невольно подчиняло всѣхъ, что это были не научные чиновники, а жрецы науки, — и ихъ окружали ореоломъ неприкосновенности ради профессорства, почему студенты почувствовали лично обиженными, когда въ бесѣдѣ съ ними тотъ же Іоанникій косвенно и слегка задѣлъ одного молодого преподавателя. Во всеобщемъ

сознаніи стояли впереди именно тѣ, о которыхъ справедливо говорили, что изъ ученаго кабинета у нихъ есть только три дороги — въ храмъ, аудиторію и библіотеку. Все остальное было безразличнымъ, побочнымъ и добавочнымъ по сравненію съ единымъ культомъ науки. Естественно, что всякій большой ученый профессорскій трудъ былъ гордостію для всего академическаго братства и горячо обсуждался со всѣхъ сторонъ, а дѣйствительный научный успѣхъ вызывалъ широкую радость. Ученые диспуты считались настоящими праздниками прямо священнаго характера. Не застали мы уже того времени, когда на нихъ съѣзжалась къ «Сергію-Троицѣ» вся ученая Москва со включеніемъ достопочтеннѣйшаго Московскаго духовенства, всегда жившаго неразрывно отъ Академіи; но все-же это была такая вечеря, на которую нельзя войти съ притязаніями на магистерство не въ брачной одеждѣ, и соискатель не рѣшался показаться, ибо авторитетный рецензентъ предупреждалъ, что ему будетъ стыдно возражать на такую книгу. Выступали съ дѣльными сочиненіями хорошо освѣдомленные въ данной области люди, — и собесѣдованія носили живой характеръ высокой поучительности, служба предметомъ долгихъ и—часто—горячихъ студенческихъ дебатовъ, гдѣ диспутъ не только повторялся, но умножался и повѣрялся всесторонне съ пересмотромъ самыхъ источниковъ. А въ концѣ концовъ торжествовали всѣ, потому что всегда получалось нѣкое научное приобрѣтеніе (хотя бы для русской богословской литературы). Потомъ произошла рѣзкая перемѣна, и новый ректоръ сначала совсѣмъ запретилъ допускать студентовъ на эти ученые турниры, называвшіеся теперь коллоквиумами. Когда же мы заявили настойчивое желаніе присутствовать тамъ,—делегаты нашего курса были лишены казеннаго содержанія на полгода, — очевидно,—за излишнюю научную любознательность... Диспуты превращались теперь въ какую-то тяжелую формалистику, для всѣхъ участниковъ не вполнѣ безопасную, если послѣ защиты этотъ ректоръ, никого не освѣдомивъ, подалъ (черезъ митрополита въ Синодъ) особое мнѣніе о внѣшнемъ поведеніи магистранта на каедрѣ, и этотъ немолодой уже доцентъ долженъ былъ ѣхать потомъ въ Казань на вторичное истязаніе. Для издавшихъ лучшія времена—диспуты нынѣ становились грустнымъ зрѣлищемъ прискорбной каррикутуры, и освященное прежде—дѣлалось смѣшнымъ. Такъ возникли на нашемъ курсѣ пародіи на нихъ со всею торжественною обстановкой—диссертациею съ тезисами на нелѣпныя или курьезныя темы (напр., «о тритонахъ въ монастырскихъ прудахъ», «объ ученыхъ трудахъ вышеупомянутаго о. Рафаила», передававшихся «по преемству въ тайнѣ», какъ объяснилъ авторъ во время преній въ отвѣтъ на возраженія) и диспутированіемъ

ихъ при двухъ избранныхъ оппонентахъ и желающихъ добровольцахъ. Было забавно и занято при тоскливомъ однообразіи безцвѣтной жизни забитой въ монастырь молодежи, но скоро эти дѣйства прекратились сами собою, ибо горько и несносно стало смѣяться, когда хотѣлось и нужно было плакать. Впрочемъ, случилось это не сразу, а пока всѣ спасались подъ знаменемъ науки, которая покрывала всякіе недостатки не всегда идеальной дѣйствительности, поскольку все окрашивала своимъ свѣтомъ, будучи жизненнымъ центромъ всего тогдашняго академическаго бытія. Правда, не было въ немъ широты кругозора при излишней преувеличенности самосознанія и самомнѣнія, такъ какъ—за отсутствіемъ широкой перспективы на узкомъ горизонтѣ — легко было показаться самому и принять другого за звѣзду первой величины, но это вина уже заброшенности и оторванности отъ общихъ церковно-государственныхъ интересовъ, между тѣмъ доселѣ не хотятъ признать и исправить этого, принудительно загоняя профессуру въ деревенскій *Посадъ*, а въ то время деспотически погасили мужественную и авторитетную инициативу просвѣщеннаго Московскаго духовенства о перенесеніи Академіи въ Москву, гдѣ ей удобнѣе было и ярче сіять и лучше вліять.

Однако и на старомъ неудобномъ мѣстѣ она достойно стояла на ученой стражѣ и плодотворно служила успѣху научнаго просвѣщенія. Это была пора органической жизни внутренняго самообладанія и творческаго функціонированія Академіи, которая держалась собственными началами и питалась свойственными ей источниками. Но увяданіе было уже несомнѣнно и неизбѣжно. Постепенно все больше и больше входилъ новый уставъ, но онъ мало прививался, и всѣ чувствовали себя при немъ необычно и странно. Въ началѣ этотъ новичокъ вступалъ подъ защиту стараго, но когда послѣдній прекратился насильственно ускоренною смертію,—ему и при свободномъ мѣстѣ не оказывалось прочной почвы въ Академіи. Видно было, что всѣ такія новшества не выросли органически въ качествѣ естественнаго жизненнаго продукта, а привносятся искусственно по соображеніямъ, довольно отдаленнымъ отъ научно-академическихъ задачъ. Прежніе дѣятели были непригодны для подобныхъ экспериментовъ, и ихъ убрали, частію не совсѣмъ вѣжливо, частію же и вполне невѣжливо. На смѣну прибыли новые люди, и открылась эпоха академической поднадзорности, приведшая къ безправной безответственности при господствѣ и обиліи всякихъ стѣсненій... Водворились чужія лица, которыя чаще всего и потомъ оставались чуждыми Академіи. Обыкновенно выступали они «съ началомъ и властію», а первый изъ этой серіи прямо «пришелъ съ грозой военной». Замкнутый, нелюдимый и неиз-

мѣнно мрачный,—онъ былъ всегда и для всѣхъ одинокъ, являясь повсюду ходячею угрозой. Воцарилась жуткая напряженность, каждую минуту предвѣщавшая громъ не изъ тучи по доносу или недоразумѣнію призваннаго имъ родича—іеромонаха для полицейскихъ функцій. Вся миссія сводилась (—по внушеніямъ свыше и фактически—) къ тому, чтобы ввести новый законъ во всей «строгости» (вполнѣ неизбѣжной при его неожиданности), обуздать зараженныхъ прежнимъ «своевольнымъ духомъ» и поднять авторитетъ власти. Поелику все такое устроилось если не цѣликомъ противъ, то совсѣмъ помимо Академіи и ея подвижниковъ, — при этомъ необходимо превыше всего поднялась единая ректорская персона съ личнымъ гоноромъ и собственнымъ прсизволомъ. Случилось это, можетъ быть, и невольно, а лишь усугублялось особенностями подозрительнаго и зловѣщаго характера. Вездѣ и во всемъ доминировала притязательная амбиціозность, по воспріятіи епископства развившаяся до ненормальныхъ предѣловъ, — и теперь до собора въ 10 шагахъ отъ квартиры ректоръ ѣхалъ непремѣнно въ каретѣ парой, съ намѣстникомъ же Лавры, вліятельнымъ и властнымъ архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ), доселѣ пріятелемъ своимъ, доходилъ до соблазнительныхъ осложненій въ самомъ храмѣ, какихъ не могъ потушить даже крутой митрополитъ Іоанникій, между тѣмъ студентовъ почти совсѣмъ перестали пускать для занятій въ богатую лаврскую бібліотеку рукописей. Ректоръ не хотѣлъ поступиться собою ради Академіи, ибо вѣдь она существовала для него и привлекала вниманіе только по его спеціальнымъ интересамъ... Наука тоже какъ будто цѣнилась не сама по себѣ и культивировалась по нуждамъ ректорскаго престижа. И вотъ онъ пишетъ и печатаетъ докторскую диссертацию, но съ трескомъ проваливается даже въ родной ему Академіи, нашедшей, что все въ ней взято и неудачно обработано съ нѣмецкихъ книжекъ. Лекціи были просто парадною выставкой ректорскаго величія. Никогда не показываясь въ профессорской комнатѣ, онъ въ сопровожденіи келейника и служителя прямо слѣдовалъ въ аудиторію, и ему устраивалась торжественная встрѣча, съ пѣніемъ архіерейскаго «Достойно», — точно въ церкви, да тоже происходило и по окончаніи. На урокъ оставалось совсѣмъ немного времени, и все здѣсь ограничивалось деревяннымъ, пренебрежительно-невнятнымъ чтеніемъ тетрадки, списанной съ нѣмецкаго пособія и давно напечатанной по-русски самимъ лекторомъ. Академическая каѳедра обратилась въ архіерейскія подмостки, потерявши свою научную священность, и ректоръ, расположившись на высотѣ, какъ бы съ намѣреніемъ часто и громко плевался черезъ нее по направленію студентовъ, изъ коихъ одинъ (блаженный іерей) садился поближе и при

каждомъ такомъ случаѣ крестился, тихо повторяя: «Господи, помилуй!»... Студенчество было шокировано этою явною профанаціей, мало посѣщало лекціи, не смотря на запрещенія и полицейскія мѣры. Отъ подобнаго напора все въ Академіи трещало и вопіяло настолько, что разъ даже убогій о. Рафаиль, воспитывавшій на свои жалкіе гроши и студенческіе обноски цѣлую плеяду племянниковъ, возмущился въ своемъ уничиженіи и возсталъ на ректора съ ревностію Іліи, — конечно, безъ всякаго результата кромѣ большого огорченія для себя...

Но наряду съ властію новаго закона захотѣли показать и его силу, которая совершается въ немощи. Для сего прислали изъ другой Академіи типичнаго въ этомъ смыслѣ инспектора. Ему предшествовала чрезвычайно лестная репутація солиднаго ученаго и даровитаго человѣка, пошедшаго въ монахи послѣ какой-то тяжелой катастрофы въ личной жизни, потерявшей тогда всякую опору въ мірѣ. Скоро все разсѣялось, яко дымъ, хотя на первыхъ порахъ студенчество собиралось послушать его даже со всегда привлекавшихъ лекцій В. О. Ключевского и изъ обычно многолюдной аудиторіи Ал. П. Лебедева. Фигура—жалкая, манеры—неуклюжей робости въ непривычномъ и непривычномъ къ нему монашескомъ одѣяніи, лекторскихъ дарованій ни малѣйшихъ, ученость—дугая и чужая, ибо сами студенты безъ труда разоблачили, что большинство изъ напечатаннаго имъ взято съ иностраннаго и не всегда разсудительно и со смысломъ. А по инспектурѣ это былъ прямо невмѣняемый младенецъ, неспособный ни для какого начальствованія. Со студентами сперва онъ держался за панибрата и любилъ дѣлиться темными сплетнями про сослуживцевъ, иногда похожими на криминальныя инсинуаціи (о своемъ предмѣстникѣ), между тѣмъ въ корпораціи—при всѣхъ провинціальныхъ раздорахъ—не допускалось прежде ничего подобнаго, не смотря на непосредственную близость къ ней студенчества въ Посадѣ. И вотъ ректоръ давилъ профессуру сверху, а инспекторъ подтачивалъ ее снизу. Такая политика не могла удержаться прочно и недолгѣ стала для всѣхъ подозрительной. Начали иронически поговаривать, что инспекторъ занялъ эту должность лишь потому, что передѣлалъ на монашескій лады полы своей шубы, не сумѣвши исправить воротникъ и рукава... Это придавало всему тусклому облику, напоминавшему рыцаря печальнаго образа, рѣзкій оттѣнокъ комичности, въ которой и погибла вся его прокатная репутація. Студенты постепенно уклонялись и отчуждались, а онъ замыкался и озлоблялся. Въ результатѣ послѣ нѣсколькихъ прискорбныхъ инцидентовъ сильно запахло крахомъ,—и инспекторъ исчезъ изъ Академіи ни для

кого незамѣтно, оставивъ одно воспоминаніе, что онъ «былъ и сплылъ».

Тогда подѣ-стать ректору нашли ему помощника въ лицѣ провинціального семинарскаго преподавателя, который, не отличаясь ни малѣйшею приткостію ни въ одномъ отношеніи, сразу перескочилъ на высокій постъ академическаго инспектора, чего прежде не только сдѣлать, но и вообразить было невозможно. Вотъ сколь эластичны были пружины въ новомъ механизмѣ устава 1884 года!.. А объ этомъ человѣкѣ семинарскіе питомцы давно рассказывали академическимъ товарищамъ потѣшные анекдоты насчетъ его педагогической примитивности. Чуть не вчера онъ съ грѣхомъ пополамъ вынужденною милостію получилъ магистерство при явномъ неодобреніи всего студенчества, а сегодня былъ для него уже начальникомъ. И понятно, что—за отсутствіемъ всякихъ другихъ ресурсовъ—ему потребовалось утверждаться на своей позиціи чисто внѣшними мѣрами. Это былъ честный законникъ, но съ тугимъ пониманіемъ и механическимъ примѣненіемъ Крыловскаго медвѣдя. Онъ днями заперъ спальни, но тамъ иногда были комнатки, гдѣ помѣщались—по одному—студенты IV-го курса для удобства занятій кандидатскими сочиненіями. Тѣмъ не менѣе нельзя стало говорить, что живешь въ спальнѣ таксой-то, а нужно было повторять изсбрѣтенную имъ нелѣпую формулу: «въ занятной, которая находится въ спальнѣ»... Законъ былъ въ его рукахъ смертоносною буквой, и онъ рѣшительно настаивалъ, что разъ употребленіе спиртныхъ напитковъ студентамъ возбраняется,—для него безразлично, выпилъ ли человѣкъ одну рюмку или цѣлое ведро, ибо равно подходитъ подѣ дѣйствіе правилъ. И вѣдь ужасно подумать, что по такой абсурдной логикѣ было изгнано съ IV-го курса за полгода до окончанія чуть не до десятка студентовъ, поскольку отъ того пахло водкой, у другого въ шкапикѣ для домашнихъ вещей оказались пустыя бутылки и т. п. Предметомъ большого огорченія для инспектора и открытыхъ жалобъ служила ему неудача, что онъ не могъ поймать нѣкоего ловкаго товарища, котораго подозрѣвалъ въ запрещенномъ спиритуализмѣ. Для выхода изъ стѣнъ Лавры были заведены особые билеты, и каждый обязывался брать ихъ по записямъ, хотя въ Посадѣ всѣ и всякаго знали до послѣднихъ мелочей костюма... И будто бы самъ инспекторъ тайкомъ слѣдилъ за гулявшими студентами у окна своей квартиры или чрезъ особыя оптическія приспособленія, чтобы уловлять «преступниковъ». Второе, конечно, фантазія, но каковъ же моральный вѣсъ былъ у подобнаго начальника въ глазахъ всего студенчества?! Еще меньше былъ авторитетъ его въ научно-педагогической области, гдѣ этотъ человѣкъ съ гимназическимъ среднимъ образованіемъ представлялся сплошнымъ курье-

зомъ для всей Академіи. О немъ увѣренно говорили, что въ семестровомъ сочиненіи В. Д. Кудрявцеву о философіи Декарта онъ со всею документальностію раскрылъ не только сходство, но и различіе его по отношенію къ Картезію... Усердный, но весьма ограниченный семинарскій преподаватель, едва разбиравшійся въ догматикѣ между «Мокариемъ большимъ» и «Мокариемъ маленькимъ»,—инспекторъ былъ прямо жалокъ на профессорской кафедрѣ, читая «введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ», каковой предметъ—по идеѣ—долженъ былъ служить основоположительнымъ для всего богословія. И теперь стыдно за эти дѣтскія лекціи со скудными мыслями изъ самыхъ элементарныхъ (по преимуществу — русскихъ) книжекъ въ дубовомъ изложеніи. Жалкое впечатлѣніе усиливалось необыкновенно страннымъ построеніемъ, ибо каждое чтеніе всегда заключало принятое для всѣхъ определенное количество пунктовъ, а лекторъ усердно пересчитывалъ ихъ грубоватымъ сѣвернымъ выговоромъ (съ рѣзкими удареніями на о): «во-первыхъ», «во-вторыхъ»... и, дойдя до послѣдняго своего термина, обязательно заканчивалъ обсужденіе даннаго вопроса, чтобы въ другой разъ заняться уже новымъ, начавъ опять съ первой цифры... Получалась трагикомическая картина повторительныхъ курсовъ механическаго счета по пальцамъ... И студенты должны были съ возможною буквальностію докладывать подобныя тетрадки на экзаменахъ, гдѣ иногда весьма бурно возмущался даже митроп. Іоанникій, но студентъ, указывающій на точность своего отвѣта сравнительно съ оригиналомъ, все-таки платился за суровый владычній гнѣвъ чуть ли не единицей... Можно ли удивляться и справедливо ли возмущаться, что и теперь инспекторское правленіе разрѣшилось крахомъ при звонѣ разбитыхъ стеколъ и увѣковѣчено стихотворною пародіей въ остроумной передѣлкѣ Лермонтовскаго «Скажи-ка, дядя»?.. Я не дожилъ до этого печальнаго приключенія, и уже въ Петербургѣ мнѣ пришлось подобрать и поддержать нѣкоторые обломки крушеній этого инспекторскаго режима.

А гдѣ же была и чтò представляла за это время Академія? Вотъ въ томъ-то и величайшая бѣда, что о ней всего менѣе думали всѣ новѣйшіе властители по уставу 1884 года и его позднѣйшимъ «улучшеніямъ», иногда столь дивнымъ, что, напр., въ апробированной редакціи 1912 года § 34-й (о санѣ ректора) прямо отрицается вторымъ примѣчаніемъ къ нему и наоборотъ... Академія должна была служить жизненнымъ центромъ, къ которому устремляются всѣ силы, чтобы способствовать его росту и вліянію и отъ него почерпать для себя вдохновеніе и заправленіе, а фактически было совсѣмъ напротивъ, что ее считали и трактовали лишь мертвымъ орудіемъ для партійныхъ экспериментовъ и удобною

средой для испытанія способностей у неопытныхъ механиковъ изъ черноризцевъ... Она жила и функционировала для того, чтобы въ союзѣ вѣры развивать, углублять и обогащать богословскую науку, но теперь ее третировали и профанировали почти систематически. Слава ея попиралась и ореоль стирался. Немного осталось радѣтелей и поклонниковъ академическаго научнослужительства. Съ отрадою и благодарностію констатирую, что приснопамятный митрополитъ Антоній (Вадковскій) всегда былъ вѣренъ ему и, извѣдавъ и видѣвъ всякое величіе въ мірѣ, съ рѣшительностію заявлялъ намъ неоднократно, что не знаетъ служенія выше и чище научно-академическаго. Но это были рѣдкія и рѣдкостныя исключенія, хранившія въ душѣ чистые завѣты свѣтлаго прошлаго. И когда этотъ благороднѣйшій іерархъ на юбилейномъ актѣ по случаю столѣтія С.-Петербургской Академіи въ четвергъ 17-го декабря 1909 г. имѣлъ мужество сказать «святая Академія»,—его благословенныя слова ставили ему въ укоръ и даже въ поношеніе, не желая находить тамъ ни святыни, ни святости... Тускнѣли и меркли научные идеалы, а вмѣстѣ съ этимъ лишалась идейной жизненности и научная академическая работа. Алтарь науки постепенно закрывался, и научный трудъ терялъ свою священность почитанія и поклоненія. Научные подвижники сохранялись и по счастью не умираютъ въ своемъ духовно-независимомъ преествѣ, но уже не было осѣненного достойнымъ благоговѣніемъ научнаго культа, въ которомъ личное усердіе находить высшее мистическое освященіе, получая единственно зиждительный характеръ всецѣлаго служенія Богу истины. Жрецы науки оказались безъ общаго священнаго жертвенника, превратившись въ простыхъ научныхъ работниковъ по личнымъ влеченіямъ или партійнымъ интересамъ. Живой организмъ превращался въ механической агрегатъ. Отдѣльные члены замкнулись у своихъ домашнихъ очаговъ, пока и туда не проникла чистилищная язва, погубившая многихъ изъятіемъ ихъ изъ академической среды живыхъ дѣятелей тѣми или иными способами... Академія же безъ своихъ нормальныхъ жизненныхъ отправленій атрофировалась, замирала и являлась какъ бы несуществующею—если не по обязанностямъ, то по своимъ правамъ.

Предъ этимъ временемъ я растался съ Alma Mater и не могу судить непосредственно. О всѣхъ перипетіяхъ расскажутъ потомъ ближайшіе свидѣтели и подневольные участники, когда отверзутся сомкнутыя теперь уста ихъ. Впрочемъ, и со стороны было ясно главное теченіе, хотя оно лучше извѣстно тѣмъ пловцамъ, кто по милости Божіей не захлебнулся и не потонулъ. Во главѣ стали появляться не простые ректора, а властители думъ разнообразнѣйшихъ темпераментовъ, всѣхъ цвѣтовъ и всякихъ оттѣнковъ—включительно до такихъ, у кого «умяк-

нуша словеса паче елея,—и та суть стрѣлы»... Невозможно ихъ не только объединить, но и подвести подъ одну категорию, ибо они рѣшительно не объединялись никѣмъ и ничѣмъ по академическому дѣлу, взирая на него лишь гордымъ окомъ и вздыхая несытнымъ сердцемъ къ іерархическому повышенію. Все это временные владыки, которые должны были и старались проявлять всю полноту своего владычества въ кратчайшій срокъ и во всемъ блескѣ. Столь трудная задача, неосуществимая фактически для простыхъ смертныхъ, обыкновенно разрѣшалась каждымъ съ геніальностію Цезаря: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Они все знали, и не было науки, недоступной ихъ безапелляціонному суду, который напрасно смѣшивался съ предоставленнымъ контролемъ относительно церковности и ортодоксальности. Всѣ специальности и частные вопросы въ нихъ равно имъ знакомы и подвѣдомы,—и съ изумительною легкостію не только читались, но и печатались систематическіе курсы по всякимъ предметамъ. Носители православія естественно мнили себя величайшими авторитетами въ его истолкованіи и «обновленіи» (хотя бы декадентско-богоскательскаго футуризма)—съ правомъ непогрѣшимаго рѣшенія надъ всѣми работниками въ этой области, смѣло раздавая непрошенные дипломы и еще менѣе требуемые приговоры. Такіе научные корифеи, конечно, достойны всякихъ богословскихъ отличій и получаютъ ихъ просто и безпрепятственно, ни въ комъ не нуждаясь, поскольку сами себѣ и другъ другу передаютъ всякія степени или получаютъ по приказу свыше, между тѣмъ митр. Исидоръ (Никольскій) почиталъ для себя слишкомъ великимъ званіе доктора богословія и отклонилъ подобное ходатайство о немъ Петербургской Академіи за его труды по переводу и изданію Библии на русскомъ языкѣ. Теперь были другія времена и иные люди, сіявшіе докторствомъ по самому положенію, которое превышало всѣ ученыя градаціи и непосредственно поглощало ихъ. Разумѣется, въ администраціи и педагогіи совершались всякія чудеса, особенно поразительныя и поучительныя въ нашъ вѣкъ невѣрія и строгой законосообразности. Въ главнѣйшихъ чертахъ отмѣченнаго свойства почти всѣ эти властители сходились, и общимъ для всѣхъ было то, что каждый сознавалъ, говорилъ и творилъ по принципу: «Академія—это я!». И вотъ по уходѣ ихъ всякій разъ должно было оставаться пустое мѣсто съ неизбѣжными слѣдами, что тутъ жили постояльцы, упразднившіе хозяевъ... Одинъ уносилъ съ собой Академію, другой заводилъ свою и вскорѣ опять бралъ ее съ собственнымъ багажемъ, а объективной и независимой академической школы какъ будто не было совсѣмъ.

Особенности лицъ и настроеній не играли исключительной роли, ибо этотъ результатъ вызывался и оправдывался

самымъ ходомъ вещей. Причина была не просто въ людяхъ, и многіе изъ нихъ—сами по себѣ—не лишены были достоинствъ, хотя своему идеальному назначенію духовно-академическихъ вождей не удовлетворяли всѣ во всей совокупности и безъ всякихъ исключеній, хотя иногда и уходили съ подогрѣтыми триумфами ухищреннаго изготовленія. Даже члены начальной триады не были чисто отрицательными величинами, если не считать перваго инспектора, чловѣка явно больного и не совсѣмъ вмѣняемаго. Ректоръ былъ послѣ, яко бы, добрымъ архипастыремъ, но не приобрѣлъ благоволенія у чловѣковъ въ сферахъ и преждевременно вышелъ на необезпеченный покой, а второй инспекторъ, не поднявшись выше прежняго головой, былъ ревностнымъ и справедливымъ архіереемъ, который обнаружилъ рѣдкое мужество грознаго обличителя разныхъ узурпаторовъ благочестія и до конца пребылъ вѣренъ долгу нелицепріятности... Всѣхъ ломала тогда и калѣчила принудительная система, и это неотразимо свидѣтельствуешь, какъ мало вытекала она нормальнымъ путемъ изъ предшествующаго. Послѣднее, конечно, нуждалось въ исправленіяхъ и улучшеніяхъ на основаніи опыта, соотвѣтственно росту всей жизни и развитію всякихъ отношеній, но для этого требовалось органическое преобразование, когда самыя новшества должны были мотивироваться жизненными запросами прошлаго, предопредѣлявшими будущее. Вопреки сему былъ произведенъ механический переворотъ, гдѣ старое не могло уходить съ миромъ, не видѣвши спасенія своего, и мучилось отъ грубаго устраненія, а новое вынуждалось только тѣснить и разрушать, не имѣя энергіи жизненнаго творчества и не находя для себя готовой почвы. Оно вступало съ достаточнымъ насиліемъ, и потому его вожаки даже невольно оказывались угнетателями по обязанности. При подобныхъ качествахъ и условіяхъ трудно было воплотиться съ точностію такимъ нормамъ, и наряду съ ними сразу насаждаются безчисленныя изытія, которыя, начавшись и продолжаясь сверху, захватывали и академическіе низы. Законъ никогда не примѣнялся цѣликомъ во всей чистотѣ, не провѣрялся жизнью и не корректировался опытомъ, почему остается неизобличеннымъ фактически и неуловимымъ для сокрушительной критики... Обѣ стороны были правы, потому что каждая находила виновника въ другой. Создавался заколдованный кругъ, достойный Александра меча не меньше Гордіева узла.

Принципіальный же результатъ былъ печальный, что Академія, какъ самостоятельное жизненное учрежденіе, упразднлась и системою и лицами. Самое существо какъ-то необычно перевернулось, и если прежде всѣ ей служили и въ этомъ полагали священную цѣль, то теперь она должна служить всѣмъ,

чего бы каждый ни пожелалъ и куда бы ни повелъ. Подмѣнивались основныя задачи и усвоились обязанности не просто вспомогательныхъ, но и просто подручныхъ органовъ приказнаго типа, не способныхъ къ продуктивности безъ всегдашняго контроля. Стѣснительная поднадзорность лишала надлежащей активности, а безъ нея отъ вынужденнаго бездѣйствія необходимо портились главнѣйшія органическія отправленія. И нельзя было функционировать, когда это становилось небезопасно, и не усматривалось надобности, коль скоро даже насущныя потребности (напр., замѣщенія профессорскихъ кафедръ) удовлетворялись помимо этихъ функций или вопреки имъ—съ нарушеніемъ устава, въ которомъ по желанію и вкусу легко измѣнялся любой параграфъ, до того, что профессора стали перемѣщаться подневольно и неожиданно—«для пользы службы», хотя бы и не дѣлу... Развивалась протрація инертности, и въ итогѣ опекунскаго положенія получалась трагическая разруха безъ всякихъ отвѣтчиковъ, поелику неимѣющей правъ не несетъ и отвѣтственности, а обладающей всѣмъ полноправіемъ превыше ея...

На этомъ просторѣ открывалось въ самой академической средѣ большое приволье лишь лжепрофессорству со всякими искателями и паразитами, но и они держались на тѣлѣ Академіи и питались ея соками, истощая послѣднія жизненныя силы, какія еще не были выжаты. Такъ не могло продолжаться безконечно, ибо въ исходѣ не предстояло и не предвидѣлось другого выбора, какъ умереть или воспрянуть. По жизненной необходимости и неустранимости академическаго служенія—наступило второе, и началась «весна». Но она явилась послѣ тяжелой зимы съ глубокими снѣгами, свирѣпыми вьюгами и жестокими морозами, почему естественно была многоводна и бурлива. Нужно было дать свободу схлынуть кипѣвшимъ потокамъ, не жалѣя наноснаго мусора и отработаннаго матеріала, чтобы потомъ рѣка потекла плавно и спокойно среди зеленѣющихъ береговъ. вмѣсто этого отъ напраснаго страха поспѣшили разставить вездѣ скороспѣлыя и неумѣлыя плотины, полетѣвшія съ трескомъ и шумомъ. Въ этомъ стихійномъ погромѣ порядкомъ пострадали всѣ стороны, — и кому досталось больше—властямъ или подчиненнымъ, сказать пока трудно, да, пожалуй, и не нужно. Несомнѣнно и горько лишь одно, что академическая жизнь доселѣ не обрѣла нормальнаго теченія и подвергается многообразнымъ опытамъ начальственнаго регулированія, о которомъ одинъ академическій патріархъ 28 апрѣля 1914 г. писалъ намъ изъ Казани слѣдующее: «главная вина всѣмъ моимъ невздамъ, не прекращающимся и теперь, лежитъ въ новомъ академическомъ уставѣ и въ послѣдовавшихъ за нимъ мѣропріятіяхъ нашихъ реформаторовъ... Богъ имъ судья»!.. По истинѣ, здѣсь

грядущее сокрыто во мракъ неизвѣстности, и нѣтъ еще надлежащаго просвѣта при множествѣ мерцаній, мѣнявшихся съ быстротою и прихотливостію калейдоскопа. Прежняя томительная нудность не нашла пока счастливаго разрѣшенія въ прочности настоящаго и увѣренности въ будущемъ.

Мучительно сказать это въ послѣднемъ итогѣ, когда самъ сознаешь себя и чувствуешь повиннымъ участникомъ столь грустнаго процесса. Хотѣлось бы думать и внушить себѣ, что такой пессимизмъ служить лишь субъективнымъ отголоскомъ насѣдающей старости, которая свои немощи, скорби и разочарованія инстинктивно переноситъ на все окружающее, окрашивая его печальными тонами безнадежности и безотрадности, а въ прошломъ видитъ хорошее потому, что сама была лучше—здоровой, бодрой, жизнерадостной. Охотно готовъ бы согласиться съ этимъ, ибо, никому не помня зла, не желаю быть ни суровымъ критикомъ, ни холоднымъ судьей, а пишу съ любовію благодарнаго сына, болѣющаго за мать, съ которою неразрывно связанъ всѣмъ бытіемъ съ начала понынѣ. И въ тайникахъ этихъ живительныхъ духовныхъ отношеній слышится авторитетно подтверждающій голосъ, что въ моихъ словахъ есть достаточно настоящей правды. Но пусть она ни для кого не будетъ горькой и никому не колетъ глаза, поелику это не обличеніе озлобленія и не укоръ вражды, а скорбный отзвукъ сердечнаго соболѣзнованія и душевнаго благожеланія. И наряду съ давними и повсюдными стенаніями всего общеакадемическаго братства да послужитъ мой невольный вздохъ лишь сокрушеннымъ напоминаніемъ, что Академіи требуютъ не начальническаго давленія, заслуживая почтительнаго вниманія къ ихъ высокому духовному труду, и послѣдній тѣмъ достойнѣе и выше, что совершается въ той области, гдѣ долженъ царить единый свѣтъ небеснаго познанія. Имъ рѣшительно ничего не надо—никакихъ особыхъ отличій, привилегій и благъ (хотя пишуцій эти строки, будучи уже академическимъ доцентомъ, предъ самой масляницей въ февралѣ 1892 года получилъ жалованья ровно 30 рублей и, цѣликомъ уплативъ ихъ за комнату, дальше не имѣлъ мѣднаго гроша на пропитаніе...). Для нихъ желательнѣе всего отвѣтственная и обеспеченная уваженіемъ свобода преданно исполнять свою великую учительную миссію.

На этомъ священномъ поприщѣ дорогая Alma Mater подвизалась всегда съ честію и плодотворностію, боролась не по задорной воинственности, а для огражденія наилучшей продуктивности, несла бремена невзгодъ не безъ стенаній, но и безъ отчаянія, работала не эгоистически и утилитарно, ибо неизмѣнно старалась богатѣть только въ Бога истины—по мѣрѣ своихъ силъ и фактическихъ возможностей. Столѣтняя исторія молчаливо и скромно, но неотъем-

лемо и праведно возложила на главу ея вѣнецъ отъ камней честныхъ, какъ дань благодарности за благороднѣйшій просвѣтительный подвигъ созидательнаго духовнаго творчества и какъ святое благословеніе на дальнѣйшее служеніе въ правдѣ и преподобіи истины. Да будетъ же у нея слава вторая паче первая во вся роды вѣка, пока возсіяетъ чаемый и отражаемый ею свѣтъ невечерній, присносущный и незаходимый!

Профессоръ *Николай Глубоковскій*.

[XLIII-го курса (1884—1888 гг.) по поступленію
и XLIV (1885—1889 гг.) по окончанію].

Спб. 1914, VI, 10 (вторникъ), ровно черезъ 25 лѣтъ со дня совѣтскаго опредѣленія объ окончаніи академическаго курса 10 іюня 1889 года (въ субботу).

Алфавитный указатель личных именъ.

А.

- Абрикосовъ А. И.*, 685.
Августинъ (Виноградскій), архіеп. моск., 209, 237, 238, 239, 606, 607.
Августинъ (Сахаровъ), еп., 236.
Агапитъ (Введенскій), архіеп., 317, 617, 622.
Агавангель (Соловьевъ), архіеп., 59, 60, 84, 90, 307, 328, 580.
Азбукинъ В., 23.
Аксакова А. Ѳ., 728.
Аксаковъ И. С., 222, 226, 228, 481, 510, 533, 534, 536, 553, 558, 560, 569, 605, 617, 728.
Аксаковъ К., 510.
Аксаковъ Н., 155, 156, 554.
Аксаковъ С. Т., 228.
Александра Петровна, Вел. Кн., 514, 557.
Александровичъ Н. Г., 103.
Александръ Александровичъ, Императоръ, 734.
Александръ Николаевичъ, Императоръ, 96, 128, 134, 140, 197, 227, 334, 414, 472, 513, 566, 568.
Александръ (Павловичъ), еп., 516.
Александръ Павловичъ, Императоръ, 140, 680.
Александръ (Сервицкій), 59, 65.
Алексинскій Е. М., прот., 121.
Алексій (Дородницынъ), еп., 659.
Алексій (Лавровъ-Платоновъ), архіепископъ, IX, 124, 125, 126, 136, 138, 139, 142, 165—166, 185—187, 225, 232, 255, 266, 271, 278, 290, 484, 563, 564, 565, 579, 580, 581, 637—645, 728, 729, 730, 731.
Алексій (Новоселовъ), архіеп., 165, 557.
Алексій (Ржаницынъ), архіеп., 114, 279, 296, 316, 319, 706.
Алексій (Титовъ), архіеп., 594, 595, 596.
Альбицкій Я., 64.
Аманскій В., 43, 44, 45, 47, 49, 58, 61, 62, 63, 71, 76.
Амеросій (Ключаревъ), архіеп., 81, 82, 98, 104, 187, 196—197, 644.
Амеросій (Красовскій), архим., 712.
Амеросій (Николаевскій), архим. 261.
Амеросій (Подобьдовъ), митр., 239, 261.
Амфилохій (Казанскій), еп., 284, 697.
Амфитеатрова Анастасія, 233.
Амфитеатрова Л. В., 121.
Амфитеатровъ Георгій, свящ., 233, 234, 235.
Амфитеатровъ Е. В., проф., 84, 86—87, 88, 120, 121, 135, 136, 137, 138, 142, 162, 181, 182, 446, 468, 485, 494, 576, 578, 585, 634, 635, 740.
Амфитеатровъ Я. К., 234.
Анастасій іером., 655.
Андреевъ А. В., 729.
Андреевъ В. А., 728—733.
Андреевъ И. Д., профессоръ, 124.
Андрей (Поспѣловъ), іером., 104.
Аничковъ Н., 627.
Аничковъ-Платоновъ И. Н., 89, 90, 94, 219, 232.
Антонинъ (Державинъ), еп., 126.
Антоній (Амфитеатровъ), архіеп. 233.
Антоній (Вадковскій), митроп., 750.
Антоній (Коржавинъ), архіеп., 191—192.
Антоній (Медведевъ), архим., на-мѣстн. лавры, 123, 143, 148, 155, 249, 307, 391, 516, 565, 585, 587.
Антоній (Павлинскій), еп., 516.

Антоній (Храповицькій), архієп., 664—665, 726.
Анѳимъ, митр., 126.
Аполлосъ (Байбаковъ), еп., 235.
Апостолидисъ Г., 150.
Апостольскій П. М., 147.
Аристарховъ Пав. Прок., 740—741.
Аристовъ А., 59.
Аркадій (Феодоровъ), архієп., 38.
Арсеній (Москвинъ), митр., 38, 52, 155, 472, 479, 588, 170.
Арсеньевъ В. С., 519.
Артоблевскій, І. А., свящ., VI, 74—75.
Архангельскій В., свящ., 180.
Архидіаконскій М., 65, 66, 67, 76, 77.
Асоченскій В., 234, 44, 248, 250, 428, 438, 447.
Астринъ С., 17, 24.
Ахматовъ А., П., 570, 698, 699.
Аѳанасій (Дроздовъ), архієп., 38, 258, 301, 563.
Аѳанасій (Протопоповъ), архієп., 281.
Аѳанасьевъ А. Н., 374.
Аѳиновъ А., 14, 15, 20, 29, 30, 32, 34.
Аѳинскій П. И., прот., 95.

Б.

Бажановъ Вас. Бор. протопр., 580
Баженовъ В. И., 599
Бальбуциновскій Хр., 301.
Барсовъ А. А., 599.
Барсовъ Е. В., X, 158, 322, 629, 685—686, 687—690, 691, 692—693.
Барсуковъ Н., 276, 295, 296, 315, 324, 592, 593, 683.
Бартеневъ П. И., 538, 591.
Баршевъ С., 39, 332, 591.
Баршевъ Я., 39.
Барятинская Е. Л., кн., 517.
Бахметева А. Н., IX, 327, 510—589.
Бахметевъ П. В., 510, 513, 522, 553, 555.
Безсоновъ М. А., 304, 373—374.
Беневоленскій П., 39, 65, 71, 274.
Биларскій П. С., 381, 592.
Благовѣщенскій А., 250.
Блудова Ант. Дм., гр., 309.
Блудовъ Д. Н., гр., 217, 329, 375, 376, 447, 602.
Богдановъ А. П., 591.
Боголѣповъ Вас. Ив., 461.
Боголюбовъ А., 46, 62—63.

Боголюбскій М. Сим. прот., 90, 163, 520, 536, 568, 587, 588, 712.
Боголюбскій Н. И., прот., 181.
Богословскій Вас., прот., 467.
Богословскій М., 4.
Богословскій М. И., прот., 706.
Богословскій М. М., 679.
Богословскій-Платоновъ И. М., прот., 83, 104, 120, 219—220, 232, 300.
Богоявленскій К. И., прот., 632.
Бодяньскій О., 285, 286, 305, 306, 360, 361—372, 389, 591.
Божановъ М. Ѳ., 248, 608.
Борецькій Л. М., 100.
Браунъ А., 581.
Брояковскій свящ., 250.
Бурачекъ С. О., 428, 527.
Бурлуцькій Я. П., 103.
Буславъ Ѳ. И., 158, 304, 305, 326, 329, 330, 331, 332, 340, 360, 372—379, 591, 592, 601—603, 604, 729.
Буткевичъ Т., прот., 180.
Бухаревъ А., см. Феодоръ архим.
Быстролетовъ А., 103.
Бычковъ А. Ѳ., 330, 397, 591, 592, 609—611.
Бѣлокуровъ В., 180.
Бѣлокуровъ С. А., 683—91.
Бѣляевъ Андр. Андр., прот., 510—511, 589.
Бѣляевъ, А. Д., 184—185, 197, 201, 253, 255.
Бѣляевъ И. Д., 591.
Бѣляевъ Ѳ. Н., свящ., 710.

В.

Варлаамъ (Денисовъ), архієп., 472, 516.
Варлаамъ (Успенскій), архієп., 617, 622.
Василій (Кашеляевскій), іером., 53, 59.
Василій (Лужинскій), архієп., 632.
Васильевъ А., 4.
Васильевъ Алдр. Петр. прот., 631.
Васильевъ Іос., протопр., 371, 423, 444, 457, 459, 534, 591.
Введенскій А. И., 134, 182, 734, 735, 736.
Введенскій И. И., 20.
Венедиктъ (Григоровичъ), еп., 18.
Венелинъ Ю., 320—321.
Веніаминовъ Г. И., прот., 491, 524.
Веніаминъ (Благодравовъ), архієп., 580.

Веніаминь (Гжельскій), архим.,
619—620.
Верковичь С., 286.
Веселовскій Ал., 374.
Веселовскій И., 28.
Веселовскій К. С., 591.
Вечорко В., 100.
Викторинь (Любимовъ), еп., 629.
Викторовъ А. Е., 592.
Виноградовъ А., 66.
Виноградовъ И. Г., прот., 169, 309.
Виноградовъ С. С., свящ., 731.
Виноградовъ Ѡ. В., 133.
Виссаріонъ (Нечаевъ), еп., 167, 169,
293, 294, 327, 484.
Виталій (Щепетевъ), еп., 38.
Владимірскій С. С. прот., 114, 125,
467, 474.
Владимірь (Алявдинъ), архіеп., 4,
6—7.
Владимірь (Петровъ), архіеп., 543.
Владимірь (Сорокинъ), архим., 607.
Владимірь (Ужинскій), архіеп.,
319.
Властовъ Г. К., 549.
Воздвиженскій Тих., 596.
Вознесенскій Д. Ѡ., 258, 264—265.
Волконскій М. кн., 326.
Воронецъ Е., 255.
Воронцовъ С. А., 496—498.
Воскресенскій Г. А., проф., 256,
257, 398—400.
Воскресенскій Д. В., 103.
Воскресенскій И., 131.
Воскресенскій С. А., 200.
Востоковъ А., 342, 345, 350, 390.
Воцининъ К. А., 629.
Всѣхсвятскій Н., 494.
Высотскій Г., 28.
Высоцкій Н. Г., 258.

Г.

Гавріиль (Городковъ), архіеп., 38.
Гавріиль (Петровъ), митр., 587.
Гаваринъ Гр. Гр., кн., 602.
Гагаринъ (іезуитъ), 588.
Гаевскій И. С., 405, 430, 471.
Галаховъ А., 319.
Ганка Вен.цесл., 363.
Гапоновъ А. И., 234.
Геденовъ С. А., 288.
Геденъ, архим., 467, 469, 470.
Геннади Г. Н., 591.
Георгій Александровичъ, Цесаре-
вичъ, 676, 683, 686.
Германъ, архим., 595.

Гермогенъ (Сперанскій), архим.,
240, 246, 606, 607.
Геронтій, іером., 472.
Герценъ А. И., 425, 455.
Геттэ В., свящ., 544.
Гильфердингъ А., 329, 360, 379—
380, 389, 390.
Гиляровъ - Платоновъ, Н., 16, 125,
155, 156, 198, 206, 221—222, 223,
232, 253, 277, 278, 524, 604—605,
701.
Глубоковскій Н. Н., IX, 182, 230,
655, 737—755.
Гльбовъ 62.
Говоровъ К. Г., 103.
Гогоцкій С., 438.
Голицынъ Алдр. Ник., кн., 244,
606—607.
Голицынъ Ник. Бор., кн., 513.
Голицынъ Ник. Ник., кн., 327.
Головинъ В. Д., 153—154.
Голубевъ А. А., 688.
Голубевъ Ѡ., 5.
Голубинская А., 22, 26, 86, 118.
Голубинскій Д. Ѡ., проф., IX,
74, 75, 86, 118, 135, 150, 159,
182, 253, 257, 302, 484, 588, 646—
652, 652—653, 743.
Голубинскій Евг. Алдр., діак., 713.
Голубинскій Е. Е., IX, 127, 149,
151, 168, 170, 171, 187, 257, 312,
399, 401, 435, 449, 484, 505, 506,
576, 577, 588, 591, 610, 629, 630,
670, 702, 703, 708—720, 728, 743.
Голубинскій С., 118.
Голубинскій Ѡ. А., VII, 1—9, 14, 16,
17, 18, 21—24, 26—28, 34—39,
52, 55, 56, 65, 66, 67—71, 72, 73,
74, 76, 84—87, 88, 92, 114, 116—
119, 134, 135, 172, 173, 177, 182,
183, 197, 223, 258, 259, 260, 262,
263, 272, 373, 411—412, 442, 525,
588, 591, 617, 618, 621, 624—625,
647, 649, 653, 694—695, 713, 743.
Голубцова М. А., 670—682.
Голубцовъ А. П., 670, 673, 674,
675, 676, 679.
Гольденбергъ 491.
Горская А. П., 658, 663.
Горская І. О. К., 435, 439, 443, 452,
456, 473, 702.
Горскій А. В., VII—IX, X, 89,
91, 92, 122—123, 130, 134, 136,
138, 139, 141, 142, 143, 144, 145,
146, 147, 148, 152, 153, 154, 155,
156, 160—161, 162, 164, 164, 168,

- 170, 171, 172, 173, 173, 175, 177,
180, 184, 186, 195, 197, 223, 225,
228, 252—341, 342—354, 355—
359, 360—401, 402—403, 404—
432, 433—463, 464—479, 480—
482, 483—485, 486—492, 492—
492—493, 493—494, 495—509,
519, 520, 535, 539, 542, 543, 549,
552, 554, 557, 561, 568, 571, 572,
578, 583—584, 585, 594, 596, 598,
600, 602, 609, 610, 611—612, 613,
614, 615, 617, 618, 622, 630, 631,
632, 656, 659, 668, 697, 698, 699,
701, 702, 703, 704, 705, 706, 707,
742,
Горскій Вас. Серг., прот., 258, 259,
261, 263, 271, 273, 274.
Горскій, Влад., 289. 402—403.
Горскій-Платоновъ П. И., IX, 91,
127, 136, 149, 161, 163, 167, 175,
182, 188—190, 213, 226—227, 232,
483, 484, 559, 576, 617—618, 626,
651, 654—667, 667—668, 669,
741—742.
Горскій С. П., 646—652, 658, 669.
Горькій М., 692—693.
Готье Ю. В., 679.
Грановскій Т. Н., 673.
Грешищевъ - Платоновъ П., 214.
Григорій (Войновъ), архим., 155.
253.
Григорій (Миткевичъ), архіеп., 298.
512.
Григорій (Постниковъ), митр., 38.
553.
Григоровичъ Викт. Ив., 389.
Губастова О. П., 459.
Губастова Ю. В., (см. Птицына
Ю. В.), 487, 489, 493, 494, 706.
Губастовъ Вас. Петр., 460.
Губастовъ Влад. Петр., 460.
Гусевъ Д., 43, 44, 45, 47, 48, 49,
58, 59, 63, 71.
Гусевъ Ник., 295.

Д.

- Дамаскинъ, іером., 61.
Даніиль, игум., 250.
Даніиль (Звѣревъ), іером., 622.
Делицынъ В. П., діак., 119.
Делицынъ Д. П., свящ., 119, 126.
Делицынъ П. П., 119, 156.
Делицынъ П. С., X, 1, 4, 5, 8—9,
65, 72, 73—75, 84, 86, 112, 118—
119, 135, 197, 363, 365, 366, 442,
467, 468, 473, 525, 606, 713.

- Деллингеръ И., 574.
Деляновъ И. Д., гр., 591, 626—627.
Десницкій С. Е., 599.
Димитрій (Муретовъ), архіеп.,
301, 471.
Димитрій (Самбикинъ), архіеп.,
728.
Дмитріевъ И., 592.
Добровскій Іосифъ., 364.
Добролюбовъ А., прот., 180.
Добронравовъ Н., прот., V, VI,
X, 80, 503, 518, 654—667.
Доброхотовъ Пл., 1, 2, 4, 5, 18,
72, 621.
Докучаевъ С. П., 270.
Долговъ С. О., X, 257, 463, 688.
Долгомостьевъ Г., 5.
Долгоруковъ Вл. Андр., кн., 591.
Досивей, еп., 235, 236.
Дриновъ М. С., 379.
Дружининъ А. Г., 659.
Дубовицкій, 22.
Думаревскій П., 181.
Дювернуа А., 363.

Е.

- Евгеній (Болховитиновъ), митр.,
282, 343, 348, 616.
Евгеній (Казанцевъ), еп., 38, 42,
135.
Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ), еп.,
39, 91, 93, 96—97, 98, 122, 124,
132, 133, 136, 138, 218, 232, 713,
Евграфъ (Казанцевъ - Платоновъ),
іером., 217, 622.
Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ),
архим., 207.
Евлампій (Пятницкій), архіеп., 13,
22, 24, 35, 38, 39, 260, 621, 622.
Евсевій (Орлинскій), архіеп., 13,
89, 93, 94, 95, 96, 98, 104, 262,
294, 300, 516.
Евсѣевъ И., проф., 257, 315.
Евѣимій (Бѣбликовъ), еп., 516.
Елагинъ Н., 519, 580, 581, 640.
Елеонскій Н. А., прот., 143, 149, 591.
Елена Павловна, Вел. Кн., 699—
700.
Елизаровъ, свящ., 716.
Елисеевъ Г. З., 103, 104, 282, 283,
284, 298—300, 318—320, 355.
Ершовъ-Платоновъ С. Я., прот.,
214.
Ефремовъ Лука, прот., 235, 236.
Евимовскій-Платоновъ М., свящ.,
207.

Ж.

Ждановъ, 62.
Жеребцовъ, Н. А., 519.

З.

Заболотскій-Платоновъ В., про-
топресвитеръ, 207.
Забълъинъ И. Е., 374.
Загряжскій П., свящ., 10—13.
Заозерскій Н. А., проф., VIII, 197,
201, 257, 492—493, 637—645.
Заринъ В., 23.
Заринъ Сп., свящ., 74.
Засуличъ В., 198.
Захарьинъ Г. А., 486.
Зерновъ С. И., прот., 81, 82, 92,
97, 98—99, 103, 104, 108,
Знаменскій И. В., 659.
Знаменскій П., 4.
Знаменскій П. В., проф., 124, 126.
Золотницкій В. А., 181.
Зыбелинъ С. Г., 599.

И.

Ивановъ-Платоновъ А., 216.
Иванцовъ-Платоновъ А. М., прот.,
197, 213, 227—231, 232, 448,
471, 555, 560, 591.
Игнатій (Рождественскій), еп.,
143, 148, 155, 158, 163, 165, 432,
435, 478, 537, 565, 568, 695, 696,
704, 705, 706, 707.
Игнатій (Садковскій), іером., 213.
Измайловъ Ф., 239—240, 242, 244—
248, 507, 618, 620.
Икономидисъ П., 150.
Иларіонъ (Боголюбовъ), архим., 89,
90.
Иліодоръ (Чистяковъ), архіеп., 38.
Ильдомскій, прот., 43, 44, 47, 285.
Иннокентій (Борисовъ), архіеп., 17,
96, 249, 250, 252.
Иннокентій (Веніаминовъ), митр.,
94, 125, 143, 152, 154, 155, 165,
196, 335—336, 410, 479, 490, 491,
492, 524—525, 527, 536, 537, 543—
544, 550, 565, 566, 568, 571, 577,
580, 617, 643, 701, 706, 707.
Иннокентій (Некрасовъ), архим.,
16.
Иннокентій (Платоновъ), архим.,
215.
Иннокентій (Смирновъ), еп., 299,
300.
Иречекъ Іос., 364.

Иринархъ (Поповъ), еп., 531, 540,
556.

Ириней, іером., 165, 704.

Исаковъ Н. В., 383.

Исидоръ (Никольскій), митр., 516,
580, 591, 616, 751.

І.

Іаковъ (Кротковъ), еп., 563.
Іасонъ, архим., 23.
Іеремія (Соловьевъ), еп., 545.
Іоанникій (Горскій), архіеп., 516.
Іоанникій (Казанскій), еп., 158.
Іоанникій (Надеждинъ), еп., 180,
195.
Іоанникій (Рудневъ), митр., 633,
634, 657, 743, 746.
Іоаннь (Митропольскій) еп., 563,
564, 566, 567, 573.
Іоаннь (Преображенскій), архим.,
54—55, 62.
Іоаннь (Соколовъ), еп., 89, 90,
91, 94—95, 135, 257, 301, 308,
513, 697.
Іоаннь (Чистяковъ), архим., 24,
67, 71.
Іосифъ (Богословскій), архіеписк.,
622.
Іосифъ, іером., 467.

К.

Каверзневъ Ст., прот., 733-376.
Казанскій П. И., 154, 182.
Казанскій П. Сим., проф., IX, 90-91,
121, 136, 138, 143, 146, 149, 150,
153, 154—155, 161—162, 163, 164,
169—170, 225, 255, 257, 258, 261,
262, 278, 291, 294, 327, 363, 365,
366, 367, 369, 382, 388, 389, 390,
391, 392, 393, 394, 395, 399, 449,
456, 472, 475, 494, 510—589, 598,
695, 712.
Калайдовичъ К., 308, 385.
Калачовъ Н. В., 305, 330, 346,
374.
Калинниковъ Н., 254, 276, 277,
291, 306,
Каптеревъ Н. Ѳ., 168, 187, 201,
495—509, 634, 635
Каптеревъ П., 2, 9, 479, 485,
590—592, 635, 636
Капустинъ В., 4.
Капустинъ П. И., прот., 84, 87.
Карасевскій А. П., 301.
Каринскій М. И., 146, 554.
Карнова А. Т., 687.

Карповъ Г. Ѳ., 683.
 Касицынъ Д. Ѳ., 149, 151, 154—155, 162, 169—170, 494, 630.
 Касицынъ И. Ѳ., прот., 113, 127, 153.
 Кастальскій В. Д., 80.
 Кастальскій Д., прот., X, XI, 59, 80—111.
 Китаевъ В. А., 103, 135.
 Катанскій А. И., 461.
 Катковъ М., 56, 198, 222, 511, 523, 530, 592, 642.
 Кедровъ Викт. Ив., прот. VI.
 Кедровъ Е. И., свящ., 83.
 Кедровъ С. И., VI, X, 1—2, 84, 89, 202—232, 665, 669.
 Кеппенъ П. И., 591.
 Кипарисовъ В. Ѳ., 642.
 Кирѣевская Н. П., 573.
 Кирилль (Богословскій-Платоновъ), архіеп., 207, 526, 556, 616.
 Кирилль (Орловъ) еп., 563.
 Кирпичниковъ А. И., 376.
 Кирьяковъ А., 14, 16, 18—20, 23, 24—25, 29.
 Клевановъ А., 438.
 Клементьевскій — Платоновъ И., 207.
 Ключаревъ А. Ѳ., см. Америкосій, архіеп.
 Ключаревъ — Платоновъ Пав., прот., 216.
 Ключевская А. М., 679, 682.
 Ключевскій В. О., IX, 151, 156, 157, 158, 167, 169, 171, 187—188, 208, 257, 297, 483, 484, 507, 583—584, 591, 642, 670—682, 683—691, 692,—693, 726, 740, 742, 743, 747.
 Кожанчиковъ Д., 474.
 Кожевниковъ А. Я., 591.
 Коларъ О. И., 394, 395.
 Колосовъ Н. А., свящ., VI, X, 722—725, 725—727.
 Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., 614, 615.
 Кораблиновъ И., 23.
 Корелинъ М. С., проф., 230, 231.
 Королева Н. М., 729.
 Королькова Е. И., 705.
 Корольковъ Д. А., 585.
 Корсаковъ Д. А., 684.
 Корсаковъ С. С., 591.
 Корсунскій И. Н., IX, 14, 473, 593, 722—725, 727.
 Корсунскій Н., 629.
 Корфъ Н. А., бар., 551.

Коршъ В. Ѳ., 592.
 Косминъ И. И., 84, 87, 88.
 Костомаровъ Н. И., 304, 306, 393, 440, 516, 537, 603.
 Котляревскій А., 374.
 Кошелевъ А. К., 222, 605.
 Кошкаровъ П., 12, 13, 137,
 Крапоткинъ А. кн., 534.
 Красильниковъ П., 28, 37.
 Красинъ М., 135.
 Красовскій С. А., 103.
 Кречетниковъ — Платоновъ Е., 214.
 Кротковъ Ѳ. И., прот., 83, 104,
 Крымскій, Стеф., 284.
 Кудрявцева К., 117, 706, 707.
 Кудрявцевъ — Платоновъ В. Д., 117, 121, 134, 142, 145, 149, 156, 181, 182—184, 185, 223—225, 232, 309, 435, 439, 483, 491, 585, 613, 618, 623—625, 706, 707, 733—734, 742, 749.
 Куманинъ А. К., 572.
 Куняевъ В. И., 82, 102.
 Курдяевъ П., 370.
 Кутневичъ В., прот., 74, 86, 606, 607, 625.

Л.

Лаврова М. Н., 638.
 Лавровъ А., прот., 302—303.
 Лавровъ И., 59, 60.
 Лавровъ П., 438, 453.
 Лавровъ — Платоновъ А. Ѳ., см. Алексій, архіеп.
 Лаговскій М., 23, 616.
 Ласкинъ И. діак., 180, 200.
 Ласточкинъ Я., 4.
 Лебедевъ, А. А., прот., 127, 625—626.
 Лебедевъ А. П., 149, 150, 151, 164—165, 169—170, 187, 197, 227, 253, 255, 257, 483, 584, 627, 740, 743, 747.
 Лебедевъ Амф. Степ., 113, 114, 126, 130, 302, 537.
 Лебедевъ В. И., свящ., 120, 134—135.
 Лебедевъ Н. И., 197, 635.
 Лебедевъ — Платоновъ Троф., свящ., 215.
 Лебединскій С. С., 102.
 Лебединцевъ П. Г., прот., 575, 580.
 Левашова М. К., 711—712, 715,
 Левашовъ В. П., 102.

Левашовъ С. О., свящ., 712, 715.
 Левашовъ О. С., прот., 712.
 Левитская А. М., 120.
 Левитскій Г. А., свящ., 606, 607.
 Левитскій Д. Г., свящ., 119 —
 120, 134, 606, 695.
 Левитскій Р. И., 192—193.
 Леонидъ (Кавелинъ), архим., 372,
 563, 595, 596, 662, 725, 746.
 Леонидъ (Краснопъжковъ), архіеп.
 112, 148, 155, 308, 478, 491, 518,
 524, 525, 565, 589, 635, 703, 704.
 Леонтій (Лебединскій), митр. мо-
 сковскій, 429.
 Леонтьевъ П. М., 222.
 Лилъевъ И., 16, 620—621.
 Ловцовъ М. Л., прот., 120.
 Ловягинъ Е. И., 585.
 Любимовъ А., 17.
 Любимовъ А., 200.
 Любимовъ Н., протопр., VI, 180.
 Любимовъ Николай Алексѣевичъ,
 476, 591.
 Лъсковъ Н., 247, 248, 250.

М.

Маевскій, 274.
 Майковъ А. А., 683, 684, 687, 690.
 Макарій (Булгаковъ), митр., 122,
 168, 196, 327, 438, 483, 488, 538,
 542, 559, 564, 565, 580, 585, 591,
 629, 636, 640, 643, 705.
 Макарій (Глухаревъ), архим., 527,
 529, 532, 535.
 Макарій (Зиминъ) еп., 38.
 Макъевъ, 674.
 Малевинскій А. И., 127.
 Малининъ В., свящ., 10—12.
 Мальцевъ Ив., 479.
 Мансветовъ И. Д., 740.
 Мансветовъ И. О. прот., 197.
 Марія Александровна, Импера-
 трица, 96, 140, 148, 566.
 Мартыновъ, іезуитъ, 586.
 Массальскій, 69.
 Мельниковъ П. И., 169, 538, 703.
 Мельниковъ С. Е., 284.
 Мельхиседекъ (Заболотскій), ар-
 химандритъ, 203.
 Меццарская С. С., кн., 538.
 Меводій (Смирновъ), архіеп., 348.
 Миловскій М. В., прот., 694—707.
 Миловскій Н. М., свящ., 695, 707.
 Мильманъ, 413, 442.
 Милюкова, А. С., 472.
 Милюковъ П. Н., 472.

Милютинъ Д. А., 333, 334, 395.
 Минервинъ Ник., свящ., 91.
 Миролубовъ П., 127.
 Миролубовъ—Платоновъ Я., 216,
 620
 Мисаиль (Озеровъ), архим., 82,
 94, 571, 697.
 Михаилъ (Добровъ) еп., 5, 38.
 Михаилъ (Лузинъ), еп., 126, 136,
 138, 152, 155—156, 158, 162, 163,
 174—177, 179, 195, 196, 199, 226,
 253, 254, 435, 443, 463, 478, 483,
 499, 576, 582, 586, 615, 617, 618,
 654, 701, 706, 707.
 Михаилъ, митроп. сербскій, 329,
 379—380, 591.
 Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн.,
 593.
 Мичуринъ В., 27.
 Младовъ Гр., прот., 181.
 Модестовъ П., 10.
 Модестовъ С. С. прот., 112—
 130.
 Моисей (Близнецовъ—Платоновъ),
 еп., 207.
 Моисей (Богдановъ—Платоновъ),
 архіеп., 207.
 Молчановъ М. Е., 621.
 Муравьевъ А. Н., 139, 299, 314,
 315, 325, 407, 409, 440, 513, 524,
 528, 549, 578, 579, 585.
 Муретовъ М. Д., 182, 201, 253,
 634, 635, 642.
 Мухинъ А., 294.

Н.

Надеждинъ А., 42, 79.
 Надеждинъ Н. И., прот., 42—79,
 163.
 Надеждинъ Н. И., проф., 43, 56.
 Назаревскій В. Г., 103, 104.
 Назарій, инокъ, 249.
 Нарбековъ А., 131.
 Наванаиль (Павловскій), еп., 17.
 Наванаиль (Савченко), еп., 516.
 Неводчиковъ Н., 91, 97, 99—100,
 108, 111, 282.
 Невоструевъ А., 16, 74 — 75, 76,
 317—319, 478, 622.
 Невоструевъ К. И., VIII, 122, 256,
 276, 293, 304, 317, 321—323,
 330, 342,—354, 388, 398, 428, 478,
 592, 604, 610.
 Невскій А. А., 101, 519.
 Недумовъ И., 483.
 Некрасовъ А., 625.

Некрасовъ Д. А., 181.
 Некрасовъ Д. М., 54, 55—56.
 Некрасовъ И. С., 374.
 Некрасовъ П. А., 83, 103, 104.
 Ненарокомовъ И. А., 127, 591.
 Неофитъ (Докучаевъ — Плато-
 новъ), еп., 207.
 Нерингъ, 304.
 Нечаевъ, А., 19, 25, 37, 39, 60, 65,
 72, 76, 622.
 Нечаевъ В. П., см. Виссаріонъ, еп.
 Никаноръ (Бровковичъ), архіеп.,
 474, 629.
 Никаноръ (Клементьевскій), митр.,
 38, 607, 620.
 Никитинъ Н. В., 688.
 Никифоръ, архим., 566.
 Никодимъ (Бълокуровъ), еп., 155,
 452.
 Никодимъ (Казанцевъ), еп., 16,
 327, 563, 620, 622.
 Никодимъ (Лебедевъ), архим., 20,
 23.
 Николай Александровичъ, Цесаре-
 вичъ, 117, 134, 224, 309, 376—377,
 435, 602, 623, 624, 742.
 Николай (Богословскій), іером.,
 59, 60, 65.
 Николай Максимиліановичъ, герц.
 Лейхтенбергскій, 224, 566, 624.
 Николай Николаевичъ, Вел. Кн.,
 593, 623.
 Николай Павловичъ, Императоръ,
 10, 23, 39, 96, 125, 128, 134, 140.
 Николинъ Н. П., VI, X.
 Никольскій М. В., 654.
 Ниль (Исаковичъ), архіеп., 625.
 Нильскій И. Ѳ., 618.
 Новиковъ Н., 596.
 Новицкій Орестъ, 348.
 Новскій Д., протопресв., 259,
 591, 621.
 Норовъ А. С., 330, 345, 591.
 Носовъ И. К., 606, 607, 624.

О.

Оболенскій М. А., кн., 303, 311, 591.
 Овербекъ Ф., 522, 615.
 Огіевскій А., 181.
 Огіевскій Г. К., 608.
 Орловскій прот., 249.
 Орловъ С., 43., 44, 45, 47, 19, 51,
 54, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 71.
 Осининъ Ив. Терент., 573, 575,
 615.
 Остроумскій Н., 4.

Остромысленскій прот., 234, 235.
 Остроумовъ А., 4.
 Остроумовъ А. А., 197.
 Остроумовъ Ив., 294.

П.

Павель (Доброхотовъ), еп., 579,
 580, 582.
 Павель, іерод., 20, 23.
 Павель (Лебедевъ), экз. Грузіи, 591.
 Павель (Прусскій), архим., 563, 703.
 Павловскій Ѳ. Я., 157.
 Павловъ А. С., проф., 225, 374,
 591, 642.
 Павскій Г., прот., 513, 713.
 Падаринъ А., 60, 65.
 Палацкій Ф., 333, 334, 395.
 Палимпсестовъ П. У., 91.
 Плладій (Виноградовъ), архим.,
 37, 38.
 Пальмеръ, 228, 306, 407—409, 415,
 428, 436, 437, 439, 440, 544, 579.
 Пальминъ, Ник., 274.
 Памфиловъ—Платоновъ С., 217.
 Парвѣній (Поповъ), еп., 131, 516,
 582.
 Парвѣній, схим., 251.
 Парвѣній (Чертковъ), архіеп., 237,
 619.
 Пастернакъ, 682.
 Пекарскій П. П., 591, 609.
 Первухинъ Н. Гр., 498—499.
 Пескова А. М., 721.
 Песковъ Алдр. Евс., 713.
 Песковъ Евс. Ѳеод., свящ., 708, 709,
 710, 711, 712, 713, 714, 715, 718,
 720,
 Песковъ С. А., свящ., 720.
 Петропавловскій И. Д., прот.,
 184.
 Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій,
 140.
 Петръ (Екатериновскій), еп., 549—
 550.
 Печерскій Андр., см. Мельниковъ,
 П. И.
 Пироговъ Н. И., 425.
 Платоновъ, Александръ, 214.
 Платоновъ Алексѣй, 4, 7, 215, 442.
 Платоновъ Аван., 214.
 Платоновъ Вас., 214.
 Платоновъ Иванъ, 4, 5—6, 215.
 Платоновъ И. В., 15, 16, 40—41,
 48, 206, 207, 217—218, 232, 591,
 619—623.
 Платоновъ И. Д. прот., 214.

Платоновъ Никит., 5.
 Платоновъ Никол., 207.
 Платоновъ П., 216, 621.
 Платоновъ П. И., прот., 214, 308.
 Платоновъ Серг., 214.
 Платоновъ Ѳ., 202, 213.
 Платонъ (Березинъ), архим., 4, 616, 620.
 Платонъ (Городецкій), архіеп., 540, 544, 556.
 Платонъ (Казанскій), архим., 22, 39, 52, 61, 78, 261.
 Платонъ (Левшинъ), митр., VI, VII, 140, 197, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 232, 235, 409, 410—411, 438, 590, 620, 653, 667, 695.
 Платонъ (Троепольскій), еп., 83, 102.
 Платонъ (Ѳивейскій), архіеп., 10, 12—13, 90, 133, 252, 266, 294, 297, 524, 527, 549, 550, 556, 563, 567, 580, 581, 712.
 Плетневъ П. А., 392.
 Пльшановъ Д. М., 625.
 Побѣдинскій-Платоновъ И. И., 220, 232.
 Побѣдоносцевъ К. П., 117, 124, 197, 222, 591, 614, 627—635, 669.
 Погодинъ М. П., 162, 276, 285, 294, 295, 296, 304, 315, 316, 324—326, 340, 384, 571, 579, 591, 592, 593—596, 603.
 Покровскій А. Е., прот., 74.
 Покровскій П., 14, 15, 20, 28—30, 31—33.
 Покровскій П. Е., протопр., 591, 613—618.
 Полевой Н., 343.
 Поливановъ Л. И., 229.
 Поликарпъ (Гайтанниковъ), архимандритъ, 24, 48, 52, 77, 260, 616, 621.
 Пономаревъ В. С., свящ., 286, 442, 455.
 Поповъ А., 283.
 Поповъ Вас., 295.
 Поповъ Евг. Ив., прот., 254, 413, 418, 431, 434, 438, 445, 456, 513, 514, 615.
 Поповъ Н. А., проф., 230, 334.
 Поповъ Н. П., VI, X.
 Поповъ П. Н., 83.
 Поповъ С. Г., прот., 256, 258, 263, 271, 280, 614.
 Поройковъ И., 4, 7—8.

Порфирій (Поповъ), архим., 136, 225, 284, 382, 434—435, 447, 452, 517, 695.
 Порфирій (Соколовскій), еп., 516.
 Порфирій (Успенскій), еп., 249.
 Поспѣлова Е. И., 705.
 Поспѣловъ С. М., прот., 442, 457.
 Постниковъ П. Н., свящ., 252—341, 359.
 Постниковъ Т., 4.
 Потановъ В. Н., 135, 139, 149, 184, 484.
 Потановъ Н., 4.
 Поцпъй Н., 130.
 Преображенскій М., 24.
 Преображенскій Петръ Алкс., прот., 155, 222.
 Прилуцкій Д. А., 103, 104.
 Примѣровъ В., 16, 65, 74, 391, 617.
 Протопоповъ Стеф., прот., 262.
 Простомолотовъ, 157.
 Протасовъ М., 47, 48, 51.
 Протасовъ Н. А., гр., 472.
 Протопоповъ В., 15, 41.
 Протопоповъ М. И., 83.
 Протопоповъ С., 65, 72.
 Птицына Ю. В., 275, 439, 459.
 Птицынъ А., 336, 439, 443, 457, 460, 490, 491.
 Птицынъ Н. П., свящ., 718,—719.
 Птицынъ П., 65, 72, 275.
 Пуятинъ Е. Ѳ., гр., 223, 404, 405, 407, 415, 422, 423, 427, 437.
 Пуятинъ Р., прот., 51, 54, 55, 62.
 Пщелко А., 100, 111.
 Пщелко Ю., 100, 111.
 Пѣтуховъ Е. В., 592, 599—600.

Р.

Разумовскій Д. В., 118.
 Рафаиль (Никольскій), архим., IX, 672, 726, 733—736, 740, 744, 747.
 Рачинскій С. А., 631.
 Ремезовъ М. И., 103, 104.
 Репловскій П., 471.
 Ржаницынъ Р. А., свящ., 103, 104.
 Робустовъ-Никольскій М., 133.
 Рождественскій Викт. Петр., прот., 569—570.
 Рождественскій И. Н., прот., 563.
 Рождественскій Н., прот., 442.
 Розановъ В. В., 716.
 Розановъ Ник. Павл., 286, 592.
 Розановъ Ник., Петр., VI, X, 13.
 Розановъ П. И., 606, 608.

Романовскій В., 4.
 Романовскій В. И., прот., 83, 103.
 Ростиславовъ Д. И., 586, 589.
 Рудневъ Н. А., прот., 90, 294.
 Румянцевъ Н. П., гр., 345.
 Румянцевъ П., 59, 60.
 Русиновъ В. И., 101.
 Рыбкинъ, 133.

С.

Сабуровъ М. И., прот., 414, 456.
 Саваитовъ П. И., 284.
 Савва (Тихомировъ), архіеп., 251,
 277, 278, 308, 375, 434, 436, 458,
 459, 475, 591, 695, 696, 697—698,
 728.
 Савельевъ П. С., 320.
 Салманова О. П., 459, 490.
 Салминъ М. И., 84, 87.
 Самаринъ Д. О., 591.
 Самаринъ-Платоновъ П., 206, 214.
 Самаринъ Ю. О., 56, 155, 156,
 221, 222, 326, 510, 538, 547, 549,
 550, 560, 569, 576, 586.
 Самаринъ О., 56.
 Самуиловъ Е. Е., 195.
 Самуиль (Запольскій - Платоновъ),
 еп., 207.
 Сахаровъ И., 306, 310—311, 384.
 Свѣтловъ П., прот., 182.
 Свѣтовидовъ И. Е., свящ., 83, 103.
 Свѣтовидовъ-Платоновъ Н., прот.,
 114, 120, 127, 136, 225—226.
 Сенявина М. И., 552.
 Серафимъ (Протопоповъ), еп., 83,
 104, 447.
 Сербиновичъ К. С., 313, 320—321.
 Сергіевская А. В., 455.
 Сергіевскій А. Р., 14, 15—17, 18,
 25—26.
 Сергіевскій Н. А., попеч. уч. окр.,
 127, 404, 405, 443, 446, 584, 591.
 Сергіевскій Н. А., протопр., 122,
 135, 136, 222, 229, 424, 455, 591.
 Сергіевскій Ф. А., прот., 126, 136,
 143, 159, 165, 325, 485, 487, 494.
 Сергій Александровичъ, Вел. Кн.,
 140, 632, 633.
 Сергій (Крыловъ-Платоновъ), ар-
 хіепископъ, 207.
 Сергій (Ланинъ), архіеп., 181.
 Сергій (Лялидевскій), митр., 104,
 113, 115, 122, 132, 133, 136, 138,
 434, 469, 661, 666, 695, 696.
 Сергій (Соколовъ), еп., 197, 253,
 631.

Сергій (Спасскій), архіеп., 152,
 155, 156, 315, 452, 502, 503, 586,
 594.
 Симеонъ (Савва Крыловъ - Плато-
 новъ), архіеп., 207, 239, 619.
 Сироткинъ, свящ., 10.
 Ситкевичъ И. О., 101, 102.
 Скабовскій Ф. В., 82, 102.
 Скобелевъ М. Д., 629.
 Славолубовъ П. К., свящ., 89.
 Смарагдъ (Крыжановскій), архі-
 епископъ, 17, 38.
 Смирнова С. М., 391, 392, 468,
 470, 472, 473, 474, 479, 590.
 Смирновъ Александръ Петровичъ,
 150, 154, 184.
 Смирновъ Андр. Петр., 149, 150,
 256, 292, 293.
 Смирновъ Аник. Ив., свящ., 132.
 Смирновъ Д., 233—251.
 Смирновъ Евгр., 326—327.
 Смирновъ Ив. Алекс., прот., 456.
 Смирновъ Ив. Ив., 263.
 Смирновъ И. К., 130—140.
 Смирновъ И. М., 16.
 Смирновъ К. В. свящ., 590.
 Смирновъ Мих., 17.
 Смирновъ Ник., 62.
 Смирновъ П. А., прот., 124, 126,
 136, 642.
 Смирновъ П. А., прот., 143, 148.
 Смирновъ-Платоновъ Г., прот.,
 14, 87, 114, 162, 222—223, 229,
 232, 256, 560.
 Смирновъ-Платоновъ И. А., 84,
 87, 218—219.
 Смирновъ С. И., проф., 257, 258,
 708, 720—721.
 Смирновъ С. К., IX, 2, 16, 22, 24,
 37, 48, 61, 83, 91, 92, 104, 121,
 136, 142, 147, 148, 149, 161, 162,
 163, 165—167, 177—180, 188,
 190, 195, 196, 202, 203, 206, 207,
 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214,
 215, 216, 217, 218, 220, 222, 223,
 225, 235, 237, 243, 253, 254, 255,
 260, 267, 294, 367, 382, 391, 392,
 399, 456, 464—479, 483, 489, 523,
 590—636, 655, 659, 694, 695, 722,
 731, 742.
 Смирновъ С. С., прот., 392.
 Смирновъ Я., 131.
 Смитъ, 144.
 Смѣловскій Андр., 289, 310, 320—
 321.
 Снегиревъ И. М., 305, 311, 474.

Соболевъ В., 180.
 Соколова М. А., 436, 442.
 Соколовъ А. К., прот., 89, 91, 96, 434, 436, 442.
 Соколовъ В. А., проф., VI, 187, 201, 253, 256, 257, 402, 403, 404, 432, 482, 492, 674, 726.
 Соколовъ В. С., 84, 96.
 Соколовъ Г., 622.
 Соколовъ Ив. Кир., 434, 436, 445, 452.
 Соколовъ И. П., 19, 25.
 Соколовъ М. М., 688.
 Соколовъ Нав. Петр., 91.
 Соколовъ Ник. Кир., 257, 293, 295, 379, 404—432, 433—463.
 Соколовъ Ник. Сем., 468.
 Соколовъ Пав. Петр., проф., 225.
 Соколовъ Петр. Дим., 710.
 Сокольскій Н. С., 101.
 Соколовъ Хр. Мих., 502—503.
 Солнцева А. Г., 102.
 Соловьевъ А. И., 181.
 Соловьевъ Вл. Серг., 182—183, 224.
 Соловьевъ I. И., прот., VI, 728—733.
 Соловьевъ Н. А., прот., 595, 596.
 Соловьевъ С. М., 158, 163, 230, 374, 591, 642, 729.
 Спасокукоцкій В., 59, 60, 65.
 Спасскій А. А., проф., 257.
 Сперанскій А. И., 103.
 Сперанскій М. А., прот., 140.
 Сперанскій М. М., гр., 222, 519.
 Спичарный, 681.
 Срезневская Е., 391, 395.
 Срезневскій Б., 395.
 Срезневскій Вл., 388, 395.
 Срезневскій Вяч., 391, 395.
 Срезневскій Изм. Ив., 253, 285, 304, 306, 307, 333—334, 338, 340, 360, 383—401, 591, 597, 611—612.
 Станлей, 139, 409—413, 416, 441, 447, 451—452, 457, 519, 532, 555, 556.
 Стасовъ Вл. Вас., 610.
 Стефанъ (Матвеевъ), іером., 283, 308.
 Стороженко, докт., 681.
 Страховъ Н. П., 144, 153, 200.
 Страховъ П. И., 74.
 Страховъ С. В., прот., VI, IX, 593, 667—668.
 Стрекалова А. Н., 518.
 Строгановъ С. Г., гр., 372.
 Стурдза А. С., 99—100.
 Субботина Е. И., 705.

Субботинъ Н. И., IX, 117, 125—126, 150, 151, 162, 167, 168—169, 181, 253, 254, 256, 278, 291, 292, 296, 309, 311, 313, 324, 442, 484, 563, 576, 583—584, 385, 618, 630, 694—707, 742.
 Суворовъ П., 283.
 Сулостскій А., 283, 320.
 Сумарокова Е., 16, 34.
 Сухомлиновъ М., 332, 333, 395, 591, 592, 597—600.
 Сухотинъ Ф. М., 582.
 Сушковъ Н. В., 523.
 Счастливыя П. П., 82, 98, 102.

Т.

Татарина, 22.
 Терещенко А. В., 287.
 Терновскій А. С., 84.
 Терновскій Петр. Матв., прот., 713.
 Терновскій-Платоновъ И. М., 206, 216—217.
 Терновскій-Платоновъ, Θ., 65, 66, 74, 75, 215, 259, 260, 261, 272, 339.
 Терновскій Фил., проф., 302, 618, 626, 630.
 Титовъ Вл. Павл., 594.
 Тихомировъ Д. И., 181.
 Тихомировъ И. И., прот., 181.
 Тихомировъ М., 5.
 Тихомировъ Н. Н., свящ., 82.
 Тихонравовъ Н. С., VIII, 158, 255, 294, 304, 306, 342—354, 360, 374, 375, 380—383, 474, 591, 592, 601, 603—604, 683, 729.
 Тихонь, іером., 236.
 Толоконникова, 147.
 Толстая А., гр., 35.
 Толстая (Красильникова) П. Н., гр., 14—41.
 Толстая С. В., гр., 531.
 Толстой Алдр. Петр., гр., 404, 405, 440, 516, 573, 697.
 Толстой А. К., гр., 512.
 Толстой В. С., гр., 14.
 Толстой Д. А., гр., 221, 549, 564, 574, 580, 582, 591, 632, 640, 641.
 Толстой М. В., гр., 14—41, 253, 259, 260, 261, 294, 616, 625, 641.
 Толстой Ю., гр., 587.
 Топорковъ А. П., 103.
 Триантафилидисъ Θ., 150.
 Троицкій I., прот., 298—299.
 Троицкій Н., 4.

Троицкій Н. И., 197, 252, 256,
277, 289, 292, 329.
Троицкій П. Н., 103, 281.
Трубецкой С. Н., кн., 230.
Туницкій Н. Л., проф., 360, 401.
Турчаниновъ, прот., 235, 236.
Тяжеловъ Арс. Ив., протопр., 608.
Тютчева Е. О., 510.
Тютчевъ О., 510.

У.

Уваровъ А. С., гр., 531, 593, 723.
Уляницкій В. А., 687.
Ундольскій В. М., 305, 592, 596.
Урусовъ Серг., кн., 295, 313, 434,
445, 450, 459, 471, 614, 631, 698,
699.
Успенскій А., 59, 60.
Успенскій А., 298.
Успенскій К. А., 494.
Устряловъ Н., 474.
Ушинскій К. Д., 551.

Ф.

Фарфоровскій С., 652—653.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митр.
кѣвск., VII, 1, 4, 5, 233—251,
527, 606, 607, 696.
Филаретъ (Гумилевскій), архіеп.,
X, 13, 53, 56, 57, 77, 89, 90,
95, 96, 261, 263, 272, 274, 275,
279, 281, 294, 295, 297, 299, 315,
316, 323—324, 325, 339, 343, 402,
403, 480—482, 537, 540, 544, 556,
597, 598, 622, 629, 656.
Филаретъ (Дроздовъ), митр. моск.,
10, 14, 15, 19, 24, 25, 35, 36, 48,
77, 95—96, 112—113, 118—119,
122, 123, 124, 125, 130, 134, 135,
136, 139, 140, 197, 213, 217, 219,
220, 221, 223, 224, 225, 228, 236,
237, 238, 244, 248, 249, 253, 258,
270, 279, 280, 296, 308, 314—317,
260, 321, 322, 326, 330, 331, 332,
336, 346, 371, 378, 392, 404, 407,
410—411, 415, 422, 423, 427, 430,
431, 432, 436, 443—445, 446, 450,
451—452, 453, 456—457, 458, 467,
471, 473, 475, 476, 478, 512, 513,
515, 521, 523—524, 525, 531—532,
538, 555, 557, 558, 570, 571, 572,
577, 578, 579, 580, 585, 587, 591,
596, 610, 616, 617—618, 620, 621,
622, 628, 629, 631, 659, 667, 667—
668, 694—695, 696, 697, 701, 706,
713, 722, 723, 742.

Филимоновъ Г. Д., 378, 684.
Филипповъ Т. И., 139, 253, 254,
287, 288, 309, 312—313, 338, 405,
423, 429, 430, 443, 444, 577, 591,
614, 615.
Филовей (Успенскій), митроп., 262,
319, 565, 588.
Фирсовъ А. И., 250.
Фишеръ С. Н., 645.
Флеринъ В., прот., 180.
Флоринскій О. В., прот., 90.
Францевъ, 363.

Х.

Ханыковъ Я. В., 287.
Херсонскій В. В., 606, 608.
Хлудовъ А. И., 276.
Ховрина М. Д., 510.
Ховринъ Н. В., 510.
Хойнацкій, свящ., 254.
Холмогоровъ В. И., 688.
Холмогоровъ М. С., 622.
Хомяковъ А. С., 221, 222, 228,
257, 313, 412, 510, 543, 544, 545—
550, 552, 559, 560, 561.
Хрисанъ (Ретивцевъ), еп., 121,
126, 133, 447.
Хупотскій П. М., 439, 557.

Ц.

Цвѣтаевъ Д. В., 592.
Цвѣтковъ А. И., 127, 133, 660.
Цвѣтковъ П. И., 150, 726.

Ч.

Чаадаевъ, 43.
Чериновъ М., 336, 486.
Черкасскій В. А., кн., 569.
Чижовъ И. В., 605.
Чистовичъ И. А., 184, 591, 606, 610,
616.
Чучкинъ С., свящ., 180.

Ш.

Шаликовъ П., 36.
Шалобановъ А., 96.
Шариковъ С. С., 674.
Шатровъ Н., 35—36, 37.
Шафарикъ П., 286, 306, 324, 346,
363, 364, 389.
Шевыревъ Ст., 334.
Шелеметко И., 130.
Шереметевъ С. Д., гр., 644.
Шиллегодскій А. Т., прот., 605—
609.

Шлецеръ А., 346, 364.
Шумовскій Т. Ѡ., 101.
Шумовъ-Платоновъ Никита, 215.

Э.

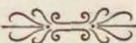
Эйлеръ, фрейл., 699.
Эминъ Ѡ., 712.

Я.

Ягичъ И. В., 376.
Языковъ Д., прот., 286, 287.
Яковлевъ-Платоновъ Ѡ., 214.
Янышевъ И. Л., пропресв., 582, 591,
614, 615.
Яхонтовъ И. П., 181, 193.

Ѡ.

Ѡаворскій Н. И., прот., 652—653.
Ѡеогность (Лебедевъ), архіеп., 56,
57, 261.
Ѡеодоровъ Н. Ѡ., 511.
Ѡеодоръ (Бухаревъ), архим., 121,
123—124, 223, 229, 437—438, 571,
592, 694, 697.
Ѡеодотій (Озеровъ), еп., 88, 42,
44—45, 47, 48.
Ѡеоктисть (Орловскій), архим., 607.
Ѡеофанъ (Говоровъ), еп., 226, 581—
582.
Ѡивейскій М. П., свящ., 191.
Ѡоменко Кл., прот., 250.

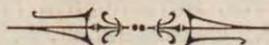

Оглавленіе.

Вмѣсто предисловія	V
Исторія общества, составившагося подъ названіемъ «Ученыхъ бесѣдъ» въ Московской Духовной Академіи 1816 года марта 1 дня. Θ. А. Голубинскаго. Сообщилъ <i>П. Каптеревъ</i>	1
Изъ старыхъ студенческихъ писемъ (1826 — 1833 гг.). Сообщилъ <i>Н. Розановъ</i>	10
Письма наставниковъ и воспитанниковъ Московской Духовной Академіи къ гр. Михаилу Владиміровичу Толстому и къ его матери, граф. Прасковѣ Николаевнѣ (1829—1831 гг.). Сообщилъ <i>В. Протопоповъ</i>	14
Изъ записокъ московскаго протоіерея Н. И. Надеждина (1832— 1833 гг.). Сообщилъ <i>А. Надеждинъ</i>	42
Изъ «Семейныхъ записокъ» протоіерея Димитрія Ивановича Кастальскаго.— Академія (1840 — 1844 гг.).	80
Изъ воспоминаній протоіерея С. С. Модестова. — Прохождение академическаго курса (1852 — 1856 гг.).	112
Московская Духовная Академія въ 1854 — 58 гг. — Изъ воспо- минаній Ив. Кузьм. Смирнова. Сообщилъ <i>Я. Смирновъ</i>	131
Изъ писемъ къ родителямъ студента Московской Академіи начала семидесятыхъ годовъ	141
Краткія воспоминанія о Московской Духовной Академіи въ періодъ 1876 — 1880 гг. <i>Студента семидесятыхъ годовъ</i>	172
Студенты — платоники въ Академіи <i>С. Кедрова</i>	202
Филаретъ Амфитеатовъ — первый инспекторъ и второй ректоръ Московской Духовной Академіи. <i>Д. Смирнова</i>	233
Очерки жизни и дѣятельности Александра Васильевича Горскаго, <i>Свящ. П. Постникова</i>	
I. Литература объ А. В. Горскомъ.	252
II. А. В. Горскій — студентъ Московской Духовной Ака- деміи	258
III. Нѣсколько замѣчаній объ образованіи нравственнаго характера А. В. Горскаго.	263
IV. Первоначальныя занятія А. В. Горскаго исторіей.	272
V. Отношенія А. В. Горскаго къ студентамъ.	276
VI. Переписка А. В. Горскаго, какъ средство приобрѣтенія знаній.	280
VII. Научное руководство А. В. Горскаго.	
1. Общія замѣчанія.	288
2. Вліяніе А. В. Горскаго на Академію.	289
3. Вліяніе А. В. Горскаго на постановку преподаванія церковной исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ	297
4. Сношенія съ учеными изслѣдователями.	303
5. Краткая оцѣнка руководства А. В. Горскаго.	331

VIII. Заключение.	338
Горскій и Невоструевъ. Проф. Н. С. Тихонравова. Изъ литографированнаго курса его лекцій по исторіи русской литературы 1881 — 82 г., лл. 117 — 134.	342
Періодъ патріаршества въ Церкви Россійской. А. В. Горскаго. Сообщилъ <i>свящ. П. Постниковъ</i> .	355
Письма къ А. В. Горскому О. М. Бодянскаго, Ѳ. И. Буслаева, А. Ѳ. Гильфердинга, Н. С. Тихонравова и И. И. Срезневскаго. Сообщилъ <i>проф. Н. Туницкій</i> .	360
I. Письма О. М. Бодянскаго.	361
II. Письма Ѳ. И. Буслаева.	372
III. Письмо А. Ѳ. Гильфердинга.	379
IV. Письма Н. С. Тихонравова.	380
V. Письма И. И. Срезневскаго.	383
Изъ письма А. В. Горскаго отъ 18 ноября 1842 года къ брату Владиміру Васильевичу въ Пекинъ. Сообщилъ <i>проф. В. Соколовъ</i> .	402
Изъ писемъ профессора Н. К. Соколова въ А. В. Горскому. Сообщилъ <i>проф. В. Соколовъ</i> .	404
Письма А. В. Горскаго къ проф. Н. К. Соколову (1861—1863 гг.). Сообщилъ <i>С. Долговъ</i> .	433
v Письма А. В. Горскаго къ профессору Академіи С. К. Смирнову. Сообщилъ <i>П. Кантеревъ</i> .	464
Письмо къ прот. А. В. Горскому архіеп. Черниговскаго Филарета. Сообщилъ <i>проф. В. Соколовъ</i> .	480
Рекомендаціи ректора Академіи прот. А. В. Горскаго о наставникахъ Академіи, представленныя ревизору, преосвященному Макарію, архіепископу Литовскому. Сообщилъ <i>П. Кантеревъ</i> .	483
Отрывки изъ дневника А. В. Горскаго. Сообщилъ <i>проф. В. Соколовъ</i> .	486
Листокъ предсмертныхъ распоряженій А. В. Горскаго. Сообщилъ <i>проф. В. Соколовъ</i> .	492
Напутственное приобщеніе Св. Таинъ А. В. Горскаго. Проф. Н. Заозерскаго	492
Духовное завѣщаніе А. В. Горскаго. Сообщилъ <i>Н. Всъхсвятскій</i> .	493
Ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій. Изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Проф. Н. Кантерева.	495
Переписка профессора Московской Духовной Академіи Петра Симоновича Казанскаго съ Александрой Николаевной Бахметевой. Сообщилъ <i>прот. А. Бьялевъ</i> .	510
Письма къ проф. и ректору Моск. Дух. Академіи С. К. Смирнову разныхъ лицъ. Сообщилъ <i>П. Кантеревъ</i> .	590
I. Переписка съ М. П. Погодинымъ.	593
II. Письмо Филарета, митрополита Московскаго	596
III. Письма М. И. Сухомлинова.	597
IV. Письма Ѳ. И. Буслаева.	601
V. Письма Н. С. Тихонравова.	603
VI. Изъ письма Н. П. Гилярова-Платонова.	604
VII. Письмо прот. А. Т. Шиллегодскаго.	605
VIII. Письма А. Ѳ. Бычкова.	609
IX. Письмо И. И. Срезневскаго	611
X. Письма главнаго священника арміи и флота П. Е. Покровскаго	613
XI. Письмо проф. И. Платонова.	619
XII. Изъ писемъ В. Д. Кудрявцева-Платонова.	623

XIII. Письмо граф. М. В. Толстого.	625
XIV. Изъ писемъ прот. А. А. Лебедева.	—
XV. Письмо гр. И. Д. Делянова.	626
XVI. Письма К. П. Побѣдоносцева.	627
Письмо проф. С. К. Смирнова къ Леониду, епископу Дмитровскому. Сообщилъ <i>П. Кантеревъ</i>	635
Повѣстка о распоряженіи ревизора Академіи Макарія, архіепископа Литовскаго. Сообщилъ <i>П. Кантеревъ</i>	636
Студенческія воспоминанія объ А. Θ. Лавровѣ. <i>Проф. Н. Заозерскаго</i>	637
Памяти Димитрія Θεодоровича Голубинскаго <i>С. Горскаго</i>	646
Памяти профессора Моск. Дух. Академіи Д. Θ. Голубинскаго. <i>С. Фарфоровскаго</i>	652
Павель Ивановичъ Горскій-Платоновъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). <i>Прот. Н. Добронравова</i>	654
Къ воспоминаніямъ о П. И. Горскомъ-Платоновѣ. <i>Прот. С. Страхова</i>	667
Письмо К. П. Побѣдоносцева къ проф. къ П. И. Горскому-Платонову. Сообщилъ <i>С. Горскій</i>	669
Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ. <i>Маріи Голубцовой</i>	670
Къ пребыванію В. О. Ключевскаго въ Аббасъ-Туманъ въ 1893 — 1895 гг. Сообщилъ <i>С. Блокуровъ</i>	683
Мнѣніе В. О. Ключевскаго о Максимѣ Горькомъ. <i>Еллидифора Барсова</i>	692
Изъ писемъ Н. И. Субботина къ родственнику протоіерею М. В. Миловскому. Сообщилъ <i>свящ. Н. Миловскій</i>	694
Изъ воспоминаній Е. Е. Голубинскаго. Дѣтство. Сообщилъ проф. <i>С. Смирновъ</i>	708
Евгеній Евсигнѣвичъ Голубинскій передъ смертью. <i>Проф. С. Смирнова</i>	720
Профессоръ И. Н. Корсунскій. <i>Свящ. Н. Колосова</i>	722
Академическая бібліотека въ 1890—1898 годахъ (Изъ воспоминаній бывшаго бібліотекаря). <i>Свящ. Н. Колосова</i>	725
В. А. Андреевъ и его даръ для студенческой бібліотеки Московской Духовной Академіи. <i>Прот. І. Соловьева</i>	728
Non! (Изъ воспоминаній объ о. Рафаилѣ). <i>Прот. Ст. Каверзнева</i>	733
За тридцать лѣтъ (1884—1914 гг.). <i>Проф. Н. Глубоковскаго</i>	737
Алфавитный указатель личныхъ именъ.	757

*Вит
вс*

2007043831